

MODERN HUMANITIES
SUCCESS/УСПЕХИ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

№11, 2021 год

Подписано к публикации: 02.10.2021

Главный редактор журнала:

доктор педагогических наук,
профессор

Солопанова Ольга Юрьевна

**«Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук»
включен в список ВАК с
8.07.2019г., (Elibrary.ru).**

**Свидетельство о регистрации
СМИ:** Эл № ФС77-75120 от 19 фев-
раля 2019г. Федеральной службой по
надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых ком-
муникаций
(Роскомнадзор)
ISSN 2618-7175 (online)
E-mail: info@mhs-journal.ru
Сайт: <http://mhs-journal.ru>

© Modern Humanities Success /
Успехи гуманитарных наук 2021

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абдуллаева Арзугуль Айюбовна (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат филологических наук, доцент
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, г.Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Биймурсаева Бурулбубу Молдосалиевна (Кыргызстан, г. Нарын) – кандидат педагогических наук, доцент
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтяевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Вегвари Валентина Васильевна (Венгрия, г. Печ) – кандидат педагогических наук, доцент
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Домброван Татьяна Ивановна (Украина, г. Одесса) – доктор филологических наук, доцент
Дулбова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулдзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент
Касымова Рашида Таукеловна (Казахстан, г. Алматы) – доктор педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Макеева Вера Степановна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Новрузолиева Севда Джаид гызы (Азербайджан, г. Баку) – кандидат филологических наук
Нугуманова Людмила Николаевна (РТ, г. Казань) – доктор педагогических наук, доцент
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) - доктор педагогических наук, доцент
Окорочкова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Олджай Тюркан (Турция, г. Стамбул) – доктор филологических наук, профессор
Оляндэр Луиза Константиновна (Украина, г. Луцк) – доктор филологических наук, профессор
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Тимофеева Анастасия Анатольевна (Чехия, г. Брно) – кандидат филологических наук
Тихомирова Евгения Ивановна (РФ, г. Самара) – доктор педагогических наук, профессор, академик
Российской академии Естествознания, академик МААН
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Червинская Ольга Вячеславовна (Украина, г. Черновцы) – доктор филологических наук, профессор
Шайденко Надежда Анатольевна (РФ, г. Тула) – доктор педагогических наук, профессор
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Яковлев Евгений Владимирович (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Чжан Шухань ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ОНЛАЙН СРЕДЕ	7
Губаева А.А. МЕСТА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОЛЬШИ	10
Кортелев Н.В. МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ СХЕМЫ ПО ТУ СТОРОНУ ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА (НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ Д.С. ЛИХАЧЕВА «ПЕРВЫЕ СЕМЬСОТ ЛЕТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»)	16
Полушкин В.А. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ИСКАЖЕНИЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ	20
Стрижак В.И., Киселева М.С. ОБРАЗ ОБОРОТНЯ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ «ВПЕРВЫЕ В ОБЛИЧЬЕ ЖИВОТНОГО / ПТИЦЫ / НЕЧИСТИ»)	26
Корыхалова П.Р. СОВЕТСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА О ЖУРНАЛИСТАХ: ЭТИКА И ДЕОНТОЛОГИЯ ПРОФЕССИИ	32
Новикова В.Ю. К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ГОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	40
Спиридонова М.В., Попова С.А. УТКИН К.Д. – МАСТЕР КОРОТКОГО СТИХА	45
Клецков А.В. СРАВНЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФИЛОСОФСКО- БОГОСЛОВСКИХ ТРУДОВ И. ИЛЬИНА И Н. БЕРДЯЕВА	49
Пессяников К.Д. К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОЙ ПЕРЕКОДИРОВКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	54
Хайруллина А.С., Даутов Г.Ф. ВОПРОСЫ НРАВСТВЕННОСТИ В ТАТАРСКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ	58
Цзян Пинчжэ СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХ В РОМАНЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»	62
Юй Синьцзюнь ИММЕРСИВНЫЕ МЕДИА В КИТАЕ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СМИ	66

Синёв А.Д., Животов А.А. Д.Л. МИХАЛОВСКИЙ КАК ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК ПЕРЕВОДА (К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ)	69
Хайруллина А.С., Даутов Г.Ф. «ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА» В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	77
Юркова М.В. СТРАТЕГИЯ ВДОХНОВЕНИЯ ДЛЯ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ	81
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Мельник Ю.В. ТАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ БИХЕВИОРАЛЬНОЙ ИНТЕРАКТИВНОСТИ СУБЪЕКТОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	85
Каримова Т.С. АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНО- РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ	91
Ню Яфэй ВЕКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ТЕХНИКАМ МАСЛЯНОЙ ЖИВОПИСИ	98
Погребная И.А., Михайлова С.В. ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ОДНОГО ИЗ УСПЕШНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	103
Коленов М.И., Воробьев С.А. ПРОГРАММНО-АППАРАТНЫЙ КОМПЛЕКС «СИГВЕТ-БОКС» КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА БОКСЕРОВ ВЫСОКОГО КЛАССА	107
Кондюкова Е.С., Шершнева Е.Г., Никитина О.М., Шамкаева Ю.М. ТРЕНДЫ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИИЭУ УРФУ)	112
Сидловская О.П. ОПЫТ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	117
Скрябина Д.Ю., Баженова В.В. РАЗВИТИЕ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА ПОСРЕДСТВОМ ПАЛЬЧИКОВОГО ТЕАТРА	121
Селиванова О.А., Быстрова Н.В., Дереча И.И., Мамонтова Т.С., Панфилова О.В. ИНВАРИАНТНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ ЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ	127

Нескрябина О.Ф. ОБРАЗ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ МЕДИЦИНЫ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	135
--	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Богданова А.Р. АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	140
---	-----

Петрова Е.В. ПАРЕМИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ КОНЦЕПТА УДАЧИ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРАХ	143
--	-----

Гончар А.А. МЕТАФОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ТЕАТРАЛЬНЫХ АВТОРСКИХ АФОРИСТИЧНЫХ ФОРМУЛ В СТРУКТУРЕ СВЕРХФРАЗОВОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА АНАЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ	147
---	-----

Панич Н.В. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ ПЕРВОГО ЛИЦА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКЦИЯХ НА МАССОВЫХ ОНЛАЙН-КУРСАХ	151
--	-----

Цопанова Р.Г. КОНЦЕПТЫ КАК РЕГУЛЯТИВНЫЕ СРЕДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ С.З. ХУГАЕВА)	157
---	-----

Степанова Н.С., Громенко М.В. КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В РОМАНЕ В СТИХАХ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В КОММЕНТАРИЯХ В.В. НАБОКОВА И Ю.М. ЛОТМАНА	162
--	-----

Биктимиров А.Р. ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ DRAGON В КОНТЕКСТЕ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА	167
--	-----

Будаева Л.Н. РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ЭЛЕМЕНТ КОМПЛЕКСНОГО ЭКЗАМЕНА ПО ГОВОРЕНИЮ	172
---	-----

Гусева А.С., Гроцкая Н.Н. ПРОСОДИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ФАКТОР В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРОСОДЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА В ШВЕЙЦАРСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	176
--	-----

Довлеткиреева Л.М. ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В КАЧЕСТВЕ ГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТИЛЕ РЕЧИ	180
---	-----

Егорова О.Н., Соболева Е.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ВОЛШЕБСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ш. ПЕРРО)	185
--	-----

Ергазина А.А. МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ КАК СПОСОБ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЗНАНИЙ О МИРЕ	189
Никулина Н.А., Мордвинцева В.С., Кучева А.В. ТРЕНИНГ КАК ФОРМА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ В ВУЗОВСКОМ ПРЕПОДАВАНИИ БЛОКА ДИСЦИПЛИН SOFT SKILLS	194
Кизилова И.Н. НАЛОГОВЫЕ И ТАМОЖЕННЫЕ ТЕРМИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА И АНГЛИЙСКИЕ ДЕРИВАТЫ ЛАТИНСКИХ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОПРЕДЕЛЕННОГО ВИДА НАЛОГА (ПОШЛИНЫ)	199
Кошарная С.А., Флигинских Ю.Ю. АВТОРСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРСКИХ РЕМАРОК, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ РЕЧЬ ВОЛАНДА И ФАГОТА-КОРОВЬЕВА)	206
Пачколин В.А. ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ НАУЧНОГО ФЭНТЕЗИ	213
Сатковская О.Н. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕОЛОГИЗМОВ ВРЕМЕН ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ 2020-2021 гг.)	217
Никулина Н.А., Мордвинцева В.С., Стебунова Е.И., Прудченко Е.А. КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАДАНИЯ НА ОНЛАЙН-УРОКЕ ПО РКИ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ	226
Морозова О.А., Яхина А.М. ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖАРГОНА В ПОДЪЯЗЫКЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ	230
Мугумова А.Л. О НЕКОТОРЫХ ОРИЕНТАЛИЗМАХ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.	235
Захарова А.С., Шгарк Ю.А. ОХОТА И РЫБАЛКА КАК БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	240
Гальченко С.И. ПРОБЛЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ	245
Подгорнова А.В. ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОНИМОВ\АНТРОПОНИМОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОТАНТРОПОНИМНОЕ САМОИМЕНОВАНИЕ» В ГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЕ ЗНАНИЯ	251
Моторина А.Е. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА СРЕДСТВАМИ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»	257

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ОНЛАЙН СРЕДЕ

Чжан Шухань,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: в рамках данной статьи автор рассматривает процесс зарождения, становления и развития онлайн журналистики.

Практически десятилетие прошло с тех пор, как Левада центр организовал и провел исследование в соответствии с которым на тот момент больше половины человечества уже познали прелести интернета. На сегодняшний момент этот процент возрос во много раз, причем возраст пользователей в значительной степени расширился. Люди в возрасте все больше интересуются новыми технологиями и активно погружаются в сеть. В рамках данной статьи будет рассмотрено, как развивался интернет, на какие общественные процессы он влиял. В контексте журналистской деятельности рассматривается, как такие изменения повлияли на журналистскую деятельность.

На сегодняшний момент этот процент гораздо выше, причем все больше становится процент пользователей старшего возраста. Отправной точкой, когда газетные СМИ столкнулись с ударом со стороны интернет медиа принято считать 2005 год, рост числа пользователей интернета, развитие социальных сетей, все это в значительной степени предопределило пути трансформации средств массовой информации.

Что же такое онлайн журналистика? Сегодня это одно из современных направлений журналистики, которое включает в себя сбор, анализ и последующее распространение той информации, которая на текущий момент актуальна для общества. Распространение информации реализуется посредством интернета, что дает возможность информации распространяться оперативно и без ограничений через привязку к какой либо инфраструктуре. Таким образом, фактически у любого человека есть возможность организовать свое средство массовой информации. Интернет не создает ограничений по объему размещаемой информации. Существует возможность оперативного подтверждения или же уточнения информации. Так же, контентмейкер и конечный потребитель информации пребывают в непрерывном взаимодействии. У современного интернета есть ряд определенных характеристик, среди которых можно выделить: доступность, географическая независимость, скорость, возможность повторного использования информации, измеримость, персональный подход.

Ключевые слова: журналистика, интернет, сми, онлайн, интернет медиа

Глобальная сеть это не что иное, как информационная система, которая состоит из частей объединенных IP протоколом, которые в свою очередь образуют информационное пространство. С точки зрения В.В. Лопатина термин интернет следовало писать с большой буквы, так он указывал в своем словаре, однако уже в 2003 году такой подход не был поддержан научной общественностью [2].

Почему же теряется интерес к традиционным формам средств массовой информации? Одним из обоснований данной проблемы является тот факт, что онлайн сми дают возможность читателям самим принять решение, о том что им интересно, не взирая на мнения редакторов классических сми.

Существующие методики для расчета популярности в медиа пространстве позволяют определять, что интересно читателю и двигаться дальше именно в данном направлении. Исходя из того, как происходило развитие всемирной сети, можно проследить развитие интернет журналистики. Началось все с гонки вооружений между двумя мировыми державами, а уже в начале 60х годов прошлого столетия была создана сетевая архитектура Arpanet, которая не имела центра управления. Возникновение электронной

почты способствовало образованию списков рассылки, выступившие прототипом сетевых публикаций. В конце 80х годов прошлого столетия была разработана концепция той сети интернет, которую мы знаем по сей день. Такое изобретение давало возможность передавать информацию без пространственных ограничений [1].

Изобретение Интернета позволило передавать информацию на любые расстояния, через любые границы. Отечественный рунет зародился несколько позже, лишь в 1994 году. С этого периода началось активное развитие литературных проектов и библиотек. А годом позже возник первый отечественный провайдер (РОЛ), с чего начало разрастаться массовое использование интернет-пространства. В этом же году образовалась первая электронная версия традиционного СМИ (Учительская газета). Середина-конец 90х годов прошлого столетия это период на который пришелся бум интернета и возникновения интернет изданий [4].

Именно с изучением новостных страниц связано многомиллионное посещение пользователями глобальной сети. На заре своего существования онлайн СМИ применялись для непосредственного поиска новостей, то сейчас

существуют так называемые агрегаторы для автоматического сбора новостного контента[3]. Он позволяет исследовать огромный массив информации в течении суток группируя ее по темам текущего дня. Автоматизированность процесса позволяет избежать объективизма и исследовать проблемы с различных ракурсов. В нашей стране такой агрегатор появился в 2009 году под брендом “Яндекс новостей” [5].

Все описанное выше представляло собой новые реалии, непрерывное изменение которых происходит и сейчас. Было бы очень странно, если бы СМИ, которые принято называть третьей властью не трансформировались со временем. Ныне журналист должен иметь высокий компетенций не только в профессиональной деятельности, но и в области информатики[6]. Нужны навыки по поиску и обработке контента. СМИ делятся на две категории:

- Электронные
- Сетевые без печатных аналогов.

Законодательство строго регламентирует тот факт, что любой интернет портал может получить статус СМИ на основании личного заявления владельца.

Читатели рассматриваемого формата СМИ кардинально отличаются от читателей традиционной прессы. Читатель для начала серфит большой объем информации, а потом детально изучает то, на чем заострилось его внимание. Тот факт, что интернет предоставляет обширные медийные возможности, порождает новые формы, как то блоги, влоги, активно развиваются социальные сети. Именно на них сегодня и заострено основное внимание пользователей сети. Люди читают, изучают, комментируют оставаясь на одной площадке. Эта среда обгоняет помимо СМИ Информ. Агенства по оперативности реакции на происходящие события. Пользователи в реальном времени публикуют записи о событиях, которые официальные СМИ в а следствии лишь тиражируют.

Сегодня средства массовой информации регистрируются в социальных сетях в надежде привлечь и удержать аудиторию. К еще одному показателю, который демонстрирует популярность новости являются комментарии пользователей, которые зачастую интереснее читать нежели саму новость. Уникальность современной онлайн журналистики в том, что читатель имеет возможность оставлять отзывы, демонстрируя уровень заинтересованности. Блоги, наравне с социальными сетями уже давно стали источниками информации, которую впоследствии тиражируют традиционные СМИ. Реакция интернет пользователей зачастую не повторима.

Именно глобализация мировых процессов дает большие толчки для трансформации традиционных СМИ. Процессы цифровизации информации существенно упрощают передачу информационных массивов по средствам интернета.

Процессы глобализации демонстрируют, что влияние СМИ в различных ее проявлениях неуклонно расширяется. Диверсификация это некий результат активного включения пользователей в процессы формирования информационного потока.

Конвергенция это не что иное, как слияние технологий, СМИ и рынков. На текущий момент это явление выражено в форме радио, и тв в сети, новостных лент на мобильных устройствах и т.д.

Еще одним широко разросшимся форматом являются социальные сети. Они очень сильно повлияли на формирование форм современных СМИ. А в широком смысле, на возникновение отечественной журналистики в интернет формате во многом повлияла политика и экономика, гонка вооружений, а так же ускорению развития Интернета в России способствовал переворот, а бездействие продемонстрировало высококонкурентный характер интернет-СМИ. Развитие онлайн-СМИ идет бурно, и новые технологии все больше меняют технологию журналистики.

Преимущества: До появления Интернета создание провайдера медиауслуг означало для основателя создание полноценного бизнес-проекта. Для этого требовался большой стартовый капитал, определенные договоренности с государственными чиновниками и опыт работы в СМИ. Как и Уильям Херст, создатель потенциальной медиаимперии должен был иметь представление о СМИ изнутри, много лет проработав журналистом. За это время он собрал необходимый капитал, "наладил связи" и подготовил бизнес-план, который ему предстояло защищать перед соучредителями, инвесторами и рекламодателями.

Однако с появлением и распространением Интернета для создания новой модели СМИ стало достаточно базовых знаний в области информационных технологий и минимальных финансовых вложений. Сегодня практически каждый может создавать электронные СМИ. Это ведет к демократизации журналистики и развитию свободы слова.

Недостатки: Дилетантство. Информации много, но явно не хватает полезной или хотя бы достоверной. Качество журналистики снизилось, и теперь внимание публики требуют люди, которые даже не знают, как правильно писать. Об этических последствиях такой деятельности ничего не

говорится. На самом деле, они все еще далеки от некоторых государственных СМИ.

Информационное перенасыщение. Распространение источников новостей и мнений приводит к перенасыщению аудитории и увеличивает усталость информационного рынка. Люди хуже усваивают полученную информацию, быстро утомляются и теряют концентрацию. Они бегло просматривают посты, но не улавливают их сути.

Литература

1. Градюшко А.А. Основы интернет-журналистики / УМК для студентов, обучающихся по специальности «Журналистика (веб-журналистика)». Минск: «Издательский центр БГУ», 2011.
2. Лебедев А. Ководство. § 55. Как писать слово «интернет»? URL: <http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/55>
3. Левада-центр. Сколько россиян пользуется интернетом. 12 ноября 2012 г. URL: <http://www.levada.ru/12-11-2012/57-rossiyan-polzuyutsya-internetom>
4. Таевский Д.А. Специфика российской Интернет-журналистики // Проблемы теории и истории журналистики: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2017.
5. Фонд «Общественное мнение». Интернет в России: динамика проникновения. Лето 2021. Вып. 38.
6. Центр Беркмана при Гарвардском университете. Публичный дискурс в российской блогосфере: анализ политики и мобилизации в Рунете. 19 октября 2010. URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf

du/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf

7. TNS Web Index, вся Россия, сентябрь 2012, 12-54, URL: <http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/index/index.wbp>

References

1. Gradyushko A.A. Osnovy internet-zhurnalistiki. UMK dlya studentov, obuchayushchihsya po special'nosti «Zhurnalistika (veb-zhurnalistika)». Minsk: «Izdatel'skij centr BGU», 2011.
2. Lebedev A. Kovodstvo. § 55. Kak pisat' slovo «internet»? URL: <http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/55>
3. Levada-centr. Skol'ko rossiyan pol'zuetsya internetom. 12 noyabrya 2012 g. URL: <http://www.levada.ru/12-11-2012/57-rossiyan-polzuyutsya-internetom>
4. Taevskij D.A. Specifika rossijskoj Internet-zhurnalistiki. Problemy teorii i istorii zhurnalistiki: sb. nauch. tr. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2017.
5. Fond «Obshchestvennoe mnenie». Internet v Rossii: dinamika proniknoveniya. Leto 2021. Vyp. 38.
6. Centr Berkmana pri Garvardskom universitete. Publichnyj diskurs v rossijskoj blogosfere: analiz politiki i mobilizacii v Runete. 19 oktyabrya 2010. URL: http://cyber.law.harvard.edu/sites/cyber.law.harvard.edu/files/Public_Discourse_in_the_Russian_Blogosphere-RUSSIAN.pdf
7. TNS Web Index, vsya Rossiya, sentyabr' 2012, 12-54, URL: <http://www.tns-global.ru/rus/data/ratings/index/index.wbp>

JOURNALISM IN TODAY'S ONLINE ENVIRONMENT

*Zhang Shuhan,
Lomonosov Moscow State University*

Abstract: in this article the author examines the process of the emergence, formation and development of online journalism.

Almost a decade has passed since the Levada Center organized and conducted a study according to which at that time more than half of humanity had already experienced the delights of the Internet. Today, this percentage has increased many times over, and the age of users has greatly expanded. People in age are more and more interested in new technologies and actively immersed in the network. This article will examine how the Internet has evolved and what social processes it has influenced. In the context of journalism, it will look at how such changes have affected journalism.

Today, this percentage is much higher, with an increasing percentage of older users. The starting point, when the newspaper media faced a blow from the Internet media is considered to be the year 2005, the growth of Internet users, the development of social networks, all of this largely predetermined the ways of transformation of the media.

What is online journalism? Today it is one of the modern fields of journalism, which includes the collection, analysis and subsequent dissemination of the information that is currently relevant to society. Dissemination of information is realized by means of the Internet, which allows information to spread rapidly and without restriction through linkage to any infrastructure. Thus, virtually anyone has the opportunity to organize their own media outlet. The Internet does not create restrictions on the volume of information posted. There is an opportunity to confirm or clarify information quickly. Also, the content maker and the end user of information are in constant interaction. Modern Internet has a number of certain characteristics, among which are: accessibility, geographical independence, speed, reusability of information, measurability, personal approach.

Keywords: journalism, Internet, media, online, Internet media

МЕСТА КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОЛЬШИ

*Губаева А.А.,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Аннотация: в статье рассматриваются места культурной памяти Польши, связанные с темой Второй мировой войны. Цель статьи – показать значимость мест памяти, связанных с военными событиями, которые находят особое отражение в исторической и культурной памяти польского народа, отследить динамику их изменения, а также изучить переход от «места» как географической точки к широкому культурному пространству исторической памяти людей. В процессе анализа были рассмотрены ключевые места памяти о Второй Мировой Войне, посвященные событиям польской внутренней истории, польско-еврейской истории и истории Холокоста, а также советско-польской истории. Материалом для анализа послужили произведения польской художественной литературы XX в.

В результате анализа литературы, связанной с историей польского сопротивления, установлено, что центральным событием стало Варшавское восстание 1944 года, а географическим местом памяти является тюрьма Павяк, в которую были отправлены члены польского сопротивления. Тюрьма Павяк стала местом страдания и героизма поляков, Варшавское восстание – символом сопротивления с драматическим исходом. Драматизм события усиливается из-за юного возраста персонажей литературы этого периода, передающей читателю мысль о противоестественности этих жертв.

В результате изучения литературы, посвященной истории польского еврейства, ключевое место занимает тема Холокоста и концентрационных лагерей. Для многочисленных произведений польской литературы, связанной с этой темой, характерно предельное внимание к человеку, противопоставленное бесчеловечности времени. Символическое значение также имеют такие места, как Варшавское гетто, площадь Умшлагплатц, мемориальные доски (в частности, памятник «Жеготе»), люк, напоминающий о восстании в Еврейском гетто 1943 г. – все они были описаны в художественной и автобиографической литературе.

Изучение литературы, связанной с приходом Красной Армии на территорию Польши, показывает враждебное отношение поляков к коммунистической власти, воспринявших её появление как новую оккупацию. Материальное воплощение этой памяти – памятники советским солдатам – сегодня подвергаются сносу, таким образом, смена «мест памяти» указывает на изменение исторического самосознания и коллективной идентичности.

В конце статьи автор приходит к выводу о том, что географическое место может являться как отправной точкой для актуализации культурной памяти, так и стать им впоследствии через взаимодействие с литературой.

Ключевые слова: польская литература XX века, литература периода Второй мировой войны, польское сопротивление, советско-польские отношения, польско-еврейская история, поэзия, проза

Места культурной памяти в художественной литературе Польши

Термин «место памяти» был введен французским ученым Пьером Нора для обозначения исторически и культурно значимых элементов национальной памяти общества, имеющих материальное воплощение. Согласно теории П. Нора, места, представляющие элементы национальной памяти – это, прежде всего, культурные и природные памятники, народные и официальные праздники, торжества в честь людей или событий, исторические свидетельства, архивы.

В настоящей статье для изучения культурных «мест памяти» будут рассмотрены места исторической памяти Польши, связанные с событиями Второй мировой войны и находящие отражение в произведениях польской художественной литературы. В процессе анализа нами были выделены места памяти о Второй Мировой Войне, связанные с польской внутренней историей, польско-еврейской историей и историей Холокоста, а также советско-польской историей. Такое разделение позволяет рассмотреть этот период польской истории более объемно и структурировано.

Цель статьи – показать значимость мест памяти, связанных с военными событиями, которые

находят особое отражение в исторической и культурной памяти польского народа, динамику их изменения, а также изучить переход от «места» как географической точки к широкому культурному пространству исторической памяти людей.

Актуальность статьи связана с тем, что тема Второй мировой войны занимает особое место в культурной памяти Европы. Будучи одним из первых европейских государств, пострадавших от нацистского режима, Польша сохранила и создала множество как исторических, так и литературных памятников событиям военных лет. Не все они хорошо известны в нашей стране. Наша задача – познакомить российского читателя со знаковыми для польской исторической памяти местами и польской литературой, посвященной этим событиям.

Начиная с 1939 года, Польша была оккупирована Германией. Однако, даже находясь под немецкой властью, жители Польской Республики продолжали борьбу. Было учреждено Подпольное Правительство, активно велась деятельность Польского Сопротивления, была создана широкая сеть внутренней армии – Армии Крайовой, члены которой вели вооруженные акции и разведыва-

тельную деятельность, открывались подпольные школы, университеты, типографии.

Целью Польского подпольного государства являлась подготовка к всеобщему восстанию, которое планировалось провести в момент приближения союзнических войск к Польше.

Варшавское восстание 1944 года – одно из самых героических и трагических событий Второй мировой войны в истории Польши. Армия Крайова подняла в Варшаве вооруженное восстание против немцев, которое было жестоко подавлено.

Памятник Варшавскому восстанию, находящийся в польской столице, выполненный скульптором Яцеком Будынем, служит напоминанием об этом событии. Скульптуры изображают совсем молодых людей, восстающих из руин города. Вторая часть памятника расположена на месте входа в тоннель, использовавшийся для побега от немцев во время восстания.

О судьбах юных поляков, участвовавших в Варшавском восстании, рассказывается в трилогии **Романа Братного «Колумбы. Год рождения 20» (1957)**.

Как и лица героев скульптурной группы, образы персонажей романа лишены героического пафоса, но представлены живо и эмоционально. Их порывистость, отвага, желание жить, влюбляться и дружить противопоставлены трагедии и смерти, рассеиваемых войной:

«Stoją obok siebie: Niteczka, Ała, obok leżą z przygryzioną wargą Dudzio. Serca ich uderzają nierównym rytmem strachu i rozpacz: każde wymagając duszą potępia własną słabość. Ilość lat, które przeżyli - zsumowana, jeszcze nie złożyłaby się na niczyją starość w normalnym świecie, który pewnie gdzieś przecież jest, nieznanu i nieprawdopodobny» [7, s. 147]/ «Нитечка и Алла стоят рядом, рядом с ними лежит, прикусив губу Дудзио. Сердца их неистово бьются от страха и отчаяния: каждый внутренне корит себя за собственную слабость. В нормальном мире количества лет, прожитых ими тремя и сложенных вместе, не хватило бы даже на обычную старость. В нормальном мире, который точно где-то есть, неведомый и невозможный...».

Примечательно, что герои литературных произведений того времени – молодые люди. Юный возраст героев подчеркивает драматизм ситуации, противоестественность войны, неестественность их смерти. Роман Р. Братного «Колумбы» был основным художественным произведением о Варшавском восстании в период Народной Польши. Однако после 1989 г. его популярность стала слабеть. Для современных поляков главным произведением о тех событиях стала книга **Александра Каминьского «Камни на шанец» (1943)**, создан-

ная в дни Варшавского восстания его непосредственным участником. Одним из значимых мест памяти, запечатленных в этой книге, становится Павяк.

Тюрьма Павяк стала местом страдания и героизма поляков. Во время Варшавского восстания нацисты массово казнили тысячи поляков в окрестностях тюрьмы, многие из заключённых были убиты в ходе допросов или умерли в результате ранений. **Кристина Живульская** в книге **«Я пережила Освенцим» (1946)** описывает Павяк как место, в котором заключенные проходят пытки, их «расстреливают, немилосердно бьют», без конца «едят блохи» [9, s. 9]. В сборнике рассказов **Тадеуша Боровского «Прощание с Марией» (1947)**, напротив, несмотря на все ужасы Павяк – всего лишь тесный «мерзкий сарай» [5, s. 5], первая ступень ада перед лагерями.

Из Павяка был спасен герой повести А. Каминьского **«Камни на шанец»** Ян Бытнар, солдат «Серых шеренг» по кличке «Рыжий». За служение в рядах Польского Сопротивления он был задержан нацистами и отправлен в Павяк, где его пытали, для того, чтобы получить информацию о подпольной организации. Несмотря на спасение, организованное его друзьями-харцерами, Бытнар вскоре умер от пыток гестапо. В настоящее время на территории бывшей тюрьмы Павяк находится мемориальный музей.

История польского еврейства является важной частью культурной памяти Польши, связанной с событиями Второй мировой войны. Места, связанные с жизнью евреев на территории Польши, различны: мемориалы гетто, многочисленные еврейские кладбища, музеи польско-еврейской истории, концентрационные лагеря.

Одно из нарицательных мест-свидетелей трагических событий – площадь Умшлагплатц в Варшаве. Более 300 тысяч евреев были отправлены на смерть по железной дороге, подведенной к площади. Сегодня на этом месте располагается мемориал. События, связанные с депортацией евреев из Варшавского гетто, описаны в автобиографии **Владислава Шпильмана «Гибель города» (1946)**.

Варшавское гетто хранит память не только о трагедии еврейского народа, но и о героическом сопротивлении 1943 года. Несмотря на трагический исход, восстание в Варшавском гетто стало одним из крупнейших массовых выступлений в городах оккупированной нацистами Европы.

Так, на улице Проста, возле 51 дома можно увидеть памятник – люк со множеством рук. Через этот люк в мае 1943 года из гетто вышло несколько десятков повстанцев, в числе которых и руководи-

тель восстания **Марек Эдельман**, автор книги *«И была любовь в гетто» (2008)*.

Не менее значимой страницей польско-еврейской истории является подпольная организация помощи евреям – «Жегота». Памятник Жеготе находится в Варшаве на улице Заменгофа. Члены организации занимались спасением еврейских детей, размещая их в приёмных семьях, детских домах и монастырях.

*«И приехал скорбный пан Иисус,
Враги вели его на муки,
Поставили обоих вместе
И взяли карабины в руки
Слушай, Иисус, слушай, Руфка, sie Juden,
За венец терновый и за волосы твои рыжие,
За то, что нагие вы, за то виноваты,
И за это должны умереть».*

Наряду с руинами гетто концентрационные лагеря – одни из важнейших мест памяти на территории Польши. В них сосредоточена не только боль отдельных народов, но и всей Европы. Память о трагических и бесчеловечных преступлениях, совершенных на польской земле, не утихает до сих пор. Последние несколько лет польское правительство выступает против использования термина «польский лагерь смерти» в средствах массовой информации, который, по их мнению, оскорбляет память польского народа. Официальные лица призывают к использованию формулировки «немецкие концлагеря на территории, оккупированной нацистами Польши». Данный термин был узаконен польским правительством вследствие нескольких судебных процессов против иностранных СМИ.

Однако наиболее значимым является то, что сегодня такие мемориальные комплексы как Аушвиц-Биркенау, Трешлинка, Майданек, Штутгоф, Гросс-Розен и др. – это не территория выяснения политических отношений, не поиск виноватых, а возможность вспомнить о тех, кто стал жертвой исторических событий и не дождался окончания войны.

Тема лагеря как места памяти раскрывается и в произведении **Северины Шмаглевской** *«Дым над Биркенау» (1945)*. Автор книги, проведшая три года в стенах Аушвица, полно и основательно описывает лагерную жизнь, особое внимание уделяя именно тем людям, о которых «некому больше вспомнить». Произведение Шмаглевской это не только беспощадное осуждение нацистского режима, ужаса и насилия, но и гимн веры в человека – напоминание о том, что даже в самое страшное время есть возможность сохранить человеческое лицо.

Еще одним важным произведением польской

Мотив мученичества, выпавшего на долю еврейских детей, воплощен в образе Руфки – героини стихотворения *«Баллады и романсы» Владислава Броневского* из сборника *«Дерево отчаяния» (1946)*. Руфка сирота, ее родители умерли, от родной деревни остались лишь руины.

Страдания безвинной и незащитной девочки сопоставляются со страданиями Христа:

*I przejeżdżał bolejący Pan Jezus,
Ssani go wiedli na męki,
postavili ich oboje pod miedzą,
potem wzięli karabiny do ręki.
"Słuchaj, Jezu, słuchaj, Rafka, sie Juden,
za koronę cierniową, za te włosy rude,
za to, żeście nadzy, za to, żeśmy winni,
obojeście umrzeć powinni" [8, s. 15].*

«лагерной» литературы стал сборник очерков **Зофи Налковской** *«Медальоны» (1946)*. В произведении З. Налковской живым воплощением памяти становятся сами люди. Перед читателем возникают лица людей смиренных, поникших, с покалеченными судьбами. Так в рассказе «Дно» повествование ведется от лица женщины со страшной и типичной для своего времени судьбой:

«Jest bardzo zmęczona. <...> dużo przeszła i jest matką, która straciła dwoje dzieci. Nie wie na pewno, czy umarli. Ale od dawna nic nie wiadomo, co z nimi jest. Syn dotąd nie wrócił z niewoli. A ci koledzy, którzy wracają, mówią, że go nie widzieli. A córka... To jest daleko cięższa sprawa, od której zawlekają się łzami jej łagodne, szare, duże oczy. <...> O mężu też nic nie wie. Ostatni raz ludzie widzieli go w obozie w Pruszkowie. Ale to był już starszy człowiek. Starszy, chociaż od niej młodszy o trzy lata» [12, s. 19] / «Она очень устала. <...> многое прошла мать, потерявшая двух детей. Умерли они или нет, она точно не знает. Давно уже неизвестно, что с ними. Сын не вернулся из плена. А дочь... от этой темы большие, серые глаза застилают слезы. О муже она тоже ничего не знает. В последний раз люди видели его в лагере, в Прушкове. Это был уже пожилой человек. Пожилой, хоть и моложе ее на три года».

На примере биографий, рассказанных от первого лица, зло, принесенное войной, конкретизируется. Образы жертв перестают быть массовыми – их лица обретают конкретные черты. Проявление человечности, в данном случае, является необходимой мерой противостояния бесчеловечности происходящего.

В польском литературоведении существует два направления лагерной литературы: *literatura lagrowa (obozowa)* и *literatura lagrowa*. Термин «literatura lagrowa или obozowa» объединяет про-

изведения, посвященные немецким концлагерям, термин «literatura łagrowa» происходит от русского заимствования «łagier» («лагерь»), в него включены произведения о жизни в советских трудовых лагерях.

Возможно, воспоминания о поляках, переживших ссылки в Сибирь, прошедших опыт советской «лагерной» жизни, массовые расстрелы, а также период насильственного вступления в ряды социалистических стран, приводят к тому, что основной тенденцией современной Польши является деконструкция памятников советским солдатам и Красной Армии. В частности памятника благодарности Красной армии, установленного в Скарышевском парке в Варшаве, двух обелисков во Вроцлаве и мемориальной доски в Лодзи.

Тенденцию негативного изображения советских солдат можно проследить в литературе. Одним из таких произведений стали «*Записки офицера Красной армии*» *Сергея Пясецкого (1957)*. Повесть представляет собой художественную карикатуру на советского офицера, ревниво служащего власти, презирующего капитализм и буржу-

*«Мы ждем тебя, красная зараза,
Чтобы избавила нас от черной смерти,
Чтобы край наш разодранный на четверти,
С отвращением принял твое избавление
<...>Если б знал ты, дедов наших палач,
Сибирских тюрем угрюмый плач,
За твою доброту проклянём тебя мы,
Мы, Славяне, братья твои.
Если б знал ты, страшную боль,
Детей державы Великой, Свободной, Святой,
Скованных милостью твоею проклятой,
Вонючим ярмом твоих вековых неволь».*

Стилистика приведённых текстов позволяет понять, что советские солдаты представляются далеко не как носители мира, не как освободители оккупированных земель Польши, а, в первую очередь, как новый агрессор. Особенно ярко это отношение проявилось после выхода Польши из социалистического лагеря. В общественном сознании памятники славы Красной Армии и советским солдатам стали восприниматься как элемент установления коммунистической власти, т.е. той частью культурной памяти поляков, от которой, обретя независимость, польский народ поспешил избавиться. Так, на примере отношения к литературным и географическим памятникам, можно отследить тенденции в изменении культурного сознания народа.

Таким образом, из анализа следует, что тема Второй мировой войны играет большую роль в

азные ценности. Подозрительный, грубый, жестокий и недалекий – таким предстает перед читателями герой произведения, ведущий рассказ от первого лица. Встретив польского командира, он тут же сообщает ему:

«Skończyło się twoje panowanie i koniec waszej pańskiej Polsce! Napiliście się dużo ludzkiej krwi! Teraz trzeba będzie i swoją wyrzygać! Należałoby się, według sprawiedliwości, i jego i tych wszystkich otumanionych pacholków kapitalistycznych powystrzelać, chociaż kul szkoda na takie burżujskie ścierwo.» [13, s.7]/«Кончилось твое господство и конец вашей дворянской Польше! Попили хорошо людской крови! А теперь будете захлёбываться в своей! По справедливости, надо было бы, и его, и всех этих одурманенных капиталистических холуев расстрелять, хотя нуль жалко трахать на эту пададь буржуйскую».

Враждебное отношение к большевистской власти, радикальное ее отторжение нашло отражение в стихе-манифесте *Йозефа Щепанского* с показательным названием «*Красная зараза*» (1944), написанном в последние дни Варшавского восстания в ожидании прихода Красной Армии:

*«Czekamy ciebie, czerwona zarazo,
byś wybawiła nas od czarnej śmierci,
byś nam Kraj przedtem rozdarty na ćwierci,
była zbawieniem witanym z odrazą.
<..>
Żebyś ty wiedział dziadów naszych kacie,
sybirskich więzień ponura legendo,
jak twoją dobroć wszyscy kląć tu będą,
wszyscy Słowianie, wszyscy twoi bracia
Żebyś ty wiedział, jak to strasznie boli
nas, dzieci Wielkiej, Niepodległej, Świętej
skuwać w kajdany łaski twej przekłetej,
cuchnącej jarzmem wiekowej niewoli» [17].*

исторической и культурной памяти Польши. С этим событием связаны как трагические, так и героические страницы польской истории. Места исторической памяти, описанные или задействованные в литературе, многообразны и различны по тематике и проблематике. Польские авторы рассказывали о проблемах, связанных с трагедией Польши разными средствами, а, главное, литература этого периода сохранила и передала следующим поколениям память об испытаниях и потерях, страданиях «польской земли» и людей, а также о героическом сопротивлении польского народа. Разнообразие проблематики литературы, связанной с темой Второй мировой войны, а также дискуссии и политические инициативы последних лет являются ярким свидетельством того, что память об этом по-прежнему жива в сознании людей и продолжает свою историю.

В заключение, стоит подчеркнуть, что термин «место памяти» имеет широкое значение: от географических мест, какими являются культурные и природные памятники до символических элементов, таких как народные и официальные праздники, а также исторические свидетельства, архивы. Отдельное положение среди источников занимает художественная литература: литературные произведения могут, как сохранять эту память, так и создавать ее образ, т.е. являться самостоятельным источником культурной памяти. Иными словами, географическое место может являться как отправной точкой для актуализации культурной памяти, так и стать им впоследствии через взаимодействие с литературой.

Литература

1. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
2. Гусева О. Память о Второй мировой войне в польской литературе // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 78 – 81.
3. История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. Т. 2. 1970-1980-е гг. М.: Индрик, 1995. 696 с.
4. Хорев В.А. Польская литература XX века. 1890-1990. М.: Индрик, 2009. 351 с.
5. Borowski T. Pożegnanie z Marią: Kamienny świat. W.: Instytut Wydawniczy Państwowy, 1972. 195 s.
6. Borowski T. U nas w Auschwitzu. [Электронный ресурс]. URL: http://matecznik.npr.pl/lektury3/u_nas.pdf (дата обращения: 17.07.2019)
7. Bratny R. Kolumbowie. Rocznik 20. W.: PIW, 1957. Т.3. 248 s.
8. Broniewski W. Drzewo rozpaczające. W.: Książka i Wiedza, 1950.
9. Żywulska K. Przeżyłam Oświęcim. W.: Książka i Wiedza, 1958. 337 s.
10. Kamiński.A. Kamienie na szaniec. W.: Nasza Księgarnia, 1999. 229 s.
11. Rousso H. Pierre N. Les lieux de mémoire. La nation// Vingtième Siècle. Revue d'histoire, 1987. P. 151 – 154. [Электронный ресурс]. URL: https://www.persee.fr/doc/xxs_0294-1759_1987_num_15_1_1913_t1_0151_0000_3 (дата обращения: 10.07.2019)
12. Nałkowska Z. Medaliony. Czytelnik, 1972.
13. Piasecki S. Zapiski oficera Armii Czerwonej. W.: LTW, 2010. 170 s.
14. Polska literatura współczesna. Antologia do użytku szkolnego/ Ryszard Matuszewski. Warszawa: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1970. 360 s.
15. Szmaglewska S. Dym bad Birkenau. Warszawa, Czytelnik, 1945.
16. Szpilman W. Pianista. W.: Znak, 2001. 212 s.
17. Szczepański J. Czerwona zaraza [Электронный ресурс]. URL: <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/szczepanski-czerwona-zaraza.html> (дата обращения: 07.07.2019)

List of sources

1. Bragina N.G. Memory in language and culture. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007.520 p.
2. Guseva O. Memory of the Second World War in Polish Literature // Philological Sciences: Questions of Theory and Practice. Tambov: Diploma, 2015. № 10 (52): in 2 hours, Part II. S. 78 – 81.
3. The history of the literatures of Eastern Europe after the Second World War. Т. 2. 1970-1980 s. М. : Indrik, 1995.696 p.
4. Khorev V.A. Polish literature of the XX century. 1890-1990. М.: Indrik, 2009.351 p.
5. Borowski T. Pożegnanie z Marią: Kamienny świat. W. : Instytut Wydawniczy Państwowy, 1972. 195 s.
6. Borowski T. Unas w Auschwitzu. [Electronic resource]. URL: http://matecznik.npr.pl/lektury3/u_nas.pdf (date of access 07.17.2019)
7. Bratny R. Kolumbowie. Rocznik 20. W.: PIW, 1957. V. 3. 248 s.
8. Broniewski W. Drzewo rozpaczające. W.: Książka i Wiedza, 1950.
9. Żywulska K. Przeżyłam Oświęcim. W.: Książka i Wiedza, 1958.337 s.
10. Kamiński.A. Kamienie na szaniec. W.: Nasza Księgarnia, 1999.229 s.
11. Rousso H. Pierre N. Les lieux de mémoire. La nation // Vingtième Siècle. Revue d'histoire, 1987. P. 151 – 154. [Electronic resource]. URL: https://www.persee.fr/doc/xxs_0294-1759_1987_num_15_1_1913_t1_0151_0000_3 (date of access: 07/10/2019)
12. Nałkowska Z. Medaliony. Czytelnik, 1972.
13. Piasecki S. Zapiski oficera Armii Czerwonej. W.: LTW, 2010.170 s.
14. Polska literatura współczesna. Antologia do użytku szkolnego / Ryszard Matuszewski. Warszawa: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1970.360 s.
15. Szmaglewska S. Dym bad Birkenau. Warszawa, Czytelnik, 1945.
16. Szpilman W. Pianista. W.: Znak, 2001.212 s.
17. Szczepański J. Czerwona zaraza [Electronic resource]. URL: <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/szczepanski-czerwona-zaraza.html> (date of access: 07.07.2019)

References

1. Bragina N.G. Pamyat' v yazyke i kul'ture. M.: YAzyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 520 s.
2. Guseva O. Pamyat' o Vtoroj mirovoj vojne v pol'skoj literature. Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 10 (52): v 2-h ch. CH. II. C. 78 – 81.
3. Istorija literatur Vostochnoj Evropy posle Vtoroj mirovoj vojny. T. 2. 1970-1980-e gg. M.: Indrik, 1995. 696 s.
4. Horev V.A. Pol'skaya literatura XX veka. 1890-1990. M.: Indrik, 2009. 351 s.
5. Borowski T. Pożegnanie z Marią: Kamienny świat. W.: Instytut Wydawniczy Państwowy, 1972. 195 s.
6. Borowski T. U nas w Auschwitzu. [Elektronnyj resurs]. URL: http://matecznik.npr.pl/lektury3/u_nas.pdf (data obrashcheniya: 17.07.2019)
7. Bratny R. Kolumbowie. Rocznik 20. W.: PIW, 1957. T.3. 248 s.
8. Broniewski W. Drzewo rozpaczające. W.: Książka i Wiedza, 1950.
9. Żywulska K. Przeżyłam Oświęcim. W.: Książka i Wiedza, 1958. 337 s.
10. Kamiński.A. Kamienie na szaniec. W.: Nasza Księgarnia, 1999. 229 s.
11. Rousso H. Pierre N. Les lieux de mémoire. La nation. Vingtième Siècle. Revue d'histoire, 1987. P. 151 – 154. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.persee.fr/doc/xxs_0294-1759_1987_num_15_1_1913_t1_0151_0000_3 (data obrashcheniya: 10.07.2019)
12. Nałkowska Z. Medaliony. Czytelnik, 1972.
13. Piasecki S. Zapiski oficera Armii Czerwonej. W.: LTW, 2010. 170 s.
14. Polska literatura współczesna. Antologia do użytku szkolnego/ Ryszard Matuszewski. Warszawa: Państwowe zakłady wydawnictw szkolnych, 1970. 360 s.
15. Szmaglewska S. Dym bad Birkenau. Warszawa, Czytelnik, 1945.
16. Szpilman W. Pianista. W.: Znak, 2001. 212 s.
17. Szczepański J. Czerwona zaraza [Elektronnyj resurs]. URL: <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/szczepanski-czerwona-zaraza.html> (data obrashcheniya: 07.07.2019)

PLACES OF CULTURAL MEMORY IN POLISH LITERATURE

*Gubaeva A.A.,
Saint Petersburg State University*

Abstract: the article examines the places of cultural memory of Poland, associated with the theme of the Second World War. The purpose of the article is to show the significance of places of memory associated with military events, which are especially reflected in the historical and cultural memory of the Polish people, to track the dynamics of their change, and also to study the transition from a “place” as a geographical point to a wide cultural space of historical memory of people. During the analysis, key places of memory of the Second World War, dedicated to the events of Polish internal history, Polish-Jewish history and the history of the Holocaust, as well as Soviet-Polish history, were considered. The material for the analysis was the works of Polish literature of the 20th century.

As a result of the analysis of literature related to the history of the Polish resistance, it was established that the Warsaw Uprising of 1944 was the central event, and the geographical place of memory is the Pawiak prison, to which the members of the Polish resistance were sent. Pawiak prison became a place of suffering and heroism of Poles, the Warsaw Uprising - a symbol of resistance with a dramatic outcome. The drama of the event is enhanced by the young age of the characters in the literature of this period, which conveys to the reader the idea of the unnaturalness of these victims.

As a result of the study of literature on the history of Polish Jewry, the theme of the Holocaust and concentration camps occupies a key place. Numerous works of Polish literature related to this topic are characterized by the utmost attention to the person, opposed to the inhumanity of the time. Places such as the Warsaw Ghetto, Umschlagplatz Square, memorial plaques (in particular, the Zegota monument), a trapdoor reminiscent of the 1943 Jewish ghetto uprising, all of which have been described in fiction and autobiographical literature, also have symbolic significance.

A study of the literature related to the arrival of the Red Army in Poland shows the hostile attitude of the Poles towards the Communist regime, who perceived their appearance as a new occupation. The material embodiment of this memory – monuments to Soviet soldiers – are being demolished today, so the change in “places of memory” indicates a change in historical self-awareness and collective identity.

At the end of the article, the author comes to the conclusion that a geographical place can be both a starting point for the actualization of cultural memory, and later become it through interaction with literature.

Keywords: polish literature of the 20th century, literature of the period of the Second World War, Polish resistance, Soviet-Polish relations, Polish-Jewish history, poetry, prose

МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ СХЕМЫ ПО ТУ СТОРОНУ ЛИТЕРАТУРНОГО КАНОНА (НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ Д.С. ЛИХАЧЕВА «ПЕРВЫЕ СЕМЬСОТ ЛЕТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»)

Кортелев Н.В.,

Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: в статье проводится анализ вступительной статьи Д.С. Лихачева к «Изборнику» при помощи мыслительных схем (генеративных структур, которые предшествуют исторической идее, выраженной в форме конкретного высказывания), предложенных С.Н. Зенкиным, с целью понимания механики и природы интеллектуальных операций, стоящих за концептом литературного канона. В статье Д.С. Лихачева выделяются схемы градуального распределения и неоднородного поля, каждая из которых актуализируется в зависимости от задач, которые ставит перед собой исследователь. Схема неоднородного поля актуализируется Д.С. Лихачевым, когда перед ним стоит задача объяснить что такое литература и отграничить множество художественных текстов от нехудожественных, а схема градуального распределения применяется теоретиком для обоснования выбора канонических текстов из всего множества художественных.

Дискуссии вокруг литературного канона являются неотъемлемой частью литературного процесса. Это живая исследовательская область, существование которой предоставляет возможность применять для ее изучения различные теоретические оптики и вместе с тем само порождает новую оптику. В центре нашего внимания – не вопросы генезиса литературного канона, не вопросы о причинах, способах и механизмах его формирования, находящиеся в ведении социологии литературы, не разоблачение канона. В рамках работы предпринимается попытка понять, какие мыслительные схемы и интеллектуальные операции стоят за самой идеей или концептом канона как такового.

Ключевые слова: Д.С. Лихачев, литература, канон, литературное поле, С.Н. Зенкин, мыслительные схемы

Под канонем мы подразумеваем некий корпус «образцовых» текстов, с которым входит в определенные отношения то или иное произведение. В этом случае мы опираемся на определение, данное А.Е. Маховым: «В диахронном плане произведение мыслится в определенном отношении к канону – корпусу текстов, которые считаются в данной поэтологической системе образцовыми». Литературный канон, определенный подобным образом, можно представить в виде некоего пространства, которое включает в себя ряд отобранных элементов. Само слово «корпус» происходит от латинского *corpus* (тело, туловище, единое целое). Тело в данном случае становится вместилищем, которое также можно уподобить пространству.

С.Н. Зенкин в своей работе «Исторические идеи и мыслительные схемы (К поэтике интеллектуального дискурса)» выделяет три мыслительные схемы (при этом указывая, что их может быть намного больше): иерархический переворот, неоднородное поле и градуальное распределение. Мыслительная схема, по определению С.Н. Зенкина, – это промежуточное звено между «интеллектуальными категориями и сугубо случайными словесными высказываниями». Другими словами, мыслительная схема – это некая генеративная структура, которая предшествует исторической идее, выраженной в форме конкретного высказывания. Историческая идея нелогична, неалетична и неактуальна. Мыслительные схемы находятся на более высоком уровне абстракции. Их можно представить в виде сосюровской оппозиции языка и речи. В рамках этой оппозиции мыслительная

схема выступает языком, а конкретное историческое высказывание – речью.

Мыслительные схемы могут быть предметом интеллектуальной истории ввиду наличия у них исторического измерения. Та или иная мыслительная схема была когда-то и кем-то впервые использована в качестве интеллектуального инструмента. К сожалению, на данный момент очень сложно даже приблизительно сказать, когда и какая мыслительная схема зародилась. С.Н. Зенкин делает предположение, что мыслительные схемы актуализируются в ту или иную эпоху и могут зависеть от социальной обстановки. Мы, в свою очередь, считаем, что мыслительные схемы скорее зависят от проблемы, с которой работает мыслитель, исследователь и т.д. В зависимости от того, какие вопросы он задает, какие задачи ставит, та или иная схема оказывается наиболее адекватной.

Другой возможный подход связан с привлечением литературного материала. Художественная литература является удобным полем для работы с мыслительными схемами, так как «мыслительные схемы приходится воображать, а не просто мыслить». Кроме того, С.Н. Зенкин замечает следующее: «Вместе с тем они слишком абстрактны, чтобы их можно было назвать "метафорами" или "образами"; показательно, что их изобретатели и пользователи, стараясь обозначить и прояснить их, сами часто вынуждены прибегать к более конкретным и «материальным» метафорам». Так, для того чтобы уловить абстрактную мыслительную схему, стоит работать с более осязаемыми образа-

ми или метафорами. Поскольку литература работает и с тем, и с тем, она является источником материала, пригодного для применения этого теоретического инструментария.

Как уже было сказано, мы можем делать только очень осторожные предположения о том, в какую эпоху та или иная мыслительная схема была актуальна. Возможно, для того чтобы понять, в какой исторический период она начала применяться, стала популярна и т.д., стоит обратиться к помощи литературы.

В рамках данной статьи мы не работаем с примерами, принадлежащими области художественной литературы. Вместо этого объектом анализа является металитературный текст, который связан с процессами, протекающими внутри литературного поля. Указав на возможность аналогий, мы попытались сосредоточиться на тексте, который не обладает специфическими нарративными качествами, но тем или иным образом работает с нарративами, представляя собой удобный объект для исследования. Для того, чтобы понять, как именно функционируют мыслительные схемы, мы обратились к являющейся вступлением к сборнику древнерусской литературы статье Д.С. Лихачева, в которой предпринимается попытка конструирования литературного канона. Мы попытались проанализировать некоторые ее смысловые компоненты для того, чтобы понять правила языка (мыслительные схемы), посредством которого было произведено конкретное высказывание (статья Д.С. Лихачева).

В своей вступительной статье к «Изборнику» Д.С. Лихачев оперирует понятием «литература». В рамках статьи он не предпринимает попыток дать ему определение. Из-за отсутствия четкой формулировки мы не можем с уверенностью говорить о том, какие критерии отбора приняты автором, чтобы понять, что есть литература, а что ею не является. Д.С. Лихачев не пытается теоретически отразить это понятие. Тем не менее, само слово «литература» здесь работает как некий маркер того, что тексты, помещенные в сборник, должны быть прочитаны особым образом.

Попытка выделить эти критерии показывает, что литература, в понимании Д.С. Лихачева, имеет два обязательных условия. Во-первых, литература – это тесты, зафиксированные письменно: «Скачок в царство литературы произошел одновременно с появлением на Руси христианства и церкви, потребовавших письменности и церковной литературы». Во-вторых, это тексты, обладающие эстетической ценностью: «...большинство исследователей, особенно на Западе, ищет в ней не эстетические ценности, не литературу как таковую, а всего лишь средство для раскрытия тайн "загадоч-

ной" русской души». Из второго критерия следует то, что под общим понятием «литература» автор подразумевает литературу художественную. Неслучайно и название издательства, выпустившего в рамках серии «Библиотека всемирной литературы» эту книгу («Художественная литература»). Соответственно, Д.С. Лихачев предлагает нам специальный регистр, в котором должно осуществляться чтение. Этот регистр подразумевает считывание эстетической составляющей представленных текстов, которая, по мнению исследователя, является имманентным свойством литературы как таковой.

Представление текстов в качестве произведений, имеющих эстетическую ценность, позволяет их актуализировать. Читателю предлагается оптика, дающая возможность прочесть их как значимые в настоящем моменте. Возникает вопрос, почему это необходимо. Вероятно, на тот момент времени существовала потребность в осмыслении современного состояния литературы, гуманитарной мысли и пр. Сборник постулирует наличие некой традиции, с которой можно по-разному работать: переосмыслить, оспаривать ее, возвращаться к ней и т.п. Канон способствует осмыслению современного состояния.

Неслучайно вводится историческое измерение (название статьи – «Первые семьсот лет русской литературы»). Д.С. Лихачев изначально мыслит исторически, определяя место древних текстов в истории и одновременно заново их актуализируя. В его трактовке оказывается, что они являются неотъемлемой частью русской литературы.

Строго говоря, мы видим, как Д.С. Лихачев работает не с канонами, а с литературным полем как таковым. Литературное поле – это поле сил, действующих на всех вступающих в него по-разному в зависимости от занимаемой ими позиции. Канонизация текстов становится одной из форм распределения этих сил, а также возможным подходом к работе с литературным полем.

При этом очевидно, что подходы и методы работы с литературным полем могут отличаться. Если исследователь будет ставить перед собой вопросы о том, как формируется литературное поле или почему те или иные тексты в какой-то момент оказываются в фокусе внимания читателей, писателей и исследователей, то наиболее удобным инструментом может стать схема градуального распределения. В качестве примера можно привести методы работы с литературным полем П. Бурдьё (распределение символического капитала между агентами). В социологии чаще всего применяется схема градуального распределения в силу специфики дисциплины – работы со статистическими данными.

Д.С. Лихачеву нужно выбрать из огромного количества текстов те немногие, которые будут поставлены по отношению к остальным текстам в своеобразную метапозицию. Это не значит, что они исключаются из литературного поля, напротив, они активно с ним взаимодействуют, поскольку предполагается неисчерпаемость их смыслопорождающего потенциала и наличие непреходящих эстетических ценностей, которые могут быть восприняты читателем при наличии определенной оптики. Эстетическое начало присутствует в этих текстах постоянно, и если оно и не идентифицируется читателем, то это происходит не по причине отсутствия этого эстетического начала, а лишь потому, что читатель не обладает необходимыми навыками для того, что его рассмотреть. Таким образом, эти тексты оказываются вечно живыми за счет наличия неиссякаемого эстетического компонента. Предполагается, что читать их можно постоянно – вне зависимости от наличествующего исторического периода. Вследствие этого данные тексты отодвигаются от остального литературного поля на некоторую дистанцию.

На основе тех критериев, согласно которым Д.С. Лихачев называет тексты литературными, мы можем выделить 4 плана бытования текста в литературном поле: уровень письменно зафиксированных текстов (необходимое, но недостаточное условие литературы), уровень письменных текстов, имеющих эстетическую ценность (литература), и два плана, которые фактически выталкивают текст в метапозицию, делают его каноничным – планы национальной литературы и литературы мировой. Канон может быть как национальным, так и общемировым, в том случае, когда подразумевается, что из текста могут быть вычитаны некие важные смыслы вне зависимости от того, к какой культуре принадлежит читатель.

Кроме того, в тексте статьи можно обнаружить три круга традиции, предлагаемых Д.С. Лихачевым: национальная традиция, западная традиция, общемировая традиция («Русской литературе без малого тысяча лет. Это одна из самых древних литератур Европы. Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая»). Поскольку «Изборник» выпускается в серии «Библиотека всемирной литературы», мы имеем основание выделить круг общемировой традиции.

Национальные границы устанавливаются и одновременно преодолеваются. Это не непреодолимый барьер, а нечто проницаемое, через что может осуществляться диффузия. Древнерусская литература влияет на разные традиции, и разные традиции, соответственно, влияют на ее восприятие: «Литература, общая для южных и восточных сла-

вян, была литературой европейской по своему типу и, в значительной мере, по происхождению. Многие памятники были известны и на Западе (сочинения церковные, произведения отцов церкви, "Физиолог", "Александрия", отдельные апокрифы и пр.). Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе». Коль скоро древнерусская литература становится своеобразным узлом, точкой, в которой соприкасаются все эти уровни, делается вывод о ее безусловной значимости, вытекающей из способности взаимодействовать со всеми тремя кругами традиции.

В зависимости от того, как ведется работа с каноном, какая задача стоит перед человеком, осмысляющим канон, меняется задействованная мыслительная схема. В том каноне, который конструирует Д.С. Лихачев, можно проследить очертания второй мыслительной схемы, предлагаемой С.Н. Зенкиным, – схемы неоднородного поля: «В рамках такой схемы описываемые факты изображаются в виде поверхности или пространства, где некоторые точки выделены, выступая на фоне других, нейтральных». В случае, который мы рассматриваем, выбираются тексты, выделяются четыре уровня, на которых они существуют, обнаруживается некая смысловая точка. Историческое измерение предполагает наличие огромного пласта литературы, работу с которым удобнее осуществлять в рамках именно этой схемы.

Для удобства работы в рамках диахронии Д.С. Лихачев допускает некоторую условность, превращая тексты в некую точку и размещая ее в пространстве. Однако это не означает, что Д.С. Лихачев оперирует только схемой неоднородного поля. Он также вводит полюс «эстетического», к которому примагничиваются литературные произведения. Соответственно, можно предположить наличие полюса неэстетического, рядом с которым располагаются тексты нелитературные. Все это напоминает схему градуального распределения.

Взаимодополняемость двух схем может быть обусловлена их пространственной природой, указанной С.Н. Зенкиным. Исследователь пишет об отсутствии метаязыка, позволяющего говорить о мыслительных схемах. Для их описания приходится пользоваться либо нарративными структурами (вверху была переменная «а», внизу переменная «б», затем они поменялись местами), либо пространственными, которые легче всего иллюстрируются метафорами. Хотя, как нам кажется, пространственные схемы так же могут быть проиллюстрированы в виде цепи событий: было очерчено неоднородное поле, внутри которого были

выбраны некие точки; были намечены два или более полюсов, между которыми были распределены некие элементы. То есть мыслительную схему возможно представить в виде последовательности действий, что не означает, что мыслительные и практические операции проходят в порядке, согласованном с приведенным здесь описанием. Однако нужно понимать, что, представляя схему в виде нарратива, мы тем самым превращаем ее в алгоритм, то есть редуцируем ее пространственную составляющую. Нарративное описание схемы не должно подменять собою схему как таковую. В одном и том же теоретическом построении может быть задействовано более одной мыслительной схемы, но, возможно, одна будет превалировать над другой.

Таким образом, в тексте статьи Д.С. Лихачева мы можем обнаружить две мыслительные схемы: схемы неоднородного поля и градуального распределения. Схема неоднородного поля работает тогда, когда стоит задача выбора текстов. Схема градуального распределения – тогда, когда возникает задача обосновать этот выбор. При этом подход Д.С. Лихачева к литературному полю исключает схему иерархического переворота, поскольку идея о классических канонизированных текстах не предполагает появления альтернативы, которая может их сместить. Возможно появление других текстов, способных оказаться в метапозиции, но не смещение уже закрепленных в каноне.

MENTAL SCHEMES ON THE OTHER SIDE OF THE LITERARY CANON (ON THE EXAMPLE OF THE ARTICLE BY D.S. LIKHACHEV "THE FIRST SEVEN HUNDRED YEARS OF RUSSIAN LITERATURE")

*Kortelev N.V.,
Russian State University for the Humanities*

Abstract: the article analyzes the introductory article by D.S. Likhachev to the "Izbornik" with the help of mental schemes (generative structures that precede the historical idea expressed in the form of a specific statement) proposed by S.N. Zenkin, in order to understand the mechanics and nature of intellectual operations behind the concept of the literary canon. The article by D.S. Likhachev highlights the schemes of radial distribution and inhomogeneous field, each of which is updated depending on the tasks that the researcher sets for himself. The scheme of an inhomogeneous field is updated by D.S. Likhachev, when he is faced with the task of explaining what literature is and distinguishing a lot of artistic texts from non-artistic ones, and the scheme of graded distribution is used by the theorist to justify the choice of canonical texts from the whole set of artistic ones.

Discussions around the literary canon are an integral part of the literary process. This is a living research field, the existence of which provides an opportunity to apply various theoretical optics to its study and at the same time generates new optics itself. The focus of our attention is not the questions of the genesis of the literary canon, not the questions about the causes, methods and mechanisms of its formation, which are under the jurisdiction of the sociology of literature, not the exposure of the canon. Within the framework of the work, an attempt is made to understand what mental schemes and intellectual operations are behind the very idea or concept of the canon as such.

Keywords: D.S. Likhachev, literature, canon, literary field, S.N. Zenkin, mental schemes

Литература

1. Бурдьё П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22 – 87.
2. Европейская поэтика от античности до эпохи Просвещения: Энциклопедический путеводитель / под общ. ред. Е.А. Цургановой и А.Е. Махова. М.: Изд-во Кулагиной, 2010. 512 с.
3. Зенкин С.Н. Работы о теории: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 560 с.
4. Лихачев Д.С. Первые семьсот лет русской литературы // Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси / сост.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев М.: Художественная литература, 1969. С. 5 – 30.

References

1. Burd'yo P. Pole literatury. Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 45. S. 22 – 87.
2. Evropejskaya poetika ot antichnosti do epochi Prosveshcheniya: Enciklopedicheskij putevoditel'. pod obshch. red. E.A. Curganovoj i A.E. Mahova. M.: Izd-vo Kulaginoj, 2010. 512 s.
3. Zenkin S.N. Raboty o teorii: Stat'i. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 560 s.
4. Lihachev D.S. Pervye sem'sot let russkoj literatury. Izbornik. Sbornik proizvedenij literatury Drevnej Rusi. sost.: L.A. Dmitriev, D.S. Lihachev M.: Hudozhestvennaya literatura, 1969. C. 5 – 30.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУКИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ИСКАЖЕНИЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

*Полушкин В.А., кандидат филологических наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы*

Аннотация: в рамках «информационных войн» и увеличения манипуляций и фейковых новостей в средствах массовой информации популяризация исторической правды становится важной государственной задачей, к решению которой должны быть подключены СМИ как основные агенты массовой коммуникации. Исследование, проведенное автором, представляет собой попытку выявить потенциал популяризации науки в сфере противодействия информационным атакам как способа предварительного просвещения аудитории по вопросам исторической памяти. Целью статьи является выявление возможностей популяризации науки в деле противодействия искажению исторической памяти, предложение рекомендаций для эффективного раскрытия содержательного потенциала популяризации исторического знания в условиях информационных войн.

В выводах статьи констатируется, что содержательный потенциал популяризации науки направлен не на тиражирование механизмов и способов восприятия информации, а на распространение непосредственно научного знания в исторической сфере. Лишь в этом случае можно будет эффективно противодействовать попыткам искажения исторической памяти. Задача реализации этого потенциала возлагается в равной степени и на государство (за счет прямого и косвенного стимулирования популяризации науки в тесном взаимодействии с научным сообществом), и на СМИ (путем таких мероприятий, как создание и распространение научно-образовательного контента, организация и/или освещение исторических дискуссий, противодействие лженауке через механизмы фильтрации контента). Подчеркивается особая роль подготовки журналистов с целью эффективной популяризации научного знания.

Ключевые слова: популяризация науки, историческая память, манипулятивные технологии, фейк-ньюс, пропаганда, информационные войны, средства массовой информации, фальсификация истории, информационная безопасность

Введение

Конфликтный потенциал современной международной обстановки имеет символическое изменение, в рамках которого особую роль играет такой феномен, как историческая память. Выбор той или иной интерпретации исторических фактов, фокус на тех или иных исторических событиях позволяет оправдать те или иные политические шаги, направить общественное мнение в ту или иную сторону, обосновать те или иные претензии к субъектам международных отношений и т.д. Историческая наука традиционно была подвержена манипуляциям, которые осуществлялись как в интересах правящих элит, так и в интересах зарубежных государств, преследующих свои собственные цели.

Именно поэтому популяризация науки как сфера человеческой деятельности, осуществляемая в рамках массовой коммуникации, может быть полезна для трансляции исторической правды – точного с научной точки зрения изложения исторических фактов и событий, объективного анализа причинно-следственных связей между ними. Популяризация науки в этом плане обладает высоким потенциалом для противодействия информационным атакам, направленным на искажение исторической памяти.

В конечном итоге, популяризация науки в исторической области может выступать важным фактором обеспечения информационной безопасности государства: неслучайно в последние годы

был принят ряд нормативно-правовых актов и законодательных изменений, направленных на борьбу с фальсификацией истории.

Вышеизложенные соображения определяют актуальность выбранной темы.

Целью статьи является выявление возможностей популяризации науки в деле противодействия искажению исторической памяти, предложение рекомендаций для эффективного раскрытия содержательного потенциала популяризации исторического знания в условиях информационных войн.

При написании статьи использовались совокупность общенаучных и специальных методов исследования: анализ, синтез, индуктивно-дедуктивный метод, сравнение, аналогия, формально-юридический метод, метод контент-анализа текстов.

Искажение исторической памяти как угроза информационной безопасности России: обзор законодательства

Одним из весьма ярких примеров информационных атак, противодействие которым посредством популяризации науки имеет высокий потенциал, является искажение исторических сведений о Второй мировой войне и роли СССР в этом контексте. Оставляя в стороне политизированные рассуждения о том, является ли такое искажение частью спланированных «информационных войн» против Российской Федерации со стороны геополитических конкурентов, или же оно может быть

объяснено низким уровнем компетентности самих авторов активно тиражируемых «исторических фейков», отметим лишь манипулятивную природу этих явлений и предложим некоторые варианты противодействия им.

Во-первых, обозначим важность данной проблемы для современного российского информационного пространства. Так, уже в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Президентом Российской Федерации в 2015-м г., было указано, что в рамках усиливающегося противоборства государств в глобальном информационном пространстве все чаще встречаются попытки использовать ИКТ для достижения собственных политических целей «в том числе путем манипулирования общественным сознанием и *фальсификации истории*» (курсив наш – авт.). В том же документе в перечне угроз национальной безопасности прямо упомянута такая угроза, как «попытки фальсификации российской и мировой истории» [4].

В другом документе стратегического характера, Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации в 2016 г., в числе задач внешней политики указывается «твердое противодействие любым проявлениям... попыткам фальсификации истории и использования ее в целях нагнетания конфронтации и рваншизма в мировой политике, попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны», а также способствование «деполитизации исторических дискуссий» [5].

С учетом нарастания подобных тенденций властями были предприняты меры по реформированию законодательства с целью противодействия попыткам намеренного искажения истории. Так, в 2014 г. были приняты поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, благодаря которым была введена ст. 354.1 («Реабилитация нацизма»), установившая уголовную ответственность за отрицание фактов, установленных решениями Нюрнбергского трибунала, одобрение преступлений, осужденных данным приговором, а также «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично» (курсив наш – авт.) [2]. В 2019 г. схожие нормы за распространение в информационном пространстве заведомо ложных сообщений об общественно значимых фактах были введены и в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (ст. 13.15. «Злоупотребление свободой массовой информации») [3]. Административная ответственность наступает, когда деяние не является уголовно наказуемым.

Наконец, своего максимума государственная политика по защите исторической памяти достигла в 2020 г., когда в Конституцию Российской Федерации были внесены поправки, устанавливающие в числе обязанностей государства обеспечение «защиты исторической правды» и недопущение «умаления значения подвига народа при защите Отечества» (ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) [1].

Ограничения законодательного регулирования и роль популяризации науки в деле борьбы с искажением исторической памяти

Безусловно, с учетом действительно возросшей напряженности в информационном пространстве (в особенности – в сети Интернет) попытки представить свою версию истории, включая историю Второй мировой войны, становятся все более многообразными – и зачастую далекими от исторической правды, т.е. достоверного, научно обоснованного знания об исторических процессах и явлениях. Однако вышеуказанные репрессивные меры, направленные на привлечение к ответственности лиц, распространяющих дезинформацию относительно роли СССР во Второй мировой войне, его вкладе в победу и послевоенное устройство мира, вряд ли могут устранить проблему манипуляции общественным сознанием. Как административная, так и уголовная ответственность – это реактивные меры, реагирующие на следствие, но не на причину самого явления.

На наш взгляд, более эффективными являются меры заблаговременного «обезвреживания» информационных атак, связанных с распространением «исторических фейков». Основной целью любой операции в ходе информационной войны является манипуляция сознанием, представление выгодной для автора коммуникационного сообщения точки зрения. В таких условиях очевидно, что именно недостаток образования и достоверной, научной информации по вопросам военно-политической истории нашей страны формируют благодатную почву для распространения «исторических фейков», фальсификации истории как таковой. В условиях вакуума научной информации, в сознание доверчивого обывателя легко проникают не только альтернативные версии исторической интерпретации (не подтвержденные достоверными фактами), но и полностью антинаучные мифы, противоречащие всем официальным научным данным.

К сожалению, сегодняшнее российское общество (по крайней мере, в определенном поколенческом срезе) в полной мере характеризуется указанным «вакуумом научной информации». Так, по данным исследования ВЦИОМ, проведенного в

2018 году, среди опрошенных граждан России в возрасте от 18 до 24 лет на вопрос о дате начала Великой Отечественной войны правильный ответ дали лишь 40% респондентов, в то время как среди респондентов более взрослой возрастной группы (от 45 до 59 лет) этот показатель превысил 83% [7]. Если речь идет даже о таком простом историческом факте, как дата начала самой масштабной войны в истории человечества, то остается лишь догадываться, каков уровень информированности граждан Российской Федерации о других, более детальных аспектах военной истории страны. В таких условиях неудивительно, что любой «информационный вброс» в социальных сетях может за несколько дней охватить сознание миллионов россиян.

Как правило, эти вбросы представляют собой продукт внутренней пропаганды, существующей в США, а также ряде государств Восточной Европы и Прибалтики. Основными идеями здесь является преувеличение роли СССР в развязывании Второй мировой войны (проблема пакта Молотова-Риббентропа), преуменьшение вклада СССР в победу над нацизмом, акцент на тоталитарном характере как германского национал-социализма, так и советского коммунизма. Однако, учитывая экстерриториальный характер интернет-пространства, эти идеи (часто облеченные в крайне бездоказательные и антинаучные мифы) активно циркулируют среди недостаточно информированной российской аудитории – в особенности, склонной к доверию конспирологическим теориям и попыткам исторического ревизионизма.

Именно на устранение этого фактора, на снижение разрушительного потенциала информационных атак, связанных с фальсификацией истории, и должна быть направлена популяризация науки.

Раскрытие содержательного потенциала популяризации науки для противодействия искажению исторической памяти: возможности государства и СМИ

Содержательный потенциал популяризации науки в практическом смысле можно представить, как возможность повышения представленности научной точки зрения на исторический процесс в различных государственных и корпоративных медиаструктурах. Как следствие, мероприятия по популяризации исторической науки, направленной на сохранение исторической памяти, должны проводиться как на государственном уровне, так и на уровне медиакорпораций и отдельных СМИ.

На государственном уровне эффективным методом являются прямые и косвенные механизмы финансирования популяризации науки. На этом направлении уже сделаны определенные шаги: например, российским правительством активно

поддерживается деятельность Комиссии РАН по популяризации науки, Комиссии РАН по борьбе с лженаукой, деятельность Российского военно-исторического общества и других структур, направленных на просвещение масс и организацию коммуникации между наукой и обществом, включая работу со СМИ. Отметим и прогрессивную новацию – введение в 2021 г. в рамках всероссийской премии «Верность науке» новой номинации – «Лучший проект, направленный на защиту исторической правды» [12].

Все эти шаги имеют своей целью формирование институциональных, постоянно действующих механизмов, в чьи функции входит системная работа по поддержанию исторической памяти.

Однако не менее важными видятся и единичные действия, которые предпринимает государство или его отдельные представители в деле популяризации исторической науки. В пример здесь можно привести статьи президента Российской Федерации В.В. Путина, которые имеют своей целью изложение научного взгляда на те или иные исторические события.

Так, например, в 2020 г. в «Российской газете» была опубликована статья «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» [8], в которой четко были обозначены ключевые предпосылки развязывания Второй мировой войны, указано на умаление значения некоторых исторических событий (Версальский договор, «Мюнхенский сговор», политика «умиротворения агрессора» и т.д.), которое все чаще встречается в западном общественно-политическом дискурсе. Адресатом данной статьи выступила и зарубежная аудитория, где искажения объективных событий прошлого часто становятся предпосылкой для проведения определенной политической линии в настоящем.

В июле 2021 г. В.В. Путин снова обратился к исторической проблематике – на этот раз в аспекте исторического единства русского и украинского народов. В статье «Об историческом единстве русских и украинцев» [9] президент снова уделил огромное внимание аспектам общего развития двух народов, ключевым событиям в многовековых отношениях русского и украинского народов, которые сегодня намеренно искажаются на Украине в угоду политическим целям правящей номенклатуры. Отметим, что значительная часть данной статьи посвящена именно историческим аспектам: ее содержание, по сути, представляет собой хронологически структурированную подборку не оспариваемых исторической наукой фактов, лишённую субъективных оценок автора. По сути, речь идет именно о популяризации конкретно-исторического научного знания, причем не только

на российскую, но и на украинскую территорию: неслучайно статья была опубликована на двух языках.

Разумеется, что популяризация науки и фиксация исторической правды не является прерогативой президента, однако вышеуказанные статьи В.В. Путина демонстрируют, что проблема искажения истории действительно приобретает серьезный характер, чреватый негативными социально-политическими последствиями. Именно поэтому высшее должностное лицо государства, по сути, задает тренд для всех остальных политиков, ученых и общественных институтов, которые должны в пределах своей компетенции уделять внимание борьбе с историческими манипуляциями, популяризировать научную картину мира в этой области.

Что касается *корпоративных структур*, то здесь перспективным направлениями видится приглашение на ТВ- и радиопередачи популяризаторов науки, ученых-историков и преподавателей; внедрение в сетку вещания специализированных исторических программ; размещение колонок популяризаторов науки на сайтах электронных изданий и т.д. Особенно важной рекомендацией здесь может стать приглашение экспертов из научных структур при обсуждении ключевых исторических событий – например, в годовщины таких событий.

При этом крайне важно устанавливать определенные механизмы фильтрации для участников, выступающих от лица науки. В настоящее время все чаще можно встретить, как на телевидении и в печатных СМИ слово предоставляется лжеученым, «академикам» различных общественных «академий», сторонникам лженаучных теорий. Они не только не способствуют развитию интереса к науке и народному просвещению, но напротив, формируют ту самую проблему «информационного релятивизма», в рамках которой отстоять научную истину бывает крайне сложно – в особенности учитывая объективную предрасположенность исторической науки к политическим манипуляциям.

Помимо непосредственного внедрения научно-просветительского контента в СМИ, необходимо обеспечивать заинтересованность руководства крупных медиахолдингов в просветительской деятельности. В частности, главным редакторам изданий, директорам телеканалов и радио можно рекомендовать принимать активное участие в проводимых конференциях и семинарах, посвященных популяризации науки через СМИ и социальные сети; должны отстаивать необходимость большего количества научно-познавательных передач в диалоге с властью (которая часто выступает собственниками медиа в России); должны само-

стоятельно разрабатывать интересные аудитории формы взаимодействия с научным сообществом. В частности, особенно перспективным направлением видится деятельность по развенчанию антинаучных и околонуучных мифов, которые искажают историческую память, формируют неверную картину мира.

Не менее значимыми может быть и организация в СМИ полноценных научных дискуссий по вопросам, по которым у профессиональных историков не сложилось единого мнения. В этом плане важно отличать фальсификацию истории от ее альтернативной интерпретации, поэтому в «пограничных» случаях может быть полезным транслировать ход и результаты идущих в научном сообществе дискуссий [13, с. 178].

При этом, важно соблюдать определенные правила при приглашении ученых и популяризаторов науки в СМИ. При тиражировании научных взглядов на ту или иную проблему в журналистике традиционно предлагается соблюдать принцип сбалансированности. Его суть состоит в том, что если по какому-то вопросу не существует убедительного консенсуса в научном сообществе, то журналист должен продемонстрировать как мейнстримную, так и альтернативную точку зрения [6, с. 14]. Однако по сути это часто приводит к искажениям. Продемонстрируем это на примере изменения климата. На сегодняшний день научное сообщество во всем мире признает, что климат постепенно меняется в сторону потепления. В то же время, по вопросу о причинах этого явления мнения разнятся. Как показали недавние исследования, большинство ученых во всем мире придерживается точки зрения, что изменение климата порождено антропогенными факторами, т.е. деятельностью человека [11]. Куда меньшая часть ученых (примерно 3-5%), по данным тех же исследований, считают человека непричастным к глобальному потеплению. Однако журналисты, стремясь представить обе точки зрения, создают ложное впечатление, что в науке отсутствует консенсус по данному вопросу. Следовательно, важно демонстрировать, какая точка зрения является более авторитетной и подтвержденной. В сфере сохранения исторической памяти такая демонстрация особенно важна.

Наконец, важно упомянуть и еще одну сферу, в которой и государство, и медиакорпорации могут успешно сотрудничать во имя общей цели популяризации научного знания. Это *подготовка журналистов*, ответственных за научные коммуникации.

Действительно, популяризация науки предполагает обращение к массовой аудитории, т.е. массовую коммуникацию, и в этой связи очевидно,

что ученые не всегда самостоятельно могут выполнять эту задачу: необходимо тесное содействие со стороны журналистов как представителей СМИ [10].

Однако, учитывая многообразие науки как таковой и исторической науки в частности, важно предварительно обеспечить компетентность журналистов, подтвердить их готовность на экспертном уровне популяризовать историческую правду.

Думается, что государство в сотрудничестве с ВУЗами и крупными СМИ может обеспечить наличие программ подготовки журналистов, ответственных непосредственно за научные коммуникации. Позитивным примером здесь может служить опыт Университета ИТМО, в котором существует одноименное направление подготовки журналистов [10].

Выводы

Таким образом, содержательный потенциал популяризации науки может быть успешно применен для целей борьбы с искажением исторической памяти в различных организационных формах, осуществляемых как государством, так и средствами массовой информации, включая новые медиа. Искажение истории является частным примером более общей проблематики девальвации научной картины мира и научного знания, однако в силу высокого общественно-политического значения исторической науки, оно чревато более серьезными негативными последствиями, так как может быть использовано недружественными государствами в рамках «информационных войн». В этой связи популяризация исторической правды становится важной государственной задачей, к решению которой должны быть подключены СМИ как основные агенты массовой коммуникации.

Реализация содержательного потенциала популяризации науки, т.е. представление объективных научных позиций по определенным историческим вопросам, осуществляется в виде комментариев экспертов, научно-просветительских программ на радио и телевидении или колонок в печатных изданиях, обучающих программ и в иных формах. В рамках повышения эффективности противодействия искажению исторической памяти был предложен ряд мер государственного воздействия (прямое и косвенное стимулирование популяризации науки в тесном взаимодействии с научным сообществом), мер, реализуемых на уровне СМИ (создание и распространение научно-образовательного контента, организация и/или освещение исторических дискуссий, противодействие лженауке через механизмы фильтрации контента), а также мер по подготовке журналистов, специализирующихся на научных коммуникациях.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.
4. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, N 1 (часть II), ст. 212.
5. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. N 49 ст. 6886.
6. Лозовский Б.Н. Журналистика: профессиональные стандарты. Екатеринбург, 2007.
7. Память о войне: история и мифы. Аналитический обзор ВЦИОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-vojne-istoriya-i-mify> (дата обращения: 1.03.2021)
8. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/8765179> (дата обращения: 15.07.2021)
9. Путин В.В. «Об историческом единстве русских и украинцев» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tg.ru/2021/07/12/statia-vladimira-putina-ob-istoricheskom-edinstve-russkih-i-ukraincev.html> (дата обращения: 15.07.2021)
10. Сухенко Н.В. Специфика популяризации науки в России // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2016. № 4.
11. Cook J. et al. Quantifying the consensus on anthropogenic global warming in the scientific literature // Environmental Research Letters. 2013. № 2.
12. Сохранение исторической памяти: объявление спецноминация премии «За верность науке» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=33582 (дата обращения: 15.07.2021)
13. Лыкова В.В. Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 1-2 (3-4). С. 178.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993. Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.08.2014, N 31, st. 4398.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 17.06.1996, N 25, st. 2954.
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 N 195-FZ. Sobranie zakonodatel'stva RF, 07.01.2002, N 1 (ch. 1), st. 1.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 31.12.2015 № 683 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.01.2016, N 1 (chast' II), st. 212.
5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016 g. № 640 «Ob utverzhenii Konceptcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 5 dekabrya 2016 g. N 49 st. 6886.
6. Lozovskij B.N. ZHurnalistika: professional'nye standarty. Ekaterinburg, 2007.
7. Pamyat' o vojne: istoriya i mify. Analiticheskij obzor VCIOM [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-vojne-istoriya-i-mify> (data obrashcheniya: 1.03.2021)
8. Putin V.V. 75 let Velikoj Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriej i budushchim [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://tass.ru/politika/8765179> (data obrashcheniya: 15.07.2021)
9. Putin V.V. «Ob istoricheskom edinstve russkih i ukraincev» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2021/07/12/statia-vladimira-putina-ob-istoricheskom-edinstve-russkih-i-ukraincev.html> (data obrashcheniya: 15.07.2021)
10. Suhenko N.V. Specifika populyarizacii nauki v Rossii. Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya: «Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tekhnologii.2016. № 4.
11. Cook J. et al. Quantifying the consensus on anthropogenic global warming in the scientific literature. Environmental Research Letters. 2013. № 2.
12. Sohranenie istoricheskoy pamyati: ob'yavlena specnominaciya premii «Za vernost' nauke» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=33582 (data obrashcheniya: 15.07.2021)
13. Lykova V.V. Istoricheskaya pamyat' v sovremennoj Rossii: problemy transformacii. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 1-2 (3-4). S. 178.

THE SUBSTANTIAL POTENTIAL OF POPULARIZATION OF SCIENCE IN THE FIELD OF COMBATING THE DISTORTION OF HISTORICAL MEMORY

*Polushkin V.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Russian Academy of National Economy and Public Administration*

Abstract: within the framework of the "information wars" and the increase in manipulation and fake news in the media, the popularization of historical truth is becoming an important state task, to which the media should be involved as the main agents of mass communication. The research conducted by the author is an attempt to identify the potential of popularization of science in the field of countering information attacks as a way of preliminary educating the audience on issues of historical memory. The purpose of the article is to identify the possibilities of popularization of science in countering the distortion of historical memory, to offer recommendations for the effective disclosure of the meaningful potential of popularization of historical knowledge in the conditions of information wars.

The conclusions of the article state that the content potential of the popularization of science is aimed not at replicating the mechanisms and ways of perceiving information, but at spreading scientific knowledge directly in the historical sphere. Only in this case it will be possible to effectively counteract attempts to distort historical memory. The task of realizing this potential is assigned equally to the state (through direct and indirect stimulation of the popularization of science in close cooperation with the scientific community), and to the media (through such measures as the creation and dissemination of scientific and educational content, the organization and/or coverage of historical discussions, countering pseudoscience through content filtering mechanisms). The special role of training journalists for the purpose of effective popularization of scientific knowledge is emphasized.

Keywords: popularization of science, historical memory, manipulative technologies, fake news, propaganda, information wars, mass media, falsification of history, information security

ОБРАЗ ОБОРОТНЯ В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА (НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ «ВПЕРВЫЕ В ОБЛИЧЬЕ ЖИВОТНОГО / ПТИЦЫ / НЕЧИСТИ»)

Стрижак В.И.,

Киселева М.С., кандидат филологических наук, доцент

Восточный институт,

Школа региональных и международных исследований,

Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: в статье сопоставляются реализации типа оборотня «впервые в облике животного / птицы / нечисти» в русских волшебных сказках XIX в. (Центральная Россия) и второй половины XX в. (Сибирь и Дальний Восток). Рассматриваются такие основные характеристики данного персонажа, как кто может оборачиваться; есть ли возврат изначального облика; как совершается трансформация. Выявляются основные сюжеты, с которыми связан данный тип (преимущественно это 433 В, 425 С, 552 А, 313 С, 465 А, 560). Доказывается, что традиционные и региональные варианты русских оборотней-персонажей рассматриваемой категории отличаются мало, что свидетельствует о значимости данного персонажа в национальной картине мира. Обнаруженные отличия: преимущественно положительная роль, обязательное возвращение к изначальному образу, больше вариантов способов оборачивания – могут свидетельствовать о переосмыслении переселенцами образа оборотня как привлекательного существа, стремящегося жить в человеческом мире. Такое изображение, вероятно, объясняется влиянием сформировавшейся особой, фронтальной, ментальности русских, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке. Территории, на которых шло интенсивное сотрудничество представителей очень разных культур, отчасти обусловили восприятие оборотня как одного из жителей фронтального мира, с которым можно вступать во взаимовыгодный диалог.

Ключевые слова: русские волшебные сказки, образ оборотня, региональный фольклор, дальневосточный фронт

В настоящее время есть много научных трудов, посвящённых оборотничеству и оборотням, представителям того или иного национального фольклора, что во многом обусловлено популярностью данной темы в современной культуре, её тесной связью со стремлением к пониманию человеческой противоречивой души и с надеванием людьми различных «масок» в зависимости от жизненных обстоятельств. В отечественных исследованиях русского феномена оборотничества, помимо до сих пор не решённых вопросов вроде того, что понимать под оборотничеством [12, 13, 14, 16, с. 466-471; 17, с. 243-246], каких существ действительно стоит называть оборотнями [1, 4, 5, 11, 12, 14], выделение трех типов оборотничества [9, с. 73], и др., ещё не делался акцент на региональных различиях в изображении оборотней, поэтому наше обращение к данной проблеме обеспечивает исследованию как актуальность, так и новизну, хотя дальневосточный материал наряду с сибирским при изучении облика оборотня уже привлекался. Так, Т.В. Краюшкина разделяя оборотничество на добровольное и невольное, отмечает: «Превращение, сразу изменяющее облик, превалирует над поэтапным» [10, с. 222].

При тесном соприкосновении с иноэтнической культурной средой любой фольклор неизбежно трансформируется, приобретая новые черты либо модифицируя сохранившиеся традиционные, согласно сложившимся на «пограничной» территории образу жизни и ментальности. Вследствие отдалённости Сибири и Дальнего Востока от исто-

рической области бытования русской культуры большой интерес представляет рассмотрение особенностей образов оборотней в волшебных сказках русских переселенцев. Выявление таких особенностей будет осуществляться через сопоставление реализаций образа оборотня в русских волшебных сказках Европейской России (XIX в.) [2] и Сибири и Дальнего Востока (втор. пол. XX в.) [8, 15, 19]. Так как оборотничество – явление обширное, в данной статье будет рассмотрена одна категория оборотней, которую мы обозначаем как «впервые в облике животного / птицы / нечисти».

На данный момент из рассмотренных 66 текстов мы выявили оборотней-персонажей искомой категории в 30 сказках: в 17 из сборника А.Н. Афанасьева и в 13, записанных на территории Сибири и Дальнего Востока. Сопоставление обнаруженных образов осуществлялось по универсальным чертам оборотня, которые отмечают С. Ю. Неклюдов [13], Л. Н. Виноградова [16, с. 466-471] и др., а именно: кто может оборачиваться; есть ли возврат изначального облика; как совершается трансформация (контролирование процесса, цель и обстоятельства смены облика) [18].

Кто может оборачиваться

В сказках XIX в. оборотнями данного типа являются по большей части положительные персонажи – помощники (богатырский конь – «Волшебный конь» [АТ 531 + 518], Серый волк – «Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке» [АТ 550]); чудесные женихи или невесты (сокол, орёл и ворон – «Марья Моревна» [АТ 552

А + 400₁ + 554 + 3022], Василиса Премудрая – «Царевна-лягушка» [АТ 402 + 400₁]); по своей истинной сущности это могут быть представители потустороннего мира, волшебные животные или люди, в основном «знающие», в 3 сказках – обычные люди (царевна и её братья – «Берёза и три сокола» [АТ – : напоминает сюжет АТ 401, но близкие параллели к нему неизвестны], добрый молодец – «Сопливый козёл» [АТ 430], царевич – «Заклятый царевич» [АТ 425 С]). Менее частотны персонажи-вредители – представители низшей мифологии (нечистый дух (чёрт) – «Солдат избавляет царевну», трёхглавый змей – «Зорька, Вечорка и Полуночка» [АТ 301]).

В более поздних региональных вариантах оборотнями являются исключительно положительные персонажи: те же помощники (Трояношка-бычок – «Про бурёнушку-коровушку и Трояношку-бычка», белая змея – «Три подарка» [СУС 560]), чудесные женихи или невесты (червячок – «Червячок» [СУС 433 В], Царь-девица – «Иван-купеческий сын и Царь-девица» [АТ 313]), также в качестве положительных персонажей выступают и представители низшей мифологии (змеи-волшебники – «Иван-царевич и Василиса Премудрая» [СУС 552 А + 850 + 400₁], чёрт – «Старуха повиваленка» [СУС 677***]), что не свойственно традиционным сказкам. Особенным случаем для обеих групп сопоставляемых текстов можно считать совокупность оборотней-персонажей (33 колпицы – «Три царства – медное, серебряное и золотое» [АТ 301], 3 утицы – «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» [СУС 465 А + 465 С]), играющую преимущественно нейтрально-эпизодическую роль в сюжете, но могущую одновременно служить дальнейшему развитию действия – благодаря ей главный герой встречает помощника («Три царства – медное, серебряное и золотое»: та колпица, что «лучше всех», указывает главному герою, где искать его пропавшую матушку) или будущую невесту («Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» – 3-я утица – жена главного героя Марья-царевна).

Таким образом, функция в сюжете персонажа-оборотня рассматриваемой категории немного отличается в региональных вариантах русской волшебной сказки: оборотень выступает преимущественно в качестве чудесного помощника или чудесного / -ой жениха / невесты и на стороне добра (даже если это представитель нечистой силы).

Возврат изначального облика

Констатация возвращения первичного облика выделяет отличительную черту оборотня, маркирующую его хтоническую природу, связь с иным миром. В текстах XIX в. возврат оборотня к изначальному облику не всегда озвучивается, а значит,

фактически не осуществляется, поскольку истинная сущность персонажа неизменна, а трансформация лишь чисто внешнее функциональное изменение, значимое для сюжета только в конкретных ситуациях; однако в рассмотренных нами текстах было больше случаев с упоминанием об обратной трансформации: это подчёркивается глаголами / словосочетаниями, сопровождающими процесс («Тут прилетели двенадцать колпиц, ударилась о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться» – «Морской царь и Василиса Премудрая» [АТ 313]), или повторным упоминанием исходной формы оборотня («А козёл в то время обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гусями. <...> Бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней и была такова! Приехала домой, а козёл уж на полатах лежит» – «Сопливый козёл»).

В сказках Сибири и Дальнего Востока обратное превращение происходит почти всегда, только в двух сказках оно не озвучивается (но в «Старухе-повиваленке», несмотря на то, что фактически обратной трансформации не произошло, оборотень всё же называется по своей первоначальной ипостаси: «Черт это подслушал и в одну ночь пришел к ей перереженный богатым хресьянином под окно...<...> Старуха увидала, что под окном стоит богатый, и обрадовалась, что может хорошо зарабатывать. <...> Оделась она и пошла с им, а черту показалось, что она идет очень тихо»). Следовательно, в региональных текстах наблюдается преобладание случаев возвращения первоначального облика, в то время как в волшебных сказках XIX в. соотношение возвращения и невозвращения первоначального облика практически составляет 1:1.

Как совершается трансформация

В сказках из сборника А.Н. Афанасьева оборотень превращается чаще по своей воле, хотя нередко им является заколдованный человек; подчас о его проклятии мы узнаём только в конце («[После возврата облика] Поцеловала его и говорит: "Я – царская дочь; похитил меня нечистый и сделал берёзю. А три сокола – мои родные братья; хотели они меня выручить, да сами попались!"» – «Берёза и три сокола»). По сюжету персонаж прибегает к метаморфозе для того, чтобы осуществить задуманную хитрость, например, перейти границу потустороннего мира («...Заехал он за тридевять земель, в тридесятое королевство, и остановился у мраморного дворца; кругом дворца стены высокие, ни ворот, ни дверей не видно; как за ограду попасть? Говорит Ивану его добрый конь: "Подождем до вечера! Как только стемнеет – оборочусь я сизокрылым орлом и перенесусь с тобой через стену"» – «Волшебный конь») или ввести в искушение героя («Идёт она, а на другой стороне ог-

ненно озера прилетел к берегу шестиглавый змей, перекинулся красавцем, увидел царевну и так сладко говорит: <...> "Я слышал от старых людей, что в прежнее время этого озера не бывало; если б через него да был перекинут высокий мост – я бы перешёл на ту сторону и женился на тебе". "Постой! Мост сейчас будет", – отвечала ему Марья-царевна и бросила утиральник: в ту ж минуту утиральник дугою раскинулся и повис через озеро высоким, красивым мостом. Змей перешёл по мосту, перекинулся в прежний вид... схватил и унёс царевну» – «Зорька, Вечорка и Полуночка»). Процесс трансформации описывается с использованием глаголов / словосочетаний вроде «скинуться / обернуться / сделаться / удариться оземь (о землю) / снять (надеть) шкурку, крылышко и др.», но чаще всего оборотничество совершается через удар о землю, с чем связано восточнославянское восприятие земли как границы между человеческим и иным миром [3].

В сказках Сибири и Дальнего Востока оборотничество происходит самостоятельно чуть чаще, чем в результате колдовства, хотя разница в количестве текстов незначительна, что даёт нам право всё же думать о некотором равноправии того и другого характера оборачивания. Процесс трансформации описывается так же, как и в традиционных сказках (к вышеуказанным глаголам / словосочетаниям можно прибавить «прийти переряженным» в значении «прийти в другом обличье» – единственный случай, сказка «Старуха-повиваленка»), однако здесь встречаются и иные средства: превращение совершается при смене времени суток («...Он ночью делается молодцом. А днем, значит, он червячком» – «Червячок»), на пространстве, расположенном между нашим и иным миром («Сама вышла на крыльцо, обернулась птичкой и куда-то слетала» – «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» [СУС 465 А + 465 С]), после проведения обряда инициации («И вот, когда венец-то на медведя надели, вдруг он сделался молодым парнем» – «Ореховая веточка» [СУС 425 С]). Таким образом, спектр способов оборачивания у персонажей-оборотней в русских сказках Сибири и Дальнего Востока чуть шире.

В целом в сказках Сибири и Дальнего Востока мы обнаруживаем следующие закономерности в характеристике персонажей-оборотней категории «впервые в обличье животного / птицы / нечисти...»: в основном положительная роль в сюжете (иногда даже у представителей низшей мифологии), заключающаяся часто в какой-либо помощи герою или использовании чудесным / -ой женихом / невестой своих способностей для достижения определённых целей (перейти границу иного мира, обеспечить благополучное проведение обряда инициации для невесты / жениха и др.; соответ-

ственно преобладают сюжеты 313 С, 433 В, 465 А); возврат к исходной сущности практически всегда осуществляется; персонажи в равной степени могут быть как с врождённой, так и с приобретённой способностью к оборотничеству; вариативность способов трансформации больше, чем у оборотней из традиционных сказок.

Мы наблюдаем, что традиционные и региональные варианты русских оборотней-персонажей категории «впервые в обличье животного / птицы / нечисти...» отличаются мало. Схожи типы (главный герой, чудесный помощник и т. д.); сюжетные функции (побег, сокрытие подлинной сути от вредителя, переход в потусторонний мир); реализация / нереализация возвращения в изначальную форму; характер способности к оборотничеству (врождённый, приобретённый в результате проклятия / колдовства); условия совершения трансформации (удар о землю, специальные действия вроде поворота вокруг себя, использование иных средств). Данный тип оборотня по большей части связан с устойчивым набором сюжетов, где функционирует заколдованный / чудесный жених (433 В, 425 С, 552 А) или чудесный помощник (313 С, 465 А, 560, др.).

Выявленные отличия (преимущественно положительная роль, обязательное возвращение к изначальному образу, больше вариантов способов оборачивания и т.д.) могут свидетельствовать о переосмыслении переселенцами (и сказителем в частности) образа оборотня как привлекательного существа, стремящегося жить в человеческом мире, способного для этого даже вернуть себе изначальную антропоморфный облик, что делает его «своим» для людей. Такое изображение оборотничества, вероятно, объясняется влиянием фронтальной ментальности [6, с. 10] русских, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке, то есть в особом пространстве, которое по территориальным причинам подразумевает иной уклад жизни – на границе между «нашим», «русским» миром и «иными» мирами других этносов. Адаптация русского населения к условиям сибирского и дальневосточного фронтиров, связанные с этим отношения взаимовыгодного сотрудничества между русскими, иноземцами и коренным населением данных территорий [7, с. 284] преобразовали оборотня в такого же жителя фронтального мира, с которым можно вступить в диалог.

Литература

1. Антонов Д.И. Оборотничество в русской иконографии, книжности и фольклоре: стратегия репрезентации // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации: Материалы международной научной конференции (Москва, РАНХиГС, 11-12 декабря 2015) / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов. М.: Издательский дом «Дело», 2015. С. 14 – 25.

2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В. Чистов. М.: Наука, 1984-1985. Т. 1-2. 512 с., 463 с.

3. Белова О.В., Виноградова Л.Н., Топорков А.Л. Земля // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2: Д (Давать). К (Крошки). С. 315 – 321.

4. Виноградова Л.Н. Метаморфозы души: от бестелесной субстанции к материальным формам // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации. Материалы международной научной конференции (Москва, РАНХиГС, 11-12 декабря 2015) / Отв. ред. и сост. Д. И. Антонов. М.: Издательский дом «Дело», 2015. С. 33 – 38.

5. Даль В.И. Оборачивать // Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Авт.-сост. В.И. Даль. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1880-1882. 2-е изд. Т. 2: И – О. С. 630 – 631.

6. Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX в. // Восточные регионы России: стратегии и практики освоения: сборник, посвященный 70-летию историка В.А. Ламина / ред. В.В. Алексеев и др. Новосибирск: Наука-Центр, 2006. С. 33 – 47.

7. Зберовская Е.Л. Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронта // Вестник КрасГАУ / глав. ред. Н.В. Донкова. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2013. № 12 (87). С. 280 – 285.

8. Зиновьев В.П. Русский фольклор Восточной Сибири: в 2 кн. / отв. ред. Р.П. Матвеева. Иркутск: 2019. Кн. 1, разд. «Волшебные сказки». С. 52 – 178.

9. Краюшкина Т.В. Группа мотивов изменения внешнего облика человека в русской народной волшебной сказке: типы и функции // Вестник Челябинского университета. 2008. № 12. С. 73 – 78.

10. Краюшкина Т.В. Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках: системный анализ: дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. 493 с.

11. Левкиевская Е.Е. Оборотничество: границы понятия и язык его описания // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпрета-

ции. Материалы международной научной конференции (Москва, РАНХиГС, 11-12 декабря 2015) / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов. М.: Издательский дом «Дело», 2015. С. 26 – 30.

12. Неклюдов, С.Ю. Оборотничество // Мифы народов мира: Энциклопедия [Электронное издание] / гл. ред. С.А. Токарев. М.: 2008 (Советская Энциклопедия, 1980). 2-е изд. С. 739 – 740. URL: <https://archive.org> (дата обращения: 17.06.2020)

13. Неклюдов С.Ю. Откуда берутся оборотни // Оборотни и оборотничество: стратегии описания и интерпретации. Материалы международной научной конференции (Москва, РАНХиГС, 11-12 декабря 2015) / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов. М.: Издательский дом «Дело», 2015. С. 7 – 13.

14. Пашинина Д.П. Оборотничество и оборачивание // Логос / Гл. ред. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. № 6 (16). С. 83 – 93.

15. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. С. 52 – 240.

16. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). 704 с.

17. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4: П (Пере-права через воду). С (Сито). 656 с.

18. Стрижак В.И. Категория оборотней «первоначально человек / нечисть» в русских волшебных сказках XIX – второй половины XX вв. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2021. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_35_21_977.htm (дата обращения: 21.05.2021)

19. У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / сост., авт. вступ. ст., предисл. к разделам и примеч. Л. Свиридова. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1989. 254 с.

References

1. Antonov D.I. Oborotnichestvo v russkoj ikonografii, knizhnosti i fol'klоре: strategiya reprezentacii. Oborotni i oborotnichestvo: strategii opisaniya i interpretacii: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, RANHiGS, 11-12 dekabrya 2015). Otv. red. i sost. D.I. An-tonov. M.: Izdatel'skij dom «Delo», 2015. S. 14 – 25.

2. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki: v 3 t. podgot. L.G. Barag, N.V. Novikov; отв. ред. E.V. Pomeranceva, K.V. CHistov. M.: Nauka, 1984-1985. T. 1-2. 512 s., 463 s.

3. Belova O.V., Vinogradova L.N., Toporkov A.L. Zemlya. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar' v 5-ti t. pod red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. T. 2: D (Davat'). K (Kroshki). S. 315 – 321.
4. Vinogradova L.N. Metamorfozy dushi: ot bestelesnoj substancii k material'nym formam. Oborotni i oborotničestvo: strategii opisaniya i interpretacii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, RANHiGS, 11-12 dekabrya 2015). Otv. red. i sost. D. I. Antonov. M.: Izdatel'skij dom «Delo», 2015. S. 33 – 38.
5. Dal' V.I. Oborachivat'. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. Avt.-sost. V.I. Dal'. SPb.: Tipografiya M. O. Vol'fa, 1880-1882. 2-e izd. T. 2: I – O. S. 630 – 631.
6. Zabiyako A.P. Russkie v usloviyah dal'nevostochnogo frontira: etničeskij opyt XVII – nachala XX v. Vostochnye regiony Rossii: strategii i praktiki osvoeniya: sbornik, posvyashchennyj 70-letiyu istorika V.A. Lamina. red. V.V. Alekseev i dr. Novosibirsk: Nauka-Centr, 2006. S. 33 – 47.
7. Zberovskaya E.L. Sociokul'turnye aspekty osvoeniya Sibiri v kontekste teorii frontira. Vestnik KrasGAU. glav. red. N.V. Donkova. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2013. № 12 (87). S. 280 – 285.
8. Zinov'ev V.P. Russkij fol'klor Vostočnoj Sibiri: v 2 kn. otv. red. R.P. Matveeva. Irkutsk: 2019. Kn. 1, razd. «Volshebnye skazki». S. 52 – 178.
9. Krayushkina T.V. Gruppy motivov izmeneniya vneshnego oblika cheloveka v russkoj narodnoj volshebnoj skazke: tipy i funkcii. Vestnik CHelyabinskogo universiteta. 2008. № 12. S. 73 – 78.
10. Krayushkina T.V. Motivy sostoyanij personazhej v russkih narodnyh volshebnyh skazkah: sistemnyj analiz: dis. ... d-ra filol. nauk. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2010. 493 s.
11. Levkievskaya E.E. Oborotničestvo: granicy ponyatiya i yazyk ego opisaniya. Oborotni i oborotničestvo: strategii opisaniya i interpretacii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, RANHiGS, 11-12 dekabrya 2015) / Otv. red. i sost. D.I. Antonov. M.: Izdatel'skij dom «De-lo», 2015. S. 26 – 30.
12. Neklyudov, S.YU. Oborotničestvo. Mify narodov mira: Enciklopediya [Elektronnoe izdanie]. gl. red. S.A. Tokarev. M.: 2008 (Sovetskaya Enciklopediya, 1980). 2-e izd. S. 739 – 740. URL: <https://archive.org> (data obrashcheniya: 17.06.2020)
13. Neklyudov S.YU. Otkuda berutsya oborotni. Oborotni i oborotničestvo: strategii opisaniya i interpretacii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, RANHiGS, 11-12 dekabrya 2015). Otv. red. i sost. D.I. Antonov. M.: Izdatel'skij dom «Delo», 2015. S. 7 – 13.
14. Pashinina D.P. Oborotničestvo i oborachivanie. Logos. Gl. red. V. Anashvili. M.: Dom intelektual'noj knigi, 1999. № 6 (16). S. 83 – 93.
15. Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: Volshebnye. O zhivotnyh. sost. R.P. Matveeva, T.G. Leonova. Novosibirsk: VO «Nauka». Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993. S. 52 – 240.
16. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': v 5 t. pod red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. T. 3: K (Krug) – P (Perepelka). 704 s.
17. Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': v 5 t. pod red. N.I. Tolstogo. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. T. 4: P (Pereprava cherez vodu). S (Sito). 656 s.
18. Strizhak V.I. Kategoriya oborotnej «pervonachal'no chelovek. nechist'» v russkih volshebnyh skazkah XIX – vtoroj poloviny XX vv. Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2021». otv. red. I.A. Aleshkovskij, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov, E.I. Zimako-va. [Elektronnyj resurs] M.: MAKS Press, 2021. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_35_21_977.htm (data obrashcheniya: 21.05.2021)
19. U klyuchika u gremuchego: Dal'nevostochnyj fol'klor. sost., avt. vstup. st., predisl. k razdelam i primech. L. Sviridova. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izd-vo, 1989. 254 s.

**THE IMAGE OF A WEREWOLF IN RUSSIAN FAIRY TALES OF
SIBERIA AND THE FAR EAST (ON THE EXAMPLE OF THE CATEGORY
"FOR THE FIRST TIME IN THE GUISE OF AN ANIMAL / BIRD / EVIL SPIRITS")**

*Strizhak V.I.,
Kiseleva M.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Oriental Institute,
School of Regional and International Studies,
Far Eastern Federal University*

Abstract: the article compares the realizations of the werewolf type "for the first time in the guise of an animal / bird / evil spirits" in Russian fairy tales of the XIX century (Central Russia) and the second half of the XX century (Siberia and the Far East). The main characteristics of this character are considered, such as who can turn around; whether there is a return of the original appearance; how the transformation is performed. The main subjects associated with this type are identified (mainly 433 B, 425 C, 552 A, 313 C, 465 A, 560). It is proved that the traditional and regional versions of Russian werewolves-characters of the category under consideration differ little, which indicates the importance of this character in the national picture of the world. The differences found: a predominantly positive role, a mandatory return to the original image, more options for ways of wrapping – may indicate that the immigrants rethink the image of a werewolf as an attractive creature striving to live in the human world. This image is probably due to the influence of the formed special, frontier mentality of Russians living in Siberia and the Far East. The territories where there was intensive cooperation between representatives of very different cultures, partly caused the perception of the werewolf as one of the inhabitants of the frontier world, with whom you can enter into a mutually beneficial dialogue.

Keywords: Russian fairy tales, the image of a werewolf, regional folklore, the Far Eastern frontier

СОВЕТСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА О ЖУРНАЛИСТАХ: ЭТИКА И ДЕОНТОЛОГИЯ ПРОФЕССИИ

*Корыхалова П.Р., аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Аннотация: медиакритика, как комплексное явление, не ограничивается выступлениями журналистов в СМИ или исследователей на страницах научных изданий. Автор статьи полагает, что медиакритика может быть представлена также художественными фильмами о журналистах. В частности, в таком кино на передний план выдвигается область этики и деонтологии журналистской профессии. В фильмах разбираются методы работы персонажей-журналистов, их взгляды на собственную профессию, утверждаются идеалы профессионального поведения и те ценности, которым служит журналистика. В статье приведены результаты сюжетно-тематического анализа советских и американских художественных фильмов второй половины XX века о журналистах, а именно анализа этических проблем, поднимаемых в выбранных кинолентах и анализа представленных в них образов журналистов. Для представления в статье автор выбирает по одному из важных фильмов от каждого десятилетия. Каждый фильм рассматривается в политическом и социокультурном контексте с целью проследить историю массовой медиакритики через репрезентацию журналистской профессии в кинематографе того или иного десятилетия. Особое внимание при изучении фильмов отводится этике и деонтологии журналистской профессии, как медиакритическому фактору.

Ключевые слова: кино о журналистах, этика журналистики, образ журналиста, журналистика США, журналистика СССР, компаративный анализ

Введение

Тема журналистики в художественном кинематографе, как в США, так и в СССР, часто рассматривается с ракурса профессиональной этики и деонтологии, поэтому в фокусе фильмов находятся методы работы журналистов и их отношение к своей профессии. Изучение данных аспектов журналистики сквозь репрезентацию образа профессии в кинематографе конкретной исторической эпохи позволяет взглянуть со стороны на то, что волновало общественность в лице режиссеров, продюсеров, государства и иных участников процесса кинопроизводства в профессиональной деятельности журналистов. Подобное рассмотрение фильмов про журналистов допускает говорить о них как об одной из составляющих института медиакритики, в частности такого вида, как массовая медиакритика, по классификации А.П. Короченского [4], а анализ фильмов на предмет этичности поведения их персонажей с привязкой к политической и социокультурной обстановке разрешит дополнить имеющуюся картину истории медиакритики.

Наряду с этим, интерес для нашего исследования представляет кинематограф двух идеологически несхожих стран, СССР и США, к тому же находящихся в это время в положении холодной войны. Мы решили сравнить репрезентацию профессии и ее критику в кино обеих стран в этот период.

Тем самым, цель исследования заключается в изучении основных аспектов медиакритики в ретроспективе через те проблемы журналистской профессии, которые поднимает кинематограф СССР и США.

Методология исследования

Н.А. Хренов пишет, что на построении периодизации в кино лежит отпечаток фрагментации исторического процесса на десятилетия [14]. Ввиду этого мы анализируем фильмы о журналистах по десятилетиям, рассматривая их в социокультурном и политическом контекстах. Для каждого десятилетия мы выбрали по одному важному фильму для представления в данной статье.

Критерии анализа мы выстраивали следующим образом. Первым критерием для нас стал: фильм и его тема в социокультурном контексте. Медиапедагог А. Силверблэт [13] разработал цикл вопросов к герменевтическому анализу медиатекстов в историческом и культурном контексте. Мы рассматриваем фильм и его тему с точки зрения происходящих в стране событий, тенденций, развивающихся в кинематографе и журналистике.

Вторым критерием для нас стали сюжетные особенности и приемы повествования в фильме. А.В. Федоров в одной из своих работ помимо социокультурного контекста также выделяет критерием структуру и приемы повествования в медиатексте [13]. Мы также рассмотрим сюжет фильма и отдельные приемы повествования, влияющие на репрезентацию в нем журналистской профессии.

Третий критерий: образ журналиста, изображенного в фильме. Мы выработали этот критерий на основе статей по анализу фильмов И.В. Челышевой [15] и О.И. Горбатковой [2]. В радиусе их исследования находятся персонажи фильмов, их мировоззрение. В этом пункте мы сосредоточимся на следующих составляющих образа журналиста: где работает журналист, какие темы освещает, как попал в профессию, почему выбрал ее, какими ка-

чествами характера он обладает, какова его мотивация.

Все вышеназванные критерии помогут нам лучше понять результаты, выявленные при оценке фильмов в рамках нашего четвертого критерия. Он отвечает истинной цели этого исследования: этика и деонтология журналистской профессии как медиакритическая составляющая фильма. Наша гипотеза заключается в том, что большинство фильмов о журналистах поднимают вопросы нарушения профессиональной этики журналистом, а также вопросы деонтологии, то есть видения журналистом своей профессиональной миссии.

Результаты исследования

1950-е: СССР

Если в сталинскую эпоху преобладали легкие комедийные жанры, то к середине 1950-х гг. место комедии занимает киноповесть. Создаются фильмы на современном материале, который затрагивает нравственные проблемы: честность, благородство, верность. В печати доминирует освещение успехов и достижений нового политического курса, а также дальнейших перспектив коммунистического строительства. В этот период в СССР выходит фильм «Рядом с нами» (реж. Адольф Бергункер, 1957), который рассматривает деонтологические вопросы о правде и создании образа передовика в печати.

Андрей Королев, главный герой фильма, показан идеалистом, который идет против лучшего друга, против общественных ожиданий и ожиданий своих коллег ради того, чтобы правда была опубликована. Это еще не расследовательская журналистика, но это понимание ответственности, которая лежит на человеке, работающем в газете. Несмотря на наставления старших коллег Андрей Королев поступает так, как ему говорят совесть и чувство долга.

Фильм «Рядом с нами» показывает работу заводской многотиражной газеты где-то на Алтае, куда в качестве редактора направляют работать молодого журналиста по имени Андрей Королев, только что окончившего МГУ. Предыдущий редактор передает Королеву дела и читает ему наставление о том, как важно узнавать людей, и напоследок говорит: «Кто человека делает героем? Печать».

И действительно, многотиражка, где теперь работает Королев, усилиями предыдущего редактора сделала из токаря Миловинова передовика производства. Однако токарь является обычным рабочим, для которого искусственно создают благоприятные условия: Миловинова героем нарекла печать, и она же распространила миф о его исключительной работоспособности. Королеву пытаются доказать, что это сделано во имя вдохновляю-

щей силы примера. Тем не менее, целеустремленный Андрей пишет разоблачительную заметку о Миловинове и о создании для него условий, при которых токарь перевыполнил план. В данном случае этику нарушает не сам Андрей, он, наоборот, борется с последствиями создания ложного образа передовика в газете.

Однако, в фильме журналист не показан героем как таковым, более того, параллель двух сцен с танцплощадкой (в первой сцене мы видим Миловинова, во второй – другого рабочего, будущего Миловинова) показывает, что разоблачение токаря ничего не изменило, это была лишь победа над частным случаем.

1950-е: США

В это десятилетие Голливуд начинает терпеть убытки, в 1957 г. еженедельный журнал «Newsweek» пишет: «Голливуд болен» [11]. Период был назван «Новый Голливуд». Американская пресса в это время тоже переживает серьезный кризис [8]. Наряду с экспансией телевидения еще одной проблемой прессы стало снижение доверия к ней массовой читательской аудитории. В 1957 году выходит фильм «Сладкий запах успеха» («Sweet Smell of Success», реж. Александр Маккендрик, 1957) про колонки сплетен о знаменитостях. Подобные колонки критиковали, их рассматривали как вмешательство в частную жизнь людей, и они стали постепенно уходить со страниц газет. Фильм снят в жанре нуар, элементами которого являются полумгла, тени, постепенное нагнетание напряжения, атмосфера обреченности [3]. Важным для создания образов людей, движимых амбициями и жадностью, режиссер фильма отмечает демонстрацию района театров и ночных клубов в Нью-Йорке, его невротическую энергию [17]. Все это оставляет отпечаток на образе журналистской профессии.

В фильме сюжет строится вокруг взаимозависимых отношений пресс-агента Сидни Фалько, который берет деньги с клиентов за появление их имен в светской хронике, и Джей Джей Хансекера, влиятельного колумниста крупной нью-йоркской газеты. Для Фалько важно взаимодействие с Хансекером, чьи колонки очень популярны. Джей Джей понимает, что Сидни зависим от него и его колонки, поэтому пользуется пресс-агентом в личных интересах. На пути к цели Фалько делает все, чтобы получить внимание Хансекера, ломает жизни людей по одной лишь просьбе колумниста. Хансекер жесток и беспощаден, люди его боятся, но хотят попасть в его колонку, Джей Джей пользуется этим, он знает, какую власть дает ему журналистика.

Образ Хансекера создавался за счет нагнетания атмосферы вокруг его фигуры. Сначала мы видим

его лицо с волевым подбородком и тяжелым взглядом на автобусе, а затем на странице газеты рядом с его колонкой, но не его самого. Актер Берт Ланкастер, исполняющий роль Хансекера, бывший артист цирка и акробат, демонстрирует в кадре свое мощное присутствие. Когда они с Фалько идут по темным улицам Нью-Йорка, Хансекер как акула плывет по собственным владениям, а Сидни вьется вокруг него. Его характерный жест – нервное обгрызание ногтей.

В фильме рассматривается этичность отношений между коллегами. Когда профессиональные отношения переходят в манипулирование, желание извлечь выгоду, шантаж и угрозы. В фильме показано, чем может обернуться несоблюдение профессиональной этики и этических методов работы, отсутствие моральных принципов и погоня за успехом и деньгами. На примере Хансекера мы видим, что человек, становясь журналистом, имеет соблазн злоупотреблять полученной властью. А на примере Фалько, что тот успех, который обещает профессия, может обернуться саморазрушением.

1960-е: СССР

С наступлением оттепели уходит страх, присущий сталинскому режиму, начинается либерализация советского общества, в печати и в искусстве появляются новые темы. Вместо крестьян и рабочих героями становились ученые, журналисты, учителя. Появляются термины «интеллектуальный герой» и «интеллектуальное кино». Настроение эпохи отражается и в фильмах о журналистике. Они говорят о профессии на деонтологическом уровне, поднимая темы миссии журналиста, его ответственности перед обществом.

Фильм «Журналист» (реж. Сергей Герасимов, 1967) рассказывает о сотруднике отдела писем, которого перед переводом на должность журналиста-международника отправляют в Горноуральск разобраться с письмами-жалобами некой Аникиной на местных чиновников. Алябьев селится у самой Аникиной и обещает ей, что справедливость восторжествует и что он проверит ее жалобы. Но личные чувства вмешиваются в профессиональные задачи журналиста: он влюбляется в соседку Аникиной, Шуру. Аникина осуждает Юрия и Шуру, ведь он столичный гость, который скоро уедет, а девушка будет опозорена. После этого она пишет жалобу в газету, где работает Алябьев, на него самого. Журналист решает, что все ее жалобы такие же необоснованные, он бросает редакционное задание, посчитав его бессмысленным и уезжает из Горноуральска. Алябьев позволяет личным переживаниям повлиять на свою работу, которую он бросает и уезжает, не доведя дело до конца.

Журналист рассуждает как идеалист, он говорит о силе правды, о долге печати, но на практике не следует собственным профессиональным установкам. В рецензиях и критике на фильм авторы отмечают, что Алябьеву не хватает пылкости, у него нет своего мнения и он слишком равнодушен к происходящему [6]. Несоответствие слов и поступков показывает, что это могут быть не настоящие мысли Алябьева, а всего лишь заученные декларации. Тем не менее, в его собственных словах проскальзывает следующее видение профессии: он считает, что журналист выступает в качестве судьи, который исходя из фактов выносит приговор. Но журналист ни в коем случае не может быть либо только защитником, либо только обвинителем, как это делают адвокат и прокурор.

1960-е: США

Общественное недовольство и нарастающие депрессивные настроения в Америке 1960-х годов выливаются в новые течения, в том числе в кино, литературе и журналистике. В частности, развивается направление, которому Том Вулф дал название «новая журналистика». Некоторые новые журналисты (Капоте, Вулф, Томпсон, Норман Мейлер, Джоан Дидион) выступают в качестве сценаристов, а благодаря стилю и темам их материалы становились прекрасной основой для фильмов. Важно отметить, что новые журналисты не остаются в стороне, наблюдая, а становятся участниками событий: Томпсон ездит с Ангелами Ада, принимает психотропные вещества и описывает свой опыт в «Большая охота на акул» (1979) и в «Страхе и отвращении в Лас-Вегасе» (1971).

Фильм «Черный, как я» («Black Like Me», реж. Карл Лернер, 1964) демонстрирует стремление журналиста на собственной коже испытать то, о чем он собирается писать, рискуя при этом собственным здоровьем и жизнью. Картина основана на реальной истории журналиста Джона Гриффина (в фильме персонажа зовут Джон Хортон), который, изменив цвет кожи с помощью ультрафиолетовой лампы и таблеток и став чернокожим, едет на юг США, чтобы в своих статьях продемонстрировать ужасы расизма. Во время эксперимента он приходит к пониманию, что все-таки не может по-настоящему понять, каково это – быть чернокожим в США. Он не проживает эту жизнь, на себе он может испытать только повседневный расизм. Но журналист рискует своим здоровьем и жизнью, чтобы приблизиться к пониманию, чтобы приблизить общество к справедливости.

Действия Хортонна похожи на журналистский метод работы: скрытое включенное наблюдение. Данный метод этически оправдан, если журналист собирает общественно-значимую информацию. Главное, чтобы от методов работы журналиста не

страдали окружающие его люди. В данном случае рискует пострадать только он сам. Что важнее для фильма – продемонстрировать бесстрашие и решительность журналиста, для которого этот риск кажется оправданным. Это и есть миссия журналиста этой эпохи – увидеть настоящую проблему, узнать о ней все изнутри и рассказать об этом с целью изменить положение дискриминируемой социальной группы.

1970-е: СССР

Это десятилетие застоя, попыток сдерживания распада, попыток сохранить состояние сталинской эпохи. Кинематограф наталкивается на цензурные барьеры, что опять же возвращает к ассоциациям с первой половиной века. Антизападная, антибуржуазная направленность советского экрана играет важную роль в холодной войне. Одним из таких фильмов становится «Вашингтонский корреспондент» (реж. Юрий Дубровин, 1972).

Главный герой фильма Громов – собственный корреспондент советской газеты в Вашингтоне. За время своего пребывания в США Громову удается застать три громких убийства: Джона Кеннеди, Бобби Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Фильм показывает США, как страну, где убивают президентов и растет социальное напряжение. Эффект достигается за счет демонстрации в фильме реальных кадров тех событий. Из рецензии *The New York Times*: эти кадры «стремятся создать тревожное, диссонирующее настроение саундтреком в виде рок-музыки самого резкого рода, неожиданными нарезками сцен войны во Вьетнаме и акцентом на расовые проблемы, уличную преступность и социальное неравенство» [19]. А в советской «Литературной газете» пишут, что «документальные кадры как бы взламывают стены washingtonских зданий и дают широкую панораму страны» [7].

Главными «пороками» американских журналистов в фильме являются предвзятость в отношении к фактам, ангажированность. Все события разворачиваются в пресс-клубе для журналистов при Белом доме, где собрались «правые» и «левые», теории убийств которых строятся на их политических взглядах. Правые считают, что Кеннеди убили коммунисты, а левые, что это заговор самого правительства. А были и такие: один из журналистов, Джозеф Брайан, считался левым, но понял, что, если свернуть направо, можно уйти значительно дальше.

1970-е: США

Одним из самых значительных событий 1970-х для США становится Уотергейтское дело, в котором ведущую роль сыграли журналисты. В связи со скандалом глубокими переменами были отмечены функции журналистской профессии, повы-

сился ее престиж, авторитет, возросла сила воздействия, пришло понимание, что демократия теперь под защитой. Расцветал и кинематограф. Новый пик в Голливуде связан с выходом политических фильмов, которые были востребованы аудиторией также в связи с Уотергейтом.

По мотивам книги журналистов *The Washington Post* Боба Вудворда и Карла Бернштейна был снят фильм «Вся президентская рать» («All the President's Men», реж. Алан Дж. Пакула, 1976) о расследовании журналистами Уотергейта. Сюжет построен вокруг самого расследования журналистов, той большой работе с источниками, которую они провели. Фильм формируется с помощью многочисленных деталей. В издании «*Nation*» Роберт Хатч пишет, что ему нравятся эти детали: большое количество выпитого кофе, огромные списки потенциальных источников, которые они изучают, звонки в двери чужих домов, отсутствие времени, чтобы поспать, встречи с тайным источником на пустой парковке [16].

Боб Вудворд – молодой журналист газеты *The Washington Post*. Его, как начинающего корреспондента, отправляют написать отчет о заседании суда по делу о взломе в отеле. Во время суда Вудворд понимает, что этот взлом может привести к более важной теме. Карл Бернштейн работает в этой же газете, он начинает собирать материал вместе с младшим коллегой. Оба журналиста чувствуют, что это больше, чем просто дело о взломе, и начинают свое расследование. Вудворд и Бернштейн очень скрупулезно относятся к фактам и бережно – к источникам.

И именно при работе с источниками журналистам приходится нарушать этику. Когда Вудворд и Бернштейн выходят на сведения о том, что взломщик спонсировал комитет по переизбранию президента, важными источниками для журналистов становятся члены этого комитета. Репортеры не обзванивают их, а стучаться в двери каждого потенциального источника информации, так как они понимают опасность телефонного разговора, а также то, что повесить трубку легче, чем закрыть дверь перед лицом человека. Журналистам сложно найти того, кто согласился бы дать хоть какую-либо информацию. Журналистам приходится прибегать к уловкам. Например, они выдают свои догадки за факты, чтобы посмотреть на реакцию источника. А в некоторых случаях Бернштейну приходится быть очень настойчивым и навязчивым, чтобы люди просто не смогли ему отказать, тогда источнику ничего не остается как под психологическим давлением начать говорить.

Фильм так же скрупулезно, как его персонажи ведут расследование, изучает работу самих журналистов. Благодаря такой детализации зритель

видит все промахи и ошибки, которые совершают журналисты. Но все же общий посыл фильма исходит из консеквенциалистского подхода в журналистской этике, при котором этичность работы измеряется ее результатом [9].

1980-е: СССР

С 1985-го года в СССР начинается период перестройки, который вызывает колоссальные изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе и в журналистике. СМИ, ранее выполняющие идеологические функции, начали, напротив, способствовать освобождению общества от идеологических стереотипов и развитию демократических преобразований в стране. Как следствие, в печати появились новые темы, которые ранее были закрыты: наркомания среди молодежи, алкоголизм, постоянно ухудшающаяся экология ряда регионов страны, новые отношения государства и церкви [10]. В это время журналистские расследования в таком виде, как их показала «Вся президентская рать», приходят и в советское кино. Мы рассмотрим фильм «Чертик под лобовым стеклом» (реж. Октай Мир-Касимов, 1987).

Теймура, журналиста центральной республиканской газеты, приглашают на стажировку в Москву. Однако во время подготовки репортажа о рынке он узнает о браконьерах-рыботорговцах, которым покровительствует кто-то из местной ГЭС: каждый день в одно и то же время течение реки останавливается. Теймур решает отложить поездку и провести расследование. За это время он неоднократно нарушает профессиональную этику. Теймур снимает скрытой камерой браконьеров, которые ловят рыбу. Затем журналист обращается к своему коллеге из местного издания за информацией, но тот отказывается помогать, потому что его уже запугивали, у него отключали газ и свет, избивали сына, подожгли дом. И теперь он пишет только о хорошем, а на плохое закрывает глаза. Однако Теймур давит на журналиста и пытается его пристыдить. Также Теймур пытается обвинить в трусости и других свидетелей, его потенциальных источников. Тем самым он подвергает жизнь источников опасности и оказывает на них давление. Кроме того, Теймур угоняет машину, чтобы сбежать от преследователей. На пути расследования самого Теймура пытаются подкупить, ему пытаются угрожать, коллега предупреждает его об опасности, но журналист не сдается и раскрывает правду о сговоре.

Таким образом, работа журналиста в фильме также рассмотрена в рамках консеквенциалистского подхода. Все его нарушения прощаются, так как он раскрывает общественно важную правду. А сам журналист показан как бескорыстный и бесстрашный герой, который отказался от карьеры

(стажировки в Москве) ради исполнения своей профессиональной миссии там, где он нужен.

1980-е: США

Этот период США знаменуется инаугурационной речью Р. Рейгана 1980 г., в которой он говорит: «Я хочу возродить роль США как лидера свободного мира» [18]. Новые политические круги Рейгана включали в себя «шестидесятников», психологически подверженных «вьетнамскому синдрому», стремившихся доказать геополитическую полноценность своей страны. США принимают участие не менее чем в десяти региональных конфликтах [5]. В горячие точки отправились и журналисты.

В фильме «Под огнем» («Under Fire», реж. Роджер Споттисвуд, 1983) фокус сюжета и обсуждение разворачиваются вокруг темы объективности журналистской профессии, роли фотографа на войне, возможности использования или неиспользования не столько военного оружия, сколько оружие по долгу собственной службы, в данном случае фотоаппарата.

Военный фотограф Рассел Прайс едет снимать революцию в Никарагуа. Рассмотрим один важный эпизод. По Никарагуа разносится весть о том, что лидер и вдохновитель повстанцев, Рафаэль, погиб. Кажется, что революция вскоре будет подавлена, так как ей некому руководить. Повстанцы, узнавшие о талантливом военном фотографе, чьи работы мелькают на обложках американской прессы, приглашают Прайса к себе. Они просят его сделать портрет мертвого Рафаэля под видом живого и невредимого: «Вы отличный фотограф. Сфотографируйте так, чтобы он выглядел живым». «Для чего? Для шумихи в западной прессе?», – с негодованием спрашивает их фотограф. Он называет это безумием. «Я журналист. Это не в моих правилах», – говорит Прайс [12]. Он еще старается оставаться объективным и не вмешиваться в конфликт несмотря на то, какую известность ему принесет обложка с его фотографией Рафаэля. Его коллега Клэр, которая тоже прониклась идеями революции, подталкивает Прайса к принятию решения. И вот, по Никарагуа опять разносится новость, но уже о том, что Рафаэль жив. Все крупные американские СМИ публикуют снимок Прайса, на которой запечатлен «живой» Рафаэль. Но профессиональная деятельность Прайса приводят к множеству смертей.

Прайс идеалист, но правда для него не равно объективной реальности, правда для него – это сторона конфликта, чьи идеи и действия кажутся ему правильными, более оправданными. Он отступает от своего принципа отстраненности ради другой, по его мнению, более благой цели. Может ли журналист выбирать сторону в военном кон-

фликте? В этических кодексах, как в международном, так и кодексах отдельных стран, прописано, что журналист не имеет права брать в руки боевое оружие. Имеет ли он право использовать собственную профессию как оружие для подталкивания развития или окончания конфликта? Эту деонтологическую и этическую грань исследует фильм.

Заключение

Медиакритическая картина второй половины XX века, представленная в художественном кинематографе двух стран, постепенно меняется: 1950-е – это время, когда в СССР журналисты пишут о передовиках производства, а в США – сплетни о личной жизни знаменитых людей. Когда слово журналиста может продвинуть карьеру человека или разрушить. Когда журналист в качестве миссии выбирает либо помощь людям, либо власть над ними. 1960-е – эпоха социальных перемен, когда журналистика реально влияла на общество. В СССР журналисты решали конкретные проблемы, о которых им писали люди со всей страны, а в США журналисты ярко, точно, нестандартно изображали несправедливость современной жизни. Это еще и время размышлений о том, что есть журналистика, какова миссия журналиста. 1970-е – десятилетие, озаменованное тесной связью журналистики и политики. В США журналисты демонстрируют огромную силу и мужество искать правду и открывать ее обществу, даже если речь идет о президенте, когда этические нарушения можно простить, если результат работы стоит того. В СССР поднимается тема ангажированности журналистов, когда их политические взгляды влияют на видение ситуации, правда, на примере представителей американской прессы. 1980-е – время, когда многочисленные военные конфликты становятся главной темой в фильмах о журналистах. В горячих точках американские журналисты попадают в ситуации сложного морального выбора, проверяется их умение сохранять объективность. А советские журналисты вслед за своими коллегами из США начинают проводить опасные расследования, утверждая тем самым идеалистические представления о профессии. Сюжетно-тематический анализ фильмов о журналистике позволяет проследить историю массовой медиакритики, а именно слабые стороны профессии через призму общественного восприятия. Среди них: злоупотребление властью, неосторожное обращение со словом, предвзятость журналистов, невозможность сохранения объективной позиции, давление на источники, манипулирование мнением аудитории. Иногда поведение журналистов оправдывается результатом, иногда журналист способен сам исправить ошибки, а иногда по его вине ру-

шатся жизни и гибнут люди. В деонтологическом плане главными идеалами профессии кино экспонирует – желание открыть правду обществу и добиться справедливости, желание помогать людям, спасать жизни.

Литература

1. Викулина Е. Репрезентация гендера в советской фотографии «оттепели» // Современный дискурс-анализ. 2011. № 2 (5) С. 21 – 34.
2. Горбаткова О.И. Герменевтический анализ фильма «Пикник у висячей скалы» // European Researcher. Series A. 2019. № 10 (2). С. 101 – 109.
3. Иващенко А.В. Исторические и стилистические особенности нуара в американском кинематографе. История и археология. 2015. № 4. [Электронный ресурс] // Электронный научно-практический журнал «История и археология». URL: <http://history.snauka.ru/2015/04/2144> (дата обращения: 14.08.2020)
4. Короченский А.П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2003.
5. Крысенко Д.С. Неоконсерватизм во внешней политике Р. Рейгана (1980-е гг.) // Вестник Мининского университета. 2016. № 1-1 (13). С. 1 – 8.
6. Литературная газета. 19 июля, 1967. № 29. С. 8.
7. Литературная газета, 31 января, 1973. № 5. С. 8.
8. Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004.
9. Морозов К.Е. Деонтологический и консеквенциалистский подходы в журналистской этике // Студент и наука (гуманитарный цикл). 2019. С. 804 – 808.
10. Нода Л.П. Журналистика в период перестройки (1985-1991 гг.) // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2019. № 1 (33). С. 78 – 87.
11. Пигалев Е.А. Система кинопроизводства США в условиях «Нового Голливуда» // European Science. 2016. № 1 (11). С. 11 – 15.
12. «Под огнем» («Under Fire», реж. Роджер Споттисвуд, 1983).
13. Федоров А.В. Анализ аудиовизуальных медиатекстов. М.: МОО «Информация для всех», 2012.
14. Хренов Н.А. Кинематограф с точки зрения времени культуры: осуществленные и неосуществленные замыслы в кино 1970-х годов // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 273 – 286.

15. Чельшева И.В. Герменевтический анализ советских игровых фильмов немого периода (1919-1930) на школьную тему // Медиаобразование. 2017. № 3. С. 193 – 206.

16. Hatch R. Nation. 1976 Apr 24. Vol. 222. Issue 16. P. 505 – 506.

17. Mackendrick and Odets [Электронный ресурс] // the Criterion Collection. URL: (accessed: 15.08.2020)

18. Reagan R. Inaugural Address. US News and World Report, 26. 1980.

19. Shabad T. New Soviet Film Depicts U.S. as Land of Violence and Inequities. The New York Times. 1973 Jan 15. P. 8.

References

1. Vikulina E. Reprerentaciya gendera v sovetskoy fotografii «ottepeli». Sovremennyyj diskurs-analiz. 2011. № 2 (5) S. 21 – 34.

2. Gorbatkova O.I. Germenevticheskij analiz fil'ma «Piknik u visyachej skaly». European Researcher. Series A. 2019. № 10 (2). S. 101 – 109.

3. Ivashchenko A.V. Istoricheskie i stilisticheskie osobennosti nuara v amerikanskom kinematografe. Istoriya i arheologiya. 2015. № 4. [Elektronnyj resurs] // Elektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal «Istoriya i arheologiya». URL: <http://history.snauka.ru/2015/04/2144> (data obrashcheniya: 14.08.2020)

4. Korochenskij A.P. «Pyataya vlast'»? Mediakritika v teorii i praktike zhurnalistiki. Rostov-na-Dony: Izd-vo Rost. un-ta, 2003.

5. Krysenko D.S. Neokonservatizm vo vneshnej politike R. Rejgana (1980-e gg.). Vestnik Mininskogo universiteta. 2016. № 1-1 (13). S. 1 – 8.

6. Literaturnaya gazeta. 19 iyulya, 1967. № 29. S. 8.

7. Literaturnaya gazeta, 31 yanvarya, 1973. № 5. S. 8.

8. Mihajlov S.A. ZHurnalistika Soedinennyh SHtatov Ameriki. SPb.: Izd-vo Mihajlova V.A, 2004.

9. Morozov K.E. Deontologicheskij i konsekvencialistskij podhody v zhurnalistskoj etike. Student i nauka (gumanitarnyj cikl). 2019. S. 804 – 808.

10. Noda L.P. ZHurnalistika v period perestrojki (1985-1991 gg. Vestnik Gosudarstvennogo social'no-gumanitarnogo universiteta. 2019. № 1 (33). S. 78 – 87.

11. Pigalev E.A. Sistema kinoproizvodstva SSHA v usloviyah «Novogo Gollivuda». European Science. 2016. № 1 (11). S. 11 – 15.

12. «Pod ognem» («Under Fire», rezh. Rodzher Spottisvud, 1983).

13. Fedorov A.V. Analiz audiovizual'nyh mediatekstov. M.: MOO «Informaciya dlya vsekh», 2012.

14. Hrenov N.A. Kinematograf s tochki zreniya vremeni kul'tury: osushchestvlennye i neosushchestvlennye zamysly v kino 1970-h godov. YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2017. № 2. S. 273 – 286.

15. CHelysheva I.V. Germenevticheskij analiz sovetskikh igrovyyh fil'mov nemogo perioda (1919-1930) na shkol'nuyu temu. Medиаобразование. 2017. № 3. S. 193 – 206.

16. Hatch R. Nation. 1976 Apr 24. Vol. 222. Issue 16. P. 505 – 506.

17. Mackendrick and Odets [Elektronnyj resurs]. the Criterion Collection. URL: (accessed: 15.08.2020)

18. Reagan R. Inaugural Address. US News and World Report, 26. 1980.

19. Shabad T. New Soviet Film Depicts U.S. as Land of Violence and Inequities. The New York Times. 1973 Jan 15. P. 8.

**SOVIET AND AMERICAN FILMS OF THE SECOND HALF OF
THE XX CENTURY ABOUT JOURNALISTS: ETHICS
AND DEONTOLOGY OF THE PROFESSION**

*Korykhalova P.R., Postgraduate,
St Petersburg University*

Abstract: media criticism, as a complex phenomenon, is not limited by the articles of journalists in the media or researchers' papers in science journals. The author of the article believes that media criticism can also be represented by feature films about journalists. In particular, the field of ethics and deontology of journalism is brought to the fore in these films. The working methods of the characters-journalists, their views on their own profession are criticized there, as well as ideals of professional behavior and the values that journalism serves are conveyed. The article represents the results of a narrative and thematic analysis of Soviet and American feature films of the second half of the 20th century about journalists, namely the analysis of the ethical issues raised in the selected films, analysis of the images of journalists which are presented there. Each film is viewed in a political and socio-cultural context in order to examine the history of mass media criticism through the representation of the journalistic profession in the cinematography of this or that decade. Special attention is being given to the ethics and deontology of journalism as a media critical factor. Moreover, present research allows us to name the weaknesses of the profession through the public perception. Among them: abuse of power, irresponsible attitude to public words, commitment and subjectivism of journalists, pressure on sources, manipulation of the audience's opinion.

Keywords journalists in movies, journalist ethics, the image of journalist, journalism of the USA, journalism of the USSR, comparative analysis

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ГОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

*Новикова В.Ю., кандидат филологических наук, доцент,
Краснодарский государственный институт культуры*

Аннотация: статья посвящена изучению характерных особенностей произведений, которые литературоведческая традиция называет готическими, и установлению хронологических рамок существования готической литературы. Поднят вопрос о преемственности традиции готического нарратива в мировом литературном процессе. Описаны отличительные черты готического нарратива: яркий национальный колорит повествования, обращение к средневековой истории, значительно более глубокий по сравнению с литературой классицизма уровень рефлексии героя, мистическая и фантастическая составляющая как следствие стремления авторов готической прозы к иррационализму, атмосфера тайны и ужаса, построение сюжета как загадки для читателя. Раскрыта историческая преемственность между готической прозой ранней эпохи ее формирования (середина XVIII – начало XIX вв.), литературой реализма XIX в., литературой рубежа XIX-XX вв. и современной литературой – серьезной и массовой. В статье сформулирован вывод о правомерности разделения текстов, обладающих готическим колоритом, на готическую литературу, ограниченную рамками эпох предромантизма и романтизма, и литературу готической традиции. Определено, что главной особенностью готической литературы является ее принципиальная антирациональность и полемика с просветительской концепцией торжества разума над чувством и науки над природой. Полученные результаты могут быть использованы при чтении лекций по теории и истории литературы, написании учебных пособий, составлении методических рекомендаций.

Ключевые слова: готическая литература, предромантизм, романтизм, рационализм, антирационализм, мистическое в литературе, рефлексия персонажа

История развития литературы, обладающей готическим колоритом, насчитывает около двухсот пятидесяти лет. При этом в современной науке до сих пор недостаточно четко определены временные рамки литературы, которую обычно называют готической. Можно ли сказать, что это тексты, которые относятся к исключительно предромантической традиции XVIII в., а тексты, написанные уже в период активного развития романтизма в европейской культуре, обладающие определенными чертами, характерными для готического нарратива, следует отнести к литературе романтизма? И правомерно ли жанровое определение «готический роман» для литературы более позднего периода (начиная с середины XIX в. и до наших дней), серьезной и массовой?

С момент опубликования первого произведения, которое потом назовут готическим, повести Х. Уолпола «Замок Отранто», вокруг новой литературной формы не прекращались споры о ее статусе [2, 3], уровне развлекательности и «серьезности в авторской концепции» [1, с. 30], [6] связи появления жанра с постепенной ломкой традиций классицистического и просветительского нарратива в аспекте неперменной «поучительности» литературного текста [8, 9]. Термин «готический роман» представляется недостаточно четко определяющим эстетические и временные рамки этого явления, и сведение его к ярлыку для определенных текстов, которые в современном понимании ассоциируются с «готикой в литературе», не раскрывает все культурно-исторические особенности поэтики подобных произведений [11, с. 3]. До сих

пор дискутируется вопрос о том, можно ли считать готический роман разновидностью литературного жанра, или он представляет собой тасуемый в зависимости от ситуации набор характерных стилевых признаков, представляющих собой систему определенным образом подобранных мотивов, формирующих в сознании читателя атмосферу ужаса, тайны, которая порождается узнаваемым пространством загадочного замка, заброшенного кладбища, зловещего монастыря и т. п. [13, с. 12]. Поэтому в силу «размытости» термина «готический роман» представляется правильным не привязывать его к узким временным рамкам литературного процесса. Для конкретизации же границ самой готической литературы следует прибегнуть не к ее мотивному анализу и стилистической характеристике, но к условиям ее культурного бытования.

Определение готической литературы, как текстов позднего Просвещения, созданных во 2 половине XVIII в. и принципиально основанных на вызываемом «чувстве ужаса» [7, с. 140], не всегда верно. Уже во втором десятилетии 19 в. появляются прозаические тексты, представляющие собой в какой-то степени пародийное обыгрывание готической прозы (в 1817 г. – «Нортенгерское аббатство» Дж. Остин, в 1818 г. – «Аббатство кошмаров» Т.Л. Пикока), но при этом набор характерных черт готического нарратива в них, тем не менее, присутствовал – загадочные семейные тайны, мрачные замки как основное место событий и т. д. Впрочем, в то же время в литературном процессе превалировала противоположная тенденция –

наследования отдельных черт готической прозы в рамках нового, романтического направления в литературе. Готический нарратив значительно повлиял на становление романтизма. Уже ранние английские романтики (У. Блейк, поэты «Озерной школы») демонстрируют очевидное влияние на свое творчество произведений Уолпола и Радклифф. А в некоторых произведениях («Манфред» Дж.Г. Байрона, «Эликсиры сатаны» и «Песочный человек» Э.Т.А. Гофмана и др.) можно отчетливо заметить, что новую романтическую литературу во многом определяет именно связь с ранней готической прозой в атмосфере текста, роковом предопределении судьбы героя и образах страдающей невинности, «мятущихся душ» и мрачных эгоцентриков. Национально-историческая тематика, характерная для готической литературы рубежа XVIII-XIX вв., вероятно, сформировала основы исторического романа – одного из жанров эпохи романтизма (В. Скотт, В. Гюго, А. де Виньи и др.). В ранней американской романтической литературе (В. Ирвинг) гораздо более заметна взаимосвязь именно с предромантической готической прозой Европы 2 половины XVIII – начала XIX вв., нежели с текущей ситуацией в общеевропейском литературном процессе. Многие «новеллы ужаса» Э.А. По («Черный кот», «Маска Красной Смерти», «Лигейя» и др.) фактически знаменовали начало синтеза готической прозы и новой жанровой формы, фактически изобретенной По в европейской литературе – детективной новеллы («Убийство на улице Морг», «Золотой жук» и др.), таким образом, положив начало традиции дальнейшей взаимосвязи готического нарратива и жанров триллера и детектива в массовой литературе.

Наиболее значимым признаком готической литературы как новой формы в литературном процессе представляется смена ориентира с рациональности мировоззрения и его отражения в искусстве на иррациональность в свете актуализации в искусстве чувствительности и эмоциональности человеческой природы как другой – но не противоположной! – стороны человеческой личности [2] с середины XVIII в. Именно эта антирационалистическая составляющая, возможно, является базовым признаком готической литературы в ее привязке к особенностям культурно-исторических процессов, протекающих в искусстве, начиная с 60-х годов XVIII в. и до середины XIX в. В литературе романтизма эта тенденция выражена не менее ярко. Например, в романе М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» романтический образ Виктора Франкенштейна представляет собой классический фаустианский образ ученого, который жаждет сравняться с Бо-

гом в его демиургической функции и самостоятельно создать живое существо из неживой материи. Подобное вмешательство в природу (отметим, что, с точки зрения М. Шелли, не в природу божественного творения, а в естественный ход бытия) делает рационалистические научные опыты Франкенштейна преступными, а его – жестоким гордецом, отнесшимся к своему творению с презрением. Скорее всего, с момента публикации этого романа образ безумного ученого, способного на бесчеловечные эксперименты во имя науки, и превратился в тиражируемый литературный архетип (см, например, роман «Остров доктора Моро» Г.Дж. Уэллса (1896) или пьесу «Остроумие» М. Эдсон (1999)).

В более поздних литературных источниках антирационализм, дискутирующий именно с ценностями эпохи Просвещения, перестает быть стержнем авторской концепции, отчасти потому что эпоха господства среднего класса создала своего рода новый рационализм, при котором готические тексты постепенно заняли нишу литературы, скорее, щекочущей нервы читателю, литературы развлекательной. Время противостояния с рационализмом прошло.

В текстах раннего и зрелого реализма следы готического романа – в сюжетостроении, типологии нарратива и характеров персонажей – отчетливо прослеживаются в творчестве Ч. Диккенса и О. де Бальзака, П. Мериме, Г. де Мопассана, а параллельно им – в детективных экспериментах У. Коллинза. На рубеже веков в «прекрасную эпоху» характерные черты готической прозы в литературных экспериментах на грани реализма и декадентских форм часто задействуют самые разные авторы – неоромантики (Р.Л. Стивенсон, Дж. Конрад), реалисты (Г. Джеймс) и декаденты (О. Уайлд), авторы детективных (А. Конан Дойл, Г.К. Честертон) и фантастических (Г.Дж. Уэллс, Б. Стокер) романов и новелл. Ко 2 половине XX – началу XXI вв. готические декорации уже ассоциируются и с массовой литературой – от Г.Ф. Лавкрафта до Дж.К. Роулинг, Н. Геймана и С. Кларк. Например, в серии романов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере характерным признаком готического нарратива является прежде всего место действия – древний замок Хогвартс, наполненный тайнами и загадками. Характерно готическим персонажем является также антагонист главного героя (Волдеморт), чья характерная черта – стремление к бессмертию – очевидно, отсылает нас к архетипу мага-алхимика, мечтающего открыть секрет вечной жизни, подобно герою готического романа П.Б. Шелли «Сент-Ирвин, или Розенкрейцер», и далее в английской литературе – к традиционному фаустианскому сюжету К. Марло. Архетипическая взаимосвязь с

готической традицией, очевидно, существует и между главными героями романа С. Кларк «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» и упомянутым выше образом ученого, стремящегося во что бы то ни стало познать тайны бытия («Франкенштейн, или Современный Прометей» М. Шелли). Впрочем, некоторые исследователи отрицают прямую зависимость многих произведений современной фэнтези-литературы от готической литературы, полагая, что на первый план в таких текстах выдвигается маркетинговая стратегия создания «привлекательного для целевой аудитории сюжета и традиция сказочного приключения героев» [11, с. 7].

Многие произведения с середины XIX в. и до наших дней до сих пор последовательно сохраняют признаки, свойственные предшествующей им готической литературе, при том, что не наследуют традицию открытой дискуссии с просветительской поэтикой, свойственную готической литературе. Исходя из этого факта представляется возможным отметить эту взаимосвязь как некую наследуемую *традицию использования определенных черт готического нарратива*. Можно заметить, что влияние готического романа на литературный процесс настолько велико, что Ю.С. Локшина выдвигает постулат о «непрерывности готической традиции» [4, с. 15], в мировой литературе, начиная с XVIII в. и по настоящее время. Рассмотрим общие категориальные признаки как готической литературы, так и поздних текстов, в которых сохраняется «готическая традиция».

Характерной чертой подобной прозы часто становится национально ориентированная тематика. Это в принципе стало характерно для европейского искусства уже с середины XVIII в. – в эпоху формирования крупных империй нового типа и возникновения концепции национальной идеологии – в Пруссии, Франции, Англии. При этом национальный колорит ей часто придают фольклорные мотивы [12, с. 124] – мифологические, сказочные или легендарные. Параллельно готический колорит создается повышенным интересом к прошлому не в обобщенно-унифицированном виде единой для всей образованной публики «классики» – европейского античного наследия в области искусства, а в виде конкретного событийного ряда, состоящего из элементов, важных для истории отдельного государства, отдельной семьи и даже отдельного человека. При этом предпочтение отдается образцам средневековой истории – эпохи, в которую формировались целые государства нового, отличного от античности типа и появлялись личности, по-новому рефлексировавшие себя и окружающий мир, который они подчиняли своей воле.

К элементам готической традиции следует отнести и иное восприятие индивидуального человеческого переживания, эмоциональной рефлексии, причем не как свидетельства слабости или порочности природы, но как естественного отражения многогранности и уникальности личности каждого человека, в связи с чем чувственные переживания в искусстве начинают входить в авторскую концепцию при создании образной системы произведения и прогнозируемой реакции на него реципиента, человека, воспринимающего произведение искусства. Психологизм не только как изображение напряженной внутренней жизни персонажа, но как обостренной чувствительности его души свойственен готической традиции.

Характерна для готического нарратива и отличная от просветительской научной ориентированности модель взаимоотношения человека с неизведанным: не изучение, исследование с целью научного описания, но восприятие неизведанного как следствия сложности мира и его возможной принципиальной непознаваемости, что связывает прозу готической традиции с барочной эстетикой.

В литературе уже во второй половине XVIII века можно увидеть иное концептуальное построение элементов хронотопа художественного произведения, что мы наблюдаем и в готической литературе: пространство исполнено загадочности, культивируется атмосфера тайны, ужаса перед неизведанным [12, с. 124; с. 180]. При этом часто можно заметить, что пространство в подобном произведении периодически закукливается. События развиваются в декорациях средневекового замка («Удольфские тайны» А. Радклифф), древнего аббатства («Имя розы» У. Эко), мрачного дома со странными обитателями («Падение дома Ашерова» Э.А. По, «Поворот винта» Г. Джеймса), редко расширяясь до таинственного леса, заброшенных древних развалин, холодного болота или одинокой пустоши. Для времени же готического нарратива характерна вариативность: переключение с настоящего на прошлое обычно вплетено в сюжетную ткань «разгадывания загадки», анализа таинственного прошлого персонажей или напрямую основано на деконструкции повествования, когда рассказ одного героя сменяется на рассказ другого. В повествовании возникают элементы в виде писем или дневников («Франкенштейн, или Современный Прометей» М. Шелли), включений из древних текстов или чужих рассказов («Рукопись, найденная в Сарагосе» Я. Потоцкого, «Мельмот Скиталец» Ч. Метьюрина) и т.д., что в принципе характерно для европейской литературы XVIII в., в которой активную роль начинает играть дневниковая проза, роман в письмах и т.п. новые жанровые формы. В поздней же литературе XX-

XXI вв., принадлежащей к готической традиции, усложненный, нелинейный сюжет иногда является признаком свойственной искусству постмодерна деконструированной романной модели.

В готическом сюжете на первый план часто выходит мистическая и «фантастическая составляющая» [5, с. 121] как следствие уже упомянутой тенденции распространения интереса к иррациональному в искусстве (как оппозиция рациональному в классицизме и просветительской литературе, продолжение барочных традиций и увлечение национальным фольклором).

Количество героев ограничено рамками сюжетной линии и, казалось бы, набором характерных для готического романа типов («таинственный скиталец» [12, с. 268], страдающая девица – невинная жертва, загадочный злодей, прекрасный и страдающий герой-рыцарь, стремящийся к безграничному знанию ученый – аскет и жестокий экспериментатор, странный монах, демонический колдун, зловещий двойник и т.д.). Однако при этом все чаще в авторском подходе к формированию личности персонажей можно увидеть психологизм в изображении внутреннего мира человека. Толчком к началу переживания обычно становится некое зловещее событие, странное происшествие или характерная для готической прозы атмосфера ужаса, предельного возбуждения чувств, накала страстей, которая нередко, как отмечает Ю.В. Локшина, преломляется в чувство возвышенного: «возвышенное рождается, когда вырываются на волю такие страсти, как ужас; оно процветает во мраке, навеивает мысли о могуществе и обо всем, что связано с отсутствием и лишением – пустоте, одиночестве, безмолвии» [4, с. 4]. Чем ближе готический текст к нашей современности, тем более, с одной стороны, усложняется сюжет, а с другой, он все менее становится привязан к внешним социокультурным процессам, к эстетике господствующих литературных направлений, за исключением, пожалуй, постмодернизма, где концепция естественности межтекстовых взаимосвязей может объяснить любые цитаты и аллюзии на классические готические тексты.

В современной литературе элементы готического нарратива встречаются настолько часто (от психологической прозы Умберто Эко, Джойс Кэрол Оутс, Майкла Фабера и Тони Моррисон до откровенного мейнстрима Стивена Кинга и Дэна Брауна), что современный читатель уже не связывает наличие в тексте таинственных замков, печальных призраков или зловещих монахов с литературой XVIII в. Однако общий источник у этих произведений вполне узнаваем, хотя и может быть не связан с подобными текстами напрямую.

Исходя из вышесказанного полагаем правильным ограничить период существования *готической литературы* рамками предромантизма и романтизма (с 60-х годов XVIII в. до середины XIX в.). Литературу же, базовой идеей которой является антирационалистическое мировоззрение (полемизирующее с просветительской идеей торжества разума над чувством и науки над природой), сохраняющую черты, свойственные готической прозе, но не являющуюся литературой предромантизма и романтизма, предлагается обозначить как *литературу готической традиции*, продолжающую существовать и в наше время в широком спектре художественных форм.

Литература

1. Багауев Ю.Д. Неоготические сюжеты в современной художественной культуре // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36). С. 30 – 32.
2. Заломкина Г.В. Готический миф. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2010. 348 с.
3. Ладыгин М.Б. Английский готический роман и проблемы предромантизма. М.: Художественная литература, 1986. 243 с.
4. Локшина Ю.С. Традиции готического романа в творчестве Айрис Мердок и Джона Фаулза: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 16 с.
5. Михайлов А.Н. Готический роман в культуре предромантизма: фантастика как художественная манифестация кризиса рационалистического сознания // Культура. Духовность. Общество. 2016. № 25. С. 120 – 126.
6. Напцок Б.Р. Аллюзии в английских «готических» текстах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. 2016. № 4 (178). С. 173 – 179.
7. Напцок Б.Р. Английский «готический» роман: к вопросу об истории и поэтике жанра // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. 2008. № 10. С. 139 – 144.
8. Петраш И.А. О «готическом» романе в английской литературе рубежа XVIII-XIX вв. // Проблемы теории и практики современной науки. Нефтекамск, Научно-издательский центр «Мир науки». 2018. С. 121 – 124.
9. Селюнина А.В. Готическая новелла во французской литературе XIX века // Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. Йошкар-Ола, Марийский гос. ун-т. 2020. С. 181 – 186.

10. Скобелева Е. Традиции «готического» романа в английской литературе // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2005. № 1. С. 141 – 148.

11. Aldana Reyes X. The Contemporary Gothic / Oxford Research Encyclopedia of Literature. Oxford, Oxford University Press, 2018. DOI link: 10.1093/acrefore/9780190201098.013.187

12. Snodgrass M.E. Encyclopedia of Gothic Literature, NY, 2005. 480 p.

13. Warwick A. Feeling Gothicky? // Gothic Studies. 2007. № 1. P. 5 – 15.

References

1. Bagauv YU.D. Neogoticheskie syuzhety v sovremennoj hudozhestvennoj kul'ture. Gumanitarnyj vektor. 2013. № 4 (36). S. 30 – 32.

2. Zalomkina G.V. Goticheskij mif. Samara: Izdvo Samarskogo gos. un-ta, 2010. 348 s.

3. Ladygin M.B. Anglijskij goticheskij roman i problemy predromantizma. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1986. 243 s.

4. Lokshina YU.S. Tradicii goticheskogo romana v tvorchestve Ajris Merdok i Dzhona Faulza: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2015. 16 s.

5. Mihajlov A.N. Goticheskij roman v kul'ture predromantizma: fantastika kak hudozhestvennaya manifestaciya krizisa racionalisticheskogo soznaniya. Kul'tura. Duhovnost'. Obshchestvo. 2016. № 25. S. 120 – 126.

6. Napcok B.R. Allyuzii v anglijskih «goticheskij» tekstah. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Filologiya i iskusstvovedenie. 2016. № 4 (178). S. 173 – 179.

7. Napcok B.R. Anglijskij «goticheskij» roman: k voprosu ob istorii i poetike zhanra. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Filologiya i iskusstvovedenie. 2008. № 10. S. 139 – 144.

8. Petrash I.A. O «goticheskom» romane v anglijskoj literature rubezha XVIII-XIX vv. Problemy teorii i praktiki sovremennoj nauki. Neftekamsk, Nauchno-izdatel'skij centr «Mir nauki». 2018. S. 121 – 124.

9. Selyunina A.V. Goticheskaya novella vo francuzskoj literature XIX veka. YAzyki, kul'tury, etnosy Formirovanie yazykovoj kartiny mira: filologicheskij i metodicheskij aspekty. Joshkar-Ola, Marijskij gos. un-t. 2020. S. 181 – 186.

10. Skobeleva E. Tradicii «goticheskogo» romana v anglijskoj literature. Vestnik Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo. 2005. № 1. S. 141 – 148.

11. Aldana Reyes X. The Contemporary Gothic. Oxford Research Encyclopedia of Literature. Oxford, Oxford University Press, 2018. DOI link: 10.1093/acrefore/9780190201098.013.187

12. Snodgrass M.E. Encyclopedia of Gothic Literature, NY, 2005. 480 p.

13. Warwick A. Feeling Gothicky? Gothic Studies. 2007. № 1. P. 5 – 15.

ON THE QUESTION OF DISTINCTIONING GOTHIC LITERATURE AND LITERATURE OF GOTHIC TRADITION

Novikova V.Yu., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture

Abstract: the article deals with the study of characteristic features of the works, which the literary tradition calls Gothic, and the establishment of chronological framework of Gothic literature existence. The question of continuity of the Gothic narrative tradition in the world literary process is raised. The distinctive features of the Gothic narrative are described: the colorful national flavor of the narrative, the appeal to medieval history, the level of hero's reflection is much deeper in comparison with the literature of classicism, the mystical and fantastic component as a result of the desire of the authors of Gothic prose to irrationalism, the atmosphere of mystery and horror, the construction of the plot as a mystery for the reader. The author reveals the historical continuity between the Gothic prose of the early era of its formation (mid-18th – early 19th cc.), realistic literature of the 19th century, and literature of the 19th-20th cc. turn and modern serious and mass literature. The article formulates a conclusion about the legitimacy of the division of texts with a Gothic flavor into Gothic literature, limited by the pre-Romantic and Romantic eras, and the literature of the Gothic tradition. It is determined that the main feature of Gothic literature is its fundamental anti-rationality and polemics with the enlightening concept of the triumph of reason over feeling and science over nature. The results obtained can be used when reading lectures on the theory and history of literature, writing textbooks, drawing up guidelines.

Keywords: gothic literature, pre-romanticism, romanticism, rationalism, anti-rationalism, mystical in literature, character reflection

УТКИН К.Д. – МАСТЕР КОРОТКОГО СТИХА

*Спиридонова М.В.,
Попова С.А.,*

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Аннотация: в статье представляется в основном современная поэзия К.Д. Уткина, который в начале ХХI века начал работать в стиле коротких стихов. В статье впервые рассматривается проблема последовательной эволюции малого жанра поэзии в творчестве К.Д. Уткина. Он, выпустив три сборника, экспериментировал с такими восточными жанрами, как газели и рубаи, хокку и танка, обладающими философским содержанием о жизни человека и особой дидактичностью. Основным открытием и вкладом К.Д. Уткина в современную якутскую поэзию стали его короткие стихи, основанные на традициях народного устного творчества. Пословицы и поговорки – это достояние и мудрость народа, накопленные веками. В них древний якут поделился своими знаниями об окружающем мире, жизни человека и отношениях людей. Поэт использует этот народный клад и дает свои советы, делится своими наблюдениями за действительностью, накопленными за долгие годы жизни, молодому поколению. Заслуга К.Д. Уткина в том, что он доказал, что короткий стих может быть национальным достоянием якутской поэзии, как и японские хокку, танка.

Ключевые слова: Уткин К.Д., якутский поэт, восточные формы стиха, фольклорные жанры, малые жанры якутской поэзии, национальное своеобразие содержания, художественной формы

Уткин К.Д. (1934-1916) – доктор философских наук, профессор, культуролог. Он – действительный член четырех Академий России, автор многочисленных научных работ. Его труды были выпущены в 16 томах «Собрания».

К. Уткин также был известен и как поэт. Его поэтическое творчество можно разделить на два периода – последняя четверть ХХ и начало ХХI веков. В советский период его творчество не выделялось из общего русла развития якутской литературы, поэт в стихах воспевал радости советской жизни, восхвалял политику власти и т.д. Во втором периоде своей творческой деятельности К.Д. Уткин много экспериментировал и особое внимание стал уделять малому жанру поэзии, следуя восточным традициям, затем обратился к национальным истокам якутской литературы. В статье впервые ставится проблема исследования последовательной эволюции малого жанра поэзии в творчестве К. Уткина.

Поэт, увлекшись философскими жанрами восточной поэзии, создавал свои стихи в стиле газелей, рубаи, созданных в Средней Азии и японских хокку, танка. Выпустил три сборника – «Одинокие звезды» (2000), «Волшебный мой наперсток» (2006), «Белые потоки» (2010). Уткин, как ищущий поэт, писал: «Мы всегда как бы находились на стыке культурных взаимодействий традиций Запада и Востока. Меня всегда интересовала восточная поэзия и ее лирические миниатюры, в особенности творчество Омара Хайяма. В их произведениях можно найти силу разума и глубины мыслей человека. Мои стихи в форме рубаи, бейты вошли в сборник «Одинокие звезды», в новой книге пишу в форме хокку» [8, с. 4-5].

Книга рубаи автора «Одинокие звезды» состоит из 9 разделов, в которых его стихи объединены по тематическому принципу: например, 1 – «Человек

– раб мысли», 2 – «Все меняется», 3 – «Учителя жизни» и т.д. Всего у автора 237 рубаи в 948 строках.

*Земля-планета
Изменилась навсегда.*

Одинокие звезды

Вот почему призадумались...

(здесь и далее наш подстрочный перевод).

Или:

*Жизнь коротка,
Как полет птицы,
Маленький внучек гладит
Серебро моей бороды.*

Далее:

*Каждый кичится,
Солнцу уподобляется.
Небо от того хмурится.
Звезд своих прячет.*

Поэт, как философ и как умудренный жизненным опытом человек, в стихах делится своими наблюдениями за жизнью, своими знаниями о действительности. Васильева Т.Н., исследовавшая восточные традиции в якутской поэзии, рубаи Уткина оценивает таким образом: «Характерная черта рубаи Омара Хайяма – идейная глубина содержания и логичность формулировок, что мы, в свою очередь, находим и у К. Уткина как показатель следования основному канону жанровой формы рубаи. В каждом произведении К. Уткина соблюдается строфический канон жанровой формы. Однако канонической структуре (где первые две строки – посылка, третья – кульминация, четвертая вывод) подчиняется меньше четверти четверостиший» [3, с. 73]. Мы со своей стороны отметим, что рубаи О. Хайяма отличаются орнаментальностью высказываний, пышными цветистыми эпитетами и сравнительной образностью. У

К. Уткина стихи емкие, немногословные и отличаются простотой изложения.

В опытах К. Уткина в форме японской твердой формы в сборнике «Волшебный мой наперсток» автор более точно старается следовать традициям жанра. Например:

Кыыстыгартына (1-2-2=5)

Еспеткымнарыкыыста. (2-3-2=7)

Айыысыткурдук. (3-2=5).

И в содержательном отношении стихи философичны, в первых двух строках дается посыл, в последней – заключительная мысль автора. Исследователь пишет: «Афористичность и лаконичность отличают хокку К. Уткина. В кажущейся простоте и утонченности, искренности и мудрости, доброте и чуткости хокку якутского поэта наблюдаются мотивы творчества МацуоБасё. А гражданские мотивы ... сходны с хокку КобаясиИсса. В произведениях якутского автора наблюдаются также формальные, композиционные и слоговые каноны жанровой формы. Из 88 хокку 78 написаны по канонической форме ритмики 5-7-5...» [3, с. 110]. Другой автор хокку Уткина оценил образным выражением: «Они похожи на якутскую красавицу в японской одежде» [2, с. 99]. Другими словами, автор в хокку воплотил свое национальное видение мира.

С другой стороны, отмечают, что полностью осуществить как замысел, так и форму японского малого жанра мало кому удавалось из инонациональных поэтов. Японские хокку загадочны, образы символичны, и их содержание воспринимает только тот, кто знает философию, историю японского народа. Но приблизиться, все же редко, но удается. Поэтому другой исследователь хокку К. Уткина пришел к таким выводам: «Два трехстишия, содержание которых мне понятно и красиво изложено, остались для меня загадочными, шифра, культурного кода к ним я не нашел. На первый взгляд одно стихотворение относится к хиромантии, другое – инкарнации... Всего два трехстишия из двух циклов, но какая информативность в них – никакие доклады и диссертации не в состоянии сравниться с этой формой словесности, которой виртуозно владеет уважаемый профессор» [1, с. 128-129].

Восточные формы привлекали многих якутских поэтов, которые в своем творчестве часто обращаются к форме рубаи, газели, хокку, танка.

Но К. Уткин пошел дальше. Он создает в якутской поэзии свои малые жанры. Вышла его книга «Думы якута» (2012), в которую вошли короткие стихи поэта, основанные на традициях якутского фольклора. Автор преклоняется перед талантом народа, который умел метко и красочно выразить свои мысли в пословицах и поговорках. «Меткие

афоризмы, загадочные выражения таятся у нас в глубине души... Как клюв птички, как глаз рыбки, они малы по своему размеру, но сколько пользы приносят народу. И я решил последовать традициям народной мудрости...» [8, с. 4]. Якуты, переживавшие долгие, лютые месяцы зимы умели и любили думать, размышлять о жизни. К.Д. Уткин пишет: «Великая красота, Высший Разум и Мудрая Мысль определяют суть жизни народа и лежат в основе его Учения» [9, с. 5].

«Краткость – сестра таланта» говорил А.П. Чехов. Краткие народные изречения, в которых находим мудрость древнего народа, всегда были излюбленным жанром якутского фольклора.

В книгу К. Уткина «Думы якута» вошло более 500 афоризмов. Он на этом не остановился, продолжал создавать свои короткие стихи до конца своей жизни. Поэт говорит устами народа, так как «народная мудрость – мерило высшего знания». Поэт прямо заявляет, что свои стихи посвящает молодежи. Он советует, учит жить и относиться с уважением к вечным ценностям, таким образом сохраняя дидактические черты фольклорного жанра. Например:

Имя свое не позорь,

Жизнь на мелочи не променяй...

Или:

Благодарность людей

Блуждает по миру.

Поэтому долго идет...

Стихи поэта, обладающие такой сильной дидактичностью, превращаются в Учение философа. «Философ К.Д. Уткин – настоящий наставник молодежи, ваятель духовного мира юной личности... Таков педагогический вектор философа, педагога, поэта К.Д. Уткина» [5, с. 78].

При этом короткие стихи Уткина, которых он называл лоскутками, как и его рубаи, хокку, и в содержательном плане, и по форме глубоко национальны. В современной якутской литературе постперестроечного времени возрос интерес к фольклорным традициям. На фольклорных сюжетах и образах создавались такие крупные произведения, как поэмы, романы и драмы. А К. Уткин обратился к традициям малых жанров якутского фольклора – пословицам и поговоркам. Как отмечают исследователи-фольклористы, пословицы – это жанр, «непрерывно обновляющийся, отзывающийся на все изменения в развитии человеческого общества. Новые эпохи дают новые изречения» [10, с. 347]. Значение пословиц признавал и основоположник якутской литературы А. Кулаковский, который собрал более 900 пословиц и издал их с переводом на русский язык. «Киси тыла –ох» в переводе на русский: «Слово человека – стрела». То есть меткое слово само по себе опасно, с ним

нужно быть осторожным. Пословица «Человек – речью, корова – мычанием» сродни русскому – «Язык доведет до Киева» и т.д.

Через столетие к ним обратился К. Уткин. Меткость выражений, краткость изложения требуют соответствующей отточенной формы. Стихи К. Уткина состоят из двух, четырех строк. Ритмика в них достигается синтаксическим параллелизмом. Звукопись основана на особенностях якутского стиха: это гармония гласных, согласных звуков – аллитерация. Аллитерация является «основополагающим принципом структурирования якутского стиха» [6, с. 23], поэтому она обязательно присутствует у К. Уткина в его рубаи и хокку. Кроме этого, автор, как и в пословицах, использует также изобразительные средства – сравнения, метафоры, аллгорию, иронию, гиперболу и т.д. Например, в стихотворении:

*Женщина – ножками,
Мужчина – мышцами.
А ножки – все длиннее,
А мышцы – все мельче –*

Автор использует синтаксический параллелизм, который также образует и рифму стиха. Как отмечают, в пословицах «рифмованное завершение имеет 54,5% от их общего количества» [4, с. 19]. То же наблюдается и у К. Уткина. В метонимии «Женщина – ножками, Мужчина – мышцами» и т.д. раскрывается содержание произведения. Автор критикует, как в жизни меняются ценности, когда женщин оценивают по длине ее ног, а мужчина потерял свою гендерную принадлежность. Действительно, в краткости изложения автора подразумевается целый трактат о современной действительности. При этом чувствуется сила иронии, сарказма автора, поднявшего на смех изменяющийся мир.

Таким образом, К.Д. Уткин, долгие годы работая в философской лирике, создал короткий жанр якутской поэзии. И этим поэт обогатил современную якутскую поэзию. Исследователь правомерно отмечает, что «жанровая система не статична, а жанрообразовательные процессы определяются диалектическим единством идейно-тематической и композиционно-структурной особенностей литературного произведения» [7, с. 222]. Стихи К. Уткина, близкие к народным афоризмам, глубоко национальны как по содержанию, так и по форме. Автор в своих стихотворениях-миниатюрах сумел высказать глубокие размышления о жизни, отношениях людей и обо всем Вселенном. В конечном счете он, как поэт и философ, создал свое Учение, обращенное к молодежи. Он, говоря: «Все лучшее на земле создал человек. Назначение человека – творение, творчество, продолжение жизни» [9, с.

250], правомерно считал свое поэтическое творчество своим наследием для будущих поколений.

Литература

1. Андреев И.И. Жанровая форма японских хокку // В поисках мудрости. Доклады, выступления, статьи научно-практической конференции «Уткинские чтения», посвященные 75-летию со дня рождения К.Д. Уткина. Якутск: Бичик, 2011. С. 128 – 130.
2. Багатайский Р. Эссе о друге // В поисках мудрости... С. 91 – 105.
3. Васильева Т.Н. Поэтика твердых форм в якутской лирике. Особенности освоения восточных и европейских художественных традиций. Новосибирск: Наука, 2011. 184 с.
4. Дьячковская М.Н. Аллитерация и рифма в якутской поэзии. Проблемы эволюции и классификации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 153 с.
5. Педагогика мудрости. Якутск: Бичик, 2010. 80 с.
6. Покатилова Н.В. Якутская аллитерационная поэзия. Москва, 1999. 63 с.
7. Сивцева-Максимова П.В. Жанровая типология якутской поэзии. Новосибирск: Наука, 2002.
8. Уткин К.Д. Волшебный мой наперсток. Якутск, 2006. 96 с.
9. Уткин К.Д. Человек в философии якутов. Якутск: Бичик, 1997. 316 с.
10. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.

References

1. Andreev I.I. Zhanrovaya forma yaponskih hokku. V poiskah mudrosti. Doklady, vystupleniya, stat'i nauchno-prakticheskoy konferencii «Utkinskie chteniya», posvyashchennye 75-letiyu so dnya rozhdeniya K.D. Utkina. Yakutsk: Bichik, 2011. S. 128 – 130.
2. Bagatajskij R. Esse o druge. V poiskah mudrosti... S. 91 – 105.
3. Vasil'eva T.N. Poetika tverdyh form v yakutskoj lirike. Osobennosti osvoeniya vostochnyh i evropejskih hudozhestvennyh tradicij. Novosibirsk: Nauka, 2011. 184 s.
4. D'yachkovskaya M.N. Alliteraciya i rifma v yakutskoj poezii. Problemy evolyucii i klassifikacii. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 1998. 153 s.
5. Pedagogika mudrosti. Yakutsk: Bichik, 2010. 80 s.
6. Pokatilova N.V. Yakutskaya alliteracionnaya poeziya. Moskva, 1999. 63 s.
7. Sivceva-Maksimova P.V. Zhanrovaya tipologiya yakutskoj poezii. Novosibirsk: Nauka, 2002.

8. Utkin K.D. Volshebnyj moj naperstok. YAkutsk, 2006. 96 s.

9. Utkin K.D. CHelovek v filosofii yakutov. YAkutsk: Bichik, 1997. 316 s.

10. Ergis G.U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru. YAkutsk: Bichik, 2008. 400 s.

K.D. UTKIN - MASTER OF SHORT VERSE

Spiridonova M.V.,

Popova S.A.,

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

Abstract: the article presents mainly the modern poetry of K.D. Utkin, who in the early 21st century began to work in the style of short poems. The article is the first to consider the problem of successive evolution of the small genre of poetry in the works of K.D. Utkin. He published three collections, experimented with such Oriental genres as ghazals and rubai, hokku and tanka with philosophical content about human life and a special didactic character. The main discovery and contribution of K.D. Utkin to the modern Yakut poetry were his short poems based on the traditions of folk oral art. Proverbs and sayings are the heritage and wisdom of the people, accumulated over the centuries. In them, the ancient Yakut shared their knowledge about the world around them, human life and people's relationships. The poet uses this folk treasure and gives his advice, shares his observations of reality, accumulated over many years of life, to the younger generation. The merit of K.D. Utkin is that he proved that short verse can be a national treasure of Yakut poetry, just like Japanese hokku and tanka.

Keywords: K.D. Utkin, Yakut poet, eastern forms of verse, folklore genres, small genres of Yakut poetry, national originality of content, art form

СРАВНЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ФИЛОСОФСКО-БОГОСЛОВСКИХ ТРУДОВ И. ИЛЬИНА И Н. БЕРДЯЕВА

*Клецков А.В., аспирант,
Общецерковная аспирантура и докторантура им.
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия*

Аннотация: целью исследования является проведение сравнительного анализа стилистических особенностей философско-богословских трудов И. Ильина и Н. Бердяева. В задачи работы видят: описание понятия философско-богословского дискурса; обоснование его общих особенностей; сравнительное исследование стилистических характеристик трудов И. Ильина и Н. Бердяева; В основу статьи легла гипотеза о том, что на стилистическую характеристику философско-богословских трудов влияет функциональный стиль и тип дискурса, а также идиостиль и литературные предпочтения мыслителей. Исследование проведено на основе методов описания, стилистического анализа, сравнительного анализа. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что труды И. Ильина и Н. Бердяева имеют ряд схожих стилистических особенностей в связи с принадлежностью их трудов к единому функциональному стилю, а различия в стилистике состоят в разном восприятии авторского нарратива, приближенного к художественной литературе или публицистике.

Ключевые слова: философско-богословский дискурс, стилистические особенности, И. Ильин, Н. Бердяев, стилистический регистр, тропы

Данная статья посвящена сравнительному анализу стилистических особенностей философско-богословских трудов двух наиболее известных русских философов и теологов И. Ильина и Н. Бердяева. Книги и статьи данных литературных деятелей подвергаются основательному исследованию в современной филологии и лингвистике. Однако их стилистические черты пока еще не исследованы в сравнительном аспекте, чем определяется актуальность настоящего исследования.

Философско-богословские труды следует относить к отдельному типу дискурса, построенному на слиянии философии и теологии. При этом ясная демаркационная черта между собственно философскими текстами и богословскими трудами до сих пор не проведена.

Вслед за С.Н. Стародубец, философско-богословский дискурс следует определять как «комплекс текстов, отражающих особенности лексикона, когнитивного уровня и прагматикона нескольких языковых личностей, объединенных общностью мировосприятия, языковой и концептуальной картины мира, – как символ русской лингвокультуры» [8, с. 5]. Сущность философско-богословского дискурса заключается в том, что в его содержании прослеживаются базовые теологические категории и понятия.

Исследуемый тип текста до сих пор не отражается в системе функциональных стилей. Чаще всего исследователи предлагают относить философско-богословские труды к научному функциональному стилю [7, с. 14]. С другой стороны, не каждый философско-богословский текст следует относить к научному стилю, исходя из значимых отличий таких трудов от собственно научных статей, в частности, их стилистической образности.

Отличительной чертой философско-богословского текста, таким образом, является сочетание черт научного стиля с другими функциональными стилями и жанрами литературоведческих текстов. Так, язык философско-богословских текстов имеет черты, присущие поэзии, особенно в области стилистики, а именно экспрессивные единицы, повышенную метафоричность, образность.

Труды исследуемых в данной статье И. Ильина и Н. Бердяева следует относить к философско-богословским текстам И.А. Ильин (1883-1954 гг.) является одним из ярчайших представителей эпохи так называемого «философского ренессанса» в России и считается выдающимся русским философом XIX в. Отличительной характеристикой трудов И. Ильина является слияние философской линии и художественного начала. Его произведения характеризуются особым индивидуальным стилем и новаторским для русской словесности жанром философско-богословской прозы [9, с. 3]. Н.А. Бердяев (1847-1948) является представителем русского экзистенциализма и персонализма, автором оригинальной концепции философии свободы и концепции нового средневековья.

В рамках сравнительного анализа философско-богословских трудов И. Ильина и Н. Бердяева необходимо, прежде всего, рассмотреть стилистические особенности используемой философами лексики. Традиционно философско-богословским текстам присуще обилие лексики религиозного содержания, которая отличается архаичностью и часто относится к возвышенному стилистическому пласту. Это связано с тем, что она связана с самой ранней формой религиозных представлений о мире.

Сравнительный анализ философско-богословских трудов И. Ильина и Н. Бердяева по-

казывает, что лексика возвышенной / книжной стилистической окраски характерна для обоих мыслителей, а именно книжная лексика / книжная и устаревшая лексика (*верование, слагать, узреть, тщета, чувствилище, сей, грезить, аскеза, онтологизм, искания, кесарь*), поэтическая лексика (*даровать*), высокая лексика (*ныне, деяние*). Следует отметить также присутствие устаревшей лексики, обладающей соответствующими пометами в словарях, например, *хождение, зеница, око*. Некоторые служебные слова также являются устаревшими для современного читателя, что придает философско-богословским текстам более возвышенную окраску. Такая характерная черта больше присуща философско-богословским трудам И. Ильина. Например: *...ибо слабые люди с трудом выносят опасность гибели* [5, с. 6]; *... дабы не исказить божественного действием собственной скудости* [4, с. 126]. Дополнительно возвышенная стилистическая окраска философско-богословского текста в трудах И. Ильина дополняется устаревшими словоформами: *«построается»*, *невьнудимы* и др.

В стилистическом аспекте книжной лексике обычно противопоставлены разговорные и просторечные лексические единицы. Несмотря на их традиционную противопоставленность, в анализируемых философско-богословских трудах И. Ильина и Н. Бердяева встречаются разновидности разговорной лексики. Так, в трудах И. Ильина больше используется народно-разговорная и собственно разговорная лексика: *особливость; ничегонеделание*. Для философско-богословских трудов Н. Бердяева в области стилистически сниженной лексики чаще встречаются просторечия: *... он произносит свою хулу на Христа...* [3, с. 5].

В стилистическом аспекте также следует выделить характерную черту философско-богословских трудов И. Ильина, которая лишь изредка встречается в произведениях Н. Бердяева – авторская терминология, которая в стилистическом плане отличается большой экспрессией и образностью. По мнению исследователя С.Н. Стародубец, авторские термины И. Ильина чаще создаются на основе метафорического переноса [8, с. 13]. Например, за счет метафорического переноса в философско-богословском труде И. Ильина появляется окказиональный термин *душе-дух* [4, с. 6], который позволяет осмыслить человека в религиозных терминах добра и зла.

Другой стилистической особенностью, присущей в той или иной степени каждому из анализируемых мыслителей, является фразеология. В философско-богословских трудах И. Ильина и Н. Бердяева используются фразеологизмы, широко известные в русском языке, для добавления образности и иносказательности повествованию: *...она*

всегда на страже, дабы не исказить божественного действием собственной скудости... [4, с. 124]; *Что русские евреи попали в тиски между большевизмом и погромом...* [2, с. 4]; *Он - литератор до мозга костей* [3, с. 4].

Фразеологизмы в философско-богословских трудах И. Ильина являются следствием афористичности его религиозной и философской прозы, о которой говорит, например, О.С. Тульская [9, с. 20]. Поэтому только у И. Ильина встречаются не только собственно фразеологизмы, но и паремии: *[Он] ... или прекращает борьбу совсем и отходит в сторону («моя хата с краю»)* [5, с. 26]. У Н. Бердяева отличительной чертой фразеологизмов является возможность обыгрывания в дальнейшем контексте: *Человек наложил свою печать на историю всех церквей и всех конфессий, и он всегда склонен принимать свою собственную печать за печать Божества* [1, с. 2]. Фразеологизм *наложить печать* обладает книжной окраской и имеет значение «оставить заметный след, оказать воздействие». В дальнейшем контексте компонент фразеологизма *печать* обыгрывается с целью создать развернутое метафорическое повествование на основе фразеологического выражения.

В стилистическом аспекте философско-богословские труды И. Ильина и Н. Бердяева характеризуются обилием стилистических тропов и фигур, что вызвано слиянием в философско-богословском тексте научности и художественности. Одним из наиболее распространенных стилистических тропов является метафора. Это связано не только с личностью мыслителей-литераторов, но и с характеристикой философско-богословского дискурса – его глубокой метафоричностью, при этом метафора в текстах является «не просто оживляющей, но поясняющей, раскрывающей суть оригинальных рассуждений автора» [7, с. 33-34].

В философско-богословских трудах И. Ильина и Н. Бердяева чаще всего отмечается функционирование конвенциональной метафоры, в связи с чем ее новизна и оригинальность практически не ощущается читателем, но, с другой стороны, создается особая образность в повествовании мыслителей: *плод фантазии, слепое доверие, сердце поет, материнское лоно* и др. Художественная же метафора, создаваемая самим литератором и не являющаяся широко известной, чаще наблюдается у И. Ильина, что связано со слиянием научности с художественным стилем в его произведениях [9, с. 19], тогда как творчество Н. Бердяева больше близко публицистике. Например: *Толпа не имеет единой души, но лишь множество взаимно «заражающихся» и «разжигающихся» душ* [4, с. 7] – в приведенном примере И. Ильин использует,

во-первых, медицинскую художественную метафору, основанную на описании души человека через медицинские термины (*заражаться*), во-вторых, метафору, связанную с понятием огня.

Более того, художественные метафоры в философско-богословских трудах И. Ильина, в отличие от трудов Н. Бердяева, часто являются развернутой метафорой, т.е. функционируют в широком контексте в одном и том же метафорическом образе: *Правда, это индивидуальное тело есть не только «заграждающая стена», но и «впускающая дверь»; и не всякому человеку по силам выдерживать физические лишения и муки, отстаивая эту «дверь» и настаивая на «невторжимости» своей души* [4, с. 29] – в данном контексте можно выделить три элемента метафоры, основанной на описании человеческого тела и его влияния на душу через термины жилища.

Философско-богословские труды И. Ильина отличаются обилием эпитетов, которые практически не используются Н. Бердяевым в его философско-богословском дискурсе. При этом следует отметить, что и у И. Ильина, и у Н. Бердяева для описания одного и того же объекта используется от двух и более эпитетов: *Грозные и судьбоносные события, постигшие нашу чудесную и несчастную родину, проносятся опаляющим и очистительным огнем* [5, с. 1]; *... это вело и ныне ведет к самым тягостным, извращенным, трагическим последствиям* [6, с. 7-8].

Одним из распространенных стилистических топов в философско-богословском дискурсе И. Ильина, и Н. Бердяева является антитеза, т.е. противопоставление. У И. Ильина антитеза очень разнообразна и строится либо на лексических, либо на словообразовательных антонимах. В философско-богословских трудах Н. Бердяева антитеза характеризуется не столько разнообразием, а сколько наслоениями антитез в одном и том же контексте: *Весь Мережковский в антитезах христианства и язычества, духа и плоти, неба и земли, общественности и личности, Христа и Антихриста и т. д. и т. д.* [3, с. 6].

Только в философско-богословских трудах И. Ильина встречаются такие стилистические тропы, как олицетворение, аллюзия и игра слов. Олицетворение используется с целью создания персонализированного образа неодушевленного, абстрактного явления: *страсти и деяния его дышат враждою и разъединением* [5, с. 20]. Целью аллюзии является создать параллель между известными мифологическими или библейскими персонажами современной мыслителям жизнью человека: *А тот, кто был побит камнями, – светит, греет и исцеляет* [6, с. 31]. Игра слов является яркой стилистической особенностью, которая в фило-

софско-богословских трудах И. Ильина сочетается со стилистической образностью окказиональных терминов, как в следующем контексте: *человеческая душа... не может... не «у-ничто-жизвать» священных содержаний жизни и Божьих лучей* [4, с. 124]. Игра слов в приведенном примере заключается в переосмыслении этимологии слова *уничтожить* (от *уничтожать*) и его связи со словом *ничто*.

Философско-богословские труды Н. Бердяева также характеризуются отличительными стилистическими особенностями, которые не наблюдаются или почти не используются И. Ильиным. Одним из таких стилистических приемов является сравнение, которое преимущественно используется в трудах Н. Бердяева: *И эта человеческая активность не только развивала то, что, как семя, было заложено в Божественном Откровении...* [1, с. 2]; *... что его нет, что вот-вот он исчезнет, как мираж* [3, с. 27]. С нашей точки зрения, доминирование сравнения в книгах Н. Бердяева связано с тем, что его философско-богословские труды часто переплетаются с публицистикой, в которой стилистическая образность должна быть максимально понятной читателю. Если сравнить с метафорой, которая характерна больше для философско-богословских книг И. Ильина, склонных к большей художественности, то можно сделать вывод о меньшей понятности многих метафор для широкой массы реципиентов философско-богословского дискурса.

Только в трудах Н. Бердяева отмечается применение гиперболы. Гиперболический язык является характерной чертой стилистики творчества Н. Бердяева: коммунизм, порицаемый Н. Бердяевым, описывается им гиперболизацией *кошмара и ада коммунизма* [2, с. 9]; гиперболическое превознесение Розанова происходит за счет его сравнения с великим философом: *русским Ницше* [3, с. 5]. Также только у Н. Бердяева встречается метонимия с целью создания собирательного образа человечества: *Наша эпоха задыхается от злобы* [1, с. 10].

Отличительные стилистические особенности наблюдаются в области использования стилистических фигур, которые строятся на основе повтора, который позволяет обеспечить эпичность изложения, характерную для поэзии летописного слога. Наибольшее разнообразие повторов наблюдается в философско-богословских трудах И. Ильина, что связано с музыкальностью его слога. Параллелизм наблюдается и в трудах Н. Бердяева, однако в дискурсе И. Ильина параллелизм встречается чаще и распространяется на более широкий контекст. Инвертированный синтаксический повтор (хиазм) также наблюдается и у И. Ильина, и у

Н. Бердяева: *Да будет ваш меч молитвою, и молитва ваша да будет мечом!* [5, с. 1]. Для обеспечения функция воздействия и мелодичности авторы используют лексические повторы: ... группа морализирующих публицистов **неверно** поставила вопрос и **неверно** разрешила его ... отстаивала свое **неверное** разрешение **неверного** вопроса как богооткровенную истину [5, с. 2-3].

Только в трудах И. Ильина отмечается такой вид синтаксического повтора, относящегося к стилистическим фигурам образности, как анафора. При этом в отдельных случаях анафора охватывает сразу несколько абзацев. Другим интересным способом создания мелодичности повествования у И. Ильина является гомеология, или морфемный повтор: ... *вступить на путь **самообуздания** и **самоуправления*** [5, с. 20].

К особенностям философско-богословского дискурса относится инверсия в предложениях и словосочетаниях, что обычно характерно для архаичного церковного повествования и философского нарратива. Поэтому инверсия является одним из характерных стилистических приемов философско-богословских трудов и И. Ильина, и Н. Бердяева: *по существу своему; Беспомощны мы; не имеют признаков юридических; точка зрения христианская*. При этом более частотна инверсия у Н. Бердяева, которая пронизывает весь узкий контекст и позволяет сделать повествование в философско-богословском тексте более возвышенным.

Отдельно следует выделить стилистические особенности фонетического уровня, которые обуславливают музыкальность философско-богословского дискурса, присущую И. Ильину. Одной из фонетических стилистических особенностей трудов И. Ильина является аллитерация, которая встречается, прежде всего, в авторском повествовании: ... *все, что совершается, совершается по воле Божией, и злодей, злодействуя по Его воле, не имеет никаких оснований воздерживаться от своих злодеяний, но всегда может прикрыть их той же ссылкой...* [5, с. 42-43]. Частое повторение звуков *з* и *ж* позволяют более наглядно отобразить жестокость содержания, жесткость описываемых грехов. В трудах И. Ильина также наблюдаются аллитерация в цитатах из произведений русских писателей: *«Бой барабанный, крики, скрежет, – Гром пушек, топот, ржанье, стон»* [6, с. 44].

Другой стилистической особенностью фонетического уровня является включение рифмованных строк в философско-богословское повествование в трудах И. Ильина, которые являются цитатами из стихотворений русских писателей, таких как Григорьева [4, с. 125], Лермонтова [6, с. 23] и др.

Исходя из проведенного исследования, можно сделать вывод, что труды И. Ильина и Н. Бердяева по своей стилистической характеристике, прежде всего, отвечают требованиям построения философско-богословского текста, что выражается в обилии книжной и возвышенной, часто архаичной лексики, высокой метафоричности, обилии средств стилистической образности и повторов разного типа. Однако некоторые стилистические особенности разнятся в произведениях И. Ильина и Н. Бердяева, что связано с большей художественностью философско-богословского дискурса И. Ильина и близостью трудов Н. Бердяева к публицистике. Следовательно, необходимо заключить, что стилистические особенности философско-богословских трудов русских мыслителей зависят как от типа дискурса и функционального стиля, так и от идиостиля самого литератора.

Литература

1. Бердяев Н.А. Вселенскость и конфессионализм [Электронный ресурс]. М.: Директ-Медиа, 2016. Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/vselensk.html>
2. Бердяев Н.А. Еврейский вопрос, как вопрос христианский [Электронный ресурс] // Библиотека «Вехи». Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/ant1.html>
3. Бердяев Н.А. Новое христианство [Электронный ресурс] // Типы религиозной мысли в России: собрание сочинений. Т. III. Париж: YMCA-Press, 1989. Режим доступа: http://www.vehi.net/merezhkovsky/berdyayev.html#_ftn1
4. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Парог, 1993. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lib.pravmir.ru/library/book/255>
5. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою [Электронный ресурс]. М.: Дарь, 2019. Режим доступа: https://legitimist.ru/lib/philosophy/i_ilin_o_soprotivle_niyu_zlu_siloyu.pdf
6. Ильин И.А. Путь к очевидности [Электронный ресурс]. М.: Художественная литература, 2020. Режим доступа: https://filosoff.org/ilyin/wp-content/uploads/sites/117/2015/11/ilin-i.-put-k-ochividnosti-filosoff.org_.pdf
7. Козловская Н.В. Язык русской религиозной философии: от текста к термину и от термина к тексту: Монография. СПб.: Свое издательство, 2018. 462 с.

8. Стародубец С.Н. Специфика организации языковых символических средств в дискурсе И.А. Ильина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 39 с.

9. Тульская О.С. Литературно-художественное своеобразие прозы и поэзии русского философа И.А. Ильина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020. 22 с.

References

1. Berdyaev N.A. Vselenskost' i konfessionalizm [Elektronnyj resurs]. M.: Direkt-Media, 2016. Rezhim dostupa: <http://www.vehi.net/berdyaev/vselensk.html>

2. Berdyaev N.A. Evrejskij vopros, kak vopros hristianskij [Elektronnyj resurs]. Biblioteka «Vekhi». Rezhim dostupa: <http://www.vehi.net/berdyaev/ant1.html>

3. Berdyaev N.A. Novoe hristianstvo [Elektronnyj resurs]. Tipy religioznoj mysli v Rossii: sobranie sochinenij. T. III. Parizh: YMCA-Press, 1989. Rezhim dostupa: http://www.vehi.net/merezhkovsky/berdyaev.html#_ftn1

4. Il'in I.A. Aksiomy religioznogo opyta. Papor, 1993. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://lib.pravmir.ru/library/book/255>

5. Il'in I.A. O soprotivlenii zlu siloyu [Elektronnyj resurs]. M.: Dar", 2019. Rezhim dostupa: https://legitimizat.ru/lib/philosophy/i_ilin_o_soprotivleniyu_zlu_siloyu.pdf

6. Il'in I.A. Put' k ochevidnosti [Elektronnyj resurs]. M.: Hudozhestvennaya literatura, 2020. Rezhim dostupa: https://filosoff.org/ilyin/wp-content/uploads/sites/117/2015/11/ilin-i.-put-k-ochevidnosti-filosoff.org_.pdf

7. Kozlovskaya N.V. YAzyk russkoj religioznoj filosofii: ot teksta k terminu i ot termina k tekstu: Monografiya. SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2018. 462 s.

8. Starodubec S.N. Specifika organizacii yazykovyh simvolicheskikh sredstv v diskurse I.A. Il'ina: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2009. 39 s.

9. Tul'skaya O.S. Literaturno-hudozhestvennoe svoeобразие прозы и поэзии русского философа И.А. Il'ina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Mytishchi, 2020. 22 s.

COMPARISON OF STYLISTIC FEATURES OF PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL WORKS OF I. ILYIN AND N. BERDYAEV

*Kletskov A.V., Postgraduate,
Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Postgraduate Studies*

Abstract: the aim of the research is to hold a comparative analysis of stylistic features of philosophic and theological books of I. Ilin and N. Berdyaev. The tasks of the article include: the description of the notion of philosophic and theological discourse; verification of general features of such text; the comparative research of stylistic features of the books of I. Ilin and N. Berdyaev. The hypothesis that stylistic features of philosophic and theological books are influenced by functional style and type of discourse as well as style and literary preferences of philosophers is the basis of the present article. The research is held on the basis of methods of descriptive, stylistic and comparative analysis. The analysis held in the article shows that the books of I. Ilin and N. Berdyaev have a range of similar stylistic features due to the unique functional style of the books, while stylistic differences consist in different apprehension of the author's narrative close to belles-letters style or publicist style.

Keywords: philosophic and theological discourse, stylistic features, I. Ilin, N. Berdyaev, stylistic register, tropes

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОЙ ПЕРЕКОДИРОВКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Пессяников К.Д., аспирант,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Аннотация: стремительное развитие кинематографа в XX веке оказало значительное влияние на дискурсивные стратегии разных видов искусства. Так, фильм-экранизация представляет собой один из ключевых жанров советской культуры 30-60-х годов. Несмотря на то, что экранизацию допустимо рассматривать как вид текста, обладающего той же целостностью и связностью, как и традиционный художественный текст, необходимо учитывать различия, которые существуют между киноязыком и языком художественной литературы. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы предложить новый подход к анализу механизмов авторского преобразования литературных произведений кино. Согласно данному подходу, перевод литературного произведения в киносценарий для последующей постановки выступает примером культурной перекодировки. Исследование взаимодействия между элементами триады «литературное произведение – сценарий – фильм» требует внимательного изучения как знаковой системы, актуальной для киноязыка конкретного автора, так и художественного языка автора литературного произведения, выступающего первоисточником. Как правило, исследователи обращаются к идейной составляющей произведения, а именно к тому, как основной замысел произведения был воплощен режиссером-постановщиком. В связи с тем, что культурная перекодировка художественного образа в кино предполагает неминуемый разрыв с литературным первоисточником, на наш взгляд, фокус анализа должен быть направлен не столько на прямые соответствия между элементами триады, сколько на характер интермедальных связей, возникающих между ними.

Ключевые слова: интермедальность, перекодировка, семиотика, межкультурные связи, сценарная интерпретация, интертекстуальность

В последние полвека проблема культурной перекодировки стоит достаточно остро. Одним из примеров такой перекодировки служит перевод литературного произведения в киносценарий для последующей постановки. Представляется, что развитие кинематографа значительно повлияло на дискурсивные стратегии, актуальные для художественных практик разных видов искусства: «все большая визуализация культуры ведет к тому, что все большую роль в осуществлении дискурсивных стратегий играют реминисценции, основой которых служат синтетические тексты: фильмы (художественные и мультипликационные), комиксы, рекламные плакаты и видеоролики, прежде оставшиеся преимущественно вне сферы внимания лингвистики текста [1, с. 96]».

Примечательно, что только к XX веку была сформулирована теория, описывающая базовые принципы культурной перекодировки как процесса. Осознание диалогичности искусства в целом и литературы в частности породило целое направление в литературоведении, в рамках которого сформировалась теория *интертекстуальности*. Именно данная теория позволила исследователям по-новому взглянуть на *текстовые и культурные связи* между текстами. Текст в данном случае понимается широко [2].

Принято считать, что культурная перекодировка неразрывно связана с теорией «интертекстуальности». Она была сформулирована французской исследовательницей Юлией Кристевой, по мнению которой «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-либо другого текста» [3]. Это

основополагающее положение теории было подробно рассмотрено в статье К.А. Фомина: «Концепция интертекстуальности Ю. Кристевой...» [4].

Наряду с Юлией Кристевой большой вклад в изучение интертекстуальности внес французский философ Ролан Барт. Он отмечал, что «каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [5, с. 418]. Общая концепция интертекстуальности как широкого понимания текста рассматривается в работах П.Х. Торопа, И.П. Ильина, Н.А. Фатеевой, Н.А. Кузьминой.

Теория интертекстуальности достаточно подробно описывает основные принципы межтекстового взаимодействия, характерные для произведений разных эпох. Между тем исследователи всё чаще обращают внимание на необходимость более внимательного исследования авторских стратегий с учётом актуальных для определённого культурного контекста тенденций: «для историка литературы остаются приоритетными выходы на авторские литературные стратегии в их соотношении с внутренними векторами культурного развития» [6, с. 131].

В.О. Чуканцева отмечает, что «целесообразно говорить <...> об анализе структуры и особенностей *конкретных* произведений, о «переводе», «перекодировании» приемов конкретного живописного полотна в конкретном литературном произведении, о взаимодействии на уровне жанровых форм или техники исполнения (и стиля) произведений» [7, с. 143]. Таким образом, интертекстуальность в научной среде изучена теоретически, однако вопрос предметного и системного осмысления этой теории в контексте межкультурных

связей современной культуры остается открытым, что подтверждается многими исследованиями.

Также необходимо учитывать, что в теории интертекстуальности, прежде всего, речь идет о взаимодействии произведений одного типа – текстов в узком смысле слова. Между тем начиная с середины XX века целесообразно говорить и о диалоге более сложного типа. Новый этап развития культуры и искусства в XX веке подготовил появление новых «синтетических» форм искусства, которые расширили границы межкультурных связей. По убеждению И.И. Иоффе, «само деление искусства на замкнутые обособленные области: литературу, живопись, музыку, скульптуру, архитектуру, с ревниво оберегаемой спецификой, – исторически сложившееся явление, а не свойство самих искусств» [8, с. 16]. Изучением связей между произведениями, относящимися к разным формам искусства, занимается *интермедиальность*.

На первый взгляд интермедиальность может быть воспринята как своеобразное дополнение к интертекстуальности: ключевые аспекты анализа художественного текста в теории интермедиальности были основаны на методологических принципах теории интертекстуальности: обращение к реминисценциям, умышленному и неумышленному цитированию и подражанию, заимствованию фабулы произведения. Между тем интермедиальность по праву представляет собой самостоятельное явление: интермедиальность, прежде всего, предполагает предметное взаимодействие *разных* видов искусства. Как отметила Э. В. Седых, «интермедиальность основана на корреляции разнородных медиа-каналов или «перевод» одного художественного кода в другой и дальнейшем взаимодействии» [9, с. 210]. Важно отметить, что «именно текст выступает той средой, в которой находят свое воплощение процессы взаимодействия различных дискурсов и кодов» [10, с. 71]. Иными словами, проблема корректного перевода содержания произведения это и проблема перекодировки одной художественной системы в другую.

Изначально семиотическая концепция межязыкового перевода основывалась на том, что есть исключительно «говорящий и слушающий язык общения». Со временем, однако, исследователи стали приходить к тому, что семиотическая система не может существовать в рамках одного языка. Так, например, сегодня литературный процесс невозможно рассматривать без учета взаимодействия кино и литературы. Именно поэтому проблема культурной перекодировки художественного образа литературного произведения в кино является одной из ключевых.

Ю.М. Лотман одним из первых стал рассматривать фильм, основанный на адаптированном литературном сюжете, как новую типологическую разновидность, которая появилась в советской культуре в 30-60-х годах 20-го века. Представляется, что фильм-экранизация выступает одним из ключевых жанров в искусстве XX века. В научных исследованиях, которые посвящены изучению языка в русской культуре (Е.Б. Иванова, Ю.М. Лотман, Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова), кино рассматривается как самобытный вид текста, который обладает той же целостностью и связностью, а также, как и традиционный художественный текст, предполагает ретроспекцию. Несмотря на это «кинотекст имеет и ряд специфических признаков, отличающих его от текста художественной литературы: коллективное авторство, виртуальная природа, протяженность во времени, необходимость канала воспроизведения (аппаратура), меньшая, по сравнению с литературным текстом, структурированность, концентрация внимания на человеке» [1, с. 96].

Как в и традиционной практике перевода текста на иной художественный язык, в случае с кино литературное произведение подвергается трансформации, первичным результатом которой является киносценарий. Переработка сюжетов связана с тем, что сценарий в первую очередь создается для режиссера, которому необходимо передать главный смысл литературного произведения на киноэкране. Художественный текст в сценарной интерпретации нередко воспринимается как нехудожественный, так как создан для решения других задач. Кроме того, в сценарии есть определенные правила построения истории, которыми невозможно пренебрегать, что наглядно демонстрируют авторские работы, которые, например, неразрывно связаны с Великой Отечественной войной: тексты Юрия Яковлева («Балерина политотдела» – «Они смотрели смерти в лицо»), Виктора Курочкина («На войне как на войне»), Алеся Адамовича («Хатынская повесть» – «Иди и смотри»), Владимира Кунина («Хроника пикирующего бомбардировщика»).

Существует много работ, посвященных авторскому преобразованию литературных произведений в кино. Как правило, исследователи обращаются к идейной составляющей произведения, а именно к тому, как основной замысел произведения был воплощен режиссером-постановщиком. Однако предметный анализ межкультурных связей в контексте взаимодействия триады «литературное произведение – сценарий – фильм» исследован не был. Проблема авторского перевода художественного текста в киносценарий во многом определяется потребностью *подчинить* литературный пер-

воисточник киноязыку. Буквальное переложение того, что писатель смог донести до читателя в литературном произведении оказывается невозможным: художественный образ неразрывно связан со знаковой системой, в которой он был выражен. Культурная перекодировка художественного образа предполагает неминуемый разрыв этой связи. Чтобы адекватно передать художественный образ средствами другого искусства, нужно найти к нему абсолютно новый подход в другой знаковой системе, что равносильно созданию нового художественного образа.

Заключение

Обращение к феномену адаптации литературного произведения в киносценарий необходимо для осмысления межкультурных связей в русской литературе. Культура развивается благодаря появлению и взаимодействию новых форм: каждое новое «столкновение» семиотических границ формирует не только новый способ знаковой объективации культуры, но и смысл. Таким образом, глубинное осмысление культуры определённой эпохи требует обращения сразу ко всем художественным формам, актуальным для данной эпохи.

Литература

1. Сургай Ю.В. Интертекстуальные связи кинотекста в межкультурном аспекте // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (39). С. 96.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Искусство. СПб., 1998. С. 14 – 285.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Филология. М.: 1995. № 1 (9). С. 97 – 124.
4. Фомин К.А. Концепция интертекстуальности Ю. Кристевой как трансформация теории литературной традиции. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. Т. 2. № 3 (25). С. 120 – 128.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 418.
6. Грякалова Н.Ю. Визуальный артефакт, литературная топика и перспективы интертекстуального анализа // Интертекстуальный анализ: принципы и границы. СПб., 2018. С. 130 – 146.
7. Чуканцова В.О. Интермедиаальный анализ в системе исследования художественных текстов: преимущества и недостатки // Известия

Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 108. С. 140 – 145.

8. Иоффе И.И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. Л., 1933. С. 16.

9. Седых Э.В. К проблеме интермедиаальности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2008. Сер. 9. Вып. 3. Ч. II. С. 210 – 214.

10. Кремнева А.В. Интертекстуальность, интермедиаальность, интердискурсивность: точки соприкосновения // Филология и человек. 2017. № 2. С. 57 – 71.

References

1. Surgaj YU.V. Intertekstual'nye svyazi kinoteksta v mezhkul'turnom aspekte. Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 6 (39). S. 96.
2. Lotman YU.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. Iskusstvo. SPb., 1998. S. 14 – 285.
3. Kristeva YU. Bahtin, slovo, dialog, roman. Vestnik MGU. Filologiya. M.: 1995. № 1 (9). S. 97 – 124.
4. Fomin K.A. Konceptiya intertekstual'nosti YU. Kristevoy kak transformaciya teorii literaturnoj tradicii. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2015. T. 2. № 3 (25). S. 120 – 128.
5. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M., 1989. S. 418.
6. Gryakalova N.YU. Vizual'nyj artefakt, literaturnaya topika i perspektivy intertekstual'nogo analiza. Intertekstual'nyj analiz: principy i granicy. SPb., 2018. S. 130 – 146.
7. Chukancova V.O. Intermedial'nyj analiz v sisteme issledovaniya hudozhestvennyh tekstov: preimushchestva i nedostatki. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. № 108. S. 140 – 145.
8. Ioffe I.I. Sinteticheskaya istoriya iskusstv. Vvedenie v istoriyu hudozhestvennogo myshleniya. L., 1933. S. 16.
9. Sedyh E.V. K probleme intermedial'nosti. Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. 2008. Ser. 9. Vyp. 3. CH. II. S. 210 – 214.
10. Kremneva A.V. Intertekstual'nost', intermedial'nost', interdiskursivnost': tochki soprikosnoveniya. Filologiya i chelovek. 2017. № 2. S. 57 – 71.

ON THE AUTHOR'S REDECODING OF THE ARTISTIC TEXT

*Pessyanikov K.D., Postgraduate,
Leningrad State University named after A.S. Pushkin*

Abstract: the rapid development of cinematography in the 20th century has had a significant impact on the discursive strategies of various types of art. Thus, the film adaptation is one of the key genres of Soviet culture in the 1930s and 1960s. Despite the fact that the film adaptation can be considered as a type of text that has the same integrity and coherence as the internal fiction texts necessary for use between the cinema language and the language of fiction. The purpose of this work is to propose a new approach to the analysis of the mechanisms of the author's transformation of literary works of cinema. According to this approach, the translation of a literary work into a screenplay for the first production is an example of cultural recoding. The study of the interaction between the elements of the “literary work – script – film” triad requires a careful study of both the sign system, which is relevant for the film language of a particular author, and the artistic language of the author of the literary work, which is the primary source. As a rule, researchers turn to the ideological component of the works, as the main idea of the works was the stage director. Due to the fact that the cultural recoding of the artistic image in cinema presupposes an inevitable break with the literary source, in our opinion, the focus of the analysis should be directed not so much at direct correspondences between the elements of the triad as at the nature of the intermediate connections that arise between them.

Keywords: intermediality, recoding, semiotics, intercultural relations, scenario interpretation, intertextuality

ВОПРОСЫ ПРАВСТВЕННОСТИ В ТАТАРСКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

*Хайруллина А.С., кандидат филологических наук, доцент,
Даутов Г.Ф., кандидат филологических наук, доцент,
Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета*

Аннотация: цель исследования – представить пьесы М. Амира ("Песня жизни"), Ю. Аминова ("Подснежники"), Р. Ишмурата ("Их было четверо"), Н. Исанбата ("Гульдзамал", "Муса Джалиль") как произведения нравственного воспитания.

В статье впервые произведения М. Амира, Ю. Аминова, Р. Ишмурата, Н. Исанбата рассматриваются сквозь призму этики и эстетики экспрессионизма.

Пьесы татарских писателей, таких как М. Амир, Ю. Аминов, Р. Ишмурат, Н. Исанбат и другие являются типично экспрессионистскими, как на уровне проблематики, так и на уровне поэтики, драматургии и театра данного модернистского направления: абстрагированный сюжет, схематизм в обрисовке героев (их индивидуализация), непосредственное участие в действе зрителей, жанровое своеобразие социально-философских драм и драм "возвещения" и "преображения", экспрессионистская концепция мира и человека в целом.

Нравственность – один из вечных терминов в литературе. Каждая оценка, данная на основе изучения нравственно-эстетической стороны татарских драматических произведений послевоенного периода, требует сравнительного анализа с литературой прошлого и, являясь основой для последующего изучения, нуждается в особо серьезном подходе к научным исследованиям.

Анализ исторического периода в теоретической части был произведен на основании методов индукции и дедукции. При оценке произведений, ознакомлении с работами ученых по их изучению был использован метод анализа-синтеза.

Полученные результаты могут найти применение в театроведении, в изучении и преподавании истории родной и зарубежной литературы, мировой художественной культуры.

Ключевые слова: татарская литература, драматургия, нравственность, Отечественная война, реализм, романтизм

С окончанием Великой Отечественной войны, несмотря на переполняющую по этому поводу огромную радость, население всей страны, наши соплеменники живут в тоске и печали. Многие остаются сиротами, теряют близких. Чтобы подняться из послевоенной разрухи и нищеты, наряду с физической силой, требуется и душевный подъем. Литературные деятели предлагают читателям художественные произведения, написанные в духе воодушевления и патриотизма. Главные герои данных произведений – известные стране, народу личности. Их героический жизненный путь либо подвиг преподносится в качестве образца. Согласно идеологии, литературе данного периода свойственна идеализация героев.

Соответствие проблематики произведений: изучение драматургии богатого на исторические события, всецело зависящего от политического режима страны периода одновременно помогает раскрыть происходящие в стране процессы. В основу изучения были положены произведения, ярко отражающие концепцию эпохи и человека, человека и нравственности.

В жанре драматургии также выходят в свет произведения, посвященные героическим образам. В 1945-1980-х годах основными тематическими направлениями написанных в духе патриотизма драматических произведений становятся бессмертный подвиг Мусы Джалиля, образцовая

жизнь В.И. Ленина, национальное творчество Г. Тукая. Не только национальные герои, но и добросовестный труд обычного сельского жителя находит отражение в героических пафосных драматических произведениях и преподносится как образец для подражания. После написанной в первые годы войны и поставленной на сцене в 1943-1944 годах, нашедшей популярность в тяжелые годы драмы «Миннекамал» в 1946 году Мирсай Амир пишет произведение «Тормыш жыры» («Песня жизни»). Драма безукоризненна в плане построения, в четырех действиях, состоит из шести картин с прологом и эпилогом. В прологе – места военных действий. Выясняется, что односельчане Басыр и Хайри воевали в одних и тех же краях, они неожиданно встречаются в лесу. Завидев друг друга, оба бойца крайне удивлены и обрадованы. В завязке большую роль играет символ песни. Во время затишья Басыр напевает песню собственного сочинения, посвященную супруге Фатиме. В песне есть слова, по которым лишь Фатима может догадаться, что ее написал Басыр, лишь ей они настолько дороги. Хайри, заслышав песню, подходит посмотреть, кто ее поет. Ей она тоже очень нравится, он также разучивает ее. Песня из уст в уста расходится среди солдат-татар.

Пьесу «Умырзая чэчэклэре» («Подснежники») Ю. Аминов посвящает памяти своих земляков –

зверски убитых белыми мятежниками в 1919 году в деревне Салауш Агрызского района Вужи Сахабиева, Хабибрахмана Кукрякова.

Разошедшаяся по стране идея строительства социализма делит жизнь простых деревенских тружеников на два противоположных лагеря. У них разные взгляды. Одни стремятся жить в общине, строить новую жизнь, другие же против всяческих новшеств. Вдобавок, выясняется, что к деревне подошли отряды белогвардейцев. Красные начинают отступление, во время которого отряду под руководством Максута поручается сбор зерновых с деревенских богачей и отправка их на барже. Данное событие, согласно требованиям идеологии времени, идет в тесной связи с именем В.И. Ленина. Когда-то в Петербурге Максут и сам слышал выступление Ленина. Возвышенный дух, большие надежды на светлое и красивое будущее толкают Максута и его единомышленников на героизм. Герои попадают в руки белогвардейцев, их ждет смерть. Здесь Ю. Аминевым красиво передаются мечты героев произведения о “светлом будущем”:

– Пройдет время... Однажды напишут: 1970-ый год.

– Интересно, что будет на этом месте в семидесятых годах?

– Огромный многоквартирный дом. В каждой комнате – шкафы. В каждом шкафу – толстые книги, на обложках написано золотом...

– ... Для выхода в люди у нас будут лакированные галоши...

– ... Только нижняя рубаша будет холщовой, а верхняя – ситцевой...

–...там девушки будут держать слово. Замуж выходить только за любимых. После свадьбы девушки того времени не будут говорить: «Не люблю, вернусь к маме»... Будут жить дружно, как в сказке. И женщины не будут ругать своих мужей на чем свет стоит... Будут жить душа в душу, как соловушки.

– Да и жизнь будет другая. И жито не будем убирать серпами.

– Если во главе будет стоять Ленин, больше и войны не будет.

После разговора о будущих семидесятых годах, Самига говорит: “В такое время не нужно говорить о смерти” [1, с. 228].

Высока нравственно-этическая сила драмы. Ю. Аминев возвышает справедливость, трудолюбие, духовную крепость. Пропагандируя нравственную чистоту, даже в произведении патриотического содержания он призывает к красоте. Свои идеалы он воплощает через образы обычных людей земли – Максута, Самигу, которые благодаря самоотверженности превратились в героев.

Один из тех, кто написал много произведений в стиле героического пафоса – Наки Исанбет. Еще до изучаемого нами периода он написал большое количество драм. Построенная на конфликте между рабовладельцами и гладиаторами трагедия «Спартак» (1940), описывающая формирование и развитие татарского театра драма «Гөлжамал» («Гульжамал») (1943), посвященная подвигу народа в тылу в годы Великой Отечественной войны трагедия «Мәрьям» («Марьям») (1944) – из таких. Написанный Н. Исанбетом в 1944 году дастан “Идегэй” («Идегей») приносит большие неприятности и сложности как самому автору, так и всей татарской литературе. Он получает развитие как произведение о проблемах времени, судьбе народа, идейной борьбе» [9, с. 158]. В 1956 году Н. Исанбет пишет пьесу о подвиге М. Джалиля и джалиловцев и становится первым автором, поставившим ее на сцене. В произведении, написанном в жанре трагедии, автор выносит на первый план глубокие переживания М. Джалиля за идеалы человечества, его терзания. Трагическая борьба, идущая между поэтом и завоевателями, показывает патриотизм М. Джалиля, его отдачу своему народу, Родине, чувство национальной гордости. В трагедии «Муса Джалиль» Н. Исанбет описывает события Великой Отечественной войны, отражающие трагедию поколений, наций. Сюжет драмы завязывается в семье Альбиковых. Автор пишет о семье Забира Альбикова, эмигрировавшей из Татарстана в Германию. Прошли годы, Альбиковы уже насчитывают три поколения. В душе Забира стерлись понятия нравственности. Человек, обесценивший Родину, ее святость, не может быть высоконравственным, человечным. Сын Забира Фарит преподносится как бездушный человек, не только не уважающий татарский язык, народ, его обряды и традиции, но и откровенно ненавидящий свои корни. Безнравственность возведена в степень, когда она способна уничтожить в человеке и гуманизм, и человеческие чувства. Фарит-Фердинанд во время Великой Отечественной войны становится на путь борьбы против своих соплеменников. Автор находит героев, способных раскрыть различные судьбы наших соотечественников. Бедная бабушка в семье Альбиковых – разлученная с традициями, языком, скучающая по песням своего народа старушка Газиза – лишена возможности умереть на родной земле. Ее боль и личная трагедия также очень печальны.

Н. Исанбет не раз подчеркивает: эти борцы сражаются не против немецкого народа, а против фашизма. В эпизоде встречи Мусы и Розенберга, несмотря на то, что приговорен к смертной казни,

Муса – истинный победитель. Трагедия оканчивается на возвышенной ноте.

Активно творивший в данное время Р. Ишмурат посвящает произведения М. Джалилю, Г. Тукаю, В.И. Ленину, мужественным татарским парням, несущим службу в Тихом океане. Пьеса “Үлмәс жыр”(“Бессмертная песня”), повествующая о бессмертном подвиге М. Джалиля в фашистском плену, была написана Р. Ишмуратом в 1955 году, тогда же поставлена на сцене и завоевала популярность. В первом действии пьесы Муса возвращается из театра. Его стихотворное произведение было принято для сценической постановки. Также поэт принес и большого медведя для дочери Чулпан. Действие, наполненное красивыми чувствами, веселым настроением меняет приход гостя. В дом Мусы приходит Янгузов. Между ними происходит диалог о нации, национальном самосознании, чуть было не перешедший в спор. Из этого эпизода ясно прослеживаются такие качества Мусы, как национальный патриотизм, любовь к своему народу, стремление защищать его интересы. Последующие события выстраивают известные нам факты из биографии поэта. Муса Джалиль добровольцем уходит на фронт, попадает в плен. Он очень тяжело переживает это, однако не поддается пессимизму. Лютая ненависть к врагу вдохновляет его на борьбу. В тюрьме поэт встречает своих казанских друзей (Алексеев, Алиш), собирает вокруг себя патриотически настроенную советскую молодежь, выходит на связь с немецкими коммунистами, таким образом начинает антифашистскую деятельность. Пропаганда ведется в форме подготовки и раздачи листовок, воззваний для советских военнопленных. Здесь сквозь призму перечисленных событий Муса раскрывается как хороший организатор, руководитель. Неподвластный фашизму поэт даже во время казни находит в себе силы читать вслух свои стихотворения. Драматургу Ризе Ишмурату в данном произведении удается раскрыть еще одно важное качество Мусы Джалиля – он никогда не ошибается в выборе друзей. Поэтому в фашистском лагере у него лишь небольшое количество проверенных друзей-соратников: Алиш, Батыршин, Алексеев, Андре. По отношению к бельгийскому партизану Андре Тиммермансу его доверие настолько велико, что даже свою тетрадь со стихотворениями Муса оставляет именно ему, попросив после войны отправить в Татарстан.

В 1961 году Р. Ишмуратом написана оригинальная пьеса. Произведение «Алар дүртәү иде» (“Их было четверо”) посвящено татарским парням, находящимся на службе в Тихом океане.

В более ранних источниках это произведение встречается под названием «Океан батырлары» (“Герои океана”) [6, с. 282]. Нравственность человека и ее проявления в различных ситуациях зависит от множества факторов, сложных явлений, изучение которых заключается в разделении на более мелкие, связанные между собой единицы и рассмотрении по отдельности. Драматическое произведение, повествующее о событиях, достойных права называться образцом нравственности, человечности в самых тяжелых условиях, основано на реальных фактах 60-ых годов XX века.

В те годы в газетах пишут о моряках, попавших в Тихом океане в чрезвычайную ситуацию и оставшихся на судне без управления, лишенных еды. Чтобы понять основную идею, заложенную автором в сюжет произведения, не нужно забывать о времени, когда была написана данная пьеса. Автор доносит человечность, воспитание, характер, психологию моряков, оставшихся один на один перед общим испытанием.

Заключение: Татарская драматургия проходит сложный путь. В начале XX века она побеждает противодействие самодержавия и внутренних консервативных сил и выходит на профессиональный уровень. После войны драматургия поднимает на сцену самые яркие традиции, характерные черты народа и служит пробуждению надежды на будущее, национальной гордости, воспитанию патриотизма.

Традиции, заложенные в 1950-80-х годах, продолжают драматурги, активно работающие в 80-90-ых годах XX столетия. В связи со 100-летием со дня рождения Габдуллы Тукая также было написано несколько пьес – вышли в свет произведения Туфана Миңнуллина “Без китәбез, сез каласыз” (“Мы уходим, вы остаетесь”), Ильдара Юзеева “Очты дөнъя читлегеннән” («Улетела из клетки мироздания»), Ахата Гаффара “Соңгы сәгать” (“Последний час”).

Выводы: Подытоживая, необходимо отметить, что произведения героического пафоса в 1950-80-ых годах были необходимы народу, нации для сохранения нравственно-этической позиции. Сценические произведения данного вида пишутся с целью воспевания подвига, подтверждения значимости человека, подачи примера героизма. Произведения, с одной стороны, согласно идеологии того времени, вдохновляют на великие свершения, дают оптимистический настрой, с другой стороны, в них красной нитью проходит идея, что человек, в каких бы сложных условиях ни оказался, должен суметь сохранить свою человечность, национальную гордость, нравственно-этические качества.

Литература

1. Аминов Ю. Драмы, комедии. Казань: Тат. кн. изд-во, 1981. 384 с.
2. Вали-Баржылы М. Счастье быть вместе // Казан утлары. 2001. №11. С. 172 – 175.
3. Гиззат Б. Чувствуя дыхание времени: О нашей сегодняшней литературе. Казань: Тат. кн. изд-во, 1967. 204 с.
4. Ишмурат Р. Придет этот светлый день: пьесы. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 251 с.
5. Ишмурат Р. Мой мелодичный саз: пьесы / Автор вступительного слова А. Ахмадуллин. Казань: Тат. кн. изд-во, 1983. 352 с.
6. Ишмурат Р. Избранные произведения: в двух томах. Т. 1: Пьесы / Автор вступительного слова Г. Иделле. Казань: Тат. кн. изд-во, 1966. 430 с.
7. Литературоведение: словарь терминв и понятий. Казань: Магариф, 2007. 231 с.
8. Толковый словарь татарского языка для школ: Более 10 000 слов. Казань: Тат. кн. изд-во, 2013. С. 312.
9. Ханзафаров Н. Драматургия Наки Исанбета. Казань: Тат. кн. изд-во, 1982. 194 с.

References

1. Aminov Yu. Dramy, komedii. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1981. 384 s.
2. Vali-Barzhyly M. Schast'e byt' vmeste. Kazan utlary. 2001. №11. S. 172 – 175.
3. Gizzat B. CHuvstvuya dyhanie vremeni: O nashej segodnyashnej literature. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1967. 204 s.
4. Ishmurat R. Pridet etot svetlyj den': p'esy. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1993. 251 s.
5. Ishmurat R. Moj melodichnyj saz: p'esy. Avtor vstupitel'nogo slova A. Ahmadullin. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1983. 352 s.
6. Ishmurat R. Izbrannye proizvedeniya: v dvuh tomah. T. 1: P'esy. Avtor vstupitel'ogo slova G. Idelle. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1966. 430 s.
7. Literaturovedenie: slovar' terminv i ponyatij. Kazan': Magarif, 2007. 231 s.
8. Tolkovyj slovar' tatarskogo yazyka dlya shkol: Bolee 10 000 slov. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 2013. S. 312.
9. Hanzafarov N. Dramaturgiya Naki Isanbeta. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1982. 194 s.

ISSUES OF MORALITY IN TATAR DRAMA WORKS

*Hajrullina A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dautov G.F., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yelabuga Institute of the Kazan (Volga region) Federal University*

Abstract: the purpose of the study is to present the plays of M. Amir ("Song of Life"), Y. Aminev ("Snowdrops"), R. Ishmurat ("There were four of them"), N. Isanbat ("Guldjamal", "Musa Jalil") as moral education works. Scientific novelty of the research: for the first time the works of M. Amir, Y. Aminev, R. Ishmurat, N. Isanbat are viewed through the prism of ethics and aesthetics of expressionism. The results obtained: the plays of Tatar writers, such as M. Amir, Y. Aminev, R. Ishmurat, N. Isanbat and others, are typically expressionistic both at the level of problematics and at the level of elements of the poetics of drama and theater of this modernist trend: abstracted plot, schematism in depicting heroes (their individualization), direct participation in the action of spectators, genre originality of socio-philosophical dramas and dramas of "announcement" and "transformation", expressionist concept of the world and man in general.

Morality is one of the eternal terms in literature. Each assessment, given on the basis of studying the moral and aesthetic side of Tatar dramatic works of the post-war period, requires a comparative analysis with the literature of the past and, being the basis for subsequent study, requires a particularly serious approach to scientific research.

The analysis of the historical period in the theoretical part was carried out on the basis of the methods of induction and deduction. When evaluating the works, familiarizing with the works of scientists on their study, the method of analysis-synthesis was used.

The results obtained can find application in theater studies, in the study and teaching of the history of native and foreign literature, world art culture.

Keywords: Tatar literature, drama, morality, World War II, realism, romanticism

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХ В РОМАНЕ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

*Цзян Пинчжэ,
Ланьчжоуский университет, Китай*

Аннотация: в творчестве Б.Л. Пастернака, в частности, в романе «Доктор Живаго» существует множество образных концептуализаций, таких как образ воды, железной дороги, образ животных и так далее. При этом историография в отношении изучения образов животных в творчестве писателя в настоящее время очень малочисленна. В то же время анималистика в произведениях других писателей довольно активно изучалась на протяжении многих десятилетий. Цель статьи заключается в восполнении данного историографического пробела и в исследовании анималистических концептов в творчестве Б.Л. Пастернака на примере романа «Доктор Живаго». Задачи статьи заключаются в изучении научной литературы по исследуемой теме; выявлении основных символических значений в анималистике прозы Б.Л. Пастернака; а также в раскрытии роли анималистического повтора (репетита) в развитии сюжета романа. Методология исследования основана на литературоведческом подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция); а также ряд специальных методов: метод образного литературного разбора, метод постижения авторской позиции; метод комплексного анализа.

По итогу проведенного исследования автор статьи пришел к выводу о том, что символы таких животных, как крысы, волки и собаки в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» представляют собой повторяющиеся символические образы, концептуальный «анималистический репетит», значение которого глубоко символично и способствует эффективному развитию сюжета романа.

Ключевые слова: символизм, анимализм, проза, литературоведение, роман «Доктор Живаго»

Актуальность тема исследования обусловлена тем, что в течение долгого времени отечественные и зарубежные ученые в основном изучали роман «Доктор Живаго» с социальной и исторической точек зрения. Идеологическая и религиозная проблематика романа затрагивались в связи с историческим временем, судьбой персонажей, политико-социальными проблемами. В последние годы исследования романа были сосредоточены на изучении его художественной ценности, например, на описании пейзажей в романе.

В частности, проблеме античных и христианских традиций в изображении пейзажей и концептуализации образов города посвящены работы таких авторов, как А.А. Скоропадская [6, 7, 8], Я.Н. Войводиц [1], Е.Ю. Колтукова [2].

Образной системе романа «Доктор Живаго» посвящены работы Т.Н. Красавченко [3] и Е.П. Мельничук [4]. Общие концептуальные проблемы прозы Б.Л. Пастернака изложены в работах таких авторов, как Ф. Хопкинс [9], Я.М. Бондарчук [10] и М. Шатских [11].

Однако анималистике как образному приему повтора в романе, влияющему на развитие сюжета, практически не уделялось внимания исследователей. В то же время такие животные, как крыса, волк и собака в романе имеют богатые символические значения. В данной статье проанализированы и интерпретированы символические значения этих животных.

1. Символическое значение крысы в романе «Доктор Живаго»

Крыса – символическое животное, определяемое в анималистике преимущественно в негативном контексте [11, с. 48]. В Европейской культуре

это животное вызывает всеобщее отвращение: она медленно, но верно грызет, портит и уничтожает все вокруг. Неуловимое, грозное и плодовитое ночное существо, обитающее в мрачном мире пещер, сточных канав, тюрем и колодцев, крыса в литературе обычно занимает то же место, что и паук, ящерица, жаба или змея [11, с. 49]. В русской литературе крыса часто ассоциируется с медленной и неотвратимой смертью [11, с. 50], а в западноевропейской литературной традиции крыса ассоциируется с сильнейшей эпидемией чумы 1666 года, когда треть населения Европы была уничтожена этой болезнью, разносчиками которой являются именно грызуны [11, с. 51].

В романе «Доктор Живаго» крыса символизирует негативную силу, которая приносит в жизнь людей незаконные преследования и неприятности. После того, как Живаго осуществил свой побег от партизан и вернулся в дом Лары, было несколько повторных описаний крыс, которыми писатель дает читателю намек на будущие неприятные повороты судьбы героев. Примеры: «Пустующее в отсутствие людей помещение встретило его лязгом и дребезжанием опрокидываемых и падающих жестянок. Всем телом шлепались на пол и врасыпную разбежались крысы. Доктору стало не по себе от чувства беспомощности перед этой мерзостью, которой тут наверное расплодилась тьма тьмущая»; «на кухне крысы гремели опрокинутыми тарелками, выбегали с той стороны вверх по стене, тяжелыми тушами сваливались на пол, отвратительно взвизгивали контрольными плачущими голосами» [5, с. 200]. Попытка героя изменить негативную линию судьбы прорисована писателем в гениальной сцене, когда Живаго об-

морожеными руками, сидя на полу, толчет кирпичом стекло для того, чтобы извести крыс, чем приводит в ужас Ларису. Его состояние практически на грани безумия от перенесенных страданий, сцена проникнута отчаянием всех тех людей, по судьбе которых «прокатилось кровавое колесо революции 1917 года» [1, с. 293].

Когда Живаго вернулся в Москву пешком, он снова встретил крыс: «В невиданном, до тех пор небывалом количестве в полях развелись мыши. Они сновали по лицу и рукам доктора и пробегали сквозь его штанины и рукава, когда ночь застигала его в поле и ему приходилось залечь где-нибудь у межи на ночлег. Их несметно расплодившиеся, отъевшиеся стаи шмыгали днем по дороге под ногами и превращались в скользкую, пискляво шевелящуюся слякоть, когда их давили» [5, с. 243].

Интересно отметить, что в китайской культуре после войн или серьезных социальных изменений крысы всегда появлялись в больших количествах в сельской местности или на дорогах, их появление означало социальные потрясения в жизни людей. Описание крыс в романе Б.Л. Пастернака также имеет аналогичное символическое значение.

Оставленные без присмотра поля, кишасшие всюду крысы и идущий в одиночестве доктор – такое описание заставляет читателя почувствовать себя так, как будто они стали свидетелями конца света. В данном контексте крыса символизирует злые силы, пожирающие Россию. В глазах страдающего Живаго крыса – это симптом болезни войны, оставленный эпохой беспорядка и хаоса.

2. Символическое значение волка в романе «Доктор Живаго»

Природа волка двойственна: он символизирует как силу, мужество, защиту, победу, так и зло, коварство, жестокость. Такую дуальность одна из христианских легенд о происхождении волка объясняет следующим образом: Бог создал человека, а дьявол позавидовал удачному творению и тоже решил испробовать свои творческие силы и создать новое существо [6, с. 622]. Человек не получился – вышел волк. Но, как ни старался дьявол, оживить свое творение он не смог. И тогда Бог, как всегда, пришел на помощь и вдохнул душу в тело волка [6, с. 623].

В начале романа, когда Живаго появился впервые, автор использовал волка как метафору описания главного героя: «Он поднял голову и окинул с возвышения осенние пустыри и главы монастыря отсутствующим взором. Его курносое лицо исказилось. Шея его вытянулась. Если бы таким движением поднял голову волчонок, было бы ясно, что он сейчас завоет. Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал. Летевшее навстречу облако стало

хлестать его по рукам и лицу мокрыми плетьюми холодного ливня» [5, с. 34].

Образ волка в русской культуре двойственен: с одной стороны, волк ассоциируется со смертью, голодом и одиночеством, с другой – с силой, самостоятельностью, смекалкой и преданностью (например, в русских народных сказках волк неоднократно спасает Ивана Царевича от различного рода неприятностей) [11, с. 49]. В романе «Доктор Живаго» образ волка используется в обоих символических значениях: главный герой описывается как волк-одиночка, и в то же время – волки появляются голодной стаей как предвестники беды для влюбленной пары – Юрия Живаго и Ларисы.

Примеры: «Волки стояли рядом, мордами по направлению к дому и, подняв головы, выли на луну или на отвсечивающие серебряным отливом окна Микулицынского дома. Несколько мгновений они стояли неподвижно, но едва Юрий Андреевич понял, что это волки, они по-собачьи, опустив зады, затрусил прочь с поляны, точно мысль доктора дошла до них. Доктор не успел доискаться, в каком направлении они скрылись» [5, с. 228]; «Волки были ближе, чем прошлую ночь, и скрылись еще скорее. И опять Юрий Андреевич не успел уследить, в какую сторону они ушли. Они стояли кучей, он не успел их сосчитать. Ему показалось, что их стало больше» [5, с. 230].

Данный символический повтор, или, по определению Ф. Хопкинса – «символический репетит» [11, с. 49], подразумевает, что Лариса и Живаго находились в ужасающей и мрачной атмосфере. Волк символизировал враждебную силу, которая нарушила их душевный покой. Страх Лары перед волками также подразумевал, что она не выносила такой жизненной среды. Лариса неоднократно повторяла, что не может оставаться здесь надолго и должна немедленно уехать отсюда. По мере того, как количество волков увеличивалось и они приближались все ближе и ближе, так же приближались к ним шаг за шагом серьезные испытания и трудности, а страх и тревога в сердцах Живаго и Лары усиливались. Таким образом, появление волков – это не просто хищные животные, представляющие опасность для влюбленной пары, а символ страха, отчаяния и предчувствия грядущей трагедии. В описании образа волка автор подчеркивает не только суровые условия жизни Живаго и Лары, но и ужас социальной среды того времени. Этот прием, несомненно, способствует дальнейшему развитию сюжетной линии.

3. Символическое значение собаки в романе «Доктор Живаго»

Собака – одновременно символ преданности и верности, но также духовной нечистоты и разврата. Первая характеристика связана с той ролью,

которая отводилась собаке еще на заре развития человечества: во время охоты, при охране жилищ, на пастбищах. Получая из рук человека пищу, собака преданно служила своему хозяину, забывая о своей дикой жизни, которая состояла как раз из самостоятельного добывания корма. Вторая характеристика также напрямую связана с развитием человечества, но в данном случае с изменениями, происходящими в воззрениях людей на окружающий мир, на природу и религию, на взаимоотношения друг с другом. Зачастую собаку в некоторых культурах воспринимают как прислужника дьявола или воплощением самого дьявола [8, с. 343].

Впервые собаки в романе «Доктор Живаго» появились на пути Юрия Живаго, когда он шел пешком в Москву: «Страшные, одичалые, лохматые деревенские дворняги, которые так переглядывались между собою, точно совещались, когда им наброситься на доктора и загрызть его, брели скопом за доктором на почтительном расстоянии. Они питались падалью, но не гнушались и мышатиной, какую кишело поле, и поглядывая издали на доктора, уверенно двигались за ним, все время чего-то ожидая. Станным образом они в лес не заходили, с приближением к нему мало по малу начинали отставать, сворачивали назад и пропадали» [5, с. 243].

Это описание подчеркивает внутренний страх Живаго и оттеняет мрачную атмосферу революционного времени. Человеческое общество, кажется, вернулось в древние времена, и даже собаки, прирученные людьми, вернулись в варварское состояние. Также в работах некоторых исследователей встречается предположение о том, что эти собаки в романе символизировали дьявола, уничтожившего Живаго [7, с.114]. Пережив разлуку с Ларисой, Живаго постепенно теряет рассудок, и у него не оставалось сил жить и надеяться. Образ собак в данном случае используется как символ отчаяния и безумия.

Образы животных в романе «Доктор Живаго» постоянно повторяются, возникая в поворотных моментах сюжета. Образы носят негативную коннотацию и служат дополнительным фоном для создания мрачной атмосферы революционного хаоса, который захлестнул жизнь простых людей, не политиков и не фанатиков, которые, с их привычной системой морали и нравственности просто не могли выжить в формирующейся новой системе «коммунистических ценностей». Такие люди как Живаго были лишними для революции, для нового общества, в котором все прежние ценности оказались разрушенными, а новые еще не сформированными. Образы крыс, собак и волков в романе, появляясь в ключевых моментах развития

сюжета, использовались писателем для метафорической структуры романа.

В целом, можно сделать следующие выводы:

1. В романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернак использует символизм для воплощения атмосферы революционной катастрофы в различных образах – в том числе образы животных. Благодаря изображению животных в романе ярко показаны изменения в психологии персонажей и социальной среды. Также образы выражают размышления автора о политической среде, о судьбе главных героев и показывают изменения в историческом процессе и времени.

2. В качестве стилистического приема для использования образов животных как связки между сюжетными поворотами романа писатель применяет повтор, но не стандартный лексический повтор, хорошо известных в литературоведении, а некий «символический репетит», который определяет линию сюжета.

В целом, анималистика в образной структуре романа «Доктор Живаго», а также в целом в творчестве Б.Л. Пастернака, представляет широкое поле для дальнейших литературоведческих изысканий.

Литература

1. Войводиц Я.Н. Андрич и Пастернак: два романа о творчестве (к проблеме семантики зимы) // Славянский альманах. 2020. № 3. С. 290 – 313.
2. Колтукова Е.Ю. Архетип города в раннем творчестве Б. Пастернака // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 2. С. 112 – 120.
3. Красавченко Т.Н. «Доктор Живаго» с английским акцентом // Литературоведческий журнал. 2020. № 5. С. 61 – 85.
4. Мельничук Е.П. «Второе рождение» романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: тридцать лет после оттепели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 3. С. 48 – 59.
5. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. СПб., 2003. 592 с.
6. Скоропадская А.А. Античные и христианские традиции в изображении сада в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 613 – 628.
7. Скоропадская А.А. Библийские мотивы в изображении деревьев в стихах Юрия Живаго (по роману Б. Пастернака «Доктор Живаго») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7. С. 111 – 114.
8. Скоропадская А.А. Евангелие от Иоанна в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 342 – 354.

9. Hopkins F. An investigation of the Russian poet-author Boris Pasternak and the novel Doctor Zhivago. *The Literary Review: An International Journal of Literary Sciences*. 2020. Vol. 4. P. 22 – 36.

10. Bondarchuk Y.M. Subject-material ontology in «Doctor Zhivago», the «final book» by Boris Pasternak. *Vestnik of Kostroma State University*. 2021. Vol. 26 (4). P. 135 – 147. DOI:10.34216/1998-0817-2020-26-4-135-147

11. Shatskih M. Specificity of implementation of author vital metaphors in doctor Zhivago by Boris Pasternak. *The Literary Review // An International Journal of Literary Sciences*. 2021. Vol. 2. P. 47 – 52.

References

1. Vojvodich YA.N. Andrich i Pasternak: dva romana o tvorchestve (k probleme semantiki zimy). *Slavyanskij al'manah*. 2020. № 3. S. 290 – 313.

2. Koltukova E.YU. Arhetip goroda v rannem tvorchestve B. Pasternaka. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2008. № 2. S. 112 – 120.

3. Krasavchenko T.N. «Doktor ZHivago» s anglijskim akcentom. *Literaturovedcheskij zhurnal*. 2020. № 5. S. 61 – 85.

4. Mel'nichuk E.P. «Vtoroe rozhdenie» romana B.L. Pasternaka «Doktor ZHivago»: tridcat' let posle otpepli. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 2016. № 3. S. 48 – 59.

5. Pasternak B.L. *Doktor ZHivago*. SPb., 2003. 592 s.

6. Skoropadskaya A.A. Antichnye i hristianskie tradicii v izobrazhenii sada v romane B. Pasternaka «Doktor ZHivago». *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2015. № 13. S. 613 – 628.

7. Skoropadskaya A.A. Biblejskie motivy v izobrazhenii derev'ev v stihah YUriya ZHivago (po romanu B. Pasternaka «Doktor ZHivago»). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 7. S. 111 – 114.

8. Skoropadskaya A.A. Evangelie ot Ioanna v romane B. Pasternaka «Doktor ZHivago». *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2011. № 9. S. 342 – 354.

9. Hopkins F. An investigation of the Russian poet-author Boris Pasternak and the novel Doctor Zhivago. *The Literary Review: An International Journal of Literary Sciences*. 2020. Vol. 4. P. 22 – 36.

10. Bondarchuk Y.M. Subject-material ontology in «Doctor Zhivago», the «final book» by Boris Pasternak. *Vestnik of Kostroma State University*. 2021. Vol. 26 (4). P. 135 – 147. DOI:10.34216/1998-0817-2020-26-4-135-147

11. Shatskih M. Specificity of implementation of author vital metaphors in doctor Zhivago by Boris Pasternak. *The Literary Review. An International Journal of Literary Sciences*. 2021. Vol. 2. P. 47 – 52.

SYMBOLS OF ANIMALS IN THE NOVEL «DOCTOR ZHIVAGO» BY B.L. PASTERNAK

*Jiang Pingzhe,
Lanzhou University, China*

Abstract: in the works by B.L. Pasternak, in particular in the novel «Doctor Zhivago», there are many figurative conceptualizations, such as the image of water, a railway, the image of animals, and so on. At the same time, historiography with regard to the study of animal images in the writer's work is currently very few. At the same time, animalism in the works of other writers has been quite actively studied for many decades. The article goal is to fill this historiographic gap and to study animalistic concepts in the work by B.L. Pasternak on the example of the novel «Doctor Zhivago». The objectives of the article are to study scientific literature on the topic under study; identifying the main symbolic meanings in the animalistic prose by B.L. Pasternak; and in revealing the role of animalistic repetition in the development of the novel's plot. The research methodology is based on a literary approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction); as well as a number of special methods: the method of figurative literary analysis, the method of comprehending the author's position; complex analysis method.

Based on the results of the study, the author of the article came to the conclusion that the symbols of animals such as rats, wolves and dogs in the novel «Doctor Zhivago» by B.L. Pasternak are repetitive symbolic images, conceptual «animalistic repetition», the meaning of which is deeply symbolic and contributes to the effective development of the novel's plot.

Keywords: symbolism, animalism, prose, literary criticism, the novel «Doctor Zhivago»

ИММЕРСИВНЫЕ МЕДИА В КИТАЕ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ СМИ

*Юй Синьцзюнь, аспирант,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: в последние годы китайская медиа-система проходила значительные изменения в связи с развитием технологий. От цифровой трансформации бумажных СМИ до развития "умных" СМИ в эпоху омнимедиа, индустрия СМИ Китая развивается быстрыми темпами. На протяжении всей истории человечества количество информации увеличивалось: от бумажных книг до радио, телевидения и современных терминалов. С наступлением эры 5G технологии иммерсивных медиа также будут развиваться. В данной статье приводятся примеры применения иммерсивных медиа в Китае в последние годы и дается анализ с теоретической и технической точек зрения с использованием комбинации количественных и качественных методов. Делается вывод, что, хотя иммерсивные медиа появились и пытаются использоваться в Китае, для их широкого применения еще требуется время. Иммерсивные медиа-технологии все еще находятся на ранних стадиях развития, и рыночная зрелость нуждается в улучшении. В будущем, с крупномасштабной популяризацией 5G, дальнейшим прорывом в аппаратном обеспечении и технологиях иммерсивного мультимедиа, снижением производственных затрат и разработкой более высококачественного контента, продукты и услуги с иммерсивным мультимедиа будут широко приняты основными группами, приложениями, сценарии и коммерческие площадки будут полностью активированы. И его применение в области средств массовой информации станет более распространенным и популярным, и это станет новой тенденцией в цифровизации бумажных средств массовой информации и интеграции средств массовой информации.

Ключевые слова: иммерсивная медиа, интеллектуальная медиа, виртуальной реальности, медиа-конвергенция, СМИ

Введение

За последние семь-десять лет произошли глобальные изменения в журналистике, коммуникационных технологиях и в частности в печатных средствах массовой информации. На наших глазах редакции традиционных СМИ фактически переориентировали стратегию своих изданий в сторону мультимедийности и медиаконвергентности, последовательного развития электронных медиа. Эти аспекты ещё недостаточно рассмотрены современными исследователями медиа. С быстрым развитием технологий китайская индустрия печатных СМИ вступила в стадию высокоскоростного развития медиаконвергенции, а иммерсивные СМИ как высокотехнологичный проект медиаконвергенции заслуживает внимания и изучения. Актуальность исследования связана не только с технологическим развитием медиаконвергенции в Китае и прогнозированием новых тенденций в медиаконвергенции, но и с принятием и пониманием чередования старых и новых медиа. С упадком индустрии традиционных бумажных СМИ многие считают, что печатная индустрия умерла. А вместе с развитием виртуальных технологий, 5G, больших данных и других новых технологий печатные СМИ вновь демонстрируют жизнеспособность и энергичность благодаря медиаконвергенции. В заключение следует отметить, что медиаконвергенция станет основным направлением развития новостной индустрии, а развитие новых медиатехнологий будет неизбежной исследовательской точкой в будущем журналистской академии.

В сегодняшнюю эпоху цифровых сетей можно сказать, что средства массовой информации стали

продолжением центральной нервной системы. Цифровые интернет-СМИ меняют восприятие и мышление нового поколения. Интернет – это наша внешняя нервная система, развитая подобно мозгу. Следовательно, находясь перед лицом цифровых медиа чувства и мышление людей в новую эпоху будут совершенно новыми, объемными, целостными, непрерывными, нелинейными и неповторяющимися. Согласно теории М. Маклюэна, каждая новая медиа-технология является продолжением человеческого тела и расширением человеческих органов чувств, поэтому она новое чувство восприятия для аудитории [1].

С точки зрения теории коммуникации, технология виртуальной реальности расширила «порог восприятия» аудитории в реальном мире. Ее рост и применение подтвердили классический тезис теории СМИ Маклюэна: «Любая среда – это не что иное, как человеческое восприятие. Расширение или расширение. «И это также важная теоретическая основа для того, чтобы VR-технология могла способствовать интеграции и трансформации СМИ, а также способствовать социальному развитию.

С макроэкономической точки зрения технология VR – это только часть концепции иммерсивных медиа (Immersive Media), которые могут слияние реального мира и виртуального, среду взаимодействия человека и компьютера основанную на VR (виртуальной реальности), AR (дополненной реальности), MR (смешанной реальности) и иных технологиях. Иммерсивные медиа имеют широкое применение в сфере развлечений, культурного туризма, образования, медицины, произ-

водства и т. и., и считаются одной из революционных тенденций, которые изменят образ жизни человека и его работы в будущем. С ускорением коммерческого развертывания 5G, на которую наложилась эпидемия коронавируса, привела к переходу на домашний образ жизни людей, и ожидается, что иммерсивные медиа откроют новые возможности для развития.

Самый известный случай иммерсивных медиа в сфере китайских новостей произошел во время ВСНП и НПКСК в 2016 году. В статье Цзэн Сянминь и Дун Сяожань «Исследование продуктов визуализации информации в новостных отчет

тах за 2016 год», подготовленные Цзэн Сянминем и Дун Сяожаном, два ученых выбрали People.cn, Xinhuanet, Guangming.com и People's Daily Online в течение национального периода «ВСНП и НПКСК», с 2 по 16 марта 2016 г. Четыре центральных СМИ CCTV и два коммерческих СМИ Tencent и NetEase проанализировали продукты визуализации своих веб-сайтов, клиентов и общедоступные аккаунты WeChat на тему «ВСНП и НПКСК», чтобы выявить в конкретный рабочий путь реформы СМИ и инноваций, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Список количества продуктов визуализации шести основных СМИ за ВСНП и НПКСК 2016 года [2, с. 3]

	Инфо-графика	Gif-анимация	VR	Интерактивная реклама	Интерактивный веб-интерфейс	Видео, мультфильмы	Манга	Мини-игры	Итого
People.cn	28	0	1	27	2	5	0	0	63
Xinhuanet	25	0	17	5	21	4	0	0	72
Guangming.com	18	0	36	17	0	9	0	0	80
People's Daily Online	57	0	14	1	23	6	8	0	109
Tencent	0	0	0	11	7	5	0	0	23
Netease	0	103	9	4	0	0	0	1	117
Итого	128	103	77	65	53	29	8	1	464

Из этих данных мы можем ясно видеть, что большая часть работ VR-панорамы в отчетах двух сессий занимают большую часть. Во время конференции различные СМИ стремились к прорыву в освещении новостей с помощью новых медиа-технологий, чтобы способствовать интеграции медиа и изменениям в медиа-технологиях. Среди них форма VR-оборудования и иммерсивные новостные репортажи стали очень заметным изменением в этих двух сессиях. Средства массовой информации Китая имеют большое значение на пути интеграции средств массовой информации и инновационных исследований.

В 2019 году была полностью обновлена «Кухня Fusion Media» «China Youth Daily», и был запущен проект «Immersive Experience News». Первый иммерсивный и интерактивный документальный фильм «Жизнь 92-летнего Ван Тайлина» [3] рассказывает об идеалах и является одним из визуальных продуктов в серии "Спросить совета", созданной студией культуры и медиа "Чжунцин" Культурного центра газеты. В фильме рассказывается трогательная история 92-летнего профессора Ван Тейлина, который трудится по 12 часов в день, усердно и самоотверженно. Весь процесс съемки был трудным, но полным тепла и эмоций. До и

после фильма было снято 53 видеофрагмента, и было внесено более 10 исправлений, чтобы показать обычное и вдохновляющее жизненное стремление профессора Ван Тейлина в разных ракурсах.

На пятом заседании 13-го заседания Циндао НПКСК в январе 2021 года «Qingdao Daily» как местное официальное бумажное СМИ использовала панорамную камеру 8K для трансляции 360-градусного HD-видео без слепых зон на месте встречи и синтезировала изображения в формат VR [4]. Это полностью показывает, что применение иммерсивных медиа-технологий реализуется не только в национальных СМИ, но и в местных СМИ. На техническом уровне иммерсивные медиа достигли стадии предварительного применения.

В целом иммерсивные медиа-технологии все еще находятся на ранних стадиях развития, и рыночная зрелость нуждается в улучшении. В будущем, с крупномасштабной популяризацией 5G, дальнейшим прорывом в аппаратном обеспечении и технологиях иммерсивного мультимедиа, снижением производственных затрат и разработкой более высококачественного контента, продукты и услуги с иммерсивным мультимедиа будут широко приняты основными группами, приложениями, сценарии и коммерческие площадки будут полно-

стью активированы. И его применение в области средств массовой информации станет более распространенным и популярным, и это станет новой тенденцией в цифровизации бумажных средств массовой информации и интеграции средств массовой информации.

Литература

1. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека: пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Гиперборея; Кучково поле, 2007. 464 с.
2. Цзэн С., Дун С. Исследование продуктов визуализации информации в новостных отчетах за 2016 год. М.: Media, 2016. 4 с.
3. Шитун Ч. Жизнь 92-летнего Ван Тайлина. 2019. URL: http://zqb.cyol.com/html/2019-11/22/nw.D110000zgqnb_20191122_1-06.htm (дата обращения: 22.11.2019)
4. Синь Ж. Сегодня эта 90-летняя женщина-репортер из Циндао знаменита. 2021. URL:

<https://mp.weixin.qq.com/s/J0ZIxBPWTlh5gMqUwpCxBg> (дата обращения: 11.01.2021)

References

1. Maklyuen M. Ponimanie Media: vneshnie rasshirenaya cheloveka: per. s angl. V.G. Nikolaeva. M.: Giperboreya; Kuchkovo pole, 2007. 464 s.
2. Czen S., Dun S. Issledovanie produktov vizualizacii informacii v novostnyh otchetah za 2016 god. M.: Media, 2016. 4 s.
3. SHitun CH. ZHizn' 92-letnego Van Tajlina. 2019. URL: http://zqb.cyol.com/html/2019-11/22/nw.D110000zgqnb_20191122_1-06.htm (data obrashcheniya: 22.11.2019)
4. Sin' ZH. Segodnya eta 90-letnyaya zhenshchina-reporter iz Cindao znamenita. 2021. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/J0ZIxBPWTlh5gMqUwpCxBg> (data obrashcheniya: 11.01.2021).

IMMERSIVE MEDIA IN CHINA: NEW TRENDS IN MEDIA DEVELOPMENT

*Yu Xinjun, Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University*

Abstract: the Chinese media system has been through significant changes in recent years due to the development of technology. From the digital transformation of newspaper to the development of smart media in the Omni Media era, China's media industry is developing at a rapid pace. Throughout history, the amount of information has increased from books to radio, television and modern terminals. With the advent of the 5G era, immersive media technologies will also evolve. This paper presents examples of the application of immersive media in China in recent years, and uses a combination of quantitative and qualitative methods to provide analysis from both a theoretical and technical perspective. It is concluded that although immersive media has emerged and tried to be used in China, it still needs time to be widely used. Immersive media technology is still in the early stages of development, and market maturity needs improvement. In the future, with the large-scale popularization of 5G, further breakthroughs in immersive media hardware and technology, lower production costs and the development of higher-quality content, immersive media products and services will be widely adopted by major groups, applications. scenarios and commercial sites will be fully activated. And its application in the field of media will become more widespread and popular, and it will become a new trend in the digitalization of paper media and the integration of mass media.

Keywords: immersive media, intelligent media, virtual reality, media convergence, mass media

Д.Л. МИХАЛОВСКИЙ КАК ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК ПЕРЕВОДА (К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ)

*Синёв А.Д., кандидат филологических наук, доцент,
Животов А.А.,
Сибирский государственный университет науки
и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва*

Аннотация: предлагаемая статья посвящена поэту-переводчику Дмитрию Лаврентьевичу Михаловскому, до сих пор находящемуся фактически вне поля зрения нашего литературоведения. Рассматриваются эволюция его теоретических взглядов на перевод, публицистическая деятельность, оригинальное творчество, а также переводные произведения второй половины XIX века. Переломным этапом в развитии теории и практики перевода и одновременно «отправной точкой» эволюции переводческой мысли XIX в. в России служит эпоха романтизма. С этого времени переводная литература как продукт самостоятельной сферы деятельности органически входит в национальный литературный процесс, обогащая его воссозданием на родном языке произведений классиков мировой литературы. Не случайно первым переводным произведением Михаловского была опубликованная в 1858г. в Некрасовском «Современнике» поэма Байрона «Мазепа». Среди достоинств Михаловского отмечается в первую очередь его взыскательное отношение к себе, к своему творчеству, а также к переводимому автору, к отбору материала для перевода. Уже в самом начале своей переводческой деятельности он становится на путь самого бережного обращения с оригиналом, стремясь донести до читателя всё национальное своеобразие переводимого произведения. Наилучшим образом определяет мировоззренческую платформу Михаловского высказанное им же самим кредо: «...для перевода мало сохранить смысл и солидности правильность и чистоту языка; для него нужна жизнь, которою проникнут подлинник...».

Ключевые слова: романтизм, эволюция теоретических взглядов, умение проникнуться духом и тоном подлинника, изучение Шекспира и Байрона, адекватность в переводе, осуждение «буквализма» в переводе, эстетическое воспитание через переводную поэзию, демократическая традиция русской переводческой школы

При достаточном разнообразии работ о теории и практике перевода, касающихся лингвостилистического сопоставления иноязычного подлинника с русским эквивалентом [19, с. 222-223], вопрос об эволюции переводческой мысли XIX века в России нуждается, по-видимому, в дальнейшем исследовании.

Среди поэтов-переводчиков второй половины XIX в., принадлежавших к демократическому направлению, наряду с М.Л. Михайловым и П.И. Вейнбергом, видное место занимает Дмитрий Лаврентьевич Михаловский (1828-1905). К сожалению, до настоящего времени жизнь и творчество Д.Л. Михаловского практически находятся вне поля зрения нашего литературоведения. В «Краткой литературной энциклопедии» нет статьи, посвященной Михаловскому. Сведения о нем крайне скудны и носят в основном справочный или библиографический характер [10, с. 499]. В «Истории русской литературы» (М.-Л., 1956) в разделе, посвященном поэзии 60-х гг., имя Михаловского упоминается лишь вскользь: «...пользовались популярностью как переводчики Д.Л. Михаловский, Н.В. Гербель, Н.В. Берг, Дружинин...» [42, с. 55]. В четырехтомной «Истории русской литературы» (Л. «Наука», 1980-1983) имя Михаловского не упоминается совсем [31, с. 382]. К тому же, сама фамилия Дмитрия Лаврентьевича подвергалась многочисленным искажениям. Ограничимся лишь некоторыми примерами. В указателе имен в книге «Ранние романтические веяния. Из истории меж-

дународных связей русской литературы» (Л., 1972) на стр. 289 читаем: «Михайловский Д.Л. 236» (на стр. 236, куда отсылает «Указатель», опечатки нет). В книге Б.Я. Бухштаба «Русские поэты» (Л., 1970) на стр. 89 в сноске 1: «Разрыв (между писателями-дворянами и революционными демократами – авт.) произошел после появления в «Современнике» (1859, № 6) резкой по тону статьи М. Лавренского (Д. Михайловского)». В книге «Джордж Гордон Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда» (Иркутск, 1978) в оглавлении на стр. 190 напечатано: «В день моего тридцатилетия... Перевод Д. Михалковского ...». Не везет и его псевдониму «М. Лавренский». Так, в книге «Вопросы художественного перевода» (М., 1955) на стр. 85: «... Эта статья («Шекспир в переводе г. Фета» – авт.) подписана псевдонимом И. Лавренский». Справедливости ради следует сказать, что фамилию его искажали зачастую и современники. Например, Дружинин в одном из писем к Некрасову сообщает: «... Если Михайловский существует и берется работать ..., то я согласен взять на себя редакцию издания...» (собрания сочинений Шекспира – авт.) [21, с. 237]. Подобные lapsus'ы нередко встречались и в периодических изданиях того времени [25, с. 3].

Между тем, еще в 1876 г. в рецензиях на первую только что вышедшую книгу переводных произведений Михаловского его называли одним из «даровитейших наших переводчиков», обогативших русскую литературу «замечательной» пе-

редачей на русский язык иностранных поэтов. В качестве главных его достоинств отмечались тщательный отбор переводимого материала, умение проникнуться духом и тоном подлинника, внести в перевод свое «внутреннее поэтическое чувство» [4]. Положительные отзывы о Михаловском появились в печати и в 1898 г., когда отмечалось сорокалетие его литературной деятельности. Рецензент «Нивы», например, назвал его «недюжинным» поэтом, обладавшим «редким даром проникать в суть чужих поэтических произведений и передавать их на родном языке во всей неприкосновенности их содержания и формы». В результате этого, каждый из его переводов, воспроизводивших «на русском языке какое-нибудь выдающееся поэтическое произведение иностранного классика», представлял, по мнению автора, «ценный вклад в нашу переводную литературу». Далее из этой статьи (наиболее обстоятельной и вместе с тем доброжелательной) читатель узнает, что особенно большое внимание Михаловский уделяет английской литературе, что он «с давних пор работает над изучением Шекспира и Байрона, и относительно их произведений является у нас одним из лучших знатоков» [41, с. 398]. «Сын Отечества» в опубликованной им в то же время передовой статье писал, что Михаловский «переводит только то, на что отзывается сердце поэта, что близко ему по духу...» [40, с. 153].

Заслуживает внимания и оригинальное творчество Михаловского – поэта некрасовской ориентации. Уже в первом своем стихотворении, опубликованном в 1876 г., он выступил как гражданский лирик, продолжатель традиций 60-х годов. Обращаясь к молодому поколению, он призывал:

Протестуй, пока ты в силах; Свеж и громок голос твой; Протестуй, пока есть в жилах

Капля крови молодой! [26, с. 56].

Назрела, таким образом, необходимость всестороннего исследования жизни и деятельности Михаловского.

Не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, попытаемся проследить эволюцию теоретических воззрений Михаловского в связи с отставанием принципа адекватности в переводе, определить его вклад в теорию и практику перевода второй половины XIX века.

Переломным этапом в развитии теории и практики перевода и одновременно «отправной точкой» эволюции переводческой мысли XIX в. в России служит эпохи романтизма. С этого времени переводная литература как продукт самостоятельной сферы деятельности органически входит в национальный литературный процесс, обогащая его воссозданием на родном языке произведений классиков мировой литературы.

Трудно переоценить то огромное влияние, которое оказала поэзия Байрона на передовые умы человечества, мировую культуру в целом, и в особенности – на русскую литературу первой половины XIX века. Возникший в европейской литературе революционный, или «байронический» романтизм наиболее благоприятные условия для своего распространения нашел в России, где росло недовольство передовых слоев русского общества самодержавно-крепостническими порядками, усиливался протест против политической реакции и произвола. Глашатаями принципов романтизма были писатели-декабристы, а Байрон стал их идейным вдохновителем. Колоссальным было влияние самой личности «властителя дум». Белинский так писал об этом периоде: «... Все заговорили о Байроне, и байронизм сделался пунктом помешательства для прекрасных душ ...» [3, с. 384].

Закономерно, что Байрон, сочетавший в одном лице мятежника, бунтаря, не желавшего мириться с канонами современного ему общества, и человека глубоко противоречивого, одержимого крайне индивидуалистическими устремлениями, оказал не менее сложное влияние на современников. Даже у сторонников вызывал он разнообразные, порой противоречивые отклики. Кюхельбекер, например, считал, что «Байрон однообразен ...», что все его герои – «повторения одного и того же ... лица ...» [15, с. 172-173]. И вместе с тем признавался: «Смело могу сказать, что из стихотворцев, сверстников моих, никто более меня не бредил на Байроновский лад» [16, с. LX].

«Диктаторство» байронических идей, распространение эстетики романтизма, естественно, предъявили совершенно новые требования и к переводчику теперь уже требовалось не просто свободное переложение «на свой лад» иноязычного оригинала, а воспроизведение всего многообразия индивидуального стиля данного автора, передача не только достоинств, но и недостатков произведения. Стремление донести до читателя национальный колорит подлинника положило начало буквалистской тенденции в переводе, которая, по мнению современного исследователя, представляла собой кризисное явление, обусловленное несоответствием языковых и стилистических средств, имевшихся в распоряжении переводчика, новым поставленным перед ним задачам [18, с. 26, 30-31].

Однако этот, так сказать, «временный» или «преходящий» «кризис» не следует смешивать с кризисом закономерным, который неизбежно должен был рано или поздно обнаружить себя. Высшей точки развития он достиг к концу 50-х гг., в канун крестьянской реформы 1861 года, когда особенно наглядно проявилась несостоятельность

буквалистской тенденции, ее нежизнеспособность. Именно в этот период со статьей, направленной против буквализма в переводе, и выступил Д.Л. Михаловский.

Свою литературную деятельность Михаловский начал в 1858 г., опубликовав в №5 некрасовского «Современника» перевод поэмы Байрона «Мазепа». Важно отметить, что как поэт-переводчик, Михаловский выступил в революционно-демократическом «Современнике» 1854-1862 гг., когда журнал Некрасова и Панаева был наиболее популярным, имел особенно большое влияние и успех. Именно в эти годы в его редакции активно сотрудничали Чернышевский и Добролюбов, под влиянием которых главенствующая роль все более переходила к представителям революционной демократии, «гражданской» поэзии, одержавшим верх над защитниками буржуазно-дворянского либерализма, сторонниками так называемой «чистой поэзии».

В сущности говоря, те и другие развивали в своём творчестве эстетические принципы, присущие А.С.Пушкину. Но в канун революционной ситуации в России ни тем ни другим не удалось сохранить присущие А.С.Пушкину цельность, полноту и непосредственность восприятия мира. Поэтому в середине XIX века они оказались разведёнными по разные стороны баррикады [17, с. 169].

Благодаря доброжелательности Чернышевского, тому вниманию, с которым он отнесся к Михаловскому, принесшему в апреле 1858 г. свое первое предназначенное для опубликования произведение, поэма Байрона «Мазепа» была напечатана уже в майской книжке журнала. Сам Некрасов в одном из писем к И.С. Тургеневу так отзываясь о переводе Михаловского: «... Мазепу хвалят, по крайней мере русский стих – хорош» [23, с. 392]. Появление в «Современнике» первого переводного произведения Михаловского говорит о том, что как поэт и переводчик он обладал несомненным талантом. Среди его достоинств в первую очередь следует выделить взыскательное отношение к себе, к своему творчеству, а также к переводимому автору, к отбору материала для перевода. Уже в самом начале своей переводческой деятельности он становится на путь самого бережного обращения с оригиналом, стремясь донести до читателя национальное своеобразие переводимого произведения.

Такую задачу можно было выполнить лишь при условии добросовестного отношения к своим обязанностям переводчика. Хорошо об этом сказал известный поэт и публицист середины века М.Л. Михайлов: «Добросовестность – великое дело в переводчике. Она ставит высоко и несильные да-

рования; тогда как без добросовестности и хорошие стихотворцы падают очень, очень низко» [22, с. 71]. Развивая мысли Белинского и Михайлова, Михаловский выступает за критический подход к отбору переводимого. В одном из писем к Н.А. Некрасову он прямо пишет: «В выборе стихотворений для перевода, могу сказать, я очень строг. Не в состоянии я работать над ерундою, хотя бы она была сочинена какою-либо знаменитостью... Что толку, если даже удастся перевести хорошо и с большой легкостью легкие иногда вещи, если в них нет никакой мысли и чего-нибудь характеристичного и оригинального ...» [20, с. 395]. Так Михаловский конкретизирует требование передачи в переводе тех особенностей оригинала, которые представляют интерес для переводчика и читателей своей нетривиальностью. Проявившиеся здесь гражданская позиция Михаловского, его принципиальность, в сочетании с высоким художественным вкусом, были очень важны еще и потому, что именно в этот период, то есть при переходе от 50-х к 60-м годам прошлого века, различия в принципах отбора переводимого проявились с особой остротой [39, с. 14]. Поскольку деятельность «Современника» 1858-1859 гг. имела ярко выраженное революционно-демократическое направление, особого внимания заслуживает стремление Михаловского к объективному, реалистическому отбору отвечавших его общему направлению произведений мировой литературы, адекватной, полноценной передаче в переводе как идейно-смыслового их содержания, так и его внешней языковой формы. Показателен в этом плане его перевод автобиографического романа Джованни Доменико Руффини «Записки Лоренцо Бенони» (1854), опубликованный в №№7, 8, 9 «Современника» за 1861 г. Попутно заметим, что в статье Краткой литературной энциклопедии о Руффини этот перевод не учтён [14]. Это произведение рассказывало о революционных выступлениях итальянских студентов, их борьбе против произвола университетского начальства. Подобные события происходили в тот период и в России в Петербурге и других университетских центрах. Не случайно поэтому наибольшим успехом оно пользовалось у демократически настроенного русского читателя, у студенческой молодежи. Если учесть к тому же, что «Современник» в 1861-1862 гг. издавался в обстановке, – по словам В. Евгеньева-Максимова, – насыщенной революционным электричеством» [12, с. 476], и что затем «Записки Лоренцо Бенони» вышли отдельным изданием, то, вне всякого сомнения, это не могло не оказать прямого революционизирующего воздействия на передовые общественные силы. Вместе с тем, опубликование перевода Михаловского, сделанно-

го «живым огненным словом» [13, с. 498], достаточно ясно говорит об отклике переводчика на самые животрепещущие вопросы современности, о социальной направленности его литературной деятельности.

В 1859 г. Михаловский выступил в «Современнике» со статьей «Шекспир в переводе г. Фета». В ней он не только критиковал неудачный фетовский перевод «Юлия Цезаря», но и сформулировал собственные взгляды на перевод. При этом «буквализм», «пристрастие к букве» им решительно осуждались. Признавая важность воссоздания в переводе формы оригинала, он, тем не менее, осуждал Фета за то, что тот «заботился о форме, забывая о содержании», а «самую форму понимал в смысле слишком ограниченном» [32, с. 287]. Критикуя Фета за слепое следование стихотворному размеру оригинала, Михаловский на многочисленных примерах убедительно показал, как в своем стремлении во что бы то ни стало сохранить размер подлинника Фет порой игнорирует как многозначность английских слов, так и особенности русской грамматики.

Ради соблюдения любой ценой «правильного» (в фетовском понимании) стихотворного размера, он по своему усмотрению вставляет различные служебные части речи, произвольно переводит слова и целые фразы, заменяя одну грамматическую форму другой, допускает опущения отдельных слов оригинала и т.п. Понятно, что такое небрежное обращение с оригиналом не могло не исказить передаваемого смысла. Критиковал Михаловский и смешение разных стилей, когда это делалось только ради формального соблюдения стихового размера. «Словом – г. Фет, подобно пчеле, собирающей мед из разных цветков, черпает слова и выражения из всевозможных источников. И в то же время... подобно скупому домохозяину, у которого ничто не пропадает, он собирает всякие лоскутки и ветошь и залепляет ими разбитые окна своего дома... Зато и перевод его похож на какую-то грудку мусора, которым завалена превосходная картина или статуя ...» [33, с. 281]. Придя в заключение статьи к довольно категоричному выводу о том, что «в переводе г. Фета нет Шекспира ни признака малейшего» [34, с. 288], Михаловский, таким образом, показал необоснованность фетовского подхода к переводу, его чуждость подлинному искусству слова. Тем самым он призывал к самому бережному обращению с текстом оригинала, дабы не пошатнуть «в глазах русских читателей здание шекспировской трагедии...» [35, с. 256].

Для подобных утверждений Михаловский имел все основания. Его собственный перевод «Юлия Цезаря» как один из лучших был избран руково-

дителями Московского Художественного театра для постановки на сцене в 1903 г. В.И. Немирович-Данченко писал ему: «Конечно, мы ставим Юлию Цезаря в Вашем переводе, не только лучшим, по нашему мнению, но и абсолютно прекрасном и со стороны точности и со стороны меткости языка и красоты стиха» [24]. Наилучшим образом определяет мировоззренческую платформу Михаловского высказанное им же самим кредо: «Хороший перевод требует терпеливого изучения и глубокого внимания к своим словам и к их соответствию с словами подлинника ...» [36, с. 255], «... для перевода мало сохранить смысл и соблюсти правильность и чистоту языка; для него нужна жизнь, которою проникнут подлинник...» [37, с. 287].

Примечательно, что в этих кратких выводах, заключающих в себе всю суть его теоретических воззрений, Михаловский солидаризируется с Добролюбовым и Михайловым, чьи взгляды на поэтический перевод принадлежат, как известно, высшим достижениям русской переводческой мысли XIX в. Как и они, Михаловский выступает за всестороннее изучение оригинала, бережное обращение с языком подлинника, правильную и в то же время непринужденную передачу его мыслей на родной язык. Характерно, что ввиду большой близости теоретических взглядов Н.А. Добролюбова, М.Л. Михайлова и Д.Л. Михаловского, сами формулировки их высказываний о «погружении» в подлинник, проникновении «духом создания» обнаруживают подчас такое сходство, что совпадают почти дословно.

Так, как писал Добролюбов, переводчик «... должен прочувствовать то, что он (переводимый поэт – авт.) чувствовал в своём вдохновении, проникнуться его духом, жить тою жизнью, которая так занимала его и которую так хорошо изобразил он...». Кроме того, он «должен писать легко и свободно..., чтобы не допустить ни одного неправильного оборота, ни одного нечистого выражения для ближайшей передачи мысли, находящейся в подлиннике...» [11, с. 10]. Согласно Михайлову, от переводчика читатель ждёт «того проникновения духом подлинника, которое сообщает переводу характер почти оригинального, не заимствованного произведения» [27, с. 32-33].

Неуклонно осуществлял эти принципы и Михаловский, отстаивая их в статье «Шекспир в переводе г. Фета». Ее появление в печати сыграло немаловажную роль в размежевании между демократами и либералами. Фет, наряду с другими крупными писателями, оставил редакцию «Современника». По справедливому замечанию П. Топера, эта статья «была боевым выступлением, отстаивающим передовые традиции русской переводче-

ской культуры» [38, с. 86]. Добавим: данная статья остается и до настоящего времени одним из наиболее ярких выступлений русской критики против переводческого буквализма.

В последующие годы Михаловский продолжает активно сотрудничать как переводчик сначала в «Современнике», а после его запрещения - в «Отечественных записках» и таких журналах, как «Дело», «Слово», «Русская мысль», «Наше время», «Модный магазин», литературное приложение к журналу «Нива» и других. Его переводы из Байрона печатаются в трех изданиях «Сочинений лорда Байрона в переводах русских поэтов», изданных под редакцией Н.В. Гербеля соответственно в 1864-1866 гг., 1874-1877 гг. и 1883-1884гг. В 1876 г. выходит первый сборник его переводных произведений – «Иностранные поэты в переводе Д.Л. Михаловского». Характерен комментарий, который Михаловский дает к своим переводам: «... Многие стихотворения переведены с сокращениями, некоторые написаны только на мотив из какого-либо иностранного поэта, причем удержаны только главные мысли автора...» [28, с. 301]. Такое «вольное» на первый взгляд обращение с оригиналом объяснялось большей частью объективными причинами. Хотя во второй половине XIX века, особенно в последней его трети, количество переводной литературы значительно возрастает, само качество переводов заметно снижается. Их отличают ремесленничество, бессистемность, насильственная русификация и другие недостатки. Тем не менее, невзирая на столь неблагоприятные, так сказать, «внешние условия», Михаловский и в этот период остается верен своему переводческому принципу: «...главную мою заботу было передать дух и тон подлинника, насколько я был в состоянии выполнить эту задачу». [28, с.301]. Сам стиль этой фразы («...насколько я был в состоянии...») говорит об уважительном, деликатном отношении переводчика к читателю, как, впрочем, и о его личной скромности.

Эту верность принципам адекватности в переводе Михаловский сохраняет и в самом конце XIX века, а именно – в 1896 г., когда выходит его значительно расширенный двухтомник «Иностранные поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д.Л. Михаловского». Из предпосланной первому тому вступительной заметки явствует, что и здесь он выступает как добросовестный, вдумчивый переводчик: «... в переводах я стремился и старался сохранить, насколько это было в моих силах, не только мысль, характер, манеру, но и красоту подлинника, разумеется, вполне сознавая, что стараться и стремиться еще не значит «сделать» и «достигнуть...» [29, с. IV]. Объясняя многочисленные сокращения, допущенные им при

переводе стихотворений по причине их слабости, растянутости или сентиментальности, – такова основная причина «вольности» переводчика, – он отмечает далее, что пошел на это лишь для того, чтобы не повредить «общему эстетическому впечатлению, производимому стихотворением в его более сильных местах...» [30, с. III-IV].

Таким образом, в самом конце XIX века русская переводческая мысль обогащается задачей эстетического воспитания читателей через переводную поэзию, необходимостью предъявления в связи с этим эстетических требований как к подлиннику, так и к переводу. Понятно, речь здесь идет не об искусственном приукрашивании оригинала, «подтягивании» его до идеала прекрасного (как это предписывалось еще поэтикой классицизма). Наоборот: от переводчика требуется даже не столько передача этой красоты, сколько отыскание ее в оригинале.

В этом плане Михаловский превзошел, пожалуй, даже П.И. Вейнберга, признанного теоретика и практика перевода, статья которого о переводе «Дон Жуана» Байрона П.А. Козловым составила наиболее серьезную теоретическую декларацию по вопросам перевода второй половины XIX века. Вообще, у Михаловского и Вейнберга немало общего. Оба начали свою литературную деятельность в «Современнике» в 1858 г., оба писали статьи, редактировали стихотворные сборники, периодические издания. Сходство жизненного пути, многогранность литературной деятельности а также принадлежность обоих к некрасовской школе обусловили близость их идейных позиций. Совпадали во многом и их взгляды на перевод. Выступая противником буквализма, Вейнберг также защищал принцип адекватности в передаче архитектоники оригинала, выступал за вдумчивый подход к отбору переводимого. Естественно поэтому их полное единство в определении таких понятий, как «хороший перевод» и «хороший переводчик». Подтверждением этому служит еще и тот факт, что основные положения своей статьи о «Дон Жуане» Байрона в переводе П.А. Козлова (в частности, рассуждение об «обязанности хорошего переводчика») Вейнберг повторил позднее при разборе трагедий Шекспира в переводах Д.Л. Михаловского, представленных на соискание Пушкинской премии 1890г. [5, с. 36-76]. Говоря о достоинствах переводческой манеры Михаловского (и выражая тем самым свой собственный взгляд на проблему), Вейнберг писал: «Переводя так близко, г. Михаловский умеет при этом сохранять поэтичность и силу подлинника, то есть близость внешнюю соединяет, если можно так выразиться, с близостью внутренней ...» [6, с. 50]. Указав на несколько примеров такого «соединения» перевода и

оригинала, рецензент далее отмечает: «Серьезного одобрения заслуживает и стих г. Михаловского ...» [7, с. 52].

Вообще Вейнбергу принадлежит, наверное, наиболее лестный отзыв о Михаловском. Так, в начале цитированной выше статьи он пишет: «В числе тех немногих русских переводчиков, которые имеют право на название переводчиков в лучшем значении этого слова и заслуживают самого серьезного и сочувственного отношения к ним как критики, так и читающей публики, одно из выдающихся мест занимает Д.Л. Михаловский» [8, с. 36].

«... Талантливость и строгая добросовестность составляют постоянные достоинства трудов на этом поприще г. Михаловского – достоинства, которыми он обязан своему поэтическому дарованию и солидному знанию тех языков, с которых он переводит, соединенному с тщательным, могу сказать, даже научным изучением избираемых им для перевода авторов. Некоторые из этих работ бесспорно составили капитальное приобретение нашей литературы, например, поэма Байрона «Мазепа» [9, с. 36-37].

Мы видим, таким образом, что Михаловский явился достойным представителем демократической традиции русской переводческой школы. Разделяя мысли Белинского, Добролюбова, Михайлова, он полагал, что перевод предназначен для читателей, не имеющих возможности познакомиться с оригиналом в подлиннике. Поэтому необходимо, чтобы он производил такое же впечатление, был достаточно полным, содержал, как достоинства, так и недостатки оригинала, сохранял его национальный колорит; чтобы переводчик не заслонял собой автора, наконец, чтобы перевод был выполнен правильным русским языком, без насильственных буквализмов, был достаточно адекватным и оказывал эстетическое воздействие на читателей. Подобный взгляд на теорию перевода явился несомненным достижением русской переводческой мысли XIX в.

В целом он был переводчиком – реалистом и в теории и на практике. Поэтому его поэтическое переводное наследие не утратило своей ценности и в наши дни. Лучшие его переводы продолжают включаться в русские издания классиков мировой литературы: Байрона, Лонгфелло и др. Так в двуязычное издание избранной лирики Байрона, вышедшее в конце 80-х годов XX в. включено 9 стихотворений переведенных Михаловским. Они даются не только в Приложении [1], но в ряде слу- чаев в качестве основного варианта [2].

Литература

1. Байрон Джордж Гордон. Избранная лирика. М.: «Радуга». 1988. С. 346 – 348, 385 – 386, 391 – 393, 410 – 411, 417 – 418, 421 – 422.
2. Байрон Джордж Гордон. Избранная лирика. М.: «Радуга». 1988. С. 175, 179, 187 – 189.
3. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. IX. М., 1955. С. 384.
4. Биржевые ведомости. 1876. № 140. 22 мая;
5. Вейнберг П.И. Трагедии Шекспира: «Антоний и Клеопатра» и «Ричард II» в переводах Д.Л. Михаловского. Шестое присуждение Пушкинских премий // Записки имп. академии наук. Т. 66. СПб., 1891. Приложение. С. 36 – 76.
6. Вейнберг П.И. Трагедии Шекспира: «Антоний и Клеопатра» и «Ричард II» в переводах Д.Л. Михаловского... С. 50.
7. Вейнберг П.И. Трагедии Шекспира: «Антоний и Клеопатра» и «Ричард II» в переводах Д.Л. Михаловского... С. 52.
8. Вейнберг П.И. Трагедии Шекспира: «Антоний и Клеопатра» и «Ричард II» в переводах Д.Л. Михаловского... С. 36.
9. Вейнберг П.И. Трагедии Шекспира: «Антоний и Клеопатра» и «Ричард II» в переводах Д.Л. Михаловского... С. 36 – 37.
10. Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Под ред. П. Полевого. СПб., 1888. С. 499 – 500.
11. Добролюбов Н.А. О Вергилиевой «Энеиде» в русском переводе г. Шершеневича // Собр. соч.: в 9 т. Т. 1 М.-Л., 1961. С. 10.
12. Евгеньев – Максимов В. «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936. С. 476.
13. Евгеньев – Максимов В. «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936. С. 498.
14. Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 555.
15. Кюхельбекер В.К. Разговор с Булгариным. Мнемозина. Ч. III. 1824. С. 172 – 173.
16. Кюхельбекер В.К. Лирика и поэмы ... Т. 1. Л., 1939. С. LX.
17. Лебедев Ю.В. Литература: учебное пособие для учащихся 10 класса средней школы: в 2-х ч. Ч. I. М., «Просвещение». 1992. С. 169.
18. Левин Ю.Д. Об исторической эволюции принципов перевода... // Международные связи русской литературы. М.-Л., 1963. С. 26, 30-31.
19. Левин Ю.Д. О русском поэтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1972. С. 222 – 284.

20. Литературное наследство. Т. 51-52. С. 395.
21. Литературное наследство. Т. 51-52. С. 237.
22. Михайлов М.Л. Сочинения в 3-х тт. Т.Ш.М., 1958. С. 71.
23. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем.Т.Х. М.,1952. С. 392.
24. Немирович-Данченко В.И. Письмо от 5 сент. 1903 г. ГПБ Ф. 19. Л. 1.
25. Новое время. 1898. № 7958. 25 апреля (7 мая). С. 3.
26. Отечественные записки. 1876. Т. 229. № 12. С. 456.
27. Михайлов М.Л. Сочинения Э.И. Губера / под ред. А.Г. Тихменева // Русское слово. 1859. № 10. Отд. II. С. 32 – 33.
28. Михаловский Д.Л., примечание переводчика // Иностранцы поэты в переводе Д.Л. Михаловского. Байрон – Барри Корнуэль. Томас Гуд. Маколей ... В пользу литературного фонда. СПб., 1876. С. 301.
29. Михаловский Д.Л. Предисловие // Иностранцы поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д.Л. Михаловского: в 2-х т. СПб., 1896. Т. 1. С. IV.
30. Михаловский Д.Л. Предисловие // Иностранцы поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д.Л. Михаловского: в 2-х т. СПб., 1896. С. III-IV.
31. Скатов Н.Н. Поэты некрасовской школы // История русской литературы: в 4-х т. Т. 3. Расцвет реализма. Л. «Наука». 1982. С. 382 – 402.
32. Современник. 1859. Т. 75. № 6. С. 287.
33. Современник. 1859. Т. 75. № 6. С. 281.
34. Современник. 1859. Т. 75. № 6. С. 288.
35. Современник. 1859. Т. 75. № 6. С. 256.
36. Современник. 1859. Т. 75. № 6. С. 255.
37. Современник. 1859. Т. 75. № 6. С. 287.
38. Топер П. Традиции реализма (Русские писатели XIX века о художественном переводе) // Вопросы художественного перевода. М., 1955. С. 86.
39. Федоров А.В. Русские писатели и проблемы перевода // Русские писатели о переводе. XVIII-XX вв. Л., 1960. С. 14.
40. Шеллер А.К. Сорокалетний юбилей литературной деятельности // Сын отечества. 1898. № 20. С. 153.
41. Эйзен И.М. Михаловский Д.Л. // Нива. 1898. № 20. С. 398.
42. Ямпольский И.Г. Поэзия 60-х годов, глава 1: Общий обзор // История русской литературы. Т. VIII, часть вторая. М.-Л., АН СССР. 1956. С. 55.

References

1. Bajron Dzhordzh Gordon. Izbrannaya lirika. M.: «Raduga». 1988. S. 346 – 348, 385 – 386, 391 – 393, 410 – 411, 417 – 418, 421 – 422.
2. Bajron Dzhordzh Gordon. Izbrannaya lirika. M.: «Raduga». 1988. S. 175, 179, 187 – 189.
3. Belinskij V.G. Poln. sobr. soch. T. IX. M., 1955. S. 384.
4. Birzhevye vedomosti. 1876. № 140. 22 maya;
5. Vejnberg P.I. Tragedii SHEkspira: «Antonij i Kleopatra» i «Richard II» v perevodah D.L. Mihalovskogo. SHestoe prisuzhdenie Pushkinskih premij. Zapiski imp. akademii nauk. T. 66. SPb., 1891. Prilozhenie. S. 36 – 76.
6. Vejnberg P.I. Tragedii SHEkspira: «Antonij i Kleopatra» i «Richard II» v perevodah D.L. Mihalovskogo... S. 50.
7. Vejnberg P.I. Tragedii SHEkspira: «Antonij i Kleopatra» i «Richard II» v perevodah D.L. Mihalovskogo... S. 52.
8. Vejnberg P.I. Tragedii SHEkspira: «Antonij i Kleopatra» i «Richard II» v perevodah D.L. Mihalovskogo... S. 36.
9. Vejnberg P.I. Tragedii SHEkspira: «Antonij i Kleopatra» i «Richard II» v perevodah D.L. Mihalovskogo... S. 36 – 37.
10. Gerbel' N.V. Russkie poety v biografijah i obrazchah. Izd. 3-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Pod red. P. Polevogo. SPb., 1888. S. 499 – 500.
11. Dobrolyubov N.A. O Vergilievoy «Eneide» v russkom perevode g. SHershenevicha. Sobr. soch.: v 9 t. T. 1 M.-L., 1961. S. 10.
12. Evgen'ev – Maksimov V. «Sovremennik» pri Chernyshevskom i Dobrolyubove. L., 1936. S. 476.
13. Evgen'ev – Maksimov V. «Sovremennik» pri Chernyshevskom i Dobrolyubove. L., 1936. S. 498.
14. Kratkaya literaturnaya enciklopediya. M., 1971. T. 6. S. 555.
15. Kyuhel'beker V.K. Razgovor s Bulgarinym. Mnemozina. CH. III. 1824. S. 172 – 173.
16. Kyuhel'beker V.K. Lirika i poetryT. 1. L., 1939. S. LX.
17. Lebedev YU.V. Literatura: uchebnoe posobie dlya uchashchihsya 10 klassa srednej shkoly: v 2-h ch. CH. I. M., «Prosveshchenie». 1992. S. 169.
18. Levin YU.D. Ob istoricheskoy evolyucii principov perevoda... Mezhdunarodnye svyazi russkoj literatury. M.-L., 1963. S. 26, 30-31.
19. Levin YU.D. O russkom poeticheskom perevode v epohu romantizma. Rannie romanticheskie veyaniya. Iz istorii mezhdunarodnyh svyazey russkoj literatury. L., 1972. S. 222 – 284.
20. Literaturnoe nasledstvo. T. 51-52. S. 395.
21. Literaturnoe nasledstvo. T. 51-52. S. 237.

22. Mihajlov M.L. Sochineniya v 3-h tt. T.III.M., 1958. S. 71.
23. Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. i pisem. T.H. M., 1952. S. 392.
24. Nemirovich-Danchenko V.I. Pis'mo ot 5 sent. 1903 g. GPB F. 19. L. 1.
25. Novoe vremya. 1898. № 7958. 25 aprelya (7 maya). S. 3.
26. Otechestvennye zapiski. 1876. T. 229. № 12. S. 456.
27. Mihajlov M.L. Sochineniya E.I. Gubera. pod red. A.G. Tihmeneva. Russkoe slovo. 1859. № 10. Otd. II. S. 32 – 33.
28. Mihalovskij D.L., primechanie perevodchika. Inostrannye poety v perevode D.L. Mihalovskogo. Bajron – Barri Kornuel'. Tomas Gud. Makolej ... V pol'zu literaturnogo fonda. SPb., 1876. S. 301.
29. Mihalovskij D.L. Predislovie. Inostrannye poety v perevodah i original'nye stihotvoreniya D.L. Mihalovskogo: v 2-h t. SPb., 1896. T. 1. S. IY.
30. Mihalovskij D.L. Predislovie. Inostrannye poety v perevodah i original'nye stihotvoreniya D.L. Mihalovskogo: v 2-h t. SPb., 1896. S. III-IY.
31. Skatov N.N. Poety nekrasovskoj shkoly. Istoriya russkoj literatury: v 4-h t. T. 3. Rascvet realizma. L. «Nauka». 1982. S. 382 – 402.
32. Sovremennik. 1859. T. 75. № 6. S. 287.
33. Sovremennik. 1859. T. 75. № 6. S. 281.
34. Sovremennik. 1859. T. 75. № 6. S. 288.
35. Sovremennik. 1859. T. 75. № 6. S. 256.
36. Sovremennik. 1859. T. 75. № 6. S. 255.
37. Sovremennik. 1859. T. 75. № 6. S. 287.
38. Toper P. Tradicii realizma (Russkie pisateli XIX veka o hudozhestvennom perevode). Voprosy hudozhestvennogo perevoda. M., 1955. S. 86.
39. Fedorov A.V. Russkie pisateli i problemy perevoda. Russkie pisateli o perevode. XYIII-XX vv. L., 1960. S. 14.
40. SHeller A.K. Sorokaletnij yubilej literaturnoj deyatel'nosti. Syn otechestva. 1898. № 20. S. 153.
41. Ejzen I.M. Mihalovskij D.L. Niva. 1898. № 20. S. 398.
42. YAmпол'skij I.G. Poeziya 60-h godov, glava 1: Obshchij obzor. Istoriya russkoj literatury. T. VIII, chast' vtoraya. M.-L., AN SSSR. 1956. S. 55.

**D.L. MIKHALOVSKY AS A THEORETICIAN AND PRACTICAL
TRANSLATOR (ON THE QUESTION OF TRASLATION
THOUGHT EVOLUTION IN RUSSIA)**

*Sinev A.D., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Zhitov A.A.,
Siberian State University of Science and Technology
named after academician M.F. Reshetnev*

Abstract: the offered article is concerned with considering the poet and translator Dmitry Lavrentyevich Mihalovsky whose activities are actually up to now beyond the literature studies realm. There the evolution of his theoretical views regarding translation, his publicist activities, original creation as well as his translated works of the second half of the 19-th century are discussed. The turning point in the development of translation theory and practice and at the same time, the starting point of translation thought evolution in the 19-th century in Russia is considered the epoch of romanticism. Since then the translated literature as a product of independent activity sphere, organically enters the national literature process thus enriching it with reconstructing the works by the world literature classics in the mother tongue. It is not therefore incidental that the first translated work by Mihalovsky was Byron's poem "Mazzepa", which was published in 1858 in the Nekrasov's "Sovremennik". Among the advantages of Mihalovsky, one should point out his demanding attitude to himself, to his activities, as well as to the author translated, and to the selection of the material for translation. Already at the very beginning of his translation activities, he chooses the way of the most careful treatment to the original, trying to carry up to the reader all the national originality of the translated work. The best way of defining Mihalovsky's outlook platform is what he himself writes about his creed: "...to get a good translation, it is not enough to preserve the meaning and observe the correctness and clearance of the language, a good translation needs to have the life which the original work is penetrated with.

Keywords: romanticism, theoretical views evolution, the ability of being penetrated with the spirit and tone of the original, the learning of Shakespeare and Byron, adequacy in translation, criticizing word for word translation, aesthetic upbringing by means of translated poetry, democratic tradition of the Russian translation school

«ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА» В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Хайруллина А.С., кандидат филологических наук, доцент,
Даутов Г.Ф., кандидат филологических наук, доцент,
Елабужский институт (филиал) Казанского федерального университета*

Аннотация: цель исследования – изучение “деревенской прозы” литературы 60-90-х годов XX века в литературно-теоретическом аспекте.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе татарской “деревенской прозы” и в раскрытии ее роли в обновленческом движении в национальной литературе 60-90-х годов XX века.

В результате доказано, что сложным и интересным явлением в истории страны является не только сама война, но и послевоенное время. Это период великой надежды, стремления к светлому будущему.

В литературе произведения, описывающие деревенскую жизнь, объединены единой особенностью: описывая сельскую жизнь, писатель поет оду ее природе, жителям, объединяя темы деревенского быта, родины, родной земли. “Деревенская проза” – понятие, введенное в 60-х гг. для обозначения прозаических произведений татарской литературы, посвященных деревенской жизни и обращающихся, прежде всего, к изображению тех гуманно-этических ценностей, которые связаны с многовековыми традициями татарской деревни. В целом же татарская “деревенская проза” до сих пор еще не стала предметом специального научного исследования.

Исследовательскими методами в научной статье являются следующие: статья основана на обзоре литературного периода, методах анализа и описания произведений, также был использован историко-сравнительный метод, с целью обобщения и подведения итогов на основе исследования характерных качеств явления был использован метод отбора.

Полученные результаты могут найти применение в изучении и преподавании истории родной и зарубежной литературы, мировой художественной культуры.

Ключевые слова: татарская литература, деревенская проза, соцреализм, романтизм

Произведения на деревенскую тематику уже достаточно изучены литературными критиками, тем не менее они до сих пор являются богатым материалом для изучения и разносторонних исследований. Представитель каждой эпохи будет анализировать их, основываясь на мировоззрении своего периода.

В 1950-80-х годах жанр прозы испытывает подъем. Выходят произведения, претендующие на звание образцов классической татарской литературы. Несмотря на то, что по содержанию их невозможно полностью отнести к “деревенской прозе”, имеют место быть произведения, преподносящие в качестве проникновенной идеи историю, самобытность, наследие татарского народа, святость родной земли, родного края, места, где остались жить родители. Героиня написанного в 1965 году объемного рассказа А. Еники “Әйтелмәгән васыять” (“Невысказанное завещание”) Акъаби является воплощением великого духа, нравственной крепости татарского народа. В произведениях автора “Рәшә” (“Марево”) (1963), “Саз чәчәге” (“Болотный цветок”) (1965) подвергаются критике негативные явления общества, описывается превращение достигших достатка отдельных слоев населения в рабов материального богатства. Говоря о развитии татарской литературы 1960-1970-ых годов, А. Еники отмечал: “стремление писать правду вместо нарядной лжи” [5, с. 185].

Соответствие проблематики произведений: Д.Загидуллина раскрывает позицию деревенского

реализма данной эпохи: “Начавшееся в данное время в нашей национальной литературе формирование течения деревенского реализма порождает возможность подвергать критике отдельные явления советского общества на примере жизни, бытия, внутреннего мира простого человека” [7, с. 28]. Однако написанные произведения не могут пройти через сито советской идеологии, встречают на своем пути большие преграды. И произведения, и авторы, жестко критикующие тоталитарный режим, подвергаются большим испытаниям. К примеру, Аяз Гилязов пишет свое произведение “Өч аршың жир” (“Три аршина земли”) в 1962 году в Москве во время учебы на Высших литературных курсах. Произведение выходит в свет в мае 1963 года в 5-6 номерах журнала “Совет әдәбияты” (“Советская литература”). За публикацию данного произведения редактор Газиз Мухаметшин незамедлительно был вызван в обком, отчитан и снят с должности. После публикации произведения начинается преследование Аяза Гилязова.

События, описанные в произведениях критического реализма – это действительность, в жестких условиях приведшая к печальным последствиям. Среди получивших ярлык «кулака» и изгнанных с нажитых мест, было много людей, подобных Мирвали. Такая судьба постигла большинство трудолюбивых, работающих татар. Их судьба перекликается с судьбой народа, сельских жителей того времени. Рождая литературного

героя, автор наделяет его теми или иными качествами. Если они ярко выделяются в его поступках, мыслях, стремлениях, то принято называть их характером. Несомненно, каждый человек имеет свой собственный характер. Однако не у всех он ярко выражен и бросается в глаза. Поэтому характером называют лишь персонажей с сильными, запоминающимися качествами (Ахмадуллин, 1991, 48). А. Гилязев связывает несчастья в судьбе Мирвали с его гордым, непоколебимым нравом. Гордый характер не позволяет ему идти на уступки, прощать, жить согласно требованиям общества. Он не готов простить несправедливость. Из-за бунтарского характера Мирвали не может добиться многого. Бродяжничество, жизнь в российских городах ломают его. Он не может принять политику, его жизнь идет под откос. Он боится осуждения окружающих, односельчан. Ненашедший справедливости Мирвали лишается принципов человечности, гуманизма. У него не хватает энергии для борьбы с трудностями, наоборот, он поддается унынию, еще сильнее уходит в себя. Период жизни Мирвали – время сталинизма, когда, навешивая на человека ярлык «советского человека», его подвергали духовному унижению, когда во время принудительной коллективизации изымали личное имущество у так называемых «кулаков», когда в обществе не ценилась личность человека. «Если бы умер, если бы умер!.. Все время я думаю об этом!.. Не нахожу покоя. Если бы я умер, жизнь все равно шла бы своим чередом. Все бы по-прежнему жили, шутили, смеялись, работали. Значит, я очень маленькое, не имеющее значения существо! Я не нужен!» – сокрушается мужчина. В произведении «Три аршина земли» при помощи образа Мирвали А. Гилязев открывает глаза соплеменникам, освобождает коллег по перу от мыслительного застоя, каждого заставляет задуматься. История нации, тяжелый быт сельского жителя, особенности национальной психологии, традиции татарского народа служат раскрытию заложенной в содержание идеи.

Идея произведения такова: человек не хозяин своей судьбы. Политика и общество могут являться разрушительной силой. Они способны в корне изменить судьбу человека. Через содержание произведения Аяз Гилязев также очень удачно подчеркивает присущие своему народу ценности.

Автор романа «Кичү» («Переправа»), открыто осветившего судьбы униженных деревенских жителей – представителей татарского народа, – Нурихан Фаттах. Судьба произведения также непростая. Рассмотрим его содержание и поднятые

автором проблемы. Первая проблема: человек несвободен, его судьба – в руках страны и политики (партии). В послевоенные годы в школе достаточно большого татарского села в Башкортостане идет подготовка к выпускному вечеру. Отличник Габдулхай пишет стихотворение. Он, как положено учащимся того периода, воспитан в духе идеологии партии. Его стихотворение оканчивается одой Сталину. Идеология решает судьбу не только его выступления, но и всей его жизни. Несмотря на то, что прочитал хорошо, он не был удостоен медали. Потому что отец Габдулхая учитель Кутдус Мухутдинов в свое время был арестован и отправлен в тюрьму за хранение в доме запрещенной литературы – книги «Юсуф-Зулейха». Несмотря на то, что впоследствии он добровольно уходит на фронт, пропадает без вести, его семья не получает никаких пособий. Политика и государство продолжают руководить судьбой парня, не имеющего ни паспорта, ни денег, ни даже обуви.

Н. Фаттах продолжает затрагивать судьбу послевоенной деревни еще в одном своем произведении. Повесть называется «Кырык дүртнең май аенда» («В мае сорок четвертого») (1965). Ударницу Хамдию, родившуюся и выросшую в татарской деревне, вместе с двумя одноклассницами на полгода отправляют на выработку торфа. Девушек продолжают использовать в тяжелом труде и по прошествии 6 месяцев. Подруги Хамдии, не выдержав мучений, сбегают. А Хамдия не может вернуться. Она обманулась, забеременела от одноклассника и родила ребенка. Молодая мать живет впроголодь, мается непосильным трудом, боится за своего ребенка. «Нас держат здесь насильно. Поезжай в свою деревню, колхоз поможет тебе, – сказала Кашифа, поддержав ее. – В колхозе тоже нужны люди. Главное, не попадись по дороге!» [8; с. 201]. Женщины посоветались, и Хамдия принимает решение бежать. Надеясь на поддержку, направляется в родную деревню, кое-как добирается до дома. Еще в дороге она мечтает о сваренном матерью супе, картошке, представляет, как вдоволь напоит ребенка молоком. Однако деревня встречает ее невероятной нищетой, трагическими судьбами родственников и односельчан, голодом. Отец Хамдии на фронте – от него вестей нет. Младший брат Зариф остался без ноги после ранения. Его жена в тюрьме – ее посадили «за один карман зеленого гороха». У матери, бабушки, сына Зарифа Альтафа от голода начались отеки. «Дома нет ни горсти муки. Было два-три пуда семенного картофеля, сейчас принялись за него. (...) В прошлом году двух овец сдала на мясной план. Налог. Не оставила. И ухаживать тяжело. Нынче вот дошла очередь и до

коровы. Не уберегла, дочка, не смогла. Лишилась... лишились вы, дети мои! При корове не так было, хоть и не текло, но капало. Теленка ее, родненькой, на ферму отдала. За полтора пуда ржи. ... Продала. Заплатила мясной план, заем, налог, страховую ... за масло, за шкуру. На все хватило. Избавилась от долгов” [8, с. 304-305].

Узнав, что сбежавших подруг посадили на 7 лет в тюрьму, Хамдия вынуждена прятаться. Когда ее немощную мать позвали в район таскать зерно, она хочет выйти. Заметившая женщину соседка утешает ее, дает молоко, спасает ребенка от голода. Не в силах больше прятаться, Хамдия в надежде, что в колхозе нужны рабочие руки, идет в дом к председателю колхоза Галияхмету. Попадает на время его ужина с супругой Мунирой. Писатель описывает совершенно иную жизнь руководителей, живущих при тоталитарном режиме. В доме имеется необходимая утварь, мебель. На столе – мясное блюдо. Председатель, ссылаясь на военное время, суровый закон, требует у нее документы, пытается объяснить, что не может принять на работу.

На следующий день в дом приходит насильник Хамдии, отец ее ребенка милиционер Салим. Мать успевает спрятать Хамдию и ребенка в погреб. Салим обыскивает дом, угрожает и уходит. После этого Хамдия с ребенком сбегает из деревни. В поле, возле стогов сена находят лишь ее бездыханное тело. “Умственное помешательство и смерть Хамдии, невыясненная судьба ее ребенка подразумевают единственный путь, подготовленный тоталитарной системой для молодого, только вступившего в жизнь поколения” [8, с. 253].

История создания и выхода в свет повести, смело, с натуралистическими картинками обличающей жизнь под гнетом тоталитарного режима, бесправность деревенского жителя послевоенного времени, непростота, что присуще жестким реалистическим произведениям. Судьба повести “Кырык дүртнең май аенда” (“В мае сорок четвертого”) (1965) как произведения критической направленности также сложилась достаточно не просто. “Воодушевившись идущим в стране пробуждением, оживлением, я написал достаточно длинный рассказ о деревенской жизни военного времени. Сначала он назывался “Кырык дүртнең май аенда” (“В мае сорок четвертого”). Я постарался по мере возможности, насколько хватит смелости, честно, жестко описать все, что видел и пережил сам. Однако произведение оказалось настолько жестоким и правдивым, что даже поддерживавшие меня люди немного опешили. В первоначальном варианте молодая мать, сбежавшая домой с торфяных разработок,

поняв, что нет никаких возможностей для жизни, бросает на обочине дороги грудного малыша и сходит с ума. Мне посоветовали написать более светлую, добрую концовку произведения. Изменилось и его название. Чтобы не выглядело как протест времени, существовавшему строю, рассказ получил название «Артта калган юллар» (“Дороги, оставшиеся позади”). Под этим названием он был опубликован в журнале “Казан утлары” (“Огни Казани”) в 1965 году [9, с. 182].

Заключение. При изучении произведений Н. Фаттаха, А. Еники, А. Гиляева, которые подарили татарской литературе такие произведения, как “Кырык дүртнең май аенда” (“В мае сорок четвертого”), “Кичү” (“Переправа”), “Әйтелмәгән васыять” (“Невысказанное завещание”), “Саз чәчәге” (“Болотный цветок”), “Рәшә” (“Марево”), “Өч аршын жир” (“Три аршина земли”) – все они очень содержательные и по сей день не потеряли своей актуальности. В них поднимаются такие темы, как судьба страны и народа, жизнь деревни и города, литература и искусство, поведение людей, авторы сквозь юмор доносят до читателя свои мысли. Необходимо отметить, что именно в этих произведениях отражаются мысли, мечты и чаяния народа, его будущее, судьба национальной культуры и жизнь татарской деревни.

Таким образом, татарская деревня как дошедшая из прошлого опора, кормилица и источник вдохновения татарского народа достигает высоты дорогого наследия, вопрос сохранения деревни начинает восприниматься как значимая проблема, подлежащая решению на государственном уровне.

Выводы: Подводя итоги, следует отметить: тема-проблематика, взятая за основу в татарской прозе, тесно связана с национальной действительностью, вниманием к прошлому и настоящему.

Литература

1. Литературоведение: словарь терминов и понятий. Казань: Просвещение, 2007. 231 с.
2. Наши писатели: библиографический справочник: в 2-х т. / сост. Р. Даутов, Р. Рахмани. Казань: Тат. кн. изд-во, 2009. Т.1. 751 с.; Т. 2. 735 с.
3. Гизатуллин Н. Литературное движение // История татарской литературы: в шести томах. V т. Казань: Тат. кн. изд-во, 1989. С. 177.
4. Еники А. Произведения: в 3-х т. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. Т. 3: рассказы. 414 с.
5. Еники А. Перед закатом. Произведения: в 5-ти т. Казань: Тат. кн. изд-во, 2004. Т. 5: публицистические заметки, статьи. 198 с.

6. Закирзянов А.М. Духовная опора: литературно-критические статьи. Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. 287 с.

7. Загидуллина Д.Ф., Юсупова Н.М. История татарской литературы XX века: учебник. Казань: Казанский ун-т, 2011. Т. 2: Татарская литература во второй половине XX века. 229 с.

8. Фаттах Н. Избранные произведения: в 4-х т. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 463 с.

9. Фаттах Н. Наше время было щепетильным // Огни Казани. 2013. № 8. 184 с.

References

1. Literaturovedenie: slovar' terminov i ponyatij. Kazan': Prosveshchenie, 2007. 231 s.

2. Nashi pisateli: bibliograficheskij spravochnik: v 2-h t. sost. R. Dautov, R. Rahmani. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 2009. T.1. 751 s.; T. 2. 735 s.

3. Gizzatullin N. Literaturnoe dvizhenie. Istoriya

tatarskoj literatury: v shesti tomah. V t. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 1989. S. 177.

4. Eniki A. Proizvedeniya: v 3-h t. Kazan: Tat. kn. izd-vo, 1991. T. 3: rasskazy. 414 s.

5. Eniki A. Pered zakatom. Proizvedeniya: v 5-ti t. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 2004. T. 5: publicisticheskie zametki, stat'i. 198 s.

6. Zakirzyanov A.M. Duhovnaya opora: literaturno-kriticheskie stat'i. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 2011. 287 s.

7. Zagidullina D.F., YUsupova N.M. Istoriya tatarskoj literatury HKH veka: uchebnik. Kazan': Kazanskij un-t, 2011. T. 2: Tatarskaya literatura vo vtoroj polovine HKH veka. 229 s.

8. Fattah N. Izbrannye proizvedeniya: v 4-h t. Kazan': Tat. kn. izd-vo, 2002. 463 s.

9. Fattah N. Nashe vremya bylo shchepetil'nym. Ogni Kazani. 2013. № 8. 184 s.

“VILLAGE PROSE” IN TATAR LITERATURE

*Hajrullina A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dautov G.F., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yelabuga Institute of the Kazan Federal University*

Abstract: the purpose of the study is to study the “village prose” of the literature of this period in the literary and theoretical aspect.

The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the Tatar "village prose" and in revealing its role in the renewal movement in the national literature of the 60-90s of the XX century.

As a result, it is proved that not only the war itself, but also the post-war period is a complex and interesting phenomenon in the history of the country. This is a period of great hope, striving for a bright future.

In literature, works describing village life are united by a single feature: describing rural life, the writer sings an ode to its nature, residents, combining the themes of village life, homeland, native land. "Village prose" is a concept introduced in the 60s to denote prose works of Tatar literature devoted to village life and addressing, first of all, the depiction of those humane and ethical values that are associated with the centuries-old traditions of the Tatar village. In general, the Tatar "village prose" has not become the subject of special scientific research yet.

The research methods in the scientific article are the following: the article is based on a review of the literary period, methods of analysis and description of works, the historical and comparative method was also used, in order to generalize and summarize the results based on the study of the characteristic qualities of the phenomenon, the selection method was used.

The results obtained can be used in the study and teaching of the history of native and foreign literature, world artistic culture.

Keywords: Tatar literature, village prose, social realism, romanticism

СТРАТЕГИЯ ВДОХНОВЕНИЯ ДЛЯ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

*Юркова М.В., академик Международной академии
развития литературы и искусства,
почётный член Союза писателей Северной Америки,
Член Союза писателей России, поэт, писатель*

Аннотация: данная статья по предмету литературоведение. Ее темой является «Стратегия вдохновения для молодых поэтов». Целью данной работы является описание авторской стратегии вдохновения для молодых поэтов и писателей. Автор статьи, используя собственный многолетний опыт, предлагает внедрение данных методик в процесс обучения юных поэтов, ведь поэтический дар рождается вместе с человеком, а поэтический слух и художественный вкус поддаются развитию и воспитанию. В статье используются такие методы, как анализ, синтез и мысленное моделирование. В результате была разработана авторская стратегия вдохновения, состоящая из нескольких отдельных методов. Данная работа может применяться в литературоведении, литературе, на различных курсах и мастер-классах посвящённых поэзии и литературе, также допустима к применению в детских и подростковых учебных заведениях. Приведенная в статье стратегия включает в себя внедрение привычек, связанных с литературой и поэзией, развитие творческих потенциалов у молодых поэтов, различные методы способствующие обогащению творческих ресурсов поэта. Предлагается внедрение следующих способов: посещение культурных и поэтических мероприятий, дополнительное обучение, чтение различных литературных жанров, физическая активность, особая методика привлечения вдохновения. А также использование музыки, и непосредственно изучение стихотворений, их структуры, форм, видов, рифм, строф и т.п.

Ключевые слова: литература, поэзия, стихотворения, вдохновение, обучение, стратегия, авторские методы, писатель, поэт

Мы живем в 21 веке, и на сегодняшний день в нашем мире случалось и существовало практически всё, что только можно представить: всевозможные открытия, происшествия, события. То же мы можем сказать и о литературе: в ней бывало всё, что можно.

История литературы уходит далеко в древность, и с тех пор писатели и поэты сотворили огромное множество разнообразных литературных произведений всех существующих жанров практически на все темы.

С одной стороны, в этом есть огромное преимущество, ведь каждый человек может найти себе литературу по душе. Однако есть и другая, негативная сторона.

Негативной она является для современных молодых поэтов. Из-за того, что в литературе существуют стихотворения буквально обо всем, современным поэтам по-настоящему трудно писать о чем-либо, не повторяясь за кем-то из своих предшественников. Из-за данных трудностей многие поэты сегодня лишаются вдохновения.

Несмотря на это, есть убеждение о том, что существует множество различных стратегий, способов и методов для поиска вдохновения для молодых поэтов.

Целью данной работы является описание авторской стратегии вдохновения для молодых поэтов.

Методы, используемые в данном исследовании – это анализ, синтез и мысленное моделирование.

Начиная разговор о стратегии вдохновения, важно понимать смысл понятия «стратегия».

Стратегия – это средство достижения целей. В данном случае – это средство поиска вдохновения для молодых поэтов, поиска творческих ресурсов.

В любом случае, ни одна стратегия не может состоять из одного элемента. Это всегда некий комплекс действий или иных составляющих, которые в совокупности помогут добиться желаемых результатов.

Данный контекст не будет исключением. В данной статье предложено несколько составляющих, так называемых шагов или элементов, которые при правильном совместном использовании помогут при поиске вдохновения.

Первой составляющей стратегии является внедрение в повседневную жизнь поэта определенных привычек, связанных с литературой и поэзией.

Во-первых, это регулярное чтение литературных произведений различных жанров. Чаще всего молодые поэты и так довольно увлечены чтением, однако, некоторые упускают данное занятие по тем или иным причинам. Чтение любой литературы пробуждает воображение и фантазию, помогает представлять образы, места, события.

Кроме того, в том или ином произведении можно уловить любую нить, которая в дальнейшем может перерасти в новое произведение.

Необходимо читать разнообразную литературу: классическую и современную, русскую и зарубежную. Хорошее литературное произведение всегда пойдет на пользу читателю, однако, и плохое может быть полезным – поэт будет иметь «плохой» пример и знать, как писать не следует.

Регулярное чтение способствует улучшению грамотности, что также немаловажно для поэта.

Во-вторых, непосредственно чтение поэтических произведений, в данном случае привычка, будет направлена не просто на изучение стихотворений в целом, а скорее их структуры, форм, видов, рифм, строф и т.п. Так поэт сможет расширять свои знания о поэзии, находить стили, которые ему близки, постепенно расширяя свой кругозор и понимая, в каком направлении стоит двигаться в своих собственных стихотворениях.

Следующим звеном данной стратегии может стать внедрение некоторых новых привычек непосредственно при написании стихотворений.

Во-первых, если у молодого поэта уже есть свой определенный стиль, жанр или метод написания стихов, то периодически можно попробовать писать в другом, новом стиле [3].

Данный процесс может многому научить, открывать новые горизонты, открыть тот или иной жанр с другой стороны.

Во-вторых, это разнообразные игровые упражнения при написании стихотворений. Предлагается написать несколько разных слов, чтобы затем попробовать соединить их в одном стихотворении. Также можно писать на определенную тему, либо выбрать заготовленную одну фразу.

Любая такая «тренировка» может открыть потенциал, поможет найти что-то новое, а написанное в ходе такой игры стихотворение может оказаться полноценным качественным произведением.

Еще одним важным звеном в стратегии вдохновения является посещение тех или иных мероприятий, мест и т.п.

Во-первых, это природа. Прогулки на природе, в парках, лесах, около реки или озера. На таких прогулках источником вдохновения может стать всё, что находится вокруг: шум дождя, голубое небо, яркое солнце, радуга, рассветы, закаты, цветы, поля, деревья, ветер, ручей, река, и т.д. Неслучайно так много стихотворений написано о природе [4].

Во-вторых, посещение культурных мероприятий. Это может быть театральная постановка, музыкальный концерт, художественная выставка, новый или старый фильм в кинотеатре, балет, и т.д.

Во время любого из таких походов молодой поэт сможет найти для себя нечто особенное, какую-то тему, которую в дальнейшем можно будет раскрыть в стихотворении, и развивать.

В-третьих, это посещение тех мероприятий, которые непосредственно связаны с поэзией. Например, поэтические чтения, обсуждения новых поэтических сборников или же просто сбор поэтов

по интересам. На таких мероприятиях можно если не найти источники вдохновения, то хотя бы насладиться чтением стихов других поэтов, прочитав свои, переборов страхи, а также услышать конструктивную критику от профессионалов. Все это пойдет молодому поэту лишь на пользу, и повлияет на его дальнейшее творчество.

Следующее звено из стратегии вдохновения – это обучение. Довольно важное звено. Многие молодые поэты не хотят учиться и обучаться основному или чему-то новому, но это не лучший выбор.

Молодые поэты могут думать, что способны писать качественные поэтические произведения без каких-либо навыков. Иногда это так, но если кто-то из них имеет недостаток либо отсутствие вдохновения, то обучение будет отличным выходом из данной ситуации.

К обучению можно отнести, например, те или иные курсы поэзии [3]. Онлайн-вебинары, мастер-классы могут дать основную базу знаний, которые можно использовать как подспорье для написания стихов.

Кроме того, в качестве обучения можно рассматривать вступление в различные поэтические группы, где также есть возможность изучить что-либо, проанализировать стихотворения, получить критику [3].

Не стоит забывать о регулярном написании стихотворений. Ведь лучшее учение – это учение на ошибках.

Одним из самых действенных источников вдохновения, как известно, являются чувства. Практически все поэты современности и прошлого когда-либо писали о любви, о ненависти, о дружбе, о печали или радости.

Конечно, невозможно заставить поэта что-то чувствовать просто так. Однако для этого необходимо обогащать своё социальное общение, посещать различные творческие мероприятия, испытывать новые эмоции. Любое такое действие поможет разбудить гамму эмоций и чувств внутри человека, и именно они могут стать «точкой запуска» для творческого вдохновения.

Кроме того, не следует закрываться в себе, если в жизни вдруг произошло нечто печальное. Даже негативные эмоции являются источником вдохновения для поэтов. Помимо этого, «вылив» печальные эмоции на бумагу, поэт сможет легче пережить невзгоды.

Еще одним хорошим вариантом в стратегии вдохновения будет физическая активность. Это и пешие прогулки, и пробежки, и тренировки в спортивном зале или дома, плавание и многое другое. Мозг и тело человека неразрывно связаны,

поэтому физическая активность может запустить мозговую.

В череде звеньев стратегии вдохновения, наряду с физической активностью можно поставить и активность духовную.

Что можно отнести к ней? Например, занятия йогой, дыхательную гимнастику, а также медитацию. Все это помогает снимать напряжение, отстраняться от рутинных проблем, сфокусироваться на себе, своем теле, очистить мысли, испытать некий катарсис.

В отдельную категорию хотелось бы выделить музыку [1]. Музыка – это универсальное средство при любых проблемах и в любом случае, будь то печаль или радость, скука, порыв эмоций или творческий застой. Музыкальные произведения могут становиться «лекарством» от всего.

Здесь также можно экспериментировать, например, иногда слушая что-то необычное. Можно сделать различные музыкальные подборки под разное настроение или случаи жизни:

- подборку классической музыки для успокоения,
- подборку тяжелой рок-музыки в качестве разнообразия,
- подборку джаза для порыва мысли,
- подборку веселой поп-музыки для улучшения настроения.

Существует также один метод под названием «Оседлай Пегаса». Для организации процесса написания стихов полезно создать внутри себя творческое состояние, и далее, поддерживая это состояние, составлять рифмованные строки, отражающие в метафорической форме переживаемую реальность в разных сенсорных репрезентациях.

Для этого метода важно предотвратить все внешние раздражители (остаться наедине, выключить телефон и т.д.), а также иметь удобную позу.

Метод состоит из двух этапов: создания творческого состояния и непосредственно написания стихотворения.

Первый этап. Создание творческого состояния:

1. Вы ставите цель, т.е. говорите себе, что желаете написать стихи и выбираете тему для творческого процесса.

2. Закройте глаза и создайте яркую картинку чего-то волнующего вас на заданную тему эмоционального (позитивного или негативного) содержания. Это может быть как воспоминание о реальном опыте, так и мысленная конструкция того, о чем вы мечтаете и страстно хотите, то о чем хочется сказать кому-то, поделиться.

3. Приблизьте картинку к себе так близко, чтобы возникли сильные эмоции. Далее мы сравниваем состояние текущее эмоциональное состояние с некоторым эталонным состоянием, которое мотивирует заняться творческим процессом. Если эмоции слабы и не вызывают желания отразить их на бумаге в стихотворной форме, то повторите это, ибо отложите на потом.

Второй этап. Создание строк стихотворения:

1. Испытывая кинестетическое ощущение, и эмоционально переживая его, вы приступаете к написанию двух строк стихотворения.

2. Одновременно вы обзрываете картинку событий, добавив внутренний стихотворный ритм, который постоянно поддерживайте в себе, и сделайте так, чтобы он ритм звучал четко и громко.

3. Сохраняя ритм, создайте пару рифмованных строк относительно ваших чувств и видения.

4. Если ваши чувства еще эмоционально окрашены, то вернитесь к написанию следующих двух строк. А если нет, то закончите данный процесс [2].

Таким образом, все описанные составляющие можно объединить в одну общую стратегию вдохновения для молодых поэтов.

Особенностью данной стратегии является то, что можно использовать только несколько понравившихся методов, либо же использовать все.

Вдохновение – это необъяснимая и «хрупкая» вещь, никогда не знаешь, что станет толчком для этого, поэтому можно постоянно менять эти методы, использовать их по очереди, ожидая необходимого эффекта.

В заключении важно отметить то, что самым важным является именно движение. Движение в жизни, в действии, в мысли. Потеряв вдохновение, молодые поэты могут отчаяться, бросить свое дело, бессмысленно и бездельно проводя свое время, но это совершенно неправильный подход.

«Ты не можешь сидеть и ждать, когда придет вдохновение. Ты должен выслеживать его с дубинкой в руках» [1]. Поэтому важно двигаться, важно искать свой личный источник вдохновения.

Предложенная в данной работе стратегия вдохновения может помочь в этом любому молодому поэту.

Литература

1. Бабаута Л. Как найти вдохновение // Creative Writing School. Перевод А. Правдюк. URL: <https://litschool.pro/to-find-inspiration/> (дата обращения: 11.04.2021)

2. Барабаш П.И. Оседлай Пегаса (стратегия творчества). 10.09.2012. URL: https://www.b17.ru/article/cognitive_strategy_of_writing_poems/ (дата обращения: 11.04.2021)

3. Где поэту вдохновения черпнуть? // Яндекс.Дзен. 11.07.2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ce6b56799144700b4c0f707/gde-poetu-vдохновения-черпнуть-5f09b05118f9b81237d67e77> (дата обращения: 11.04.2021)

4. Хасанова В. Где брать вдохновение поэту // Изба-читальня. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1880663/> (дата обращения: 11.04.2021)

References

1. Babauta L. Как najti vdohnovenie. Creative Writing School. Perevod A. Pravdyuk. URL: <https://litschool.pro/to-find-inspiration/> (data obrashcheniya: 11.04.2021)

2. Barabash P.I. Osedlaj Pegasa (strategiya tvorchestva). 10.09.2012. URL: https://www.b17.ru/article/cognitive_strategy_of_writing_poems/ (data obrashcheniya: 11.04.2021)

3. Gde poetu vdohnoveniya cherpnut'? YAn-deks.Dzen. 11.07.2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ce6b56799144700b4c0f707/gde-poetu-vдохновения-черпнуть-5f09b05118f9b81237d67e77> (data obrashcheniya: 11.04.2021)

4. Hasanova V. Gde brat' vdohnovenie poetu // Izba-chital'nya. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1880663/> (data obrashcheniya: 11.04.2021)

AN INSPIRATION STRATEGY FOR YOUNG POETS

*Yurkova M.V., Academician of the International Academy
for the Development of Literature and Art,
Honorary Member of the Writers' Union of North America
Member of the Union of Writers of Russia, Poet, Writer*

Abstract: this article is on the subject of Literary Studies. Its theme is "Strategy of Inspiration for Young Poets". The purpose of this work is to describe the author's strategy of inspiration for young poets and writers. The author of the article, using her own many years of experience, proposes the introduction of these methods into the process of teaching young poets, because the gift of poetry is born together with a person, and poetic and artistic taste lend themselves to development and education. The article uses methods such as analysis, synthesis and mental modeling. As a result, the author's strategy of inspiration was developed, consisting of several separate methods. This work can be used in literary criticism, literature, in various courses and master classes devoted to poetry and literature, it is also permissible for use in children's and adolescent educational institutions. The strategy presented in the article includes the introduction of habits associated with literature and poetry, the development of creative potential in young poets, various methods that contribute to the enrichment of the poet's creative resources. It is proposed to introduce the following additional methods: visiting cultural and poetic events, additional training, reading various literary genres, physical activity, a special method of attracting inspiration. As well as the use of music, and the direct study of poems, their structure, forms, types, rhymes, stanzas, etc.

Keywords: literature, poetry, poems, inspiration, strategy, learning, writer, author's methods, poet

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ БИХЕВИОРАЛЬНОЙ ИНТЕРАКТИВНОСТИ СУБЪЕКТОВ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

*Мельник Ю.В., кандидат педагогических наук,
Государственный институт новых форм обучения*

Аннотация: выработка дружественной системы коммуникации между всеми участниками инклюзивного образовательного процесса и развитие у них подходящих для конкретной средовой ситуации общения поведенческих паттернов выступает актуальным аспектом современных социально-педагогических реалий. В статье проанализирован инструментальный процесс становления позитивной бихевиоральной интерактивности в инклюзивном коллективе. Актуализируется целевая направленность данного исследования, состоящая в рефлексивном анализе позитивной бихевиоральной интерактивности. Дано авторское определение понятию нетипичности, автором решены следующие исследовательские задачи: выделены основные индикаторы реализации интернально-когнитивно-деятельностной модели построения тактик позитивного бихевиорального взаимодействия в инклюзивной группе; представлены этапы формирования универсального дизайна как неотъемлемого условия развития продуктивной коммуникации между типичными и нетипичными индивидами в ситуации инклюзии; определены эффекты применения педагогического менеджмента при его воздействии на процесс поведенческой интерактивности в инклюзивной группе. Формирование релевантной рефлексивной базы при анализе позитивной бихевиоральной интерактивности как понятийной категории в рамках выделенной целевой направленности исследования создает необходимые предпосылки для становления личностно-ориентированного управления инклюзивной системой в образовательной организации, а также для фактической реализации совокупности необходимых психолого-педагогических условий, способствующих максимально возможному удовлетворению учебно-воспитательных запросов различных категорий обучающихся в инклюзивной группе.

Ключевые слова: инклюзивное образование, нетипичный обучающийся, нетипичность, позитивная бихевиоральная интерактивность, тактики создания позитивной бихевиоральной интерактивности, коммуникация, поведенческий паттерн

Введение

На современном этапе развития педагогической теории и практики инклюзивное образование представляет собой наиболее перспективное обучение всех лиц, включая нетипичных, поскольку позволяет своевременно идентифицировать существующие потенциальные резервы обучающихся для успешного преодоления у них академической проблематики и дефицита социализации. Под нетипичностью в данном исследовании понимается присутствие эксплицитных либо имплицитных характеристик биосредовой этиологии, которые влекут за собой появление поведенческих, социальных, психоэмоциональных, интерактивных и иных дисфункций. К возможным проявлениям нетипичности следует отнести инвалидность, одаренность, принадлежность к этническим, религиозным, культурным, лингвистическим и иным меньшинствам. Наличие различных флуктуационных особенностей средового порядка либо нетривиального органического генезиса определяет возникновение у личности особых потребностей в коммуникации и обучении, которые детерминируют необходимость соответствующей апробации тактик позитивного поведенческого взаимодействия всех субъектных когорт инклюзивного образовательного континуума с постепенным развити-

ем в нем практик положительной перцепции каждого члена коллектива и его безусловной аффилиации.

Обозначенный постулат детерминирует телеологическую ориентацию данного исследования, которая состоит в рефлексивном анализе позитивной бихевиоральной интерактивности как концептуально-теоретической категории, выделении основных процессуальных этапов её создания, а также ключевых факторов развития, индикаторов и базовых составляющих результативности конструирования положительного поведенческого взаимодействия между всеми субъектами инклюзивной учебно-воспитательной деятельности. Создание соответствующих теоретических разработок в рамках выделенной целевой направленности исследования создает необходимые предпосылки для становления личностно-ориентированного управления инклюзивной системой в образовательной организации и за ее пределами, а также фактической реализации совокупности необходимых психолого-педагогических условий, способствующих максимально возможному удовлетворению учебно-воспитательных нужд всех категорий обучающихся в инклюзивной группе, в том числе имеющих особые образовательные потребности.

Основная часть

Тактики и приемы становления продуктивных поведенческих паттернов в инклюзивной образовательной среде всегда находятся в непосредственной корреляции с постепенным конструированием необходимой для этого морально-этической рефлексии восприятия лиц с особыми потребностями. Так, рассматривая процесс диалектики бихевиоральной интерактивности членов инклюзивной образовательной команды, Министерство образования Альберты (Канада) отдаёт приоритетную роль в этом направлении формированию аксиологического базиса культурного взаимодействия в инклюзивной группе, который содержит в себе кумуляцию ценностных установок и позиций, являющихся одновременно катализаторными факторами и индикаторами развития истинной инклюзивности в образовательном процессе. Среди наиболее значимых диспозиций рефлексивно-аксиологической направленности выделяется принятие разнообразия как естественного условия функционирования инклюзивного микросоциума и инструмента для обогащения персональной способности каждого члена учебно-воспитательного коллектива осуществлять продуктивный диалог с индивидом, обладающим определенными характеристиками инаковости, а также развивать личностную способность к формированию кооперативных стратегий работы с точки зрения поведенческого дискурса и адекватный уровень персональных ожиданий от особенного лица, вне зависимости от степени выраженности его возможных индивидуальных отличительных черт. Подобный аксиологический базис выступает, с точки зрения канадских разработчиков, необходимой основой для перманентной реализации тактик трансцендентального проектирования позитивного бихевиорального взаимодействия на более широкие социальные условия экзистенции нетипичного лица, что способствует дальнейшей выработке у него оптимального уровня адаптивности и независимости в социуме [3]. Построение тесной семантической конвергенции между инклюзивной культурой и успешностью реализации коммуникативного праксиса в условиях плюралистической среды содержится и во взглядах американского исследователя М. Peterson, оценивающего морально-ценностные установки инклюзивной группы как базовый коннотативный фон для формирования практик рефлексивной коммуникации в условиях детского / студенческого микросоциума, где любой индивид может сознательно дистанцироваться от негативных проявлений патернализма и буллинга, а также способен в ходе развития техник позитивной бихевиоральной интерактивности

принимать любого нетипичного лица с позиции его обязательной латентной ресурсности [4].

Мы разделяем продуктивность представленных позиций, поскольку становление необходимого аксиологического фона коммуникации служит детерминирующим пусковым фактором при внедрении тактик позитивной бихевиоральной интерактивности, в рамках которой каждый член инклюзивного сообщества оценивается с позиции его сильных сторон и ресурсного потенциала при реализации необходимых академических, а также социальных функций деятельности. Одновременно с этим мы полагаем, что становление культуры инклюзии всегда находится в тесной конвергенции с действием интернальных факторов личности как основного агента выстраивания необходимых поведенческих паттернов. В этом аспекте существенное значение приобретают содержательные интенции индивида по взаимодействию с нетипичными субъектами. Поэтому при построении аксиологии инклюзивного принятия, на наш взгляд, следует уделять особое внимание модуляции таких интенций и естественности этиологии их возникновения. В этой связи значимым является становление личностно-интернальной диспозиции инклюзии на модуляционно-культурном уровне, так как присутствие данной составляющей определяет возможность создания осознанной дистантности от интервентной модели бихевиоральной коммуникации и переход к ее интернально-когнитивно-деятельностному аналогу, при котором инклюзивная коммуникация становится естественным условием существования определенной микрогруппы, а сами нетипичные лица рассматриваются как паритетные агенты подобного взаимодействия и активные участники формируемого диалога. К основным индикаторам реализации интернально-когнитивно-деятельностной модели построения тактик позитивного бихевиорального взаимодействия в инклюзивной группе относятся:

- имплицитно-перманентное стремление всех субъектов инклюзивного процесса к паритетному взаимодействию с нетипичным индивидом;
- коллективно-мотивационный поиск наиболее релевантных способов установления интерактивности с партнером, имеющим определенные отклонения от принятого императива;
- нацеленность всех субъектов деятельности на реализацию стратегии взаимной реципрокции;
- преобладание индирективной этиологии протекания коммуникации в инклюзивной группе;
- осознанная рефлексия каждым субъектом деятельности персональных равных прав и ответственности за предпринимаемую активность, вне зависимости от выраженности возможной нетипичности;

- стремление нетипичного индивида реализовать практику поведенческой партисипации в различных видах академической и социальной деятельности инклюзивной группы;
- отсутствие гипертрофированной дистанции между лидерами коллектива и его остальными членами;
- владение каждым участником инклюзивной команды навыками рефлексивного слушания и говорения;
- анализ любых видов нетипичности с точки зрения положительных эмфатических коннотаций, находящих свое отражение в практике инклюзивной коммуникации в группе;
- преобладание тактик установления коммуникативных трансакций по типу «взрослый-взрослый»;
- формирование когерентного психосоциального новообразования в коллективе по типу «Мы – общность»;
- наличие позитивно-резистентной корреляции на системном уровне между «Я-концепцией» личности и «Мы-общностью» группы;
- владение каждым субъектом инклюзивного коллектива компетентной инструментальностью по проектированию тактик позитивной бихевиоральной интерактивности в условиях широких социальных реалий.

Перечисленные индикаторы становления интернально-когнитивно-деятельностной модели построения тактик позитивного бихевиорального взаимодействия в инклюзивной группе позволяют осуществить рефлексивную аналитику необходимых фоновых условий для становления продуктивной коммуникации в плюралистической среде, а также повысить персональную социальную субъектность нетипичного индивида в ходе выполнения им требуемых академических и социальных видов персональной активности.

Формирование положительного поведенческого взаимодействия между всеми членами инклюзивного образовательного континуума представляет собой комбинаторный продукт суггестии ряда экстерналичных и интерналичных факторов. Среди внешних детерминант построения инклюзивной коммуникации важную роль играет создание комфортной среды, позволяющей осуществлять техники кооперативного взаимодействия в коллективе и как проводить при необходимости требуемые процедуры психогигиены и психопрофилактики индивидуального и группового порядков, так и обеспечивать соответствующий уровень физической комфортности для всех участников образовательного процесса. В этом контексте особое значение принадлежит условиям и принципам построения универсального дизайна в инклюзивном

континууме, под которыми S. Burgstahler понимает совокупность необходимых проектно-управленческих решений в различных аспектах эмоциональной, поведенческой, интерактивной, академической и социальной деятельности, позволяющих достичь фасилитации при включении лица с особыми образовательными потребностями в общей учебно-воспитательный процесс и развить необходимый уровень его реальной активности и позитивной коммуникации со всеми агентами ближайшей, а также отдалённой социальной среды [1]. Аналогичной позиции придерживается и T. Smith, который идентифицирует универсальный дизайн как ключевой сигнификатор при конструировании необходимых семантических, коммуникативных и коннотативных основ, способствующих становлению персональной удовлетворённости всех лиц, включая нетипичного индивида, от выполняемой учебной деятельности и принадлежности к значимому коллективу, где перманентно реализуется практика позитивного поведенческого взаимодействия между всеми субъектами, а также происходит резистентное распределение личностно актуальной реципрокции на основе индивидуальных запросов и поддержания постоянного диалога внутри инклюзивной группы [5].

На наш взгляд, представленные точки зрения обладают безусловной рациональностью, так как проектирование и моделирование комфортной для каждого обучающегося учебно-воспитательной среды является ведущей детерминантой оптимизации его академических возможностей и социальных интенций к взаимодействию, что, в свою очередь, опосредованно обуславливает возникновение гармоничного эмфатического фона для становления тактик позитивной бихевиоральной интерактивности, а также личностной диалектики всех субъектов инклюзии и укрепления их внутренних мотивов к индивидуальному, профессиональному перманентному развитию в условиях естественного многообразия человеческого социума. Наряду с этим, нам представляется целесообразным выделить определенные этапы формирования универсального образовательного и социального континуума, в котором каждый индивид имеет возможность в наиболее полной степени экстерниоризировать свои внутренние способности к интерактивности, поскольку данная временная дифференциация позволит выстроить более четкую модуляцию в ходе создания универсального дизайна в социально-академической среде и своевременно внести при необходимости ряд модификаций, ориентированных на достижение максимального удовлетворения поведенческих, эмоциональных и образовательных потребностей всех лиц в инклюзивной группе, включая нетипичных

индивидов. Среди базовых этапов конструирования универсального дизайна учебно-воспитательной направленности выделяются следующие диспозиции:

1. Идентификация спектра нужд всех категорий обучающихся в инклюзивном коллективе. Реализация данного этапа подразумевает своевременное выявление как явных, так и латентных потребностей первичного и вторичного генезиса у каждого лица. Важным аспектом при этом является соблюдение принципа комбинаторной рефлексии, опирающейся на одновременный анализ академических, социальных, эмоциональных, коммуникативных и иных видов мотивов к осуществлению определенного вида деятельности у всех лиц, в том числе нетипичных. Следует учитывать, что подобную аналитику всегда необходимо проводить в диалектическом режиме, что связано с возможным изменением экстернатальных и интервальных мотивационных стимулов к осуществлению сознательной активности всех обучающихся в процессе их личностного становления и повышения индивидуальной академической успеваемости.

2. Проектирование первичного шаблона универсального дизайна, предполагающего учет различных аспектов жизнедеятельности всех участников образовательного процесса. Указанная временная периодизация характеризуется построением определённого прототипа в виде комплекса академических, социально-психологических, коммуникативно-деятельностных, эмоциональных, бихевиоральных и иных составляющих, с помощью которых любой обучающийся, в том числе имеющий различные виды нетипичности, может осуществлять продуктивную жизнь экзистенцию в существующих условиях, реализовывать позитивные бихевиоральные паттерны и в наиболее полной мере раскрыть свой потенциал к обучению, а также продуктивному социальному диалогу с остальными участниками учебно-воспитательной деятельности. В ходе подобного проектирования административному и педагогическому персоналу образовательной организации следует ориентироваться на индивидуальные возможности различных категорий субъектов инклюзии и активно привлекать их к процессу построения качественного универсального дизайна, включающего в себя различные семантические и функциональные аспекты.

3. Создание алгоритма промежуточной мониторинговой оценки и внедрение системы необходимых модификаций для доработки прототипа универсального дизайна в конкретной организации и совершенствования процесса удовлетворения образовательных потребностей обучающихся инклюзивной группы. В ходе осуществления мо-

нитинга и внесения определенных трансформаций важным моментом является учет персональной рефлексии нетипичных лиц относительно принятых дизайнерских решений в существующей учебно-воспитательной среде, что позволяет создавать необходимые фоновые предпосылки для реальной вовлеченности всех субъектных групп в различные виды академической и социальной активности, а также развить базовые условия для максимально возможной реализации позитивной бихевиоральной интерактивности всех членов инклюзивного коллектива друг с другом.

4. Создание инновационных технологических решений, дающих возможность развить практику универсального дизайна в учебно-воспитательной среде на инновационном качественном уровне, который обеспечивает удовлетворение как существующих, так и прогностических видов особых образовательных потребностей отдельных категорий обучающихся. Формирование данной семантической субстанции на обозначенном этапе деятельности тесным образом коррелирует с обеспечением резистентных возможностей для каждого индивида к проявлению мотивационной партиципации в различных видах требуемой коммуникативной и учебной активности, а также с созданием для нетипичных лиц естественных условий социальной успешности в рамках практик позитивной бихевиоральной интерактивности и нормативного уровня интериоризации требуемого академического контента, что в целом способствует становлению инклюзии как в учебном процессе, так и за его пределами.

При прохождении обозначенных этапов конструирования универсального дизайна в учебно-воспитательной среде педагогическому, а также административному персоналу образовательной организации следует ориентироваться на циклический характер прохождения данных временных промежутков, поскольку создание континуума, комфортного с точки зрения различных аспектов для каждого обучающегося, всегда находится в тесной тематической конвергенции с нелинейностью данного процесса, что связано с системным действием в обозначенной ситуации механизмов возрастной диалектики и динамики меняющихся образовательных потребностей индивидов. В связи с этим указанная перманентная вариативность требует постоянного внесения необходимых трансформаций в процесс проектирования универсального дизайна, дающего возможность осуществлять регулярную тактику позитивной бихевиоральной интерактивности в межсубъектном контексте, в сочетании с формированием качественно нового уровня принимаемых проектных решений по разработке характеристик универ-

сальности существующего учебно-воспитательного континуума.

Становление позитивной бихевиоральной интерактивности в инклюзивной группе представляет собой результат перманентного и мобилизационного воздействия педагогического менеджмента, являющегося основой при построении тактик социальной контактности в конкретной учебно-воспитательной среде. Согласно позиции R.M. Garguilo и D. Metcalf, адекватные управленческие стратегии по совершенствованию коммуникативных транзакций в условиях педагогического праксиса являются ведущей базой для развития психосоциальной атмосферы паритетного диалога, в рамках которого каждый индивид способен проявить свои поведенческие интенции и реализовать внутриличностный адаптивный потенциал при выполнении требуемых видов академической либо социальной активности [2].

Мы оцениваем данную точку зрения как безусловно релевантную, что связано с действием механизмов тесной семантической коррекции между понятийными дефинициями психосоциальной комфортности и применением менеджментских техник по совершенствованию способов освоения академического контента обучающимися, обладающими различным уровнем способностей к интериоризации и экстериоризации осваиваемого материала. Одновременно с этим, на наш взгляд, необходимым является выделение ряда эффектов, возникающих от применения своевременного и адекватного педагогического менеджмента в контексте учета его воздействия на процесс интерактивности в инклюзивной группе и формирования в её рамках определенных поведенческих паттернов. К таким эффектам относятся:

- развитость чувства безусловной аффилиации у всех членов инклюзивного коллектива;
- поддержка у всех субъектов инклюзивной команды внутриличностной ассертивности;
- формирование индивидуального и коллективного катарсиса по отношению к лицам, обладающим любыми видами нетипичности;
- устранение гипертрофированной вертикализации отношений между всеми субъектами инклюзивного образовательного процесса;
- стремление каждого индивида понять истинные мотивы значимого другого в ходе ментального проектирования определенных моделей поведения своего собеседника и установления с ним диалога;
- овладение всеми членами инклюзивной группы продуктивными навыками невербального ведения диалога с помощью различных ассистивных семиотических способов и приемов;

- становление компетентностных способностей у всех участников инклюзивного образовательного процесса по модуляционно-рефлексивному говорению и слушанию, а также трансцендентальному переносу наиболее продуктивных бихевиоральных моделей в различные аспекты собственной жизнедеятельности;

- умение всех субъектов инклюзивной учебно-воспитательной деятельности оперативно и гибко модифицировать персональную модель поведения в зависимости от меняющихся ситуативных условий;

- дистантность участников инклюзивного коллектива от исключительно филантропического восприятия нетипичного собеседника с переходом к субъектно-деятельностной модели установления диалога.

Все указанные эффекты инклюзивного педагогического менеджмента имеют как ближайшую, так и отдаленную результативность по формированию гармоничного психосоциального самочувствия каждого члена инклюзивного микросоциума, что непосредственным образом определяет качество позитивной бихевиоральной интерактивности и степень успешной ее реализации.

Выводы

Конструирование тактик продуктивного поведенческого взаимодействия в инклюзивной среде является перманентным процессом комплексного генезиса, на который оказывает воздействие ряд факторов экстернального и интернального порядков. В свою очередь, формирование практики положительной бихевиоральной интерактивности создаёт определенные психосоциальные экспектации от любого индивида, в том числе нетипичного, и конструирует иные фоновые предпосылки для успешного освоения всеми субъектами учебно-воспитательного процесса, вне зависимости от наличия или отсутствия у них определенных нетривиальных черт, необходимого академического контента, а также достижения ими гармоничного уровня социализации, соответствующей их возрастному онтогенетическому этапу.

Рефлексивно-концептуальное осмысление позитивной бихевиоральной интерактивности позволяет решить ключевые исследовательские задачи и выделить основные процессуальные этапы её создания, а также ключевые факторы развития, индикаторы и базовых составляющие результативности конструирования положительного коммуникативно-поведенческого взаимодействия между всеми субъектами инклюзивной учебно-воспитательной деятельности, что способствует обеспечению совокупности психолого-педагогических условий для становления академической, социальной и внутриличностной успешности каждого

обучающегося в инклюзивной группе, в том числе нетипичного.

В целом диалектика по становлению продуктивной коммуникации в инклюзивной группе является детерминирующим фактором дальнейшей благополучной учебной и социальной экзистенции каждого индивида, включая нетипичного, в условиях более широких общественных реалий, а также ведущим пусковым катализатором для обеспечения высокого уровня последующей адаптивности всех субъектов инклюзивного образовательного процесса к фоновым стрессогенным ситуациям и развития их психосоциальной готовности осуществлять персональную жизненную траекторию в условиях естественной вариативности и антропологического, образовательного, социального, иных форм многообразия.

Литература

1. Burgstahler S. Introduction to universal design in higher education [Электронный ресурс]. Universal design in higher education: Promising practices. Seattle: DO-IT, University of Washington, 2013. p. 9 – 14. URL: https://www.washington.edu/doi/sites/default/files/atoms/files/Part_1_UDHE-PP_12_18_18_tagged_0.pdf
2. Gargiulo R.M., Metcalf D. Teaching in today's inclusive classrooms: a universal design for learning approach. Belmont: Wadsworth, Cengage Learning, 2013. 504 p.
3. Indicators of inclusive schools: continuing the

conversation. Represented by the Ministry of Education. Alberta, Canada: Ministry of Education, 2013. 33 p.

4. Peterson M.J. Inclusive teaching: creating effective schools for learners. Boston, MA: Allyn and Bacon, 2003. 533 p.

5. Smith T.E. et. al. Teaching students with special needs in inclusive settings/ Boston, MA: Pearson Education, Inc, 2008. 465 p.

References

1. Burgstahler S. Introduction to universal design in higher education [Elektronnyj resurs]. Universal design in higher education: Promising practices. Seattle: DO-IT, University of Washington, 2013. p. 9 – 14. URL: https://www.washington.edu/doi/sites/default/files/atoms/files/Part_1_UDHE-PP_12_18_18_tagged_0.pdf
2. Gargiulo R.M., Metcalf D. Teaching in today's inclusive classrooms: a universal design for learning approach. Belmont: Wadsworth, Cengage Learning, 2013. 504 p.
3. Indicators of inclusive schools: continuing the conversation. Represented by the Ministry of Education. Alberta, Canada: Ministry of Education, 2013. 33 p.
4. Peterson M.J. Inclusive teaching: creating effective schools for learners. Boston, MA: Allyn and Bacon, 2003. 533 p.
5. Smith T.E. et. al. Teaching students with special needs in inclusive settings/ Boston, MA: Pearson Education, Inc, 2008. 465 p.

BEHAVIORAL INTERACTIVITY BETWEEN SUBJECTS OF THE INCLUSIVE EDUCATIONAL PROCESS

*Mel'nik Yu.V., Candidate of Pedagogical Sciences(Ph.D.),
State Institute of New Learning Modes*

Abstract: the creation of a friendly system of communication between all participants in the inclusive educational process and the development of behavioral patterns that are suitable for a specific environmental situation of communication is an actual aspect of modern social and pedagogical realities. The instrumental process of the practical development of positive behavioral interactivity in an inclusive team is under consideration in the article. The target orientation of this research is actualized, which consists in a reflexive analysis of positive behavioral interactivity. The following research tasks are solved: definition of the term "exceptionality" is given, the author highlights basic indicators of the implementation of the internal-cognitive-activity model for building tactics of positive behavioral interaction in an inclusive group; certain stages of the creation of a universal design are presented as an integral condition for the development of productive communication between typical and non-typical individuals in inclusive conditions; key effects of the use of pedagogical management in the context of its impact on the process of interactivity in an inclusive group and the development of necessary behavioral patterns within it are determined by author. The development of a relevant reflexive base in the analysis of positive behavioral interactivity as a conceptual category within the framework of the selected target orientation of the study creates necessary prerequisites for the formation of a personality-oriented management of an inclusive system in an educational organization, as well as for the actual implementation of a set of necessary psychological and pedagogical conditions that are oriented to the maximum possible satisfaction of the educational needs of various categories of learners in an inclusive group.

Keywords: inclusive education, non-typical learner, exceptionality, positive behavioral interactivity, tactics for creation of positive behavioral interactivity, communication, behavioral pattern

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

*Каримова Т.С., кандидат педагогических наук, доцент,
Восточно-Сибирский институт МВД России*

Аннотация: актуальность исследования обусловлена тем, что на современном этапе необходим поиск «новых» форм, методов, технологий и систем обучения, опирающихся на аксиологический подход, в процессе путей формирования культурно-речевой компетенции в ходе изучения «комплекса речевых дисциплин» у обучающихся в образовательных организациях МВД России и остается одной из значимых педагогических проблем. На основе методов анализа и обобщения, позволивших выделить ключевые положения аксиологического подхода, которые оказывают влияние на профессиональную подготовку будущих полицейских. Раскрывая философские, психолого-педагогические основы аксиологического подхода, мы акцентируем внимание на то, что ценности как его ключевая дефиниция являются особым образованием, смысловой контекст которого характеризуется определенной системой и иерархией понятий и явлений. Это обуславливает актуальность профессиональной подготовки будущих полицейских в единстве мировоззренческих, профессиональных и личностных характеристик, приводящих к развитию индивидуально значимых ценностных ориентаций с точки зрения норм профессиональной этики и формированию собственного отношения к основополагающим профессиональным ценностям и установкам. Рассмотрены теоретические основы аксиологического подхода, охарактеризованы наивысшие ценности «Человек», «Культура», «Язык», «Языковая культура», влияющие на процесс профессиональной подготовки будущих полицейских, поскольку профессия относится к сфере «человек-человек». Выявлены педагогические условия формирования культурно-речевой компетенции, представлен алгоритм освоения наивысших ценностей в процессе изучения комплекса речевых дисциплин с целью усиления аксиологической направленности профессиональной подготовки будущих полицейских по уровням образования.

Ключевые слова: аксиологический подход, культурно-речевая компетенция, обучающиеся в образовательной организации правоохранительного профиля системы МВД России, наивысшие ценности

Введение

На современном этапе повышаются требования к уровню профессиональной готовности сотрудников полиции к несению службы, к их уровню интеллектуального, нравственного, ценностно-смыслового развития. В связи с чем одним из условий приобщения их к духовным, нравственным ценностям и развитие социокультурных профессионально-личностных особенностей является организация образовательного процесса по программам специалитета, профессионального обучения сотрудников полиции в контексте аксиологического подхода, как гуманистического направления философии образования.

Анализ исследований и публикаций в области аксиологии (М.С. Каган, Н.Д. Никандров, З.И. Равкин, В.А. Слостенин, Г.И. Чижакова, К.А. Абульханова – Славская и др.) позволяет сделать вывод, что на современном этапе аксиологический подход в теории и практике профессионального образования является его ценностно-смысловой основой. По нашему мнению, ценностную систему у сотрудников полиции составляют общечеловеческие ценности, ценности государственной идеологии и ценности государственной службы.

Следовательно, в рамках образовательного процесса в образовательных организациях правоохранительного профиля (на примере системы МВД России) (в соответствии с

Федеральным Государственным образовательным стандартом высшего образования - специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности) обучающимися должна быть освоена общепрофессиональная компетенция ОПК-2, входящая в категорию ценностно-мотивационной ориентации. В ходе освоения общепрофессиональной компетенции ОПК-2 обучающийся «способен анализировать мировоззренческие, социальные и личностно-значимые проблемы в целях формирования ценностных, этических основ профессионально-служебной деятельности».

Цель исследования. Для нас важно было узнать в ходе проведения исследования по формированию культурно-речевой компетенции с учётом аксиологического (ценностного) подхода мнение курсантов первого курса, слушателей, проходящих профессиональное обучение, об их отношении к наивысшим ценностям «Человек», «Культура», «Язык», «Языковая культура» в рамках изучения учебного «комплекса речевых дисциплин» (учебных дисциплин: «Русский язык в деловой документации», «Риторика», «Русский язык в деловой документации. Культура речи»), поскольку профессия «Полицейский» является лингвоинтенсивной, относится к сфере «человек-человек».

В рамках изучения научной проблемы «Формирование культурно-речевой компетенции

у обучающихся в образовательной организации системы МВД России с учётом ценностного подхода» было проведено анкетирование по изучению сформированности наивысших ценностей у курсантов и слушателей. Нами были применены диагностические материалы, которые использовались на практических занятиях в ходе освоения учебного «комплекса речевых

дисциплин» в рамках развития устной и (или) письменной, диалогической и(или) монологической речи при выполнении заданий творческого характера; заданий по реферированию и аннотированию научного текста, а также при проведении дискуссий, написании эссе. Проанализируем результаты диагностического анкетирования по нашей теме исследования.

Таблица 1

Результаты диагностического анкетирования

Тема для диагностического анкетирования	Вариант ответа	Участники диагностического анкетирования		
		1 курс	Обучающиеся на ФПППиПК из групп рядового состава	Обучающиеся на ФПППиПК из групп из числа среднего начального состава
Ваше отношение к человеку	А) отношение как таковому	16,75%	14,5%	17,3%
	Б) отношение как к другому Человеку	29%	27%	30%
	В) отношение к Человеку как иному	41%	39%	42%
Характеристика современного общества	А) высоконравственное	6,75%	6%	5,9%
	Б) безнравственное	19,9%	19,8%	22%
	В) не воспитывающее в нравственном отношении	42%	41%	43%
	Г) воспитывающее в нравственном отношении	12,3%	11%	10%
Отношение современников к культуре	А) почитание родной культуры	15%	14,9%	15,2%
	Б) неприятие иной культуры	23%	22%	35%
	В) ориентация на западные ценности	39%	40%	39%
	Г) отречение от собственной культуры в пользу иной	29%	28%	29%
Характеристика языковой (речевой) культуры современности	А) высокий уровень развития языковой (речевой) культуры	4%	4%	3%
	Б) второстепенность филологических знаний	28%	21%	29%
	В) установка на «демократизацию» речи, которая привела к «вульгаризации» языка	35%	29%	35%
	Г) отсутствие системы профессиональных требований к владению государственным языком	45%	39%	49%

Результаты и обсуждения

Исходя из данных, приведенных в таблице следует, что ценность «Человек» обучающимися не осмыслена, недооценена, поскольку «отношение к человеку как таковому» (в таблице

отмечены показатели 16,75%, 14,5%, 17,3%) т.е. гуманизм не продемонстрирован. В отношении «к человеку как другому» (в таблице отмечены показатели – 29%, 27%, 30%) т.е. готовы прийти на помощь другому, помочь изредка

нуждающимся. В отношении «к человеку как иному» (в таблице отмечены показатели 41%, 39%, 42%) т.е. обучающиеся способны относиться с уважением к отдельным социокультурным группам. Характеризуя особенности современного общества, они отмечают такие черты как «духовно бедное, безнравственное, не воспитывающее в нравственном отношении»; в отношении культуры – «ориентация на западные ценности, преклонение перед западной культурой»; в отношении языковой (речевой культуры) – «низкий уровень языковой (речевой) культуры; отсутствие системы профессиональных требований к владению государственным языком, отсутствие стремления повышать свой уровень знания современного русского литературного языка».

Таким образом, данные диагностического анкетирования отражают сложившуюся ситуацию в обществе – непринятие базовых нравственных ценностей молодым поколением, «господство» в обществе иностранной культуры, имитирование чуждых ценностей, поклонение чуждым идеалам, небрежное отношение к русскому языку как государственному – указывают на необходимость педагогической работы по самостоятельному принятию обучающимися базовых ценностей на всех этапах образовательного процесса. Мы разделяем точку зрения М.Е. Дуранова в том, что организация образовательного процесса в системе ведомственного образования должна осуществляться, «на принципах гуманизма как ценности». Мы согласны с научными взглядами исследователей в области ценностного подхода (В.И. Андреев, Е.В. Бондаревская, И.Ф. Исаев, С.В. Кульневич, В.А. Слостёнин, Т.Б. Сергеев и др.): «представляется возможным в рамках изучения гуманитарных дисциплин специально выделить в качестве методологической основы аксиологический подход, который придаст процессу подготовки ценностную направленность» [7]. В качестве частного случая реализации аксиологического подхода мы рассматриваем наивысшие ценности «Человек», «Культура», «Язык», «Языковая культура» в рамках освоения «комплекса учебных речевых дисциплин», поскольку профессия «Полицейский» относится к сфере «человек-человек», и по роду своей службы сотрудник вступает в коммуникационное взаимодействие с различными группами лиц [8].

В исследовании ценности «Культура» мы опираемся на аксиологические концепции культуры В.И. Максактовой и Д.Е. Дуранова.

В частности, В.И. Максактова даёт определение культуры «как явление, отражающее духовную

природу человека, как выражение духовных ценностей и нравственных норм человечества» [12].

М.Е. Дуранов в своих научных исследованиях характеризует «культуру как безусловную ценность, способную удовлетворить не только духовные, но и материальные потребности человека», а «культурологический подход как педагогический принцип в образовании, как способ познания и организации педагогического процесса образования личности, который с учётом связи культуры и языка благотворным образом может сказаться на воспитании духа обучающихся, их сознания» [4].

Для нашего исследования имеет важное значение утверждение Д.С. Лихачёва, что «язык выступает неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» [11], поскольку «в языке одухотворяется весь народ и вся его родина. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое целое» [К.Д. Ушинский]; «народ сохраняет всё ценное и созданное им при помощи языка» [И.И. Срезневский]. Как полагает Е.А. Васкина, «здесь прослеживается неоспоримый факт связи языка с культурой, которая также является хранительницей всего народного достояния» [3].

В изучении феномена «языковая культура» мы опираемся на научные исследования С.Е. Янчина, Т.М. Акатовой, В.И. Аннушкина, И.С. Ивановой.

Отметим, что ценность «языковая культура», по мнению С.Е. Янчина, представляет «фактическое единство языка и культуры, выражается тем, что язык пронизывает все другие ее феномены» [15]. Мы согласны с мнением Т.М. Акатовой: «исследования языковой культуры сопряжены с анализом двух различных, но взаимосвязанных объектов – «языковая культура общества» и «языковая культура личности», что является важным методологическим аспектом изучения рассматриваемого феномена» [2]. В.И. Аннушкин акцентирует внимание на том, что «языковая культура общества решает практические задачи: ее цель – благоустройство общественной, производственной и бытовой жизни человека. Культура предполагает сохранение всего ценного в нравственном, образовательном, эстетическом аспектах нашего бытия [1]». Мы разделяем точку зрения И.С. Ивановой на определение «языковой культуры вообще и её связи с культурой личности, которая обуславливает эффективное функционирование человека в обществе, его личностное и профессиональное развитие» [6].

Поэтому создание системы языковой подготовки специалистов, обладающих, по словам А.П. Сковородникова, «качествами коммуникабельно-

сти, толерантности, социальной и профессиональной мобильности, конструктивности, ответственности за судьбу страны, духовности и культуры» [13] становится стратегической задачей.

В создании системы профессиональной языковой подготовки специалистов, в частности сотрудников полиции, следует учитывать то, что современный образовательный процесс основан на компетентностном подходе. Поскольку профессия «сотрудник полиции» лингвоинтенсивная, то в связи с этим полагаем, что «одной из таких ключевых компетенций является культурно-речевая компетенция, представляющая собой совокупность знаний, умений, навыков развитой языковой личности, обладающей возможностями полноценного и творческого использования языка» [13].

В научной литературе термин «культурно-речевая компетенция» был введён А.П. Сковородниковым, Г.А. Копниной. Термин «культурно-речевая компетенция» истолковывается А.П. Сковородниковым, Г.А. Копниной как «совершенное владение языком, совокупность знаний, умений и

навыков, обеспечивающих эффективное речевое общение во всех основных сферах человеческой деятельности. В понятие культурно-речевой компетенции входят такие фундаментальные речеведческие понятия, как культура речи, нормы языка и речи, типы речевой культуры, риторический (речевой) идеал, коммуникативные качества хорошей речи, постулаты речевого общения» [10].

Процесс изучения учебных дисциплин «Русский язык в деловой документации», «Риторика» у обучающихся в образовательных организациях правоохранительного профиля (на примере системы МВД России) направлен в соответствии с Федеральным Государственным Образовательным стандартом Высшего образования – специалитет по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности на овладение универсальной компетенцией УК-4: «способен применять современные коммуникативные технологии (в том числе на иностранном(ых) языке(ах)) для академического и профессионального взаимодействия».

Таблица 2

Овладение универсальной компетенцией УК-4

Знания обучающихся в рамках освоения универсальной компетенции УК-4:	В рамках изучения учебной дисциплины «Риторика» иметь знания о базовых понятиях из разных разделов языкознания: социальной природы языка; различий между языком и речью; особенностей функциональных стилей; коммуникативных качеств хорошей речи; требования, предъявляемые к речи специалиста; основ речевого (профессионального) общения, условия эффективной речевой коммуникации; вербальной и невербальной средства коммуникации, традиции русского судебного красноречия; основы полемического мастерства; риторических правил составления текстов разных жанров и типов речи (повествование, описание, рассуждение); виды делового общения, методiku его организации; В рамках изучения учебной дисциплины «Русский язык в деловой документации» иметь знания о нормах русского литературного языка; нормах официально-делового стиля, терминологии стилистики; правописания и употребления юридической лексики в деловой документации; правил составления и оформления текстов документов; специфики письменного делового общения;
Умения обучающихся в рамках освоения универсальной компетенции УК-4:	В рамках изучения учебной дисциплины «Риторика» уметь анализировать свою речь с точки зрения аспектов культуры речи: нормативного, коммуникативного, этического; строить свои высказывания с учётом коммуникативной целесообразности, языковых и этических норм; аргументировано и ясно строить деловое общение (беседу, совещание, консультирование и т.д.), вести полемику и дискуссии; проводить риторический анализ речей судебных античных и современных ораторов; составлять тексты, готовить публичные выступления; анализировать тексты(в рамках изучения дисциплины «Риторика»); В рамках изучения учебной дисциплины «Русский язык в деловой документации» уметь употреблять юридическую лексику в устной и письменной деловой коммуникации; составлять, редактировать тексты различных видов деловых бумаг в соответствии с языковыми и стилистическими нормами;
Владения обучающихся в рамках освоения универсальной компетенции УК-4:	В рамках изучения учебной дисциплины «Риторика» владеть вербальными невербальными средствами общения; управление ситуацией общения, разрешение коммуникативных конфликтов; владение риторическими, полемическими навыками); В рамках изучения учебной дисциплины «Русский язык в деловой документации» владеть лингвистическим анализом, редактированием, правкой служебных и процессуальных документов.

Изучение учебной дисциплины «Русский язык в деловой документации. Культура речи» слушателями, обучающимися по программам профессионального обучения (профессиональной подготовки), осуществляется в соответствии с уровнем предыдущего образования до их поступления на службу в органы внутренних дел: среднее общее и профессиональное образование (среднее профессиональное образование и высшее), юридическое или неюридическое образование. С учетом сохранения когнитивного ядра учебной дисциплины «Русский язык в деловой документации. Культура речи» создаются варианты моделей языкового обучения (языковой подготовки) слушателей, исходя из предыдущего уровня их дисциплинарных знаний в области русского языка, т.е. с опорой на языковой опыт слушателей [8].

Следует отметить, что успешное овладение культурно-речевой компетенцией в результате изучения учебного «комплекса речевых дисциплин» [1] обучающимися возможно в ходе реализации следующих педагогических условий:

- обеспечение целостности обучения посредством интеграции «комплекса речевых дисциплин» со специальными дисциплинами;

- научная направленность в организации образовательного процесса;

- организация целостного восприятия языковых явлений;

- «взаимосвязь элементов содержания образовательных блоков с будущей профессиональной деятельностью обучающихся [14];

- использование профессионально ориентированного дидактического материала (с учётом уровня подготовленности обучающихся) для формирования устойчивых речевых умений, развития языковой способности обучающихся;

- применение в обучении методов: грамматическое моделирование, лингвистический анализ текста, деловая игра, рефлексия как метод самопознания и самооценки, тренинговые технологии» [14];

- повышение уровня мотивации обучающихся к изучению «комплекса речевых дисциплин» [1].

Отметим, что также необходимо учитывать место речеведческих дисциплин в воспитании нравственных ценностей, поскольку все «все языковые и речевые данные, а также разработки всех наук, на которые опирается культура речи, переводятся в оценочную плоскость на основе понятия нормы, трактуемой в качестве культурной ценности» [10].

Таким образом, по нашему мнению, наивысшие ценности «Человек», «Язык», «Культура», «Языковая культура» взаимосвязаны, например, ценность «Человек» возможно рассмотреть через со-

ставляющие личность – общество, личность – образование, личность – культура – язык. В результате изучения учебного «комплекса речевых дисциплин» [1] должны быть освоены наивысшие ценности «Человек», «Язык», «Культура», «Языковая культура»:

- знать: иметь устойчивые знания «о Человеке как наивысшей ценности, которая имеет индивидуальный набор ценностей и качеств, характерных для данного общества в целом; об общественных и личностных нравственных нормах; отличия нравственных ценностей от антиценностей; взаимосвязи культуры и языка» [3];

- уметь: уметь ранжировать ценности; «проявлять устойчивую нравственную позицию в различных социальных ролях; отличать нравственных людей от безнравственных; ценить жизнь другого человека; ценить свою культуру, язык; бережно относиться к культурному наследию своей страны» [3];

- относиться: сформировано устойчиво-позитивное отношение к любому Человеку, восприятие его как наивысшей ценности; устойчиво-позитивное отношение к наивысшим ценностям «Язык», «Культура», «Языковая культура».

В формировании наивысших ценностей «Язык», «Культура», «Языковая культура» в ходе изучения учебного «комплекса речевых дисциплин» [1] (с учётом освоения культурно-речевой компетенции) нами был использован следующий алгоритм:

- вычленение исследуемого (изучаемого) понятия из текста и его интерпретация;

- изучение формулировки исследуемого (изучаемого) понятия, взятого из словаря, справочника, энциклопедии;

- анализ, сопоставление различных научных точек зрения на исследуемое (изучаемое) понятие;

- проверка усвоения знаний об исследуемом (изучаемом) понятии посредством написания эссе, выполнения заданий творческого характера (например, составление синквейна, развёрнутого ответа-размышления на вопрос), проведение дискуссии, дебатов, подготовка выступления на заданную тему [3].

Вывод. Реализация ценностного подхода в образовательном пространстве ведомственного профессионального образования возможна в рамках изучения учебного комплекса речевых дисциплин, поскольку он позволяет обучающимся «овладеть достижениями мировой и отечественной культуры, подразумевает свободное самоопределение личности в мировоззренческих позициях, позволяет осваивать ценностные смыслы профессии посредством индивидуально-дифференцированного

(лично ориентированного) обучения», «чтобы каждое индивидуальное действие было пропущено через нравственное сознание» обучающегося, так как сегодня необходимы специалисты, обладающие профессиональными компетенциями, нравственной культурой в новой системе ценностей» [9].

Литература

1. Аннушкин В.И. Русские классические учения о речи: история и современность. URL: http://www.pereplet.ru:1800/text/annushkin_7.html.
2. Акатова Т.И. Языковая культура личности как социокультурный феномен. Педагогическое образование в России. 2012. № 2. С. 92 – 93.
3. Васкина Е.А. Педагогические условия освоения приоритетных ценностей студентами педвуза: монография. Иркутск, 2007. 203 с.
4. Дуранов М.Е. Методологические и методические проблемы ориентации личности на образовательные ценности: монография. Челябинск: изд-во ЧГАКИ, 2005. 120 с.
5. Иванов Д.А., Митрофанов К.Г., Соколова О.В. Компетентностный подход в образовании. Проблемы, понятия, инструментарий: учебно-методическое пособие. М., 2003.
6. Иванова И.С. Русский язык как ценность отечественной культуры и фактор духовно-нравственного воспитания // Ученый совет. 2018. № 3.
7. Каримова Т.С. Освоение нравственных ценностей посредством изучения гуманитарных дисциплин // Человеческий капитал. 2019. № 5 (125). С. 171 – 175.
8. Каримова Т.С. О профессионально ориентированной языковой подготовке слушателей на этапе профессионального обучения в системе МВД России // Modern science. 2020. № 11-2. С. 248 – 254.
9. Каримова Т.С., Каримов А.А. Теоретические аспекты духовно-нравственного воспитания курсантов в условиях вуза МВД России // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии образования. Серия: «Педагогические науки». 2011. № 15. С. 22-27.
10. Каримова Т.С. К вопросу о нравственном воспитании курсантов в образовательной организации системы МВД России // Воспитание: региональный аспект. Проблемы, пути решения, опыт: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, 27-28 марта 2019 года. С. 78 – 82.
11. Лихачев Б.Т. Введение в теорию и историю воспитательных ценностей. Самара, 1997. 84 с.
12. Максакова В.И. Педагогическая антропология: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заве-

дений. 2-е изд., стереотип. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.

13. Сковородников А.П., Копнина Г.А. О культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения // Филологические науки. С. 3 – 15. № 3.
14. Тесликова Н.Н. Основы культуры речи для студентов-юристов: учебно-методическое пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2008. 248с.
15. Янчин С.Е. Язык как основание и универсальная модель культуры // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 14 – 31.

References

1. Annushkin V.I. Russkie klassicheskie ucheniya o rechi: istoriya i sovremennost'. URL: http://www.pereplet.ru:1800/text/annushkin_7.html.
2. Akatova T.I. YAzykovaya kul'tura lichnosti kak sociokul'turnyj fenomen. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2012. № 2. S. 92 – 93.
3. Vaskina E.A. Pedagogicheskie usloviya osvoeniya prioritetnyh cennostej studentami pedvuza: monografiya. Irkutsk, 2007. 203 s.
4. Duranov M.E. Metodologicheskie i metodicheskie problemy orientacii lichnosti na obrazovatel'nye cennosti: monografiya. CHelyabinsk: izd-vo CHGAKI, 2005. 120 s.
5. Ivanov D.A., Mitrofanov K.G., Sokolova O.V. Kompetentnostnyj podhod v obrazovanii. Problemy, ponyatiya, instrumentarij: uchebno-metodicheskoe posobie. M., 2003.
6. Ivanova I.S. Russkij yazyk kak cennost' otechestvennoj kul'tury i faktor duhovno-nravstvennogo vospitaniya. Uchenyj sovet. 2018. № 3.
7. Karimova T.S. Osvoenie npravstvennyh cennostej posredstvom izucheniya gumanitarnyh disciplin. CHelovecheskij kapital. 2019. № 5 (125). S. 171 – 175.
8. Karimova T.S. O professional'no orientirovannoj yazykovoj podgotovke slushatelej na etape professional'nogo obucheniya v sisteme MVD Rossii // Modern science. 2020. № 11-2. S. 248 – 254.
9. Karimova T.S., Karimov A.A. Teoreticheskie aspekty duhovno-nravstvennogo vospitaniya kursantov v usloviyah vuza MVD Rossii. Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii obrazovaniya. Seriya: «Pedagogicheskie nauki». 2011. № 15. S. 22-27.
10. Karimova T.S. K voprosu o npravstvennom vospitanii kursantov v obrazovatel'noj organizacii sistemy MVD Rossii. Vospitanie: regional'nyj aspekt. Problemy, puti resheniya, opyt: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Irkutsk, 27-28 marta 2019 goda. S. 78 – 82.

11. Lihachev B.T. Vvedenie v teoriyu i istoriyu vospitatel'nyh cennostej. Samara, 1997. 84 s.

12. Maksakova V.I. Pedagogicheskaya antropologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. Zavedenij. 2-e izd., stereotip. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004. 208 s.

13. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. O kul'turno-rechevoj kompetencii studenta vysshego

uchebnogo zavedeniya. Filologicheskie nauki. S. 3 – 15. № 3.

14. Teslikova N.N. Osnovy kul'tury rechi dlya studentov-yuristov: uchebno-metodicheskoe posobie. 2-e izd., ispr. M.: Flinta: Nauka, 2008. 248s.

15. YAnchin S.E. YAzyk kak osnovanie i universal'naya model' kul'tury. Gosudarstvo, religiya, Cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2010. № 1. S. 14 – 31.

AXIOLOGICAL ASPECT IN THE FORMATION OF CULTURAL AND SPEECH COMPETENCE AMONG STUDENTS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Karimova T.S., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Abstract: the relevance of the study is due to the fact that at the present stage it is necessary to search for "new forms, methods, technologies and systems of education based on an axiological approach, in the process of developing cultural and speech competence in the course of studying the "complex of speech disciplines" among students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia and remains one of the most significant pedagogical problems. Based on the methods of analysis and generalization, which made it possible to highlight the key provisions of the axiological approach that influence the professional training of future police officers. Revealing the philosophical, psychological and pedagogical foundations of the axiological approach, we focus on the fact that values as its key definition are a special formation, the semantic context of which is characterized by a certain system and hierarchy of concepts and phenomena. This determines the relevance of the professional training of future police officers in the unity of worldview, professional and personal characteristics, leading to the development of individually significant value orientations from the point of view of the norms of professional ethics and the formation of their own attitude to fundamental professional values and attitudes. The theoretical foundations of the axiological approach are considered, the highest values "Man", "Culture", "Language", "Language culture", which influence the process of professional training of future police officers, are described, as the profession belongs to the sphere of "man-man". The pedagogical conditions for the formation of cultural and speech competence are revealed, an algorithm for mastering the highest values in the process of studying a complex of speech disciplines is presented in order to strengthen the axiological orientation of the professional training of future police officers by educational levels.

Keywords: axiological approach, cultural and speech competence, students in an educational organization of the law enforcement profile of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the highest values

ВЕКТОР ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ТЕХНИКАМ МАСЛЯНОЙ ЖИВОПИСИ

*Ню Яфэй, аспирант,
Институт изящных искусств,
Московский педагогический государственный университет*

Аннотация: мы живем в эпоху, когда все страны энергично выступают за инновационное образование. Крупные университеты стремятся использовать преимущества ресурсов дистанционного открытого образования для продвижения имиджа и привлечения студентов. В этой ситуации академическая подготовка в художественном образовании имеет как своих апологетов, так и противников. Дискуссии по реформе образования в области масляной живописи проводятся по всем направлениям. Постмодернистский взрыв свободного творчества показал множество сюрреалистических фантазий и техник. Эмпирический и системный анализ интеграции дистанционного образования и традиционного обучения техникам масляной живописи выявляет роль преобразований как новый смысловой фактор в художественном образовании.

Ключевые слова: дистанционное образование, преобразования в обучении масляной живописи

Введение

С развитием и прогрессом времени информационные технологии теперь полностью проникли во все сферы жизни общества и стали мощной движущей силой, способствующей социальному развитию и реформам. Образование как главный компонент социальной деятельности не является исключением. Дистанционное обучение – это типичный пример. Дистанционное образование относится к новой форме обучения, разработанной на основе современных образовательных концепций, сетевых информационных технологий.

Применение современных информационных технологий привело к масштабным изменениям в концепциях традиционного обучения, использующего распространение обучающей информации и образования.

Первое: осуществление учебной деятельности с помощью сетевых носителей информации преодолевает временные и пространственные ограничения, расширяя границы охвата образованием, решая проблему нехватки учителей и региональных ограничений учащихся.

Второе: внедрение в практику образования информационных технологий явилось импульсом для структурной модернизации учебных заведений. Дистанционное открытое образование объединяет компьютерные технологии, сетевые информационные технологии и мультимедийные технологии. Оно не только воплощает идею кооперации образовательных технологий, но также инициирует модернизацию образовательных концепций, содержания и методов.

Третье: открытость. Открытое дистанционное образование устраняет географические и языковые препятствия к обучению на основе переводческих сервисов, учебных ресурсов и всего процесса обучения. Учащиеся могут выбирать собственное учебное содержание и использовать открытые

учебные материалы для обучения в любое время и в любом месте [1].

Четвёртое: международный статус. На международном уровне дистанционное образование стало моделью обучения, имеющей такой же статус, как общее и высшее образование. Дистанционное образование – это не только удобный способ получения знаний, но и платформа для интерактивного обучения и обмена опытом преподавания в новых условиях презентации компетентной и креативной подготовленности учителей и руководителей научных проектов.

Глобальная вспышка вируса в начале 2020 года в определённой степени сработала сигналом к динамичному старту дистанционного образования. Передовой и комфортный режим дистанционного обучения становится все более популярным среди всех возрастных групп. В первой четверти XXI века уже нет сомнений в том, что важной характеристикой преобразующего менеджмента в образовательном учреждении становится поиск обучающих модулей на основе интеграции информационных, компьютерных и мультимедийных технологий на всех уровнях обучения «школа-колледж-вуз-аспирантура».

Роль и функция преобразований в процессах информатизации художественного образования

▪ *Обучение масляной живописи обречено на внедрение новых информационных технологий. Однако это может быть всего лишь мода? Учёные пока не находят ответа.*

Характеристики современного преподавания масляной живописи больше не оцениваются устаревшими способами мышления, методами обучения и ценностями. Стандарт китайской учебной программы по искусству гласит: «Обучение с помощью компьютера – это не только работа учителя, но и работа самого учащегося. Она также мо-

жет мгновенно изменить богатое воображение и творческий энтузиазм учеников. Это яркая картина. Она может создать впечатление» [2].

Доска учителя, более привычная, более ясная для понимания, не встроена в интегрированную систему компьютерных действий, она не может объединить многоуровневое и разнонаправленное мышление для сравнения и исследования.

Таким образом, система «компьютер + сеть» помогает преподавателю, обеспечивает увлекательный и уверенный способ для учащихся, с помощью которого они могут визуализировать идеи и создавать работы, выражать свои эмоции, что делает обучение масляной живописи более гибким.

XXI век – это эпоха развития научной информации. Обучение масляной живописи в колледжах должно быть учебной деятельностью, отражающей характеристики этой эпохи и идущей в ногу со временем. Это преподавание, которое фокусируется только на границах масляной живописи. Исходя из этой идеи, унаследовав прекрасные методы обучения, мы должны сосредоточиться на современности.

В настоящее время многие колледжи и университеты построили свои собственные сети кампусов в соответствии с развитием времени и попробовали онлайн-обучение. Внедрение дистанционного обучения масляной живописи в колледжах и университетах должно сначала иметь:

- кампусную сеть соответствующего художественного факультета,
- команду педагогов, знакомых с преподаванием масляной живописи,
- разработчиков IT-информационных технологий, которые должны сотрудничать для создания дистанционных курсов.

Однако нынешнее внедрение и применение дистанционного обучения масляной живописи не является идеальным. С одной стороны, причиной является структура преподавателей в колледжах и университетах. Большинство из них – художники и выпускники художественных колледжей, и у них недостаточно знаний в области интеграции науки и искусства в процессе использования Интернета в обучении.

Такое отношение к новым преобразованиям объясняется стандартом профессиональной подготовки, что связано с традиционными методами обучения искусству, которые использовали до наступления «эпохи информатизации». Например, в преподавании искусства центральное место занимает реакция учеников на слова и поступки учителя по отношению к ученикам. Считается нормативом, что общение между учителями и

учениками является самым важным в процессе обучения искусству.

Но пришло новое время и теперь преподавание современного искусства не должно закрывать доступ к Интернету и онлайн-курсам. Если вы можете непосредственно увидеть мастеров масляной живописи в классе, преподающих портретные зарисовки в Интернете, и в реальном времени трансляцию производства пейзажной масляной живописи, это будет отличным подспорьем для любого ученика в процессе обучения. Следовательно, каждому студенту, будущему учителю по искусству, необходимо изучить, как преобразовать традиционный подход в преподавании и интегрировать современные методы обучения на основе информационных технологий интернет-сервиса в традиционное художественное образование.

Поисковый путь реформ в среде дистанционного обучения

Проведенный предварительный анализ является предпосылкой для развития дистанционного обучения масляной живописи.

1. Роль и функция обновления глоссария.

На раннем этапе дистанционного обучения масляной живописи преподаватели должны усилить внимание студентов к роли новой терминологии, определений, которая потребуется для пояснения взаимодействия информационных технологий и контекстов методической платформы для анализа, чтобы обеспечить научную основу для разработки последующих видеоматериалов, проведения дистанционного обучения и оценки результатов обучения. Таким образом, можно выделить важным моментом тему исследований в аспирантуре в контекстах глоссария масляной живописи на основе дистанционного образования.

2. Формат нового коммуникативного общения.

Если одним из недостатков дистанционного обучения через Интернет по сравнению с классным обучением является то, что оно ослабляет общение между учителями и учениками, дистанционное обучение масляной живописи требует большего количества каналов связи между учителями и учениками, поэтому дистанционное обучение масляной живописи должно иметь следующие прорывы:

- прежде всего, интегрировать учебные ресурсы в более крупном масштабе, чтобы учителя из нескольких художественных институтов и художественных колледжей могли использовать как можно больше материалов, чтобы большинство студентов могли совместно использовать образовательные ресурсы.

- необходимо развивать общие курсы между университетами, что будет стимулировать оце-

ночный рейтинг качества подготовленных студентов масляной живописи.

- оптимизируя дизайн онлайн-курсов, необходимо максимально адаптировать их к привычкам обучения, сформированным студентами с годами, и создать атмосферу в классе.

Поскольку обучение масляной живописи в большинстве колледжей представляет собой курс, сочетающий практику и теорию, обучение масляной живописи должно направлять студентов в овладении профессиональными навыками, но также помогать им прояснить историю масляной живописи и систему методов обучения масляной живописи, тем более в современной технохудожественной интерпретации.

Система образования проходит лишь ограниченное количество курсов. Трудно удовлетворить потребности студентов. В настоящее время дистанционное открытое образование необходимо использовать в качестве вспомогательного метода обучения масляной живописи, чтобы компенсировать ограничения классного обучения.

С другой стороны, прежде чем начать дистанционное обучение рисованию маслом, учителя должны проработать план-проект курса: цель обучения, содержание обучения, ключевые и трудные моменты художественных знаний, систему структуры содержания обучения, взаимный обмен опытом и порядок между ссылками [3].

3. *Контент-дизайн – основа дистанционного обучения масляной живописи.*

Чтобы удовлетворить разнообразные потребности общества в образовании по живописи маслом, учителя должны точно позиционировать средства массовой информации в дистанционном образовании изобразительных искусств и комбинировать мультимедийные методы для разработки содержания, тем и методов обучения. Что касается дистанционного художественного образования, оно в основном основано на трех носителях текста, видео и учебных программах САИ, в то время как дистанционное обучение масляной живописи в основном делится на три аспекта: обучение базовым знаниям в области искусства, демонстрация навыков и независимая практика.

Поскольку есть много курсов, которые нужно изучить в области масляной живописи, мы делим курсы на «уровни курсов А и В», чтобы классифицировать и обсудить построение онлайн-курсов.

Класс А – это теоретические курсы: перспективы, принципы хроматики, введение в искусство, эстетические принципы, психология живописи, академическая теория живописи и методология истории.

Класс В – это практические курсы: портретное искусство, декоративная живопись, натюрморт

масляной живописи, пейзажная живопись, Наброски, наброски человеческого тела, архитектурная композиция, тематическая композиция и т.д.

Например, курсы «класса А» могут быть преобразованы в самообучающиеся онлайн-курсы. Этот вид разработки основан на учебном содержании курса, с учетом характеристик всего обучения, выполнении технологических разработок и формировании набора курсовых программ, которые можно использовать для самообучения в Интернете.

Дизайн и разработка следуют принципу набора на обучение студентов в центр, подчёркивая роль учебного дизайна, мультимедийное выражение и представление учебного содержания, делая упор на взаимодействие и индивидуализированное независимое обучение студентов через Интернет [4].

Студенты могут использовать различные сетевые интерактивные инструменты для помощи и содействия обучению, аналогичные профессиональному веб-сайту для самообучения. В процессе подготовки уроков и создания онлайн-курсов учителя могут размещать все примеры на веб-сайте. По мере накопления обучения содержание веб-сайта будет расширяться. На веб-сайте студенты могут учиться независимо от каждого этапа по своему усмотрению.

Для курсов «класса В» в первую очередь проводятся демонстрации учителей и собственные практические упражнения студентов, но также можно выбрать онлайн-курсы из профессиональной библиотеки ресурсов в качестве эффективных обучающих дополнений. Например, при изучении в курсе композиции рамок и композиции темы.

Чем больше материалов отлично выполненных живописных и художественных работ могут увидеть студенты, тем больше это помогает им расширить свой кругозор и углубить курс.

Если есть профессиональная база данных (как учебник) по композиции рам и тематической композиции, будут детальные классификации народных костюмов, скульптур, игрушек, фарфора, фестивалей, садовой архитектуры. Каждая категория будет включена в соответствии с возрастом, этнической принадлежностью и региональной принадлежностью предметов культуры. Все учителя и ученики, которым нужна актуальная информация, могут получить от нее полезную помощь.

Кроме того, учителя должны придерживаться единой точки обучающих знаний при разработке и выбирать ключевые моменты, сложные моменты, точки интереса или точки, в которых легко ошибиться, в качестве основного содержания, насколько это возможно. Важно предотвратить чрезмерное количество одноразовых содержаний в

заданиях, заставляющее учащихся усложнять обучение.

4. Дистанционное внедрение и оценка – ключ и гарантия развития дистанционного обучения масляной живописи

При дистанционном обучении масляной живописи учителя должны глубже разбираться в точках соприкосновения между преподаванием курса и платформой дистанционного обучения. С одной стороны, учителя должны использовать несколько методов обучения в соответствии с конкретной учебной ситуацией учащихся, углублять понимание учащимися знаний и навыков рисования маслом и углублять их память о точках знаний.

Кроме того, учителя должны в полной мере использовать интерактивные преимущества современного открытого дистанционного образования для запуска режима чата «один-на-один», «один-ко-многим», всестороннее понимание обратной связи учащихся, своевременную корректировку содержания обучения и успеваемости.

Учителя также должны использовать удаленную платформу для определения настраиваемого меню на основе содержания обучения отображать содержание обучения масляной живописи в различных областях и регулярно публиковать динамическую информацию о границах искусства, уведомления о художественных выставках и т.д., чтобы стимулировать студентов к самостоятельному обучению [5].

Современная платформа дистанционного образования также обеспечивает функцию оценки преподавания искусства. С одной стороны, учителя могут использовать дизайн содержания знаний по масляной живописи, распространяемый на платформе дистанционного обучения, для оценки и оценки его эффектов; с другой стороны, учителя должны оценивать энтузиазм учащихся.

Вывод

Современное дистанционное образование предоставляет возможности для преобразований художественного образования в области масляной живописи. С одной стороны, современное дистанционное открытое образование преодолевает ограничения времени и пространства; с другой стороны, современное дистанционное открытое образование расширяет кругозор студентов и способствует саморазвитию. Студенты-художники, кроме того, получают современное дистанционное управление своим образованием, увеличилась скорость распространения знаний.

По этой причине преподаватели искусства должны в максимальной степени интегрировать ресурсы дистанционного обучения, тесно инте-

грировать содержание преподавания масляной живописи с ресурсами дистанционного обучения и осознавать органическое сочетание обучения рисованию маслом в классе и внеклассного обучения рисованию маслом, субъективного сознания учащихся и объективные формы вещей.

Литература

1. Ван Фанфан. Обнаружение привлекательности ресурсов дистанционного обучения и построение класса художественной жизни // Исследования в области художественного образования. 2015. № 18. С. 160 – 162.
2. Департамент базового образования Министерства образования. Интерпретация стандартов учебной программы по искусству. Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета. 2004.
3. Чжан Сонбо. Изучение дистанционного обучения художественному дизайну в колледжах и университетах // Художественные технологии. 2013. № 2. С. 254.
4. Лю Дахай. Исследование использования цифровых технологий для внедрения инновационных стратегий обучения искусству в среде Интернет + » // Электронное производство. 2018. № 6. С. 59 – 60.
5. Ма Бифэн. Исследование инновационной стратегии преподавания искусства в среде «Интернет +» // Художественные технологии. 2018. № 3. С. 121 – 123.

References

1. Van Fanfan. Obnaruzhenie privlekatel'nosti resursov distancionnogo obucheniya i postroenie klas-sa hudozhestvennoj zhizni. Issledovaniya v oblasti hudozhestvennogo obrazovaniya. 2015. № 18. S. 160 – 162.
2. Departament bazovogo obrazovaniya Ministerstva obrazovaniya. Interpretaciya standartov uchebnoj programmy po iskusstvu. Pekin: Izd-vo Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta. 2004.
3. CHzhan Sonbo. Izuchenie distancionnogo obucheniya hudozhestvennomu dizajnu v kolloedzhah i uni-versitetah. Hudozhestvennyye tekhnologii. 2013. № 2. S. 254.
4. Lyu Dahaj. Issledovanie ispol'zovaniya cifrovyyh tekhnologij dlya vnedreniya innovacionnyh strategij obucheniya iskusstvu v srede Internet +». Elektronnoe proizvodstvo. 2018. № 6. S. 59 – 60.
5. Ma Bifen. Issledovanie innovacionnoj strategii prepodavaniya iskusstva v srede «Internet +». Hudozhestvennyye tekhnologii. 2018. № 3. S. 121 – 123.

VECTOR OF TRANSFORMATIONS IN THE PROCESS OF INTEGRATION OF DISTANCE EDUCATION AND TRAINING IN OIL PAINTING TECHNIQUES

*NuU Yafei, Postgraduate,
Institute of Fine Arts,
Moscow Pedagogical State University*

Abstract: we live in an era in which all countries vigorously advocate for innovative education. Large universities seek to take advantage of distance open education resources to promote image and attract students. In this situation, academic training in art education has both its apologists and opponents. Discussions on the reform of education in the field of oil painting are held in all directions. The postmodern explosion of free creativity revealed many surreal fantasies and techniques. Empirical and systematic analysis of the integration of distance education and traditional training in oil painting techniques reveals the role of connotation as a new semantic factor in art education.

Keywords: distance education, transformations in the training of oil painting

ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ОДНОГО ИЗ УСПЕШНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

*Погребная И.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Михайлова С.В., ассистент,
Тюменский индустриальный университет*

Аннотация: в концепции развития образования отмечается, что качественное образование является одним из главных факторов успешности человека, а преподаватель, который его предоставляет, одновременно является и объектом, и проводником позитивных изменений в личности человека. В следствии чего программы подготовки будущих специалистов технических направлений должны отвечать стандартам мировых тенденций, общественным потребностям и профессиональным стандартам [1, 2]. Работодателю все чаще нужны специалисты нового поколения, которые будут востребованы на современных высокотехнологичных производствах страны. На данный момент времени стоит задача подготовить высококвалифицированного специалиста способного профессионально применить на практике современные формы, методы, и приемы на основе сформированных компетенций и способностей, а также быть готовым решать актуальные проблемы на практике. Достижение поставленной цели должно происходить за счет методик и технологий, которые позволят решать практические задачи по обеспечению результативности образовательного процесса в учебных заведениях. Появление нового поколения высоких технологий вызвали острую необходимость в пересмотре навыков необходимых будущему специалисту для успешной профессиональной деятельности, ставя упор на командную работу и творчество, обучение через игры и исследования, которые развивают критическое мышление, инициативность студентов за пределами, образовательной программы.

Ключевые слова: критическое мышление, образовательный процесс, развитие, обучение, специалисты, компетенции

Введение

Международная экспертная среда убедительно доказывает, что умение критически мыслить обеспечивает эффективность научно-технического и общественного прогресса и выступает залогом демократии, а образование в его развитии должно играть решающую роль [3]. Критическое мышление, по убеждению экспертов, детерминирует самостоятельные и ответственные действия человека, побуждает к формулированию обоснованных выводов, оценок и принятия решений, способствует ее постоянному самосовершенствованию. Неслучайно развитие критического мышления становится сегодня одним из ведущих трендов и сквозных задач образовательного процесса. Эта проблема заняла сейчас особое место в отечественной научно-педагогической деятельности не только философов, психологов, педагогов-теоретиков, но и непосредственно тех специалистов, которые обеспечивают образовательный процесс в учебных заведениях. Ей посвящают диссертационные исследования, монографии, статьи, разрабатывают спецкурсы, моделируют специальные уроки и т.д., в которых критическое мышление рассматривается как особый научный подход к решению широкого круга проблем.

Методология

Критическое мышление – это сложный процесс творческого переосмысления понятий и информации; это мышление высшего порядка [4]. Критическое мышление – это система суждений, помо-

гает рассматривать события, делать выводы, оценивать события, анализировать их [5].

В статье авторы выделяют четыре основополагающих компонента которые на наш взгляд являются наиболее важными в процессе развития критического мышления.

Первый: знание – основа развития критического мышления. Для того, чтобы научиться критически мыслить, нужно иметь определенные знания и умения обобщать имеющуюся информацию с целью интерпретации той или иной проблемы, благодаря обучению и опыта [6]. То есть речь идет о когнитивности, которая означает способность человека воспринимать и обрабатывать данные, поступающие к ней разными путями (восприятие, опыт, убеждения). Использование данных когнитивных знаний увеличивают вероятность получения желаемого результата.

Второй: критически мыслить означает мыслить логически, последовательно, аргументировано и убедительно. Он связан с аналитикой, умением на основе анализа находить «слабое звено», что связано с логичностью, рефлексивностью и проверкой точности выводов. Критичность мышления предполагает развитие логической последовательности процесса мышления, точность доказательств, умение делать обобщающие выводы [7]. Этот постулат является неоспоримым фактором организации мышления путем определения векторов познавательной активности, выявлением и фиксацией разрывов, оценкой их масштабов, а также поиском и производством средств их кон-

структивного преодоления. При этом контекст данного постулата системной проверки точности убеждений, определение абсолютной или сравнительной ценности решения той или иной проблемы, без оценки критического мышления невозможен. Не случайно большинство исследователей называют критическое мышление оценочным и включают оценку в одну из его основных признаков.

Третий: наличие ресурса личности как совокупности потенциальных возможностей для самореализации в ее деятельности. Он акцентирует внимание на самодостаточности личности, ее прагматизме и толерантности в ситуациях режима с обострением и неопределенности. То есть развитие критического мышления характеризуется умением ставить новые задачи и решать их, не рассчитывая на помощь других [8].

Четвертый: связан с деятельностным компонентом критического мышления. Он предполагает умение решать проблемы, предлагать конструктивные решения, владеть принципами планирования и прогнозирования и основными законами логики. В этом аспекте важным в развитии критического мышления является умение вести диалог, умение дискутировать. ведь именно в дискуссии рождаются прорывные идеи. этот диалог может быть, как внутренним (с самим собой), так и внешним (с педагогом, учителем, своими товарищами в группе) [9]. В условиях внутреннего диалога анализируются несколько способов решения проблемы, а внешнего – анализируются и осмысливаются мысли и позиции других. установка на диалог должна быть осознанной стратегией поиска истины.

Результаты и обсуждения

Авторы технологии критического мышления, известные авторитетные американские педагоги убеждены, что мыслить критически означает проявлять любознательность, любовь к знанию, владеть научно поисковой методологией, уметь ставить перед собой оригинальные вопросы и находить на них ответы. «Критическое мышление, отмечают они, работает на многих уровнях, не довольствуясь фактами, а вскрывая причины и последствия этих фактов. Критическое мышление предполагает определенный скептицизм, сомнения в общепризнанных истинах, продуцирования точки зрения по тому или иному вопросу, способность отстоять ее логическими доказательствами [10].

Критическое мышление – это не отдельный навык, а сочетание многих умений» [11]

Итак, технология развития критического мышления предполагает целый ряд конкретных методических приемов, которые изменятся на разных

уровнях образования, в различных предметных областях и формах работы. Главным здесь является то, что она рассчитана не на простое запоминание необходимой информации, а на осмысление и творческий процесс познания мира, на оригинальную постановку проблемы и ее решения. Такая технология исключает любую категоричность и авторитарность со стороны педагога и предоставляет учащимся широкие возможности познать и раскрыть себя в процессе получения и дальнейшего продуцирования знаний, тем самым происходит выявление нового в дискурсе определение личных целей-мотивов. Важной функцией уровня *вызова* является производство объект-субъектного благоприятного психологического климата во время работы в группе. по мнению многих педагогов, на этом уровне целесообразно использовать такие методические приемы, как «Кластер», «Ассоциирование», «Мозговой штурм», игры «Так или нет», «Верю – не верю» ..., можно бесконечно их перечислять, но очевидно, в педагогической копилке каждого тьютора есть собственные инновационные приемы, которые могут быть использованы для решения главной задачи на этом уровне - мотивировать учащихся к работе, вовлечь их в активную деятельность.

Первый уровень алгоритма (организационно-мотивационный) предусматривает актуализацию полученных ранее знаний, оживляет интерес к обозначенной теме, а также производит целеполагания, то есть определение обучающимся собственных целей в обучении. На этом уровне определяется возможность анализировать то, что уже известно из той или иной проблемы [12].

Второй уровень, операционно-познавательный (осмысление) осуществляется контакт с новой информацией. У обучающихся повышается интерес к решению различных задач, развивается способность к самостоятельной работе, оценке своих действий, культуре ведения дискуссии, к умению логически отстаивать свое мнение.

Третий уровень предусматривает закрепление полученных новых знаний, происходит перестройка начальных представлений при изучении нового материала, появляются новые идеи. В результате происходит получение новых знаний при рассмотрении тех или иных задач.

Можно заключить, что технология развития критического мышления способствует получению новых знаний, с помощью различных методов интегрирования информации, формирует ее осмысление и определяет свое собственное мнение.

Выводы

Развитие критического мышления – одно из приоритетных задач современного образования, поскольку люди с развитым критическим мышле-

нием способны самостоятельно усваивать знания, превращая этот процесс в сознательный, непрерывный и продуктивный [13]. Это одновременно активный и интерактивный процесс. Возможности учебных заведений в этом случае достаточно высоки. Основная задача преподавателя сегодня умело сочетать интерактивные, информационно-коммуникативные технологий с целью обеспечения развития критического мышления у обучающихся в образовательных учреждениях.

Литература

1. Михайлова С.В., Погребная И.А., Колосов Е.А. Научно-исследовательская работа студентов как формирование модели специалиста для современного рынка труда в техническом вузе в виде надпрофессиональных компетенций // Современный ученый. 2020. № 2. С. 143 – 148.
2. Михайлова С.В. Потенциал образовательного процесса технического вуза в развитии надпрофессиональных компетенций обучающихся как компетенций будущего // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 7. С. 77 – 80.
3. Lipman M. Critical Thinking: What Can It Be? / Institute of Critical I think. Resource edition, 1988. Series 1. № 1. 12 p.
4. Брюшинкин В. Критическое мышление и аргументация // Критическое мышление, логика, аргументация / под ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 29 – 34.
5. Клустер Д. Что такое критическое мышление. М.: Русский язык, 2002. № 29. С. 3.
6. Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
7. Сорина Г.В. Критическое мышление и метод экспертных групп // Эпистемология и философия науки. 2005. № 1. С. 194 – 204.
8. Вагин И., Рипинская П. Тренинги – это классно! Стратегия проведения психологических тренингов. М.: Астрель, 2005. 256 с.
9. Коржув А., Попков В., Рязанова Е. Как формировать критическое мышление? // Высшее образование в России. 2001. № 5. С. 55 – 58.
10. Ивунина Е.Е. О различных подходах к понятию «критическое мышление» // Молодой ученый. 2009. № 11. С. 170 – 174.
11. Темпл Ч. Критическое мышление и критическая грамотность. Перемена. 2005. № 2. С. 15 – 20.
12. Шуман А.Н. Современная логика: теория и практика. Мн.: Экономпресс, 2004.
13. Иванова И.Н. О тенденциях развития современного образования // Инновации в образовании. 2004. № 3. С. 5 – 23.

References

1. Mihajlova S.V., Pogrebnaya I.A., Kolosov E.A. Nauchno-issledovatel'skaya rabota studentov kak formirovanie modeli specialista dlya sovremennogo rynka truda v tekhnicheskom vuze v vide nadprofessional'nyh kompetencij. Sovremennyy uchenyj. 2020. № 2. S. 143 – 148.
2. Mihajlova S.V. Potencial obrazovatel'nogo processa tekhnicheskogo vuza v razvitii nadprofessional'nyh kompetencij obuchayushchihsya kak kompetencij beduyushchego. Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2020. № 7. S. 77 – 80.
3. Lipman M. Critical Thinking: What Can It Be? Institute of Critical I think. Resource edition, 1988. Se-ries 1. № 1. 12 p.
4. Bryushinkin V. Kriticheskoe myshlenie i argumentaciya. Kriticheskoe myshlenie, logika, argumentaciya. pod red. V.N. Bryushinkina, V.I. Markina. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2003. S. 29 – 34.
5. Kluster D. CHto takoe kriticheskoe myshlenie. M.: Russkij yazyk, 2002. № 29. S. 3.
6. Grifcova I.N. Logika kak teoreticheskaya i prakticheskaya disciplina. K voprosu o sootnoshenii formal'noj i neformal'noj logiki. M.: Editorial URSS, 1998.
7. Sorina G.V. Kriticheskoe myshlenie i metod ekspertnyh grupp. Epistemologiya i filosofiya nauki. 2005. № 1. S. 194 – 204.
8. Vagin I., Pipinskaya P. Treningi – eto klassno! Strategiya provedeniya psihologicheskikh treningov. M.: Astrel', 2005. 256 s.
9. Korzhuev A., Popkov V., Ryazanova E. Kak formirovat' kriticheskoe myshlenie? Vysshee obrazovanie v Rossii. 2001. № 5. S. 55 – 58.
10. Ivunina E.E. O razlichnyh podhodah k ponyatiyu «kriticheskoe myshlenie». Molodoj uchenyj. 2009. № 11. S. 170 – 174.
11. Templ CH. Kriticheskoe myshlenie i kriticheskaya gramotnost'. Peremena. 2005. № 2. S. 15 – 20.
12. SHuman A.N. Sovremennaya logika: teoriya i praktika. Mn.: Ekonompress, 2004.
13. Ivanova I.N. O tendenciyah razvitiya sovremennogo obrazovaniya. Innovacii v obrazovanii. 2004. № 3. S. 5 – 23.

FORMATION OF CRITICAL THINKING AS ONE OF THE SUCCESSFUL PROFESSIONAL SKILLS OF A FUTURE SPECIALIST IN MODERN CONDITIONS

*Pogrebnaya I.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Mikhailova S.V., Assistant Professor,
Industrial University of Tyumen*

Abstract: the concept of education development notes that quality education is one of the main factors of a person's success, and the teacher who provides it is both an object and a conductor of positive changes in a person's personality. As a result, training programs for future specialists in technical areas must meet the standards of world trends, social needs and professional standards [1, 2]. The employer is increasingly looking for a new generation of specialists who will be in demand in modern high-tech industries in the country. At this point in time, the task is to prepare a highly qualified specialist who can professionally apply in practice modern forms, methods, and techniques based on formed competencies and abilities, as well as be ready to solve urgent problems in practice. Achievement of this goal should be due to methods and technologies that will allow solving practical problems to ensure the effectiveness of the educational process in educational institutions. The emergence of a new generation of high technologies has caused an urgent need to revise the skills necessary for a future specialist for successful professional activity, placing an emphasis on teamwork and creativity, learning through games and research that develop critical thinking, students' initiative outside the educational program.

Keywords: critical thinking, educational process, development, training, specialists, competencies

ПРОГРАММНО-АППАРАТНЫЙ КОМПЛЕКС «СИГВЕТ-БОКС» КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА БОКСЕРОВ ВЫСОКОГО КЛАССА

*Коленов М.И., аспирант,
Воробьев С.А., кандидат педагогических наук, доцент, директор,
Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры*

Аннотация: в условиях научно-технического прогресса подход к совершенствованию спортивного мастерства боксеров требует современных решений, которые позволяют рационализировать движения спортсмена, приводить их в соответствие с биомеханическими особенностями его двигательного аппарата, что проявляется в большей целесообразности, эффективности и экономичности движений. Многочисленные попытки понять и проанализировать сущность, закономерности и перспективы развития дальнейших возможностей человека, которые предлагаются в течение длительного времени специалистами многих видов спорта, привели к формированию целой системы знаний теории биомеханики и спортивной техники. На сегодня накоплен большой теоретический материал и экспериментальный опыт, который позволяет эффективно управлять процессом совершенствования спортивного мастерства спортсменов. Главная направленность этого процесса - научить спортсмена идеальной спортивной техники, что поможет в полной мере реализовывать его двигательный потенциал и добиваться высоких результатов в спорте. Для реализации вышесказанного используются различные тренажеры, в частности программно-аппаратный комплекс «СИГВЕТ-БОКС».

В статье показана эффективность использования программно-аппаратного комплекса «СИГВЕТ-БОКС» в процессе совершенствования спортивного мастерства боксеров высокого класса. Программно-аппаратный комплекс «СИГВЕТ-БОКС» позволяет фиксировать и оценить причинно-следственные связи, а именно визуализировать состояние основных психофизиологических характеристик (скорость реакции, чувство времени); обеспечивает развитие свойств внимания, формирует специализированные двигательные навыки спортсмена за счет возможности самостоятельного моделирования ситуации максимально приближенной к боевой обстановке.

Ключевые слова: боксеры, «СИГВЕТ-БОКС», спортивное мастерство, психофизиологические показатели, распределение внимания, скорость реакции

Актуальность исследования

Совершенствование спортивного мастерства – ожидаемый результат тренировочного процесса, к которому стремятся тренер и спортсмен. Как отмечает В.Н. Остьянов, процесс становления спортивного мастерства спортсмена связан с трудностями особенно на этапе подведения его к высшему уровню спортивного мастерства. Здесь в первую очередь сказывается необходимость неуклонного совершенствования техники и вместе с тем постоянного приведения ее в соответствие с уровнем физической, а также тактической и психологической подготовки. Это сложное взаимодействие различных сторон двигательной деятельности спортсмена находит свое отражение в процессе формирования и совершенствования двигательных навыков, которые имеют специфические особенности в каждом отдельном виде спорта и на различных этапах его развития [1].

В условиях научно-технического прогресса подход к совершенствованию спортивного мастерства боксеров требует современных решений, которые позволяют рационализировать движения спортсмена, приводить их в соответствие с биомеханическими особенностями его двигательного аппарата, что проявляется в большей целесообразности, эффективности и экономичности движений.

Основой спортивного мастерства боксера является наличие специальных двигательных навыков,

непосредственно связанных с психофизиологическими функциями организма. Кроме того, одним из ведущих звеньев проявления функциональных возможностей организма в условиях напряженной соревновательной деятельности является мобилизация психофизиологических резервов боксера. Совокупность поведенческих реакций, план действия и набор алгоритмов двигательных действий в условиях поединка являются результатом активации психофизиологической системы восприятия и переработки информации [5].

В боксе сила нервных процессов играет существенную роль в достижении высокого спортивного результата. В работах В.И. Филимонова было доказано, что подвижность нервных процессов следует подразделять на собственно подвижность, которая выражается в способности осуществлять переработку знаков условных раздражителей, и лабильность, характеризующуюся скоростью возникновения и прекращения нервного процесса [6].

Деятельность спортсмена в боксе (как любая сложная сознательная деятельность) делится на два этапа - постановку цели и выяснение путей достижения поставленной цели. Эффективность реализации каждого из этих двух этапов во многом определяется сосредоточенностью сознания, то есть вниманием [2].

Существенная роль внимания определяется как с теоретических, так и научно-практических по-

ложений психологии деятельности вообще и спортивной деятельности в частности. Внимание выступает как важнейший психический фактор, который предопределяет успешность действий спортсменов, потому что вследствие сосредоточенности внимания обостряются процессы восприятия, памяти, мышления. Уровень развития различных свойств внимания (объема, концентрации, устойчивости, распределения, переключения) влияет на эффективность умственной деятельности боксеров и, в связи с этим, является одним из критериев их спортивной формы [5]. На наш взгляд, говоря о внимании, следует отметить, что особенно важным для боксера является навык концентрации внимания на противнике.

Как показывает анализ специальной научной и методической литературы, большое внимание уделяется изучению особенностей сенсомоторных реакций спортсменов. Считается, что скорость сенсомоторного реагирования в значительной степени определяет функциональное состояние центральной нервной системы человека как специализированного органа управления и является одним из важнейших качеств, от которого зависит успешность соревновательной деятельности [4].

Было установлено, что время сложной реакции уменьшается по мере роста спортивного мастерства боксеров. Отмечено также, что у спортсменов уровня КМС и МС соответствующие реакции имеют большую стабильность. Количество ошибок в реакциях выбора находится в тесной связи с уровнем спортивной квалификации: чем выше квалификация, тем меньше ошибок при реакциях выбора допускает спортсмен [3].

Как известно, время сложных сенсомоторных реакций зависит от количества звеньев нервного пути, количества стимулов и характера их прояв-

ления, а также вероятностного прогнозирования этого проявления. Вероятностное прогнозирование, основанное на опыте прошлой деятельности, является одной из сторон процесса антиципации и играет значительную роль в боксе [1].

Для совершенствования спортивного мастерства боксеров специализированный тренажер «СИГВЕТ-БОКС». Данный тренажер направлен на развитие сложно-координированной моторной деятельности. В дополнение стоит отметить, что данный тренажер позволяет фиксировать состояние некоторых психофизиологических характеристик спортсмена (скорость реакции, чувство времени), а также обеспечивать развитие ряда свойств внимания (распределение, скорость переключения внимания) и специализированных двигательных навыков спортсмена за счет возможности моделирования ситуации максимально приближенной к боевой обстановке. Таким образом, данный тренажер позволяет решать основные задачи процесса совершенствования спортивного мастерства боксеров, в частности способствует формированию условно-рефлекторных специализированных двигательных реакции и движений, которые выполняются спортсменом с наименьшими затратами сил и энергии. Совершенствование спортивного мастерства достигается благодаря формированию необходимых двигательных реакций и движений по принципу сенсорной коррекции, которая, по своей сути, требует одновременной способности концентрировать и распределять внимание, осуществлять пространства, времени и необходимых усилий (Н.А. Берштейн).

В состав тренажера входит аппаратная часть (подушка с датчиками), программа (пользовательский интерфейс) (рис. 1).

Рис. 1. Состав программно-аппаратного комплекса «СИГВЕТ-БОКС»

Программно-аппаратный комплекс «СИГВЕТ-БОКС» позволяет беспрепятственно тренеру и спортсмену осуществлять моделирование ситуаций, которые по своему характеру действий и динамике наиболее близки к тренировочным спаррингам: при данном виде тренировок (с применением «СИГВЕТ-БОКС») тренер способен смоделировать ситуацию, при которой спортсмен вынужден совершать сложные тактико-технические приемы и действия, выполнение которых необходимо в реальном спарринге или бою.

Цель исследования – изучить влияние программно-аппаратного комплекса «СИГВЕТ-БОКС» на психофизиологические показатели боксеров высокого класса.

Организация исследования. Исследование проводилось на базе ГБУ СШОР №2 Калининского района г. Санкт-Петербург. В тренировочный процесс боксеров был интегрирован программно-аппаратный комплекс «СИГВЕТ-БОКС», с его по-

мощью осуществлялось моделирование ситуаций, которые по характеру действий и динамике наиболее близки к тренировочным спаррингам.

Испытуемые. В исследовании приняли участие 10 боксеров высокого класса (МС, КМС), тренировочный процесс которых включал использование тренажера «СИГВЕТ-БОКС» (экспериментальная группа). А также 10 боксеров, занимающихся по традиционной программе (контрольная группа).

Методы исследования: основным методом исследования являлся анализ соревновательных результатов боксеров.

Результаты исследования

Прямым подтверждением положительного влияния программно-аппаратного комплекса «СИГВЕТ-БОКС» на техническую подготовленность боксеров являются результаты соревновательной деятельности в период с 2019-2020 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Соревновательные результаты боксеров уровня КМС и МС

№ п/п	Название соревнований	Результаты ЭГ	Результаты КГ	Примечания
1.	Турнир класса «Б» памяти почётного жителя Колпино Евсеева. 23-27 октября	МС1 – 2 место. МС 2 – вышел в ¼ финала. КМС 1 – 1 место. КМС 3 – 3 места.	МС 1 – 3 место КМС 3 – вышел в ¼ финала.	
2.	Турнир по боксу класса "Б" посвященного памяти отличника народного образования, министерства просвещения РСФСР участника Великой Отечественной войны И.С. Шишкина. 13-17 августа. г. Соль-Илецк Оренбургская область.	МС 1 – 1 место. КМС 1 – 1 место. КМС 3 – 2 место.	МС 2 – 2 место КМС 2 – вышел в ¼ финала.	
3.	Межрегиональный турнир класса "Б" памяти первостроителей Магнитки 17-21 сентября. г. Магнитогорск. Челябинская область.	МС 1 – 2 место. МС 2 – 1 место. КМС 2 – вышел в ¼ финала. КМС 3 – 3 место.	МС 2 – 2 место	В финале пересеклись МС 2 из ЭГ и МС 2 из КГ. МС 2 из ЭГ одержал победу.
4.	Х открытое соревнования по боксу класса Б памяти героя французского Сопротивления Якова Антоновича Высоцкого с приглашением иностранных граждан. 28 февраля – 05 марта. Магаданская область, Ягоднинский район, посёлок Ягодное.	МС1 – 1 место. МС 2 – 1 место. КМС 2 - вышел в ¼ финала. КМС 3 – 3 место.	МС 1 – 3 место. МС 2 – вышел в ¼ финала. КМС 2 – вышел в ¼ финала.	В ¼ финала пересеклись КМС 3 из ЭГ и КМС 2 из КГ. КМС 3 из ЭГ одержал победу.
5.	Межрегиональные соревнования памяти В.И. Глашкина. 17-25 марта. г.Апатиты. Мурманская область.	МС 2- 2 место. КМС 1 – 3 место.	КМС 3- вышел в ¼ финала.	
6.	Межрегиональные соревнования класса "Б" по боксу посвященные первому полёту в космос Ю.А. Гагарина. 07-15 апреля. г.Саратов. Саратовская область.	МС 1 – 3 место КМС 3 – 2 место.	КМС 2 - вышел в ¼ финала.	

Продолжение таблицы 1

7.	Открытый турнир Тюменской области по боксу класса "Б" посвященный памяти мастера спорта России В.Старчука. г. Тобольск. Тюменская область. 05-10 декабря	МС 1 – 2 место. КМС 1 – вышел в ¼ финала. КМС 3 – вышел в ¼ финала.	МС1 – 3 место. КМС 2 – вышел в ¼ финала. КМС 3 – 3 место.	
8.	Турнир класса "Б" Посвященный дню сотрудника органов внутренних дел 09-15 ноября. Воронежская область. п.г.т. Борисоглебск	МС 1 - вышел в ¼ финала. МС 2 -2 место КМС 1 – вышел в ¼ финала. КМС 3 – 2 место.	МС 1 – 3 место. МС 2 – 3 место. КМС 3 – 3 место.	В полуфинале пересеклись КМС 3 из ЭГ и КМС 2 из КГ. КМС 3 из ЭГ одержал победу.

Из табл. 2 следует, что спортсмены, составляющие экспериментальную группу, показали лучшие результаты в сравнении со спортсменами из контрольной группы (аналогичный уровень). При этом в рамках двух турниров спортсмен из ЭГ противостоял боксеру из КГ. В обоих случаях спортсмен из ЭГ показал лучший результат (одержал победу).

Заключение

Проведенное исследование показало, что совершенствование спортивного мастерства – это сложный многоуровневый процесс, пролонгированный во времени. Совершенствования спортивного мастерства спортсменов стоит рассматривать в комплексе с физической, тактической и психоэмоциональной подготовкой спортсмена.

Результаты, полученные в ходе экспериментального исследования, свидетельствуют о высокой эффективности использования программно-аппаратного комплекса «СИГВЕТ-БОКС» при повышении спортивного мастерства боксеров высокого класса. Тренажер выполняет не только развивающую, но и оценивающую функцию, что позволяет максимально индивидуализировать тренировочный процесс и разработать эффективный план тренировок, что положительно сказывается на соревновательных результатах спортсменов.

Литература

1. Атилов А.А. Современный бок. Серия: «Мастера боевых искусств». Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003. 640 с.
2. Воропаев В.В. Теоретические и методические основы подготовки боксера. М.,

2006. 272 с.

3. Врублевский Е.П., Врублевский Д.Е. Методологические основы индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2007. № 1. 46 с.

4. Остьянов В.Н. Обучение и тренировка боксеров. М.: Олимпийская литература, 2013. 272 с.

5. Санников В.А., Воропаев В.В. Теоретические и методические основы подготовки боксера: учебное пособие. М.: Физическая культура, 2006. 272 с.

6. Филимонов В.И. Бокс. Спортивно-техническая и физическая подготовка. М.: «ИСАН», 2000. 432 с.

References

1. Atilov A.A. Sovremennyy bok. Seriya: «Mastera boevykh iskusstv». Rostov-na-Donu: «Feniks», 2003. 640 s.
2. Voropaev V.V. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy podgotovki boksera. M., 2006. 272 s.
3. Vrublevskij E.P., Vrublevskij D.E. Metodologicheskie osnovy individualizacii podgotovki kvalificirovannykh sportsmenov. Teoriya i praktika fizicheskoj kul'tury. 2007. № 1. 46 s.
4. Ost'yanov V.N. Obuchenie i trenirovka bokserov. M.: Olimpijskaya literatura, 2013. 272 s.
5. Sannikov V.A., Voropaev V.V. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy podgotovki boksera: uchebnoe posobie. M.: Fizicheskaya kul'tura, 2006. 272 s.
6. Filimonov V.I. Boks. Sportivno-tehnicheskaya i fizicheskaya podgotovka. M.: «ISAN», 2000. 432 s.

SOFTWARE AND HARDWARE COMPLEX «SIGVET-BOX» AS A MEANS OF IMPROVING THE SPORTS SKILLS OF HIGH-CLASS BOXERS

*Kolenov M.I., Postgraduate,
Vorobev S.A., Candidate of Pedagogical Sciences (Ph.D.),
Associate Professor, Director,
Saint-Petersburg Scientific-Research Institute for Physical Education*

Abstract: in the conditions of scientific and technological progress, the approach to improving the sportsmanship of boxers requires modern solutions that will allow rationalizing the movements of an athlete, bringing them in line with the biomechanical features of his motor apparatus, which is manifested in greater expediency, efficiency and economy of movements. Numerous attempts to understand and analyze the essence, patterns and prospects for the development of further human capabilities, which have been offered for a long time by specialists of many sports, have led to the formation of a whole system of knowledge of the theory of biomechanics and sports equipment. Today, we have accumulated a lot of theoretical material and experimental experience, which allows us to effectively manage the process of improving the sports skills of athletes. The main focus of this process is to teach an athlete the ideal sports technique, which will help to fully realize his motor potential and achieve high results in sports. To implement the above, various simulators are used, in particular the software and hardware complex "SIGVET-BOX".

The article shows the effectiveness of using the software and hardware complex "SIGVET-BOX" in the process of improving the sports skills of high-class boxers. The software and hardware complex "SIGVET-BOX" allows you to fix and evaluate cause-and-effect relationships, namely, to visualize the state of the main psychophysiological characteristics (reaction speed, sense of time); provides the development of attention properties, forms specialized motor skills of an athlete due to the possibility of independent modeling of the situation as close as possible to the combat situation.

Keywords: boxers, «SIGVET-BOX», sports skills, attention distribution, reaction speed

ТРЕНДЫ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ИнЭУ УрФУ)

*Кондюкова Е.С., кандидат философских наук, доцент,
Шершинева Е.Г., кандидат экономических наук, доцент,
Никитина О.М., старший преподаватель,
Шамкаева Ю.М.,
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина*

Аннотация: в статье представлен результат исследования стратегических ориентиров образовательной и научной деятельности Института экономики и управления УрФУ в области модернизации образовательного процесса, инфраструктуры, развитии кадрового потенциала и формировании качественного контингента студентов.

Изложены перспективные тенденции, определяющие конкурентоспособность современных университетов. Отмечается, что ключевыми направлениями развития вузов являются: диверсификация и интернационализация научной и образовательной деятельности; коллаборация с работодателями и ключевыми партнерами; проектно-ориентированность и междисциплинарность образовательных программ; укрепление позиций магистратуры и научных исследований. Актуализируется значимость взаимодействия с работодателями при реализации магистерских программ и продуктов дополнительного профессионального образования, увеличиваются объем НИР и консалтинга, доходы от бизнес-образования. Долгосрочными ориентирами для вуза выступают признанные международные университетские рейтинги *THE Business&Economics* и *QS Business&Management*.

Сформулирован вывод о прогнозируемом росте доходов института, увеличении количества научных публикаций и усилении позиций в исследовательской сфере. Приведенные в статье показатели способствуют достижению стратегических целей развития ИнЭУ УрФУ.

Ключевые слова: университет, стратегическое развитие, экономическое образование, конкурентоспособность, образовательная программа, трансформация

Введение

Современные университеты как центры компетенций в социуме выступают лидерами инновационных технологий, общественных практик. Университеты создают принципиально новые возможности познания, производства, социальной и персональной жизни [5]. Высшие учебные заведения для достижения целей развития в условиях внешних вызовов начинают применять системы сбалансированных рейтингов, учитывающих различные аспекты деятельности.

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью продвижения концептуального подхода в реализации конкурентных преимуществ университета. Такая концепция была сформулирована в Уральском федеральном университете (УрФУ) еще в 2008 году [1] с учетом особенностей Уральского региона и социально-экономических условий. В настоящее время концептуальный подход на основе инноваций, знаний и формировании человеческого капитала получил дальнейшее развитие в интеграционных моделях университета.

Цель работы – сформулировать основные тренды концептуальных подходов в противовес консервативным методикам, что особенно значимо в период вызовов внешних сил (пандемия планетарного масштаба). Задачи работы – продемонстрировать новую структурную модель вуза с образованием стратегических академических единиц (далее – САЕ) и проанализировать целевые пока-

затели на основе интеграции нескольких направлений деятельности университета.

В настоящей работе рассматриваются стратегические ориентиры образовательной и научной деятельности Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (далее – ИнЭУ УрФУ). На примере ведущего уральского вуза показано, что в современных условиях происходит стратегическая трансформация образовательных моделей факультетов (институтов) на базе ключевых проектов развития.

Материалы и методы

Уральский федеральный университет (УрФУ) в 2020 году отметил столетний юбилей. Пройден путь от института политехнической направленности до одной из крупнейших образовательных экосистем современной России. В настоящее время в УрФУ выделены структурные подразделения, выполняющие особую роль обеспечения конкурентных преимуществ на долгосрочную перспективу. Подразделения получили название «стратегических академических единиц (САЕ) с реализацией эффективной системы управления, использованием показателей результативности, связывающими образовательный процесс, научно-исследовательскую деятельность, проекты [3]. К партнерским программам привлекаются работодатели, образовательные, консалтинговые и научно-исследовательские центры.

В качестве практического примера сбалансированной организационно-финансовой модели рассмотрена деятельность стратегической единицы УрФУ – Института экономики и управления.

Далее представлен результат исследования количественных и качественных показателей, отражающих стратегическую направленность ИнЭУ в области модернизации образовательного процесса, инфраструктуры, развития кадрового потенциала и формирование качественного контингента студентов.

Для целей анализа использованы данные «Стратегии развития ИнЭУ УрФУ до 2025 года» [2]. Целевые ориентиры и тенденции развития института выражены в количественных стратегических индикаторах.

Растет количество студентов основных образовательных программ и составляет сегодня 5543 чел, из них доля магистрантов – 17%, доля иностранных студентов – 7,9%.

Целевыми показателями, помимо численно-структурных, выступают объем НИР и консалтинга, доходы от бизнес-образования. В прогнозах на 2025-26 годы предусматривается рост доходов от консалтинга и научных исследований более чем в 2 раза (84 млн руб. в 2020 году и прогноз – 200 млн руб в 2025 г.).

Значимым целевым ориентиром является повышение позиций в международных университетских рейтингах *THE Business&Economics* и *QS Business&Management*.

Следует сформулировать вывод о прогнозируемом росте доходов института, увеличении количества научных публикаций и усилении позиций в исследовательской сфере. Приведенные показатели способствуют достижению стратегических целей развития ИнЭУ УрФУ, ключевые из которых:

- стать драйвером интернационализации Уральского региона;
- закрепиться в качестве ведущих экспертных центров в области устойчивого развития территорий на пространстве СНГ;
- создать инновационную цифровую образовательную среду, формирующую компетенции на основе междисциплинарных знаний;
- сформировать эффективное партнерство с ведущими корпорациями и органами власти в области подготовки лидеров новой формации;
- обеспечить глобальную узнаваемость и привлекательность бренда ИнЭУ УрФУ.

Цели развития ИнЭУ соответствуют стратегии УрФУ по обеспечению лидерства университета и вхождению в число ведущих мировых образовательных и интеллектуальных центров в области экономики и управления.

Изменение конкурентной среды в сфере высшего образования, вызванное демографическими, социальными, технологическими процессами, требует формирования соответствующих конкурентных преимуществ как на уровне институтов, так и в целом для университета. Так, для повышения конкурентоспособности ИнЭУ были обозначены приоритетные направления развития по всем образовательным ступеням [2].

Для бакалавриата стратегически значимыми аспектами признаны подготовка специалистов с цифровыми компетенциями, которые будут востребованы региональными экономическими институтами.

Для магистратуры индикаторами выступают корпоративные магистерские программы, количество проектов онлайн-обучения, качество подготовки специалистов в сфере высокотехнологичных отраслей. Необходимо отметить, что в данной области сегодня активно поддерживаются такие «образовательные векторы» со стороны партнеров и работодателей. Основная причина связана с отсутствием у специалистов-технологов необходимых управленческих компетенций. Этот пробел восполняет корпоративная магистратура. Промышленные холдинги поддерживают «ступень» магистерского образования, привлекают профессорско-преподавательский состав ИнЭУ. Так, на протяжении нескольких лет реализуются совместные программы университета и его стратегических партнеров: это Уральская горно-металлургическая компания (УГМК) и Трубная металлургическая компания (ТМК). Проблематика корпоративного обучения УрФУ более подробно рассматривается в нашей статье 2019 года [6].

В русле аспирантуры предусматриваются совместные научные программы с зарубежными академическими вузами-партнерами; перекрестные стажировки и участие в конференциях.

При ВУЗах всегда успешно функционировали институты повышения квалификации, учебные центры. УрФУ предлагает структурный подход и в реализации системы дополнительного профессионального образования, в частности, программы Executive education для управленцев высшего и среднего звена российских компаний.

Системное внимание к проектам онлайн-обучения обнаружили способность огромного вуза быстро отреагировать на внешние вызовы, связанные с пандемией. ИнЭУ, входящий в состав УрФУ, оказался подготовленным и мобилизованным для проведения online-обучения с сохранением качества лекционных и практических занятий. Более того, весна 2020 года показала возможности быстрой адаптации к новым условиям и мобилизации дополнительных факторов обучения в фор-

ме привлечения к online-методам консультантов экономической сферы.

Таким образом, университет, базируясь на ключевых проектах развития, трансформирует образовательные модели.

Результаты исследования

На основе вышеизложенного материала и результатов исследований ряда авторов, нами сформулированы ключевые тренды трансформации в системе высшего образования, являющиеся факторами конкурентоспособности факультетов (в том числе осуществляющих подготовку студентов по экономико-управленческим специальностям):

1. Диверсификация направлений обучения. Данная тенденция проявляется в виде новых направлений обучения, новых курсов и дисциплин, реализации междисциплинарных программ. Кроме того, в современных условиях меняются процедуры набора студентов, методы и приемы обучения. Также реорганизуется система управления образованием, структура учебных заведений и порядок их финансирования.

2. Интернационализация образовательного процесса. Инструментами интернационализации выступают обмен образовательными программами, студентами, преподавателями и исследователями, признание дипломов и ученых степеней, общие стандарты образования. В качестве интегральной оценки интернационализации рассматривается место университета в признанных международных рейтингах [2].

3. Коллаборация с ведущими работодателями. Корпоративные образовательные программы, согласованные с заказчиками-партнерами, являются инновационными образовательными формами в рамках концепции «обучение, длиною в жизнь» (Lifelong Learning). Создание синергии «предприятие–вуз» обеспечивает обеим сторонам долгосрочные «кобрендинговые» преимущества в виде совместной интеллектуальной капитализации как студентов, так и преподавателей. «Взрослые» студенты приобретают новые знания и компетенции, а преподаватели повышают квалификацию, изучая практический опыт своих студентов [6].

4. Увеличение количества магистерских программ и усиление значимости научно-исследовательской деятельности студентов и преподавателей. Как отмечается в исследовании [7]: «Для выпускников бакалавриата магистратура – это возможность продолжить обучение, углубить знания, а также возможность профессионального обмена и общения с более опытными коллегами».

5. Развитие проектного обучения и междисциплинарность образовательных программ. Проектное обучение преследует следующие цели: во-первых, разработку обучающимися продукта, ко-

торый может быть применен на практике и одобрен партнерами-работодателями; во-вторых, формирование ключевых компетенций у студентов в ходе работы над проектом (способность самостоятельно критически мыслить, показать навыки работы с информационными данными; способность к размышлению, опираясь на знание фактов, закономерностей науки, к формулировке обоснованных выводов; умение принимать самостоятельные аргументированные решения; навыки работы в команде, выполнение разных социальных ролей) [8].

Таким образом, внешние детерминанты, такие как глобализация образования, социально-демографические и экономические вызовы, обуславливают быструю трансформацию стратегий современных университетов. Ведущие российские вузы, к числу которых относится Уральский федеральный университет, переходят на новый уровень формирования стратегически значимых «преимуществ будущего» в постиндустриальном обществе.

Вместе с тем стремление к глобализации, выраженное в тенденциях интеграции научных исследований и образования, междисциплинарности, формировании кадрового состава с «цифровыми компетенциями» дополняется уникальными традициями инженерно-технологического профиля уральского вуза, который стал центром интеллектуального капитала ведущего промышленного региона России и тем интересен промышленно развитым странам с традиционно высокой инженерной школой.

Проведенное исследование показало, что доминантными направлениями развития являются: диверсификация образовательных программ и направлений подготовки; интернационализация образовательной и научной сфер; расширение корпоративных образовательных программ в формате коллаборации «работодатель – вуз»; укрепление позиций магистратуры и повышение значимости научно-исследовательской деятельности студентов и преподавателей; продвижение проектных и междисциплинарных образовательных продуктов с сохранением «технологической парадигмы» вуза [4]. Развитие актуальных программ профессионального образования будет закреплено не только в качестве конкурентного преимущества университета, но и станет фактором устойчивого территориального развития. Кроме того, в условиях перехода к цифровой социально-экономической парадигме приобретает значимость разработка образовательных продуктов в формате online-курсов, а также образовательно-игровых квестов.

Литература

1. Концепция Уральского федерального университета. Москва, 2008. Режим доступа: https://www.skolkovo.ru/images/stories/book/SKOLKOVO_-_Concept_of_Urals_Federal_University.pdf
2. Основные положения Стратегии развития Института экономики и управления УрФУ до 2025 года. Екатеринбург, 2020. Режим доступа: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/staff/common/Osnovnye_polozhenija_strategii_InEHU_UrFU_proekt__1_.pdf
3. Стратегическая цель и миссия УрФУ / Портал УрФУ. Режим доступа: <https://strategy.urfu.ru/proekt-5-100/strategicheskie-akademicheskie-edinicy>
4. Бедный А.Б. Интернационализация деятельности университета в глобальном обществе знаний // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 138 – 143.
5. Ефимов В., Лаптева А. Университет фронта: на пути к новому поколению институтов развития // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 6. С. 6 – 18.
6. Кондюкова Е.С., Шершнева Е.Г., Никитина О.М., Рыженькина Н.В., Кулеша Эва М. Развитие системы корпоративного экономического образования в контексте модели непрерывного обучения // Modern Humanities Success. 2019. № 7. С. 143 – 147.
7. Сергеева М.Г., Бурнакин М.Н. Современные проблемы и тенденции развития магистратуры в России // Казанский педагогический журнал. 2018. № 5. С. 51 – 56.
8. Троянская М.А., Боброва В.В. Значение проектной деятельности в подготовке экономистов и управленцев // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 275 – 278.

References

1. Konceptsiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Moskva, 2008. Rezhim dostupa: https://www.skolkovo.ru/images/stories/book/SKOLKOVO_-_Concept_of_Urals_Federal_University.pdf
2. Osnovnye polozheniya Strategii razvitiya Instituta ekonomiki i upravleniya UrFU do 2025 goda. Ekaterinburg, 2020. Rezhim dostupa: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/staff/common/Osnovnye_polozhenija_strategii_InEHU_UrFU_proekt__1_.pdf
3. Strategicheskaya cel' i missiya UrFU / Portal UrFU. Rezhim dostupa: <https://strategy.urfu.ru/proekt-5-100/strategicheskie-akademicheskie-edinicy>
4. Bednyj A.B. Internacionalizaciya deyatel'nosti universiteta v global'nom obshchestve znanij. Vysshee obrazovanie v Rossii. 2016. № 3. S. 138 – 143.
5. Efimov V., Lapteva A. Universitet frontira: na puti k novomu pokoleniyu institutov razvitiya. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2017. T. 21. № 6. S. 6 – 18.
6. Kondyukova E.S., SHershneva E.G., Nikitina O.M., Ryzhen'kina N.V., Kulesha Eva M. Razvitie sistemy korporativnogo ekonomicheskogo obrazovaniya v kontekste modeli nepreryvnogo obucheniya. Modern Humanities Success. 2019. № 7. S. 143 – 147.
7. Sergeeva M.G., Burnakin M.N. Sovremennye problemy i tendencii razvitiya magistratury v Rossii. Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. 2018. № 5. S. 51 – 56.
8. Troyanskaya M.A., Bobrova V.V. Znachenie proektnoj deyatel'nosti v podgotovke ekonomistov i upravlencev. Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. 2019. T. 8. № 3 (28). S. 275 – 278.

TRENDS OF LONG-TERM DEVELOPMENT IN THE SYSTEM OF HIGHER ECONOMIC EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF GSEM URFU)

*Kondyukova E.S., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Shershneva E.G., Candidate of Economic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Nikitina O.M., Senior Lecturer,
Shamkaeva Yu.M.,
Ural Federal University named after B.N. Yeltsin*

Abstract: the paper presents the result of a study of the strategic guidelines of the educational and scientific activities of the Graduate School of Economics and Management (GSEM) in the structure of the Ural Federation University (UrFU). The paper considers the field of the educational process` modernization, infrastructure, development of human resources and the formation of a high-quality students` contingent.

Promising trends that determine the competitiveness of modern universities are described. It is noted that the key areas of university development are: diversification and internationalization of scientific and educational activities; collaboration with employers and key partners; project-oriented and interdisciplinary educational programs; strengthening the positions of the master's degree and research. The importance of interaction with employers in the implementation of master's programs and products of additional professional education is being updated, the volume of research and consulting, income from business education is increasing. The recognized international university rankings THE Business&Economics and QS Business&Management serve as long-term benchmarks for the university.

The conclusion is formulated about the projected growth of the institute's income, an increase in the number of scientific publications and a strengthening of positions in the research field. The indicators given in the paper contribute to the achievement of the strategic development goals of GSEM UrFU.

Keywords: university, strategic development, economic education, competitiveness, educational program, transformation. university, strategic development, economic education, competitiveness, educational program, transformation

ОПЫТ КОРРЕКЦИОННОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

*Сидловская О.П., старший преподаватель,
Петрозаводский государственный университет*

Аннотация: в статье освещается опыт коррекционно-развивающей работы с детьми дошкольного возраста с задержкой психического развития. «Задержка психического развития» понимается как синдром отставания развития психики в целом или отдельных ее функций. Детям, которым поставлен на психолого-медико-педагогической комиссии психолого-педагогический диагноз задержка психического развития, рекомендуется адаптированная основная образовательная программа в дошкольной образовательной организации. Многим детям рекомендуется коррекционно-развивающие занятия с психологом. В статье раскрываются этапы работы с детьми с задержанным развитием, содержание этапов коррекционно-развивающей работы с детьми. Первый этап – адаптационный и диагностический, второй этап – для определения комплексного подхода и согласования работы различных специалистов и педагогов, работающих с детьми и каждым ребенком в отдельности, третий этап – собственно коррекционно-развивающий. Описываются особенности детей с задержкой психического развития, а именно описываются проблемы развития познавательной и эмоционально-волевой сферы детей с задержкой психического развития. В коррекционно-развивающей работе выделяются две подгруппы детей. Первая подгруппа, это дети с задержкой психического развития с преобладанием нарушений в эмоционально волевой, личностной сфере и поведении. Вторая подгруппа, это дети с задержкой психического развития с преобладанием нарушений в познавательной сфере. У детей этих двух групп будет большая разница в стратегии и тактике коррекционно-развивающей работе.

Ключевые слова: дети дошкольного возраста, задержка психического развития, коррекционно-развивающая работа, познавательная деятельность, эмоционально-волевая сфера

В психолого-педагогической литературе последних лет под термином «задержка психического развития» понимаются синдромы отставания развития психики в целом или отдельных ее функций. Это понятие употребляется по отношению к детям со слабо выраженной органической или функциональной недостаточностью центральной нервной системы (ЦНС). У рассматриваемой категории детей нет специфических нарушений слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, речи. Детям, которым поставлен на психолого-медико-педагогической комиссии психолого-педагогический диагноз задержка психического развития, рекомендуется адаптированная основная образовательная программа, разработанная для детей раннего возраста с задержкой психомоторного и речевого развития и для детей дошкольного возраста с задержкой психического развития (ЗПР). Очень часто ПМПКомиссией рекомендуется для таких детей коррекционно-развивающие занятия с психологом [5].

Когда ребенок после ПМПК направляется в группу компенсирующей направленности для детей с задержкой психического развития, чаще всего он направляется в младшую или среднюю группу с рекомендованной адаптированной программой для детей с задержкой психического развития. Проводя первичную психолого-педагогическую диагностику детей с ЗПР 4-5 лет, направленных в младшую группу компенсирующей направленности для детей с задержанным развитием различного генеза, выявлялись проблемы в познавательной сфере, выявлялись проблемы

в эмоционально-волевой, личностной сферах, поведении [3].

В познавательной сфере выявлялись проблемы в развитии всех познавательных функций: внимания, восприятия, памяти, мышления, речи, воображения. У детей выявлялся скудный запас знаний, недостаточность опыта и низкая мотивация к познавательной деятельности. Любая предметная, игровая, познавательная, продуктивная деятельность практически сразу превращалась в баловство, манипуляцию или отказ от деятельности. Осложнялась ситуация частыми отвлечениями, сложностями в сосредоточении и переключении. В первые полгода в коррекционно-развивающем процессе сложностью также было то, что у детей не было сформировано уважение к взрослому, авторитет взрослого, не был сформирован навык занятий с взрослым и совместно с детьми. Также у детей с задержкой психического развития проявляются проблемы с поведением, а именно часто встречаются агрессивность, конфликтность, враждебность к окружающим [4].

На первом этапе важно было привлечь внимание детей к любой совместной деятельности детей и взрослого (групповые занятия) или ребенка с взрослым (индивидуальные занятия). Все занятия проводятся в игровой форме. Используются все виды деятельности, а именно игровая, трудовая, продуктивная, познавательная, предметная и т.д. На этом этапе важно понаблюдать за ребенком, изучить его предпочтения, изучить реакцию на похвалу его и других детей, изучить мотивационно-потребностную сферу каждого ребенка. Важно

в различных видах деятельности изучить возможности каждого ребенка, уровень актуального и зону ближайшего развития в различных видах деятельности, важно изучить интересы ребенка. Таким образом, на каждого ребенка составляется таблица на каждый вид деятельности по следующим параметрам с описанием качественных характеристик: особенности поведения, мотивации, интересы, общения с взрослыми и сверстниками, реакции на неудачу и поощрение, реакции на помощь, особенности поведения при утомлении. Первый этап длится около двух месяцев. По истечении этого этапа составляется индивидуальный маршрут развития на каждого ребенка, который является дополнением к адаптированной программе (АООП) [1].

Второй этап коррекционно-развивающей работы – это выстраивание особенностей взаимодействия психолога, дефектолога и воспитателей группы и детского сада, работающими с детьми данной группы. Важно, чтобы принцип системности и комплексности отработался на втором этапе и в дальнейшем являлся основой коррекционно-развивающей работы с детьми с задержкой психического развития. Важно, чтобы каждый педагог знал достижения ребенка в каждой области с другими педагогами и специалистами, опирался на эти достижения и работал в зоне ближайшего развития ребенка как на индивидуальных, так и на групповых занятиях. Для решения задач системности и комплексности составляется общий перспективный план по группе по всем видам деятельности. На каждого ребенка составляется тетрадь успехов и достижений, записи в этой тетради понятны как ребенку, так и родителям и педагогам дошкольного учреждения. Если ребенок помимо детского сада занимается в каких-либо кружках, секциях или с другими специалистами, то педагоги, работающие с ребенком, раз в неделю заносят успехи и достижения ребенка в сфере их компетенций. Записи в такой тетрадке помогают ребенку развивать дифференцированную самооценку, у ребенка развивается самосознание, педагогам и родителям легче ориентироваться в достижениях каждого ребенка. Родители в данной тетради раз в неделю описывают свои наблюдения по ребенку в домашних условиях, как они замечают и отмечают достижения ребенка, его успехи. Так формируется взаимосвязь всех участников образовательного коррекционно-развивающего процесса в дошкольной образовательной организации, а именно Родителя, Ребенка, Педагога. В данной тетради есть три части и тетрадь заполняется ежедневно. Первая часть – это то, что ребенок думает и как он замечает свои достижения, успехи, трудности, сложности в каждом виде деятельности. Вторая

часть – это то, что замечает про ребенка каждый педагог, работающий с ребенком на данной неделе. Третья часть заполняется родителями еженедельно на выходных. Второй этап длится примерно 3-4 месяца, а первый и второй этапы длятся примерно до полугодия (4-6 месяцев). Важно понимать, что после полугодия работы, все педагоги и специалисты, работающие с детьми, и родители, соглашаются с тем, что ребенку правильно поставлен психолого-педагогический диагноз «задержка психического развития», что ребенок способен в силу своих особенностей освоить АООП при данных условиях и что педагоги, специалисты и родители согласовали свою работу по данному ребенку и понимают стратегию и тактику коррекционно-развивающей работы с данным ребенком [4, 5].

Первый и второй этапы сопровождаются организацией и проведением психолого-педагогических консилиумов. За первый и второй этапы организации коррекционно-развивающей работы проводится не менее 3 консилиумов по детям группы для детей с задержкой психического развития. На консилиумах педагоги и родители обсуждают успехи, достижения, сложности и трудности ребенка, согласовывают работу в разных направлениях сопровождения, стратегию и тактику коррекционно-развивающей работы.

Третий этап характеризуется тем, что формулируются этапы и задачи коррекционно-развивающей работы по двум подгруппам детей данной группы. Первая подгруппа, это дети с задержкой психического развития с преобладанием нарушений в эмоционально-волевой, личностной сфере и поведении. Вторая подгруппа, это дети с задержкой психического развития с преобладанием нарушений в познавательной сфере. У детей этих двух групп большая будет разница в стратегии и тактике коррекционно-развивающей работы. По-разному будет выстраиваться с детьми работа и дефектолога, и психолога, и других специалистов. И у детей этих двух групп разница будет как в темпе коррекционно-развивающей работы, так и в её задачах и результатах.

С детьми первой подгруппы психолог ориентируется прежде всего на развитие, коррекцию эмоционально-волевой сферы и достижения, успехи этой работы позволяют ребенку достигать успехов в познавательной сфере. Психолог работает с детьми над развитием умения сосредотачиваться, концентрироваться, удерживать свое внимание, развивает волевые усилия и произвольность в поведении. Психолог и воспитатели развивают у детей с задержкой психического развития первой группы внеситуативные формы общения с взрослыми и сверстниками, развивают умение договариваться

и умение разрешать конфликтные ситуации, развивают объяснительную речь, которая помогает развивать умение объяснять свое мнение и т.п. В такой работе широко используются режиссерские игры, театрализованная деятельность, арт-терапия, различные настольные игры, развивающие игры (например, игры и пособия Никитина и Воскобовича) [2, 6].

С детьми второй подгруппы начинается работа по коррекции избегания интеллектуального напряжения, развитию познавательных интересов и жизненного опыта. Очень важно с такими детьми организация условия для развития сюжетно-ролевой игры, руководство воспитателями этой деятельности. Дети первой подгруппы могут быть замечательными помощниками в организации и развитии сюжетно-ролевых игр у детей первой подгруппы. На первых этапах работы с детьми второй подгруппы очень важно много играть в сюжетно-ролевые игры. Игра является ведущим видом деятельности и в ней дети будут развиваться. Психолог с детьми второй подгруппы играет в различные игры на развитие восприятия, памяти, мышления, внимания, воображения. В развитии мышления очень важно развивать операции мышления, в развитии памяти мнемотехнику. С детьми с задержкой психического развития хорошо работает научение детей применению схем и таблиц, применению опоры на наглядность и умение применять наглядно-действенное мышление. И одновременно с этой работой важно работать и над развитием общения, самосознания, самооценки, эмоционально-волевой сферы и коррекции поведения [7].

С детьми с задержкой психического развития очень важна работа над формированием моральных и нравственных ценностей, а также формирование таких качеств личности как самостоятельность, ответственность и инициативность. Решением этих задач развития и воспитания занимаются и педагоги, специалисты дошкольного учреждения, а также и родители. Решению этих задач посвящаются родительские собрания, психолого-педагогические консилиумы, педагогические советы и т.п. Моральные и нравственные понятия формируются очень сложно и имеют специфические особенности у детей с задержкой психического развития. Поэтому формированию таких понятий уделяется большое внимание и в специально-организованной деятельности, и в повседневной жизни всеми педагогами и специалистами. [8]

Основными задачами образовательной деятельности детей с задержкой психического развития являются создание условий для становления функциональных систем в соответствии с онтоге-

незом, стимуляция познавательного и речевого развития, профилактика отклонений в психомоторном, сенсорном, когнитивном и речевом развитии, развитие и коррекция личности ребенка с ЗПР, его эмоционально-волевой сферы и коррекции поведения.

Литература

1. Бабкина Н.В. Выбор индивидуального образовательного маршрута для ребенка с задержкой психического развития // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2017. № 2. С. 16 – 22.

2. Борякова Н.Ю. Коррекционно-развивающее обучение и воспитание дошкольников с задержкой психического развития. Теория и практика: монография. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2016. 170 с.

3. Гольдфельд И.Л., Колесников В.Н., Минакова Л.К. и др. Психологическое изучение детей раннего и дошкольного возраста: метод. пособие / Федерал. агенство по образованию, ГОУВПО «КГПУ». Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2009. 156 с.: ил.

4. Екжанова Е.А., Стребелева Е.А. Коррекционно-педагогическая помощь детям раннего и дошкольного возраста с неярко выраженными отклонениями в развитии. СПб.: Каро, 2008. 330 с.

5. Мамайчук И.И., Ильина М.Н. Помощь психолога ребенку с задержкой психического развития. СПб.: Речь, 2004. 352 с.

6. Семаго Н.Я., Семаго М.М. Проблемные дети. Основы диагностической и коррекционной работы психолога. М.: АРКТИ, 2001. 203 с.

7. Тржесоглава 3. Легкая дисфункция мозга в детском возрасте: пер. с чешск. М.: Медицина, 1986, 256 с., ил.

8. Ульяновская У.В., Лебедева О.В. Организация и содержание специальной психологической помощи детям с проблемами в развитии. М.: Академия, 2007. 176 с.

References

1. Babkina N.V. Vybora individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta dlya rebenka s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya. Vospitanie i obuchenie detej s narusheniyami razvitiya. 2017. № 2. S. 16 – 22.

2. Boryakova N.YU. Korrekcionno-razvivayushchee obuchenie i vospitanie doshkol'nikov s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya. Teoriya i praktika: monografiya. M.: RIC MGGU im. M.A. Sholohova, 2016. 170 s.

3. Gol'dfel'd I.L., Kolesnikov V.N., Minakova L.K. i dr. Psihologicheskoe izuchenie detej rannego i doskol'nogo vozrasta: metod. Posobie. Federal. agenstvo po obrazovaniyu, GOUVPO «KGPU». Petrozavodsk: Izd-vo KGPU, 2009. 156 s.: il.

4. Ekzhanova E.A., Strebeleva E.A. Korrekcionno-pedagogicheskaya pomoshch' detyam rannego i doskol'nogo vozrasta s neyarko vyrazhennymi otkloneniyami v razvitii. SPb.: Karo, 2008. 330 s.

5. Mamajchuk I.I., Il'ina M.N. Pomoshch' psihologa rebenku s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya. SPb.: Rech', 2004. 352 s.

6. Semago N.YA., Semago M.M. Problemye deti. Osnovy diagnosticheskoy i korrekcionnoj raboty psihologa. M.: ARKTI, 2001. 203 s.

7. Trzhesoglava 3. Legkaya disfunkciya mozga v detskom vozraste: per. s cheshsk. M.: Medicina, 1986, 256 s., il.

8. Ul'enkova U.V., Lebedeva O.V. Organizaciya i sodержanie special'noj psihologicheskoy pomoshchi detyam s problemami v razvitii. M.: Akademiya, 2007. 176 s.

EXPERIENCE OF CORRECTIONAL WORK WITH OLDER PRESCHOOL CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION

*Sidlovskaya O.P., Senior Lecturer,
Petrozavodsk State University*

Abstract: the article highlights the experience of correctional and developmental work with preschool children with mental development problems. "Mental retardation" is understood as a syndrome of delayed development of the psyche as a whole or its individual functions. For children who have been diagnosed with mental retardation at the psychological, medical and pedagogical commission, an adapted basic educational program in a preschool educational organization is recommended. Many children are recommended correction and developmental classes with a psychologist. The article reveals the stages of work with children with mental retardation, the content of the stages of correctional and developmental work with children. The first stage is adaptive and diagnostic, the second stage is to determine an integrated approach and coordinate the work of various specialists and teachers working with children and each child individually, the third stage is actually correctional and developmental. The features of children with mental retardation are described, namely, the problems of the development of the cognitive and emotional-volitional sphere of children with mental retardation are described. In correctional and developmental work, two subgroups of children are distinguished. The first subgroup is children with mental retardation with a predominance of disorders in the emotional, volitional, personal sphere and behavior. The second subgroup is children with mental retardation with a predominance of cognitive disorders. Children of these two groups will have a big difference in the strategy and tactics of correctional and developmental work.

Keywords: preschool children, mental retardation, correctional and developmental work, cognitive activity, emotional and volitional sphere

РАЗВИТИЕ СВЯЗНОЙ РЕЧИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА ПОСРЕДСТВОМ ПАЛЬЧИКОВОГО ТЕАТРА

*Скрябина Д.Ю., кандидат педагогических наук, доцент,
Баженова В.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко*

Аннотация: данная статья посвящена проблеме развития связной речи младших школьников с расстройством аутистического спектра. В статье рассматриваются особенности развития связной речи младших школьников с расстройством аутистического спектра, влияние пальчикового театра на развитие связной речи детей, взаимосвязь в развитии мелкой моторики и речи. Описываются результаты опытно-экспериментальной работы по проверке эффективности разработанной программы, направленной на развитие связной речи младших школьников с расстройством аутистического спектра средствами пальчикового театра. Указываются цель, задачи, принципы, тематический план программы. Приводятся сравнительные результаты констатирующего и контрольного эксперимента, показывающие динамику развития связной речи детей с расстройством аутистического спектра.

Ключевые слова: расстройство аутистического спектра, обучающиеся младших классов, связная речь, коммуникация, мелкая моторика, пальчиковый театр

В области научных исследований и практики отечественной специальной психологии и специальной педагогики рассматривается такое нарушение психического развития ребенка, как ранний детский аутизм.

К существенной особенности раннего детского аутизма относится нарушение процесса коммуникации. Одной из главных составляющих коммуникативной деятельности является связная речь.

Развитие связной речи является сложным процессом, входит в число важнейших педагогических задач. От уровня развития связной речи во многом зависит успешность обучения ребенка в школе, успешность социализации, развитие других познавательных процессов и личности в целом.

У детей с расстройствами аутистического спектра (далее РАС) отмечается своеобразный характер развития связной речи, что предполагает трудности при включении в социальную среду.

В работах ученых (Е.Р. Баенская, К.С. Лебединская, М.М. Либлинг, О.С. Никольская и др.) представлена классификация детей с РАС, специфика в развитии речи детей четырех групп. В частности, во всех группах вследствие целого ряда причин отмечаются нарушения в развитии целенаправленной коммуникативной речи, особенности интонационной стороны речи, специфика темпа, ритма, мелодики [1]. Обращается внимание исследователей (О.С. Никольская, Д.Ю. Скрябина и др.) и на проблемы в развитии сенсомоторной сферы детей с РАС [1, 2].

Таким образом, у детей с аутистическими расстройствами наблюдаются трудности в развитии полноценной речевой деятельности, разнообразные нарушения речевой деятельности, что проявляется в специфике речи и ее коммуникативной функции. При аутизме речь

может развиваться нормально и даже в ускоренном темпе. Однако в скором времени может отмечаться обратный процесс, когда в раннем возрасте речь начинает медленно утрачиваться. В коррекционной работе с детьми с РАС развитие связной речи является одной из сложных задач вследствие структуры дефекта, требует систематичной, целенаправленной, длительной работы узких специалистов и родителей (законных представителей).

Исследованиями отечественных ученых (М.М. Кольцовой, Л. В. Фоминой и др.) было доказано, что уровень развития речи находится в прямой зависимости от уровня развития мелкой моторики, т.е. существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость речевой и моторной деятельности [3]. Поэтому в систему коррекционной работы с детьми с РАС необходимо включать упражнения, которые способствуют развитию тонких движений пальцев, активизации речевой деятельности, повышению эмоциональной активности.

В решении задач, связанных с развитием связной речи и мелкой моторики детей, особая роль принадлежит пальчиковым играм и пальчиковому театру, так как в процессе постановки пальчиковых спектаклей развивается коммуникация, творческие способности ребенка, умение правильно говорить, строить высказывание, произвольно регулировать координацию движений. Пальчиковый театр является более сложным видом деятельности по сравнению с пальчиковыми играми. В пальчиковом театре необходимо с помощью интонации передать образ определенного героя, черты его характера [4].

Пальчиковый театр оказывает положительное влияние и на развитие внимания и памяти, поскольку предполагает запоминание диалогов,

содержания поставленной сказки. В целом пальчиковый кукольный театр способствует регуляции психоэмоционального состояния детей.

Возможность понять мотивы поведения героя, поставить себя на место персонажа сказки без ущерба для своего психического здоровья включает постановку сказки с помощью пальчикового театра в один из эффективных способов работы с детьми с РАС. Именно поэтому пальчиковый театр был положен нами в основу коррекционно-развивающей работы с младшими школьниками с РАС.

Нами была проведена опытно-экспериментальная работа, которая состояла из трех этапов: констатирующего, формирующего и контрольного эксперимента. В исследовании приняли участие 14 детей с РАС третьей и четвертой группы согласно классификации О. С. Никольской. Возраст детей – 7-8 лет. Исследование проводилось на базе Ресурсного центра логопедических методов и технологий ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко».

Рассмотрим результаты опытно-экспериментальной работы.

На констатирующем этапе эксперимента в ходе бесед с родителями и наблюдения за ребенком уточнялись сведения о характере речевого развития, анализировались рисунки, увлечения ребенка, характер взаимодействия со сверстниками.

Логопедическое обследование проводилось с помощью методики обследования связной речи, разработанной В.П. Глуховым и шестой серии заданий по исследованию связной речи тестовой методики Т.А. Фотековой.

Результаты по двум методикам суммировались, и было выявлено, что на недостаточном уровне развития связной речи находится 64% детей, средний уровень был отмечен у 36% младших школьников. Высокий уровень развития связной речи не был продемонстрирован.

В основном дети испытывали затруднения в составлении рассказа по серии сюжетных картинок, в составлении рассказа с опорой на заданный материал и самостоятельном составлении рассказа. При составлении рассказа по серии картинок отмечались ошибки в расположении картинок в правильной последовательности, детям требовались вспомогательные вопросы, указание на соответствующую картинку или конкретную деталь. Были характерны затруднения при переходе от одной картинке к другой, отмечалось отсутствие смысловых звеньев, искажение рассказа. Что касается лексико-грамматического строя речи, то преимущественно применялась

глагольная лексика, встречались аграмматизмы (в основном ошибки в согласовании). Дети затруднялись в описании объектов, были словесные замены, связанные с незнанием лексического значения слова.

В пересказах также наблюдалось искажение смысла, добавление информации, не связанной с рассказом, пересказы в основном были краткими.

Таким образом, обследование показало, что у детей не сформировано в необходимой степени умение составлять программу высказывания, выбирать соответствующие языковые средства.

Результаты констатирующего эксперимента помогли сформировать состав групп и разработать программу по развитию связной речи у детей младшего школьного возраста с РАС средствами пальчикового театра.

Формирующий этап эксперимента включал апробацию программы в течение одного учебного года. Коррекционно-развивающие занятия проходили в подгруппах по 3-4 человека.

Цель программы: развитие связной речи детей младшего школьного возраста с РАС посредством пальчикового театра.

Задачи программы:

Обучающая: расширять и систематизировать знания детей о различных средствах выразительности; учить детей произвольно изменять силу голоса, расширять знания о различных видах пальчикового театра.

Развивающая: развивать творческую самостоятельность в передаче образа, интерес к пальчиковому театру, развивать четкость дикции, интонационную выразительность речи; воображение, артистизм.

Воспитывающая: воспитывать эмпатию, нравственные и эстетические качества, доброжелательные межличностные отношения.

Коррекционная: развивать речь, мелкую моторику, произвольное внимание, словесно-логическую и произвольную память, позитивное восприятие себя и окружающих.

Для успешной реализации программы должны быть обеспечены следующие условия: создание развивающей предметно-пространственной среды; изучение уровня развития детей; участие родителей (законных представителей) в процессе развития связной речи детей.

Коррекционно-развивающие занятия основаны на следующих принципах:

1. систематичности и последовательности (задания постепенно усложняются, речевой материал представлен в определенной системе);

2. доступности (задания соответствуют уровню развития детей с РАС, ориентируются на зону их ближайшего развития);

3. наглядности (педагог демонстрирует образец изображения определенного героя пальчикового театра);

4. комплексности (эффективность занятий зависит от взаимодействия логопеда с другими узкими специалистами и родителями);

5. обогащения мотивации речевой деятельности (пальчиковый театр создает благоприятный эмоциональный фон, способствует повышению интереса детей к занятиям);

6. обеспечения активности речевой практики (пальчиковый театр развивает умение подражать взрослому, понимать смысл высказывания, способствует повышению речевой активности детей с РАС).

Программа включает следующие темы:

1. «Я среди других» (составление рассказа о своих увлечениях).

2. «Я и окружающий мир» (игра с персонажем Старичком-Лесовичком, знакомство с животными и растениями леса).

3. Театрализованная постановка по сказке «Колобок» (уточнение, расширение представлений о лесе).

4. «Колобок отправляется в лес» (составление рассказов-описаний о животных и растениях леса).

5. Театрализованная постановка по сказке «Теремок».

7. Театрализованная постановка по сказке «Заюшкина избушка».

8. Театрализованная постановка по сказке Л. Толстого «Три медведя».

9. Театрализованная постановка по сказке «Зимовье зверей».

10. Театрализованная постановка по сказке В. Бианки «Первая охота».

Каждой теме было посвящено три занятия. Таким образом, на формирующем этапе эксперимента всего было проведено 30 коррекционно-развивающих занятий.

Исходя из психологических особенностей детей с РАС, в основном подбирались сказки, знакомые детям. Работа над постановкой сказки включала несколько этапов: чтение сказки, рассматривание иллюстраций к сказке, просмотр мультфильма (при наличии мультфильма по данной сказке), беседа по содержанию, изготовление персонажей для пальчикового театра, распределение ролей, репетиция диалогов.

В ходе постановки сказки, разыгрывания диалогов с персонажами (Старичок-Лесовичок, Колобок и др.) применялись как пальчиковые куклы, так и сами пальчики. Процесс изготовления куклы под руководством педагога или родителей тоже служит средством развития мелкой моторики и активизации речи, поскольку в ходе изготовления персонажа проговаривались совершаемые действия, давалось описание тому, что получается. Таким образом, в ходе изготовления героя дети учились составлять тексты повествовательного характера, тексты с элементами описания.

Нами применялись простые в изготовлении бумажные куклы. Всех персонажей для кукольного театра дети предварительно вырезали из бумаги самостоятельно под руководством педагога в рамках коррекционно-развивающих занятий, а также дома с привлечением помощи родителей (законных представителей). Пальчиковые бумажные куклы сначала надевались на пальцы правой руки, затем – левой. Первоначально детям предлагалось разыграть в парах диалог. В более сложном варианте ребенок может попытаться озвучить двух героев постановки, манипулируя двумя куклами.

Для развития мелкой моторики, снятия утомления в рамках занятий применялись здоровьесберегающие технологии, например, массаж пальцев с элементами Су-Джок терапии, а также пальчиковые игры [5].

Таким образом, подготовка к постановке сказки с помощью пальчикового театра и сама постановка сказки выполняли познавательную, коррекционно-развивающую и воспитательную функции. Принятие ребенком с РАС роли какого-либо персонажа в пальчиковом театре поможет понять другого человека, развить способы взаимодействия со сверстниками.

Контрольный эксперимент включал проведение повторной диагностики с помощью тех же методик, что и на констатирующем этапе, но на другом стимульном материале.

В сравнительной табл. 1 представлены результаты диагностики развития связной речи обучающихся младших классов с РАС по методике В.П. Глухова и Т.А. Фотековой по результатам констатирующего (1-й замер) и контрольного (2-й замер) экспериментов.

Таблица 1

Значимые различия в выраженности критериев связной речи младших школьников с РАС, выявленные по методике В.П. Глухова и Т.А. Фотековой на этапах констатирующего и контрольного экспериментов

Показатели (критерии) связной речи		Х ср. 1-го замера	Х ср. 2-го замера	t-критерий Стьюдента	p
Методика В. П. Глухова	Составление предложений по отдельным ситуационным картинкам	2,2	3,3	-3,98	0,0005
	Составление предложений по трем картинкам	2,4	3,4	-4,26	0,0002
	Пересказ текста	1,7	3,2	-7,53	0,00
	Составление рассказа по серии сюжетных картинок	1,9	3,0	-3,66	0,001
	Сочинение рассказа на основе личного опыта	1,7	2,5	-3,02	0,005
	Составление рассказа-описания	2,1	2,8	-2,46	0,02
	Задание закончить рассказ	2,2	2,9	-2,87	0,008
	Общий балл развития связной речи	14,2	21,1	-4,80	0,0001
Методика Т. А. Фотековой	Лексико-грамматическое оформление высказывания (при составлении рассказа)	1,4	3,1	-3,39	0,002
	Самостоятельность выполнения задания (при составлении рассказа)	1	2,4	-3,31	0,003
	Критерий смысловой целостности (при составлении рассказа)	1	2,4	-2,99	0,006
	Лексико-грамматическое оформление высказывания (при пересказе)	1,4	1,9	-1,69	0,1
	Самостоятельность выполнения задания (при пересказе)	1,1	2,1	-1,89	0,07
	Критерий смысловой целостности (при пересказе)	1,4	3,9	-6,39	0,00
	Общий балл развития связной речи	7,4	15,8	-7,81	0,00

На контрольном этапе эксперимента уровень развития связной речи выше среднего был выявлен у 50% детей. Средний уровень развития связной речи отмечен у 50% детей. Низкий уровень не был продемонстрирован.

Анализ полученных результатов обследования младших школьников с РАС показал изменения связной речи в лучшую сторону по таким критериям, как лексико-грамматическое оформление высказывания ($p < 0,002$), самостоятельность выполнения задания ($p < 0,003$) и по критерию смысловой целостности ($p < 0,006$), пересказ прослушанного текста по критерию смысловой

целостности ($p < 0,00$) и показателю – общий балл развития связной речи ($p < 0,00$).

В ходе составления рассказа по серии сюжетных картинок на контрольном этапе эксперимента обучающимися младших классов с РАС было допущено небольшое искажение ситуации, у некоторых детей наблюдались ошибки, связанные с отсутствием связующего звена в рассказе.

По критерию самостоятельности выполнения задания изменения заключались в том, что дети в основном пытались самостоятельно составить рассказ, некоторым требовались наводящие вопросы, но количество вопросов по сравнению с

констатирующим экспериментом было значительно ниже.

Наилучший результат в составлении рассказа по серии сюжетных картинок был отмечен по критерию лексико-грамматического оформления высказывания. Встречались единичные случаи неточного употребления слов, в основном дети составляли рассказы без аграмматизмов. Двое детей показали максимальный балл выполнения данного задания, т.е. их рассказы были грамматически правильно оформлены, с адекватным использованием лексических средств. На этапе контрольного эксперимента были также получены заметные изменения в умениях пересказывать прослушанный текст.

Значительная положительная динамика роста отмечается по критерию смысловой целостности ($p < 0,002$) и по общему баллу развития связной речи ($p < 0,00$). На контрольном этапе эксперимента в рассказах детей были воспроизведены все основные смысловые звенья в правильной последовательности. По критериям оценки пересказа прослушанного текста – самостоятельность выполнения задания и лексико-грамматическое оформление высказывания – статистически значимых изменений выявлено не было.

Таким образом, пальчиковый театр может рассматриваться как эффективное средство развития связной речи детей младшего школьного возраста с РАС. Пальчиковый театр оказывает положительное влияние на развитие моторно-двигательной, зрительной, слуховой координации, произвольного поведения и психических процессов, а также выразительности речи, артистизма. Необходимо отметить и нормализацию психоэмоционального состояния детей с РАС в процессе постановки спектаклей, положительную мотивацию к коррекционно-развивающим занятиям.

Литература

1. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи. 8-е. изд. М.: Теревинф, 2014. (Особый ребенок). 228 с.

2. Корепанова А.А., Скрябина Д.Ю. Влияние совместного сюжетного рисования на становление навыка коммуникации у детей с ранним детским аутизмом // Современные подходы и технологии сопровождения детей с особыми образовательными потребностями: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов, семей (родителей и детей с ОВЗ) (23-25 марта 2017 года, г. Пермь) / ред. кол.: вып. ред. А.Г.

Гилёва, под науч. ред. О.Р. Ворошниковой, В.В. Коробковой, Л.В. Шаровой; Общественная организация «Счастье жить»; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь: Полиграф Сити Пермь, 2017. 424 с. С. 124 – 127.

3. Кольцова М. М., Рузина М. С. Ребенок учится говорить. Пальчиковый игротренинг. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 224 с. + цв. вкл. (Серия: «Психология детства: Современный взгляд»).

4. Коррекция речевых нарушений у детей 5-7 лет: игровые методы и приемы: пальчиковый тренинг, сопряженная гимнастика / авт.-сост. С.И. Токарева. Волгоград: Учитель, 2012. 171 с.

5. Баженова В.В. Направления работы по развитию графомоторных функций у дошкольников с задержкой психического развития // Инновационные процессы в системе образования : сб. материалов XIV итоговой науч.-практ. конф. / под ред. С.Л. Скопкарёвой, И.А. Гришановой. Глазов : Глазов. гос. пед. ин-т, 2020. 348 с.; С. 145 – 149.

References

1. Nikol'skaya O.S., Baenskaya E.R., Libling M.M. Autichnyj rebenok. Puti pomoshchi. 8-e. izd. M.: Terevinf, 2014. (Osobyj rebenok). 228 s.

2. Korepanova A.A., Skryabina D.Yu. Vliyaniye sovmestnogo syuzhetnogo risovaniya na stanovlenie navyka kommunikacii u detej s rannim detskim autizmom. Sovremennye podhody i tekhnologii soprovozhdeniya detej s osobymi obrazovatel'nymi potrebnostyami: sb. mater. vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem dlya studentov, magistrantov, aspirantov, prepodavatelej, specialistov, semej (roditelej i detej s OVZ) (23-25 marta 2017 goda, g. Perm'). red. kol.: vyp. red. A.G. Gilyova, pod nauch. red. O.R. Voroshnikovoj, V.V. Korobkovojoj, L.V. SHarovojoj; Obshchestvennaya organizaciya «Schast'e zhit'»; Perm. gos. gumanit.-ped. un-t. Perm': Poligraf Siti Perm', 2017. 424 s. S. 124 – 127.

3. Kol'cova M. M., Ruzina M. S. Rebenok uchitsya gorovit'. Pal'chikovyj igrotrening. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. 224 s. + cv. vkl. (Seriya: «Psihologiya detstva: Sovremennyj vzglyad»).

4. Korrekciya rechevyh narushenij u detej 5-7 let: igrovyje metody i priemy: pal'chikovyj trening, sopryazhennaya gimnastika. avt.-sost. S.I. Tokareva. Volgograd: Uchitel', 2012. 171 s.

5. Bazhenova V.V. Napravleniya raboty po razvitiyu grafomotornyh funkcij u doshkol'nikov s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya. Innovacionnye processy v sisteme obrazovaniya : sb. materialov HIV itogovoj nauch.-prakt. konf. pod red. S.L. Skopkaryovojoj, I.A. Grishanovojoj. Glazov : Glazov. gos. ped. in-t, 2020. 348 s.; S. 145 – 149.

**DEVELOPMENT OF COHERENT SPEECH IN YOUNGER SCHOOLCHILDREN
WITH AUTISM SPECTRUM DISORDER THROUGH FINGER THEATER**

*Skryabina D.Y.u, Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Bazhenova V.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
V.G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute*

Abstract: this article is devoted to the problem of the development of coherent speech of younger schoolchildren with autism spectrum disorder. The article discusses the features of the development of coherent speech of younger schoolchildren with autism spectrum disorder, the influence of finger theater on the development of coherent speech of children, the relationship in the development of fine motor skills and speech. The article describes the results of experimental work to test the effectiveness of the developed program aimed at the development of coherent speech of younger schoolchildren with autism spectrum disorder by means of finger theater. The purpose, objectives, principles, and thematic plan of the program are specified. The comparative results of the ascertaining and control experiment are presented, showing the dynamics of the development of coherent speech in children with autism spectrum disorder.

Keywords: autism spectrum disorder, primary school students, coherent speech, communication, fine motor skills, finger theater

ИНВАРИАНТНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФИЛАКТИКИ ЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ОСНОВЕ РАЗВИТИЯ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ

*Селиванова О.А., доктор педагогических наук,
Тюменский государственный университет,
Быстрова Н.В., кандидат педагогических наук,
Дереча И.И., кандидат педагогических наук,
Мамонтова Т.С., кандидат педагогических наук,
Панфилова О.В., кандидат педагогических наук,
Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова
(филиал) Тюменского государственного университета*

*Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ, проект №20-013-00605 (2020):
«Профилактический потенциал развития резильентности у подростков
со слабоалкогольной зависимостью»*

Аннотация: авторы статьи проанализировали отечественные и зарубежные модели профилактики зависимого поведения: моральных принципов, запугивания, фактических знаний, аффективного обучения, улучшения здоровья, модель альтернативной деятельности, модель обучения жизненным навыкам, модель мотивации, социальной поддержки, модель копинг-поведения, модель «Логические уровни» и другие. Представлена собственная инвариантная модель на основе развития резильентности, под которой авторы понимают врожденное динамическое свойство личности, выражающееся в способности преодолевать неблагоприятные жизненные обстоятельства с возможностью восстанавливаться и развиваться, используя внутренние и внешние ресурсы. Целью эмпирического исследования, результаты которого представлены в данной статье, являлась апробация разработанной модели, определение уровня развития резильентности у несовершеннолетних до и после реализации инвариантной модели и определение ее эффективности. Исследователи представили собственные уровни развития резильентности, определили критерии и показатели этих уровней, среди которых называются вовлеченность, контроль, принятие риска, развитые социальные навыки, адаптивность, темперамент, воля и др. Статья содержит общие результаты исследования, методы математической статистики (Критерий χ^2 – угловое преобразование Фишера), подтвердившие эффективность реализованной модели, а также эффективность проделанной профилактической работы в целом.

Ключевые слова: профилактика, модель профилактики, инвариантная модель профилактики, резильентность, зависимое поведение, несовершеннолетние

Значимой проблемой современного общества является проблема зависимого поведения в подростковой среде. В течение десятилетий остаются, а в отдельных случаях и нарастают, показатели подростковой преступности, суицидов, тяжких преступлений против личности [4]. В мире накоплен определенный опыт профилактики зависимого поведения. Специалисты Всемирной Организации Здравоохранения выделяют следующие модели первичной профилактики: моральных принципов, запугивания, фактических знаний, аффективного обучения, улучшения здоровья [7].

Модель моральных принципов основывается на системе норм поведения человека в обществе. В основе второй модели лежит профилактическая работа по формированию убеждений у населения, на основе информации опасности употребления наркотиков, психо-активных веществ. Третья модель основывается на когнитивных функциях индивида, что не всегда способствует достижению поставленной цели, так как информация может вызывать сомнения у несовершеннолетних: если в самом деле так страшны последствия, то почему

же взрослые курят, употребляют алкоголь, наркотики зная об этом?

Модель аффективного обучения направлена на коррекцию некоторых личностных дефицитов, предрасполагающих к употреблению ПАВ и формированию наркозависимости. В основе этой модели лежат профилактические программы, смысл которых состоит в том, чтобы «научить подростков регулировать эмоциональное состояние, не прибегая к формам саморазрушающего поведения» [5]. Модель улучшения здоровья (Folkman S., Lazarus, R.S. (1980). Зиждется на понимании того, что состоянием своего здоровья и благополучия человек способен управлять сам.

В современной отечественной литературе приводится ещё несколько моделей профилактики: модель альтернативной деятельности, модель обучения жизненным навыкам, модель мотивации, модель социальной поддержки, модель копинг-поведения [9]. Данные модели основываются на программах развития того или иного качества, тех или иных способностей у подростков, а модель копинг-поведения рассматривается как деятель-

ность личности по поддержанию и сохранению баланса между требованиями среды и ресурсами, которые удовлетворяют этим требованиям [6]. В зарубежной литературе были предложены модели объясняющие, как процесс резильентности помогает людям преодолевать неблагоприятные и стрессовые события. За термином «resilience» в зарубежной литературе закреплено понимание способности человека к преодолению трудностей в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, способности поддерживать психологическое равновесие во время потенциально опасных ситуаций [1].

Одной из самых ранних моделей для объяснения этого феномена была модель процесса устойчивости, разработанная Ричардсоном и его коллегами (Richardson, G.E., Neiger B, Jensen S., Kumpfer K. 1990, 2002). Под устойчивостью понимается способность человека добиваться положительных результатов, несмотря на воздействие существенно неблагоприятных жизненных условий [2].

Интерес представляет модель «Логические уровни» (1990), которую разработали Роберт Дилтс и Бертран Рассел (R. Dilts, B. Russell, 1990). Она основана на «законе пирамид»: каждый последующий уровень включает предыдущие, на каждом уровне действуют свои законы, изменения на верхнем уровне отражаются на всех нижних, изменения на нижних уровнях передаются наверх только как переход количества в качество, иерархии могут быть вложены друг в друга. Основание пирамиды (первый уровень) – окружение (кто, где, когда, что?) включает в себя специфические внешние условия, в которых осуществляется взаимодействие и поведение. Второй уровень – это уровень поведения (что делаю?). На этом уровне происходит обучение какому-либо поведению – как сказать «нет», как отвечать на манипуляцию, противостоять социальному давлению. Третий уровень – способности (что умею, как делаю?). Четвертый уровень – убеждения и ценности (зачем, почему?). Пятый уровень (кто?) – уровень идентичности. Идентичность – это восприятие человеком самого себя, своего предназначения в жизни в собственных глазах. Шестой уровень – духовный (ради кого, ради чего?). Таким образом, согласно данной модели весь жизненный опыт

человека структурирован в виде пирамиды логических уровней. Данная модель была адаптирована учеными отечественными учеными Селезневым С.Б., Швецовым И.Ю. (2011) для профилактики аддиктивного поведения подростков на основе структуры личного опыта.

Рейчел Нейман Гиды (2004) разработала терапевтическую модель для повышения устойчивости детей и подростков из группы риска, основанную на применении исследований резильентности к терапевтическим вмешательствам. Модель включает в себя два последовательных процесса: оценки и вмешательства. Процесс оценки включает в себя сбор информации для определения целей вмешательства и предполагает оценку наличия факторов риска и психосоциальных опасностей, наличия защитных факторов, связанных с устойчивостью, включая индивидуальные, семейные и общинные факторы. Процесс вмешательства предполагает выявление и развитие сильных сторон, укрепление существующих моделей устойчивости, усиление существующих защитных факторов, связанных с устойчивостью, содействие разработке дополнительных защитных факторов для смещения баланса в сторону повышения устойчивости.

Рассмотренные модели опираются на использование внешних ресурсов личности для профилактики аддиктивного поведения. Мы считаем, что для профилактических целей надо использовать не только внешние, но и внутренние ресурсы личности. Мы разработали инвариантную модель профилактики зависимости у несовершеннолетних на основе развития резильентности. Резильентность рассматриваем как основу развития жизнестойкости личности, чем выше уровень резильентности, тем более устойчива личность к неблагоприятным жизненным условиям. В нашем понимании психологическая резильентность это врожденное динамическое свойство личности, выражающееся в способности преодолевать неблагоприятные жизненные обстоятельства с возможностью восстанавливаться и развиваться, используя внутренние и внешние ресурсы [3]. Основу инвариантной модели составляют структурные компоненты резильентности (рис. 1).

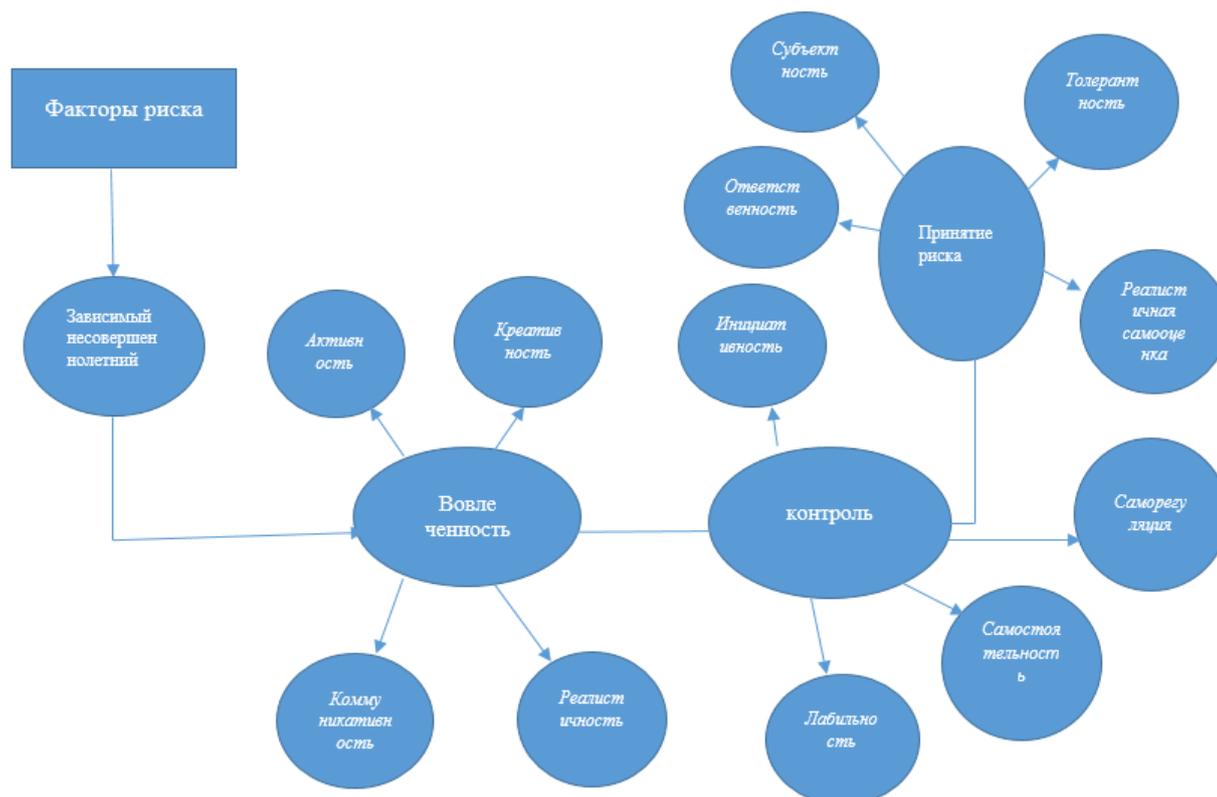

Рис. 1. Инвариантная модель профилактики зависимого поведения несовершеннолетних на основе резильентности

Вовлеченность включает в себя реалистичность, активность, креативность, коммуникативность. Реалистичность это способность исходить из понимания и учета подлинных условий реальной действительности, проявлять здравомыслие, прагматичный взгляд на вещи и явления. Активность является свойством человеческой деятельности в ходе которой человек выступает как самостоятельный субъект, умеющий принимать решения. Креативность – это способность человека принимать творческие решения, понимать и создавать принципиально новые идеи. Коммуникативность – умение налаживать контакты, способность к конструктивному и взаимообогащающему общению с другими людьми. Контроль предполагает инициативность, самостоятельность, лабильность, саморегуляцию.

Инициативность – это предрасположенность к преобразованию, изменению чего бы то ни было, которая проявляется в активных действиях, которые человек предпринимает по собственному внутреннему побуждению.

Самостоятельность – одно из ведущих качеств личности, выражающееся в умении ставить перед собой определённые цели и добиваться их достижения собственными силами. Лабильность – способность в условиях ограниченного времени выбирать и реализовывать способ действия, соответствующий ситуации, переключаться между раз-

личными элементами ситуации без снижения эффективности деятельности. Саморегуляция – это управление своим психоэмоциональным состоянием, которое достигается путем воздействия человека на самого себя с помощью слов, мысленных образов, управление мышечным тонусом и дыханием. Принятие риска основывается на ответственности, субъектности, реалистичной самооценке, толерантности. Ответственность – умение принимать решения в сложных ситуациях и предвидеть последствия, которые могут повлечь принятые решения. Субъектность – системное качество личности, в основе которого лежит возможность осознавать и проявлять свою индивидуальность вопреки внешним противодействиям и характеризующее человека как автора (деятельности, отношений, жизненного пути и т.д.). Реалистичная самооценка – это понимание и принятие человеком самого себя, своих качеств, чувств, положительных и отрицательных сторон, которое образует гибкую (учитывающую разные ситуации, открытую новому опыту) и в то же устойчивую картинку восприятия себя. Толерантность к неопределенности – способность к принятию решений, даже если не известны все факты и возможные последствия, способность выдерживать состояние неопределенности без снижения эффективности деятельности. На основе развития этих системных компонентов возможно успешно осу-

ществлять профилактическую деятельность с зависимыми несовершеннолетними, повысить их уровень резильентности.

Опираясь на выделенные исследователями структурные компоненты резильентности, авторы

определили уровни развития данного феномена – высокий, средний и низкий. Определяя уровень, мы исходили из результатов отобранных диагностических методик (табл. 1) [10].

Таблица 1

Определение уровня резильентности по результатам диагностических методик

Критерии и показатели эффективности	Методика диагностики	Результат по методике диагностики в соответствии с уровнем резильентности		
		Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Тестирование по компонентам резильентности				
<i>Вовлеченность</i>	Тест Жизнестойкости (Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.)	39-54 балла	31-38 балла	18-30 балла
<i>Контроль</i>		44-52 балла	29-43 баллов	17-28 баллов
<i>Принятие риска</i>		19-30 баллов	14-18 баллов	10-13 баллов
Экспертное оценивание				
	Оценка данных экспертной карты (среднее арифметическое по компонентам)	5-4	3	1-2
Учет результатов дополнительных методик (при необходимости)				
<i>Позитивная самооценка</i>	Методика изучения самооценки личности С.А. Будасси или:	Значение коэффициента корреляции от +0,38 до +1.	Коэффициент составляет не менее -0,37 и не более +0,3.	Значение коэффициента корреляции в интервале от -0,38 до -1.
	Самооценка школьника Т. В. Дембо, С.Я. Рубинштейн (модиф. А.М. Прихожан)	Уровень притязаний от 75 до 89 баллов, самооценка от 74 до 45 баллов.	Уровень притязаний 0-74 баллов, самооценка от 75 до 100 баллов.	Уровень притязаний от 90 до 100 баллов, самооценка ниже 45 баллов.
<i>Развитые социальные навыки</i>	Шкалы социальной компетентности обучающегося А.М. Прихожан	Коэффициент социальной компетентности 0,6-0,75	Коэффициент социальной компетентности 0 – 0, 5; 0 – (-0,5)	Коэффициент социальной компетентности 0,76 – 1; (-0,6) – (-0,75); (-0,76) – (-1)
<i>Адаптивность</i>	Шкала социально-психологической адаптированности (СПА) К. Роджерс и Р. Даймонд, адапт. Т.В. Снегиревой	Баллы по шкалам: Адаптивность – более 170, дезадаптивность – менее 68; принятие себя – более 52 баллов, непринятие себя – менее 14; принятие других – более 30, непринятие других – менее 14; эмоциональный комфорт- более 35, дискомфорт – менее 14; внутренний контроль – более 65, внешний контроль-менее 18; доминирование – более 15; ведомость – менее 12; эскапизм – менее 10.	Баллы по шкалам: Адаптивность , дезадаптивность– 68-170; принятие себя 22-52, непринятие себя – 14-35; принятие других 12-30, непринятие других – 14-35; эмоциональный комфорт/дискомфорт – 14-35; внутренний контроль – 26-65, внешний контроль-18-45; доминирование – 6-15; ведомость – 12-30; эскапизм – 10-25.	Баллы по шкалам: Адаптивность - менее 68, дезадаптивность – более 170; принятие себя менее 22, непринятие себя – более 35; принятие других менее 12, непринятие других – более 35; эмоциональный комфорт-менее 14, дискомфорт – более 35; внутренний контроль – менее 26, внешний контроль-более 45; доминирование – менее 6; ведомость – более 30; более 25.

Продолжение таблицы 1

<i>Темперамент</i>	Личностный опросник Г. Айзенка или:	По шкале интроверсия-экстраверсия – более 12 баллов, по шкале нейротизм – более 13 баллов.	По шкале интроверсия-экстраверсия – 12 баллов, шкале нейротизм – 9-13 баллов.	По шкале интроверсия-экстраверсия – менее 12 баллов, шкале нейротизм – менее 9 баллов.
	Тест-опросник Стеляу	По шкале возмутимости, торможения и подвижности – более 42 баллов.	По шкале возмутимости, торможения и подвижности- 42 балла.	По шкале возмутимости, торможения и подвижности – менее 42 баллов.
<i>Воля</i>	Методика волевого самоконтроля (ВСК) (А.В. Зверьков, Е.В. Эйдман).	По общей шкале – более 12 баллов, настойчивость – более 8 баллов, самообладание – более 6.	По общей шкале – 12 баллов, настойчивость –8 баллов, самообладание –6.	По общей шкале – менее 12 баллов, настойчивость – менее 8 баллов, самообладание – менее 6.
<i>Личностные качества, характер (ответственность, самоуважение, юмор, оптимизм, доброжелательность, взаимопомощь, эмпатия)</i>	Экспресс-диагностика ответственности (В.П. Прыдеин).	Ответственность – 60-84 балла	Ответственность от 37-до 59 баллов	Безответственность – 12-36 баллов
	«Опросник самоуважения» М. Розенберга.	По шкале самоуважение: от +5 до +7 ,самоунижение от +2 до +4.	По шкале самоуважение и самоунижение: + 1 и менее.	По шкале самоуважение: менее +1, самоунижение – о +5 до +10.
	Опросник «Стили юмора» Р.Мартин	Преобладает аффилиативный юмор.	Преобладает самоподдерживающий юмор.	Преобладает агрессивный либо самоуничижительный юмор.
	Опросник «Стиль объяснения успехов и неудач» СТОУН-П (в русскоязычной адаптации Т.О. Гордеевой, Е.Н. Сычёва – Осин)	Преобладает оптимизм (3-4 балла)	Оптимизм и пессимизм равнозначны (по 2 балла каждый)	Преобладает пессимизм (3-4 бала)
	Диагностика доброжелательности (по шкале Кэмпбелла).	6 и более баллов.	От 3 до 5 баллов.	2 и менее баллов.
	Экспресс-диагностика эмпатии (модификация И.М. Юсупова)	От 82 до 90 баллов.	От 63 до 81 балла.	11 и менее баллов.
	<i>Развитая мотивация достижения успеха</i>	Методика «Диагностика мотивации к достижению успеха». (Т. Элерс) или:	От 17 до 20 баллов	От 11 до 16 баллов.
Диагностика мотивации успеха и боязни неудач. (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.)		От 14 до 20 баллов.	От 8 до 13 баллов.	От 1 до 7 баллов.

Было опрошено более 400 несовершеннолетних по методикам, выявляющим сформированность каждого конкретного компонента в структуре резильентности. Оказалось, что в экспериментальной группе 15% респондентов имеют высокий уровень – несовершеннолетние с таким уровнем убеждены в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для их личности; получают удовольствие от собственной деятельности; удовлетворены своими достижениями в работе, взаимоотношениями с окружающими; проявляют уверенность и ответственность в достижении результата, а также готовность действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности обедняющим жизнь личности; социальная компетентность соответствует возрасту; адаптированы, принимают себя и других, испытывают эмоциональный комфорт, внутренний или внешний контроль, доминируют в социуме; проявляют себя как сильный, уравновешенный, подвижный тип личности; стремятся завершить начатое дело, хорошо владеют собой в различных ситуациях; отвечают за свои действия и поступки, уверены в своей ценности, принимают право жить и быть счастливым, испытывают чувство комфорта и радости как неотъемлемого права, способны оптимистично оценивать причины событий, доброжелательны в отношении к другим; имеют сильную мотивацию к достижению успеха в деятельности, готовы к риску. В контрольной группе таких испытуемых оказалось 13,3%. Средний уровень резильентности выявлен у 71,7% несовершеннолетних в экспериментальной группе и 73,4% в контрольной. Низкий уровень развития резильентности диагностирован у 13,3% респондентов как в экспериментальной, так и в контрольной группах.

Полученные результаты дали нам основание утверждать, что существующие модели профилактики зависимого поведения у несовершеннолетних направлены на изменение внешних факторов и условий, не всегда гарантирующих эффективность проводимой работы с зависимыми.

Следующим шагом нашей работы была реализация инвариантной модели профилактики зависимого поведения на основе развития резильентности, опирающаяся на внутренние ресурсы личности, описанная нами выше.

Разработанная модель позволила составить программу, включающую комплекс профилактических мероприятий, реализуемых в ключевых направлениях:

- социально-психологическом, целью которого выступало формирование у несовершеннолетних

личностных ресурсов, помогающих сопротивляться стрессовым, фрустрирующим обстоятельствам;

- социально-педагогическом, предполагающем развитие социально-педагогических и культурных условий проявления резильентности;

- социально-медицинском, формирующим стремления человека к сохранению достигнутого уровня жизни и деятельности, гармонизация внутреннего психического развития и внешних условий жизнедеятельности;

- социально-правовом, позволяющим сформировать правовую ответственность.

Ключевой блок программных мероприятий реализовывался в форме групповых занятий с несовершеннолетними: тренингов и квестов.

После реализации мероприятий, в рамках разработанной авторами модели, была осуществлена повторная диагностика уровней развития резильентности. Оказалось, что несовершеннолетних с высоким уровнем – 31,7% в экспериментальной группе и 16,7% – в контрольной. Респондентов со средним уровнем – 66,7% и 70% соответственно. С низким уровнем – 1,6% в экспериментальной группе и 13,4% в контрольной. Как видим, в контрольной группе лиц не изменился процентный показатель низкого уровня развития резильентности, в экспериментальной группе, напротив, количество испытуемых с неразвитой резильентностью сократилось на 11,7%. Примененный нами Критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера (критерий Фишера) позволил доказать эффективность реализованной модели. Испытуемые с высоким и средним уровнем развития резильентности были отнесены в группу «есть эффект». Респонденты с низким уровнем – в группу «нет эффекта». Получив результат $\phi^*_{эмп} = 2.656$, можно констатировать, что значение ϕ^* находится в зоне значимости. H_0 отвергается: доля лиц, у которых проявляется исследуемый эффект, в выборке 1 не больше, чем в выборке 2.

Подводя итог, можно констатировать, что на фоне появления все новых аддикций, проблема профилактики зависимого поведения остается острой и весьма актуальной. Существующие модели нуждаются в поиске новых ресурсов, в том числе, внутренних, личностных. Описанная и предложенная авторами статьи инвариантная модель, опирается на врожденное динамическое свойство личности, способность преодолевать неблагоприятные жизненные обстоятельства с возможностью восстанавливаться и развиваться, то есть на феномен резильентности.

Литература

1. Richardson G.E. The metatheory of resilience and resiliency // *Journal of Clinical Psychology*. 2002. № 58 (3). P. 307 – 321.
2. Richardson G.E., Neiger B., Jensen S., Kumpfer K. The resiliency model. *Health Education*, 21, 1990. P. 33 – 39.
3. Быстрова Н.В., Дереча И.И., Мамонтова Т.С., Панфилова О.В. Содержание этапов развития резильентности у зависимых подростков // IX Всероссийская научно-практическая конференция «Российская наука: актуальные исследования и разработки» (15 октября 2020 г.) Самара: Изд-во СГЭУ, 2020. С. 185 – 191.
4. Камалова А.М. Эмоциональный компонент социального интеллекта студентов, склонных к алкогольной и наркотической зависимостям // *Современные проблемы науки и образования*, 2014, № 3. С. 656 – 662.
5. Габер И.В., Герьянская Н.О., Радченко М.П. Психофизиологические, социально-психологические и организационно-педагогические аспекты сохранения и развития репродуктивного здоровья школьников: учебно-методическое пособие / под общ. ред. И.В. Габер. Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2010. 64 с.
6. Селиванова О.А., Быстрова Н.В., Дереча И.И., Мамонтова Т.С., Панфилова О.В. Теоретический обзор исследований по проблеме резильентности в научной литературе // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020. Т. 8. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf>
7. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Теоретические, методологические и практические основы альтернативной употреблению наркотиков активности несовершеннолетних и молодежи. М.: ПБОЮЛ «Гайнуллин», 2003, 248 с.
8. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Эффективные программы профилактики зависимости от наркотиков и других форм зависимого поведения, ООО Центр полиграфических услуг «Радуга», 2004 г., 192 с.
9. Харитоновна М.К., Пережогин Л.О., Лесогоров А.Ю. Интерактивные формы профилактической и консультативной антинаркотической работы в СМИ и Интернет-сети. М.: Моск. гор. Фонд поддержки шк. книгоиздания, 2004. 132 с.
10. Юсупов В.В., Корзунин В.А. Психологическая диагностика зависимого поведения. СПб.: Речь, 2007. 128 с.

References

1. Richardson G.E. The metatheory of resilience and resiliency. *Journal of Clinical Psychology*. 2002. № 58 (3). P. 307 – 321.
2. Richardson G.E., Neiger B., Jensen S., Kumpfer K. The resiliency model. *Health Education*, 21, 1990. P. 33 – 39.
3. Bystrova N.V., Derecha I.I., Mamontova T.S., Panfilova O.V. Soderzhanie etapov razvitiya rezil'entnosti u zavisimyh podrostkov. IX Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Rossijskaya nauka: aktual'nye issledovaniya i razrabotki» (15 oktyabrya 2020 g.) Samara: Izd-vo SGEU, 2020. S. 185 – 191.
4. Kamalova A.M. Emocional'nyj komponent social'nogo intellekta studentov, sklonnyh k al-kogol'noj i narkoticheskoy zavisimostyam. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2014, № 3. S. 656 – 662.
5. Gaber I.V., Ger'yanskaya N.O., Radchenko M.P. Psihofiziologicheskie, social'no-psihologicheskie i organizacionno-pedagogicheskie aspekty sohraneniya i razvitiya reproduktivnogo zdorov'ya shkol'nikov: uchebno-metodicheskoe posobie. pod obshch. red. I.V. Gaber. Novosibirsk: Izd-vo NIPKiPRO, 2010. 64 s.
6. Selivanova O.A., Bystrova N.V., Derecha I.I., Mamontova T.S., Panfilova O.V. Teoreticheskij obzor issledovanij po probleme rezil'entnosti v nauchnoj literature. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya*. 2020. T. 8. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/04PSMN320.pdf>
7. Sirota N.A., YAltonskij V.M. Teoreticheskie, metodologicheskie i prakticheskie osnovy al'ternativnoj upotrebleniyu narkotikov aktivnosti nesovershennoletnih i molodyozhi. M.: PBOYUL «Gajnullin», 2003, 248 s.
8. Sirota N.A., YAltonskij V.M. Effektivnye programmy profilaktiki zavisimosti ot narkotikov i drugih form zavisimogo povedeniya, ООО Centr poligraficheskikh uslug «Raduga», 2004 g., 192 s.
9. Haritonova M.K., Perezhogin L.O., Lesogorov A.YU. Interaktivnye formy profilakticheskoy i konsul'tativnoj antinarkoticheskoy raboty v SMI i Internet-seti. M.: Mosk. gor. Fond podderzhki shk. knigoizdaniya, 2004. 132 s.
10. Yusupov V.V., Korzunin V.A. Psihologicheskaya diagnostika zavisimogo povedeniya. SPb.: Rech', 2007. 128 s.

**INVARIANT MODEL OF PREVENTION OF DEPENDENT BEHAVIOR
OF MINORS BASED ON THE DEVELOPMENT OF RESILIENCE**

*Selivanova O.A., Doctor of Pedagogic Sciences (Advanced Doctor),
University of Tyumen,
Bystrova N.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Derecha I.I., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Mamontova T.S., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Panfilova O.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov
(branch) of University of Tyumen*

Abstract: authors of the article analyze domestic and foreign models of addictive behavior prevention: moral principles, bullying, factual knowledge, affective learning, health improvement, alternative activity model, life skills training model, motivation model, social support model, coping behavior model, "Logical levels" model and others. The authors presented their own invariant model based on the development of resilience, by which the authors understand an innate dynamic property of personality, expressed in the ability to overcome adverse life circumstances with the ability to recover and develop, using internal and external resources. The purpose of the empirical research, the results of which are presented in this article, has been to test the developed model, determine the level of resiliency development in juveniles before and after the implementation of the invariant model and determine its effectiveness. The researchers presented their own levels of resilience development, defined the criteria and indicators of these levels, among which are involvement, control, risk taking, developed social skills, adaptability, temperament, will, etc. The article contains general results of the study, methods of mathematical statistics (Criterion φ^* - Fisher's angular transformation) that confirmed the effectiveness of the implemented model, as well as the effectiveness of the prevention work done in general.

Keywords: prevention, prevention model, invariant prevention model, resilience, addictive behavior, minors

ОБРАЗ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ МЕДИЦИНЫ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

*Нескрябина О.Ф., доктор философских наук, профессор,
Сибирский федеральный университет*

Аннотация: в статье предпринята попытка выявить некоторые проблемные области дискурса о смысле концепта «философия медицины». Актуальной темой статьи делает необходимость совершенствовать процесс последипломного образования врачей, частью которого является дисциплина «История и философия науки». Преподавание дисциплины «История и философия науки» нуждается в том, чтобы учитывать и, по-возможности, корректировать сложившиеся когнитивные установки в отношении философии. К числу таких установок относятся: определение предмета философии, отношение концептов «философия» и «медицина», понятие о методологической функции философии.

Вмешательство в систему ментальных predispositions должно основываться на экспликации их генеза и причин устойчивости. В данном тексте сделан акцент на двух факторах: особенностях философского методологического дискурса (1); и присутствии философских понятий в популярных образовательных ресурсах медийной среды (2). К важным в рассматриваемом аспекте особенностям философского дискурса относится многообразие предлагаемых к рассмотрению методологических подходов и, в тоже время, представление методологии в трактовке, которая сложилась в системе диалектического материализма. Для медийного образа философии характерна простота и привычность объяснения смысла философских понятий, что может порождать иллюзию понятности и понятости.

В статье утверждается, что для гармонизации концептов «философия» и «философия медицины» продуктивно ассоциировать философию не столько с уровнем универсальных законов о природе обществе и мышлении, сколько с особенностями философского дискурса. Автор предлагает избегать суждений о методологической функции философии, которые могут вызвать у обучающихся эффект неоправданных ожиданий. В изучении работ клиницистов, пишущих о философских проблемах медицины, следует делать акцент на различии общезначимого и индивидуально значимого опыта интерпретации методологического потенциала философии.

Ключевые слова: когнитивная установка, философия, философия медицины, методология, дискурс

Опыт преподавания курса «История и философия науки» в системе постдипломного образования показывает, что слушатели в большинстве своем имеют стойкие представления о том, что такое философия и как решается вопрос о связи понятий «философия» и «медицина». Данные представления выполняют роль когнитивных установок, которые влияют на процесс усвоения философских знаний.

В задачу статьи не входит концептуальное решение понятийного комплекса "философия медицины". Для хоть сколько-нибудь значительной реализации подобного проекта необходимо выстраивать иерархию уровней методологии: философской общенаучной, методологию специальной теории применительно к теоретической медицине. Необходимо также представить в системном виде онтологический, эпистемологический и аксиологический подходы. Попытки решения такого рода комплексной задачи имеются в современной литературе [3]. В них авторы конструируют идеальные модели философии медицины. В данной статье автор преследует иную цель: выявить реальный образ философии, от которого во-многом зависит, как будет воспринята концепция философии медицины, представленная в курсе "История и философия науки".

Наше утверждение состоит в том, что трудности восприятия некоторых важных положений

курса связаны с тем, что у слушателей имеются в отношении этих положений некие predispositions, или когнитивные установки. Как известно из теории обучения, адекватно и прочно усваиваются те идеи, которые не расходятся с ожиданиями, а более или менее консонируют с имеющимися predispositions. Эти когнитивные установки гетерономны по своим свойствам. Они могут быть осознанными и неосознанными, внутренне согласованными и противоречивыми, когнитивно сложными и простыми. Многие из этих ментальных образований имеют свойства стереотипов.

Часть таких стереотипных суждений связана с современным состоянием философского дискурса, другая – с присутствием философских понятий в образовательном (в том числе медийном) пространстве.

В учебной литературе широкое хождение имеют положения, которые не подкреплены убедительными аргументами, но имеют силу ментальных традиций. В популярных образовательных интернет источниках распространены формулировки, определяющие философию как науку о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления... » [5, 14]. Вместо слова «наука» часто употребляется сочетание «система знаний», что не меняет сути высказывания.

Можно предположить, что в презентациях, предлагаемых поисковиком по запросу «философия», определение философии как науки, связано

с тем, что оно (определение) предваряет изложение такой версии философии, которая, по убеждению создателя этой версии, обладает всеми необходимыми признаками научной объективности. Другими словами в этих случаях подразумевается, что не всякая философия – наука, однако, эти подраствования остаются за пределами восприятия пользователей данных ресурсов. В самом деле, далеко не о всякой философии можно сказать, что она представляет систему знаний. Возникает сложность с определением статуса таких мировоззрений, как религиозная философия, скептицизм, иррационализм, интуитивизм, и пр.

Подход к философии как к науке с определенным предметом изучения, встречает возражения современных философов. Однако эти возражения, по ряду причин, не получают того отклика, которого они, на наш взгляд, заслуживают. Каковы эти причины?

Во-первых, формулировка «философия – наука» более проста, чем сложные разъяснения сути философского мышления и, во-вторых, она обычна. Вся школьная программа заставляет привыкнуть, что предмет, который подлежит изучению, определяется как наука о чем-то; в – третьих, сказывается сила инерции, поскольку в диалектическом материализме философия определялась именно так. Следует отметить, что философия диалектического материализма имеет серьезные заслуги в области разработки критериев научности, принципов объективного познания и его категориального аппарата. И когда диалектицизм позиционировал себя в качестве единственно верной философии, само собой разумелось, что философская методология существует в единственном числе. В настоящее время философская методология в рамках научной парадигмы представлена несколькими версиями. Называют: "критический реализм", "диалектическую позицию", "постпозитивизм", "плюрализм как метапарадигма" и др. [6]. В этой ситуации апелляция к общим понятиям: "предмет философии", "философская методология", "философские основания науки" – может создавать ментальную путаницу. В данном случае не важно, насколько реально работающими оказываются эти подходы, само их многообразие проблематизирует методологическую ценность философских понятий.

Не нужно думать, что определение философии как науки о наиболее общих законах, во всех отношениях ошибочно. Оно может быть признано релевантным относительно некоторого множества познавательных ситуаций, но искажает смысл основных философских понятий, если такому пониманию философии придается универсальный, не зависящий от контекста смысл.

Можно сказать, что философия есть мышление об универсалиях, но не только о них. Кроме того, само понятие об общих законах может быть проблематизировано. Так в учебном пособии «История и философия медицины. Научные революции в медицине XVII-XXI вв.» философия определяется как «особый способ познания мира» и анализируется ее роль в создании новых мировоззренческих идей [12, с. 63]. Рассмотренные в этом ракурсе философские и научные идеи видятся как вообще неразличимые. Получается, что с одной стороны, общие математические, физические, биологические идеи тождественны философским, а с другой стороны, статусом философских категорий могут обладать отнюдь не только предельно общие понятия. На наш взгляд, эта ситуация адекватна реальному статусу философских идей: они как таковые определены не уровнем общности, а свойствами мыслительного процесса их порождающими.

Сказанное о причинах широкого бытования традиционных представлений о философии следует дополнить обсуждением их следствий. При трактовке философии как учения о наиболее общих законах, возникают сложности с определением эпистемологического статуса «философии медицины», «философии техники» и пр. Если считать, что философия есть учение об общих законах, то содержание философии медицины должны составлять суждения, получаемые посредством дедуктивного выведения медико-биологических следствий из утверждений предельно высоких уровней абстракции. Подобная логика ограничивает эвристические возможности философии, поскольку суждения о специфических особенностях объектов, в данном случае, объектов медико-биологического знания, не выводимы из утверждений об общих свойствах универсума.

В списках философских понятий, приводимых в разных литературных источниках, обычно присутствуют этические категории. Однако далеко не всякая этика выводит категории морали из универсальных онтологических утверждений. Не вызывает сомнений, что биоэтические концепции являются частью современной философии медицины [11, 15, 17]. Однако проблемы биоэтики не решаются методом выведения из неких общих онтологических законов или аксиологических принципов. То же самое можно сказать о положениях доказательной медицины. Они опираются на общеметодологический базис, но решаются посредством выявления теоретической и методической специфики медицинского познания [2, 4, 8].

Приведенные доводы сами по себе вполне азбучны, однако, в силу некоторых обстоятельств,

они находятся на периферии методологической и дидактической рефлексии.

Далее. Дефинирование философии посредством ее подведения под категорию научного знания, ассоциирует ее с особой социальной практикой - с профессией и ее институтами. Данное представление мешает актуализации иного и, по мнению, многих философов, главного смысла философии. Он состоит в том, что каждая наука, имеющая теоретическую базу, включает философию как свою часть. Философское познание обладает спецификой, находясь «внутри» конкретных наук. Соответственно субъектом философского мышления являются профессионалы данной конкретной отрасли знания.

Понятие «философия» может быть определено посредством указания специфических свойств, отличающих философский дискурс. В литературе отмечаются следующие характеристики философского мышления: нетривиальность проблемы и глубина ее рассмотрения, критичность и рефлексивность, доказательность и красота мышления, аксиологичность [9, 13, 16]. По-видимому, близко по смыслу к такой трактовке определение, данное Ю.М. Хрустальевым: «Философия – особая форма (критическая) осмысления всех знаний о мире, обществе и человеке, целенаправленный поиск мудрости в человеческой жизнедеятельности...» [15, с. 216].

Данные характеристики или признаки философичности мышления присущи всем типам теоретического дискурса, что не исключает существования профессиональной философии. Стоит отметить, что в советские времена профессиональная философия приложила много усилий для доказательства специфики философского познания, и след этих воззрений, вероятно, еще присутствует в современном менталитете. Подчеркнем, что философия как особая духовная практика несет важную функцию поддержания стандарта культуры мышления, но, в силу дифференциации знания, она не может претендовать на обладание эвристическим потенциалом в сфере знания частно-научного.

Отношение концептов «философия» и «медицина» зависит от того, как представляется философия и как она трактуется. Однако эта зависимость, скорее всего, носит сложный характер. Отметим, что к реальной семантической сложности добавляется обманчивая простота объяснений, присутствующая на интернет площадках. На популярных образовательных интернет-ресурсах преобладают формулировки с разделительным смыслом: Например, такие: «Современная философия взаимодействует с медициной...»; «Медицина совместно с философией...» и т.п. На портале «Гармоничное развитие личности» материал

под рубрикой «Философия в медицине» начинается так: «Медицина и философия, как отдельные науки, нуждались во взаимосвязи, сформулированной еще Гиппократом...» [1]. Можно пренебрежительно относиться к подобным ресурсам, однако надо учитывать, что они: во-первых, отражают существующие в менталитете стереотипы, во-вторых, являются популярными источниками информации и для студентов, и для аспирантов.

В качестве примера, достойного служить источником для раскрытия темы «Философия медицины» приведем статью Л.Б. Лихтермана «Философия нейрохирургии» [7]. Автор пишет, что философия нейрохирургии определяется уровнем базисных знаний и одновременно способствует их осмыслению и применению на практике [7, с. 13]. По его мнению, философские подходы реализуются через клиническое мышление посредством овладения системой логических категорий. Л.Б. Лихтерман подчеркивает, что «продуктивность философии не в конкретных предписаниях, а в обеспечении нейрохирурга системным кругозором и интеллектуально-нравственным потенциалом для адекватных решений» [7, с. 20]. В статье содержатся и вполне конкретные указания, как применять философские понятия.

Однако подобные артикуляции, на наш взгляд, свидетельствуют об индивидуальном видении философского мышления. Они бесспорно важны как индивидуальный опыт, а их интересосубъектный (и тоже важный) смысл – в том, что подобные интерпретации есть закономерное проявление творческого клинического мышления. Таким образом, философская рефлексия включает суждения двоякого рода: это, во-первых, обобщения коллективного опыта в виде логики познания и стандартов научности и, во-вторых, экспликации интеллектуальной интуиции профессионала. Результаты последней важны для мотивации творчества, они имеют методологический потенциал, значимый в пределах авторской индивидуальности, но не обладают силой методологических предписаний.

Вопрос о смысле понятия «методология» заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь отметим, что, по нашему мнению, в учебной литературе имеет место излишне императивный тон, когда речь идет о методологической функции философии. В учебном пособии В.П. Михайлова говорится, что владение философскими знаниями «дает правильный диалектико-материалистический подход к пониманию закономерностей общей патологии и верную ориентировку в бесчисленных частностях патологии человека» [10, с. 13]. Данный тезис трудно обосновать и логической, и исторической аргументацией.

На наш взгляд, подобные категоричные утверждения о роли философской методологии предъявляют к ней завышенные требования, что может навредить ее образу, особенно, если учитывать трудности взаимопонимания между преподавателями философских дисциплин и клиницистами. Речь идет о различии рационального и эмпирического когнитивных стилей (в данном случае клинического) мышления. Последствия разномыслия не стоит драматизировать, но с ними нужно считаться. Это значит, что следует избегать неверифицируемых суждений и более строго придерживаться исторических фактов. А они свидетельствуют о том, что выведение научно-научных утверждений из философских посылок способно приводить к ошибочным выводам.

Заключение

В заключение скажем, что для совершенствования преподавания дисциплины «История и философия науки» следует артикулировать и, по возможности, корректировать сложившиеся к началу обучения когнитивные установки и стереотипы в отношении сущности философии и ее методологических возможностей. Необходимо учитывать различие «рационального (теоретического)» и «эмпирического» когнитивных стилей, а также избегать категоричных суждений о методологической функции философии, помня о том, что в силу высокой степени общности, философская мысль содержит широкий спектр возможностей ее наполнения индивидуальными смыслами.

Литература

1. Гармоничное развитие личности [Электронный ресурс]. URL: <http://mystroimmir.ru> (дата обращения: 28.06.2021)
2. Гринхалх Т. Основы доказательной медицины. 2-е изд. М.: «ГЭОТАР-Медиа», 2006. 240 с.
3. Карпин В.А., Еськов В.В., Журавлева О.А. Философские аспекты современной теоретической медицины. Классификация проблем // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2016. № 4. С. 53 – 64.
4. Котельников Г.П., Шпигель А.С. Доказательная медицина. Научно-обоснованная медицинская практика: монография. Самара: СамГМУ, 2000. 114 с.
5. Левин В.И. Философия, логика и методология науки. Толковый словарь понятий. 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://terme.ru/slovari/filosofija-logika-i-metodologija-nauki-tolkovyi-slovar-poniatii-2010-g.html>
6. Летов О. Некоторые проблемы современной методологии науки (обзор) // Философия науки и техники. 2020. Т. 25. № 1. С. 46 – 51.
7. Лихтерман Л.Б. Философия нейрохирургии // Нейрохирургия. 2014. № 1. С. 11 – 21.

8. Максимов А.Г., Максимова Т.Г., Максимов Г.К. Доказательная медицина и здравоохранение. СПб: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. 159 с.

9. Минеев В.В. Введение в историю и философию науки: учебник для вузов. Красноярск: Краснояр. Гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2008. 440 с.

10. Михайлов В.П. и др. Общая патология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 224 с.

11. Седова Н.Н. Курс лекций "Философия медицины": учебник для аспирантов и соискателей ученых степеней по медицинским специальностям. 2-е издание, исправленное и дополненное. Волгоград: Волгоградский государственный медицинский университет, 2012. 136 с.

12. Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н. История и философия медицины. Научные революции в медицине XVII-XXI вв. М: Изд-во "Академический проект", 2020. 375 с.

13. Философия науки / под ред. С.А. Лебедева: учебное пособие для вузов. 4-е, изд. перер. и доп. М.: Академический проект, 2006. 736 с.

14. Философия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Философия> (дата обращения: 27.06.2021)

15. Хрусталева Ю.М. Введение в биомедицинскую этику: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 224 с.

16. Черникова И.В. Философия и история науки: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 388 с.

17. Шок Н.П., Щеглов А.П., Соложенкин Б.С. Философский дискурс биоэтики // Философия науки. 2018. № 4 (79). С. 166 – 180.

References

1. Garmonichnoe razvitie lichnosti [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mystroimmir.ru> (data obrashcheniya: 28.06.2021)
2. Grinhal'h T. Osnovy dokazatel'noj mediciny. 2-e izd. M.: «GEOTAR-Media», 2006. 240 s.
3. Karpin V.A., Es'kov V.V., Zhuravleva O.A. Filosofskie aspekty sovremennoj teoreticheskoy mediciny. Klassifikaciya problem. Slozhnost'. Razum. Postneklassika. 2016. № 4. S. 53 – 64.
4. Kotel'nikov G.P., SHpigel' A.S. Dokazatel'naya medicina. Nauchno-obosnovannaya medicinskaya praktika: monografiya. Samara: SamGMU, 2000. 114 s.
5. Levin V.I. Filosofiya, logika i metodologiya nauki. Tolkovyy slovar' ponyatij. 2010 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://terme.ru/slovari/filosofija-logika-i-metodologija-nauki-tolkovyi-slovar-poniatii-2010-g.html>

6. Letov O. Nekotorye problemy sovremennoj metodologii nauki (obzor). *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2020. T. 25. № 1. S. 46 – 51.

7. Lihтерman L.B. *Filosofiya nejrohirurgii. Nejrohirurgiya*. 2014. № 1. S. 11 – 21.

8. Maksimov A.G., Maksimova T.G., Maksimov G.K. *Dokazatel'naya medicina i zdravooхранenie*. SPb: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta ekonomiki i finansov, 2001. 159 s.

9. Mineev V.V. *Vvedenie v istoriyu i filosofiyu nauki: uchebник dlya vuzov*. Krasnoyarsk: Krasnoyar. Gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva, 2008. 440 s.

10. Mihajlov V.P. i dr. *Obshchaya patologiya*. Rostov-na-Donu: Feniks, 2007. 224 s.

11. Sedova N.N. *Kurs lekcij "Filosofiya mediciny": uchebник dlya aspirantov i soiskatelej uchenyh stepenej po medicinskim special'nostyam*. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennyj medicinskij universitet, 2012. 136 s.

12. Stepin V.S., Stochik A.M., Zatravkin S.N. *Istoriya i filosofiya mediciny. Nauchnye revolyucii v medicine XVII-XXI vv.* M: Izd-vo "Akademicheskij proekt", 2020. 375 s.

13. *Filosofiya nauki*. pod red. S.A. Lebedeva: uchebnoe posobie dlya vuzov. 4-e, izd. perer. i dop. M.: Akademicheskij proekt, 2006. 736 s.

14. *Filosofiya* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ru.m.wikipedia.org/wiki/Filosofiya> (data obrashcheniya: 27.06.2021)

15. Hrustalev YU.M. *Vvedenie v biomedicinskuyu etiku: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij*. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2010. 224 s.

16. CHernikova I.V. *Filosofiya i istoriya nauki: ucheb.posobie*. 2-e izd., ispr. i dop. Tomsk: Izd-vo NTL, 2011. 388 s.

17. SHok N.P., SHCHeglov A.P., Solozhenkin B.S. *Filosofskij diskurs bioetiki. Filosofiya nauki*. 2018. № 4 (79). S. 166 – 180.

THE IMAGE OF PHILOSOPHY IN THE MEDICINE PHILOSOPHY CONTEXT: EDUCATIONAL ASPECTS

*Neskryabina O.F., Doctor of Philosophical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Siberian Federal University*

Abstract: the article attempts to identify some problematic areas of the discourse on the meaning of the concept "philosophy of medicine". The urgent topic of the article is the need to improve the process of doctors postgraduate education, part of which is the discipline "History and Philosophy of Science".

Teaching the discipline "History and Philosophy of Science" needs to take into account and, if possible, correct the existing cognitive attitudes towards philosophy. Such attitudes include: the definition the subject of philosophy, the relation "philosophy" and "medicine" concepts, the methodological function of philosophy.

Intervention in the system of mental predispositions should be based on the explication of their genesis and the causes of stability. This text focuses on two factors: the features of philosophical methodological discourse (1); and the presence of philosophical concepts in popular educational resources of the media environment (2). The important features of philosophical discourse in this aspect include the variety of methodological approaches proposed for consideration and, at the same time, the presentation of methodology in the interpretation that has developed in the system of dialectical materialism. The media image of philosophy is characterized by the simplicity and familiarity of explaining the philosophical concepts meaning, which can give rise to the illusion of clarity and comprehension.

The article argues that in order to harmonize the concepts of "philosophy" and "philosophy of medicine", it is productive to associate philosophy not so much with the level of universal laws about nature, society and thinking, as with the peculiarities of philosophical discourse.

The author suggests avoiding judgments about the methodological function of philosophy, which can cause the effect of unjustified expectations in studying.

In analysis the works of clinicians writing about the philosophical problems of medicine, one should focus on the difference between the generally significant and individually significant experience of interpreting the methodological potential of philosophy.

Keywords: cognitive attitude, philosophy, philosophy of medicine, methodology, discourse

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

*Богданова А.Р., ассистент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация: современный рост экономических отношений, бурное развитие межгосударственного взаимодействия, как в экономической, так и в социальной, технологической, технической, образовательной, культурной, гуманитарной и других сферах требуют подготовки большего числа квалифицированных специалистов. Право, экономика, культура, национальные, а также общепринятые языки международного общения находятся во все более тесной связи. Что отражается в спросе на рынке вакансий не только в переводчиках, а в узкоспециализированных переводчиках и специалистах со знанием иностранного языка. Объективным фактом остается бурное развитие многосторонних отношений взаимовыгодного партнерства между странами, что также связано со стремлением к сохранению отношений добрососедства и к упорядочению межгосударственных отношений, пронизывающих все больше и больше отраслей человеческой деятельности. Научная сфера человеческой деятельности также все больше носит межотраслевой, межпредметный характер. Как право является совокупностью норм и отражением общественного мышления, в том числе обусловленного вхождением в международное экономическое пространство, вследствие этого обладает большим количеством унифицированных норм. Так, национальные языки в связи с влиянием и принятием общепринятых международных норм, заключением международных договоров вынуждены адаптировать национальные терминологические системы.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, право Китая, национальное правосознание, международное право, правовая терминология

Право, а соответственно и правовая терминология Китая представляют собой перспективное поле исследования. Будь то на Западе или на Востоке, идея права неотделима от концепций правосудия и общественного порядка. Право есть явление общественное и определяется характером наказания, применяемого в случае отклонения от нормы, что и обуславливает появление нормативно-правовых предписаний. Различия в правовых системах присутствуют в содержании и форме выражения. Они объясняются причинами исторического и социального характера, а разница в выражении определяются особенностями социокультуры (цивилизации), в частности языка [3]. Как известно, одна из базовых аксиом классической философии права – разделение права на естественное и позитивное. В Китае придерживаются традиционалистской социорегулятивной системы, опирающейся на конфуцианско-даоские ценности и нормы, носящей, преимущественно естественно-правовой характер [2].

«Дао (путь) и чистый Разум мироздания (что напоминает гегелевский Абсолютный дух), – подчеркивает видный китайский юрист (профессор Центрального китайского института права и политических наук (г. Ухань), Сяопин ЛИ, – это те понятия, которые используют конфуцианцы для обозначения принципа порядка, конечного источника социальных норм и наконец высшей человеческой ценности, представляют собой разновидность естественного права» [5].

Изучение китайского права в мире переходит на новый уровень. В западных китаеведческих центрах подготовка специалистов по Китаю обязательно включает изучение его законодательства. И только у нас китайское право практически не преподается китаистам [4]. Но тем не менее, среди современных мировых центров изучения китайского права появляются центры и в России. В том числе открываются новые направления подготовки специалистов. Так, в Санкт-Петербургском государственном университете наряду с программой бакалавриата экономики с углубленным изучением экономики Китая и китайского языка есть программа подготовки бакалавров с углубленным изучением китайского языка и права Китая. Во многих университетах в России разрабатываются и открываются новые учебные курсы, программы дополнительного образования, программы переподготовки, такие как «Переводчик в профессиональной сфере коммуникации», в учебных планах данных программ представлены новые, межпредметные, представляющие собой практико-ориентированные дисциплины, нацеленные на подготовку узких и востребованных специалистов.

Учитывая сложность и трудность восприятия юридической лексики, необходимо более тщательное исследование особенностей выбора тех или иных терминов, критерии их отбора, анализа их контекстного употребления, частотности использования, исходя из разного представления исторически сложившего понимания права и право-

вых явлений в Азии и Европе, их различий, анализа правовых семей, различного культурного опыта, исторической памяти, особенностей делового общения, обычаев и общепринятых моральных норм.

Можно заметить, что вся мировая тенденция глобализации, охватывающая все сферы человеческой жизни, в культуре приводит к ассимиляции и интеграции, росту межэтнических браков; в экономике к увеличению объёмов обмена товаров и услуг; в языке – к полилингвизму, мультилингвизму; в образовании – к межотраслевому характеру специальностей, росту совместных международных учебных программ, академическому обмену.

Правильный и точный юридический перевод с китайского языка – ключевой фактор в толковании документов; его цель – сделать национальные правовые системы более связанными с правовыми документами на китайском языке.

Юридический перевод достаточно сложен, поскольку представляет собой узкоспециализированную область, требующую междисциплинарный подход, знание специфики юридической науки, международного и сравнительного права, а также особенности юридического языка. Перевод осложняется и самой сложностью китайского языка. Переводчики все чаще воспринимаются в качестве опытных межкультурных коммуникаторов. Задача переводчиков юридических текстов с китайского языка – предупреждение и предотвращение недопонимания и путаницы, ведь они могут привести к серьезным правовым последствиям.

И структура, и содержание являются решающими факторами при переводе правовых документов. Одна из основных задач переводчика – определить эквивалентность между концепциями исходного права и терминологией целевого права, и действовать в ситуациях, когда эквивалентность не была обнаружена. Пытаясь добиться эквивалентности при переводе юридических терминов, нельзя обойтись без концептуального анализа конкретного термина. Юридические переводчики должны работать не только между двумя языками и двумя культурами, но и между правовыми системами, которые сильно различаются из-за сильного социокультурного и исторического влияния на них [1].

Межправительственное и наднациональное сотрудничество приписывает инструментальному переводу деликатную задачу точной и последовательной передачи общего правового значения по мере его возникновения и развития в результате взаимодействия процессов законотворчества, применения законов и вынесения судебных решений. Переводчики – это не просто зрители или ин-

форматоры в этих процессах; но и эксперты, ответственные за придание лингвистической формы аутентичным текстам, которые в конечном итоге становятся источниками права. Их профессиональная деятельность не ограничивается строго целевыми текстами. Перевод действительно может иметь положительное влияние о создании оригиналов и продукте перевода также может помочь решить проблемы неоднозначности, влияющие на многоязычный инструмент.

Гармонизация как универсального, так и регионального восприятия международно-правовых концепций – одна из основных функций юридических переводчиков. Предупреждение конфликтов, вызванных разнообразием языковых, культурных и правовых характеристик государств, языки которых определены как официальные в рамках многоязычного правового документа. Эти соглашения охватывают сотни страниц текста договоров. Поэтому неудивительно, что аутентичные тексты иногда расходятся. Хотя это может вызвать некоторую путаницу в отношении того, какой должна быть правильная интерпретация в каждом случае, в этом отношении нет неразрешимой проблемы.

Юридический перевод – сложный процесс, лингвистическая компетентность так же важна, как и юридическая. В целом, юридические переводчики должны быть внимательны к влиянию обычного языка, использовать надежные справочные инструменты для юридического языка, улучшать свои юридические знания, повышать уровень владения целевым языком и исходным языком и помнить об особенностях юридического языка.

Таким образом, важно определить особенности перевода и семантики китайских и русских юридических терминов, проанализировать национально-правовой компонент их содержания. Выявить характерные черты и особенности юридических терминов в китайском и русском языках, соотношение юридических терминов и их переводов, подобрать эквиваленты.

Для этого необходимо провести анализ юридической литературы, научных журналов по вопросам права, учебников по теории государства и права, сравнительному правоведению и международному праву, международному частному праву; анализ узкоотраслевых, отраслевых, межотраслевых, переводных и толковых словарей; научных исследований по теме, международных договоров и нормативно правовых актов.

Разработанная по отраслям права классификация юридических терминов в китайском и русском языках, может быть широко применима как в юридической практике, так и при составлении учебных курсов и учебников при подготовке соответствующих специалистов.

Литература

1. Баловнева В.И. О требованиях, предъявляемых к переводчику в административном судопроизводстве // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 4. С. 204 – 207.
2. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006, С. 375.
3. Супатаев М.А. Право в условиях модернизации в Китае: цивилизационный контекст (Law in Conditions of Modernizations in China: Civilizational Context) [Электронный ресурс] URL: <http://igpran.ru/articles/2960/> (дата обращения: 11.11.2020)
4. Магазета [Электронный ресурс] URL: <https://magazeta.com/china-civil-code-russian/> (дата обращения: 11.11.2020)
5. Xiaoping LI. La civilization chinoise et son droit. P. 538 – 539.

References

1. Balovneva V.I. O trebovaniyah, pred'yavlyаемых k perevodchiku v administrativnom sudoproizvodstve. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2019. № 4. S. 204 – 207.
2. Bachinin V.A. Enciklopediya filosofii i sociologii prava. SPb., 2006, S. 375.
3. Supataev M.A. Pravo v usloviyah modernizacii v Kitae: civilizacionnyj kontekst (Law in Conditions of Modernizations in China: Civilizational Context) [Elektronnyj resurs] URL: <http://igpran.ru/articles/2960/> (data obrashcheniya: 11.11.2020)
4. Magazeta [Elektronnyj resurs] URL: <https://magazeta.com/china-civil-code-russian/> (data obrashcheniya: 11.11.2020)
5. Xiaoping LI. La civilization chinoise et son droit. P. 538 – 539.

**THE RELEVANCE OF STUDYING LEGAL TERMINOLOGY
IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES**

*Bogdanova A.R., Assistant Professor,
Kazan (Volga Region) Federal University*

Abstract: the modern growth of economic relations, the rapid development of interstate cooperation, both in the economic and in the social, technological, technical, educational, cultural, humanitarian and other spheres, require the training of a larger number of qualified specialists. Law, economics, culture, national, as well as generally accepted languages of international communication are in ever closer connection. This is reflected in the demand in the job market not only for translators, but for highly specialized translators and specialists with knowledge of a foreign language. An objective fact remains the rapid development of multilateral relations of mutually beneficial partnership between countries, which is also associated with the desire to preserve good-neighborly relations and to streamline interstate relations that permeate more and more branches of human activity. The scientific sphere of human activity is also increasingly interdisciplinary, interdisciplinary in nature. As a law is a set of norms and a reflection of social thinking, including due to the entry into the international economic space, as a result, it has a large number of unified norms. Thus, national languages due to the influence and acceptance of generally accepted international norms, the conclusion of international treaties are forced to adapt national terminological systems

Keywords: legal linguistics, Chinese law, national legal consciousness, international law, legal terminology

ПАРЕМИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ КОНЦЕПТА УДАЧИ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРАХ

*Петрова Е.В., преподаватель,
Военный университет Минобороны России*

Аннотация: данное исследование посвящено анализу паремиологических единиц – пословиц и поговорок, участвующих в формировании концепта удачи в русской и польской лингвокультурных общностях. Анализируемые коммуникативные единицы рассматриваются нами как ценности русского и польского языкового сознания.

За счет своего народного происхождения и этнокультурного семантического наполнения пословица ярко и убедительно демонстрирует восприятие тех или иных явлений действительности данным этносом.

В большинстве случаев паремии – произведения устного народного творчества, фольклора. В связи с этим в них отражены культурные ценности народа, зафиксирован этнокультурный смысл аксиологически важных сфер и аспектов жизни.

Ключевые слова: концепт, лингвокультура, народное творчество, культурные ценности

Понятие *удачи* имеет огромное значение для каждого человека, ведь оно может восприниматься человеком как судьбоносное, предопределяющее течение всей жизни. В круг этого понятия входят как везение, жизненные успехи, победы, выигрыши, достижения, так и неизбежные неудачи, невезение, проигрыши, упущения и невзгоды. В рамках настоящей статьи рассматриваются пословицы и поговорки русской и польской лингвокультур, в которых запечатлены национальные представления о многогранном концепте удачи. Названный концепт исследуется с точки зрения культурологии, аксиологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

С.М. Толстая выделяет особенности пословиц как коммуникативных единиц. «Особый интерес с коммуникативной точки зрения представляют пословицы как языковые единицы (языковые клише), как речевой фольклорный жанр. Имея по большей части языковую форму констатации или директив, пословицы при их актуализации в конкретных ситуациях получают вторичные функции «косвенных» речевых актов: похвалы, угрозы, осуждения, совета, предсказания, благопожелания, возражения и т.д.» [8, с. 144-145].

Коммуникативные ценности, заключает В.В. Дементьев, организуют мировосприятие человека. Аксиологические ориентации «заставляют людей – носителей языка и коммуникативной компетентности – сравнивать с собой мир и отдельные его части, и они, подобно другим когнитивным структурам (фрейм, миф), склоны к экспансии» [4, с. 26].

В предисловии «Напутное» к своему словарю «Пословицы русского народа: сборник В. Даля» ученый раскрывает суть пословицы, понимаемой как короткая притча. «<...> полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения; нередко, однако же, вторая часть опускается,

предоставляется сметливости слушателя, и тогда пословицу почти не отличишь от поговорки. <...>. Пословица, заключает В.И. Даль, не сочиняется, а вынуждается силою обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души; это целые изречения, сбитые в один ком, в одно междометье» [3, с. 18-19].

В.П. Аникин определяет пословицы как «устные краткие изречения на самые разные темы» [1, с. 3]. Подчеркивается, что в разговоре меткие народные изречения «способны выразительно и точно охарактеризовать что-либо без помощи утомительных и сложных пояснений» [1, с. 3]. Аникин обращает внимание на то, что существует достаточно много «сходных пословиц у русского народа другими славянскими народами <...>. Эта общность объясняется вековыми культурно-историческими связями, издавна существовавшими между славянами <...>» [1, с. 37].

На амбивалентность пословиц в связи с обсуждением их функций указывает Т.М. Николаева: «Люди выбирают пословицу в зависимости от своих ситуационных возможностей – а не в соответствии с их общим смыслом – а всякая ситуация может быть оценена по-разному» [6, с. 93].

Далее мы предлагаем обратиться к иллюстративному материалу. За точку отсчета принимаются паремии русского языка, соотносимые по смыслу с пословицами и поговорками польского языка. В соответствии с авторским замыслом, рассматриваются следующие семантические группы пословиц и поговорок: (1) паремии, отражающие восприятие чужих неудач; (2) паремии с семантикой переменчивости удачи; (3) паремии с семантикой тяжести бремени невзгод; (4) паремии с семантикой возможности человека влиять на свою судьбу; (5) паремии с семантикой предначертанности удачи/неудачи судьбой.

Пословицы и поговорки, отражающие восприятие чужих неудач

А. Первая подгруппа паремий исследуемой языковой пары эксплицирует идею о том, что чужие несчастья и промахи гораздо проще воспринимать человеку непричастному. Сторонние проблемы нередко воспринимаются как нечто банальное, лишённое глубины и драматизма. Разрешение проблем ближнего, согласно народной мудрости, представляется задачей необременительной, лежащей на поверхности. Ср.:

(1) «**Чужая беда – смех; своя беда – грех**». Смысл данной пословицы заключается в том, что человеку свойственно воспринимать свои неудачи, промахи, поражения и беды гораздо серьезнее, болезненнее, нежели чужие.

(2) «**Чужую беду руками разведу**». Общий смысл поговорки сводится к тому, что к чужой беде люди склонны относиться несерьёзно [3, с. 89].

Во фразеологическом фонде польского языка находим паремиологическую единицу, наделённую схожей семантикой. Ср.:

(3) „**Nie śmieję, dziadku z cudzego upadku!** – «Не смейся, дедушка, над чужим падением. Не радуйся, дедушка, чужому несчастью» (букв.) [10, с. 487]. Пословица говорит о том, что радоваться чужой беде, равно как и пользоваться чужим несчастьем аморально и низко. Беда может случиться с каждым, в том числе и с тем, кто над бедой потешается.

Б. Паремиологические единицы русского и польского языков второй подгруппы говорят о том, что несчастье ближнего едва ли способно сделать счастливым кого-либо другого. Ср.:

(1) «**На чужом несчастье счастья не построишь**». Популярная пословица выражает заложенный в ней смысл прозрачно и не содержит иносказательного подтекста.

В национальном пословичном строе польского языка полный эквивалент анализируемой паремии нам не встретился. Ср.:

(2) „**Sukces ma wielu ojców, a porażka jest sierotą!** – «У успеха много отцов, а поражение всегда сирота» [10, с. 488]. В приводимой пословице речь идет о том, что сопричастность чужому успеху всегда притягательна, чего нельзя сказать о неудаче.

Пословицы и поговорки

с семантикой переменчивости удачи

А. В первом разделе представлены пословицы, смысл которых сводится к цикличности и закономерности жизненных процессов. За периодом взлета следует спад и vice versa. Обратимся к иллюстративному материалу.

(1) «**Полоса белая, полоса черная!**». Поговорка содержит «ахроматические характеристики» сферы удачи/неудачи. Она означает, что период благоденствия и успеха может смениться неудачей.

(2) „**Fortuna <szczęście> kolem się toczy!** – «Фортуна (счастье) по кругу идет» [10, с. 797]. Иными словами, счастье переменчиво, непостоянно.

Б. Вторая подгруппа пословиц и поговорок акцентирует внимание на мимолетности счастья. Победы и поражения, взлеты и падения неизбежны. Более того, именно неудачи, промахи, невзгоды и проблемы позволяют прочувствовать глубину подлинного счастья и удачи. Ср.:

(1) «**Хорошенького понемножку**». Поговорка гласит, что нельзя ждать от жизни слишком многого и слишком многого желать.

(2) „**Dobrze było, ale mało, jeszcze więcej by się stało!** – «Хорошо было, но мало, еще чуть больше – было бы хорошо» [10, с. 104]. Пословица отражает извечное стремление человека к бесконечному торжеству *светлой полосы жизни*.

В. Вторая подгруппа паремий исследуемой языковой пары транслирует идеи переменчивости, непостоянства фортуны. Человеку, увы, везет не всегда. Сегодня человек удачлив, а завтра его постигнут невезение и разочарование. Подкрепим сказанное иллюстративно.

(1) «**Сегодня пан, а завтра пропал**» [7, с. 206]. Приводимая пословица говорит о капризах удачи.

(2) „**Bywa pod wozem, kto bywa na wozie. Raz podwozem, razna wozi!** – «Тот, кто бывает на телеге, бывает и под телегой» [7, с. 206].

(3) «**Не все коту масленица, будет и великий пост**» [11, с. 90]. Пословица гласит, что настраиваться исключительно на благоприятный исход того или иного дела неблагоразумно. Вероятность переменчивости удачи всегда высока.

(4) „**Zażyłeś dobrego, skosztuj złego!** – «Воспользовался хорошим, откушай и плохого» [Ibid.]. Народная мудрость на стороне того, кто внутренне готов к любому развитию событий.

Пословицы и поговорки с семантикой тяжести бремени невзгод

А. Приводимая ниже подгруппа паремий служит напоминанием о том, что невзгоды «любят пунктуальность» и никогда не приходят поодиночке. Ср.:

(1) «**Беды вереницами ходят**» / «**Беда беду накликает**» [7, с. 12], [11, с. 88].

(2) „**Bieda nigdy sama nie przychodzi!** / „**Bieda za biedą się wlecze!** – «Беда никогда одна не приходит» / «Беда за бедой волочится» [Ibid.].

(3) «**Пришла беда – отворяй ворота**». (7) „**Przyjechała nędza do Swarzędz**» – «Приехала нужда в город Сважэндзы» [9, s. 355].

Анализируемые пословицы говорят о том, что одно несчастье влечет за собой другое. Если человеку в чем-то не повезло, не повезло, это может стать началом и других неудач.

Пословицы и поговорки с семантикой возможности человека влиять на свою судьбу

А. В первой подгруппе содержатся паремиологические единицы, повествующие о волевом начале человека, бросающем вызов судьбе. Обратимся к иллюстративному материалу.

(1) «**На Бога надейся, а сам не плошай**». Успех, гласит пословица, есть плод усилий, трудолюбия, целеустремленности. Если же человек пассивен, то и Господь Бог помогать ему не станет. Одной веры для достижения чего-либо мало, – необходимо действовать.

(2) «**Терпи, казак, атаман будешь**» [3, с. 31]. Данная поговорка объясняет, что человек должен перетерпеть неблагоприятный период в жизни, полосу неудач и за свое терпение перед лицом суровых испытаний судьбы он будет вознагражден успехом, победой: *удача его найдет*.

(3) «**Каждый сам кузнец (строитель) своего счастья**» [5, с. 244]. Приводимая пословица говорит о том, что судьба человека в его руках.

Эквивалентных соответствий в польском языке нам найти не удалось.

Пословицы с семантикой предначертанности удачи/неудачи судьбой

А. В рассматриваемой подгруппе паремиологических единиц основная идея сводится к тому, что жизненный путь человека, его судьба предопределены. Человек не в состоянии повлиять на ход событий своей жизни. Обратимся к примерам.

(1) «**Чему быть – того не миновать**». Человеку не дано предугадать, с какими проблемами доведется столкнуться в будущем. Пословица внушает мысль о том, что все в жизни зависит от судьбы, ее неумолимости, предначертанности. Конечный результат усилий может быть как положительным, так и отрицательным.

(2) „**Co ma być, to będzie**» – «Что должно быть, то и будет» / „**Co ma być twoje, będzie twoje**» – «Что должно быть твое, то будет твое» [10, 11].

Б. Во второй подгруппе пословиц и поговорок анализируемой языковой пары смысловой акцент сделан на том, что жизнь щедра на испытания и трудности. Ср.:

(1) «**Жизнь прожить – не поле перейти**» [5, с. 73]. Если рассматривать приводимую пословицу через призму категории удачи, то смысл ее может видеться в том, что в жизни много сложностей, а удача сопутствует человеку отнюдь не всегда.

(2) „**Życie to nie jest bajka**» – «Жизнь это не сказка» [10].

(3) „**Wypadki chodzą po ludziach**» – «Происшествия преследуют людей» [10, s. 488]. Смысл пословицы в том, что все может случиться, никто не знает, что ему предначертано судьбой. Эквивалентного соответствия во фразеологическом строе русского языка нам найти не удалось.

(4) «**Двум смертям не бывать, а одной не миновать**» [3, с. 44]. В анализируемом примере отчетливо присутствует фатализм. При этом у человека есть выбор – что-то предпринять, чтобы не слишком сильно испытывать судьбу. Однако избежать чего-либо неприятного ему все равно не удастся.

Этой русской пословице по общему смыслу в какой-то мере соответствует польская, приводимая ниже:

(5) «**Raz kozie śmierć**» – «Была не была» (букв. «один раз козе смерть») [2, Т. 1, с. 353].

(6) «**Кабы знать, где упасть, так соломки бы подстлал**» [3, с. 37]. В пословице речь идет о непредсказуемости неудачи. Польский аналог пословицы нам не встретился.

Подведем итоги. Несмотря на культурно-историческое родство славянских этносов, в русском и польском пословичных фондах выделяется ряд безэквивалентных паремиологических единиц. Обращает на себя внимание большая частотность пословиц и поговорок, описывающих негативный опыт. Паремии с семантикой удачи в исследуемой языковой паре встречаются значительно реже. По всей видимости, это связано с тем, что неудачи, беды и лишения оказывают более глубокое воздействие на психологический настрой человека, его мировосприятие. Счастливые моменты не требуют к себе столь пристального внимания – они просто и радостно переживаются человеком. На основании проведенного исследования делается вывод об особой культурологической и аксиологической значимости концептов удачи для обеих лингвокультур.

Литература

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
2. БПРС – Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь: в 2-х т. М. Варшава: Русский язык; Ведза Повшехна, 1980.
3. Даль В.И. Напутное // Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник В. Даля. М.: Гос. Изд-во худ. литературы, 1957. [XXVIII с.] 992 с. С. 4 – 31.
4. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013.

5. Жигулев А.М. Русские пословицы и поговорки. М.: Московский рабочий, 1965. 360 с.

6. Николаева Е.К. Крылатые слова как объект двуязычной фразеологии (о русско-польском словаре крылатых слов) // Слово в словаре и дискурсе. Сб. научн. ст. к 50-летию Харри Вальтера / Науч. ред. А. Бирих, Т.В. Володина. М.: Элпис, 2006. С. 746 – 749.

7. СПШ – Стыпула Р. Словарь пословиц и поговорок русско-польский и польско-русский. Варшава: Ведза повшехна, 1974. 560 с.

8. Толстая С.М. Речевые жанры в фольклоре // Речевые жанры современного общения: Тез. докл. межд конф. «Одиннадцатые Шмелевские чтения» (23-25 февраля 2015) / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; отв. ред. А.В. Занадворова. М., 2015. С. 143 – 145.

9. NKPW III – Nowa księga przysłów i wyrażeń. Zespół red. Pod kierunkiem J. Krzyżanowskiego. Warszawa: PIW, 1972.

10. NSS – Bogusławski A., Wawrzyńczyk J. Pol-szczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa. Warszawa, 1993. 488 s.

11. RPSP – Rosyjsko-polski słownik paremiolog-iczny / Instytut Rusycystyki, Uniwersytet Warszawski; Red. Naukowy Juryj Lukszyn, z-cared. Naukowego Wanda Zmarzer. Warszawa, 2001. 302 s.

12. URL: (<http://przyslowia-polskie.pl/przyslowia/s> (дата обращения: 03.07.21))

References

1. Anikin V.P. Russkie narodnye poslovice, pogovorki, zagadki i detskij fol'klor. M.: Uchpedgiz, 1957. 240 s.

2. BPRS – Gessen D., Stypula R. Bol'shoj pol'sko-russkij slovar': v 2-h t. M. Varshava: Russkij yazyk; Vedza Povshekhna, 1980.

3. Dal' V.I. Naputnoe. Dal' V.I. Poslovice russkogo naroda: sbornik V. Dal'ya. M.: Gos. Izd-vo hud. literatury, 1957. [XXVIII c.] 992 s. S. 4 – 31.

4. Dement'ev V.V. Kommunikativnye cennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike. M.: Global Kom, 2013.

5. Zhigulev A.M. Russkie poslovice i pogovorki. M.: Moskovskij rabochij, 1965. 360 s.

6. Nikolaeva E.K. Krylatye slova kak ob'ekt dvuyazychnoj frazeologii (o rusko-pol'skom slovare krylatyh slov). Slovo v slovare i diskurse. Sb. nauchn. st. k 50-letiyu Harri Val'tera. Nauch. red. A. Birih, T.V. Volodina. M.: Elpis, 2006. S. 746 – 749.

7. SPP – Stypula R. Slovar' poslovic i pogovorok rusko-pol'skij i pol'skorusskij. Varshava: Vedza povshekhna, 1974. 560 s.

8. Tolstaya S.M. Rechevye zhanry v fol'klоре. Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniya: Tez. dokl. mezhd konf. «Odinnadcatye SHmelevskie chteniya» (23-25 fevralya 2015). Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN; отв. ред. A.V. Znadvorova. M., 2015. S. 143 – 145.

9. NKPW III – Nowa księga przysłów i wyrażeń. Zespół red. Pod kierunkiem J. Krzyżanowskiego. Warszawa: PIW, 1972.

10. NSS – Bogusławski A., Wawrzyńczyk J. Pol-szczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa. Warszawa, 1993. 488 s.

11. RPSP – Rosyjsko-polski słownik paremiolog-iczny. Instytut Rusycystyki, Uniwersytet Warszawski; Red. Naukowy Juryj Lukszyn, z-cared. Naukowego Wanda Zmarzer. Warszawa, 2001. 302 s.

12. URL: (<http://przyslowia-polskie.pl/przyslowia/s> (data obrashcheniya: 03.07.21))

PAREMIA AS A REFLECTION OF THE PERCEPTION OF THE CONCEPT OF LUCK IN RUSSIAN AND POLISH CULTURES

*Petrova E.V., Lecturer,
Military University of the Russian Ministry of Defense*

Abstract: this research delivers an analysis of paremiological units: proverbs, aphorisms, and popular expressions shaping the concept of luck in Russian and Polish linguocultures.

Communicative units brought for scrutiny express values and culture-specific mentality. Due to their folk origin and ethno-cultural semantic content proverbs clearly and convincingly demonstrate the perception of those or other phenomena of reality by a given ethnic group.

In most cases, proverbs are the works of oral folk art and folklore. In this regard, they reflect cultural values of the people, fix ethno-cultural meaning of axiologically important spheres and aspects of life.

Keywords: concept, linguoculture, folk art, cultural values, paremia

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ТЕАТРАЛЬНЫХ АВТОРСКИХ АФОРИСТИЧНЫХ ФОРМУЛ В СТРУКТУРЕ СВЕРХФРАЗОВОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА АНАЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ

Гончар А.А., аспирант,
Череповецкий государственный университет

Аннотация: в работе представлен анализ театральных авторских афористичных формул (ААФ) в структуре сверхфразового единства аналитического интервью. Актуальность исследования обусловлена обращением к понятию метафорического смысла для выявления метафорической концептуализации в сознании адресанта. Цель исследования заключается в выявлении и описании составляющих компонентов метафорического смысла ААФ. Материалом для анализа послужили ААФ, выявленные с помощью метода сплошной выборки из корпуса текстов интервью театрального критика Марины Дмитриевской с представителями театральной коммуникации [Дмитриевская 2010, 2018]. В качестве методов исследования материала нами выбраны метод компонентного анализа значения, метод дискурсивного анализа, метод контекстуального анализа, методы наблюдения и сравнения.

В работе определены основные понятийные признаки исследуемого языкового явления, показан анализ конкретных авторских ААФ с метафорическим смыслом. Показано, как употребление данных формул в структуре сверхфразового диалогического единства аналитического интервью (вопросно-ответные реплики) влияет на специфику наполнения метафорического смысла высказываний.

Ключевые слова: авторская афористичная формула, театральный дискурс, жанр аналитического интервью, сверхфразовое диалогическое единство, метафорический смысл

Введение

Современная функциональная лингвистика уделяет большое внимание вопросам дискурсивного использования высказываний, обладающих глубоким метафорическим смыслом. Прагматика таких высказываний позволяет говорящему расширить представление о смысле конструкций, на базе которых высказывания создаются в речевом контексте. Несомненно, что сфера функционирования подобных употреблений играет важнейшую роль, как в выборе языковых средств, так и в структуре самих построений. Исследователи отмечают, что именно средства массовой информации выступают той актуальной областью функционирования, в которой рождаются новые речевые метафоры, отражающие когнитивный опыт современного общества [2, с. 3].

В качестве исследовательского материала мы выбираем речевые афористичные конструкции, номинируемых нами как авторские афористичные формулы (далее – ААФ). ААФ – **малоформатные тексты**, равные **высказыванию**, имеющие **афористический потенциал**, но не обладающие **воспроизводимостью универсального классического афоризма**.

Наш лингвистический интерес обращён к одному из разновидностей арт-дискурса – **театральному** дискурсу, получающему динамическую репрезентацию в театральной дискурсивной практике. Одним из интересных жанров данного дискурса выступает жанр аналитического интервью, представляющий собой «тип институционального, ритуализированного дискурса» [1, с. 9]. При диалогической форме общения в структуре интервью формируется **сверхфразовое диалогическое**

единство (далее – **СФДЕ**). Журналистский дискурс аналитического интервью в структуре дискурсивной практики репрезентируется с помощью развертывания **СФДЕ**, состоящего из последовательных по времени и семантике реплик интервьюера и интервьюируемого.

Обозначив объект и сферу функционирования объекта, перейдём к анализу искомого материала, определив круг исследовательских **задач**: 1) дать определение понятию «метафорический смысл», опираясь на работы исследователей, занимающихся проблемами анализа смысла высказываний; 2) рассмотреть фрагмент специфики метафор театральных ААФ в СФДЕ аналитического интервью; 3) описать ассертивную и инференциальную части значения театральных ААФ, обосновав дискурсивно-прагматическую ценность имплицитной части данных высказываний.

Результаты исследования

Выбор в структуре интервью ААФ обусловил наш интерес к афористичным малоформатным текстам, под которыми понимаются универсальные высказывания, где конкретные факты и явления действительности обобщаются автором и воплощаются в конкретных образах [5, с. 123].

Н.Д. Арутюнова считает, что метафора – это «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо для наименования другого классам объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [7, с. 29]. Лингвисты доказывают, что «метафорический смысл не является производным от буквального смысла, это – два различных смысла, для которых

невозможна суперпозиция (наложение). Но последнее утверждение является очевидным только для тех лингвистов, которые способны в полной мере понять, что такое смысл в его строгой интерпретации и в чем заключается содержание логической операции суперпозиции» [8, с. 29]. Исследователи сформулировали принцип построения метафорического смысла, который позволяет отличать метафорический смысл от прямого смысла высказывания, и доказали с помощью логических схем, что метафорический смысл не является производным от буквального смысла [8, с. 30-31]. Другая точка зрения предполагает, что существует некая бинарная парадигма метафоры: установка на семантический анализ и бинарная модель семантики метафорического высказывания [9, с. 148].

Учитывая существующие точки зрения на понимание метафорического смысла, отмечаем, что понятие «метафорический смысл» (условный, иносказательный, заключающий в себе переносное значение) включает в свой семантический объём следующие компоненты: 1) ассертивную часть значения, выраженную эксплицитно с помощью лексических и грамматических языковых средств; 2) инференциальную часть значения, смысл которого додумывается адресатом [6]. Соответственно, понимание эксплицитной и имплицитной информации позволяет адресату понять метафорический смысл высказывания. Покажем на конкретных примерах – театральных ААФ, созданных представителями театральной коммуникации во время проведения аналитического интервью.

Например, «Дмитриевская: Ты хочешь сказать, что манифесты обеспечивают процесс? Вот более чем не уверена ...

Лоевский: Не только. <...> Удачи, неудачи – дело временное, *театр – забег на длинную дистанцию*, но уже есть движение, концентрация» [3, с. 509-510].

Определение театра складывается из эксплицитной информации, выраженной лексически с помощью слова «забег»: отдельное состязание в беге. Это действие интенсивной силы, с уточнением, что забег длинный. Характеризация театра с помощью предиката «забег» оформлена по схеме «N1-N1», то есть синтаксические средства также участвуют в построении высказывания. Его буквальный смысл предполагает и иную трактовку, имплицитно прочитываемую в глубинном смысле конструкции. Несмотря на то, что небуквальная интерпретация вторична по своей природе, в прагматическом плане она играет первую роль в понимании высказывания, в его дискурсивном статусе. Несомненно, что, кроме дискурсивно-прагматического смысла, особую роль играет созда-

ние нового концептуального понимания явления творческой коммуникации: театр определяется как интенсивное действие в длительном интервале, как воздействующий компонент, как особый хронотоп творческого сознания. Движение понимается не в горизонтальной плоскости, а в вертикальной как бесконечный подъем вверх. Наша театральная ААФ рассматривается как речевое высказывание, метафорический смысл которого тесно связан с конситуацией СФДЕ. Основная информационная нагрузка скрыта в имплицитной части высказывания.

Рассмотрим следующий пример.

«Дмитриевская: Но в «Пианоле» получается, что героям, с одной стороны, стыдно и перед собакой, а с другой – это жизнь открытая, прилюдная и бесстыдная. Они не стесняются друг перед другом.

Нюганен: Да, но так в жизни и бывает...Нет, трудно мне ответить на этот вопрос... Я знаю, что когда мы начали репетиции, у меня практически было все готово <...> В момент первой репетиции разница между актерами и мною была до того велика! *Они были – чистый лист, а я – весь исписанный*. И от этого мне было беспокойно» [3, с. 371].

Выделенное нами курсивом высказывание конситуативно обусловлено, но обладает тем метафорическим смыслом, который ядерно влияет на весь контекст СФДЕ. Тема-рематическая доминанта, определяющая смысловое наполнение ААФ, влияет на выбор структуры конструкции, на основе которой создано высказывание. Графически авторское тире разделяет высказывания на субъект и предикат: *они были* (субъект) / *чистый лист* (предикат); *я* (субъект) / *весь исписанный* (предикат). Сложносочиненная конструкция с сочинительным противительным союзом «а» оформляет высказывание с двумя антитезами – первой, выраженной личными местоимениями *они / я*, противопоставленной по количественному признаку (если вести речь об ассертивном значении), и второй, выраженной контекстуальными синонимами *чистый / исписанный* (буквальный смысл «освобождённый от каких-либо наслоений» / «изрисованный, исчерканный, изрисованный»). Фразеологическое значение выражения «начать с чистого листа» означает «начать отношения с кем-либо заново, забыв существовавшие противоречия». В анализируемом высказывании сочетаются два значения сочетания «*чистый лист*» – ассертивный смысл и фразеологический смысл, потому что речь идет о коммуникации молодых актеров и опытного, знающего свое профессиональное дело режиссера. Кроме этого, экстралингвистическая информация подсказывает адресату мысль о том, что режиссёр

приходит на репетицию подготовленным, со своим собственным представлением о расстановке сил. Свободным на нее приходит новый молодой актер. Умному организатору всегда беспокойно, тем более, если речь идет о творческой среде.

Инференциальный смысл, прочитываемый адресатом, гораздо богаче его буквальных прочтений, поскольку контекст помогает его расшифровать, дополняя значение «чистоты» и «исписанности» значениями «разницы между действующими лицами» и эмоциональным «беспокойством» режиссера по поводу этой разницы. Значимость понимания действующих лиц на репетиции заставляют режиссера переживать достаточно противоречивые мысли, граничащие с некой неуверенностью в положительном результате. Емкая смысловая конструкция про сравнительные листы, характеризующие людей, описывает внутреннее состояние зрелого режиссера во время репетиции с новыми актерами и запоминается своей эмоциональной силой. Двойная пресуппозиция характеризует режиссера, знающего обе стороны партнеров по театральной коммуникации.

Обратимся к третьему примеру.

«Дмитриевская: ... Может быть, нормальной жизни театра нынче мешает и суета? Все мечутся, зарабатывают, не сосредоточенны, раздёрганны.

Лавров: Но это же существовало и раньше! Конечно, театр зависит от состояния общества, от экономической системы. *Жизнь театра – сообщающийся сосуд, его не заткнешь пробкой.* Поэтому когда сейчас есть возможность заработать о-о-чень большие деньги, кто же будет против этого возражать?» [3, с. 66].

Выделенная нами конструкция, образующая формульное высказывание, представляет собой метафору, характеризующую жизнь театра, ее буквальный смысл прочитывается в сравнении с сосудом – «ёмкостью, вместилищем для жидких или сыпучих тел». Содержимое сосуда определяет значимость самого сосуда. Сообщающиеся сосуды, как отмечается в словарях, – это взаимодействующие друг с другом сосуды, которые имеют общее дно. В данном случае развёрнутый контекст позволяет понять, что речь идет о двух сосудах: театре и социуме (обществе), в котором этот театр и функционирует, соответственно, имеет общие корни. Изолировать одно от другого невозможно, поэтому все проблемы социума – это и проблемы современного театра.

В следующем примере характеристика концепта «Театр» проводится на основе качественных перечислительных характеристик и противопоставлении *театра* и *дома*.

«Дмитриевская: Театры перестают быть домами. А если он не дом, то что?

Суханов: *Дом – это территория хорошего уверенного покоя. А театр – территория непокоя, творения, насилия над собой, жертвенности.* Люди приходят и подвергают свой организм каждый день стрессу...» [3, с. 210].

Реально и *дом*, и *театр* являются территориями, поскольку представляют собой конкретные хронотопы, однако характеристика этих территорий носит антонимичный характер: *покой / непокой*. Две ААФ (два высказывания, построенные по одной и той же модели) имеют разные по наполнению предикаты, чем и отличаются друг от друга, хотя характеризуются через одно и то же понятие – «*территорию*». В диалоговом режиме показывается коммуникация хронотопа. Ассертивный смысл почти идентичен из-за специфики понятия хронотопа (территории), однако инференциальный смысл прочитывается как разноплановый. Вероятно, цель адресанта заключается в том, чтобы образно описать с профессиональной точки зрения истинный смысл творческой непростой деятельности людей театра. Именно этот смысл прежде всего определяет дискурсивно-прагматический статус ААФ и формирует метафору.

Заключение

Как показывает проанализированный материал, метафорический смысл высказывания складывается из эксплицитной и имплицитной информации, заключённой в авторской афористичной формуле, и определяется как ассертивный смысл, репрезентированный лексическими и грамматическими средствами, и инференциальный смысл, прочитываемый адресатом с учётом контекста и ситуации употребления.

Метафорический смысл театральных авторских афористичных формул богат неожиданными ассоциациями и расширяет представление читателей как о содержательном наполнении театральной деятельности, так и о специфике театральной коммуникации, осуществляемой творческими профессионалами.

Литература

1. Плотникова О.А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: дис. ... канд. Филолог. наук. Омск, 2007. 180 с.
2. Филатов К.С. Метафора как способ развертывания журналистского текста: дис. ... канд. филолог. наук. СПб, 2015. 153 с.
3. Дмитриевская М.Ю. Другие разговоры. СПб.: «Петербургский театральный журнал», 2018. 536 с.
4. Дмитриевская М.Ю. Разговоры. СПб.: «Петербургский театральный журнал», 2010. 648 с.

5. Наличникова И.А. Афоризм как жанр, малоформатный текст и универсальное высказывание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. N 4(58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 121 – 123.

6. Черкасова Е.В. Структура и прагматика инференциального смысла высказываний (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Самара, 2008. 19 с.

7. Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Прогресс, 1990. 157 с.

8. Каверзина А.В., Журавлева А.М, Чернышов М.Ю. Смысловая структура метафоры и логические принципы ее формирования // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2013. № 11. С. 28 – 32.

9. Махаев М.Р. Семантика метафорических высказываний: к парадигмам метафоры в современной аналитической философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск, 2016. № 2 (34). С. 147 – 156.

References

1. Plotnikova O.A. Strategii kontrolya dialogicheskogo vzaimodejstviya v interv'yu: dis. ... kand. Filolog. nauk. Omsk, 2007. 180 s.

2. Filatov K.S. Metafora kak sposob razvertyvaniya zhurnalistskogo teksta: dis. ... kand. filolog. nauk. SPb, 2015. 153 s.

3. Dmitrievskaya M.Yu. Drugie razgovory. SPb.: «Peterburgskij teatral'nyj zhurnal», 2018. 536 s.

4. Dmitrievskaya M.Yu. Razgovory. SPb.: «Peterburgskij teatral'nyj zhurnal», 2010. 648 s.

5. Nalichnikova I.A. Aforizm kak zhanr, maloformatnyj tekst i universal'noe vyskazyvanie. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. N 4(58): v 3-h ch. CH. 3. С. 121 – 123.

6. Cherkasova E.V. Struktura i pragmatika inferencial'nogo smysla vyskazyvanij (na materiale anglijskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. Samara, 2008. 19 s.

7. Arutyunova N.D. Metafora. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. M.: Progress, 1990. 157 s.

8. Kaverzina A.V., Zhuravleva A.M, Chernyshov M.YU. Smyslovaya struktura metafory i logicheskie principy ee formirovaniya. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ulan-Ude, 2013. № 11. S. 28 – 32.

9. Mahaev M.R. Semantika metaforicheskikh vyskazyvanij: k paradigmam metafory v sovremennoj analiticheskoy filosofii. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. Tomsk, 2016. № 2 (34). S. 147 – 156.

METAPHORICAL MEANING OF THEATRICAL AUTHOR'S APHORISTIC FORMULAS IN THE STRUCTURE OF THE SUPER-PHRASAL DIALOGICAL UNITY OF AN ANALYTICAL INTERVIEW

*Gonchar A.A., Postgraduate,
Cherepovets State University*

Abstract: the paper presents an analysis of theatrical author's aphoristic formulas (AAFs) in the structure of the super-phrasal unity of an analytical interview. The relevance of the research lies in the fact that the author of the article appeals to the concept of metaphorical meaning to identify metaphorical conceptualization in the addressee's mind. The purpose of the study is to identify and describe the components of the metaphorical meaning of AAFs. The material for the analysis include AAFs which are identified using a continuous sampling method in the texts of interviews of theater critic Marina Dmitrievskaya with the representatives of theater communication [Dmitrievskaya 2010, 2018]. The following research methods have been selected to achieve the objective: the method of component analysis of meaning, the method of discursive analysis, the method of contextual analysis, methods of observation and comparison.

The paper defines the main conceptual features of the linguistic phenomenon under study, shows the analysis of specific author's AAFs with a metaphorical meaning. The author of the article explains how the use of these formulas in the structure of the super-phrasal dialogical unity of an analytical interview (question-and-answer replicas) affects the specific scope of the metaphorical meaning of statements.

Keywords: author's aphoristic formula, theatrical discourse, genre of analytical interview, super-phrasal dialogical unity, metaphorical meaning

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ПЕРВОГО ЛИЦА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКЦИЯХ НА МАССОВЫХ ОНЛАЙН-КУРСАХ

*Панич Н.В., старший преподаватель,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Аннотация: глобализационные процессы в системе высшего образования приводят к активному развитию образовательных продуктов, предлагаемых в онлайн-среде кругу реципиентов, выходящему за рамки студенческой аудитории конкретного учебного заведения. К таким продуктам могут быть отнесены массовые открытые онлайн-курсы (МООК) и, в частности, дистанционные лекции, которые не предполагают прямого взаимодействия между коммуникантами в момент подготовки и развертывания дискурса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью в осмыслении специфики выстраивания дистанционного академического дискурса с точки зрения используемых языковых средств, призванных обеспечить поддержание контакта между отправителем и получателем информации. В статье приведены результаты качественного и количественного анализа личных местоимений первого лица, проведенного с помощью статистико-аналитического метода на основе данных, полученных методом сплошной выборки из корпуса текстов лекций с МООК-платформ. В качестве материала исследования использованы транскрипты лекций, размещенных английскими и американскими университетами. Был выявлен ряд черт, касающихся частотности и семантики употребления местоимений I и We («я» и «мы») для реализации конкретных прагматических задач. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке лекций на английском языке по гуманитарным дисциплинам для размещения на МООК-платформах.

Ключевые слова: личные местоимения, дистанционный академический дискурс, академический интернет-дискурс, МООК-лекция, виртуальная академическая коммуникация, виртуальная лекция

Введение

Развитие информационного общества и активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в академическую среду вызывает потребность в трансформации образовательных инструментов и внедрении цифрового контента в учебную деятельность. Академическая коммуникация через электронный модус может отличаться от традиционного научно-педагогического дискурса, учитывая виртуальность и опосредованность взаимодействия, несоответствие локальных и темпоральных характеристик ситуации отправки и получения информации, добровольность контактов; стремление компенсировать ограниченность эмоционального компонента [5, 13].

Принадлежность академического интернет-дискурса к институциональным дискурсам, предполагающим регламентированность и нормативную организацию речевого взаимодействия, требует осмысления языковых норм, регулирующих академическую коммуникацию и позволяющих реализовать информативную и организующую функции академического дискурса с учетом трансформации обстоятельств его порождения и развертывания. Будучи перенесенной в электронную среду в рамках цифровизации образования, академическая лекция обретает новые характеристики и новые субжанры. Можно говорить о становлении субжанра лекции на массовых открытых онлайн-курсах (МООК-лекция), который «располагает собственным репертуаром языковых

средств для реализации научно-образовательных целей» [11].

В настоящей работе приведен анализ прагматических функций личных местоимений первого лица как местоимений, указывающих на коммуникантов (говорящего и представления говорящего о реципиенте) в англоязычных дистанционных академических лекциях с позиций комплексного подхода, включающего прагматический, семантический и дискурсивный компоненты, что позволяет выходить за рамки традиционных классификаций и оценок местоимений и понимать их роль в формировании академических дискурсивных практик. Соотношение личных местоимений, языковое окружение, контекст и иные обстоятельства развертывания дискурса позволяют определить наиболее характерные роли личных местоимений первого лица в МООК-лекциях.

Обзор литературы

Значимой характеристикой при описании дистантного взаимодействия коммуникантов является специфика выражаемой лексически или грамматически категории указательности, реализуемой через использование дейктических единиц, которые через свое значение или функцию актуализируют контекст и, в свою очередь, могут быть интерпретированы через «физические координаты коммуникативного акта» [3, с. 128; 8]. Как указывает Е. Ерзинкян, в центре находится говорящий, с позиции которого и происходит трактование обстоятельств развертывания дискурса и который

становится точкой отсчета для категоризации объектов по отношению к речевой ситуации [6].

Как указано выше, академический интернет-дискурс может характеризовать стремление компенсировать отсутствие прямого контакта, что дополняется ситуационно обусловленной установкой преподавателя на поддержание доверительных отношений с адресатом, реализуемой через стремление придать общению естественность и интерактивность, что также будет характеризоваться акцентуацией присутствия говорящего, т.е. использованием личных местоимений первого лица.

Выступая в роли дейктических единиц, местоимение I соотносится с ситуационно заданным отправителем информации с высшей степенью определенности лица (в нашем исследовании – лектором, отправителем информации). Автореферентная номинация выступает в семантической роли «носитель признака», причем под последними понимается широкий спектр характеристик человеческой личности, «временные и постоянные, отъемлемые и неотторжимые, имеющие в своей основе как физическую, так и духовную природу» [9, с. 438]. Принимая во внимание нормы, регулирующие англоязычный академический дискурс в целом и определяющие протекание конкретной дискурсивной практики (МООК-лекции), можно ожидать, что будут реализовываться следующие местоименные смыслы I: I-статусное и I-профессиональное.

Оговоримся, что национальная традиция в субъектной организации лекций не будет брать во внимание, так как исследуемый материал взят из англоязычных источников, то есть изначально созданных в индивидуалистическом типе общества, где традиционно открыто маркируется присутствие автора личным местоимением первого лица.

В свою очередь, местоимение We характеризуется некоторой неопределённостью его референтной связи с субъектом и объектом речи размытостью референции, связанной с невозможностью его рассмотрения как результата плюрализации [2, с. 266] и сложностью природы его соотносительности. Только конкретные коммуникативно-прагматические условия развертывания дискурса позволяют дать содержательную интерпретацию местоимения и определить репрезентуемую группу и дистанцию между субъектами речи.

Прагматический функционал местоимения We получил значительное количество трактовок среди российских и зарубежных ученых. Некоторые исследователи предлагают бинарную классификацию, подразделяя значения на инклюзивное We (я+вы, непосредственные участники коммуникации) и эксклюзивное We (я+они, т.е. адресат сообщения не включен) [1, 2, 7, 15], причем О.А.

Артемова еще раз делает акцент на неотделимости семантической нагрузки местоимения от прагматических аспектов его употребления [1]. Также выделяют первичные и вторичные референтные значения (относится к непосредственным участникам коммуникации) и нереперентным (относится к тем, кто не участвует напрямую в акте коммуникации) значением [4, с. 208]. О.В. Кашкина предложила функциональную классификацию местоимения We: разделение ответственности, солидаризация, дистанцирование от других групп [7, с. 76], которые нами будут рассматриваться в преломлении к организующей функции академического курса и установке адресанта на поддержание контакта.

Методология

В качестве данных для исследования мы отобрали 10 МООК-лекций по социальным наукам (экономика, философия, филология, социология, педагогика), заявленных как «базовые» (“beginner”) или «смешанные» (“mixed”) по степени погружения в проблематику и размещенными ведущими английскими и американскими университетами на трех платформах (Coursera, EdX и Futurelearn). Транскрипты лекций были использованы для создания электронного корпуса слов, которые были обработаны с помощью программ для анализа текста и конкордансного поиска - AntConc и LIWC. Были выделены из общего лексического потока и отсортированы случаи использования местоимений первого лица (выбраны местоимения I и инклюзивное We как средства диалогизации) для дальнейшего контекстуального анализа и определены их прагматические функции.

Результаты и обсуждение

Частотность использования личных местоимений первого лица показывает степень диалогического взаимодействия в корпусе. Как видно в табл. 1 в 7 случаях из 10, лекторы в 2 и более раз чаще выбирают формулировку с инклюзивным We, что призвано активнее вовлекать реципиента в виртуальное взаимодействие с адресантом в противовес центрирующему на себе местоимению I, демонстрировать общность задач и целей. Прагматика данного лингвистического решения согласуется с результатами исследований, продемонстрировавших прямую зависимость между результатами работы группы и оценкой сплоченности коллектива, с одной стороны, и частотностью использования местоимения первого лица [16].

Исключение составляют обе лекции, касающиеся развития навыков ведения переговоров, что может свидетельствовать о тематической обусловленности, и лекция по вопросу обучения письменной речи, где разница между показателями частотности не столь существенна и составляет порядка 9%.

Таблица 1

Частотность местоимений I и We в транскриптах лекций

	I	We
Лекция 1 (Филология – Кто писал за Шекспира)	0,00	0,86
Лекция 2 (Философия - Древняя философия)	1,01	1,89
Лекция 3 (Философия – Введение в философию)	2,00	4,26
Лекция 4 (Социальные проблемы – Беженцы в 21 веке)	0,26	1,14
Лекция 5 (Экономика – Расчет финансовой ренты)	1,05	2,36
Лекция 6 (Экономика- Как контролировать расходы)	0,32	0,73
Лекция 7 (Понимание переговоров через теорию игр)	1,62	1,26
Лекция 8 (Переговорный процесс: структура)	1,99	1,29
Лекция 9 (Геймификация)	0,88	1,2
Лекция 10 (Педагогика - Обучение письму)	0,81	0,74

Также можно говорить о некоторой корреляции трудности рассматриваемой проблематики для восприятия и частотности употребления местоимений первого лица. Так, лекции по вопросам, касающимся развития конкретных навыков (Лекции 6, 10), а также более широко обсуждаемых и предположительно лучше знакомых реципиенту тем (Лекция 1, 4, 9), требуют меньше усилий по пониманию и поддержанию активного интереса и вовлеченности слушателя, в результате чего частотность обращения к личным местоимениям может быть ниже, чем в случае представления более абстрактных понятий (Лекции 2, 3, 5, 7, 8).

Каждый институциональный дискурс ориентируется на тот или те местоименные смыслы I, которые «предпочтительны для выражения доминирующих авторских интенций» [12]. МООК-лекция как субжанр академического интернет-дискурса ставит своими целями передачу информации, содействие, организацию (реализация контролирующей и оценивающей функции, которые также выделяет в своей работе Н.А. Лобачева [10], затруднена при такой форме организации дистантного взаимодействия). В рамках реализации объяснительной стратегии преобладает I как «эксперт в изучаемой области», которое идет в сочетании с глаголами умственной активности и ментального состояния (например, think, believe):

e.g. **I think** one reason is that it often feels...

I don't think either proposal is right...

I think that it's true, **but I think** that what the philosopher needs to say ...

I argue they should be treated equally and divide the pie 50-50.

Направляющая и регулирующая функция актуализированы в речи через I как «организатор педагогического процесса» преимущественно с переходными глаголами:

e.g. Now **I'd like you** to compare your definition...

I'd encourage you to have a look...

I want you to think of negotiation as more like a math problem than a tug of war...

I'm going to teach you about what gamification means...

I'll give you a much more concrete and detailed definition later on...

Стремление к поддержанию доверительного контакта с целевой аудиторией, а также приданию виртуальному общению естественности выражается в активном использовании и такого характерного для разговорного дискурса местоименного смысла, как I-физическое, отражающее текущее ментальное состояние субъекта высказывания:

e.g. **I hope** it's something you now think is the most reasonable answer...

I imagine some of you are thinking, Barry, what a jerk!

I don't expect you to be fully convinced at this point.

Функция содействия может реализовываться через инклюзивное We, которое в данном значении имеет относительно четкую референтную отнесенность. Однако размытость смысловых границ нельзя исключить полностью, так как в момент развертывания дискурса подразумевается группа реципиентов (по аналогии с группой студентов в аудитории), но непосредственно в момент получения информации речь оказывается обращенной к конкретному адресату:

e.g. There's a clever trick that **we can use** to solve the problem mathematically...

We all negotiate on a daily basis.

Необходимо отличать данные примеры от инклюзивного We, которое, исходя из контекста, предполагает не «я и вы (студент/студенты)», а «вы (студенты)» [17]. Через формальное единение адресата и адресанта с помощью местоимения We на слушателя оказывается манипулятивное воздействие, позволяющее создать эффект совместного преодоления трудностей:

e.g. So now **we have** all the facts.

In a way, we shouldn't be surprised by this.

Well, if we want to study refugees or even just talk about refugees

We're going to apply what we learned about dividing the pie to a real world problem of sharing costs.

По замечанию И.П. Хутыз, частое использование инклюзивного местоимения в академическом дискурсе *We* является сигналом интерактивности и инструментом для реализации стратегии солидаризации [14, с. 68], так как обучающийся (реципиент) возвышается до положения «на равных» с экспертом (отправителем).

Выводы

Таким образом, оба личных местоимения первого лица могут считаться значимыми прагматическими единицами в ходе дистантного академического взаимодействия, актуализируя различные местоименные значения для достижения конкретных прагматических функций. Большая частотность местоимения *We* в сравнении с *I* позволяет преодолевать эгоцентризм высказываний, который в большей степени характерен для индивидуалистического типа общества. Также можно сделать предположение о зависимости использования данных местоимений от тематического наполнения речи. Кроме того, местоимение *I* используется как средство реализации задач по организации образовательного процесса, для усиления восприятия представленного мнения как экспертного, а также, наряду с местоимением *We*, может выступать как средство придания эмоциональности высказыванию. В свою очередь, инклюзивное *We* создает видимость общности целей и опыта, выступая как механизм для реализации функции содействия.

Литература

1. Артемова О.А. Семантика и прагматика личного местоимения *We*. Мир языков: ракурс и перспективы // материалы VII Международной научно-практической конференции. Минск, 22 апреля 2016 г.: в 3 т. / БГУ, Филологический фак., каф. английского языкознания; редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. ред.) и др. Минск: БГУ, 2016. Т. 1. С. 25 – 31.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
3. Виноградов В.А. 1990. Дейксис. В: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия. С. 128.
4. Гранева И.Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения *мы* // Вестник ННГУ. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-referentnom-i-nereferentnom-upotreblenii-mestoimeniya-my> (дата обращения: 08.08.2021)
5. Дедова О.В. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 528 с.
6. Ерзинкян Е. К вопросу об особенностях местоименной семантики: когнитивно-прагматический аспект // Вестник Ереванского государственного университета. 2017. № 1 (22). С. 166 – 173.
7. Кашкина О.В. Функциональный анализ самооценочных высказываний как средства вербализации Я-концепта (на материале интервью немецкой прессы): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 212 с.
8. Кибрик А.А.. Дейксис [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0 (дата обращения: 20.07.2021)
9. Костюшкина Г.М., Заяц А.А., Зубец М.В., Карбаинова М.Ю., Пензева Е.П., Саенко О.А., Степанова Е.Д. Дискурсивный аспект языковых единиц. Иркутск : ИГЛУ, 2006. 549 с.
10. Лобачева Н.А. Коммуникативные стратегии и тактики академического дискурса: преподаватель – студент // Современные проблемы социально-гуманитарных наук: материалы IV Международной научно-практической заочной конференции / Научно-образовательный центр «Знание». Казань: Рокета Союз, 2016. С. 137 – 143
11. Панич Н.В. Дискурсивные характеристики моок-лекции как разновидности дистантной лекции в академическом интернет-дискурсе. Филологические науки в МГИМО. 2021. № 7 (2). С. 72 – 78. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-2-26-72-78>
12. Синельникова Л.Н. Дискурсивная семантика личных местоимений // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-semantika-lichnyh-mestoimeniy> (дата обращения: 25.07.2021)
13. Смирнов Ф.О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 224 с.
14. Хутыз И.П. Сигналы интерактивности в академическом дискурсе: инклюзивные местоимения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/signaly-interaktivnosti-v-akademicheskom-diskurse-inklyuzivnye-mestoimeniya> (дата обращения: 08.07.2021)

15. Hyland K. Bringing in the Reader: Addressee Features in Academic Articles // *Writ. Commun.* 2001. Vol. 18. № 4. P. 549 – 574.

16. Sexton J.B., Helmreich R.L. Analyzing cockpit communications: The links between language, performance, and workload // *Human Performance in Extreme Environments.* 2000 № 5. P. 63 – 68.

17. Tausczik Y.R., Pennebaker J.W. The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods // *Journal of Language and Social Psychology.* 2010. № 29 (1). P. 24 – 54. <https://doi.org/10.1177/0261927X09351676>

References

1. Artemova O.A. Semantika i pragmatika lichnogo mestoimeniya *We*. *Mir yazykov: rakurs i perspektiva. materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii.* Minsk, 22 aprelya 2016 g.: v 3 t. BGU, Filologicheskij fak., kaf. anglijskogo yazykoznanija; redkol.: N.N. Nizhneva (otv. red.) i dr. Minsk: BGU, 2016. T. 1. S. 25 – 31.

2. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika.* 2-e izd., stereotip. M.: Editorial URSS, 2002. 448 s.

3. Vinogradov V.A. 1990. *Dejksis. V: Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'.* Gl. red. V.N. YArceva. Moskva: Sovetskaya enciklopediya. S. 128.

4. Graneva I.YU. O referentnom i nereferentnom upotreblenii mestoimeniya *my*. *Vestnik NNGU.* 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-referentnom-i-nereferentnom-upotreblenii-mestoimeniya-my> (data obrashcheniya: 08.08.2021)

5. Dedova O.V. Lingvosemioticheskij analiz elektronno go giperteksta (na materiale russkoyazychnogo Interneta): dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2006. 528 s.

6. Erzinkyan E. K voprosu ob osobennostyah mestoimennoj semantiki: kognitivno-pragmaticheskij aspect. *Vestnik Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2017. № 1 (22). S. 166 – 173.

7. Kashkina O.V. Funkcional'nyj analiz samoocenochnyh vyskazyvanij kak sredstva verbalizacii YA-koncepta (na materiale interv'yu nemeckoj pressy): dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2005. 212 s.

8. Kibrik A.A.. *Dejksis [Elektronnyj resurs].* URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html?page=0 (data obrashcheniya: 20.07.2021)

9. Kostyushkina G.M., Zayac A.A., Zubec M.V., Karbainova M.Yu., Penzeva E.P., Saenko O.A., Stepanova E.D. *Diskursivnyj aspekt yazykovykh edinic.* Irkutsk : IGLU, 2006. 549 s.

10. Lobacheva N.A. *Kommunikativnye strategii i taktiki akademicheskogo diskursa: prepodavatel' – student.* *Sovremennye problemy social'no-gumanitarnykh nauk: materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy zaochnoj konferencii.* Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Znanie». Kazan': Roke-ta Soyuz, 2016. S. 137 – 143

11. Panich N.V. *Diskursivnye harakteristiki mooklekcii kak raznovidnosti distantnoj lekcii v akademicheskom internet-diskurse.* *Filologicheskie nauki v MGIMO.* 2021. № 7 (2). S. 72 – 78. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-2-26-72-78>

12. Sinel'nikova L.N. *Diskursivnaya semantika lichnykh mestoimenij.* *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya.* 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-semantika-lichnykh-mestoimenij> (data obrashcheniya: 25.07.2021)

13. Smirnov F.O. *Nacional'no-kul'turnye osobennosti elektronnoj kommunikacii na anglijskom i russkom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk.* YArosavl', 2004. 224 s.

14. Hutyk I.P. *Signaly interaktivnosti v akademicheskom diskurse: inklyuzivnye mestoimeniya.* *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta.* 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/signaly-interaktivnosti-v-akademicheskom-diskurse-inklyuzivnye-mestoimeniya> (data obrashcheniya: 08.07.2021)

15. Hyland K. Bringing in the Reader: Addressee Features in Academic Articles. *Writ. Commun.* 2001. Vol. 18. № 4. P. 549 – 574.

16. Sexton J.B., Helmreich R.L. Analyzing cockpit communications: The links between language, performance, and workload. *Human Performance in Extreme Environments.* 2000 № 5. P. 63 – 68.

17. Tausczik Y.R., Pennebaker J.W. The Psychological Meaning of Words: LIWC and Computerized Text Analysis Methods. *Journal of Language and Social Psychology.* 2010. № 29 (1). P. 24 – 54. <https://doi.org/10.1177/0261927X09351676>

**PERSONAL PRONOUNS USE IN ENGLISH MOOC-LECTURES:
PRAGMATIC DIMENSION OF I AND WE**

*Panich N.V., Senior Lecturer,
Moscow State Institute of International Relations
(University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract: the globalization of the higher education results in the emergence and proliferation of learning products and services offered online to a wider audience, which is not confined to the usual consumers of academic information (students). They include massive open online courses (MOOCs) and, in particular, digital lectures delivered to a recipient without any immediate communication before or during the lecture. The study helps to understand the peculiarities of digital academic discourse in terms of the language means used to maintain contact between the sender and the recipient of information. The article presents the results of a qualitative and quantitative analysis of the first-person person pronouns. It uses the data from the corpus of transcribed lectures from MOOC sites. The article identifies a number of features regarding the semantics of the regular use of the pronouns I and We to achieve specific pragmatic tasks. The results obtained can be used to prepare lectures on the humanities for MOOC platforms in English.

Keywords: personal pronouns, digital academic discourse, MOOC lecture, Massive Open Online Courses, computer-mediated academic communication, digital lecture

КОНЦЕПТЫ КАК РЕГУЛЯТИВНЫЕ СРЕДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ С.З. ХУГАЕВА)

*Цопанова Р.Г., доктор филологических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО
в рамках научного проекта а/20-512-07002 «Коммуникативная стилистика современного осетинского художественного текста: проблема идиостиля и лексической структуры»*

Аннотация: в статье исследованы концепты *хистар* (старший), *лаг* (мужчина), *туг* (кровь), *мæлæт* (смерть) в качестве регулятивных средств в прозе С.З. Хугаева. Использование этих средств, влияющих на познавательную деятельность читателя, оправдано стоящей перед автором целью и зависит от индивидуального стиля писателя.

Между концептами существуют тесные ассоциативные связи, так как в них одинаково хорошо отразились фрагменты традиционной культуры народа, его мифологическое и христианское мировоззрение. Объективация концептов происходит различными языковыми единицами: лексикой, фразеологизмами, словосочетаниями, паремией и др.

Регулятивные функции концептов в прозе С. Хугаева связаны с их ценностными и образными значениями. Они выполняют воздействующую, эмоционально-оценочную, характеризующую и другие функции, а также создают представление об идиостиле автора произведений.

Ключевые слова: концепт, регулятивность, ценность, художественный текст, идиостиль, концептуальная картина мира

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что концепты с национально-культурной коннотацией как регулятивы (коммуникативные универсалии) в осетинских художественных произведениях слабо изучены.

Целью данного исследования является характеристика концептов как регулятивных структур в прозе современного писателя С.З. Хугаева.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- обозначить регулятивные признаки концептов и слов, вступающих с ними в семантическую связь;
- выявить взаимосвязь исследуемых концептов, их ассоциативно-смысловые поля в прозе С. Хугаева;
- определить основные регулятивные функции концептов в художественном тексте.

Теоретико-методологической базой данного исследования стали работы известных лингвистов в области лингвокультурологии (Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, С.Г. Воркачева, В.В. Воробьева, В.И. Карасика и др.) и коммуникативной стилистики художественного текста, актуальными проблемами которой наиболее полно занимаются исследователи Томской стилистической школы (Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, О.Л. Кабанина, Е.А. Бакланова, Н.Г. Петрова, И.Н. Тюкова, А.В. Шутова и др.). Ими установлена терминология коммуникативной стилистики художественного текста, даются образцы анализа прозаических, поэтических и публицистических текстов.

В данной работе использованы методы: описательный с использованием научно-исследова-

тельских приемов наблюдения, описания, классификации, анализа, стилистические приемы, текстологический анализ.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что определенный вклад вносится в изучение идиостиля писателя и концептов как регулятивных средств, используемых в художественном дискурсе.

Материал исследования может быть использован при изучении коммуникативной стилистики художественного текста.

Основная часть

Художественный текст представляет собой макроструктуру, компоненты которой следуют заданной писателем коммуникативной задаче, для выполнения которой используются определенные способы и приемы, позволяющие регулировать эстетически значимые каналы связи, устанавливаемые с читателем.

При этом учитываются экстралингвистические факторы и условия общения, ментальный фон и система ценностей, формирующих национальную картину мира в рамках художественного дискурса.

Важнейшая цель, которую ставит перед собой писатель – это воздействовать на читателя. И для ее достижения используются различные доступные средства и приемы. В данной статье в качестве регулятивных средств исследуются концепты.

Регулятивность рассматривается как «системное качество текста, заключающееся в его способности «управлять» познавательной деятельностью читателя» [1, с. 13]. Регулятивные средства представлены на всех уровнях языковой системы, но поскольку основным текстообразующим элементом из языковых единиц остается слово, наиболь-

шая регулятивная нагрузка приходится на него, а также на фразеологические единицы. В прозе С. Хугаева эту роль выполняют концепты национально-культурного содержания.

В этих лексических регулятивах нашли воплощение «особенности мышления автора и способа его взаимодействия с адресатом» [2, с. 42].

Любой концепт может характеризоваться с трех сторон: как понятие, образ и ценность. Считается, что в структуре концепта культурно-значимым является именно ценностный компонент [3, с. 27]. Регулятивные функции концептов в прозе С. Хугаева связаны с их ценностными и образными значениями. Концепты в качестве регулятивов усиливают воздействие когнитивных смыслов текста.

В данной статье предметом исследования стали культурные концепты-регулятивы *хистæр* (старший), *лæг* (мужчина), *туг* (кровь), *мæлæт* (смерть) из прозы современного осетинского писателя С. Хугаева. Они характеризуются в качестве смысловых и стилистических максим, важных в понимании идейно-этических исканий автора, дают представление о национально-специфическом видении мира. Культурные концепты – это «коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры» [4, с. 95].

Между названными концептами существуют тесные ассоциативные связи, так как они входят в состав основополагающих ментальных концептов в произведениях С. Хугаева и закреплены в качестве таковых в сознании народа на «коллективном бессознательном уровне» (по К.Г. Юнгу).

Эти концепты имеют исторически устойчивый характер, остаются неизменными и «активно транслируемыми концептами» [3, с. 32], так как отражают культурные традиции и обычаи, концептуальную картину мира народа.

Во многом они имеют гендерный характер – требуют исполнения определенных нравственных, этических кодов от мужчин и женщин [5, с. 35].

Указанные концепты по тесной связи с менталитетом народа, по актуальным смысловым кодам, заложенным в них, можно отнести к «лакунарным концептам» [3, с. 8]. В них заложено отношение в осетинском обществе к деятельности и моральным устоям мужчины и женщины. Создается целостное представление о человеке, живущем по закрепленным в языке и сознании морально-нравственным представлениям – кодам. Полноценно раскрыть содержание этих концептов позволяет художественный контекст.

Названные концепты и иные создают художественный мир, идиостиль писателя, воздействуют на читателя как члена общества и

как на индивидуума, помогают человеку понять себя, воспитывают его как национально-специфичного члена общества. Их содержание дает понимание какой-то части морально-нравственных установок, стереотипов, эталонов, по которым должна протекать жизнь сельского труженика. Он не живет в достатке, но не утратил вкус к жизни, богат нравственно.

Хистæр (старший), *хистæртæ* (старшие). В этом слове-концепте содержится не бытовая, а сакральный смысл. Старший тот, кто за все в ответе: в семье и обществе. Он всемогущ в своем обществе, стоит за правду, защищает законы, по которым живут люди. Его авторитет непререкаем, иначе наступит хаос. Регулятивный потенциал этого концепта в создании символического и реального образа старшего в художественном текстах С. Хугаева действителен.

Старший (старшие) находится в центре событий, если даже они не персонифицируются. От него ждут оценки событиям, поступкам людей, наказания, нарушившим установленный порядок: *Æмæ йын цу нæ бакъуыры йæ ных нæ хистæртæй. Фæлæ йæ разы царвау атайыңц (И ни один из старших не остановит его (букв.: не стукнет по лбу). Но таят перед ним, как топленое масло); Цом махимае, нæ хистæртæн нæ ма бафхæрын кæн (Идем с нами, не сделай так, чтобы старшие наказали нас); Де `хсæрварс цæмæн цæвын кæныс? (Почему ты нарываешься на пощечину?)*

С этим концептом по выполняемой функции тесно связан концепт *лæг* (мужчина), *лæгтæ* (мужчины). Его содержание связано с социальным статусом мужчины в традиционном осетинском обществе, а также с этнокультурными стереотипами общения [5, с. 35]. В произведениях С. Хугаева формируется образ мужественного, гостеприимного, дальновидного мужчины. Он противопоставлен женщине по тому, что непреклонен при принятии решений по важным морально-нравственным, бытовым проблемам, знает и принимает свой статус в жизни семьи и общества. Угрозы, нарекания, назидания в речи мужчин эмоционально-оценочны, образны и имеют национально-культурную значимость: *Рæуæдтæ не стæм мах, лæгтæ стæм! (Мы не телята, – мужчины!); Сылыстæгæн бæззы йæ фæлмæнвад (Женщине подходит быть покладистой (букв.: с мягкой ногой). А налыстæг та хъуамæ хъæбæрвад уа! (А мужчина должен быть стойким (букв.: с крепкой ногой); Мæ фыдзæрдæйы кæстæртæ фæлмæнвад цæуой (Чтобы младшие злобных душой были мякотелые); Уый дардмæ зыны – йæ фæлмæнвад лæгæн. Æмæ йæм алчи аздухы йæ рихи, багъæц, ома, ныр (Это издали видна мякотелость мужчины. И каждый хочет навредить*

(букв.: *покрутить ус*), *подожди, мол, теперь*). *Мах-иу сын сә хуулма тохси базыв-зыв кодтам, бәргә (Мы кидали на их альчик свою букв.: косточку)*. Это метафорическое выражение создано на знании игры в альчики. Оно формирует понятие силы, умения давать отпор насильнику.

Ассоциативный ряд с концептом *ләг мужчина*, когда он характеризуется положительно, образуют слова, словосочетания, фразеологизмы: *не теленок – не женщина – с твердым характером – ләг ләг у (мужчина есть мужчина) – зонгуытыл на ләууын (не стоять на коленях), фәбырынай тәрсын (бояться поскользнуться, то есть совершить неблагоприятный поступок), ләгма хауы хәстә (у мужчины есть обязанности)*.

Отрицательная характеристика мужчины: *фәлмәвәд (мякотелый) – уц-уц кәнын (нянчиться с ним) – даргькәхәй бадын (бездельничать (букв.: сидеть, вытянув ноги) – хәстәй хи тылиф кәнын (уклоняться от своих обязанностей)*;

Мужчина избегает совершать поступки, которые могут унижить его, принести позор ему и его сородичам: *– Тәрсын фәбырынай – махицән нә, әгәс нартан тәрсын. Куы фәбырәм әмә цыфы куы фәцауа нә тәәп (Боюсь поскользнуться – не за себя, за всех нартов боюсь. Вдруг поскользнемся и плюнемся в грязь); Әмә ләг куы фәтәрсә, уәд ма уймай цәй ләг и! (И если мужчина испугается, то какой из него еще мужчина); Әмә уазәджы афтә фәдарынц уынды хәбәрыл, мәнә ләппу? (И гостя так принято держать на улице (букв.: на тверди улицы), мальчик?); Уый әрцауәг уыди, Сераби, әмә әрцауәг ләгыл афтә уәгдибар митә кәнын не 'мбәлы, уый әмбәрста (Это был пришелец, Сераби, и он понимал, что ему не следует вести себя вольно)*.

Мужчина предостерегает от роковых ошибок: *Фәлә дә зәхх кәдәм дәттыс – дә фыдәлты уәлмәрд кәм и, дә уидәгтә кәм ацыдысты, уыцы зәхх! (Но зачем даришь свою землю – где похоронены твои предки (букв.: где кладбище твоих предков), куда выросли твои корни!)*.

Внешнее проявление силы, уверенности в себе мужчины писателю удается выразить и глаголами. Так, для демонстрации эмоционального и психологического состояния Сослана, не знающего жалости (*Сосланы фәтк нә амьдта тәригәд*) (его прототип – нартовский герой Сослан), свободы в поступках, уверенности в своей силе и авторитете среди односельчан используются глаголы интенсивного действия, дополняющие ассоциативный ряд концепта *ләг (мужчина)*. Они имеют ярко выраженную регулятивную функцию: *әрцайләгәрста Сослан (ринулся Сослан); сласа кард әмә дзы*

ныссәрфа (вытащит меч и ударит (букв.: жахнет)) и др.

В целом в сознании носителя языка вырабатывается национально-культурный стереотип мужчины, который достоин подражания: он умен, категоричен при принятии решений, отважен и др. [6, с. 202-207].

Туг (кровь). Этот концепт как регулятивное средство в произведениях писателя является духовным понятием. На его основе в осетинском языке образованы важные в социальном и эмоциональном плане слова и фразеологизмы, поэтому их воздействие на читателя огромно: *туджын (кровник), туг исын (мстить за кровь), туджы аргь (цена крови), туджы тәрхон (суд крови)* и др. [7, с. 309-310].

Ассоциативный ряд с этим концептом в произведениях С. Хугаева связан с характеристикой героев, условиями их жизни и взаимоотношениями: *сау туг (черная кровь) – сау туг нууарәд (пусть прольется черная кровь) – сыгьдәг туг (чистая кровь) – адәймәджы туг (кровь человека) – куыды туг (кровь собаки) – сау туджы зәй (лавина черной крови) – туг мыл нууарыд (кровь пролилась на меня) – туг исын (мстить за кровь) – нә туг нә хәләсәй акәлы (кровь из глотки выливается) – туг уары нә кьонайыл (кровь льется на наш очаг) – туджы фәтула (пусть в крови валяется)* и др. Экспрессия, заложенная в этих выражениях, адекватно отражает сложные жизненные ситуации героев произведений С. Хугаева.

С концептом *мәләт смерть* образуется ассоциативная линия: *мард (покойник) – хәсгә мард (букв.: покойник, которого принесут) – судзгә мардәрцыд (жгугая трагедия (букв.: покойника приход) – ингән (могила) – ингәны кәсәр (порог могилы)*.

Концепт *мәләт (смерть)* объективируется фразеологизмами-проклятиями, основными компонентами которых являются мифологемы: *зынг (огонь) (Гьә, дә зынджыхуыстмә дын артымбыл уой дә хәубәстә! (А! Да соберется на угасание твоего огня твое село!); Кәннод ныххорз уыдзән йә ардзәсты йә зынг (А то потухнет в его очаге огонь (эвфемистический глагол ныххорз уыдзән означает «в его очаге огонь станет хорошим»); уд (душа) (Уәд дын мә уд амәләд, ды дәхи куы стыхсын кәнай (Тогда пусть моя душа умрет, если ты будешь беспокоиться); Цәмәннә аскьуйы мә уд? (Почему не разорвется моя душа?); хур (солнце) (Ууыл хур ма ракәсәд (Пусть для него не взойдет солнце); бон (день) (Дә бон бакал! (Твой день угас!), Йә бон ныккаләд! (букв.: Свой день пусть рассыплет!); Дә бон басудзәд! (Пусть твой день сгорит!); арвыцәф (удар молнией (букв.: удар неба)*

(Арвыцæф фæуой! (Чтобы их ударила молния!); туг (кровь) (Уæд туг ныууарыд йæ магуыр хæдзарыл! (Тогда кровь пролилась на его бедный дом!); ингæн (могила) (Мæ ингæнмæ ныккæсæд, махмæ чи нæ фездæха дæуырдыгæй (Пусть заглянет в мою могилу тот, кто не зайдешь к нам) и др.

Регулятивный эффект от названных концептов значителен по причине того, читатель и герои произведений С.З. Хугаева в одном мировоззренческом поле, жизнь строят по одному морально-нравственному коду.

Заключение

Можно заключить, что концепты образуют закономерные ассоциативно-смысловые поля в прозе С. Хугаева и входят в систему действенных регулятивных средств. Они имеют ярко выраженный оценочный и образный характер, что повышает их воздействующую функцию в тексте. Благодаря им, происходит тесный диалог автора и читателя. Они – важная часть языкового самосознания народа, известны носителям языка, входят в концептуальную и языковую картины мира людей, поэтому приобрели коллективный смысл. Их следует отнести к тем концептам, которые влияют на формирование стереотипов, эталонов поведения в семье и обществе. Концепты-регулятивы в произведениях С. Хугаева выполняют много функций: воздействующую, оценочную, характеризующую, экспрессивную. Они национально-специфичны и в то же время являются частью «универсального образа мира» (Арутюнова Н.Д.).

Литература

1. Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Тюкова И.Н. и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности: колл. монография / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск: Изд-во Томс. гос. пед. ун-та, 2011. 492 с.
2. Кабанина О.Л. Лексические регулятивные универсалии: к определению понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета (ТГПУ). 2018. 4 (193). С. 41 – 43.
3. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Я.В. Зубкова, Грабарова Э.В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
4. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.

В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып.30. С. 95 – 108.

5. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Лингвистический анализ гендерных процессов: монография. Владикавказ: ФГБОУ ВО «СОГУ» им. К.Л. Хетагурова; ИП Цопанова А.Ю., 2020. 230 с.

6. Цопанова Р.Г. Концепт «лæг» («мужчина») в «Осетинской лире» К.Л. Хетагурова // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 160-летию со дня рождения Коста Левановича Хетагурова, 17-18 мая 2019 г. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. С. 202 – 207.

7. Абаев И.В. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1979. Т. III. 358 с.

References

1. Bolotnova N.S., Babenko I.I., Tyukova I.N. i dr. Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regulativnost' v tekstovoj deyatel'nosti: koll. Monografiya. Pod red. prof. N.S. Bolotnovoj. Tomsk: Izd-vo Toms. gos. ped. un-ta, 2011. 492 s.
2. Kabanina O.L. Leksicheskie regulativnye universalii: k opredeleniyu ponyatiya. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (TGPU). 2018. 4 (193). S. 41 – 43.
3. Karasik V.I., Prohacheva O.G., YA.V. Zubkova, Grabarova E.V. Inaya mental'nost'. M.: Gnozis, 2005. 352 s.
4. Karasik V.I. Koncepty-regulyativy. YAzyk, soznanie, kommunikaciya: Sb. Statej. Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: MAKS Press, 2005. Vyp.30. S. 95 – 108.
5. Gacalova L.B., Parsieva L.K. Lingvisticheskij analiz gendernyh processov: monografiya. Vladikavkaz: FGBOU VO «SOGU» im. K.L. Hetagurova; IP Copanova A.YU., 2020. 230 s.
6. Copanova R.G. Koncept «læg» («muzhchina») v «Osetinskoj liре» K.L. Hetagurova. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchen-noj 160-letiyu so dnya rozhdeniya Kosta Levanovicha Hetagurova, 17-18 maya 2019 g. Vladikavkaz: IPC SOGU, 2019. S. 202 – 207.
7. Abaev I.V. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1979. T. III. 358 s.

**CONCEPTS AS REGULATORY MEANS IN A LITERARY TEXT
(BASED ON THE MATERIAL OF S.Z. KHUGAEV'S PROSE)**

*Tsopanova R.G., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*

Abstract: the article examines the concepts of histær (senior), læg (man), tug (blood), mælæt (death) as regulatory means in S.Z. Khugaev's prose. The use of these means, which affect the cognitive activity of the reader, is justified by the author's goal and depends on the individual style of the writer. There are close associative links between the concepts, as fragments of the traditional culture of the people, their mythological and Christian worldview are equally well reflected in them. The objectification of concepts occurs by various linguistic units: vocabulary, phraseological units, word combinations, parremia, etc. The regulatory functions of concepts in S. Khugaev's prose are associated with their value and figurative meanings. They perform influencing, emotional-evaluative, characterizing and other functions, as well as create an idea of the idiosyncrasy of the author of works.

Keywords: concept, regularity, value, artistic text, idiostyle, conceptual picture of the world

**КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В РОМАНЕ В СТИХАХ А.С. ПУШКИНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В КОММЕНТАРИЯХ
В.В. НАБΟКОВА И Ю.М. ЛОТМАНА**

*Степанова Н.С., доктор филологических наук, доцент,
Громенко М.В., кандидат филологических наук,
Юго-Западный государственный университет*

Аннотация: статья посвящена рассмотрению лексико-семантических особенностей концепта «любовь» в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», определению специфики его репрезентации. На материале текста романа проанализированы лингвокультурные и семантические особенности концепта «любовь» в рецепции В.В. Набокова и Ю.М. Лотмана, что подчеркивает индивидуальность восприятия и интерпретации ими литературного текста. Концепт «любовь» реализует не только семантические, но и аксиологические возможности, отражая как собственные характеристики предмета художественного изображения, так и особенности идиостиля писателя.

В статье анализируются интерпретация и разъяснения, представленные в комментариях к пушкинскому тексту В.В. Набоковым и Ю.М. Лотманом – «концепционные и текстуальные», определяемые в том числе «читательским назначением издания» (в терминологии Ю.М. Лотмана). Специфика исследовательских подходов к комментированию пушкинского текста рассматривается на примере рецепции и репрезентации В.В. Набоковым и Ю.М. Лотманом лингвокультурных и лексико-семантических особенностей концепта «любовь». Выбор объекта исследования совершенно логичен: проблема любви была для Пушкина одной из самых важных в жизни. Он, увлекавшийся женщинами много раз прекрасно знавший женщин, – он всю жизнь мечтал об одной-единственной, полной, всепоглощающей, великой любви – и всю жизнь сомневался, способен ли он на такую любовь. Лирический герой его художественного мира – натура любящая, страстная, эмоциональная.

Предоставляется возможность с других позиций взглянуть на представления главных героев о любви, на поэтический дискурс, особенностью которого является взаимообусловленная связь художественного мира романа и концепта «любовь» как совокупности лексической, понятийной, авторской индивидуальной и эмоциональной составляющих.

Ключевые слова: концепт, любовь, А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», комментарий, В.В. Набоков, Ю.М. Лотман

Введение

Проблема комментирования художественного текста является предметом постоянного обсуждения, поскольку она тесно связана с процессом рецепции и вопросами бытования литературного произведения в разных эпохах и в сознании разных поколений читателей. Во время чтения «художественное произведение накапливает в себе значения или даже меняет свой смысл и тем самым изменяется со временем», а комментарий к нему «возникает в виде гипотетической возможности улучшить или оптимизировать его восприятие» [2, с. 280-281]. «Острым» и «“до конца” не решаемым» возникает вопрос о том, «как комментатору устранить свой голосовое преимущество из текста комментария?» Один из предлагаемых ответов: «Вненаходимость комментатора – жанровое условие его объективности и свидетельство доверия самодостаточной смысловой полноте комментируемого текста» [5, с. 17-18].

Первыми практиками комментирования художественного текста были создатели Полного собрания сочинений А.С. Пушкина (1937-1949) текстологи и теоретики литературы С. Бонди, В. Виноградов, Г. Винокур, В. Мануйлов, Б. Модзалевский, Б. Томашевский, М. Цявловский, Б. Эйхенбаум и др. К комментированию пушкинского текста, в частности, романа в стихах «Евгений Оне-

гин», обратились В.В. Набоков и Ю.М. Лотман [6].

Комментарии В.В. Набокова были задуманы им в процессе перевода романа «Евгений Онегин» на английский язык и опубликованы впервые в 1964 году. Комментарии Ю.М. Лотмана (1980), в соответствии с современными ему комментаторскими тенденциями, были составлены с учетом типа комментируемого текста и не являются «всеобъясняющими».

В данной статье мы обратились к интерпретации и разъяснениям, представленным в комментариях к пушкинскому тексту В.В. Набоковым и Ю.М. Лотманом – «концепционных и текстуальных», определяемых в том числе «читательским назначением издания» (в терминологии Ю.М. Лотмана). Специфику исследовательских подходов к комментированию пушкинского текста мы рассмотрели на примере рецепции и репрезентации В.В. Набоковым и Ю.М. Лотманом лингвокультурных и лексико-семантических особенностей концепта «любовь». Выбор объекта исследования совершенно логичен: проблема любви была для Пушкина одной из самых важных в жизни. Он, увлекавшийся женщинами много раз прекрасно знавший женщин, – он всю жизнь мечтал об одной-единственной, полной, всепоглощающей, великой любви – и всю жизнь сомневался, способен ли он на такую любовь. Лирический герой его ху-

дожественного мира – натура любящая, страстная, эмоциональная.

Цель нашего исследования – проанализировать лингвокультурные и семантические особенности пушкинского концепта «любовь» в рецепции В.В. Набокова и Ю.М. Лотмана с учетом индивидуальности восприятия и интерпретации ими литературного текста. Поскольку «изучение любого литературного феномена <...> это, прежде всего, исследование его рецепции, истории восприятия в последующих текстах культуры» [1, с. 9], мы исходим из понимания рецепции как диалогического взаимодействия воспринимающего сознания и вовлеченного в его орбиту художественного текста с сохранением суверенности каждого из «голосов».

Материал исследования – роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (тексты писем главных героев) в комментариях В.В. Набокова и Ю.М. Лотмана.

Методы исследования – биографический, историко-литературный с элементами сравнительно-типологического, метод анализа художественного произведения, а также «концептный анализ», который подразумевает установление индивидуально-авторского наполнения базовых концептов, их содержания.

Исследование и его результаты

Объем комментария В.В. Набокова к тексту «Евгения Онегина» составляет около тысячи страниц печатного текста: они носят многоплановый характер, им сопутствуют пространственные экскурсы в историю литературы и культуры, стихосложения, сравнительно-литературоведческий анализ. При этом раскрываются не только новые стороны романа Пушкина, но и эстетика самого Набокова-поэта. Лишенный доступа к рукописям Пушкина, В.В. Набоков в предисловии к своему «Комментарии» с сожалением писал, что невозможно даже приблизиться к исчерпывающему исследованию при отсутствии фотостатов пушкинских рукописей, которые по понятным причинам недостижимы. Писатель создавал перевод романа и комментарии к нему для американского (англоязычного) читателя, который будет знакомиться с «Евгением Онегиным» в его переводе; он пользовался источниками, доступными в американских библиотеках, штудирова и интерпретируя английских, французских и немецких «предшественников» и современников Пушкина.

В комментарии Ю.М. Лотмана (1980), по мнению М.Л. Гаспарова, были реализованы три направления специализации: «во-первых, комментарий, сосредоточенный на внетекстовом фоне, на быте и идеях освещаемой эпохи. Во-вторых – сосредоточенный на литературном фоне, на интертекстуальных переключках автора с предшественниками и современниками, причем

эти переключки тоже могут быть как словесные, так и идейные. В-третьих – сосредоточенный на языковом фоне, на языке и стиле, тоже с оглядками на литературную и внелитературную традицию» [3]. В ходе нашего исследования мы учитывали эти обстоятельства.

В романе в стихах «Евгений Онегин» ключевыми лексемами-репрезентантами концепта «любовь» являются лексемы *любовь* (53 примера), *любить* (37), *полюбить* (3), *разлюбить* (3), *влюбляться / влюбиться* (3), *любя* (6), *любуюсь* (1), *любовник / любовница* (5/3), *любимец* (1), *любимый / любим* (1/3), *любовный* (4), *возлюбленный* (прил.) (1), *влюбленная* (2), *влюблен(а)* (6), *полюбовно* (1); концепт «любовь» представлен также лексемами *страсть* (24 примера), *чувство* (31).

«Любовь» в «Словаре языка Пушкина» определяется как «чувство привязанности, симпатии, расположения к кому-нибудь, чему-нибудь»; «добродетель, предписываемая христианской моралью»; «то, что вызывает к себе чувство глубокой привязанности, симпатии; склонность, расположение, пристрастие к чему-нибудь» [8, т. 2, с. 549-551], и представлена в романе «Евгений Онегин», например, так: «с любовью лечь к ее ногам», «вспомня прежнюю любовь», «ко благу чистая любовь», «он пел любовь, любви послушный», «любовь невинной девы дышит», «внушать любовь для них беда», «доныне дамская любовь Не изъяснялася по-русски», «я вас люблю любовью брата», «смирненной девочки любовь» [7, с. 19, 24, 35, 61, 63, 79, 186] и др.

Лексема «любовный» в художественном пространстве романа означает «выражающий чувство любви», «содержащий описание любви» [8, т. 2, с. 549], например, «наукой славился любовной», «его стихи Полны любовной чепухи», «любовной лестью усыпить» [7, с. 75, 125, 142] и др.

Лексема «любовник» встречается в двух значениях из четырех классифицированных в словаре языка Пушкина: «влюбленный в кого-нибудь, возлюбленный, любимый»; «мужчина, с которым женщина находится во внебрачной связи»; лексема «любовница» – «та, в которую влюблен кто-нибудь, возлюбленная» [8, т. 2, с. 547-548], например, «любовник Юлии Вольмар», «опять любовник молодой Бежал за милой суетой», «блажен любовник скромный», «соловей, весны любовник», «у ног любовницы прекрасной», «Аи любовнице подобен Блестящей, ветреной, живой» [72, с. 55, 62, 88, 141, 57, 92] и др.

Лексема «полюбовно» – «по взаимному согласию, дружески, мирно» [8, т. 3, с. 551] – встречается однажды: «не разойтись ль полюбовно?..» [7, с. 129].

Лексема «любимый» в «Евгении Онегине» употребляется в значении «такой, который внушает чувство любви, влюбленности, дорогой, близкий сердцу» [8, т. 2, с. 544-545], например, «он одарял предмет любимый, Всегда несправедно гонимый» [7, с. 56].

Лексема «страсть/страстный» входит в концептуальное поле «любовь» в двух значениях из четырех классифицированных: «относящийся к страсти, связанный со страстью, любовный» и «испытывающий сильную, безудержную любовь, страсть, чувственное влечение к лицу другого пола» [8, т. 4, с. 412-414], например, «наука страсти нежной», «нет, никогда порыв страстей Так не терзал души моей!», «страстей игру мы знали оба», «когда страстей угаснет пламя», «питая жар чистейшей страсти», «страстью безотрадной», «страстный жар», «сильнее страсть ее горит» [7, с. 8, 19, 23, 39, 56, 82, 110, 144] и др.

В концептуальную зону «любовь» входит лексема «чувство» (и производные «чувствовать», «чувствительный(й)», «нечувствительно», «бесчувственно») в значении «внутреннее психическое состояние человека, его душевное переживание»; «любовь, испытываемая кем-нибудь к кому-нибудь» [8, т. 4, с. 975-977], например, «рано чувства в нем остыли», «всегда возвышенные чувства», «и вчужде чувство уважал», «обильный чувствами рассказ», «чувствий пыл старинный» [7, с. 21, 35, 37, 40, 77] и др.

Такая высокая частотность употребления лексем-репрезентантов свидетельствует о роли и месте концепта «любовь» в индивидуально-авторской картине мира, представленной в тексте романа, предоставляет «огромные возможности и перспективы для истолкования языковых и неязыковых знаний, жизненного опыта, мудрости, трудных житейских ситуаций и ассоциаций Пушкина, отразившихся в «Евгении Онегине»]. При этом совершенно очевидно, что А.С. Пушкин не только использовал значения лексемы «любовь», закрепленные в современных ему словарях, но и уточнил и расширил их, показал богатство возможностей их использования в русском языке; совокупность этих значений и составляет внутренний смысл концепта «любовь» в художественном мире рассматриваемого произведения.

Художественный концепт – ментальное образование в сознании писателя, значение которого «реализуется в семантико-ассоциативном контексте <...> литературного произведения, и он, прежде всего, представлен в художественных образах, символизирующих картину мира писателя» [3, с. 133]. Под термином «художественный концепт» («концепт») мы понимаем «сложное ментальное эмоционально-ценностное образование, которое

отражает универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти, выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений, получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений, обладает диалогической, коммуникативной природой, так как рассчитано на знания, память и воображение читателя» [9, с. 40]. В качестве материала исследования мы рассмотрели письма главных героев друг другу.

Если сопоставить письма, написанные Татьяной Лариной и Евгением Онегиным, то можно увидеть выражение духовных сокровищ, исповедь юной души в письме, написанном Татьяной; письмо же Онегина предстает как объяснение в любви, пусть искреннее, но не учитывающее особенность той женщины, которой он пишет. Поэтому это и объясняет, почему Татьяна увидела в его порыве только оскорбительную для нее страсть, которую он не желает побороть.

В.Г. Белинский и Н.А. Добролюбов высоко оценили главную героиню произведения как неординарную русскую женщину с драматической, по своему уникальной судьбой. В.С. Непомнящий считал, что в Татьяне воплотилась пушкинская жажда веры в высший смысл бытия, что автор наделил свою героиню такими чувствами, такими достоинствами, о которых он сам мечтал:

Прямое указание А.С. Пушкина на французский оригинал письма («Итак, писала по-французски...») В.В. Виноградов («Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка». М.; Л.: Academia, 1935), С.Г. Бочаров («Поэтика Пушкина. Очерки». М.: Наука, 1974) были склонны считать мистификацией; Ю.М. Лотман считал, что «текст письма Татьяны представляет собой цепь реминисценций в первую очередь из текстов французской литературы» [6, с. 227-228]. Однако это не набор штампов (в письме есть искренность и непосредственность, динамика чувств: узнавание, смятение, волнение), а отражение специфики «романтического сознания», для которого «реальностью становились лишь те чувства, которые можно было сопоставить с литературными образцами» [6, с. 229].

«Сочетание иронии и симпатии в тоне авторского повествования» Ю.М. Лотман объясняет тем, что автор оправдывает поведение героини, продиктованное «своенравием страстей» [6, с. 231].

Текст послания Онегина к Татьяне А.С. Пушкин написал, когда основной текст романа был уже закончен; поэт решил, «что для общего построения романа необходимо уравновесить письмо Татьяны к Онегину аналогичным включением в последнюю главу» [6, с. 360].

Послание Онегина «производит впечатление гораздо меньшей литературности: тут нет цитат, которые должны ощущаться как цитаты» [6, с. 362], написано человеком, утратившим всякое понимание мира женщины, ее духовного состояния; эгоцентрическое и эгоистическое письмо. Как отметил в свое время Н.А. Добролюбов, Онегин – человек с большими силами души, который, однако, не имеет довольно силы характера, чтобы выбраться из плена условностей светской жизни.

Чего добивался Онегин, посылая это и другие посланья Татьяне, и какие сценарии развития их отношений он рисовал в своем воображении, вполне понятно из его письма, однако со всей определенностью можно сказать, что того, что произошло в финальной сцене, он предположить не мог.

Думая над тем, как выглядит Татьяна в финальной сцене, В.В. Набоков пишет: «Теперь Татьяна стала человеком гораздо лучшим, чем та романтическая отроковица, которая в третьей главе упивается зельем чувственных желаний и тайно шлет любовное послание молодому человеку, которого видела лишь раз приобретенная ею изысканная простота, зрелое спокойствие и бескомпромиссное постоянство с лихвой компенсируют в нравственном отношении утерянную наивность, сочетавшуюся с несколько болезненными и откровенно чувственными мечтаниями, которые в ней воспитали романы» [9, с. 589]. При этом он считал, что «это знаки судьбы; и в качестве дара герою дается возможность разглядеть эти знаки, найти ключи от тайны бытия, вспомнить произошедшее и осмыслить его, понять, в чем заключается промысел судьбы» [9, с. 63]. Несомненно, последними страницами пушкинского романа инспирированы и финалы некоторых набоковских произведений.

Приведем только один пример. В финале романа «Дар» главные героини еще не поняли, что у них нет ключей от дома, в который они возвращаются, и они обнаружат это обстоятельство в затекстовом пространстве романа; а внимательный читатель, которому факт отсутствия ключей известен, с волнением ждет, как они будут выходить из этой ситуации, – но не дожидается. Произведение заканчивается цитатой из онегинской строфы: «Прощай же, книга! Для видений – отсрочки смертной тоже нет. С колен поднимется Евгений, – но удаляется поэт...». Б. Бойд пишет: «Прощаясь со своей книгой – подобно тому как прощался с Онегиным и читателями Пушкин, – Федор приглашает нас заглянуть за горизонт страницы <...> Онегинская строфа, совершенная по форме, – это своего рода торжественный гимн и одновременно приглашение вернуться к началу романа, чтобы увидеть совер-

шение формы и тонкий замысел во всем, что на первый взгляд кажется случайным» [3, с. 537].

Заключение

А.С. Пушкин, бесспорно, является достоянием человечества. У пушкинского читателя увеличиваются лёгкие в объеме и Россия еще долго будет ощущать живое присутствие Пушкина. Наш великий поэт и сам предчувствовал это, написав пророческие слова: «И долго буду тем любезен я народу», «пусть мой внук <...> и обо мне вспомнит», «Пушкин идет, окруженный народом»...

Анализ пушкинского текста и его интерпретаций в комментариях В.В. Набокова и Ю.М. Лотмана предоставляет возможность с других позиций взглянуть на представления главных героев о любви, на поэтический дискурс, особенностью которого является взаимообусловленная связь художественного мира романа и концепта «любовь» как совокупности лексической, понятийной, авторской индивидуальной и эмоциональной составляющих. Концепт «любовь» реализует не только семантические, но и аксиологические возможности, отражая как собственные характеристики предмета художественного изображения, так и особенности идиостиля писателя. Исследование позволяет прийти к выводу, что концепт «любовь» имеет важное значение в построении своей и понимании другой жизненной траектории. «Вневременное и внелитературное» содержание пушкинского романа делает его бессмертным, выводит из тесных рамок «своей эпохи», из внутрилитературных, внутрифилологических пределов – в область живой, движущейся жизни, частью которой являемся мы, уроки которой действительны для каждого из нас.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Творчество В.А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016. 492 с.
2. Баршт К.А. О направлениях и пределах комментирования художественного текста // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 280 – 303.
3. Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). С. 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/yum-lotman-i-problemy-kommentirovaniya>
4. Громенко М.В., Петрухин В.И. Художественный концепт и реализация его значения в семантико-ассоциативном контексте литературного произведения // Перспективы науки. 2017. № 11 (98). С. 132 – 136.
5. Исупов К. Вненаходимость комментатора // Вопросы литературы. 2008. № 2. С. 6 – 19.

6. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1995. Т. 6. 700с.

8. Словарь языка Пушкина: в 4-х т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000.

9. Степанова Н.С. В поисках ключей от тайны бытия: мотив ключа в романе В.В. Набокова «Дар» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2015. № 1 (14). С. 58 – 64.

10. Шраер М.Д. О концовке набокковского «Подвига» // Литературное обозрение. 1999. № 2. С. 57 – 62.

References

1. Anisimova E.E. Tvorchestvo V.A. Zhukovskogo v receptivnom soznanii russkoj literatury pervoj poloviny XX veka: dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 2016. 492 s.

2. Barsht K.A. O napravleniyah i predelah kommentirovaniya hudozhestvennogo teksta. Voprosy literatury. 2009. № 5. S. 280 – 303.

3. Gasparov M.L. YU.M. Lotman i problemy kommentirovaniya. Novoe literaturnoe obozrenie.

2004. № 2 (66). S. 6. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/you-m-lotman-i-problemy-komentirovaniya>

4. Gromenko M.V., Petruhin V.I. Hudozhestvennyj koncept i realizaciya ego znacheniya v semanti-kko-associativnom kontekste literaturnogo proizvedeniya. Perspektivy nauki. 2017. № 11 (98). S. 132 – 136.

5. Isupov K. Vnenahodimost' komentatora. Voprosy literatury. 2008. № 2. S. 6 – 19.

6. Lotman YU.M. Roman A.S. Pushkina «Evgenij Onegin»: Kommentarij. L.: Prosveshchenie, 1983. 416 s.

7. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: v 17 t. M.: Voskresen'e, 1995. T. 6. 700 s.

8. Slovar' yazyka Pushkina: v 4-h t. Otv. red. akad. AN SSSR V.V. Vinogradov. 2-e izd., dop. Rossijskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova. M.: Azbukovnik, 2000.

9. Stepanova N.S. V poiskah klyuchej ot tajny bytiya: motiv klyucha v romane V.V. Nabokova «Dar». Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika i pedagogika. 2015. № 1 (14). S. 58 – 64.

10. SHraer M.D. O koncovke nabokovskogo «Podviga». Literaturnoe obozrenie. 1999. № 2. S. 57 – 62.

THE CONCEPT «LOVE» IN THE NOVEL IN VERSE «EUGENE ONEGIN» BY A.S. PUSHKIN IN COMMENTARY BY V.V. NABOKOV AND YU.M. LOTMAN

*Stepanova N.S., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Gromenko M.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Southwestern State University*

Abstract: the article is devoted to the consideration of the lexical and semantic features of the concept «Love» in the novel in verse «Eugene Onegin» by A.S. Pushkin, the definition of the specifics of its representation. Based on the material of the text of the novel, the authors analyze the linguocultural and semantic features of the concept «Love» in the reception of V.V. Nabokov and Yu.M. Lotman, which emphasizes the individuality of their perception and interpretation of the literary text. The concept «Love» realizes not only semantic, but also axiological possibilities, reflecting both the intrinsic characteristics of the subject of artistic depiction, and the peculiarities of the idiostyle of the writer.

The article analyzes the interpretation and explanations presented in the comments to the Pushkin text by V. V. Nabokov and Yu. M. Lotman – "conceptual and textual", determined, among other things, by the "reader's purpose of the publication" (in the terminology of Yu.M. Lotman). The specifics of research approaches to commenting on the Pushkin text are considered on the example of the reception and representation by V.V. Nabokov and Yu.M. Lotman of the linguocultural and lexicosemantic features of the concept "love". The choice of the object of research is completely logical: the problem of love was for Pushkin one of the most important in his life. He, who was fond of women many times, knew women perfectly well – he had dreamed of a single, complete, all-consuming, great love all his life-and all his life doubted whether he was capable of such love. The lyrical hero of his artistic world is a loving, passionate, emotional nature.

The author gives an opportunity to look at the ideas of the main characters about love from a different perspective, at the poetic discourse, the peculiarity of which is the mutually conditioned connection of the artistic world of the novel and the concept of "love" as a set of lexical, conceptual, author's individual and emotional components.

Keywords: concept, love, A.S. Pushkin, "Eugene Onegin", commentary, V.V. Nabokov, Yu.M. Lotman

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ DRAGON В КОНТЕКСТЕ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА

*Биктимиров А.Р., адъюнкт,
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации*

Аннотация: в данной статье проводится анализ программного обеспечения Dragon для транскрипции речи в контексте применения диктовки при переводе в целях повышения его производительности. Автор рассматривает группы и отдельные продукты для преобразования речи в текст с учетом специфики их применения, функциональных возможностей, требований к аппаратному обеспечению, ориентации на пользователя и других особенностей. Один из аспектов, изученных в работе, охватывает факторы, как способствующие, так и ограничивающие применение программ для потоковой транскрипции речи в деятельности переводчика. Внимание также уделяется линейкам продуктов компании Nuance, работающим автономно или в режиме онлайн, а также специализированным пакетам с отраслевыми словарями, в которые загружены речевые модели специфичных сфер деятельности. В ходе рассмотрения ПО Dragon, исследователь приходит к выводу о его преимуществах и ограничениях в контексте письменного перевода, а также о его эффективности, обусловленной интеграцией технологий искусственного интеллекта и нейросетей, дополняемого словаря для перевода специализированных текстов, голосового управления для навигации в процессе диктовки перевода и редактирования и наличия профиля пользователя в целях повышения показателей восприятия речи.

Ключевые слова: речь, текст, программы транскрипции речи, акустическая модель, информация, письменный перевод

Введение

По прогнозам экспертов, в течение одного-двух лет около 30-50% всех мобильных запросов будут происходить через голосовые команды. Это приведет к дальнейшему распространению приложений, в основе которых лежат голосовые команды [4]. Уже разработано множество программ преобразования речи в текст, активно применяющиеся в качестве альтернативного способа набора текста в различных видах профессиональной деятельности и повседневной жизни. Среди ряда компаний, занимающихся разработкой и совершенствованием такого рода программ, особняком стоит компания Nuance, лидер исследований и развития программного обеспечения в этой сфере [3]. Компания стояла у истоков разработки программ преобразования речи в текст для широкой аудитории пользователей. Также об успехах разработчика свидетельствует и тот факт, что к помощи Nuance прибегли ведущие разработчики ПО для мобильных устройств. Так, например, в основу работы Siri, голосового помощника устройств на базе iOS, заложены алгоритмы распознавания речи от Nuance. Общедоступность таких программ на современном рынке цифровых услуг ведет к росту практического применения этих программ в том числе в работе современных письменных переводчиков, в результате чего требуется изучение возможностей и ограничений ПО данного класса для

повышения эффективности его применения. Именно в этом и заключается цель данной работы.

О повышении продуктивности набора текста с помощью программ преобразования голосовых сигналов в текст или программ транскрипции свидетельствуют экспериментальные данные самих разработчиков. Компания Nuance заявляет о 3-кратном приросте в скорости [2]. В этом смысле все рассмотренные нами решения других производителей не отстают [2]. Внутри указанной категории ПО увеличение во времени в переводческой практике ожидается на этапе постредактирования. Поэтому на первый план в оценке конкурентов выходит точность распознавания, которую лидер гарантирует обеспечить на уровне до 99% в своих разработках благодаря ряду преимуществ [1].

Программная продукция

На официальном сайте компании предлагается 11 видов программного обеспечения: Dragon Professional Anywhere, Dragon Legal Anywhere, Dragon Professional Group, Dragon Legal Group, Dragon Law Enforcement, Legal Mobile и Healthcare, Windscribe Dictation, Dragon Anywhere Group, Dragon Anywhere Mobile, Dragon Professional Individual (PC), Dragon Legal Individual и Dragon Home. Во всех разработках компании производитель обеспечил потоковую транскрипцию речи с высокой точностью при высокой скорости диктовки, а также возможность редактирования и форматирования текста с помощью голосовых команд.

Рис. 1. Основные продукты компании Nuance

В результате более детального анализа 11 решений мы пришли к выводу о существовании двух главных направлений работы производителя, а именно – автономное ПО и облачные продукты (см. рис. 1).

К первым относятся все продукты Individual, не требующие выхода в Интернет и ориентированные на индивидуального пользователя. Разработчик ПО подготовил специализированные пакеты для удовлетворения профессиональных нужд работников, занятых в сфере здравоохранения, юриспруденции и правоохранительных органах. Также в Dragon Professional Individual (PC) и Dragon Legal Individual предусмотрена возможность пополнения пользовательских словарей и транскрипции аудиозаписей в форматах .wav, .mp3, .wma, .dss, .ds2 и .m4a. Компания Nuance ведет работу по расширению языковой базы автономных платформ. На сегодняшний день версии Professional Individual (PC) и Home поддерживают более 10 наиболее распространенных языков.

Во версии программы интегрирована функция глубокого обучения для адаптации ПО к особенностям голоса пользователя. Настройка нового поколения автономного ПО Nuance заключается в прочтении пары абзацев. В версии Professional предусмотрена возможность форматировать электронные таблицы и презентации в документах Microsoft Excel и Power Point, создавать пользова-

тельские команды и шаблоны. Для функционирования автономных программ требуется ПК высокой производительности.

Линейка Anywhere менее требовательна к характеристикам ПК благодаря облачной технологии. Устройство пользователя выполняет функции терминала, через который голосовые данные передаются на сервер для обработки и вывода текста. Помимо модуля обработки информации на сервере размещены специализированные пакеты для юристов, медицинских работников и представителей правоохранительных органов. Все администрирование централизовано, благодаря чему в распоряжении пользователя находятся последние версии продукта. Смена конфигурации также не представляет никаких трудностей.

Помимо снижения требования к производительности ПК облачные продукты обеспечивают беспрепятственный обмен данными между пользователями, в силу чего данная продукция позиционируется в качестве оптимального решения для оперативного обмена текстовой информацией между офисом и удаленными сотрудниками в вышеуказанных специализированных областях.

Программы этой линейки зависят от доступа к сети Интернет для обработки информации через облачные технологии и подключения к удаленному серверу. Все облачные решения поддерживают работу только с английским языком.

Таблица 1

Сравнение основных характеристик программ Dragon.

Характеристика	Professional Anywhere/ Legal Anywhere	Professional Group/ Legal Group	Dragon Law Enforcement, Legal Mobile и Healthcare	Windscribe Dictation	Dragon Anywhere Group и Anywhere Mobile	Dragon Legal Individual	Dragon Professional Individual	Dragon Home
Потоковая транскрибация	+	+	+	+	+	+	+	+
Транскрибация аудиофайлов	-	+	+	+	-	+	+	-
Автономная работа	-	-	-	-	-	+	+	+
Мультиплатформенная работа	+	+	+	+	-	+	+	+
Требования к характеристикам устройства	Низк.	Низк.	Низк.	Низк.	Низк.	Выс.	Выс	Выс.
Совместимость с iOS, Android	+(синх.)	+(синх.)	+	+	+	-	-	-
Редактирование и навигация	+	+	+	+	+	+	+	+
Создание пользовательских команд	+	+	+	-	-	-	+	-
Обучаемость и адаптация	+	+	+	+	+	+	+	+
Форматирование документов Excel и PowerPoint	-	+	-	-	-	-	+	-
Пользовательских словарь	+	+	+	+	+	+	+	-
Специализированный словарь	-/+	-/+	+ / + / +	-	-	+	-	-
Предустановленные синтаксические модели	-	-	+	-	-	-	-	-
Количество языков	1	1	1	1	1	1	>10	>10

Функциональные возможности облачных и автономных продуктов компании Nuance одинаковы за некоторым исключением (см. Таблицу 1). Разработчик ориентирует продукт на широкого пользователя, поэтому практически во всех решениях обеспечивается потоковая транскрибация с высокой точностью и интеграция пользовательских словарей. Из описания всех продуктов на сайте разработчика следует, что ни один из них не был создан исключительно для переводчиков. В чем и нет никакой необходимости, так как порядок использования никак не отличается от применения ПО в любой другой сфере.

Преимущества ограничения

Тем не менее тенденция специализации ПО налицо, но это направление никаким образом не выделяется в профиле компании. На данный момент основные результаты сводятся к тому, что большая часть платформ стали совместимы со специализированными отраслевыми словарями, что значительно повышает качество. Однако отраслевые словари входят в состав специализиро-

ванных пакетов, в которые загружены речевые модели, присущие документам в медицинской сфере, юриспруденции или сфере обеспечения правопорядка. Это несколько ограничивает применение ПО в работе переводчика, если текст для перевода не из области, для которой адаптирован пакет.

Наличие пользовательских шаблонов в большинстве продуктов также повышает производительность набора текста. С точки зрения переводчика функция подходит для работы со стандартизированными документами, например, паспортами, справками, правами. Между тем эта задача уже решена с помощью программ накопительного перевода. Причем все ПО данного класса интегрируется с автономными версиями Dragon, но полностью совместимы с облачными транскрибаторами Nuance.

С точки зрения организации рабочего места переводчика облачные решения обеспечивают гибкость. Данный аспект особенно важен для специалистов, работа которых требует высокой мобиль-

ности. Если нет удобного ноутбука, то всегда найдется планшет или телефон на худой конец. В этом ключе также следует обратить внимание на обучаемость ПО. Производительность и качество будет прогрессивно увеличиваться пропорционально времени использования программы. Таким образом, чтобы наслаждаться всеми преимуществами, необходимо постоянно пополнять базу пользователя, что предполагает работу только на одном устройстве для сторонников автономных версий Dragon. Справедливости ради не можем не указать на очевидный минус облачных решений, зависящих от наличия стабильного Интернета, доступ к которому не всегда и не везде можно получить. Также в этой категории отсутствует переводческая универсальность ввиду поддержки только английского языка, ввиду чего профессиональный интерес линейка Anywhere представляет только для тех, кто работает на английский язык.

Не во всех решениях производитель предусмотрел возможность голосового управления устройством, с которого выполняется перевод, а также осуществление навигации и редактирования набранного текста. Не считаем это существенным недостатком, так как полный отказ от привычной клавиатуры и мыши потребует месяцы тренировок и годы опыта. На этот шаг немногие решаются.

Некоторые продукты предназначены для создания быстрых заметок и работы в мессенджерах, например, Home и Windscribe Dictation в автономной и облачной категориях соответственно. В них отсутствует возможность ведения словаря, задания шаблона, что значительно снижает уровень персонализации и адаптации под требования переводчика. В связи с этим данные продукты обладают низким потенциалом в работе переводчика.

Выводы

Итак, мы провели анализ всех программ транскрипции Dragon с точки зрения работы письменного переводчика и пришли к ряду существенных выводов. Во-первых, характеристики ПО в категории Professional наиболее адаптированы для специалистов широкого профиля. Большое значение имеет открытая архитектура для охвата любой сферы, в который придется переводить. С помощью обучаемости ПО и пользовательского словаря программа легко подстраивается под нужды специалиста. Благодаря этому всегда есть возможность перейти к работе в новой тематике. Во-вторых, категория Professional представлена в облачной и автономной версиях. Онлайн-платформа менее требовательна к характеристикам устройства и обеспечивает большую гибкость. Преимуществом автономной версии является возможность транскрипции аудиозаписей, что открывает возможность работы с диктофоном в случае отсутствия ПК или возможности работы с ним, многоязычность и интеграция со специализиро-

ванными ресурсами переводчика, например, программами накопительного перевода. В-третьих, тренд по специализации продуктов ограничивает гибкость применения в письменном переводе. С другой стороны, переводчикам, занятым в сфере юриспруденции и здравоохранения, данные решения обеспечивают неоспоримое преимущество по уровню адаптированности программы к особенностям текстов в указанных сферах.

Литература

1. Официальный сайт компании Nuance – 11.05.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nuance.com/content/dam/nuance/en_us/collateral/dragon/data-sheet/ds-dragon-professional-individual-v15-en-us.pdf (дата обращения: 11.05.2021)
2. Обзор Dragon Anywhere: лучший способ диктовать? – 11.05.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.ditching.eu/obzor-dragon-anywhere-luchshij-sposob-diktovat-obzor/> (дата обращения: 11.05.2021)
3. Биктимиров А.Р. Функциональные возможности программ преобразования речи в текст в контексте работы письменного переводчика // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2021. № 5. С. 139. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mhs-journal.ru/wp-content/uploads/2021/05/mhs-5.pdf/> (дата обращения: 11.05.2021)
4. История развития систем распознавания речи: как мы пришли к Siri [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://habr.com/ru/post/131945/> (дата обращения: 11.05.2021)

References

1. Oficial'nyj sajt kompanii Nuance – 11.05.2021 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.nuance.com/content/dam/nuance/en_us/collateral/dragon/data-sheet/ds-dragon-professional-individual-v15-en-us.pdf (data obrashcheniya: 11.05.2021)
2. Obzor Dragon Anywhere: luchshij sposob diktovat'? – 11.05.2021 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://ru.ditching.eu/obzor-dragon-anywhere-luchshij-sposob-diktovat-obzor/> (data obrashcheniya: 11.05.2021)
3. Biktimirov A.R. Funkcional'nye vozmozhnosti programm preobrazovaniya rechi v tekst v kontekste raboty pis'mennogo perevodchika. Modern Humanities Success. Uspekhi gumanitarnyh nauk. 2021. № 5. S. 139. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://mhs-journal.ru/wp-content/uploads/2021/05/mhs-5.pdf/> (data obrashcheniya: 11.05.2021)
4. Istoriya razvitiya sistem raspoznavaniya rechi: kak my prishli k Siri [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://habr.com/ru/post/131945/> (data obrashcheniya: 11.05.2021)

DRAGON SOFTWARE IN THE CONTEXT OF TRANSLATION

*Biktimirov A.R., Associate Professor,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation*

Abstract: this paper analyses Dragon's speech transcription software in the context of dictation application in translation to improve translation productivity. The author considers groups and individual products for speech-to-text conversion in terms of their specific application, functionality, hardware requirements, user-orientation and other features. One of the aspects explored in the paper covers factors both facilitating and limiting the use of streaming speech transcription software in an interpreter's work. Attention is also paid to Nuance's product lines, working offline or online, as well as to specialised packages with industry-specific dictionaries, in which speech models of specific fields are loaded. In reviewing Dragon software, the researcher concludes on its advantages and limitations in the context of translation and its effectiveness due to the integration of artificial intelligence and neural network technologies, augmented vocabulary for translation of specialized texts, voice control for navigation during translation dictation and editing and availability of user profiles to enhance speech perception scores.

Keywords: speech, text, speech transcription software, acoustic model, information, translation

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ЭЛЕМЕНТ КОМПЛЕКСНОГО ЭКЗАМЕНА ПО ГОВОРЕНИЮ

*Будаева Л.Н., кандидат педагогических наук, доцент,
Оренбургский государственный медицинский университет*

Аннотация: в практике проверки владения РКИ происходит активный процесс формирования и внедрения тестовых форм. Тест – достаточно сложная форма контроля, представляющая собой многофункциональное явление и, в отличие от традиционных методов оценки, обнаруживает истинную, соответствующую современным требованиям, информацию о коммуникативном потенциале лиц, изучающих русский язык. Объектом тестирования служит языковая компетенция, включающая в себя устные языковые умения. Речевое общение происходит благодаря говорению – самому продуктивному виду речевой деятельности. Учитывая эти критерии и опираясь на научные исследования, мы предлагаем включить в субтест «Говорение», входящий в комплексный экзамен, материал, содержащий региональный компонент. Актуальность включения данного материала определяется тем, что иностранцы смогут «погружаться» не только в язык, но и в мир иноязычной культуры. Региональный компонент, должен соответствовать требованиями федерального компонента и не ограничиваться узкими рамками одного российского региона, что позволит реализовать одну из важных задач – знакомство иностранца с явлениями русской повседневной жизни и местной культурой. Предлагаемый нами фрагмент субтеста состоит из трех частей, первая из которых – это задания, проверяющие умение ответить на поставленный вопрос в определенной ситуации. Более сложная вторая часть, проверяет умение отвечать на поставленный вопрос, начинать и поддерживать диалог. Последняя часть выявляет умение строить рассказ самостоятельно.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), региональный компонент, комплексный экзамен, говорение, тест, тестирование, контроль

Введение

В настоящее время образовательная система активно совершенствуется и дополняется. Сегодня преподавателю нетрудно найти нужный ему инновационный метод для подачи нового материала, но проблема проверки уровня знаний обучающихся стоит остро. Практика использования тестовых форм доказала свою эффективность в мировом образовании и в том числе в системе иностранных языков, и сегодня тесты внедряются в процесс контроля уровня знаний русского языка как иностранного (РКИ). Главной его особенностью является тот факт, что в отличие от традиционных форм контроля он соответствует современным требованиям мирового образования.

Российское образование находится на этапе активного развития теории и последующего практического применения педагогических инноваций. Лингводидактический тест – это средство проверки знаний РКИ, позволяющий определить уровень владения языковой и коммуникативной компетенцией [1].

Каждое тестовое задание, представляющее собой некую лингвистическую ситуацию, представлено в вербальном или невербальном виде. Объектом тестирования служат языковые и коммуникативные умения иностранца. Устное речевое общение происходит благодаря говорению, которое используется в каждой сфере жизни человека, начиная с учебной и заканчивая обиходно-бытовой, в которой присутствует региональная лексика, а именно - географические наименования и городские объекты. Использование такого мате-

риала при обучении РКИ и проверке навыков говорения остается актуальным, поскольку люди, приехавшие в Россию, нуждаются в знании местного языкового материала, как тематического содержания, так и лингвистического [3, с. 16-19].

Методы исследования

В данной статье представлена часть нашего исследования, дополняющая комплексный экзамен по «Говорению» региональным компонентом. При проведении эксперимента были использованы: метод контроля и измерения, описательный и сопоставительный метод, метод обработки данных и внедрения результата.

Говорение является продуктивной формой речевой деятельности, нацеленной на воспроизведение речи. На практике оно реализуется работой речевого аппарата и обеспечивается посредством отдельных звуков, предложений и текстов [2]. Контроль уровня знаний предполагает всестороннюю проверку всех видов речевой деятельности в соответствии с заданными условиями, целями и поставленными задачами общения, а также исполняемой роли в заданной речевой ситуации [6]. Учитывая эти важные критерии и актуальные рекомендации по составлению тестов «Говорение» по РКИ Т.М. Балыхиной, И.А. Борзенко, Т.А. Ильиной, В.А. Коккота, Л.П. Клобуковой, которые считают, что главной целью является умение создать и поддержать диалог [4], а М.А. Магомедова характеризует процесс проверки говорения на экзамене как, умение понимать высказывания, инициировать диалог и монолог на заданную тему с помощью усвоенных языковых знаний, и при этом

важно не забывать о дискурсивной компетенции, т.е. умении выстраивать связные и логически правильные высказывания [7].

Мы дополнили субтест «Говорение» материалом, содержащим региональный компонент. Нами была разработана и апробирована эта часть комплексного экзамена по РКИ с учетом всех требований и рекомендаций. Время, которое было отведено на выполнение теста, составило 35 минут, 20 минут из которых мы выделили на подготовку экзаменуемым и остальные 15 минут – это ответ [5]. С целью получения наиболее объективных результатов мы запретили пользоваться словарем, а сам экзамен мы записали на видео. Такая запись будет полезна не только преподавателю, но самим экзаменуемым. При желании они могут посмотреть и самостоятельно оценить себя.

Предложенный отвечающим тест состоял из трех частей, где в первой части мы проверяли умение иностранца ответить на поставленный вопрос, вторая часть заданий проверяет умение самому продолжать и начинать диалог в заданной ситуации общения, и последняя часть теста проверяет умение выстраивать монологическую речь.

Первая часть языкового экзамена состоит обычно из вопросов о себе, о семье, о последних событиях и об окружающем мире. Эти вопросы мы предлагаем разнообразить лингвострановедческим материалом и включить вопросы регионального характера. Новые элементы теста помогут экзаменуемому освоить языковые единицы и «окунуться» в реалии страны и города изучаемого языка.

На элементарном уровне при ответе на вопрос «Какая погода сегодня?» мы получали стандартные формы. В нашем случае экзаменуемые часто не обращали внимание на реальную погоду за окном: солнце, дождь, снег, и отвечали «Сегодня хорошая погода» или «Сегодня тепло». Мы считаем, что при ответе на подобные вопросы следует считать правильным обозначение реальных региональных данных. Например, если речь идет об экзамене зимой, то правильным будет ответ «Сегодня холодно» или «Сегодня идет снег».

В следующую группу вопросов: «Где можно купить продукты/ одежду/ книги/ лекарства?» мы также включили региональный компонент. Все вопросы нами были сформулированы с уточнением «в этом городе» и ответ должен был содержать реальные названия магазинов, улиц и прочих объектов. На вопрос «Где можно купить продукты в нашем городе?» мы получили ответы, содержащие региональный фактор, «в Пятёрочке», «в Магните», «в Ленте». Иностранцы называли реальные магазины, в которые они чаще всего ходят. На вопрос «На чем можно доехать до ...?», по нашему

мнению, нужно считать правильным указание конкретного номера автобуса. Подобным образом мы работали с вопросами: «на какой остановке...», «на какой улице...», «на каком этаже...». Так как в нашем городе отсутствуют трамваи и метро, то ответ на вопрос «На чем можно доехать до драмтеатра/ центра тестирования/ университета?» с указанием данных видов транспорта мы отмечали как неверный.

Вторая группа заданий не содержит вопросы, а экзаменуемый должен самостоятельно задать вопрос или сказать ответ в соответствии с полученной ситуацией. Мы предлагаем расширить эту часть в аспекте регионального существования. Очень часто экзаменуемые получают общие стандартные ситуации «Вам понравилась книга/ вещь в магазине. Попросите продавца показать вам ее». В данном случае не учитываются современные реалии, а именно: все книги и вещи в магазинах покупатель может выбрать, взять и посмотреть самостоятельно. Часто иностранцу не нужно вообще ничего говорить при покупке того или иного товара, так как он просто может взять вещь и оплатить ее картой на кассе. Эта ситуация была немного изменена нами, в нее мы включили название реального книжного магазина в нашем городе, и экзаменуемый принял участие в несколько иной ситуации «Вы хотите купить русско-английский словарь в магазине «Читай-город». Узнайте у продавца о его местонахождении в данном магазине». Подобным образом мы изменили ситуации «купи товар», «спроси цену», «спроси свой размер» и др. В настоящее время все цены в магазинах указаны на товаре или на ценниках и иностранцу нет нужды спрашивать эту информацию у продавца, поэтому данные ситуации мы советуем перенести на конкретный городской рынок с указанием названия, а ситуации в магазинах – в реальные городские магазины также с указанием их названий.

Если на вопрос «Где вам нравится обедать?» экзаменуемый говорил общий ответ «в кафе», «в столовой», то ему предлагалось уточнить «в каком кафе?», «в какой столовой?». Вопросы типа «Где вы стриглись или стрижетесь?» вынуждают называть реальные региональные названия учреждений, а при их незнании – вспоминать и говорить местонахождение объекта. Так в одном из ответов прозвучало название кафе «Европа – Азия», которое ярко демонстрирует географическую специфику нашего региона. Мы предполагаем, что любой иностранец с легкостью может рассказать о причине наименования кафе – географическая особенность города Оренбурга и его местонахождении – рядом с мостом из Европы в Азию.

В нашем эксперименте сдающие часто затруднялись в постановке вопроса, не до конца понимая ситуацию, или терялись в ответе. Для них мы подготовили картинку-помощники, увидев которые иностранец сможет сориентироваться в дальнейшей фразе. Например, в ситуации «У вас появился лишний билет в кино. Пригласите своего друга» у экзаменуемого возникла трудность с началом диалога. В помощь ему мы предложили фотографию реальной киноафиши в нашем городе, а название кинотеатра, фильмов и времени их сеанса на киноафише дало возможность сориентироваться в постановке вопроса и в последующем диалоге.

Заключительная часть теста «Говорение» проверяет навыки монологической речи. На этом этапе преподавателю также запрещается помогать, а отвечающий должен самостоятельно построить рассказ согласно заданной теме. Мы представили иностранцам план ответа на следующие темы: о себе, о семье, о лучшем друге, о родном городе, об Оренбурге (о городе проживания), о родной стране, о России, о погоде в родном городе, о погоде в Оренбурге. В соответствии с заданным планом экзаменуемые должны были составить четкий рассказ. Время, которое мы дали на выполнения данного теста, составило 15 минут [5]. Мы считаем, что на этом этапе проверки навыков говорения видеозапись ответа будет наиболее важной, так как она поможет экзаменуемому «взглянуть со стороны» на свой рассказ и на свою речь.

Так как данная часть экзамена строго определена темой и экзаменуемый получает готовую схему, то мы предлагаем дополнить этот план и включить в него вопрос, содержащий региональный компонент. Ответ на него даст возможность получить поощрительные баллы на экзамене. Актуальность включения данного материала определяется тем, что иностранцы «погружаются» не только в язык, но и в мир иноязычной культуры. Например, в план ответа по теме «Город, в котором я живу» мы вставили вопрос, который заставил иностранца поделиться впечатлениями о новом для него городе Оренбурге. Наш план выглядел следующим образом:

1. В каком городе вы живете в настоящее время?
2. Это большой город?
3. В этом городе холодно зимой? Летом жарко?
4. На какой улице вы живете?
5. Чем отличается этот город от других городов?
6. С какими достопримечательностями города вы познакомились?
7. Чем тебе нравится Оренбург?

Последний вопрос может иметь различные варианты: куда вы ходили в этом городе; где вы уже были; фотографии каких мест этого города вы отправляли своей семье/ друзьям (выкладывали в интернет). В вопросе можно указать конкретные, всем известные места: памятники, кафе, рестораны, музеи, театры, парки и прочие достопримечательности.

Подобным образом мы изменили все темы с учетом национально-регионального компонента и предложили иностранцам высказать свои впечатления об Оренбурге; рассказать, что они уже видели, что им понравилось или не понравилось; сравнить погоду и климат родного города и страны с погодой в России и в Оренбурге. Например, в план ответа по теме «Моя семья» мы включили вопрос: Где вы отдыхали с семьей в своем родном городе? Где вы планируете отдохнуть в Оренбурге летом? Эти вопросы не вызвали у отвечающих затруднений, и они самостоятельно выделили яркие отличия и сходства. Сравнивая места для отдыха, студенты из Индии отметили отсутствие моря и пляжей в Оренбурге. Трудовые мигранты из Узбекистана выделили теплое и комфортное лето в Оренбурге, более низкую температуру.

Результаты показали, что в отличие от студентов, мигранты отвечают на вопросы более осознанно, лучше понимают вопрос и не теряются в заданных незнакомых ситуациях. Так, например, на вопрос «Как зовут твоего друга?» студенты быстро отвечали «Антон» или «Иван», не замечая того факта, что друг по имени Антон и Иван у них отсутствует. Ответ на этот же вопрос у мигрантов занимал больше времени, так как они вспоминали реального друга и называли его имя «Ахмед». При ответе обучающиеся университета допускали намного меньше грамматических и лексических ошибок, но часто использовали стандартные формы - «клише», до конца не понимая ситуацию, а отклонение в сторону от заученной фразы приводило экзаменуемого студента в ступор.

Помимо основной группы ошибок (фонетических, грамматических, лексических) наше внимание привлекли ошибочные ответы, связанные с некоторыми неточностями в региональных данных. Так, например, на вопрос «На чем вы можете добраться до вокзала?» прозвучал ответ «на метро». В нашем случае налицо явная ошибка, так как в нашем городе метро отсутствует. Экзаменуемые из Индии, рассказывая о своих родных городах, часто называли всем известную достопримечательность Тадж Махал, находящуюся в другом городе – в Агре.

Все описанные региональные особенности субтестов «Говорение» позволяют не только иностранцу продуцировать высказывание по заданной

теме, оформленное в соответствии с нормами современного русского языка, но и дают возможность преподавателю проверить знания о субъектах России, особенностях географических условий проживания в них, социально-экономических особенностях, национальных отношениях и нормах этикета.

Литература

1. Аванесов В.С. Теория и практика педагогических измерений (материалы публикаций). М., 2002. 98 с.
2. Балыхина Т.М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного). М., 2003. 242 с.
3. Благова Н.Г., Коренева Л.А., Родченко О.Д. О концепции обучения русскому языку с учетом регионального компонента // РЯШ. 1993. № 4. С. 16 – 19.
4. Борзенко И.А. Тестирование граждан зарубежных стран по русскому языку как инновационная деятельность образовательного учреждения – «Первая международная научно-практическая конференция». М. РУДН, 2007. С. 40.
5. Владимирова Т.Е. и др. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. 2-е изд., испр. и доп. М.-СПб.: «Златоуст», 2001. 28 с.
6. Коккота В.А. Лингводидактическое тестирование. М., 1989. С. 10 – 11.
7. Магомедова М.А. Лингводидактическое тестирование как средство управления процессом

овладения русским языком как иностранным автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. С. 18 – 23.

References

1. Avanesov V.S. Teoriya i praktika pedagogicheskikh izmerenij (materialy publikacij). M., 2002. 98 s.
2. Balyhina T.M. Osnovy teorii testov i praktika testirovaniya (v aspekte russkogo yazyka kak inostrannogo). M., 2003. 242 s.
3. Blagova N.G., Koreneva L.A., Rodchenko O.D. O koncepcii obucheniya russkomu yazyku s uchetom regional'nogo komponenta. RYASH. 1993. № 4. S. 16 – 19.
4. Borzenko I.A. Testirovanie grazhdan zarubezhnyh stran po russkomu yazyku kak innovacionnaya deyatel'nost' obrazovatel'nogo uchrezhdeniya – «Pervaya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konfe-renciya». M. RUDN, 2007. S. 40.
5. Vladimirova T.E. i dr. Gosudarstvennyj standart po russkomu yazyku kak inostrannomu. Elementarnyj uroven'. 2-e izd., ispr. i dop. M.-SPb.: "Zlatoust", 2001. 28 s.
6. Kokkota V.A. Lingvodidakticheskoe testirovanie. M., 1989. S. 10 – 11.
7. Magomedova M.A. Lingvodidakticheskoe testirovanie kak sredstvo upravleniya processom ovladeniya russkim yazykom kak inostrannym avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. M., 2007. S. 18 – 23.

REGIONAL COMPONENT AS AN ELEMENT OF A COMPREHENSIVE SPEAKING EXAM

*Budaeva L.N., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Orenburg State Medical University*

Abstract: in the practice of checking the ownership of RFL, there is an active process of forming and implementing test forms. The test is a rather complex form of control, which is a multifunctional phenomenon and, unlike traditional assessment methods, reveals true information about the communicative potential of Russian language learners that meets modern requirements. The object of testing is the language competence, which includes oral language skills. Speech communication occurs due to speaking – the most productive type of speech activity. Taking into account these criteria and relying on scientific research, we propose to include in the subtest "Speaking", which is part of the comprehensive exam, material containing a regional component. The relevance of the inclusion of this material is determined by the fact that foreigners will be able to "immerse themselves" not only in the language, but also in the world of foreign language culture. The regional component must meet the requirements of the federal component and not be limited to the narrow framework of one Russian region, which will allow one of the important tasks to be realized – familiarizing a foreigner with the phenomena of Russian everyday life and local culture. The proposed fragment of the subtest consists of three parts, the first of which is tasks that test the ability to answer a question in a certain situation. The more complex second part tests the ability to answer the question, start and maintain a dialogue. The last part reveals the ability to build a story independently.

Keywords: Russian as a foreign language (RFL), regional component, comprehensive exam, speaking, test, testing, control

ПРОСОДИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА КАК ОРГАНИЗУЮЩИЙ ФАКТОР В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПРОСОДЕМНОГО ПРОСТРАНСТВА В ШВЕЙЦАРСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

*Гусева А.С., кандидат филологических наук, доцент,
Гроцкая Н.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Сибирский государственный университет науки
и технологий им. академика М.Ф. Решетнева*

Аннотация: статья посвящена рассмотрению языка с точки зрения системного подхода. Приводится анализ работ лингвистов разных школ по данному вопросу. Так, системный подход к языку сравнивается с подходом к языку лингвистов-структуралистов (Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева и др.). Прослеживается становление системного подхода к языку от истоков (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Мельников Г.П. и др.) до наших дней (Коваленко Н.А., Подгорбунская И.Г., Краев А.Ю. и др.), анализируются основные понятия (детерминанта, общие типы единиц языковой системы, изоморфизм, понятие самоорганизации систем, языковые пространства и их иерархичность). Бесспорным остается факт существования в языке оптимизирующего параметра, некой «доминанты», или «детерминанты». Данная детерминанта отражает главный способ функционирования системы. Более подробно авторами рассматривается такой раздел языкознания, как просодия. Авторами статьи был проведен фонетический эксперимент на материале швейцарского варианта немецкого языка, целью эксперимента являлось определение признаков и функций просодической детерминанты. Данный эксперимент является логическим продолжением проведенных ранее исследований. В результате данного фонетического эксперимента с последующей математико-компьютерной обработкой определены признаки и функции просодической детерминанты в просодемном пространстве швейцарского варианта немецкого языка, а также выявлена реализация просодической детерминанты в единонаправленном восходящем движении тона. Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности продолжения исследований в данной области с выходом на фонемное и сверхпросодемное пространства, а также проведения исследований с использованием материала различных диалектов Швейцарии.

Ключевые слова: просодическая детерминанта, швейцарский вариант немецкого языка, системный подход, диапазон частоты основного тона, просодемное пространство

Реализация просодической детерминанты в швейцарском варианте немецкого языка представляется актуальной темой, поскольку ее изучение с точки зрения просодии швейцарского варианта немецкого языка остается малоизученной областью. Ранее проводилось исследование по выявлению особенностей реализации просодической детерминанты на материале швейцарского варианта немецкого языка [1]. Настоящая работа является логическим продолжением проведенных ранее исследований и имеет целью систематизацию и углубление уже имеющихся данных, дополненных новыми данными соответственно проведенному эксперименту, рассмотрение признаков и функций просодической детерминанты на уровне просодемного пространства в швейцарском варианте немецкого языка через призму системного подхода.

Некоторые лингвисты описывают язык как самоорганизующуюся систему (Мельников Г.П., Шемакин Ю.И., Коваленко Н.А., Краев А.Ю.), ведущую роль в которой играет просодическая детерминанта (Мельников Г.П., Коваленко Н.А.). Рассмотрим данное понятие подробнее.

Мельников Геннадий Прокопьевич рассматривает язык как систему, как некое сложное единство, составными частями которого являются

элементы, а схемой связей между элементами — структура. Как видно, при таком подходе структура представляется лишь одной из характерных черт системы, но не самой системой. Таким образом, данный подход к рассмотрению языка оказывается шире подхода лингвистов-структуралистов (Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева и др.). В такой системе существует главный способ функционирования, оптимизирующий параметр, в соответствии с которым формируются оптимальные взаимосвязи между особенностями структуры и субстанции системы. Так, Мельников Г.П. приходит к выводу, что это некая «доминанта», а точнее «детерминанта» системы, избрав именно этот меткий термин для отражения главного способа функционирования. Также Геннадий Прокопьевич обращает внимание на то, что детерминанта выступает главной, определяющей характеристикой системы, показателем согласованности и взаимосвязанности процессов системы, их неслучайности. Данная детерминанта присуща каждому языку, и каждый язык по-своему настраивается на нее.

Становление и развитие системного подхода к языку имело место быть благодаря общей смене научной парадигмы от «атомистической» на «холистическую». Для становления системного понимания языка немаловажную роль сыграли

взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ на роль отношений в языке, на необходимость разведения статики и динамики, а также выведенные им общие типы единиц языковой системы, а именно: фонема, морфема, синтагма. И.А. Бодуэн де Куртенэ дает определение языку как целостной системе, в состав которой входят универсальные языковые единицы; в свою очередь свойства данных единиц определяются набором субстанциональных характеристик и отношениями между данными единицами.

Бесспорным остается тот факт, что язык является сверхсложной системой, которая включает в себя множество элементов и процессов, а также содержит скрытые противоречия, которые проявляются в речевой деятельности, и благодаря данным противоречиям язык способен функционировать и развиваться. Исходя из данного обстоятельства, исследователи обратились ко внешней структуре языка и к мышлению (находящемуся вне языка). Данные противоречия могут быть обнаружены благодаря эксперименту и логическому анализу. Одной из специфических черт системного подхода считается стремление обосновать его по принципу изоморфизма. Изоморфизм представляет собой сходство систем и языковых структур. Ввиду данного принципа просодема характеризуется временной и пространственной непрерывностью, обеспечивая языковое единство. Принцип изоморфизма неразрывен с существующими в языке инвариантными характеристиками, которые могут быть выявлены экспериментальным путем, при исследовании вариантных речевых материализаций просодем.

Одним из ключевых понятий в системном подходе является понятие самоорганизации. Герман Хакен, говоря о самоорганизации, указывает, что в этом случае «система испытывает извне неспецифическое воздействие» [9, с. 28]. Таким неспецифическим воздействием на речь человека выступают эмоции как возмущающие факторы, приводящие систему в состояние неустойчивого равновесия, при котором появляются различные многочисленные потенциальные возможности, создающие условия для возникновения новых свойств системы. Шемакин Ю.И. говорит о самоорганизации как о «свойстве системы изменять свою внутреннюю структуру и функции для адаптации к воздействию окружающей среды» [10]. Очевидно, что к самоорганизации языка относится сохранение индивидуальности языка наряду с постоянно меняющимся потоком речи при восстановлении начального состояния.

Коваленко Н.А. в своих исследованиях уделяет

особое внимание просодической детерминанте, которая является предпочтительным движением тона [2, 3]. Просодическая детерминанта представляет собой ведущий параметр языка, она делает речь стабильной, объединяет и управляет всеми остальными речевыми элементами, которые обнаруживают и подтверждают реализацию данной детерминанты в речи. Она является своего рода единым принципом, без которого языковая система любого уровня была бы лишь суммой разрозненных фактов. С помощью детерминанты происходит функционирование всего процесса речи, от детерминанты зависит вся качественная определенность структурных отношений.

Как известно, существует по меньшей мере три языковых пространства, находящихся в иерархичном соотношении друг к другу: фонемное пространство, просодемное пространство, сверхпросодемное пространство. Данные уровни также носят названия микропространства, макропространства и мегапространства соответственно [8]. Все данные пространства находятся во взаимодействии и взаимосвязи друг с другом: каждый уровень включает нижестоящий и при этом сам является частью системы более высокого уровня. В данном случае можно наблюдать действие принципа спиральной фрактальности, который реализуется в пространстве системного времени. Модули такого вида переходов от одного уровня к другому являются наглядной иллюстрацией самоорганизации систем. Системная взаимообусловленность всех уровней и компонентов языка в его синхронном состоянии может быть выведена и установлена благодаря детерминанте языка.

Под просодемным, или макропространством имеются в виду языковые единицы, которые материализовываются вариантами просодем (к ним относятся ритмические группы, а также слова-предложения).

Для определения характеристик и функций просодической детерминанты в швейцарском варианте немецкого языка на уровне просодемного пространства нами был проведен фонетический эксперимент, суть которого заключается в начитке лингвистического материала носителями языка с последующей его математико-компьютерной обработкой.

Начитанный материал представляет собой разные по цели высказывания двух- и трехсложные слова-предложения с ударением на разных слогах, например: Atlas. Magen. Liste. Rezept. Prozess. Lexikon. Fertigkeit. Minute. Gardine. Seminar. Musikant. Atlas? Magen? Liste? Rezept? Prozess? Lexikon? Fertigkeit? Minute? Gardine? Seminar? Musikant?

Проанализировав экспериментальные данные, мы выявили, что просодической детерминанте свойственны следующие признаки: устойчивость и всеобщность. Признак устойчивости можно наблюдать в неоднократной повторяемости закономерностей восходящего движения тона в исследуемом варианте немецкого языка. Характерным является проявление способности просодической детерминанты к сохранению данного признака устойчивости даже в случае наложения различного рода возмущающих факторов. В то же время, сохраняется возможность движения детерминанты к позиции нейтрализации. Данная позиция представляет собой перемещение движения тона из восходящего в нисходящий. Данное явление сопровождается сужением диапазона частоты основного тона. В швейцарском варианте немецкого языка это происходит в трехсложной вопросительной акцентной структуре с ударением на конечном слоге. В данном случае можно сказать о том, что просодическая детерминанта содержит в себе не только точку устойчивости, но и точку изменчивости, поскольку интенция говорящего влияет на реализацию просодической детерминанты.

Признак всеобщности заключается во всеобщем, обширном влиянии просодической детерминанты на все вышеупомянутые пространства языка, а также на элементы, составляющие эти пространства, начиная звуком и заканчивая текстом.

С признаком всеобщности тесно взаимосвязаны связи управления, благодаря которым система языка контролирует направление и осуществлять корректировку различных проявлений своей активности изнутри. Отличительным признаком системы является уже упомянутая нами иерархичность строения, и здесь связи управления играют одну из важнейших ролей, являясь системообразующими. Лингвисты указывают на то, что благодаря своей незамкнутости системы могут функционировать и развиваться от простого к сложному. Существует открытость макропространства по отношению к микропространству и макропространства – к мегапространству.

В результате проведенного анализа было установлено, что выявленные ранее [1, с. 310-311] функции просодической детерминанты Ц стабилизирующая, интеграционная, центробежная, функция управления – нашли свое отражение и в данном эксперименте. В рамках стабилизирующей функции также выявлены детерминантные и гетерогенные процессы, последний из которых обладает такими характеристиками, как избыточность, активность, быстрота изменений,

эволюционное развитие языка и речи. Суть интеграционной функции состоит в следующем: просодическая детерминанта имеет способность объединять явления, так что определенные пространства языка несут в себе метаданные о целом, о всей системе, проявляя тем самым взаимозависимость как одно из свойств иерархичности. А если говорить про макропространство исследуемого языка, то это выражается в повышающемся движении тона, происходящем в акцентной структуре (- - ?). Центробежные тенденции способны порождать всесторонние структурно-системные изменения.

Таким образом, можно сделать вывод, что просодическая детерминанта как стабилизирующий и организующий фактор в швейцарском варианте немецкого языка находит свое отражение в едином направленном восходящем движении тона в просодическом пространстве. Практическая значимость данной работы состоит в том, что она может стать послужить отправной точкой для дальнейших исследований просодической детерминанты на материале различных диалектов Швейцарии, а также на уровне фонемного и сверхпросодического пространств.

Литература

1. Гонина А.С. Особенности реализации просодической детерминанты в швейцарском варианте немецкого языка // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. № 2. С. 308 – 311.
2. Коваленко Н.А. Системный подход к фразовой просодии слова. Красноярск: Изд-во КГПУ, 1998. 120 с.
3. Коваленко Н.А. Роль детерминантных и гетерогенных процессов в самоорганизующейся системе языка // Фонетика и фонология в системе филологических наук. 2007. С. 31 – 36.
4. Краев А.Ю., Коваленко Н.А. Язык как самоорганизующаяся система // Язык и время: Материалы межвузовской конференции. 2004. С. 121 – 129.
5. Краев А.Ю. Фразовая просодия слова в современном английском языке: системно-синергетический подход (экспериментально-фонетическое исследование): автореферат дис. ... канд. филол. наук. 2005. 19 с.
6. Мельников Г.П. Язык и речь с позиций системной лингвистики // Язык и речь. Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1977. С. 201 – 243.
7. Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии // Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов. М.: Наука, 1966. С. 42 – 45.

8. Подгорбунская И.Г. Иерархичность языковых пространств // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2020. № 4. С. 190 – 194.

9. Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям. М.: Мир, 1991. 240 с.

10. Шемакин Ю.И. Семантика самоорганизующихся систем. М.: Акад. проект, 2003. 173 с.

References

1. Gonina A.S. Osobennosti realizacii prosodicheskoy determinanty v shvejcarskom variante nemeckogo yazyka. Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva. 2012. № 2. S. 308 – 311.

2. Kovalenko N.A. Sistemnyj podhod k frazovoj prosodii slova. Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU, 1998. 120 s.

3. Kovalenko N.A. Rol' determinantnyh i geterogennyh processov v samoorganizuyushcheysejssysteme yazyka. Fonetika i fonologiya v sisteme filologicheskikh nauk. 2007. S. 31 – 36.

4. Kraev A.YU., Kovalenko N.A. YAzyk kak samoorganizuyushchayasistema. YAzyk i vremya:

Materialy mezhvuzovskoj konferencii. 2004. S. 121 – 129.

5. Kraev A.Yu. Frazovaya prosodiya slova v sovremennom anglijskom yazyke: sistemno-sinergeticheskij podhod (eksperimental'nofoneticheskoe issledovanie): avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. 2005. 19 s.

6. Mel'nikov G.P. YAzyk i rech' s pozicij sistemnoj lingvistiki. YAzyk i rech'. Tbilisi: Izd-vo AN SSSR, 1977. S. 201 – 243.

7. Mel'nikov G.P. YAzyk kak sistema i yazykovye universalii. Konferenciya po problemam izucheniya universal'nyh i areal'nyh svojstv yazykov6 Tezisy dokladov. M.: Nauka, 1966. S. 42 – 45

8. Podgorbunskaya I.G. Ierarhichnost' yazykovykh prostranstv. Modern Humanities Success. Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2020. № 4. S. 190 – 194.

9. Haken G. Informaciya i samoorganizaciya. Makroskopicheskij podhod k slozhnym yavleniyam. M.: Mir, 1991. 240 s.

10. SHemakin Yu.I. Semantika samoorganizuyushchihsystem. M.: Akad. proekt, 2003. 173 s.

PROSODIC DETERMINANT AS ORGANIZING FACTOR IN THE FUNCTIONING OF PROSODIC SPACE IN SWISS VARIANT OF THE GERMAN LANGUAGE

*Guseva A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Grotskaya N.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology*

Abstract: the article is devoted to the consideration of the language from the point of view of the systems approach. An analysis of the works of linguists from different schools on this issue is given. Thus, the systems approach to the language is compared with that of structuralist linguists (F. de Saussure, L. Elmslev, etc.). The formation of a systems approach to the language is traced from the origins (I.A. Baudouin de Courtenay, Mel'nikov G.P. etc.) to nowadays (Kovalenko N.A., Podgorbunskaya I.G., Kraev A.Yu. etc.), the basic concepts (determinant, general types of units of the language system, isomorphism, the concept of self-organization of systems, language spaces and their hierarchy) are analyzed. The fact of the existence in the language of an optimizing parameter, a certain "dominant" or "determinant", remains indisputable. This determinant reflects the main way of functioning of the system. The authors consider in more detail such a section of linguistics as prosody. The authors of the article carried out a phonetic experiment on the material of the Swiss variant of the German language, the purpose of the experiment was to determine the features and functions of the prosodic determinant. This experiment is a logical continuation of previous studies. As a result of this phonetic experiment with subsequent mathematical and computer processing, the signs and functions of the prosodic determinant in the prosodic space of the Swiss variant of the German language were determined, and the realization of the prosodic determinant in the unidirectional ascending tone movement was revealed. The practical significance of the study lies in the possibility of continuing research in this area on the base of the phoneme level and super-sub-level, as well as carrying out research using material from various dialects of Switzerland.

Keywords: prosodic determinant, Swiss variant of the German language, systems approach, pitch frequency diapason, prosodic space

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В КАЧЕСТВЕ ГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТИЛЕ РЕЧИ

*Довлеткиреева Л.М., кандидат филологических наук, доцент,
Чеченский государственный университет*

Аннотация: в данной статье рассматриваются графические средства, используемые в художественном стиле речи в качестве специфических выразителей авторского замысла. Различные средства графики имеют широкое применение в публицистических, художественных и рекламных текстах, однако как фигура речи этот способ выразительности еще не получил достаточного описания в научной и учебной литературе по стилистике русского языка. Автор приводит примеры из художественных текстов, иллюстрирующие экспрессивные возможности графики, в частности, из лирики А. Ахматовой, М. Цветаевой, В. Маяковского. Пунктуационные знаки русского языка (тире, вопросительный знак, многоточие и т.д.) находятся в поле зрения исследования, особое внимание уделяется вариативным и так называемым «авторским» знакам, их соотношению в художественном пространстве. Пунктуационные знаки рассматриваются в контексте современной стилистики как одно из выразительных средств, заключающееся в стилистически значимом отклонении от графической или орфографической нормы с целью визуального привлечения внимания читателя и необходимостью сделать акцент на определенном смысловом или логическом аспекте текста, фразы, словосочетания или слова.

Ключевые слова: графика, художественный стиль, средства выразительности, пунктуация, знаки препинания

К графическим средствам языка относят различные экспрессивно-выразительные возможности письменной речи, а именно – буквы, знаки препинания, сокращение слов, подчеркивания, всевозможные выделения шрифта, отступы, пробелы и другие приемы, которые на фоне нормативного текста с точки зрения графики и орфографии становятся заметными и это позволяет автору актуализировать внимание читателя на определенном смысле, что способствует реализации авторского замысла наряду с другими средствами построения художественного текста.

Графика позволяет создать визуальную экспрессию, изучению этого явления в лингвистике посвящены работы Бахтина М.М., Валгиной Н.С., Гальперина И.Р., Кухаренко В.А. и других исследователей.

Эмоциональная, экспрессивная нагрузка возникает за счет того, что разные шрифтовые выделения, необычная дефисация фразы, введение каких-то нестандартных для этого текста знаков, использование прописной буквы вместо строчной, необычное расположение, к примеру, фигурное – все это привлекает внимание на фоне нормативной графики. Особенно такое применение графических возможностей получило широкое распространение в художественной и публицистической литературе. Мы наблюдаем разновидности графона и в рекламных текстах, на различных плакатах, в СМИ.

Надо отметить, что очень часто средства графики используются в поэзии. В поэтическом тексте больше возможностей для самовыражения с помощью графики, нежели в прозаическом или публицистическом. Можно, к примеру, неординарно построить стихотворные строки, расположить текст на плоскости бумажного листа в не-

обычном порядке или необычной форме. Логогриф и полиндром – это специальные графические приемы, используемые в поэзии. Поэт может изменить ударение или выделить отдельные буквы...

Пунктуация является одним из самых распространенных видов графики в художественном тексте. Она позволяет не только расчленить текст на синтаксические элементы, но и подчеркнуть многие важные эмоционально-экспрессивные моменты. Отношение автора к высказыванию тоже выражается с помощью знаков препинания. Они подсказывают ту эмоциональную реакцию, которую писатель как создатель текста ожидает от своего потенциального читателя. Кроме того, пунктуационные знаки создают ритмический и мелодический рисунок.

Стилистическая функция и эмоционально-смысловая нагрузка знаков препинания различна. Более всего этим качеством обладают, как известно, восклицательный и вопросительный знаки. Если текст насыщен этими знаками, это уже свидетельствует о его высоком эмоциональном накале. Как, например, в этом отрывке из стихотворения «Возвращение Маяковского»: «Папаша, / мне скушно! / Мне скушно, папаша! / Глупых поэтов небом маните, / Вырядились звезд ордена! / Солнце! / Чего расплескалось мантией? / Думаешь – кардинал? / Довольно лучи обсасывать в спячке. / За мной! / Все равно без ножек – / чего вам пачкать?! И галош не понадобится в грязи земной» [8, с. 459].

Эмоциональные паузы в тексте возможно отметить только с помощью таких знаков препинания, как тире или многоточия. В приведенном отрывке эту функцию выполняет тире: «Думаешь – кардинал?» А в следующих уже многоточие: «Сколько

их, /веков, /успело уйти,/ вдребезги дней разби-лось о даль...», «Горы в орлином клекоте...» [8, с.458] Философские размышления, прием умолчания, эмоциональная пауза – все эти творческие задумки реализуются использованием многоточия.

Также тире и многоточие могут указывать на намеренно затянутую паузу перед очень важным в смысловом отношении словом или предложением: «Сквозь тысячи лет прошла – и юна» [8, с. 464]. Маяковский очень важные для своей поэтической концепции слова порой выделяет не одним, а двусторонними тире. Этим он добивается и особой ритмики, и экспрессивного нажима на этой лексеме. В одном стихотворном фрагменте он может столкнуться несколько графических средств, которые значительно усиливают его экспрессию:

Эта тема день истемнила, в темень
колотись – велела – строчками лбов.

Имя этой теме:
.....! [8, с. 345]

Как видим, здесь и двустороннее тире, и шеститочие (по количеству букв в слове «любовь»), и восклицательный знак, и излюбленная лесенка Маяковского в конце. Не говоря о том, что эмоциональность графики дополняется сочетанием с другими приемами выразительности: фонетической и лексической игрой.

Н.С. Валгина выражает мнение, что «наибольшую активность в создании нетривиальной пунктуации проявляет тире, отчасти многоточие» [3, с. 135]. Почему же не запятая или, к примеру, точка? Мы думаем, это связано с тем, что запятая или точка слишком привязаны к синтаксису, отклонения от нормы в их употреблении большинством будут рассматриваться как пунктуационные ошибки, нежели как стилемы. Тире же в этом плане многоаспектно, оно вполне может занимать самые неожиданные места в тексте, создавая различные эффекты – интонационной и смысловой паузы, противопоставления, следования, актуализации и т.д. На наш взгляд, широкое использование тире возможно потому, что этот знак не очень грамматичен, его функциональные возможности больше, чем у любого другого знака препинания. Он больше из сферы ритмики, смысла и интонации. И это предоставляет автору многие возможности для творческого самовыражения, так как находится в сфере авторской стилистики, его своеобразной манеры, способствуя созданию ярких примет идиостиля того или иного поэта. Например, Марина Цветаева и Максим Горький отличались особым пристрастием к этому знаку авторской пунктуации, но они использовали его каждый в своей индивидуальной манере.

У некоторых авторов текст бывает перегружен, например, восклицательными знаками, подчерки-

вающими восторженность и повышенную эмоциональность, а других – многоточиями, подчеркивающими склонность к размышлениям, умолчаниям, философским раздумьям, недосказанности. Вербальных средств порой не хватает для выражения мельчайших движений человеческой души, нюансов переживаний и мыслей, тогда на помощь приходят знаки препинания. Особенно это касается текстов, не отличающихся особенной слаженностью, стройностью, текста с перебивками, грамматическими нестыковками. Авторская пунктуация позволяет подчеркнуть своеобразие этого писателя, его необычное видение мира. Конечно, мы имеем в виду пунктуацию, которая является намеренным, целенаправленным отклонением от нормы. Но речь не идет о специальных грубых нарушениях и каких-то специальных знаках. Знаки препинания, казалось бы, выполняют те же языковые функции, то есть они вполне узнаваемы, но они приобретают какой-то дополнительный обогащенный смысл. Как же происходит это приращение? Это происходит в том случае, если знак препинания используется в непредусмотренной для него пунктограммой позиции. Главный секрет заключается в том, что нельзя сместить по желанию позиции всех знаков, тогда нарушится системность пунктуации, ее регламентирующий и упорядочивающий характер будет нарушен, поэтому в случае с так называемыми «авторскими знаками» речь идет о крайней избирательности: то есть автор выбирает какие-то отдельные знаки, к которым имеет особый интерес.

Проиллюстрируем сказанное на примере использования тире Мариной Цветаевой. В ее графической палитре знаки препинания выполняют многообразные стилистические функции. Это создает особую цветаевскую поэтику текста, которая отличается, во-первых, концентрированной речью, максимально уплотненной, сгущенной до отказа мыслью, сама М. Цветаева считала, что эту особенность ее творчества можно назвать «усложненностью языка»; во-вторых, взволнованностью, сбивчивостью, напряженностью ритмики и размера. Изложение сжато, а потому смысл несколько затемнен, и знаки препинания играют особую роль в его понимании и восприятии. Знаки препинания у Цветаевой как бы разводят слова, снимают напряженность, помогают ощутить ту связь, которая есть между словами.

Наши наблюдения за пунктуацией различных авторов утвердили нас во мнении о том, что каждый автор тяготеет к определенным знакам, мы основывались на том, какой знак чаще всего встречается в их творчестве. Например, у Ивана Сергеевича Тургенева очень частотна точка с запятой, в текстах Федора Михайловича Достоев-

ского много точек с запятыми и тире, Марина Цветаева у любителей ее поэзии в пунктуационных пристрастиях ассоциируется с тире.

Анна Ахматова тоже часто использует тире. Приведем несколько примеров:

1) «От других мне хвала – что зола» (тире нужно для усиления резкости высказывания, оно также восполняет отсутствующую глагольную связку настоящего времени «есть», однако по правилам русского языка перед «что» между подлежащим и сказуемым, выраженными именами существительными, на месте этой связки тире не ставится, в продолжении этого стихотворения мы видим уже нормативное тире между подлежащим и сказуемым – именами существительными в именительном падеже на месте отсутствующей глагольной связки: «от тебя и хула – похвала»);

2) «Я подымаю трубку – я называю имя, / Мне отвечает голос – какого на свете нет...» (В первом случае это вариативный знак, с точки зрения пунктуации, а не авторский, так как здесь можно выявить два типа языковых отношений между частями сложного бессоюзного предложения: первый тип – последовательность событий, на месте тире в этом случае возможна постановка союза «и»: «Я подымаю трубку, и я называю имя»; второй тип – цель действия, которое названо в первом простом предложении: «Я подымаю трубку, чтобы назвать имя...»). Второе предложение приведенного отрывка содержит уже не нормативно-вариативный, а авторский знак, так как оно не является бессоюзным, по структуре оно сложно-подчиненное с придаточной определительной частью, присоединенной с помощью союза «которого», по правилам перед ним должна быть запятая, а не тире. Следовательно, это именно авторский знак, цель – акцентировать внимание на второй части, подчеркнуть ее значимость, усилить определительность, графически создав эффект многозначительной паузы за счет тире. Благодаря тире возникает параллелизм двух конструкций;

3) «Что там – в сумерках чужих?», «Ты уют захотела, / Знаешь, где он – твой уют?» – в этих двух примерах тире возможно по правилам грамматики, хотя обычный носитель языка предпочел бы запятую, так как в первом случае она оформила бы уточняющее обстоятельство, а во втором – приложение после личного местоимения. Но, как видим, там, где возможно использовать тире, Ахматова предпочитает именно его, появляется добавочный смысл, который на уровне эмоционального восприятия считывается реципиентом, усиливая впечатление от нарисованной словесной картины [1].

На примерах из Анны Ахматовой мы вышли на обсуждение проблемы соотношения авторских и вариативных знаков препинания. Вариативными, как мы наглядно показали, являются знаки, которые допускаются правилами пунктуации наряду с основными. Мы также обнаружили, что один из вариативных знаков является нейтральным, а второй, как правило, несет дополнительную смысловую, эмоциональную или иную нагрузку, поскольку содержит намеки на смысл, который значим в данном контексте для автора. Если вариативный знак появляется в художественном тексте, это говорит о том, что его нужно прочитать очень внимательно, «вслушаться», «вглядеться» в те семантико-экспрессивные нюансы, которые он флюидирует читателю.

Порой не только насыщение знаками препинания, но и их отсутствие может стать стилистическим приемом. Он используется, как и предыдущие средства, как в прозе, так и в поэзии. В прозе текст без знаков препинания позволяет создать такой прием, который получил название «потока сознания» и передать спутанные мысли и переживания персонажа, выражаясь современным интернет-лексиконом, как бы в режиме нон-стопа или онлайн. В поэтическом тексте это тоже способствует созданию особой психологической атмосферы наибольшей оголенности внутреннего мира лирического героя либо самого автора. В стихотворной стилистике есть специальные жанры, где намеренно опускаются почти все или многие знаки препинания, позволяя читателю погрузиться в психологический режим неотфильтрованной мысли, прерывающейся, льющейся, путаной, особой тональности и страсти. Еще одна возможность, предоставляемая читателю, – самому расставить логические и смысловые паузы. Речь идет, конечно, о жанре верлибра или белого стиха.

Что касается восприятия художественного текста, оформленного с нарушением норм пунктуации, то это довольно непросто. Они требуют более внимательного, тщательного, глубокого и осмысленного прочтения. Именно этого, в принципе, и пытаются добиться авторы от читателя.

Таким образом, в художественном стиле речи, кроме обязательных и соответствующих правилам русской пунктуации, знаков препинания, а также так называемых «вариативных», то есть допускающих выбор из двух возможных вариантов знака или из возможного варианта постановки знака и его отсутствия, встречаются и авторские знаки, которые отличаются своей нестандартностью и стремлением решить определенные творческие задачи. Причины такого «нарушения» нормы могут быть различными: сознательное решение для создания графической экспрессии и расстановка

по устаревшим на сегодняшнее время нормам, например, в письме, имитирующем определенную историческую эпоху.

В том случае, когда в авторском тексте читатель замечает знак, не соответствующий норме, следует задуматься о том, в связи с чем он возник, для чего писатель или поэт распорядился им именно таким образом: появился ли он случайно, спонтанно либо в этом кроется изобразительный прием.

Литература

1. Ахматова А. Вечер. Белая стая. СПб., 2004. 415 с.
2. Бахтин М.М. Язык в художественной литературе // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 287 – 289.
3. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учебное пособие. М., 2004. 316 с.
4. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.: Либроком, 2016. 296 с.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2001. 340 с.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Флинта, 2018. 316 с.
7. Майзенгер Н.В. Позиционно-содержательная и прагматическая значимость знаков препинания в современном русском языке: дис. ... кан. филолог. наук. Барнаул, 2004. 188 с.
8. Маяковский В. Избранные произведения. М.: Айрис-пресс, 2005. 567 с.
9. Новиков Л.А. Лингвистическое толкование художественного текста. М., 2009. 365 с.
10. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного

русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск: Томский ун-т, 1981. 255 с.

11. Соколова Н. Структура художественного произведения // Кн.: Теория стиля. М., 2008. 350 с.
12. Цветаева М. Избранное. М.: Просвещение, 1990. 367 с.

References

1. Ahmatova A. Vecher. Belaya staya. SPb., 2004. 415 s.
2. Bahtin M.M. YAzyk v hudozhestvennoj literature. Bahtin M.M. Sobr. soch.: v 7 t. M., 1996. T. 5. S. 287 – 289.
3. Valgina N.S. Aktual'nye problemy sovremennoj russkoj punktuacii: uchebnoe posobie. M., 2004. 316 s.
4. Vannikov YU.V. Sintaksis rechi i sintaksicheskie osobennosti russkoj rechi. M.: Librokom, 2016. 296 s.
5. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 2001. 340 s.
6. Kuharenko V.A. Interpretaciya teksta. M.: Flinta, 2018. 316 s.
7. Majzenger N.V. Pozicionno-soderzhatel'naya i pragmaticheskaya znachimost' znakov prepiniyaniya v sovremennom russkom yazyke: dis. ... kan. filolog. nauk. Barnaul, 2004. 188 s.
8. Mayakovskij V. Izbrannye proizvedeniya. M.: Ajris-press, 2005. 567 s.
9. Novikov L.A. Lingvisticheskoe tolkovanie hudozhestvennogo teksta. M., 2009. 365 s.
10. Skovorodnikov A.P. Ekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo issledovaniya. Tomsk: Tomskij un-t, 1981. 255 s.
11. Sokolova N. Struktura hudozhestvennogo proizvedeniya. Kn.: Teoriya stilya. M., 2008. 350 s.
12. Cvetaeva M. Izbrannoe. M.: Prosveshchenie, 1990. 367 s.

**PUNCTUATION MARKS AS A GRAPHIC TOOL OF EXPRESSION
IN THE ARTISTIC STYLE OF SPEECH**

*Dovletkireeva L.M., Candidate of Philology sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Chechen State University*

Abstract: this article examines the graphic tools used in the artistic style of speech as specific exponents of the author's intention. Various means of graphics are widely used in journalistic, artistic and advertising texts, however, as a figure of speech, this method of expressiveness has not received a sufficient description in the scientific and educational literature on the style of the Russian language yet. The author gives examples from literary texts illustrating the expressive possibilities of graphics, in particular, from the lyrics of A. Akhmatova, M. Tsvetaeva, V. Mayakovsky. Punctuation marks of the Russian language (dash, question mark, ellipsis, etc.) are in the field of view of the research, special attention is paid to variable and so-called «author's» marks, their relationship in the artistic space. Punctuation marks are considered in the context of modern stylistics as one of the expressive means, consisting in a stylistically significant deviation from the graphic or spelling norm in order to visually attract the reader's attention and the need to focus on a certain semantic or logical aspect of a text, phrase, phrase or word.

Keywords: graphics, artistic style, means of expression, punctuation, punctuation marks

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ВОЛШЕБСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ш. ПЕРРО)

*Егорова О.Н., кандидат филологических наук,
Соболева Е.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Армавирский государственный педагогический университет*

Аннотация: сказка – составная часть духовной культуры как народа, так и отдельного человека. Она включает в себе универсальный опыт общества, соединяя сознательное с бессознательным, с миром образов и эмоций. Хотя похожие сказочные сюжеты можно наблюдать у разных национальностей, но средства их вербализации в тексте различаются, что связано с историческим прошлым нации и индивидуальным опытом рассказчика. В литературной сказке от автора, его мастерства и умения излагать, его личностных и социальных установок зависит очень многое, так как именно он, не только создает неповторимый сказочный мир, но, описывая события, характеры, внешность героев, их переживания и чувства, создает целевую установку, формирует определенный эмоциональный фон, тем самым заставляя сопереживать, сочувствовать или оставаться безучастным к судьбе персонажей.

С понятием «сказка» более всего ассоциируются волшебные сказки, в которых присутствуют волшебные персонажи, предметы. Особенности же репрезентации волшебного в текстах связаны с национально-культурной спецификой. В связи с чем, **целью данного исследования** является раскрытие особенностей вербализации концепта ВОЛШЕБСТВО во французской литературной сказке (на материале произведений Ш. Перро).

Поставленная цель определяет следующие задачи:

- определить содержательную специфику сказки как жанра;
- проанализировать особенности вербализации концепта ВОЛШЕБСТВО во французской литературной сказке.

Научная новизна заключается в описании специфики отображения концепта ВОЛШЕБСТВО в аспекте изучения авторского текста.

Практическая значимость определяется тем, что результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при чтении лекционных курсов по языкознанию, теории языка, стилистике, а также в преподавании французского языка.

Ключевые слова: концепт, сказка, вербализация, язык, репрезентация, культура, автор

История языка и история народа тесно связаны между собой. Через язык мы узнаем о национальном характере, обычаях, убеждениях, разделяемых массовым сознанием и нашедших свое отражение в текстах.

Сказка сопряжена с мифологическим мировоззрением и включает в себе универсальный опыт народа. В ней перед слушателем возникает особый мир, объединяющий в своём содержании элементы фантазии с культурным контекстом.

Существует ряд определений, характеризующих сказку. Так в словаре русского языка С.И. Ожегова она определяется следующим образом: «1. Повествовательное, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил. 2. Выдумка, неправда, ложь (разг.)» [2, с. 587]. Хотя существуют и другие дефиниции, отражающие более полное сказочное содержание и включающие в себя элементы типовой классификации сказок, но, в рамках данного исследования, нам представляется существенным, что в приведенном толковании выделяется составной элемент сказки – присутствие волшебных сил в ее содержании.

Как жанр литературного творчества, сказки принято разделять на фольклорные и литературные.

В настоящее время достаточно основательно и всесторонне изучена фольклорная сказка, но вопрос глубокого изучения свойств и признаков характерных литературной сказке до сих пор открыт.

Научные толкования авторской сказки отражают ее идейно-художественное своеобразие. Литературная сказка – «такой жанр литературного произведения, в котором в волшебном-фантастическом или аллегорическом развитии событий и, как правило, в оригинальных сюжетах и образах в прозе, стихах или драматургии решаются морально-этические или эстетические проблемы» [7, с. 177]. Литературная сказка – это «жанр, соединяющий в себе черты индивидуального авторского творчества с использованием в большей или меньшей степени некоторых фольклорных канонных – образных, сюжетно-композиционных, стилистических» [6, с. 263]. Сказка литературная – «эпический жанр: ориентированное на вымысел произведение, тесно связанное с народной сказкой, но, в отличие от неё, принадлежащее конкретному автору, не бытовавшее до публикации в устной форме и не имевшее вариантов» [5].

Таким образом, в литературной сказке нравственные и художественные ценности народа соединяются с индивидуально-личностным их осмыслением конкретного писателя.

Своим происхождением литературная сказка обязана фольклорной, и зачастую провозглашает те же идеалы, хотя есть ряд ключевых моментов, которые отличают их друг от друга. Основное отличие авторской сказки от народной – постоянное присутствие рассказчика.

Пик популярности литературной сказки во Франции наступает на стыке XVII- XVIII столетий, что связано с созданием так называемой «салонной» культуры. Ориентируясь на взрослую публику, в ней, нередко, отражались социальные проблемы общества, социально-исторические события, в связи с чем, многие французские произведения со сказочным сюжетом заканчивались моралью, иногда несколькими.

В сказке «Господин Кот, или Кот в сапогах» встречаем:

MORALITÉ

Quelque grand que soit l'avantage // De jouir d'un riche heritage // Venant à nous de père en fils, // Aux jeunes gens, pour l'ordinaire, // L'industrie et le savoir-faire // Valent mieux que des biens

AUTRE MORALITÉ

Si le fils d'un meunier, avec tant de vitesse, // Gagne le Coeur d'une princesse, // Et s'en fait regarder avec des yeux mourants; // C'est que l'habit, la mine et la jeunesse, // Pour inspirer de la tendresse, // N'en sont pas des moyens toujours indifférents [4, с. 44].

Иногда нравоучительный вывод французских сказок противоречил сюжету. Например, первый вывод из сказки «Золушки»: скромность и усердие в конечном итоге вознаграждаются, а второй: не смотря на все добродетели, без помощи влиятельных знакомых (феи-крестной) в свете не пробиться [4, с. 57].

Мораль придавала тексту сказки двуплановость, приближала язык произведения к языку светского общества, наставляла на правильные поступки.

Наряду с множеством определений сказки, существует значительное количество её классификаций. Но, несмотря на жанровые различия, отдельные группы сказок постоянно переплетаются между собой, в связи с чем бывает сложно провести чёткую грань между ними и отнести конкретный текст к той или иной группе. Сказка не претендует на достоверность, однако это не означает, что она не связана с действительностью, то есть сказка одновременно является отображением и мира реального и ирреального. Сочетание мира фантазии, волшебного с реальностью свойственно литературным сказкам.

Словарь «Dictionnaire encyclopédique Auzou» определяет волшебство как ensemble des pratiques occultes, rites et incantations tendant à agir sur les

forces naturelles, visible ou invisibles, afin de s'en servir à des fins bénéfiques ou maléfiques / набор оккультных практик, обрядов и заклинаний, имеющих тенденцию воздействовать на природные силы, видимые или невидимые, с тем, чтобы использовать их в полезных или злых целях [8, с. 1184]. В толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой волшебство определяется как колдовство, ворожба [3, с. 95].

Как уже отмечалось, сказка (и фольклорная, и литературная) отличается национальным своеобразием, которое определяется целым рядом признаков: особенностями идейного содержания, социальных отношений, характером образов, композиционными приемами, художественными средствами, своеобразием языка, обыденными подробностями, природой, ландшафтом. В связи с этим и наполненность концептосферы связана с этнической и культурной спецификой.

Вербализация концепта ВОЛШЕБСТВО, в прозаических сказках Перро, представлена как группой сказочных персонажей, так и предметами, обладающими магическими свойствами, а также разного рода действиями/манипуляциями.

Персонажей сказок можно подразделить на несколько групп: 1) обладающие волшебным даром (феи, людоеды); 2) волшебные существа (кот в сапогах, волк, осел).

Волшебные предметы, репрезентирующие магические свойства в цикле прозаических сказок Перро, – волшебная палочка, волшебный ключ, сапоги-скороходы, веретено. Так в «Золушке, или Стеклойной туфельке» с помощью волшебной палочки (baguette) фея-крестная превращает тыкву в позолоченную карету [4, с. 51], а в сказке «Синяя Борода» волшебный ключ помогает узнать мужу о нарушении женой его запрета.

В текстах также можно встретить уникальные предметы, не обладающие магическими свойствами, но являющиеся судьбоносными для героя/героини. Например, кольцо в сказке «Ослиная шкура», стеклянная туфелька в сказке «Золушка, или Стеклойная туфелька».

Волшебные действия в сказках передаются лексемами: donner, frapper, changer, toucher, faire, grommeler, dire, prendre l'air, prendre la forme, ordonner, déclarer, se changer, changer, devenir, quitter la forme.

Например: Quelques-uns assurent que ce ne furent point les charmes de la fée qui opérèrent, mais que l'amour seul fit cette métamorphose... [4, с. 64].

...je vous donne pour don qu'à chaque parole que vous direz, il vous sortira de la bouche ou un serpent ou un crapaud [4, с. 47].

Волшебство, как действие в сказках направлено не только на кого-то, кто не обладает магией, но и на персонажей обладающих волшебными свойствам/предметами. Например, в сказке «Золушка, или Стеклянная туфелька» фея-крестная помогает Золушке поехать на бал, для чего превращает тыкву в карету, мышей в лошадей, крысу в кучера и т.д. [4, с. 51] А Людоед, в сказке «Господин Кот, или Кот в сапогах», перевоплощается то во льва, то в мышь. [4, с. 42-43].

В волшебных сказках Ш. Перро широко представлены и повторяющиеся элементы, связанные с волшебными дарами.

Например, в сказке «Рике с хохолком» фея наделила главного героя способностью делать умным того человека, которого он полюбит (*donner autant d'esprit qu'il en aurait à la personne qu'il aimerait le mieux*). А в сказке «Волшебницы», фея, за доброту и приветливость девушки, каждое слово ее дополнила цветком или драгоценным камнем. «*Vous êtes si belle, si bonne, et si honnête, que je ne puis m'empêcher de vous faire un don <...> Je vous donne pour don, poursuivit la fée, qu'à chaque parole que vous direz, il vous sortira de la bouche ou une fleur, ou une pierre précieuse*» [4, с. 45].

Прослеживания историю французской литературной сказки как жанра, можно отметить, что в процессе своего развития она подчиняется жанровым законам сказки народной, но ставит перед собой собственные задачи, подчиняя элементы волшебного и фантастического сложным социальным проблемам.

Со временем двойственность французской литературной сказки разрушается. Так из произведений Ш. Перро исчезает жестокость, благодаря чему возникают чисто детские сказки. Такой прием переработки сюжетов характерен для Европы, Австралии, Японии, Колумбии и Канады [1].

Обобщение результатов исследования приводит нас к выводам, что сказка по природе своей является вымышленной историей с чудесными приключениями, тесно связанными между собой.

Концепт ВОЛШЕБСТВО, наполненный национальной спецификой и отражающий представления человека об окружающей действительности, доминирует среди других культурных концептов в фантастических историях. В произведениях Ш. Перро он преимущественно имеет противопоставленные номинации (добро противопоставляется злу) и связан как с магическими способностями персонажей, так и с волшебными предметами и манипуляциями.

Не смотря на казалось бы универсальность волшебных предметов и сопровождающих развитие фабулы волшебных действий в авторских сказках, концептуальный образ волшебства, во-

площается при помощи неповторимых авторских приемов. Опираясь на народную традицию, Шарль Перро творчески подошел к фольклорному сюжету, и с помощью ярких образов, средствами литературного языка, вносил в него отдельные детали, отражающие обычаи и нравы современной ему действительности.

Литература

1. Мельников А.Ю. К вопросу о переводах сказки Шарля Перро «Красная Шапочка» в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevodah-skazki-sharlya-perro-krasnaya-shapochka-v-rossii>

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус.яз., 1988. – 750 с.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

4. Перро Шарль Истории, или Сказки былых времен / На франц. и русск.яз. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2002. 240 с.

5. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. URL: https://literary_criticism.academic.ru/353

6. Сурат И.З. Русская литературная сказка: История и поэтика // Вопросы литературы, 1984. № 8. С. 261 – 265.

7. Ярмыш Ю. О жанре мечты и фантазии // Радуга. Киев, 1972. № 11. С. 176 – 180.

8. Dictionnaire encyclopédique Auzou / éditions Philippe Auzou. Paris, 2006. 2176 p.

References

1. Mel'nikov A.YU. K voprosu o perevodah skazki SHarlya Perro «Krasnaya SHapochka» v Rossii. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevodah-skazki-sharlya-perro-krasnaya-shapochka-v-rossii>

2. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 57000 slov. Pod red. CHl.-korr. AN SSSR N.YU. SHvedovoj. 20-e izd., stereotip. M.: Rus.yaz., 1988. – 750 s.

3. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M.: Azbukovnik, 1999. 944 s.

4. Perro SHarl' Istorii, ili Skazki bylyh vremen. Na franc. i russk.yaz. M.: OAO Izdatel'stvo «Raduga», 2002. 240 c.

5. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Elektronnyj resurs]. URL: https://literary_criticism.academic.ru/353

6. Surat I.Z. Russkaya literaturnaya skazka: Istorija i poetika. Voprosy literatury, 1984. № 8. S. 261 – 265.

7. YArmysh YU. O zhanre mechty i fantazii. Raduga. Kiev, 1972. № 11. S. 176 – 180.

8. Dictionnaire encyclopédique Auzou. éditions Philippe Auzou. Paris, 2006. 2176 p.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF MAGIC IN A FRENCH LITERARY FAIRY TALE (ON THE MATERIAL OF THE WORKS OF SH. PERRAULT)

*Egorova O.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Soboleva E.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Armavir State Pedagogical University*

Abstract: a fairy tale is an integral part of the spiritual culture of both a people and an individual. It embodies the universal experience of society, connecting the conscious with the unconscious, with the world of images and emotions. Although similar fairy-tale plots can be observed in different nationalities, but the means of their verbalization in the text differ, which is associated with the historical past of the nation and the individual experience of the narrator. A great deal depends on the skill and ability of the author of a literary tale to express his thoughts, his personal and social attitudes. It is the author who creates a unique fairy tale world by describing events, characters, appearance of heroes, their experiences and feelings, forms a certain emotional background, thereby causing empathy, compassion or staying indifferent to the fate of the characters. Fairy tales in which there are magical characters and objects associated with the concept of «fairy tale». The peculiarities of the magical representation in the texts are related to national-cultural specificities. The purpose of this study is therefore to reveal the peculiarities of the verbatim concept of MAGIC in the French literary tale (on the material of the works of Sh. Perrault).

The objectives are as follows:

- To define the content of fairy tales as genres;
- To analyze the peculiarities of the verbatim concept of MAGIC in the French literary tale.

Scientific novelty consists in the description of specificity of the display of MAGIC concept in the aspect of studying the author's text.

The practical significance lies in the fact that the results obtained in the course of the study can be used in lectures on linguistics, language theory, stylistics and in the teaching of the French language.

Keywords: concept, fairy tale, verbatim, language, representation, culture, author

МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ КАК СПОСОБ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЗНАНИЙ О МИРЕ

*Ергазина А.А., кандидат педагогических наук, доцент,
Баишев Университет, Республика Казахстан*

Аннотация: в статье описывается общенаучный метод моделирования, который является центральным методом в любой научной области. В единстве с другими методами изучения языка моделирование выступает как средство углубления познания скрытых механизмов речевой деятельности, причем движение от относительно примитивных к более содержательным моделям полнее раскрывает сущность языка. Метод моделирования в лингвистике позволяет изучать факты языка в условиях, управляемых и контролируемых исследователем. Философской основой применения моделей в языкознании является тезис о единстве теоретического и эмпирического уровней познания. Анализируется современное состояние проблемы моделирования как научного метода исследования, описываются его потенциальные возможности и особенности применения в лингвистике. В ходе выполнения работы было выявлено, что в современных лингвистических исследованиях модель представляет собой устройство, которое создается искусственно мысленно или является действительным. Задачей устройства является воспроизведение и представление поведения объекта-оригинала для достижения лингвистических целей. При этом эксперимент выступает в качестве критерия для проверки адекватности. Активное обсуждение понятия модели и перспектив ее использования демонстрируют широкое применение метода с целью исследования внутренних языковых процессов. Проблема моделирования является изученной, но при этом открывает большой потенциал для анализа языкового знака.

Ключевые слова: моделирование, модельная лингвистика, модель, концептуализация, категоризация, языковой знак, картина мира, языкознание, языковые единицы

На данный момент научное познание пребывает на этапе интенсивного развития, что сопровождается совершенствованием идей моделирования явлений и целых процессов. Реальные объекты являются многоуровневыми и сложными, поэтому более эффективно их исследовать посредством разработки моделей, которые демонстрируют отдельные фрагменты реальности в упрощенном виде с целью последующего более детального изучения.

Моделирование является особым методом исследования качеств и структуры реально существующих объектов на базе исследования структуры и качеств созданной модели данного объекта. Методология рассматриваемого способа характеризуется большим потенциалом, но при этом нельзя называть его единственным источником достоверной информации об объекте.

Язык является одним из объектов, которые нельзя изучать конкретно. Из этого вытекает необходимость анализа результатов языковых процессов: текстов, устной и письменной речи. Таким образом, на сегодняшний день моделирование является одним из основных методов лингвистического изучения.

Лингвистическая методология позиционирует моделирование как способ исследования структуры и качеств языковых единиц на базе изучения структуры и качеств их разработанных моделей. Несмотря на то, что моделирование на данный момент широко используется в лингвистике, актуальными остаются вопросы границ, сущности и перспективах для использования данного метода.

Моделирование позиционируется как эффективный инструмент и способ познания окружающей среды, а также самого себя в процессе исторического и культурного развития. Сегодня он используется в рамках различных векторов мышления: бытового, научного, художественного. Результаты эксплуатации моделирования для реализации тех или иных целей демонстрируются в научных моделях, художественных текстах, всей системе языка в целом.

В.А. Штофф в своих работах неоднократно подчеркивал, что разрабатываемые модели характеризуются широким многообразием, они отличаются по таким свойствам и качествам как «материал» для построения, цели и назначение, взаимоотношения объектов-первоисточника и созданной моделью [1, с. 11]. Была выявлена общая характеристика моделей – это способность демонстрировать реальность.

На рубеже 60-х и 70-х годов XX века активно начала использоваться математическая лингвистика, что послужило фундаментом для дальнейшего распространения математических методов в лингвистику. Вопросами моделирования занимались такие видные ученые как Ю.Д. Апресян, В. Гумбольдт, В.И. Карасик и другие. Они сформировали фундамент нового подхода для исследования способов моделирования реальности, в которых существуют и используются языковые единицы.

В лингвистических исследованиях термин «моделирование» активно используется в 3 значениях или трактовках:

1) окружающая реальность в языковом представлении;

2) формулирование и применение языковых единиц на основе образцов, эталонов, шаблонов;

3) научное обоснование языковых единиц, которое осуществляется на базе рассмотренных выше теоретических закономерностей.

Первая дефиниция понятия «моделирования» демонстрирует взаимосвязь языковых обозначений, знаков и общей реальности мира. Вторая дефиниция рассматривает значение имеющего языкового знака и типовую связь. Третья дефиниция демонстрирует значение знака в качестве исследовательского объекта и метаязыка.

Ряд работ, посвященных тематике лингвистического моделирования, демонстрируют такие свойства языковых моделей как идеализированность и аналоговость, это в последующем ведет к ряду онтологических трудностей. Важно учитывать метаязычные разночтения при использовании терминологии в процессе описания и эксплуатации моделирования как метода научного исследования. В лингвистике такие понятия и категории как «моделирование» и «модель» фактически детерминируются, что ведет к постепенной ликвидации четких и конкретных дефиниций.

Последние 30 лет моделирование позиционируется как главный инструмент научного познания реальности, что продиктовано внутренней логикой развития научных дисциплин и отраслей, а также потребностью опосредованного изучения действительности в некоторых отдельных специфичных ситуациях, индивидуальных.

В процессе моделирования применяются различные модели:

- Предметные;
- Знаковые;
- Абстрактные.

Модель как аналог элемента реальности является упрощенной, она содержит в себе существенные характеристики оригинала и используется для его изучения, для расширения уже имеющихся знаний или получения новых, что ориентировано на возможность преобразования и планомерного совершенствования.

Н.Ф. Алефиренко считает, что модель представляет собой систему с материальной исполнением и мысленным или теоретическим представлением. При этом исследователь наделяет модель способностью заменять исследуемый объект-оригинал настолько, насколько это необходимо для получения новой информации [2, с. 14-15].

Таким образом, модель – это конкретный образ объекта-оригинала, демонстрирующий предполагаемые или действительные качества или иной объект, также существующий вместе с рассматриваемым объектом-оригиналом.

В методологии на данный момент используется классификация моделей на основании следующих признаков:

- Задачи;
- Сфера использования;
- Характер объекта-оригинала;
- Способ построения;
- Средства моделирования;
- Точность воспроизведения [3].

Сегодня нет единой классификации, так как само понятие не однозначно. Наиболее популярной является классификация на базе характера модели, в ней следующие типы:

- Предметный.
- Аналоговый.
- Экспериментальный.
- Знаковый.
- Мысленный [4, с. 95].

В лингвистической методологии используется следующая классификация моделей, которые применяются при выполнении языковых исследований:

- фонологические;
- синтаксические;
- семантические;
- деривационные;
- морфологические;
- фразеологические.

Из этого вытекает, что лингвистика эксплуатирует модели для обнаружения и исследования структур, являющихся базой языковых явлений. Это создает перспективы для уточнения лингвопонятий и существующих связей между ними.

Проведенный анализ исследований позволяет говорить о том, что термин «модель» в некоторой степени является универсальным, при этом он дает исследователям возможность находить новые грани этой категории и применять ее неограниченный потенциал. И.Н. Ремхе отмечает, что понимание модели является многозначным процессом, необходимо учитывать область исследования [5, с. 94].

П.Н. Денисов, определяет категорию и само понятие «модель» с различных сторон:

- Это подобие объекта, которое выполнено и используется в определенном масштабе;
- Синтаксический рисунок языковой единицы;
- Специальный вспомогательный язык;
- Особая система дедукции;
- Языковая интерпретация существующей формализованной системы действительности [6, с. 113-114].

С.Д. Мортенсен позиционирует модель как системное и в то же время произвольное представ-

ление об объекте. Применение абстрагирования дает возможность ликвидировать ненужные детали, которые не содержат в себе смысла, что позволяет в конечном итоге сконцентрировать внимание на важных пунктах и факторах. Ключевое назначение или получаемый полезный эффект напрямую определяется степенью соответствия деталей главным факторам коммуникативного поведения. Исследователь рассматривает модели как картины, которые искажены, так как переводят трансактивный или интерактивный процесс в статический вид [7].

Возникает вопрос, какими достоинствами обладают модели. Прежде всего, они дают возможность получать ответы на исследовательские вопросы. Хорошая модель позволяет получить сведения об общей перспективе и определенных точках, от которых можно отталкиваться в ходе проведения исследования, что открывает потенциал для интерпретации материала выполненных наблюдений. Чем выше уровень сложности изучаемого объекта, тем более выражена аморфность его границ и более ценна модель. Из этого вытекает, что модели должны соответствовать экспланаторности, то есть они должны прояснять сложные моменты и нюансы. Модели должны уточнять, конкретизировать структуру многоуровневых, многоэлементных событий [8].

Рассматривая свойства моделей, необходимо отметить, что главным из них, по мнению С. Д. Мортенсена, является приведение к новым открытиям и знаниям. Каждая модель обладает эвристическим значением, она дает новые средства для постижения новых отношений и гипотетических идей. Грамотно разработанная модель базируется на традиционном образе мышления, при этом предлагает новые решения и взгляды на исследуемый объект [7]. Также по мнению исследователя одним из ключевых свойств моделей является условность, это подразумевает, что образ может быть как материальным, так и мысленным, выраженным знаковой системой.

Модель в преимущественном количестве случаев является гомоморфной по отношению к оригиналу. Это выражается в том, что многим элементам оригинального объекта соответствует меньшее число элементов модели, что противоречит изоморфизму. По мнению некоторых экспертов, разработка модели всегда сопровождается дуализмом, который выражается в присутствии моделируемого объекта. Если возвращаться к лингвистическим исследованиям, в качестве моделируемого выступает окружающая действительность, то есть в качестве модели используются тексты, которые описывают окружающую реальность [9].

Необходимо учитывать, что модели обладают рядом ограничений. В частности, использование моделей ведет к упрощению процессов и явлений. Работы по выстраиванию коммуникационной модели часто сталкиваются с обвинением в том, что все может быть смоделировано, но при этом определения нельзя считать глубокими и достаточными для изучения. Ряд исследователей придерживается мнения, что модели не имеют научно-практического назначения. Наука не нацелена на точное воспроизведение действительности со всей ее многоуровневой сложностью. Ее задачей является только формулирование факторов и моментов, которые действительно важны для изучения, понимания и дальнейшего контроля. Из этого вытекает, что модель всегда проще оригинала, избежать этого нет возможности [10].

Как отмечает М. И. Откупщикова, «модели могут воспроизводить моделируемое с различной степенью адекватности и полноты. Качество модели помимо объективных факторов (например, свойство обобщения и упрощения моделируемого) определяют также и субъективные факторы, обусловленные уровнем знаний и способностями создателей модели как в области моделирования, так и в области знания окружающего мира» [11, с. 105].

Актуальным является вопрос, для чего сегодня нужны модели языка. А.Е. Кибрик считает, что есть 2 позиции, описывающие применимость разрабатываемых формальных моделей к изучаемым лингвистическим задачам. Рассмотрим их:

– Традиционная. Формальные модели не несут пользы.

– Структурная: описание без использования формальных моделей и других средств представляется неточным, далеким от научных категорий и понятий.

Необходимо учитывать, что формальные средства используются в лингвистике относительно недавно. Интерес к формализации зародился в структурном подходе к языку. На данный момент известен широкий ряд конкурирующих систем, значимость которых практически всегда напрямую коррелирует с известностью их разработчика, автора.

А.Е. Кибрик считает, что формальные средства могут использоваться только для языковых аспектов, для которых они разрабатывались. Из этого вытекает, что использование формализации как таковой не открывает потенциал для получения новых лингвистических знаний [12, с. 40-41].

В идеале модель должна соединять в себе 2 характеристики: формальность и объяснение данных, фактов. В лингвистических исследованиях модель выполняет функции общей схемы для опи-

сания целой языковой системы или ее подсистемы [13, с. 25].

Таким образом, в современных лингвистических исследованиях модель представляет собой устройство, которое создается искусственно мысленно или является действительным. Задачей устройства является воспроизведение и представление поведения объекта-оригинала для достижения лингвистических целей. При этом эксперимент выступает в качестве критерия для проверки адекватности. Активное обсуждение понятия модели и перспектив ее использования демонстрируют широкое применение метода с целью исследования внутренних языковых процессов. Проблема моделирования является изученной, но при этом открывает большой потенциал для анализа языкового знака.

Литература

1. Штофф В.А. Роль моделей в познании. Л.: Изд-во Ленингр. универ-та, 1963. 128 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М.: Наука, 2005. 256 с.
3. Веденов А.А. Моделирование элементов мышления. М.: Наука, 1988. 160 с.
4. Сичивица О.М. Методы и формы научного познания. М.: Высшая школа, 1993. 96 с.
5. Ремхе И. Н. статус модели в лингвистических науках и ее реализация в когнитивном моделировании языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 8 (86). С. 89 – 94.
6. Денисов П.Н. Принципы моделирования языка: (На материале вспомогательных языков для автоматич. поиска и перевода) / Под ред. проф. О.С. Ахмановой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 205 с.
7. Mortesen C. David. Communication: Study of Human Communication. New York: McGraw-Hill Book Co., 1972. Chapter 2 “Communication Models”.
8. Chapanis A. Men, Machines, and Models, American Psychologist. XVI, 1961. 130 p.
9. Пospelов Д.А. Профессионально и проблемно ориентированные интеллектуальные системы // Вопр. философии. 1979 № 2. С. 57 – 59.
10. Duhem P. The Aim and Structure of Physical Theory. Princeton, 1954. P. 34.
11. Откупщикова М.И., Бондарко Л.В. и др. Моделирование языка // Прикладное языкознание: учебник / отв. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 100 – 112.
12. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. СПб, 2003. 720 с.
13. Методы моделирования перевода. М.: Наука, 1985. 201 с.

References

1. Shtoff V.A. Rol' modelej v poznanii. L.: Izd-vo Leningr. univer-ta, 1963. 128 s.
2. Alefirenko N.F. Sovremennye problemy nauki o yazyke. M.: Nauka, 2005. 256 s.
3. Vedenov A.A. Modelirovanie elementov myshleniya. M.: Nauka, 1988. 160 s.
4. Sichivica O.M. Metody i formy nauchnogo poznaniya. M.: Vysshaya shkola, 1993. 96 s.
5. Remhe I. N. status modeli v lingvisticheskikh naukah i ee realizaciya v kognitivnom modelirovanii yazyka. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 8 (86). S. 89 – 94.
6. Denisov P.N. Principy modelirovaniya yazyka: (Na materiale vspomogatel'nyh yazykov dlya avtomatich. poiska i perevoda). Pod red. prof. O.S. Ahmanovoj. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1965. 205 s.
7. Mortesen C. David. Communication: Study of Human Communication. New York: McGraw-Hill Book Co., 1972. Chapter 2 “Communication Models”.
8. Chapanis A. Men, Machines, and Models, American Psychologist. XVI, 1961. 130 p.
9. Pospelov D.A. Professional'no i problemno orientirovannye intellektual'nye sistemy. Voпр. filosofii. 1979 № 2. С. 57 – 59.
10. Duhem P. The Aim and Structure of Physical Theory. Princeton, 1954. P. 34.
11. Otkupshchikova M.I., Bondarko L.V. i dr. Modelirovanie yazyka. Prikladnoe yazykoznanie: uchebnik. otv. red. A.S. Gerd. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1996. S. 100 – 112.
12. Kibrik A. E. Konstany i peremennye yazyka. SPb, 2003. 720 s.
13. Metody modelirovaniya perevoda. M.: Nauka, 1985. 201 s.

**MODELING IN LANGUAGE AS A METHOD FOR
STRUCTURING KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD**

*Ergazina A.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Baishev Universtit, Republic of Kazakhstan*

Abstract: the article describes the general scientific method of modeling, which is the central method in any scientific field. In unity with other methods of language learning, modeling acts as a means of deepening knowledge of the hidden mechanisms of speech activity, and the movement from relatively primitive to more meaningful models reveals the essence of language more fully. The modeling method in linguistics makes it possible to study the facts of a language under conditions directed and controlled by the researcher. The philosophical basis for the application of models in linguistics is the thesis of the unity of the theoretical and empirical levels of knowledge. The current state of the problem of modeling as a scientific research method is analyzed, its potentialities and features of application in linguistics are described. In the course of the work, it was revealed that in linguistics, a model is an artificially created mental or real device that reproduces and appears to be an imitation of the behavior of the original object in order to achieve linguistic goals. In this case, the experiment acts as a criterion for checking the adequacy. An active discussion of the concept of a model and the prospects for its use demonstrate the widespread use of the method in order to study internal linguistic processes. The problem of modeling is studied, but at the same time it opens up great potential for the analysis of a linguistic sign.

Keywords: modeling, model linguistics, model, conceptualization, categorization, linguistic sign, picture of the world, linguistics, linguistic units

ТРЕНИНГ КАК ФОРМА УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ В ВУЗОВСКОМ ПРЕПОДАВАНИИ БЛОКА ДИСЦИПЛИН SOFT SKILLS

*Никулина Н.А., кандидат филологических наук, доцент,
Мордвинцева В.С., кандидат филологических наук, доцент,
Тюменский индустриальный университет,*

*Кучева А.В., кандидат исторических наук, доцент,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Аннотация: в статье представлены результаты исследования, посвящённого тренинговой форме проведения учебных занятий в преподавании дисциплин, призванных формировать у студентов Soft Skills («мягкие навыки»), востребованные в профессиональной деятельности выпускников высшей школы. Цель исследования – обоснование эффективности использования тренинга как формы обучения в преподавании таких вузовских курсов, как «Деловая коммуникация», «Русский язык и деловая риторика», «Техники публичных выступлений и презентаций», «Управление карьерой» и других. В статье представлен краткий анализ практического занятия по закреплению речевых норм в формате тренинга и обоснование целесообразности выбранной методики. Научная новизна исследования формируется на фоне работ, посвящённых описанию истории тренинга в России, эффективности использования тренинговых форм обучения в бизнесе и в подготовке управленцев, и обусловлена тем, что использование тренинга в вузовской практике только начинается и требует концептуального научного осмысления. В результате исследования делается вывод об эффективности тренинга и описание возможного проблемного поля в практике внедрения этой формы работы в учебный процесс высшей школы.

Ключевые слова: Soft Skills (мягкие навыки), тренинг, интерактивные методы и технологии, инновационные методы, деловая коммуникация

Одна из важных тенденций последних лет заключается в активном включении в вузовскую практику дисциплин, направленных на формирование гибких навыков, призванных обеспечивать освоение универсальных компетенций, необходимых выпускнику для продуктивной профессиональной деятельности после окончания высшего учебного заведения. Этот аспект современной вузовской практики активно изучается, комментируется в многочисленных публикациях, презентующих учебные курсы различного уровня и направленности. В работе «Soft Skills («мягкие навыки») и их роль в подготовке современных специалистов» Ю.В. Сорокопуд, Е.Ю. Амчиславской и А.В. Ярославцевой представлен анализ наиболее известных определений понятия «Soft Skills», указываются причины востребованности дисциплин этого модуля, но вместе с тем отмечается, что «единой классификации гибких навыков на данный момент не существует, так же, как и не определено точное количество соответствующих им качеств и умений» [10, с. 195].

Особую область научного интереса составляют методы преподавания таких дисциплин, которые в современных условиях образования требуют научной дефиниции и обоснования, поскольку научный подход не только способствует решению прикладных задач, но и позволяет систематизировать научное знание в перспективе актуальных разработок педагогики.

В область нашего интереса вошли работы, посвящённые как описанию современных образовательных стратегий, так и анализу эффективности

конкретных приёмов работы с аудиторией в практике обучения студентов негуманитарных вузов [2, 3, 7, 8].

Практическое значение этих научных поисков подтверждается последовательным внедрением в учебный процесс российских вузов блока дисциплин, формирующих компетенции Soft Skills. Подобный опыт существует и в Тюменском индустриальном университете, где в 2018 году было создано специальное направление подготовки инженеров для нефтяной отрасли «Высшая инженерная школа», в котором модуль курсов, развивающих Soft Skills был разработан при поддержке экспертов Сколково и вошёл в учебный процесс в качестве важной составляющей, определяющей имидж института [13]. Действующий учебный план этого института включает блок Soft Skills, представленный следующими дисциплинами: «Деловая коммуникация», «Командообразование», «Техники публичных выступлений и презентаций», «Управление карьерой» и др.

Изменения, происходящие в высшей школе, являются сферой активного приложения сил для практикующих преподавателей. Современный вузовский преподаватель – это не только профессионал в конкретной научной сфере, вынужденный постоянно обновлять свои знания, но и профессиональный аниматор, тренер, способный заинтересовать своей дисциплиной студенческую аудиторию, искушённую онлайн-курсами различного качества и разнообразной тематики. Соответственно, интерактивная работа с аудиторией составляет область постоянного поиска для преподавателя,

заинтересованного в результате. Именно тренинг является той формой работы, которая позволяет преподавателю решать учебные задачи в пространстве интерактивной встречи, презентовать знания в максимально актуальном и практико-ориентированном виде.

История тренинговых форм работы в России насчитывает несколько десятилетий, что позволяет не воспринимать этот формат обучения как изобретение последних лет, говорить об его оригинальности или доказывать его эффективность. В ряде исследований даются ссылки на следующие ключевые факты этой истории: 1) традиционно возникновение тренингов принято связывать с деятельностью известного психолога и социолога Курта Левина [5], 2) в начале XX века К. С. Станиславским были предложены многочисленные упражнения для тренинга актёров; 3) в 1936 году М.М. Бирштейн, молодая ленинградская исследовательница-экономист, провела на ленинградской фабрике «Красный ткач» разработанные ею деловые игры, которые она называла «организационно-производственными испытаниями» [1]; 4) в 1946 году проводилась групповая работа с управленцами, которая получила широкое распространение позднее, уже в 1970-1980-х гг., и «сформировала представление об ее эффективности на высоко реалистичных моделях управленческой деятельности» [14]; 5) в начале 90-х годов, когда российский рынок бизнес-образования только начинал знакомиться с западными методами обучения, стали популярными тренинги навыков переговоров эффективных продаж; 6) в начале 2000-х все более широкое распространение стали приобретать тренинги навыков делового общения для разных категорий работников, а в последующие десятилетия тренинги становятся универсальным управленческим инструментом, позволяющим не только обучить персонал, но и оценить профессионализм сотрудников, изменить элементы корпоративной культуры, повысить мотивацию персонала и т.д.» [14, 9, 12].

Эффективность коммуникативных тренингов в практике вузовского обучения – это тема, которая стала востребованной в последние годы, поскольку под влиянием реформ высшей школы принципиально изменились стратегии образования, а условия пандемии повсеместно активизировали процесс обновления методов работы со студенческой аудиторией. Университетские преподаватели, освоившие виртуальные образовательные площадки, вышли в аудитории с новым опытом презентации учебных материалов, в которых наибольшее распространение получили коммуникативные тренинги, особенно в курсах блока Soft Skills. Научные исследования по этой теме пред-

ставлены многочисленными работами, но вместе с тем, как отмечает И.А. Стернин, «понятие тренинга в учебной коммуникативной практике в настоящее время явно размывается, подвергается девальвации, что никак не способствует повышению их эффективности» [11, с. 204].

О тренингах в высшей школе российские исследователи пишут активно и в различных аспектах, отмечая следующие безусловные достоинства этой формы работы с аудиторией: тренинг сочетает работу по готовым образцам и индивидуальную творческую активность слушателей по подбору эффективных средств речевого воздействия в конкретных коммуникативных ситуациях; тренинговые занятия активизируют коммуникативное мышление слушателей, стимулируют их к анализу собственных коммуникативных практик, создают эффект современного (модного, «продвинутого») образовательного пространства, позволяют почувствовать связь теории с практикой и даже могут являться элементом диагностики качества знаний [4, 6, 15].

Как свидетельствует обзор научных работ, посвящённых осмыслению вузовского опыта по включению тренинга в учебный процесс, у коммуникативного тренинга большое будущее, которое требует ясного понимания достоинств и недостатков его внедрения в вузовское обучение. В частности, мы согласны с И.А. Стерниным относительно того, что «обучающий эффект в процессе коммуникативного тренинга достижим в том случае, когда тренинг проводится интенсивно и опирается прежде всего не только на получение знаний в области эффективной коммуникации, а на практическую отработку коммуникативных умений и формирование коммуникативных навыков» [11, с. 204].

Опираясь на научные исследования и практический опыт, коллеги кафедры межкультурной коммуникации Тюменского индустриального университета сформировали оригинальную программу курса по деловой коммуникации и попытались включить во все базовые темы занятий коммуникативные тренинги. Такая установка обусловлена стремлением максимально мотивировать студентов к активному освоению дисциплины, что особенно важно в ситуации смешанного обучения (в контексте мер профилактики короновирусной инфекции лекционные занятия проводились онлайн, а практические – в аудитории). Соответственно учебный план содержал лекционные (онлайн) часы, насыщенные теоретической информацией, а условия офлайн требовали активных форм работы, в которых формат коммуникативных тренингов оказался наиболее приемлемым.

Режим коммуникативного тренинга последовательно распространяется на все практические занятия, достаточно быстро студенты привыкают к тому, что теоретический материал, полученный накануне, необходимо изучить для выполнения тренинговых задач. Предстоящая групповая работа является дополнительным стимулом для качественной подготовки студентов, поскольку желание не подвести свою команду связана с базовой установкой молодого человека на формирование благоприятного личного имиджа. От преподавателя же требуется высокий уровень концептуализации курса, позволяющий ему организовывать и проводить тренинги направленно и своевременно.

Так, после изучения вербальных средств коммуникации, раздела курса, наполнение которого связано с изучением норм русского языка, студентам предлагается практическое занятие с условным названием «Правка текстов». Обучающиеся делятся на группы, за ограниченный промежуток времени создают оригинальные тексты на предложенные преподавателем темы (выбор тем определяется особенностями аудитории, её интересами и специальностью), а затем осуществляют правку текстов, по часовой стрелке передавая свои сочинения от одной команды другой и отмечая в специально подготовленных таблицах виды ошибок, их характер, предлагая свои варианты формулировок. После правки начинается обсуждение: группы (авторы текстов) анализируют все ошибки и недочеты, найденные в их работах. Они ищут доказательства исправлений, вступают в дискуссии друг с другом, учатся отстаивать свою точку зрения в споре, вести спор корректно, с соблюдением этических норм коммуникации. В качестве домашнего задания делают презентации по этим же темам, которые станут иллюстрациями к изучению теоретического материала, посвящённого требованиям к оформлению презентаций.

Тренинговый характер занятия проявляется в том, что аудитория делится на группы, и студенты, получая дополнительный опыт работы в команде, знакомятся с правилами и ограничениями, формирующими регламент выполнения задания. Главная цель – создать наиболее качественный текст с наименьшим количеством ошибок и получить высокий командный балл, а в перспективе и балл-оценку по курсу.

Первое ограничение – это темы для создания оригинального текста, подборкой которых заранее занимается преподаватель и по возможности варьирует (с учётом специфики аудитории: специализация, гендерный состав, уровень мотивации и т.д.). Могут быть предложены следующие темы: «Жить в России – это круто (или наоборот)», «Выбор будущей профессии (вуза) призвание, случай,

расчёт», «Не в деньгах счастье (или наоборот)», «Женщины умнее мужчин (или наоборот)», «Не доверяй никому – секрет успеха (или наоборот)», «Высшее образование – фактор успешной карьеры (или наоборот)», «Дистанционное образование лучше традиционного (или наоборот)». Следует отметить, что от того, насколько предложение тем будет соответствовать интересам аудитории, зависит качество выполнения тренингового задания.

Команды вытягивают жетоны с формулировкой темы и получают кейс с перечнем правил и таблицами для занесения результатов проверки. Визуализация задания в виде кейса – это фактор, поддерживающий идею тренинга и игровой ситуации в целом. Кроме того, ограничения по продолжительности выполнения задания на различных этапах напоминают о навыках самоорганизации, умения работать в команде, распределяя различные миссии между участниками. Так, например, на создание текста студентам даются 20 минут, на проверки от 5 до 10 минут.

Заключительную презентацию команды осуществляют в форме публичной защиты, оспаривая правку текстов или соглашаясь с ней. Именно на этом этапе занятия преподаватель имеет возможность провести не только диагностику качества подготовки ребят по разделу курса, но и сформированных коммуникативных навыков. При этом координация сценария на этом этапе имеет сложности: преподаватель разрешает спорные ситуации, предотвращает конфликтные моменты, создаёт эффект успешного результата, мотивирующего к самообразованию.

Этот коммуникативный тренинг иллюстрирует возможность использования интерактивных форм работы в процессе закрепления академических тем. Таким образом в пространство тренинга могут быть включены курсы и темы, которые ещё недавно считались традиционными и их изучение сопровождалось такими видами работы, как диктант, изложение, сочинение или тест.

Таким образом, мы приходим к выводу, что современный образовательный процесс нуждается в использовании интерактивных форм и методов обучения, позволяющих обеспечить постоянную включенность каждого обучающегося в процесс взаимодействия друг с другом, педагогом, с представленной информацией и т.д. Одной из эффективных форм организации интерактивных занятий, на наш взгляд, являются тренинг или элементы коммуникативного тренинга, призванные формировать у студентов навыки коммуникации, востребованные в профессиональной деятельности выпускников высшей школы.

Литература

1. Бельчиков Я.М., Бирштейн М.М. Деловые игры. Рига: AVOTS, 1989. 304 с.
2. Беркович М.И., Кофанова Т.А., Тихонова С.С. Soft Skills (мягкие компетенции) бакалавра: оценка состояния и направления формирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: экономика и управление. 2018. № 4. С. 63 – 68.
3. Вагапова Н.А., Долманюк Л.В., Вагапов Г.В. Soft skills как необходимый компонент содержания инженерного образования // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2016. № 4 (32). С. 134 – 142.
4. Киреевкова З.А. Инновационное обучение в формате тренинга как инструмент профессионализации и личностного роста (на примере дисциплины "Технологии делового общения") // Сервис в России и за рубежом. 2015. Т. 9. № 2 (58). С. 76 – 87.
5. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб. Речь, 2000. 408 с.
6. Леонтьева А.В., Деткова И.В., Панченко Е.Н. Развитие коммуникативных компетенций у бакалавров социальной работы в процессе освоения мастер-класса «Тренинг профессиональной коммуникации» // Вестник Московского областного педагогического университета. 2012. № 1. С. 57 – 67.
7. Мартынова М.Д. Современные требования к модели компетенций выпускников вузов: Soft Skills – психолого-педагогические основания и ценностный потенциал // PRIMO ASPECTU. 2018. № 4 (36). С. 107 – 112.
8. Сальная Л.К. Soft skills в компетентностной модели выпускника вуза / Наука. Образование. Культура. Вклад молодых исследователей // Сборник статей по материалам III Международной научной конференции преподавателей, молодых ученых, аспирантов и студентов вузов / Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; Под ред. Л.Н. Соколовой. 2016. Новочеркасск. С. 331 – 334.
9. Селезнёва Г.Я. Тренинг делового общения для чиновников // В сборнике: Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике: Материалы XVII Международной научно-практической конференции / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; Российская Ассоциация исследователей, преподавателей и учителей риторики; Редактор-составитель В.И. Аннушкин. 2013. С. 408 – 410.
10. Сорокопуд Ю.В., Амчиславская Е.Ю., Ярославцева А.В. Soft Skills («мягкие навыки») и их роль в подготовке современных специалистов //

Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 194 – 196.

11. Стернин И.А. Коммуникативный тренинг как форма обучения эффективной коммуникации // Коммуникативные технологии в системе современных экономических отношений: материалы III Международной научно-практической конференции, Минск, 28-29 января 2010 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т; редкол.: Е.А. Вильчицкая (пред.) и др. Минск: БГЭУ, 2010. С. 204 – 206.

12. Стернин И.А., Новичихина М.Е., Грищук Е.И., Рудакова А.В., Лазуренко Е.Ю., Журавлева Н.В. Корпоративный тренинг "деловое общение" в системе внутрифирменного обучения менеджеров // В сборнике: Дополнительное профессиональное образование как фактор повышения качества трудовых ресурсов. 2005. С. 92 – 94.

13. Тюменский индустриальный университет: официальный сайт. URL: <https://www.tyuiu.ru> (дата обращения: 20. 07. 2021 г.)

14. Чиркова Ю.Р., Логвинов Б.Д. История развития тренинговых методов обучения персонала в России // Социология науки. 2019. № 1 (17). С. 33 – 34.

15. Юдина Ю.Р. Потенциальные преимущества тренинговых методов обучения менеджеров и управляющих персоналом в системе вузовского образования // Российский научный журнал. 2009. № 1 (8). С. 215 – 220.

References

1. Bel'chikov Ya.M., Birshtejn M.M. Delovye igry. Riga: AVOTS, 1989. 304 s.
2. Berkovich M.I., Kofanova T.A., Tihonova S.S. Soft Skills (myagkie kompetencii) bakalavra: ocenka sostoyaniya i napravleniya formirovaniya. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika i upravlenie. 2018. № 4. S. 63 – 68.
3. Vagapova N.A., Dolomanyuk L.V., Vagapov G.V. Soft skills kak neobhodimyj komponent soderzhaniya inzhenernogo obrazovaniya». Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta. 2016. № 4 (32). S. 134 – 142.
4. Kireenkova Z.A. Innovacionnoe obuchenie v formate treninga kak instrument professionalizacii i lichnostnogo rosta (na primere discipliny "Tekhnologii delovogo obshcheniya"). Servis v Rossii i za rubezhom. 2015. T. 9. № 2 (58). S. 76 – 87.
5. Levin K. Razreshenie social'nyh konfliktov. SPb. Rech', 2000. 408 s.
6. Leont'eva A.V., Detkova I.V., Panchenko E.N. Razvitie kommunikativnyh kompetencij u bakalavrov social'noj raboty v processe osvoeniya master-klassa «Trening professional'noj kommunikacii». Vestnik Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 1. S. 57 – 67.

7. Martynova M.D. Sovremennye trebovaniya k modeli kompetencij vypusnikov vuzov: Soft Skills – psihologo-pedagogicheskie osnovaniya i cennostnyy potencial. PRIMO ASPECTU. 2018. № 4 (36). S. 107 – 112.

8. Sal'naya L.K. Soft skills v kompetentnostnoj modeli vypusnika vuza. Nauka. Obrazovanie. Kul'tura. Vklad molodyh issledovatelej. Sbornik statej po materialam III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii prepodavatelej, molodyh uchenyh, aspirantov i studentov vuzov. YUzhno-Rossijskij gosudarstvennyj politekhnicheskij universitet (NPI) imeni M.I. Platova; Pod red. L.N. Sokolovoj. 2016. Novocherkassk. S. 331 – 334.

9. Seleznyova G.YA. Trening delovogo obshcheniya dlya chinovnikov. V sbornike: Sovremennaya ritorika v obshchestvenno-rechevoj i pedagogicheskoj praktike: Materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina; Rossijskaya Associaciya issledovatelej, prepodavatelej i uchitelej ritoriki; Redaktor-sostavitel' V.I. Annushkin. 2013. S. 408 – 410.

10. Sorokopud YU.V., Amchislavskaya E.YU., YAroslavceva A.V. Soft Skills («myagkie navyki») i ih rol' v podgotovke sovremennyh specialistov. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021. № 1 (86). S. 194 – 196.

11. Sternin I.A. Kommunikativnyj trening kak forma obucheniya effektivnoj kommunikacii. Kommunikativnye tekhnologii v sisteme sovremennyh ekonomicheskikh otnoshenij: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Minsk, 28-29 yanvarya 2010 g. M-vo obrazovaniya Resp. Belarus', Belorus. gos. ekon. un-t; redkol.: E.A. Vil'chickaya (pred.) i dr. Minsk: BGEU, 2010. S. 204 – 206.

12. Sternin I.A., Novichihina M.E., Grishchuk E.I., Rudakova A.V., Lazurenko E.YU., ZHuravleva N.V. Korporativnyj trening "delovoe obshchenie" v sisteme vnutrifirmennogo obucheniya menedzherov. V sbornike: Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie kak faktor povysheniya kachestva trudovykh resursov. 2005. S. 92 – 94.

13. Tyumenskij industrial'nyj universitet: oficial'nyj sajt. URL: <https://www.tyuiu.ru> (data obrashcheniya: 20. 07. 2021 g.)

14. CHirkova YU.R., Logvinov B.D. Istoriya razvitiya treningovykh metodov obucheniya personala v Rossii. Sociologiya nauki. 2019. № 1 (17). S. 33 – 34.

15. YUdina YU.R. Potencial'nye preimushchestva treningovykh metodov obucheniya menedzherov i upravlyayushchih personalom v sisteme vuzovskogo obrazovaniya. Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2009. № 1 (8). S. 215 – 220ю

TRAINING AS A FORM OF CLASSES IN THE UNIVERSITY PROGRAM OF THE SOFT SKILLS BLOCK OF DISCIPLINES

*Nikulina N.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Mordvintseva V.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Industrial University of Tyumen,
Kucheva A.V., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Perm National Research Polytechnic University*

Abstract: the article presents the results of a study devoted to the training form of conducting academic classes in teaching disciplines designed to form students' Soft Skills, demanded in the professional activities of graduates of higher school. The purpose of the study is to substantiate the effectiveness of using training as a form of education in teaching such university courses as "Business communication", "Russian language and business rhetoric", "Techniques of public speaking and presentations", "Career management" and others. The article presents a brief analysis of the practical lesson on the consolidation of speech norms in the training format and the rationale for the appropriateness of the chosen methodology. The scientific novelty of the research is formed against the background of works devoted to the description of the history of training in Russia, the effectiveness of the use of training forms of training in business and in the training of managers, and is due to the fact that the use of training in university practice is just beginning and requires conceptual scientific understanding. As a result of the study, a conclusion is made about the effectiveness of the training and a description of a possible problem field in the practice of introducing this form of work into the educational process of higher education.

Keywords: Soft Skills, training, interactive methods and technologies, innovative methods, business communication

НАЛОГОВЫЕ И ТАМОЖЕННЫЕ ТЕРМИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА И АНГЛИЙСКИЕ ДЕРИВАТЫ ЛАТИНСКИХ ЛЕКСЕМ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОПРЕДЕЛЕННОГО ВИДА НАЛОГА (ПОШЛИНЫ)

*Кизилова И.Н.,
Санкт-Петербургский филиал Российской
таможенной академии им. В.Б. Бобкова*

Аннотация: в статье рассматриваются латинские термины, относящиеся к сфере налогов и таможенных пошлин, объединенные под общим названием *vectigalia* в соответствии с классификацией Л. Шмитца. Вместе с тем, дается указание на мнение других исследователей, согласно которому в Древнем Риме понятия *vectigalia* и *portoria* были взаимозаменяемыми и обозначали регулярные поступления в древнеримский бюджет. Налоговые и таможенные термины Древнего Рима представляют научный интерес с точки зрения образования дериватов в английском языке. В рамках анализа формы и содержания латинских терминов и английских дериватов установлено, что в большинстве случаев исходная семантика рассматриваемых латинских лексем, относящаяся к налогам и сборам, в дериватах английского языка не сохранилась. Однако отмечаются такие лексем, для которых общая семантика рассматриваемых латинских единиц актуальна и в современном английском. Неустойчивость семантики «налоги, сборы, пошлины» в английских дериватах анализируемых латинских лексем, по-видимому, объясняется тем, что латинизмы проникали в английский язык на разных этапах его развития, в том числе через французский язык, зачастую утрачивая более узкие значения и сохраняя более общие.

Ключевые слова: налоги, пошлины, сборы, Древний Рим, латынь, дериваты, *vectigalia*, *portoria*

Разные виды налогов и пошлин были неотъемлемой частью хозяйственной жизни Древнего Рима и охватывали многочисленные аспекты существования государства, принося значительные доходы в казну. Регулярные поступления в древнеримский бюджет именовались *vectigalia*. По форме данная лексема является множественным числом существительного *vectigal* – «налог, подать, сбор» [4]. По-видимому, *vectigalia* происходит от латинского глагола *vehere* – «носить, нести; приносить; доставлять» [4]. Существует мнение, согласно которому изначально этим термином обозначались «пошлины, взимаемые с ввозимых и вывозимых товаров» [22, с. 1184]. Эта мысль подтверждается чешским историком права М. Бартошеком, отмечавшим для термина *vectigal* значение «[дорожная пошлина], арендная плата <...> впоследствии также налоги и сборы всех видов» [3, с. 323]. Современный немецкий историк С. Гюнтер разделяет эту мысль, указывая, что термины *vectigalia* и *portoria* (собственно таможенные сборы, как будет показано далее) «часто были взаимозаменяемыми» [17]. Однако немецкий ученый Л. Шмитц опровергал изложенную точку зрения, полагая, что, «вероятнее всего, [термин] *vectigal* обозначает любой [доход], поступающий в государственную казну» [22, с. 1184].

В эпоху Римской империи *vectigalia* облагались все римские граждане. Вместе с тем, существовали местные *vectigalia* «для граждан городов-государств на Востоке Римской империи» [17].

Контроль за взиманием разнообразных платежей в Древнем Риме имел многоуровневую организацию. Сенат управлял сбором налогов и пошлин, однако «в более поздние времена сенат ча-

сто поручал регулирование налогообложения цензорам» [7, с. 526]: именно цензоры «определяли величину налогов (*vectigalia*) <...> в пределах всего римского государства» [6, с. 24]. Цензоры передавали функцию сбора на откуп – эта практика была чрезвычайно распространена в Древнем Риме [9, с. 9]. За определенную сумму откупщики, именовавшиеся публиканы (*publicani*), брали на себя обязанность по сбору доходов государства. Но и они не были окончательным звеном в цепи: в провинциях публиканы поручали работу по взиманию налогов и сборов нижестоящему классу людей, нанимая вольноотпущенников, рабов, провинциалов и римлян [13].

Словари современного английского языка [15, 18, 19] не фиксируют каких-либо дериватов от существительного *vectigalia* в отличие от лексем, рассматриваемых ниже.

В соответствии с классификацией Л. Шмитца к *vectigalia* относятся 11 видов налогов и пошлин [22, с. 1184]:

1. *Decuma* – десятая часть сельскохозяйственных продуктов, «десятина, которой облагались, в частности, провинциалы» [3, с. 101]. По-видимому, имеется в виду прежде всего Сицилия, где, согласно Гиеронову закону, был введен единый налог на урожай.

Латинская лексема *decuma* – это субстантивированная форма, вариант порядкового числительного женского рода *decima* (в мужском роде *decimus* – «десятый»), производного от количественного числительного *decem* («десять») [4]. В современном английском языке собственно лексема *decuma* не образовала дериватов, в отличие от основы *dec*, к которой восходит современный ан-

глийский префикс *desi*, указываемый в оригинальных англо-английских словарях с пометой «наука». Данный префикс обозначает десятую часть определенной единицы [15]. Сюда же в качестве деривата от вышеуказанных латинских числительных относится и английское прилагательное *decimal* – «десятичный» [1]. Таким образом, рассматриваемый латинский термин со значением налога не образовал дериватов в современном английском языке, однако семантика «относящийся к десятому или десяти» в форме корня *des* сохранилась в ряде лексем.

2. *Scriptura* – «сбор за выпас на общественном пастбище» [3, с. 283]. Сумма сбора зависела от количества и вида скота. Несмотря на то, что точных свидетельств о конкретной ставке этого налога не сохранилось, вероятно, речь идет о значительных доходах, поступающих в древнеримский бюджет.

Существительное *scriptura* происходит от причастия прошедшего времени страдательного залога глагола *scribere* – «записывать, составлять опись, вносить в списки» [4]. В современном английском языке существительное *scripture*, восходящее к рассматриваемому термину *scriptura*, имеет значение «Священное писание, Библия» с пометой – «обыкн. the Holy Scripture, the Scriptures» [1]. Составитель латинско-русского словаря И.Х. Дворецкий в качестве второго значения латинской лексемы *scriptura* приводит слово «сочинение» и указывает, в частности, примеры *scriptura sacra, sancta, divina*, что означает «Библия» [4]. Обладая обширной семантикой в латыни (Дворецкий выделяет для данной лексемы 7 значений), *scriptura* сохранила в английском языке в форме существительного *scripture* лишь одно значение – «Священное писание».

3. *Portoria* – «портовые пошлины, взимающиеся с ввозимых и вывозимых товаров» [22, с. 1184]. Несмотря на то, что лексема *portorium* восходит к латинскому существительному *portus* – «порт, пристань, гавань» [4], Т. Моммзен отмечает, что это были налоги, распространявшиеся не только на товары, которые поставлялись в порты, но и на продукцию, перевозившуюся по сухопутным дорогам [10, с. 280].

По-видимому, справедливо говорить о длительной истории данной пошлины. У Тита Ливия в «Истории Рима от основания города» есть свидетельство о том, что еще при Публии Валерии Попликоле, одном из консулов ранней Республики (VI в. до н.э.) плебс был освобожден от уплаты *portorium*: дело в том, что сенат опасался нападения этрусского правителя Порсены на Рим, и боясь, что чернь может взбунтоваться и впустить врага в город, сенат «многое сделал, чтобы уго-

дить простому народу» [8, с. 71]. В частности, пошлины и налоги для плебеев были отменены. В период поздней Республики *portoria* снова появляются в экономической жизни Древнего Рима. Отечественный ученый Л.А. Камаровский отмечает, что цензоры «видоизменяли тарифы» [6, с. 19], поэтому *portoria* зависели от них. Таможенные пошлины, взимающиеся на завоеванных территориях и в провинциях, поступали в государственное казначейство (*эрарий*), являясь значительным источником доходов древнеримского бюджета. Упомянутая ранее практика передачи сбора пошлин на откуп распространялась и на *portoria*.

В дальнейшем *portoria* вновь отменяли и снова вводили. В 60 г. до н.э. таможенные сборы в италийских портах были отменены. До правления Гая Юлия Цезаря в республике пошлины на ввозимые и вывозимые товары взимались только с провинций. Светоний говорит о Цезаре, что он «на иноземные товары <...> наложил пошлину» [12, с. 19]. Во время триумvirата появились новые *portoria*; при императоре Августе часть старых ввозных пошлин повысилась, а также были утверждены новые таможенные сборы. В правление следующих императоров по их усмотрению величина *portoria* менялась как в большую, так и в меньшую сторону.

Если товар был ввезен для личного пользования либо для государственных нужд, то таможенная пошлина с такого товара не взималась. Предметы же, ввозившиеся торговцами для продажи, облагались *portoria*. Подробный список таких товаров приводится в 39-й книге «Дигест» Юстиниана, в котором упомянуты различные виды пряностей, тканей, кожи, драгоценных и полудрагоценных камней и диких животных [5].

В древних источниках можно найти крайне мало информации о ставке *portoria*. В эпоху Цицерона *portorium* в портах Сицилии составлял 1/20 часть от стоимости товаров, облагавшихся таможенной пошлиной, и назывался *vicesima*. Возможно, в других провинциях таможенная пошлина в среднем была такой же [22, с. 945]. Во времена империи размер *portorium* составлял уже 1/40 от стоимости ввозимых товаров, сама пошлина носила название *quadragesima* – «налог в размере 2,5%» [4]. Существуют данные о *portorium*, равнявшемся 1/8 от стоимости ввозимых товаров, но отсутствуют сведения о том, взималась ли эта пошлина со всех ввозимых товаров, или ею облагались только определенные категории предметов [22, с. 945].

В современном английском отсутствуют дериваты, восходящие к лексеме *portorium*. Что касается термина *vicesima*, то это субстантивированная форма женского рода со значением «двадцатая часть, 5%», образованная от порядкового числи-

тельного *vicesimus* («двадцатый»), восходящего к количественному числительному *viginti* («двадцать») [4]. В английском имеется дериват, образованный от аналогичной основы, – прилагательное *vigesimal* с тождественной семантикой, а именно «состоящий из двадцати; основанный на числе 20, двадцатичный» [1], при этом налоговая семантика английской лексемы утрачена.

Лексема *quadragesima* – также субстантивированная форма женского рода, восходящая к порядковому числительному *quadragessimus* («сороковой») и количественному числительному *quadraginta* («сорок»), соответственно [4]. В современном английском языке существует дериват, образованный от аналогичной основы, – прилагательное *quadragesimal* со значениями «сорокадневный; великопостный» [1]. Эта семантика отмечена И.Х. Дворецким в качестве третьего значения латинской лексемы – «сорокадневный («великий») пост» [4]. Таким образом, налоговое значение данной лексической единицы в английском языке утрачено, однако сохранилась религиозная семантика.

4. *Salinae* – налоги, взимаемые при разработке соляных копий.

И.Х. Дворецкий отмечает в качестве значений существительного *salinae* «соляные копи, солеварни, градирни» [4]. Данная лексема, по форме представляющая собой множественное число существительного *salina*, является производной от прилагательного *salinus* («соляной»), в свою очередь восходящего к латинскому существительному *sal* («соль»). В современном английском существует географический термин *salina* – «солончак, низина, затопляемая морской водой, солонец» [16], а также лексическая единица *saline*, которая употребляется как в виде существительного «соляной раствор», так и в качестве прилагательного со значениями «соляной, содержащий соль; солевой» [1].

Metalla – налог, взимаемый при разработке рудников. Л. Шмитц отмечает, что рудники и соляные копи в завоеванных странах частично разрабатывались городами при условии уплаты определенной пошлины. Также существовала возможность ведения разработки с непосредственной передачей доходов государству и их отдача на откуп публиканам [22, с. 1184].

Латинская лексема *metalla* – это множественное число существительного *metallum* со значениями «металл; ископаемое, минерал; рудник» [4]. Дериват данного существительного в современном английском – лексема *metal*, употребляемая в качестве существительного «металл», прилагательного «металлический», глагола «покрывать металлом» [1].

Говоря о латинских терминах *salinae* и *metalla*, не вполне очевидно, насколько корректно расширение значений «соляные копи» и «рудники» до названия налога, взимаемого с данных объектов, поскольку словари латинского языка [4, 21] не приводят собственно значение «налог, сбор» применительно к анализируемым лексическим единицам, подобные данные обнаруживаются только у Л. Шмитца [22, с. 1184]. Так, например, в 50-й книге «Дигест» Юстиниана (50.16.17.1) рассматриваемые налоги указываются следующим образом: «Мы должны считать «публичными» те вектигальные земли, из которых императорская казна получает подати; таковыми являются таможенные пошлины, налоги с продажи вещей, а также *налоги от соляных копей, рудников и дегтярен*» (курсив мой. – К. И.) [11]. В оригинальном латинском тексте «*vestigal <...> salinarum et metallorum*» [17], то есть значение соответствующего налога выражено не непосредственно в лексемах *salinarum/metallorum*, согласно данным Шмитца, а в словосочетаниях, одним из компонентов которых является лексема *vestigal*.

5. *Centesima rerum venalium* – налог в размере 1% с продажи товаров и торгов.

В латыни лексема *centesima* имеет значение «сотая часть, процент, однопроцентное отчисление», восходя к порядковому числительному *centesimus* («сотый»), которое, в свою очередь, образовано от количественного числительного *centum* («сто») [4]. В английском языке указанная семантика сохраняется в прилагательном-деривате от аналогичной основы *centesimal* – «сотенный, сотый, разделенный на сто частей» [1].

Семантика следующих двух компонентов словесной группы – *rerum venalium* – формы множественного числа от *res venalis* – имела в латыни значение «товар» [4]. В английском языке «товар» обозначается синонимичными лексемами *goods*, *commodity*, *merchandise*, поэтому целесообразно рассмотреть два компонента, образующие данную словесную группу, по отдельности.

Компонент *rerum* – генитив от существительного *res* – крайне многозначной лексемы («вещь; мир; обстоятельство; состояние; факт; сущность» и др. [4]). Латинский номинатив *res* употребляется в современном английском в этой же форме в юридических текстах, сохранив исходное латинское значение «определенная вещь, дело, вопрос» [1, 19].

Второй компонент рассматриваемой группы – прилагательное *venalis* «продаваемый; продажный, готовый на подкуп, подкупной» [4], образованное от существительного *venus* («продажа») перешло в английский язык в форме *venal* исключительно с пейоративным значением «продажный,

подкупленный, корыстный», утратив при этом нейтральную семантику «продаваемый» [1].

В целом, латинские лексемы-компоненты рассматриваемой словесной группы сохранили наиболее общие значения в соответствующих дериватах современного английского языка, утратив при этом семантику, относящуюся к налоговой сфере.

6. *Vicesima hereditatum* – «5%-ный налог с наследства величиной от 200 000 HS [сестерциев] и выше» [3, с. 326], которым облагался каждый римский гражданин. Данный налог наряду с ранее рассмотренным налогом в размере 1% с продажи товаров и торгов был существенным источником доходов для так называемого военного зрария – части государственной казны, специально созданной при императоре Августе для содержания армии и выплат солдатам после их увольнения со службы.

Первый компонент словесной группы – лексема *vicesima* – см. выше, п. 3.

Второй компонент *hereditatum* – генитив в форме множественного числа существительного *hereditas* «наследство, наследие; наследование» [4]. В современном английском дериват-существительное *heredity* имеет значения «наследственность; способность передаваться по наследству», а также «унаследованные черты, особенности» [1]. Собственно семантика «наследство» выражается в английском, в частности, в лексеме *inheritance*, восходящей к латинскому существительному *heres* («наследник»), к которому также восходит и лексема *heredity*. Таким образом, значение современной лексической единицы *heredity* не тождественно значению исходной лексемы *hereditas*, но вместе с тем входит в то же семантическое поле.

7. *Vicesima manumissionum* – «5%-ный налог со стоимости выкупа раба» [3, с. 326].

Первый компонент словесной группы – лексема *vicesima* – см. выше, пункт 3.

Второй компонент – лексема *manumissionum* – генитив множественного числа существительного *manumissio* со значением «отпускание на волю, освобождение (раба)» [4]. Аналогичное значение перешло в английский язык в деривате *manumission* – «освобождение (от рабства); предоставление вольной (крепостному); отпускная, вольная (грамота)» [1]. Таким образом, дериваты каждого компонента словесной группы сохранили общую семантику исходных латинских лексем, утратив значение, связанное с налогами.

8. *Tributum* – военный налог, введенный во времена Римской республики (V в. до н.э.) для выплаты регулярного жалования солдатам в силу того, что Рим вел затяжные войны, требовавшие

значительных финансовых затрат. В.В. Коровкин отмечает, что, вероятнее всего, изначально трибут служил «в качестве чрезвычайного налога» [7, с. 526] и взимался только в случае необходимости. В дальнейшем этот налог, которым облагались все римские граждане, стал основным источником государственных доходов Древнего Рима. В первые десятилетия своего существования трибут не был пропорциональным налогом на имущество, однако в конце IV века до н.э. он стал таковым, поскольку был введен имущественный ценз. Трибут составлял 0,1%, однако ставка могла повышаться в случае больших издержек. Так, во время Второй Пунической войны трибут увеличили вдвое и взимали повышенный налог на протяжении одного года.

Начиная с III века до н.э. трибут, который ранее уплачивали только римские граждане, распространился и на колонии Рима. Впоследствии население римских провинций также было обязано платить подушный (*tributum capitis*) и поземельный трибут (*tributum solis*). При этом римские граждане были освобождены от уплаты трибута в 168 до н.э.

Лексема *tributum*, восходящая к страдательному причастию прошедшего времени *tributus* глагола *tribuere* – «распределять; давать» [4], имеет в современном английском языке дериват в виде существительного *tribute* со значениями «дань; обязательство платить дань; подношение, награда; должное» [1]. Англо-английские словари [15, 18, 19] в качестве первого значения для *tribute* отмечают «уважительное действие; восхищение, оказанное кому-то; восхваление». При этом семантика «денежное обязательство одного народа перед другим» выделяется авторами словарей на втором месте. То есть налоговое значение лексической единицы сохранилось в современном английском языке, скорее, как дополнительное.

9. *Aes uxorium* – налог, которым облагались холостые мужчины, достигшие определенного возраста. Это была одна из мер, предпринятых для поощрения рождаемости. По-видимому, этот налог перестал взиматься во II в. до н.э.

Лексема *aes* («медь, медная руда, монета, деньги, сбор» [4]), вероятно, «перешла в германский язык и превратилась в английское *oge* («руда») [20].

Лексема *uxorium* – генитив в форме множественного числа существительного *uxor* («жена, супруга» [4]) породила следующие суффиксальные дериваты в современном английском языке: *uxorial* («относящийся к жене, характерный для жены»), *uxoricide* («женоубийство, женоубийца»), *uxorious* («слишком любящий свою жену») [1]. Семантика рассматриваемых компонентов словес-

ных групп в соответствующих английских дериватах не является тождественной, однако общность значений до известной степени сохраняется.

10. *Ostiarium* – «подать с дверей» [4]. Имеется в виду, что стоимость имущества оценивалась по количеству дверей в доме (наряду с такими показателями, как площадь землевладения, количество детей и рабов). Этот термин происходит от латинского существительного *ostium* – «вход; устье; дверь, ворота» [4]. В современном английском языке лексическая единица *ostiarium* дериватов не имеет.

11. *Octavae* – налог в размере 12,5% от стоимости собственности. М. Бартошек при этом указывает, что этот налог взимался с товара, продаваемого на рынке [3, с. 232].

Лексема *octavae* представляет собой субстантивированную форму множественного числа женского рода от *octava*, которая является производной от порядкового числительного *octavus* («восьмой»), в свою очередь образованного от количественного числительного *octo* («восемь») [4]. В современном английском языке существует дериват от аналогичной основы – *octave*, в частности, со значениями «октава; «восьмистишие, октава; октет»; «восьмой день после праздника» и др. [1]. Таким образом, семантика «восемь» сохранилась в современном английском языке безотносительно налоговых значений.

Обращаясь к английским дериватам латинских лексем целесообразно упомянуть о том, каким образом латинизмы проникали в английский язык. Английский язык заимствовал латинские лексеммы на разных этапах своей истории. В древний период заимствования из латыни были немногочисленны и имели разговорную форму. Их привнесли в английский язык имевшие тесные контакты с римлянами германцы, переселившиеся на остров Британия. В основном, латинские заимствования этого периода относились к таким сферам жизнедеятельности человека, как военное дело, торговля, сельское хозяйство, предметы быта и сооружения [14, с. 249]. В дальнейшем, английский язык также заимствовал из латыни лексеммы книжного характера, относящиеся к религиозно-обрядовой сфере [2, с. 105].

В среднеанглийский период латинизмы проникали в английский язык посредством французского языка в его нормандской диалектальной форме. По данным отечественного филолога В.Д. Аракина, влияние французского на словарный состав английского языка в среднеанглийский период было столь существенным, что «общее количество французских (и латинских) заимствований в современном языке достигает значительной цифры – 57% общего числа слов английского языка» [2, с.

174]. Справедливости ради стоит отметить, что по большей части это терминологическая лексика и книжные слова, основной словарный фонд в английском языке «сохранил свой исконный германский характер» [2]. Области понятий, к которым относятся заимствования из французского языка (а значит, во многих случаях из латыни) крайне разнообразны: управление государством, феодальные отношения, судопроизводство, армия и вооружение, воинские звания, религия и церковь, строительство, архитектура и др. [2, с. 174-176].

Новоанглийский этап характеризуется интересом к классической древности и развитием наук, следствием чего было появление новых понятий, термины для обозначения которых зачастую черпались учеными из латыни. При этом заимствования этого периода в основном представлены глаголами и прилагательными различной семантики, в отличие от древнеанглийского периода, когда заимствовались исключительно существительные.

Таким образом, рассмотрев 18 латинских лексических единиц, семантика которых в латыни относилась к сфере налогов/пошлин, можно заключить следующее об их судьбе в английском языке:

– не образовали дериватов в современном английском языке (не фиксируются словарями) – 3 лексические единицы (*vectigalia*, *portorium*, *ostiarium*).

– образовали дериваты, семантика которых так или иначе входит в область значений исходных лексем, – 8 лексических единиц (*scriptura*, *salinae*, *metalla*, *res*, *venalis*, *hereditatum*, *aes*, *uxorium*). Вместе с тем, налоговая семантика английских дериватов современными словарями не фиксируется.

– образовали дериваты с тождественной семантикой в силу того, что в основе латинских лексем – числительные – 5 лексических единиц (*decuma/decima*, *centesima*, *vicesima*, *octavae*, *quadragesima*). В эту подгруппу входит еще 1 лексема с аналогичной семантикой – *manumissionum*. Тождественные значения, однако, не имеют отношения к семантическому полю «налоги».

– образовала дериват с налоговой семантикой – 1 лексема (*tributum*).

Таким образом, дериваты латинских лексем со значением определенного вида налога (пошлины) в современном английском языке в подавляющем большинстве случаев утратили изначальную семантику налогов и сборов. При этом единственная лексическая единица, значение которой входит в семантическое поле налогов, сборов и пошлин, – это лексема *tributum* и ее дериват *tribute*. Вероятно, полученные итоги допустимо считать ожидаемы-

ми, поскольку исторический период, разделяющий латынь даже в позднем варианте и современный английский язык, насчитывает несколько десятков столетий, что неизбежно повлияло на семантику, унаследованную английскими дериватами от латинских лексем. К тому же, усвоение латинизмов английским языком, как было отмечено, происходило в том числе и при посредничестве французского языка, – факт, который, по-видимому, также играл значительную роль в сохранении либо утрате исходной семантики латинских лексем в производных лексических единицах английского языка.

Литература

1. Англо-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://woordhunt.ru/> (дата обращения: 20.06.2021)
2. Аракин В.Д. История английского языка. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. 272 с.
3. Бартошек М. Римское право: (Понятия, термины, определения). М.: Юрид. лит., 1989. 448 с.
4. Большой латинско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/> (дата обращения: 11.06.2021)
5. Дигесты Юстиниана [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/39.php (дата обращения: 25.06.2021)
6. Камаровский Л.А. Очерки Рима в финансовом и экономическом отношениях: Канд. рассуждение гр. Л. Комаровского. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1869. 138 с.
7. Коровкин В.В. Очерки истории государственного хозяйства, государственных финансов и налогообложения в Древнем мире. М.: Магистр, 2009. 733 с.
8. Ливий Т. История Рима от основания города. М.: Издательство «Наука», 1989. Т. 1. 575 с.
9. Медовичев А.Е. Тан Дж. Власть и государственные финансы в Риме, 264-49 гг. до н.э. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 2019. № 5. С. 6 – 13.
10. Моммзен Т. История римских императоров (по конспектам Себастьяна и Пауля Хензелей 1882-1886). СПб.: Ювента, 2002. 628 с.
11. Пятидесятая книга Дигест [Электронный ресурс]. URL: <https://rimpravo.ru/50-kniga-digest-iustiniana#gsc.tab=0> (дата обращения: 28.06.2021)
12. Светоний Т. Г. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Изд-во «Наука», 1964. 375 с.
13. Смит У. Словарь греческих и римских древностей, 2-е изд. 2007. [Электронный ресурс]. URL:

<http://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=177269677> (дата обращения: 15.07.2021).

14. Algeo J. The origins and development of the English language. Wadsworth Cengage Learning, 2010. 347 p.
15. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 17.06.2021)
16. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britannica.com/science/playa> (дата обращения: 22.06.2021)
17. Günther S. Taxation in the Greco-Roman world: The Roman principate [Электронный ресурс]: 2016. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/> (дата обращения: 24.06.2021)
18. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 17.07.2021)
19. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 17.07.2021)
20. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.etymonline.com/word/copper#etymonline_v_19058 (дата обращения: 23.06.2021)
21. Oxford Latin Dictionary. Oxford University Press, 1968. 2126 p.
22. Smith W.A dictionary of Greek and Roman antiquities by various writers. London: John Murray, Albemarle Street. 1878. 1317 p.

References

1. Anglo-russkij slovar' [Elektronnyj resurs]. URL: <https://woordhunt.ru/> (data obrashcheniya: 20.06.2021)
2. Arakin V.D. Istoriya anglijskogo yazyka. M.: FIZMATLIT, 2003. 272 s.
3. Bartoshek M. Rimskoe pravo: (Ponyatiya, terminy, opredeleniya). M.: YUrid. lit., 1989. 448 s.
4. Bol'shoj latinsko-russkij slovar' [Elektronnyj resurs]. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/> (data obrashcheniya: 11.06.2021)
5. Digesty YUstiniana [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/digest/39.php (data obrashcheniya: 25.06.2021)
6. Kamarovskij L.A. Ocherki Rima v finansovom i ekonomicheskom otnosheniyah: Kand. rassuzhdenie gr. L. Komarovskogo. M.: Univ. tip. (Katkov i K°), 1869. 138 s.
7. Korovkin V.V. Ocherki istorii gosudarstvennogo hozyajstva, gosudarstvennyh finansov i nalogooblozheniya v Drevnem mire. M.: Magistr, 2009. 733 s.
8. Livij T. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1989. T. 1. 575 s.

9. Medovichev A.E. Tan Dzh. Vlast' i gosudarstvennyye finansy v Rime, 264-49 gg. do n.e. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. 2019. № 5. S. 6 – 13.
10. Mommzen T. Istoriya rimskih imperatorov (po konspektam Sebast'yana i Paulya Henzelej 1882-1886). SPb.: YUventa, 2002. 628 s.
11. Pyatidesyataya kniga Digest [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rimpravo.ru/50-kniga-digest-iustiniana#gsc.tab=0> (data obrashcheniya: 28.06.2021)
12. Svetonij T. G. ZHizn' dvenadcati cezarej. M.: Izd-vo «Nauka», 1964. 375 s.
13. Smit U. Slovar' grecheskih i rimskih drevnostej, 2-e izd. 2007. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=177269677> (data obrashcheniya: 15.07.2021).
14. Algeo J. The origins and development of the English language. Wadsworth Cengage Learning, 2010. 347 p.
15. Cambridge Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (data obrashcheniya: 17.06.2021)
16. Encyclopedia Britannica [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.britannica.com/science/playa> (data obrashcheniya: 22.06.2021)
17. Günther S. Taxation in the Greco-Roman world: The Roman principate [Elektronnyj resurs]: 2016. URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/> (data obrashcheniya: 24.06.2021)
18. Macmillan Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (data obrashcheniya: 17.07.2021)
19. Merriam-Webster Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (data obrashcheniya: 17.07.2021)
20. Online Etymology Dictionary [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.etymonline.com/word/copper#etymonline_v_19058 (data obrashcheniya: 23.06.2021)
21. Oxford Latin Dictionary. Oxford University Press, 1968. 2126 p.
22. Smith W.A dictionary of Greek and Roman antiquities by various writers. London: John Murray, Albemarle Street. 1878. 1317 p.

TAX AND CUSTOMS TERMS OF ANCIENT ROME AND ENGLISH DERIVATIVES OF LATIN LEXEMES DESIGNATING A CERTAIN TAX (DUTY)

Kizilova I.N.,

St.-Petersburg branch of Russian Customs Academy named after Vladimir Bobkov

Abstract: the article deals with the Latin terms related to the field of taxes and customs duties, united under the general name vectigalia in accordance with the classification of L. Schmitz. At the same time, the opinion of other researchers is given, according to which in Ancient Rome the concepts of vectigalia and portoria were interchangeable and both denoted regular receipts to the ancient Roman budget. Tax and customs terms of Ancient Rome are of scientific interest from the viewpoint of derivatives formed in the English language. As part of the analysis of the form and content of Latin terms and English derivatives, it was found that in most cases the original semantics of analyzed Latin lexemes related to taxes and fees were not preserved in the derivatives of the English language. However, for some lexemes the general semantics of the Latin units under consideration is relevant in modern English. The instability of the semantics of "taxes, fees, duties" in the English derivatives of the analyzed Latin lexemes is apparently due to the fact that Latinisms penetrated into the English language at different stages of its development, including through the French language, often losing its narrower meanings and keeping the more general ones.

Keywords: taxes, duties, fees, Ancient Rome, Latin, derivatives, vectigalia, portoria

**АВТОРСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРСОНАЖА
В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
(НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРСКИХ РЕМАРОК, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ
РЕЧЬ ВОЛАНДА И ФАГОТА-КОРОВЬЕВА)**

*Кошарная С.А., доктор филологических наук, профессор,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Флигинских Ю.Ю., аспирант, учитель,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Гимназия № 22, г. Белгород*

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности авторской презентации речи двух инфернальных героев – Воланда и Фагота-Коровьева – в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Работа выполнена в рамках продолжающегося диссертационного исследования.

Описание языковой личности персонажа актуально в контексте интегративного-лингвокультурологического – подхода к художественному тексту, в частности – к тексту романа М.А. Булгакова, отразившему языковую палитру России 20-х годов XX века и специфику социокультурных типов этого времени. Речевой портрет персонажа художественного произведения представляет особый интерес как репрезентация особой, созданной автором текста, фиктивной языковой личности. При этом авторские ремарки и непосредственные указания на сами факты речи персонажей могут выполнять важную задачу, а именно – содержать в себе её оценку, характеристику действующего лица, передавать отношение автора к герою и коммуникативной ситуации. Авторская презентация языковой личности персонажа в его речевых проявлениях служит лингвокультурным маркером речевой характеристики героя художественного произведения и средством создания его целостного портрета. Особенности авторской трактовки языковой личности персонажа (как фиктивной языковой личности и в то же время во многом стереотипной) проявляются на разных уровнях языка: лексическом, синтаксическом. В нашей работе акцент сделан на лексическом уровне, поскольку он ярче всего репрезентирует особенности авторской художественной картины мира (и его идиостиля) посредством целенаправленногобора слов способствуя созданию целостных художественных – порой масочных, театральных и при этом динамических – образов.

Подход к слову с учетом понятийных и внутритекстовых связей и привлечение культурологических доказательств обеспечивают возможность проникновения в систему авторской художественной картины мира и позволяют выявить социокультурные черты языковой эпохи, представленной в произведении.

Ключевые слова: художественная языковая картина мира, М.А. Булгаков, языковая личность персонажа, авторская презентация, лексика

Введение

Персонаж художественного произведения представляет собой особую – фиктивную – языковую личность. Несмотря на эту искусственность, к его характеристике применимы подходы и принципы, существующие в области лингвоперсонологии в целом (начиная от работ Ю.Н. Караулова), что детерминировано антропоцентричностью художественного произведения, в котором «человек говорящий» является ключевой фигурой, субъектом художественных событий.

При этом языковой портрет персонажа не ограничивается его речевой самопрезентацией. На наш взгляд, мы можем говорить о внешней (авторской) речевой презентации языковой личности персонажа, в ходе которой автор описывает особенности его речевого поведения и коммуникативных реализаций.

В данной работе, выполненной в контексте диссертационного исследования, подготовка которого осуществляется в настоящее время, рассматриваются особенности авторской

презентации речи Воланда и Фагота-Коровьева в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Предметом исследования выступают авторские лексические характеристики речи двух инфернальных персонажей. Данные лексические единицы рассматриваются нами как художественные маркеры, отражающие лингвокультурологическую специфику персонажей и эмоционально-экспрессивную характеристику их коммуникативных «проявлений». В частности, анализу подвергается лексически обозначенная интонационная характеристика речи булгаковских персонажей в её авторской трактовке, что впервые оказывается предметом исследования.

Актуальность нашего исследования детерминирована прежде всего значимостью решения вопросов, связанных с лингвистической интерпретацией художественного текста и персонажа произведения; интегративным подходом к авторской языковой художественной картине мира в контексте современной научной лингвистической парадигмы.

Материалом нашего исследования послужили контексты, репрезентирующие особенности авторской презентации речи двух inferнальных персонажей романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Цель исследования – проанализировать лексические особенности авторской характеристики речевых проявлений Воланда и Фагота-Коровьева в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

В осмыслении заявленной проблематики мы опирались на труды М. Барр [1], Л.О. Бутаковой [3], А.В. Злочевской [5], Ю.Н. Караулова [6], Е.И. Михайловой [7] и др. исследователей.

Основными методами исследования выступают общенаучные методы анализа, описания, обобщения; лингвистические методы (контекстуальный анализ, сопоставительный метод, элементы статистического анализа).

Результаты

Основными составляющими речевого портрета персонажа как искусственной (фиктивной) языковой личности выступают собственно прямая речь (речевая *самопрезентация* персонажа) и *авторская* речевая *презентация* речи персонажа (ремарки как сопровождающие речь персонажа авторские комментарии, оценки). Важно отметить, что авторские ремарки к речи героя играют значимую роль в создании художественного произведения, поскольку содержат в себе оценку, характеристику персонажа, передают отношение автора к самому персонажу и коммуникативной ситуации, в которой герой проявляет себя как языковую личность.

Авторская презентация как портретизация языковой личности персонажа выполняет ряд взаимосвязанных функций: индивидуализация персонажа в ряду других героев произведения (можно трактовать данную функцию как речевыделительную), типизация персонажа (создание личности, репрезентирующей особый социокультурный тип), сопоставительная функция (благодаря ее реализации маркируется позиция персонажа внутри сюжета по отношению к другим героям и событийной канве, объективируются особенности художественного конфликта); эмоционально-экспрессивная и психологическая характеристика персонажа.

Так, авторский комментарий к речи Воланда призван раскрыть черты его личности как субъекта вневременного абсолютного знания и вытекающую из этого авторитарность inferнального персонажа. Коннотативно маркированные авторские ремарки речевых проявлений Фагота-Коровьева дополняют речевую самопрезентацию героя и создают яркий динамический масочный, театральный образ персонажа.

Обсуждение

Герой художественного произведения – искусственно созданная автором языковая личность. Данная категория является основной содержательной универсалией художественного текста, которая несёт в себе особую информативную значимость. Всестороннее исследование речевого портрета персонажа будет более репрезентативным при условии включения в предмет анализа не только собственно прямой, но и авторской речи, поскольку последняя отражает художественное своеобразие языковой личности персонажа как сюжетобразующего элемента индивидуально-авторской картины мира и, со своей стороны, транслирует читателю авторский замысел. С этой точки зрения, авторский комментарий речевых проявлений героев является одним из ключевых сегментов речевого портрета того или иного персонажа, способных объективировать для читателя скрытые смыслы и философскую, психологическую, социокультурную и лингвистическую природу художественного образа.

В данной статье мы проанализировали в этом контексте авторские ремарки, «обрамляющие» речевые проявления Воланда и Фагота-Коровьева в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Общий тезис, который мы можем сформулировать по итогам нашего анализа, заключается в том, что авторский комментарий речи Воланда нацелен на передачу двойственности образа данного персонажа, детерминированной его принадлежностью к высшей силе, которая предопределяет судьбы людей и мира, причем «темной силе», с одной стороны, и «масками» профессора, консультанта, артиста и т.д. – с другой.

Остановимся на авторских характеристиках речи Воланда, где частотны ремарочные глаголы с эмоциональной, экспрессивной семантикой: *возразил* (1 употребление в тексте), *возмутился* (1 употребление в тексте), *приказал* (6 употреблений в тексте). В словаре русского языка (мы используем в своей работе словарь, наиболее соответствующий языку времени написания романа [8]) имеются следующие толкования данных глаголов: *возражать* – «приводить опровергающие доводы, говорить против, заявлять о своём несогласии» [8, I, с. 344]; *возмутиться* – «прийти в негодование, возмущение» [8, I, с. 342]; *приказать* – «сделать распоряжение, велеть, потребовать» [8, III, с. 799].

Заметим, что глагол *приказал* используется в характеристиках речевых проявлений Воланда 6 раз, в чём прослеживается авторский замысел в отношении данного образа: Воланд является авторитарной личностью, и данный глагол-ремарка подчёркивает статус персонажа как

властителя, который может влиять на сознание других, обладая при этом вневременным абсолютным знанием: « – *Кресло мне, – негромко приказал Воланд, и в ту же секунду, неизвестно как и откуда, на сцене появилось кресло, в которое и сел маг <...>*» [2, с. 125].

Авторский комментарий, в котором используется наречие *негромко* (*негромко приказал* – в данном словосочетании присутствуют черты оксюморонности: как правило, приказы отдаются повышенным тоном), подчёркивает спокойствие и осознание персонажем собственной безграничной власти.

Вместе с тем глаголы, репрезентирующие силу звучания речи, также присутствуют в авторских комментариях речевых проявлений Воланда и транслируют особые эмоциональные состояния (всплески) героя в конкретных коммуникативных ситуациях: *воскликнул* (9 употреблений в тексте), *крикнул* (12 употреблений глагола и его форм в тексте): « – *О, какой вздор! – воскликнул гастролер и слушать больше ничего не захотел*» [2, с. 82].

Анализ авторских характеристик речевых проявлений Воланда позволяет констатировать, что наиболее частотной частью речи при передаче интонации героя служит наречие. Нами обнаружено следующее соотношение частей речи, участвующих в интонационных характеристиках коммуникативных проявлений персонажа: наречия (46 единиц = 59%); глаголы и глагольные формы (22 единицы = 28%); прилагательные (10 единиц = 13%).

В частности, авторская презентация речи Воланда преимущественно дополняется наречиями *медленно, тихо, негромко*, причем это имеет место на протяжении всего романа: «– *Совершенно верно, благодарю, – медленно говорил маг тяжёлым басом, – сколько гораздо более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне?*» [2, с. 126]; « – *Михаил Александрович, – негромко обратился Воланд к голове, и тогда Маргарита, содрогнувшись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза*» [2, с. 282].

Вместе с тем отметим, что для авторских характеристик речи Воланда характерно использование ремарочных наречий с контрастной семантикой: *мягко / твёрдо, любезно / сурово, радостно / серьёзно, вежливо / сухохато, убедительно / растерянно* и др., что демонстрирует эмоциональную полярность персонажа в зависимости от коммуникативной ситуации и адресата общения. Высказанное нами предположение подтверждают такие контексты, как:

« – *Виноват, – мягко отозвался неизвестный <...>*» [2, с. 13] (в диалоге с Бездомным);

«– *Нет, этого быть никак не может, – твёрдо возразил иностранец*» [2, с. 212] (в ответе Берлиозу);

« – *Чем дальше говорю с вами, – любезно отозвался Воланд, – тем больше убеждаюсь в том, что вы очень умны*» [2, с. 268] (в диалоге с Маргаритой);

« – *Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? – заговорил Воланд сурово*» [2, с. 373] (в разговоре с Левием Матвеем о судьбе Мастера).

Подобные ремарки, помимо прочего, позволяют говорить о *равновесных и разновесных диалогах* (в своей работе мы вводим данные термины как рабочие) внутри романа: позиции коммуникантов могут быть равными или неравными, что обуславливает специфику общения и в том числе проявляется на уровне лексической организации авторских ремарок.

Ремарочные наречия, используемые для характеристики речевых проявлений Воланда, заключают в себе семантику непоколебимости, лишённой сомнений; слова и фразы произносятся отчётливо, что отражено в таких авторских ремарочных наречиях, характеризующих речь данного персонажа, как: *уверенно, убедительно, внушительно, повелительно, сурово, гулко, веско*; ср. значения производящих прилагательных: *уверенный* – «привычный в своих движениях, твёрдый, не колеблющийся» [8, IV, с. 868]; *убедительный* – такой, который убеждает, заставляет убедиться в чём-н., вполне доказательный» [8, IV, с. 857]; *внушительный* – «производящий впечатление, способный внушить что-н.» [9, с. 321]; *повелительный* – «(книжн.) содержащий в себе приказание, выражающий приказание» [10, с. 329]; *суровый* – «сумрачно-серьёзный, строгий, угрюмый» [8, IV, с. 596]; *гулкий* – «с сильным резонансом; слышный на большое расстояние, громкий» [8, I, с. 637]; *веский* – «влиятельный, имеющий значение, ценность» [8, I, с. 260], например:

« – *Киртич ни с того ни с сего, – внушительно перебил неизвестный, никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в каком случае не угрожает. Вы умрёте другую смертью*» [2, с. 14];

« – *Профессор черной магии Воланд, – веско сказал визитер*» [2, с. 82].

Особого внимания заслуживают эпитеты к лексеме *голос* и синонимичным единицам (*тяжёлый бас*): *страшный голос / трубный голос*, которые транслируют эмоциональный фон коммуникативной ситуации с участием персонажа

и его эмоциональное состояние: « – Ты сдаешься или нет? – **прокричал страшным голосом Воланд**» [2, с. 266]. Как видим из контекста, употребление эпитета *страшный (голос)* усиливает семантику глагола *прокричал*, ср.: *страшный* – «вызывающий, внушающий чувство страха, пугающий; крайне сильный по степени проявления чего-н., весьма значительный (разг.)» [8, IV, с. 551].

Что касается эпитета *трубный*, то он отсылает читателя к библейскому сюжету. Так, *трубный* в словаре Д.Н. Ушакова имеет следующее толкование: «очень громкий», там же приводится словосочетание «*трубный глас*», которое объясняется как «звук трубы в день Страшного суда» [8, IV, с. 811]. Можно полагать, что характеристика голоса Воланда как *трубного* неслучайна, поскольку, по замыслу автора, задача данного персонажа в романе – разоблачать и обличать пороки людей, отсюда возникает ассоциация со звуком трубы в день Страшного суда.

Таким образом, авторский комментарий речи Воланда репрезентирует особенности языковой личности персонажа и художественного образа в целом. Различия в семантическом (в частности, эмоционально-экспрессивном) наполнении лексем, служащих авторскими характеристиками речевых проявлений персонажа, отражают отношение Воланда к прочим героям, проявляющееся в разновесных и равновесных диалогах с его участием.

Заметим, что такая разно- и равновесность проявляется и в организации речи самих персонажей (в их речевых самопрезентациях). По нашим наблюдениям, по преимуществу диалоги с участием Воланда оказываются разновесными, причем данный персонаж, как правило, находится в приоритетной, авторитарной позиции по отношению к собеседнику. Диалоги с участием Фагота-Коровьева, как правило, также оказываются разновесными, но с большей степенью вариативности: он находится либо «над» собеседником, либо занимает подчиненную позицию (в диалогах с Воландом, Маргаритой). Этим обусловлена и в этом проявляется многоликость персонажа. Например, в обращениях к Маргарите Коровьев использует оценочные прилагательные: *уважаемая госпожа, дорогая Маргариты Николаевны, очаровательная королева, драгоценная королева Марго, алмазная донна*, он *сладко успокаивает* героиню, *берет под руку, позволяет себе смелость посоветовать*.

Автор при характеристике речи Фагота, реализуя коммуникативную «разновесность» (позиция «над» собеседником), использует лексику, характеризующую паралингвистические средства общения: *шепотом, сладко предложил*: « – А вы по-

ойтесь у себя в портфеле, Никанор Иванович, – сладко предложил Коровьев» [2, с. 99]; « – Ведь ему безразлично, покойнику, – *шепотом сипел Коровьев*, – ему теперь, сами согласитесь, Никанор Иванович, квартира эта к чему?» [2, с. 100].

В приведенных отрывках автор демонстрирует речевую «гибкость» персонажа, умение организовать общение с установкой на достижение необходимого коммуникативного эффекта, практического результата: «**В предложении переводчика заключался ясный практический смысл, предложение было очень солидное, но что-то удивительно несолидное было и в манере переводчика говорить, и в его одежде, и в этом омерзительном, никуда не годном пенсне**» [2, с. 101].

Согласно авторским ремаркам, в глазах московских обывателей Фагот *мерзавец, клетчатый тип, субъект, неожиданный тип, мерзкий регент*, и такие оценочные номинации в авторских комментариях к речи Коровьева частотны: « – Ваши часики? Прошу получить, – *развязно улыбаясь, сказал клетчатый*» [2, с. 123]; « – Турникет ищете, гражданин? – *треснувшим тенором осведомился клетчатый тип*. – Сюда пожалуйте! Прямо и выйдете куда надо. С вас бы за указание на четверть литра...поправиться бывшему регенту! – *кривляясь, субъект наотмашь снял жокейский свой картузик*» [2, с. 47]. Как видим, в словах автора в данных контекстах используются разговорные, сниженные языковые средства, а также оценочные лексемы: *развязно, тип, кривляясь, субъект*. Заметим, что авторские описания жестов, движений Коровьева также подчинены характеризующим особенностям его речи (порывистость, резкость): «**Коровьев тут же выхватил блокнот и лихо выписал Никанору Ивановичу контрамарочку на две персоны в первом ряду**» [2, с. 102].

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляют авторские характеристики образа Фагота-Коровьева, в основе которых находятся слова с семантикой звука, что объясняется природой данного образа: прозвище *Фагот* восходит к названию деревянного духового музыкального инструмента [1].

Среди слов, участвующих в авторской характеристике речи Фагота, наиболее употребительными являются глаголы *трещал* (4 употребления в тексте), *орал* (7 употреблений), *воскликнул* (3 употребления), *кричал* (20 употреблений), *шептал* (17 употреблений), *дребезжал* (4 употребления), причастие *дребезжащий* (4 употребления), единичными примерами выступают глаголы *взревел, пищал, заскрипел* и др.

Обращает на себя внимание глагол *трещать* (*трещать* – «говорить много, громко и быстро, без умолку (разг. неодобрит.)» [8, IV, с. 797]): « – То ли бывает, то ли бывает, Никанор Иванович! – **затрещал Коровьев**» [2, с. 99]; « – **Потрясающе! – затрещал Коровьев**» [2, с. 285]. Данная лексема акцентирует внимание на том, что Коровьев пытается привлечь к себе внимание, что объясняется шутовской сутью данного образа.

В авторских комментариях обнаруживается прилагательное *трескучий* («пустой, бессодержательный, но шумный и высокопарный (о словах, речи; неодобрит.)» [8, IV, с. 789]), которое в тексте употребляется в переносном значении: «**Коровьев понравился Маргарите, и трескучая его болтовня подействовала на нее успокоительно**» [2, с. 258]. Длительное раздражающее звучание объективирует причастие *дребезжащий*, образованное от глагола «дребезжать», т.е. «издавать дрожащий звон, звяканье» [8, I, с. 798]: « – **Ба! Никанор Иванович! – заорал дребезжащим тенором неожиданный гражданин <...>**» [2, с. 98]; « – **Они заняты, – ответила трубка дребезжащим голосом**» [2, с. 113].

Полярность образа в разных коммуникативных ситуациях обозначается автором посредством использования ремарочных глаголов звучания с контрастной семантикой: *кричать / шептать, орать / пищать, сипеть / взрывать*: « – **Да он уж уехал, уехал! – закричал переводчик**» [2, с. 100]; « – **Ничего, ничего, ничего, – шептал Коровьев**» [2, с. 297]; « – **Да вы присаживайтесь, Никанор Иванович, – нисколько не теряясь, орал гражданин**» [2, с. 99]; « – **Драгоценная королева, – пищал Коровьев**» [2, с. 289]; « – **Об чём разговор! – взревел Коровьев**» [2, с. 102].

Фагот-Коровьев осуществляет разного рода стратегии (см. работу Ф. Видерас Санчес [4]), например, для передачи реализации «стратегии искушения» (встреча с Никанором Ивановичем) автором используются паралингвистические средства общения: *шёпотом сипел* (*сипеть* – «издавать сильные, шипящие звуки» [8, IV, с. 191]), *сладко предложил*: « – **Ведь ему безразлично, покойнику, – шепотом сипел Коровьев, – ему теперь, сами согласитесь, Никанор Иванович, квартира эта к чему?**» [2, с. 100]; « – **А вы поройтесь у себя в портфеле, Никанор Иванович, – сладко предложил Коровьев**» [2, с. 99]. В последнем фрагменте наречие *сладко* используется в переносном значении – «умилительно, приторно-нежно (разг. неодобрит.)» [8, IV, с. 254].

Лексемами, характеризующими тембр голоса Коровьева, выступают в авторских ремарках

имена прилагательные: *ядовитый* (в переносном значении «злобный, колкий, язвительный» [8, IV, с. 1455]; *тонкий* («высокий (о звуках)» [8, IV, с. 739]); наречия: *игриво* (от *игривый* – «непринуждённо-шаловливый, легкомысленно-весёлый, кокетливый» [8, I, с. 1130]); *горестно* (от *горестный* – «(книжн.) полный горя, несчастий; выражающий глубокую скорбь» [8, I, с. 599]); *радостно* (от *радостный* – «полный радости, веселья» [8, III, с. 1110]); *плаксиво* (от *плаксивый* – «печальный, жалобный, грустный» [8, III, с. 278]); *торжественно* (от *торжественный* – «важный, серьёзный, приподнятый (часто шутол. и ирон.)» [8, IV, с. 749]). Анализ семантики данных ремарочных прилагательных и наречий позволяет утверждать, что последние позволяют автору отразить шутовские манеры, свойственные клоуну (заметим, что маска шута является одной из основных в образе Фагота-Коровьева), что подтверждается и следующими контекстами: « – **Иван Савельевич? – радостно вскричала трубка**» [2, с. 113]; « – **Ах, королева, – игриво трещал Коровьев <...>**» [2, с. 260]; « – <...> **С вас бы за указание на четверть литра... поправиться... бывшему регенту! – кривляясь, субъект наотмашь снял жокейский свой картузик**» [2, с. 47].

Стоит отметить, что авторские комментарии речи Фагота меняются в зависимости от собеседника данного персонажа: так, в «речевых партиях» с Воландом не используются стилистически маркированные глаголы *заорал, воскликнул, крикнул, закричал, вскричал* и др., при этом отмечаются словосочетания, построенные по формуле «глагол + наречия», где лексические единицы являются маркерами вежливого общения: *негромко ответил, почтительно подсказал*: « – **Точно так, мессир, – негромко ответил Фагот-Коровьев**» [2, с. 125]; « – **Автобусы, – почтительно подсказал Фагот**» [2, с. 125].

В контекстах, относящихся к речевому взаимодействию Фагота с Воландом, автор нередко прибегает к использованию контекстуальных антонимов: « – **Мессир, вам стоит это приказать!.. – отозвался откуда-то Коровьев, но не дребезжащим, а очень чистым и звучным голосом**» [2, с. 103]; где *чистый* – «отчётливый и точный, ясный, правильный (о звуковом и словесном выражении)» [8, IV, с. 1282]; *звучный* – «такой, которому свойственны чистые, громкие, ясные звуки, издающий такие звуки» [8, I, с. 1087]. Прилагательные *дребезжащий, треснувший* противопоставляются эпитетам *чистый, звучный*, что в очередной раз позволяет писателю подчеркнуть коммуникативную «разновесность» в общении Фагота с разными

адресатами речевого взаимодействия: «отрицательный» в общении с московскими обывателями – «положительный» в речевых партиях с Воландом.

Таким образом, лексическое наполнение авторских ремарок к речи Фагота-Коровьева отражает речевую «гибкость» персонажа, проявляющаяся в способности организовать коммуникативное взаимодействие с установкой на практический результат: сатирически разоблачать, «срывать маски», служить и т.д.

Вывод

Авторская характеристика речевого портрета персонажа художественного произведения является важной составляющей общего портрета героя, которая способна раскрывать как индивидуальные, характеризующие только данный персонаж черты, так и социально-групповые маркеры в содержании образа, объективирующие философскую, психологическую, социокультурную и собственно языковую природу художественного образа.

Литература

1. Барр М. Перечитываем МАСТЕРА Заметки лингвиста на макинтоше [Электронный ресурс]. М.: Изд-во «Зебра Е», 2009. Режим доступа: https://royallib.com/book/barr_mariya/perechitivaya_mastera_zametki_lingvista_na_makintoshe.html
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: роман. М.: «Мартин», 2006. 448 с.
3. Бутакова Л.О. Автор и текст: когнитивная модель и вербальный феномен // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Лингвистика. Новосибирск, 2002. Т. 1. С. 170 – 174.
4. Видерас Санчес Ф. Коммуникативно-речевое поведение Воланда и его свиты в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: лингвопрагматический аспект: магистерская дис. Санчес. Красноярск, 2016. 90 с.
5. Злочевская А.В. Образ автора и нарративная структура романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология, 2015. № 2. С. 57 – 66.

6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 168 с.

7. Михайлова Е.И. Полисубъективное повествование: средства формального выражения точки зрения в тексте (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Филологические науки. 2008. № 3. С. 125 – 129.

8. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. Т. I-IV.

References

1. Barr M. Perechityvaya MASTERA Zаметki lingvista na makintoshe [Elektronnyj resurs]. M.: Izd-vo «Zebra E», 2009. Rezhim dostupa: https://royallib.com/book/barr_mariya/perechitivaya_mastera_zametki_lingvista_na_makintoshe.html
2. Bulgakov M.A. Master i Margarita: roman. M.: «Martin», 2006. 448 s.
3. Butakova L.O. Avtor i tekst: kognitivnaya model' i verbal'nyj fenomen. Problemy interpretacii v lingvistike i literaturovedenii. Lingvistika. Novosibirsk, 2002. T. 1. S. 170 – 174.
4. Videras Sanches F. Kommunikativno-rechevoe povedenie Volanda i ego svity v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita»: lingvopragmaticheskiy aspekt: magisterskaya dis. Sanches. Krasnoyarsk, 2016. 90 s.
5. Zlochevskaya A.V. Obraz avtora i narrativnaya struktura romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita». Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, Filologiya, 2015. № 2. S. 57 – 66.
6. Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987. 168 s.
7. Mihajlova E.I. Polisub'ektivnoe povestvovanie: sredstva formal'nogo vyrazheniya tochki zreniya v tekste (na materiale romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita»). Filologicheskie nauki. 2008. № 3. S. 125 – 129.
8. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Pod red. D.N. Ushakova. M.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'», ООО «Izdatel'stvo AST», 2000. T. I-IV.

THE AUTHOR'S PRESENTATION OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF THE CHARACTER IN THE NOVEL BY M. A. BULGAKOV «THE MASTER AND MARGARITA» (BASED ON THE MATERIAL OF THE AUTHOR'S REMARKS CHARACTERIZING THE SPEECH OF WOLAND AND BASSOON-KOROVIEV)

*Kosharnaya S.A., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Belgorod State National Research University,
Fliginskikh Yu.Yu., Postgraduate, Teacher,
Belgorod State National Research University,
Gymnasium No. 22, Belgorod*

Abstract: this article discusses the features of the author's presentation of the speech of two infernal heroes – Voland and Bassoon-Koroviev – in the novel by M.A. Bulgakov «The Master and Margarita». The work was performed as part of an ongoing dissertation research.

The speech portrait of the character of an artistic work is of particular interest as a representation of a special fictitious linguistic personality created by the author of the text. At the same time, the author's remarks can perform an important task, namely, to contain its assessment, characterization of the actor, to convey the author's attitude to the hero and the communicative situation. The author's presentation of the linguistic personality of the character in his speech manifestations serves as a linguistic and cultural marker of the speech characteristics of the hero of the work of art and a means of creating his integral portrait. In our work, the emphasis is placed on the lexical level, since it most clearly represents the features of the author's artistic picture of the world (and its idiostyle) by means of a purposeful selection of words, contributing to the creation of integral artistic – theatrical and at the same time dynamic – images.

The approach to the word taking into account conceptual and intra-textual connections and the involvement of cultural evidence provide an opportunity to penetrate into the system of the author's artistic picture of the world and allow us to identify the socio-cultural features of the language epoch represented in the work.

Keywords: artistic language picture of the world, M.A. Bulgakov, language personality, speech portrait, author's presentation, vocabulary

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ НАУЧНОГО ФЭНТЕЗИ

*Пачколин В.А., аспирант,
Московский городской педагогический университет (Самарский филиал)*

Аннотация: данная статья посвящена исследованию вертикального контекста художественного произведения в рамках текстов дискурса научного фэнтези. Цель исследования состоит в выявлении лингвокультурной составляющей использования прецедентных имен собственных при моделировании вертикального контекста произведения.

Материалом исследования послужили тексты произведений представителя «новой волны» американского писателя-фантаста Роджера Желязны. В процессе анализа вертикального контекста избранных работ писателя, автором статьи были сделаны выводы о превалирующей роли использования прецедентных имен собственных в выстраивании вертикального контекста. Это связано с их большой наполненностью имплицитной информацией, помогающей читателю верно интерпретировать лингвокультурные коды содержащиеся в конкретных именах собственных. При этом важную роль в данной интерпретации играет наличие у читателя необходимого набора фоновых знаний, что позволяет говорить о вертикальном контексте как о лингвокультурном феномене.

Результаты исследования могут быть использованы при переводе англоязычной художественной литературы, а также в курсах лекций по лингвистическим спецдисциплинам.

Ключевые слова: вертикальный контекст, лингвокультурный феномен, художественный дискурс, дискурс научного фэнтези, прецедентное имя собственное, имплицитная информация, лингвокультурный код, интертекстуальность, фоновые знания

Понятие «вертикальный контекст», как инструмент придания дополнительных смыслов тексту художественного произведения и являющееся производным интертекстуальности, впервые появилось в работах отечественных исследователей О.С. Ахмановой и И.С. Гюббенет в 1977 году для обозначения не явно выраженной в тексте «информации историко-филологического характера объективно заложенной в конкретном литературном произведении» [2, с. 47]. Учеными было предложено различать два вида вертикального контекста: глобальный (историко-социальный) вертикальный контекст и филологический вертикальный контекст. Глобальный вертикальный контекст они определяли как «... весь социальный уклад, все понятия, представления, воззрения, являющиеся предметом изображения социального слоя, знание которых необходимо для того, чтобы произведения данного автора или произведения, относящиеся к данному направлению, могли быть восприняты читателями разных эпох и стран. Глобальный вертикальный контекст выстраивается, исходя из фоновой информации» [2, с. 47]. Что касается филологического вертикального контекста, то он, как полагают исследователи, представлен в тексте посредством аллюзий и цитат с помощью использования прецедентных феноменов. Данный механизм основан на фоновых знаниях, которые по мнению В.С.Виноградова представляют из себя "социально-культурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности" [5, с. 40].

Исследования вертикального контекста были продолжены отечественными учеными, среди них М.В. Вербицкая, Д.Э. Аксютин, В.С. Виноградов, и др. Многие исследователи сходятся в определении вертикального контекста, который по их мнению представляет собой общекультурную информацию которая представлена в тексте, но находится за пределами его «горизонтального контекста», т.е. языкового окружения языковой единицы, которое позволяет установить ее значение [3, с. 4].

В большинстве своем работы современных исследователей сводятся к выделению способов введения филологического вертикального контекста в текст художественного произведения и изучению его структуры.

Описывается несколько способов такого введения: предоставлением самим автором исчерпывающей об источнике цитаты или аллюзии; предоставлением такой информации героем произведения; намеренной ссылкой автора на неверный источник цитирования, для придания комического эффекта; представлением цитат в виде пословиц и поговорок; слиянием цитатной речи с речью автора; комментированием автором интертекстуального включения; деформацией цитаты, что приводит к смешению регистров и стилей; сравнением элемента из текста-донора с элементом своего текста для более полного понимания текста читателем [3, с. 7]. Д.Э. Аксютин разработал типологию, состоящую из восьми видов интертекстуальных отсылок, которые образуют структуру филологического вертикального контекста. В данную типологию входят политические, исторические, географические, социальные, культурные, литературные, а так же отсылки к средствам массовой информации

и иноязычным внесениям. Особое место в данной классификации занимают литературные отсылки. [1, с. 24].

За рубежом исследования вертикального контекста не получили такого развития как в России, и в основном среди них встречаются исследования в области интертекстуальных отношений в общем. Первое упоминание вертикального контекста среди зарубежных ученых принадлежит шведскому ученому К. Шару, который в анализе вертикального контекста изучает его поверхностный и глубинный виды. Поверхностный контекст при этом включает в себя инфраконтексты, имплицитно отсылающие к текстам предшественникам. Для интерпретации содержания вертикального контекста, адресат должен расшифровать все микроконтексты, составляющие поверхностный контекст. Сам автор обозначает свой подход «археологией текста», поскольку, как и в случае с археологией, читатель должен изучать прошлое, которое «становится ключом к пониманию настоящего» [6, с. 15]. Данный подход по своей сути перекликается с прагмалингвистической теорией вертикального контекста разработанной М.Ю. Прохоровой, в рамках которой превалирующей задачей является соотнесение изучаемого текста и текста источника цитаты для последующего сопоставления их и выделения смысла ее применения в изучаемом тексте. Британский ученый Д.Г. Валлинс в своих исследованиях сравнивал чтение и интерпретацию текста художественного произведения с решением кроссворда, отмечая важность для читателя опираться на «запоминающиеся фразы», которые проникают в язык образуют «письменное наследие», которое и помогает в расшифровке полноты смысла заложенного автором в текст [7, с. 53], что очень схоже с дешифровкой вертикального контекста произведения. Как можно заметить термин «вертикальный контекст» как таковой встречается в работах зарубежных исследователей достаточно редко, так как они оперируют более широким термином «интертекстуальность».

Для полной интерпретации заложенных в тексте целого произведения смыслов и микросмыслов высказываний особую важность для потенциального читателя произведения, наполненного большим количеством интертекста, представляет знакомство с произведениями мировой культуры прошлого и настоящего, а так же общая и лингвострановедческая эрудиция. Наиболее актуально это для постмодернистских художественных произведений, где интертекстуальность стала своего рода литературным приемом, где горизонтальный контекст произведения намеренно обогащается интертекстуальными вкраплениями для создания вертикального контекста различной глубинности.

В данном случае читатель должен стараться увидеть эти вкрапления, он должен осознанно вести их поиск, чтобы в итоге корректно декодировать культурный код той языковой традиции, к которой принадлежит автор произведения, при условии обладания достаточным уровнем фоновых знаний.

В исследуемых нами текстах произведениях Р. Желязны, которые принадлежат художественному дискурсу научного фэнтези, можно встретить большое количество интертекстуальных вкраплений, выполняющих различные функции: от аллюзивных имен собственных, призванных за счет возникающих у читателя ассоциаций наиболее полно раскрыть сущностные характеристики своих прототипов, до текстовых реминисценций, которые выполняют сюжетобразующую функцию.

Используя контекстологический и лингвокультурный анализ, нам удалось выявить большое количество прецедентных имен используемых в качестве аллюзий. Значительная часть имен главных действующих лиц произведений автора взято из классических произведений прошлого. Например, Oberon – король правящей династии Эмбера из цикла романов Р. Желязны «Chronicles of Amber» [8], является аллюзией на короля эльфов и фей из западноевропейского эпоса, а так же главного героя пьесы У. Шекспира «Сон в летнюю ночь». Данное имя ассоциируется с обладанием властью и способностью к волшебству. При правильной идентификации данной аллюзии у читателя возникает целый ряд ассоциаций связанных с ее источниками, что помогает более полно раскрыть образ носителя данного имени в произведении, от личностных качеств до параллелей по линии сюжета. Другое аллюзивное имя собственное Lancelot – рыцарь из кельтского эпоса о короле Артуре, является примером благородства и самопожертвования. Персонаж с таким именем в «Хрониках Эмбера» наделен такими же качествами, поэтому ассоциативный ряд, возникающий в представлении читателя при упоминании этого имени, так же помогает полнее раскрыть образ данного героя.

В романе «Lord of Light» [9], имена главных героев позаимствованы автором из индийской мифологии: *Buddha*, *Kali*, *Yama*, *Agni* – имена богов индуистского пантеона. В каждом из этих имен так же заложен имплицитный намек на личные качества данных персонажей. Так, *Buddha*, являясь одним из наиболее почитаемых божеств индуистской мифологии, олицетворяет собой благородство, мудрость и нестигаемую волю. Кроме того является символом «просветления», как результат аскетических духовных практик. Богиня *Kali* является носителем достаточно противоречивых качеств, являясь, с одной стороны, символом космической силы вечного времени и рождения, с дру-

гой, разрушения. Yama – повелитель мира мертвых, которому приписываются такие качества, как справедливость и самопожертвование. Бог *Agni* является повелителем огня, а так же посредником между людьми и богами. Ассоциативные связи, возникающие при их упоминании позволяют автору наиболее полно выразить их сущностные характеристики, не прибегая к дополнительным языковым средствам, поскольку прецедентные имена многогранны и по причине повышенной ассоциативности обладают большим объемом экстралингвистической информации.

Роман «Creatures of Light and Darkness» [10], изобилует именами древнегреческих и египетских богов, среди которых: *Set* – бог ярости, смерти и разрушения в древнеегипетской мифологии; его антагонист *Tot* – мудрости, знаний, покровитель ученых и мирового порядка. Герои романа, носящие данные имена, наделены чертами своих прототипов, что помогает осведомленному читателю полнее раскрыть внутренний мир героев, кроме того, как и в других романах автора, использование данных имен выполняет и сюжетобразующую функцию.

Любое прецедентное имя в произведениях автора уже является не знаком единичного объекта, но знаком определенной ситуации, что позволяет добиться более глубокого понимания авторской интенции, при наличии адекватного количества фоновых знаний у читателя.

Таким образом, в результате межтекстового взаимодействия (иными словами – посредством интертекстуальности), выстраивается вертикальный контекст художественного произведения. При его помощи автор закладывает в текст информацию, которую он выражает вне рамок горизонтального контекста, рассчитывая на фоновые знания читателя, которые должны помочь ему правильно интерпретировать все смыслы заложенные автором в текст. При дешифровке вертикального контекста в сознании читателя задействуются особые процессы, которые позволяют сопоставить обнаруженные в тексте прецедентные феномены с концептами, хранящимися в когнитивной базе участников лингвокультурного сообщества, и как следствие, происходит наполнение текста дополнительными смыслами, необходимыми для успешной интерпретации авторской интенции. Если же лингвокультурный код заложенный писателем, в силу недостаточности фоновых знаний, либо принадлежности к другой этнокультурной традиции не считывается читателем, то текст воспринимается буквально и «обедненно», что не дает состояться межкультурной коммуникации между читателем и автором. Таким образом, можно говорить о вертикальном контексте, как лингво-

культурном феномене, поскольку любая форма межтекстового взаимодействия является формой создания вертикального контекста, основой успешной интерпретации которого является наличие и способность читателя верно соотносить фоновые знания с актуальной коммуникативной ситуацией.

Литература

1. Аксютин Д.Э. Особенности вертикального контекста художественного телефильма: (на примере британского сериала «Доктор Кто») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27). С. 22 – 30.
2. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47 – 54
3. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
4. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). Москва: Изд-во МГУ, 1981. 108 с.
5. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. Москва: Изд-во МГУ, 1978. 174 с.
6. Schaar C. Linear sequence, spatial structure, complex sign and vertical context system // Poetics. 1978. № 4. 36 p.
7. Vallins G. H. The Best English. London: Andre Deutsch, 1973. 192 p.
8. Zelazny R. The Chronicles of Amber. N.Y.: Avon Books, Inc., 1999. 1258 p.
9. Zelazny R. Lord of Light. N.Y.: Harper Voyager., 2010. 304 p.
10. Zelazny R. Creatures of Light and Darkness. N.Y.: Doubleday., 1969. 208 p.

References

1. Aksyutin D.E. Osobennosti vertikal'nogo konteksta hudozhestvennogo telefil'ma: (na primere britanskogo seriala «Doktor Kto»). Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 9 (27). S. 22 – 30.
2. Ahmanova O.S., Gyubbenet I.V. «Vertikal'nyj kontekst» kak filologicheskaya problema. Voprosy yazykoznanija. 1977. № 3. S. 47 – 54
3. Verbickaya M.V. Teoriya vtorichnyh tekstov (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2000. 47 s.
4. Gyubbenet I.V. K probleme ponimaniya literaturno-hudozhestvennogo teksta (na anglijskom materiale). Moskva: Izd-vo MGU, 1981. 108 s.
5. Vinogradov V.S. Leksicheskie voprosy perevoda hudozhestvennoj prozy. Moskva: Izd-vo MGU, 1978. 174 s.

6. Schaar C. Linear sequence, spatial structure, complex sign and vertical context system. *Poetics*. 1978. № 4. 36 p.

7. Vallins G. H. *The Best English*. London: Andre Deutsch, 1973. 192 p.

8. Zelazny R. *The Chronicles of Amber*. N.Y.: Avon Books, Inc., 1999. 1258 p.

9. Zelazny R. *Lord of Light*. N.Y.: Harper Voyager., 2010. 304 p.

10. Zelazny R. *Creatures of Light and Darkness*. N.Y.: Doubleday., 1969. 208 p.

A PRECEDENT PROPER NOUN AS AN ELEMENT OF A VERTICAL CONTEXT IN THE ENGLISH-LANGUAGE DISCOURSE OF SCIENTIFIC FANTASY

*Pachkolin V.A., Postgraduate,
Samara branch of the Moscow City University*

Abstract: this article is devoted to the study of the vertical context of a literary work within the framework of the texts of science fantasy discourse. The purpose of the study is to identify the linguocultural component of the use of precedent proper nouns in modeling the vertical context of a work.

The research material was the texts of the works of the representative of the "new wave" of the American science fiction writer Roger Zelazny. In the process of analyzing the vertical context of the selected works of the writer, the author of the article made conclusions about the prevailing role of the use of precedent proper nouns in modeling of a vertical context. This is due to their great fullness of implicit information, which helps the reader to correctly interpret the linguocultural codes contained in specific proper nouns. At the same time, an important role in this interpretation is played by the fact that the reader has the necessary set of background knowledge, which allows us to speak of the vertical context as a linguocultural phenomenon.

The research results can be used in the translation of English-language fiction, as well as in lecture courses on linguistic special disciplines.

Keywords: vertical context, linguocultural phenomenon, artistic discourse, discourse of science fantasy, proper precedent noun, implicit information, linguocultural code, intertextuality, background knowledge

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕОЛОГИЗМОВ ВРЕМЕН ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ 2020-2021 гг.)

*Сатковская О.Н., кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Аннотация: настоящая статья посвящена тематическому описанию и изучению неологизмов последнего времени коронавирусной тематики на примере текстов немецких СМИ. Появление неологизмов всегда несет много вызовов для лингвистов. Столь массовое появление лексических новаций во всех языках мира, обусловленных распространением коронавируса, активизировало исследования в сфере неологизации и других смежных областях лингвистики. Неологизмы являются благоприятным материалом для лингвистов-исследователей, потому что неологизация в этой области идет либо уже по существующим в языке словообразовательным моделям, либо появляется что-то совершенно новое, и тогда интересным является процесс наблюдения за новацией. Семантические особенности новаций последнего времени интересны с точки зрения существования определенных дериватов внутри тематической группы в различных категориальных кластерах. В данной статье мы ограничились описанием достаточно многочисленной группы композитов с участием Corona. Результаты исследования можно использовать на занятиях немецкого языка в аспектах словообразование, лексикология, неология.

Ключевые слова: неологизм, дериват, неологизация, коронавирусная лексика, семантическая характеристика

Последние уже почти два года значительно обогатили все языки мира словообразовательными и семантическими неологизмами "коронной" тематики. Пандемия коронавируса, которая стала настоящим испытанием для всего мира, принесла с собой огромный исследовательский материал, который занимает лингвистов мира сейчас и еще какое-то время будет мотивировать изучать новые слова и словосочетания. Интерес к данной лексике волнообразен и связан частично с фактическими волнами распространения вируса по планете. Каждая волна характеризуется определенным набором лексем, которые становятся "популярными" на определенном этапе развития пандемии.

Процесс активного появления неологизмов чрезвычайно интересен, потому что заставляет задавать многочисленные вопросы, которые затрагивают как глубинные аспекты существования языка (появление новых словоформ, словообразовательных элементов, нового значения), так и поверхностные (появление окказионализмов, модных слов-однодневок). Если процесс неологизации на определенном этапе вносит значительные изменения в структуру языка, то такие процессы маркируются и становятся отражением реального мира в языковой картине сообщества на определенном этапе, а сами неологизмы становятся в свою очередь маркерами времени [1]. Поэтому целью этой статьи является наиболее общая характеристика неологизмов-маркеров времени новой коронавирусной пандемии в немецком языке с участием частотного компонента Corona.

Огромный вклад в развитие темы и исследования "коронной" лексики вносит Институт немецкого языка им. Лейбница (далее: ИНЯ) (IDS Mannheim). Исследователь современного состоя-

ния немецкого языка Annette Klosa-Kückelhaus за время пандемии написала на конец июня 2021 17 статей, посвященных различным аспектам новой лексики, 5 статей представила Gisela Zifonun, 8 публикаций были сделаны Christine Möhrs [4]. Каждая статья демонстрирует качественные и количественные доказательства существования определенных неолексем или композитов.

Созданный на платформе OWID глоссарий [3] является бесценным источником материала для исследований. Каждый лексико-семантический и деривационный неологизм дефинирован (хотя авторы и говорят о (предварительном, неточном) толковании значения, (vorläufige, grobe) Bedeutungserläuterung [3] и подкреплен примерами его употребления в немецкой виртуальной прессе.

Цифровая система cOWIDplus Analyse, созданная программистами ИНЯ им. Лейбница, является уникальной программой еженедельного анализа 100 наиболее употребительных слов немецкой онлайн-прессы за неделю, которая призвана доказать две гипотезы ученых, что, во-первых, разнообразие слов пандемии ограничено, а, во-вторых, многообразие словаря пандемии после преодоленного кризиса возвратится на прежнее "предкоронное" состояние [5]. Об этом подробно авторы излагают в своей статье [6], в которой они описывают материал, методы и анализы, на которых строятся их гипотезы. Для анализа они используют материалы немецкой виртуальной прессы (13 источников), собранной с помощью программ-агрегаторов и представленных в удобном для пользователя формате RSS – (англ. Rich Site Summary – обогащённая сводка сайта). Первая гипотеза доказывается ежедневным обновлением базы данных, а вторая может быть доказана или опровергнута после за-

вершения "коронного" времени.

Многие нейтральные слова эпохи пандемии стали активно употребляться на первом этапе, но позже стали появляться креативные синонимы, часто с пейоративной коннотацией. Некоторые лексемы первой волны пандемии уже не часто встречаются в прессе: Ausgangssperre, Ausbrecher (Harte Polizei-Maßnahmen gegen Ausbrecher aus Coronavirus-Quarantäne [Überschrift] [...] In China sind mehrere Städte mit mehr als 50 Millionen Menschen abgeriegelt. Was aber passiert, wenn jemand versuchen sollte, aus dieser Quarantäne auszubrechen? Das übt jetzt offenbar die Polizei. (www.rtl.de; datiert vom 26.02.2020); Contact tracking (Google und Apple erstellen eine gemeinschaftlich entwickelte Lösung für das "Contact tracking" – unter Schutz der Privatsphäre. Bei der Eindämmung der COVID-19-Pandemie können laut Fachleuten Smartphone-Apps helfen, die im Hintergrund eine Art Kontakt-Liste führen. Das Ziel ist das Nachverfolgen der Kontakte: Wird ein Nutzer dieser App als infiziert diagnostiziert, kennt die App die Kontakte der letzten Zeit und man kann die infizierten Personen informieren. (www.macwelt.de; datiert vom 14.04.2020).

Вторая и третья волна принесли свои новшества, связанные с появлением новых реалий, которые нашли свое выражение в языке, например, B-1.1.7.-Mutante – (vermutlich) hoch ansteckende Variante des SARS-CoV-2-Virus, die zum ersten Mal in Großbritannien nachgewiesen wurde ("Das sieht leider nicht gut aus", twitterte Drosten in der Nacht zum Dienstag. Er bezog sich dabei auf neue Auswertungen der britischen Gesundheitsbehörde zur sogenannten B-1.1.7.-Mutante des Coronavirus. Diese ergaben, dass die Mutation in der Tat wie befürchtet deutlich ansteckender ist als die bisherigen Varianten. (www.praxisvita.de; datiert vom 08.01.2021)), "Long Covid" oder "Post-Covid-Syndrom".

Целью статьи является общее лингвистическое описание неологизмов-существительных с участием компонента корона-, демонстрация словообразовательной активности этого элемента в композитах.

Методы исследования, используемые в данной работе, это метод сплошной выборки и неологический анализ лексем и словосочетаний с участием Corona- в рамках тематической группы, зафиксированных в OWID.

Задачей исследования является определение особенностей семантических групп неологизмов последнего времени с участием компонента Corona-.

На момент последней редакции статьи, на конец июля 2021, глоссарий ИНЯ уже включал более 1600 единиц и из них 359 единиц с компонентом Corona-, включая 324 имени существительных, 30

имен прилагательных и причастий и 5 глаголов. (новообразования с компонентом корона – самая многочисленная группа в глоссарии). Согласно моим наблюдениям, он увеличился с марта 2021 на более чем 500 единиц. Темпы пополнения тематического словаря можно было бы считать ошеломляющими, но при более пристальном рассмотрении констатируем, что словарь расширяется в основном за счет создания большого количества синонимических лексем и словосочетаний к уже существующим актуальным единицам, обозначающим различные абстрактные и конкретные понятия. А уже их можно разделить на 3 большие тематические группы, которые в свою очередь будут иметь подгруппы (в этой статье я намеренно отказываюсь от описания имен прилагательных и глаголов, им будет посвящена отдельная статья в рамках словообразовательного анализа неологизмов пандемии).

Можно предложить следующие группы неологизмов:

1. медицинские неологизмы (52):

1) инфицированные вирусом (заболевшие), умершие и выздоровевшие (9): Coronakranke; Coronaer; Coronaerkrankter; Coronafall: Wormser Coronafall hat sich wohl zuhause infiziert [Überschrift] Das Gesundheitsamt ermittelt aktuell die Kontaktpersonen der Frau, die sich mit dem Virus infiziert hat. (www.wormser-zeitung.de; datiert vom 10.07.2020); Coronagenesener; Coronaimmuner (лицо, которое защищено от заражения коронавирусом SARS-CoV-2 после выздоровления или после вакцинации); Coronainfizierter, Coronapatient; Coronatoter;

2) медицинские временные учреждения, часто передвижные (5): Coronaschwerpunktpraxis; Coronateststation; Coronateststelle; Coronateststraße; Coronatestzentrum;

3) средства и способы диагностики заболевания (9): Coronaeintrittstest; Coronaselbsttests: Jeder kann sich selbst testen, das ist einfach. (Der Spiegel, 14.03.2020); Coronamassentest; Coronapflichttest; Coronareihentest (комплексное и систематическое обследование людей (из определенной группы) на предмет заражения вирусом SARS-CoV-2 (в профилактических целях); Coronariechtest; Coronaschnelltest; Coronascreening; Corona-Testung;

4) средства и способы профилактики заболевания (14): Coronabubble (отдельная комната или место в качестве защитной меры (преобладающей в профессиональных командных видах спорта), где люди, которые регулярно встречаются во время пандемии COVID-19, остаются внутри группы для предотвращения распространения вируса SARS-CoV-2); Coronaeinschränkungen; Coronagästelisten (сбор личных данных, которые хранятся

при посещении общественных заведений, мест проведения мероприятий, ресторанов и т.п. во время пандемии COVID-19, для потенциального отслеживания цепочек заражения); Coronaisolation; Coronamaßnahme; Coronarestriktion (требование во время пандемии COVID-19 соблюдать дистанцию, сокращать контакты, ограничивать личный диапазон движений, соблюдать комендантский час в ночное время, ограничивать поездки и т.д.); Coronaschutzwall; Coronatestoffensive; Coronaupdate (обновление программного обеспечения на смартфоне, чтобы иметь возможность запускать стандартные приложения для предупреждения распространения вируса); Coronaverordnung; Coronavisier; Coronawarnapp; Coronawarnplattform; Coronazwangmaßnahme;

5) заболевание, причины, симптомы, последствия заболевания и пандемии (13): Coronablues (меланхолическое или депрессивное настроение, возникшее во время пандемии COVID-19 и ограничения контактов); Coronadepression: Soziale Isolation hat gravierende negative Folgen für unseren Körper. Wir zeigen Ihnen sieben Wege, mit denen Sie es schaffen, der Coronadepression zu entkommen. (www.gala.de; datiert vom 19.03.2020); Coronaerschöpfung (усталость и крайняя утомляемость от всего, что связано с пандемией COVID-19); Coronafall; Coronafuß/-zehe (поражения стоп и пальцев ног, которые могут возникать в результате заболевания, вызванного коронавирусом SARS-CoV-2); Coronainfektion: Nach zwei Wochen ist eine Corona-Infektion meist vorbei. Doch viele Menschen sind dann weder geheilt noch belastbar. Sie klagen auch nach Monaten über Atemprobleme, Müdigkeit und Schmerzen. (www.quarks.de; datiert vom 26.01.2021); Coronainfizierung; Coronamutation; Coronaphänomen; Coronatier: Allmählich kriecht das Coronatier immer näher ran. Selbst wenn es an mir vorbeikriecht, was macht es mit uns allen? Die Welt wird eine andere sein, nichts ist mehr, wie es war ... (www.stille-musik.de; datiert vom 02.04.2020); Coronawildtyp (оригинальная форма вируса SARS-CoV-2, из которой развились различные варианты); Coronawolke; Coronazunge;

6) лекарственные вещества (2): Coronahoffnungsträger: VIRICA-Index: Drei Corona-Hoffnungsträger Regeneron, Amgen und Incyte [Überschrift] Corona zeigt, wie wichtig das Forschen nach neuen Medikamenten ist. (www.deraktionaer.de; datiert vom 11.12.2020); Coronavakzine;

2. социально-политические (79):

1) этикет и поведение людей во время пандемии (12): Coronaauflage (предписания и рекомендации для предотвращения распространения пандемии): Die Corona-Auflage gilt für Friseursalons, Maniküre- und Kosmetikstudios oder

Massagepraxen, Gastronomiebetriebe, Fitnessstudios und viele mehr. (www.duesseldorf-tonight.de; datiert vom 12.06.2020); Coronaabstand; Coronaabstandsregeln; Coronaknigge (совокупность социальных правил поведения, которые применяются во время пандемии COVID-19 с целью ее сдерживания): Beim ersten Einkauf im Buchladen ist man noch unsicher, ob man den Corona-Knigge schon zur Genüge verinnerlicht hat. Darf man die Bücher anfassen, darin blättern? Kein Problem, sagt die Buchhändlerin. (www.nrwz.de; datiert vom 14.05.2020); Corona-RAF (группа людей, которые отвергают все правила поведения во время пандемии и организуют протесты); Der Terrorismus-Experte Peter Neumann vom Londoner King's College hält die Abspaltung einer gewaltbereiten Gruppe aus der "Querdenken"-Bewegung für möglich. [...] Zwar gebe es in der "sehr heterogenen Bewegung" einzelne Strömungen, die durchaus legitime Bedenken gegen staatliche Maßnahmen im Kampf gegen Corona vorbrächten, sagte der Politikwissenschaftler. Es könnte aber eine kleine extremistische Minderheit geben, die ins Gewaltbereite abdriftet und schließlich eine Art "Corona-RAF" gründen, sagte er. (www.zdf.de; datiert vom 13.12.2020); Coronaausrede (оправдание за нарушение правил поведения в пандемию); Coronademo; Coronademonstration; Coronaetikette; Coronafußgruß; Coronagrüß; Coronasex (1. Секс в защитной одежде (например, в средствах для защиты рта и носа и т.д.), 2. Секс, на который есть больше времени и возможностей во время пандемии COVID-19); Coronaskepsis;

2) политическая и социальная ситуацию (23): Coronadiktatur (политическая система, которой ставится в упрек чрезмерно преувеличенные меры борьбы с пандемией): Leben wir in einer Coronadiktatur? [Überschrift] Auf Hygienesemos kommen verschiedene Menschen zusammen, die jedoch eines eint: Sie wollen ihren Widerstand und ihre Unzufriedenheit in die Öffentlichkeit tragen. (www.3sat.de; datiert vom 22.05.2020); Coronafaschismus (особенно в Австрии - совокупность (политических) мер, предписанных во время пандемии COVID-19, которые воспринимаются как далеко идущее посягательство на неприкосновенность частной жизни и ограничение основных прав): Die FPÖ warnt angesichts geplanter Gesetze und Verordnungen vor "Coronafaschismus" in Österreich. Ein einziger Minister werde künftig ganz Österreich unter Hausarrest stellen können, kritisierte Parteichef Norbert Hofer am Donnerstag. (www.sn.at; datiert vom 10.09.2020); Coronagipfel (регулярное собрание высокопоставленного органа для координации совместного подхода во время пандемии COVID-19); Coronagraben (социальные

разногласия, возникающие из-за различий в применяемых на местном и региональном уровне мер по сдерживанию пандемии COVID-19); Coronagrenzwert (определенное минимальное количество новых инфекций на 100000 жителей в районе, в котором принимаются дальнейшие меры по сдерживанию вируса SARS-CoV-2); Coronaimpfungspflicht: Eine allgemeine Corona-Impfpflicht haben Bund und Länder bislang ausgeschlossen. Nun fordert der bayerische Ministerpräsident Söder dazu auf, über einen Zwang für Pflegekräfte nachzudenken. (www.aerztezeitung.de; datiert vom 12.01.2021); Coronakabinett (орган, состоящий из министров и Федерального канцлера, который регулярно встречается для реализации особых требований к государственному управлению во время пандемии COVID-19); Coronakindergeld; Coronakrisenstab; Coronaleitlinie; Coronaleitsystem; Coronalockerung; Coronamieterschutz; Coronanotbremse (прекращение ослабления ранее установленных ограничений (например, закрытие учреждений или более строгие ограничения на контакты) на основе значений заболеваемости во время пандемии COVID-19); Coronanotfallplan; Coronaplanspiel; Coronapolitik; Coronarassismus; Coronaregime; Coronarettungspaket; Coronarettungsschirm; Coronarückholaktion; Coronaschlaf (шутливое название времени повсеместных ограничений); Coronasession (во время пандемии COVID-19 заседание палат парламента Швейцарии); Coronasterblichkeit;

3) экономическая ситуация (21): Coronaboomb (внезапное положительное экономическое развитие определенной отрасли во время пандемии COVID-19); Corona-Boom bei Dortmunds Fahrradhändlern [Überschrift] Viele Branchen leiden unter der Corona-Krise - doch bei Dortmunds Fahrradhändlern brummt das Geschäft: Sie können sich vor Aufträgen kaum retten. (www.ruhrnachrichten.de; datiert vom 05.08.2020); Coronabremse (прекращение почти всех экономических и социальных мероприятий с целью сдерживания пандемии COVID-19); Coronacrash (внезапное падение цен на акции из-за пандемии COVID-19): Der Coronacrash erreichte gegen Mitte März seinen Höhepunkt. Seither konnten sich Indizes wie der Dow Jones, der NASDAQ und der deutsche DAX wieder erholen, obwohl nach wie vor eine gewisse Volatilität vorhanden zu sein scheint. (www.fool.de; datiert vom 26.04.2020); Corona-Falle (экономически проблемный период, вызванный пандемией COVID-19): Autozulieferer in der Corona-Falle [Überschrift] Die Lieferanten trifft die Absatzflaute mit voller Wucht. Die Regierung will helfen (www.faz.net; datiert vom 09.09.2020); Coronahilfe (финансовая поддержка для смягчения экономических трудностей для частных лиц, компаний,

предприятий, спортивных клубов, культурных учреждений и других отраслей, которые понесли серьезные потери в продажах из-за мер изоляции во время пандемии COVID-19); Coronahilfsfond; Coronahilfspaket; Coronakeule (массивный шок для социальной и экономической жизни, вызванный пандемией COVID-19); Coronascheck ((планируемая) единовременная финансовая поддержка граждан, направленная на возрождение потребительского поведения, которое снизилось во время пандемии COVID-19); Coronaschub (экономический подъем, вызванный пандемией COVID-19); Coronaschutzschild; Coronasoforthilfe; Corona-Soli; Corona-Solidaritätszuschlag; Corona-Starre; Corona-Stau (приостановка производственных процессов из-за экономических и политических ограничений во время пандемии COVID-19); Coronatief; Coronaturbo(экономический подъем в определенной сфере, вызванный пандемией COVID-19); Coronawiederaufbauhilfe; Coronazuschuss; Coronazwangspause;

4) образовательные реалии (12): Coronaabitur, Coronaabi, Coronaabschluss, Coronabonus (завышенная оценка для выпускников школ с целью компенсации всех неудобств, связанных с пандемией): Im Falle eines signifikant schlechteren Notendurchschnitts will der Deutsche Hochschulverband den Abiturienten einen Corona-Bonus gewähren. (www.zdf.de; datiert vom 11.05.2020); Coronaferien (период, в течение которого детские сады, школы, университеты и т.п. закрыты из-за пандемии COVID-19, и уроки могут проводиться только в очень ограниченной степени); Coronageneration (возрастная группа молодых людей, которые закончили школу, профтехучилища во время пандемии COVID-19 и, следовательно, могут иметь слабый старт своей профессиональной жизни): Laut Market-Studie drohen bis zu 10.000 Lehrstellen weniger als im Vorjahr. Das ist ein Minus von einem Drittel bei den neuen Lehrstellen. Wenn nicht sofort gehandelt wird, droht mit der sich anbahnenden Ausbildungskatastrophe eine verlorene Corona-Generation geschaffen zu werden (www.ots.at; datiert vom 08.06.2020); Coronaklausur (письменный экзамен (в колледжах, университетах и т.д.), который сдается в особых условиях и, возможно, с задержкой из-за запрета на контакты, введенного во время пандемии COVID-19); Coronanotabitur (аттестат зрелости для поступления в университет, который выдается в связи с закрытием школ из-за пандемии COVID-19 без выпускных экзаменов и исключительно на основе успеваемости за последние два школьных года); Coronaschichtunterricht (школьная модель, адаптированная к соблюдению правил дистанции гигиены во время пандемии COVID-19, в которой учителя по очереди обучают

учеников в своей школе в определенное время); Coronaschließzeit; Coronasemester; Coronaunterricht;

5) профессиональная деятельность (6): Coronachor (певческая группа, которая во времена пандемии организует свою работу в интернет-пространстве); Coronaexperte; Coronaheld (человек, которому во время пандемии COVID-19 пришлось столкнуться с особыми трудностями в системно важной профессии); Coronahund: Corona-Hunde sind Spürhunde, die erkennen sollen, wenn jemand mit Covid-19 infiziert ist, selbst bevor er Symptome zeigt. Corona-Hunde sind keine Assistenzhunde (Behindertenbegleithunde). Corona-Hunde arbeiten gemeinsam mit dem Hundehalter (Trainer) zum Wohle vieler Menschen. (www.assistentzhundezentrum.de; recherchiert am 30.10.2020); Coronatest-er; Coronatesthelfer;

6) средства массовой коммуникации (5): Coronabriefing (короткая встреча с целью информирования об актуальном развитии пандемии); Coronabulletin (регулярное (официальное) сообщение информации о текущей ситуации и действующих мерах во время пандемии COVID-19); Coronahype (шумиха вокруг пандемии, раздуваемая СМИ); Coronaticker (формат новостей, который предоставляет информацию о текущей пандемийной ситуации через регулярные промежутки времени); Coronaupdate;

3. неологизмы повседневной жизни (124):

1) общая ситуация с пандемией и периоды эпидемии (37): Coronalage; Coronaalarm (1. специальное предупреждение о возможном контакте с человеком, инфицированным вирусом SARS-CoV-2, 2. общая обеспокоенность по поводу увеличения числа случаев заражения вирусом SARS-CoV-2 в непосредственной близости от человека, в определенной группе людей, регионе и т.д.); Coronaausbruch (необычно быстрое распространение вируса); Coronabekämpfung; Coronabrutstätte (место, страна со сравнительно большим количеством людей, инфицированных коронавирусом SARS-CoV-2, из которого (постепенно) распространяется пандемия COVID-19); Coronachaos; Coronaexit (отмена социальных и экономических ограничений во время пандемии COVID-19); Coronaflucht (внезапное оставление места проживания из опасения заразиться или желание избежать неприятных обстоятельств во время пандемии COVID-19); Coronafrühling (сезон, отмеченный пандемией COVID-19 и связанными с ней экономическими и социальными ограничениями между зимой и летом): Europa im zweiten Corona-Frühling gespalten [Überschrift] Lockerungen in Dänemark, Verschärfungen in Süditalien und Tschechien: Die Corona-Politik in Europas Staaten unterscheidet sich derzeit stark. (www.zdf.de; datiert vom 01.03.2021);

Coronaherbst: Reisen, Partys feiern oder Oma auf Sylt besuchen – die schönen Dinge des Lebens werden im Coronaherbst immer komplizierter. (https://taz.de; datiert vom 07.10.2020); Coronaherd (исходная точка для (многочисленных) заражений вирусом SARS-CoV-2); Coronahochburg: Sachsen gilt als die neue Corona-Hochburg Deutschlands: In keinem anderen Bundesland breitet sich das Coronavirus derzeit schneller aus als im Freistaat. (www.n-tv.de; datiert vom 30.11.2020); Coronahotspot. (острый очаг распространяющейся пандемии, точка с наибольшим количеством людей, инфицированных вирусом COVID-19); Coronajahr: Stau auf dem Weg zur Arbeit, Stau auf dem Weg nach Hause: Auch im Corona-Jahr 2020 blieb das vielen Pendlern nicht erspart, obwohl Beschränkungen und Homeoffice für deutlich weniger Verkehr sorgten. (www.wz.de; datiert vom 09.03.2021); Coronakampf; Coronakrise; Coronakurve (графическое изображение увеличения или уменьшения числа случаев заражения вирусом SARS-CoV-2 с течением времени); Coronaleere (отсутствие людей (и их транспортных средств) из-за ограничений на контакт и выезд, действующих во время пандемии COVID-19); Coronaleine: Die Deutschen kommen an die Coronaleine – und auch andere Länder verschärfen erneut die Massnahmen [Überschrift] [...] Unter anderem soll in besonders betroffenen Landkreisen der Bewegungsradius auf 15 Kilometer um den Wohnort begrenzt werden. (www.luzernerzeitung.ch; datiert vom 05.01.2021); Coronamoderne; Coronamodus (состояние, в котором все частные и общественные сферы жизни находятся во время пандемии COVID-19, и в котором существуют определенные ограничения и меры по сдерживанию эпидемии); Coronamoral; Coronamutationsgebiet; Coronanormalität (повседневная жизнь, отмеченная ограничениями и правилами гигиены во время пандемии COVID-19); Coronapause; Coronasommer; Coronasperre; Coronastille; Coronatsunami; Coronaturbo; Coronawarnschwelle; Coronawarnstufe; Coronaweihnachten; Coronawelle; Coronawende; Coronawinter; Coronazeit;

2) наименования лиц времен пандемии (27):

а) уникальные для времени пандемии наименования людей (14): Coronababy (1. ребенок, появившийся в период изоляции, 2. ребенок женщины, зараженной вирусом); Corona-Eltern (родители времен пандемии, которые столкнулись с новыми обязанностями): Staatlicher Lohnersatz für Corona-Eltern wird ausgeweitet [Überschrift] Die Entschädigungsregeln für Eltern, die wegen geschlossener Kitas und Schulen oder eingeschränkter Betriebs der Einrichtungen nicht zur Arbeit erscheinen können, wird im zweiten Lockdown ausgeweitet.

(www.zeit.de; datiert vom 16.12.2020); Coronaexperte (уничжительно о человеке, чьи заявления о пандемии COVID-19 или коронавирусе SARS-CoV-2 воспринимаются как преувеличенные, противоречащие и т.п.); Coronageneration (возрастная группа, детство и юность которой пришлось на время пандемии COVID-19); Coronagläubiger; Coronaheld (человек, добровольно работающий на благо общества во время пандемии COVID-19); Coronahelfer (человек, который помогает по уходу за детьми, в качестве сборщика урожая, в области медицины и ухода и т.д. во время пандемии COVID-19); Coronahoffnungsträger (лицо, способствующие улучшению медицинских или социальных условий во время пандемии COVID-19); Coronaidiot: Gehöre ich jetzt zu den peinlichen Corona-Idioten? Ich war unter den Rodlern, die am Wochenende von der Polizei aus Hamburger Parks nach Hause geschickt wurden. Vernünftig war das mit dem Schlittenfahren nicht. Aber irgendwie notwendig. (www.spiegel.de; datiert vom 01.02.2021); Coronamob (уничжительное наименование группы людей, которые ведут себя агрессивно из-за страха перед пандемией COVID-19 или из-за гнева по поводу общеприменимых правил поведения по сдерживанию пандемии COVID-19); Coronamüder (человек, чувствующий себя усталым и измученным из-за всего, что связано с пандемией COVID-19); Coronapetze (осуждающее наименование того, кто сообщает (в полицию) или публично наказывает людей, которые не соблюдают правила расстояния и гигиены, которые применяются во время пандемии COVID-19, другими словами – доносчик); Coronasheriff; Coronasuperverbreiter; Coronatreiber;

б) короновирусные скептики (индивидуальные или групповые) (10): Coronademonstrant, Coronakritiker, Coronasünder, Coronaleugner, Coronaprotester, Coronarebell, Coronaskeptiker, Coronatreiber, Covidleugner, Corona-RAF;

в) борцы с распространением вируса (3): Coronabusters (сотрудник, принимающий участие в мерах по сдерживанию пандемии COVID-19); Coronadetektiv (сотрудник (по совместительству), отслеживающий цепочки заражения с целью сдерживания вируса SARS-CoV-2 (по телефону); Coronasheriff (уничжительно о политиках, предлагающих ужесточить ограничительные меры); Coronaspürhund;

3) реалии повседневной жизни времени пандемии (46): а) мошеннические схемы (4): Coronafakeshop (предполагаемый интернет-магазин или частный продавец, который предлагает полезные продукты (возможно более дешевые) для защиты от заражения коронавирусом SARS-CoV-2, но не отправляет их после получения оплаты);

Coronafalle (мошенническая схема, при которой преступники пытаются получить деньги или ценности у обманутых с помощью электронных писем, телефонных звонков или звонка в дверь в связи с особыми обстоятельствами во время пандемии COVID-19); Vorsicht Abzocke – Die Coronafalle [Überschrift] Kriminelle nutzen die im Zusammenhang mit dem Corona-Virus bestehenden Unsicherheiten schamlos aus. Die Polizei warnt daher vor einigen möglichen Begehungsweisen. (www.polizei.hamburg; recherchiert am 15.10.2020); Coronamasche: In den vergangenen Tagen haben Polizeiinspektionen aus dem ganzen Bundesgebiet diverse Corona-Maschen gemeldet. Sie alle spielen mit der grassierenden Unsicherheit und Angst von Bürgern, vor allem aus der Risikogruppe Nummer eins: Senioren. [...] (www.welt.de; datiert vom 26.03.2020); Coronaschockanruf (мошенничество, при котором преступники используют телефонные звонки, чтобы попытаться получить деньги от обманутых, рассказывая о высоких затратах на лечение членов семьи, которые, как считается, серьезно больны COVID-19); б) защитная маска (6): Atemschutzmaske, Schutzenpulli, Communitymaske; Coronafashion: Corona-Fashion Die Maske als Mode-Accessoire [Überschrift] Muster, Piktogramme, Grafiken: Schutzmasken kommen nicht mehr nur in klinischem Weiß und einfarbig daher. Viele Menschen, die jetzt in Supermärkten und öffentlichen Verkehrsmitteln Masken tragen, greifen zu durchaus modischen Exemplaren. (www.swp.de; datiert vom 27.04.2020); Coronalappen (уничжительное наименование защитной маски, изготовленной в домашних условиях, которая обычно не соответствует стандартам промышленных изделий); Coronaschutzschild (изогнутый прямоугольный диск из прозрачного пластика, похожий на козырек, который прикрепляется к голове и надевается перед лицом для защиты от заражения коронавирусом SARS-CoV-19); в) набранные во время пандемии килограммы (6): Coronafigur: Coronafigur? Nein danke! [Überschrift] Geschlossene Freibäder oder Ausfall von Wettkämpfen. Alles keine Gründe für die TRItönen auf ihre Fitness zu verzichten. (www.sv-teutonia.de; datiert vom 01.06.2020); Coronakilos, Coronaplauze, Coronaspeck, Coronawampe, Coronabauch; г) неудачные прически (5): Coronacut, Coronahaar, Coronamähne, Coronamatte, Coronaschnitt; д) игры и развлечения (5): Coronafangen: der aktuellen Corona-Situation entsprechend wurden althergebrachte Spiele umfunktioniert. Beim "Coronafangen" verzichteten die Mitarbeiter des Pumpwerks deshalb auf das Berühren. Die Kinder benutzten eine Poolnudel, um den andern zu erhaschen. (www.speyer-kurier.de; datiert vom 15.09.2020); Corona-Fangis (швец.); Corona-Hobby;

Coronaparty; Coronasession (совместное музицирование в интернете); е) одежда и аксессуары (4): Corona-Fashion: Corona-Fashion contra Businessklamotten [Überschrift] Businessklamotten? Erst mal weg damit. Im Homeoffice herrscht ein anderer Dresscode. (www.wuv.de; datiert vom 28.04.2020); Coronakollektion; Coronamarke; Coronamode; ж) помещения (2): Coronahaft: Die Corona-Haft hat Lottchen zu einem einsamen Kind gemacht, abhängig von Papa und Mama. (www.childhood-business.de; datiert vom 13.08.2020); Coronaknast (временный изолятор для принудительного размещения лиц, нарушающих карантинные требования, при обнаружении у них заражения коронавирусом SARS-CoV-2); з) документы (9): Coronaimmunitätsbescheinigung ((цифровой) документ, подтверждающий устойчивость человека к коронавирусу SARS-CoV-2); Coronaimmunitätspass: Befürworter eines Corona-Immunitätspasses wollen, dass jeder, der eine Covid-19-Erkrankung durchgemacht hat, einen Ausweis erhält. (Nordkurier, 02.07.2020); Coronaimpfausweis; Coronaimpfnachweis; Coronaimpfpass; Coronakontakt-Tagebuch; Coronaschein (письменное самодекларирование, которое сохраняется при посещении общественных заведений, мест проведения мероприятий, ресторанов и т.п. во время пандемии COVID-19 для потенциального отслеживания цепочек заражения.); Coronazettel; и) учреждения и сервисы (5): Coronahotline; Coronahund: Corona-Hunde sind Spürhunde, die erkennen sollen, wenn jemand mit Covid-19 infiziert ist, selbst bevor er Symptome zeigt. Corona-Hunde sind keine Assistenzhunde (Behindertenbegleithunde). Corona-Hunde arbeiten gemeinsam mit dem Hundehalter (Trainer) zum Wohle vieler Menschen. (www.assistentzhundezentrum.de; recherchiert am 30.10.2020); Coronaimpfbus: Corona-Impfbus pendelt ab Samstag durch München: Jeder kann sich impfen lassen - Station auch am Marienplatz (Twitterbeitrag vom 16.07.2021); Coronamobil; Coronatestmobil;

4) неологизмы, описывающие эмоциональные состояния (14): Coronahysterie: Corona-Hysterie greift um sich [Überschrift] Die um sich greifende Angst und Panik stellt ein größeres Problem dar als das Virus selbst. [...] Die Hysterie führt nicht nur zu einem Ausverkauf von Atemschutzmasken und Konserven in den Supermarktregalen [...], sondern leider auch von Aktien, Renten und Rohstoffen. (www.dasinvestment.com; datiert vom 05.03.2020); Coronakater (плохое настроение, вызванное социальными и экономическими ограничениями во время пандемии COVID-19); Coronakoller (серьезная фрустрация, возникшая из-за ограничений на выезд и контактов, действующих во время пандемии COVID-19); Coronamanie (страх и неуверен-

ность из-за (личных, социальных) последствий пандемии COVID-19, которые, среди прочего, могут привести к иррациональному поведению); Coronamour : Wenn wir abends auf der Couch sitzen, sprechen wir immer wieder über das Virus. Es gehört untrennbar zu unserer gemeinsamen Geschichte dazu. Coronamour, sagen wir. Ohne Corona hätten wir uns anders kennengelernt. Mit mehr gemeinsamen Erlebnissen, Spaziergängen in vollen Parks und Abenden in Bars. Aber auch unverbindlicher und weniger intensiv. (www.bento.de; datiert vom 25.04.2020); Coronamüdigkeit; Coronapanik; Coronascham : Nicht jede Corona-Geschichte handelt von Verlust und Stress: "Einige fühlen sich schuldig, wenn es ihnen nicht schlecht geht. Sie schämen sich, wenn sie von zu Hause arbeiten können, nicht auf jemanden aufpassen müssen und manchmal mit Freunden in Abstand ein Glas Wein trinken. Sie empfinden so was wie Coronascham, wenn ihr Leben trotz allem okay ist." (www.deutschlandfunk.de; datiert vom 13.05.2020); Coronaschock (1. массивный шок для социальной и экономической жизни, вызванный пандемией COVID-19, 2. Серьезное беспокойство, вызванное тестом, подтверждающим заражение коронавирусом SARS-CoV-2); Corona-Shaming: Ferien waren noch nie so kompliziert. Zur Flugscham kommt in diesem Jahr noch das Corona-Shaming. Wer dieses Jahr nicht in Deutschland urlaubt, muss sich rechtfertigen. (www.zeit.de; datiert vom 26.07.2020); Corona-Starre (оцепенение, связанное с условиями пандемии); Coronastress; Coronatief; Coronawolke;

Представленный лексический материал, распределенный по группам, дает представление как о областях существования человека, были в большей или меньшей степени затронуты коронавирусом. Появившаяся с началом пандемии в немецком языке лексема Corona, der, das сокращение от Coronavirus несет нейтральное значение, т.к. для немецкого языка единица является абсолютным неологизмом в отличие от русского и английского языка. На это обращает внимание А.С. Павлова, она предполагает, что это и определило его статус ключевой "коронавирусной" номинации немецкого языка [2]. И действительно усеченная форма обнаружила за последние два года самую высокую деривационную продуктивность в тематическом словаре "коронной" лексики. На первом этапе конкуренцию Corona составляла основа Covid, но ее явная отнесенность к заболеванию, значительно сократила словопроизводительную способность в дальнейшем. Поэтому представленные группы лексических новаций с участием Corona разнообразны и многочисленны.

Наиболее многочисленные группы, которые эксплицируют следующие категориальные признаки: 1) поведение и социальная позиция людей,

2) экономика, 3) образование, 4) профилактика. Медицинская группа инноваций представлена в меньшей степени дериватами с Corona. Но производные с этим компонентом представлены в почти всех сферах бытования лексики повседневной и профессиональной тематики, социальной и политической направленности. Одну и ту же лексему можно встретить в двух или трех тематических кластерах, это говорит о полисемии дериватов, некоторых с совершенно противоположными коннотационными значениями (Coronaturbo – увеличение скорости распространения пандемии и Coronaturbo – неожиданный всплеск развития для какой-то отрасли экономики) Следующее исследование, посвященное словообразовательному аспекту коронаязыка, позволит рассмотреть в связи семантическую и словообразовательную структуру новых лексем.

Литература

1. Нefeldова Л.А. О дискурсивной маркированности "коронной" лексики в современном немецком языке // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик: Тезисы докладов II Международной конференции / Московский государственный лингвистический университет, М. 2021. С. 95 – 96.
2. Павлова А.С. Наименования коронавирусной инфекции COVID-19 в русском, английском и немецком языках: культурно-национальная специфика // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 220 с. DOI 10.30842/9785604483862
3. Neologismenwoerterbuch Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie (дата обращения: 21.08.2021: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#>)
4. Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise /Sprachglossen und wissenschaftliche Beiträge (дата обращения 21.08.2021: <https://www.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/>)
5. cOWIDplus Analyse. Programmbereich Lexik empirisch & digital. Dokument: 02.07.2021, Daten: 30.06.2021 Sascha Wolfer, Alexander Koplenig, Frank Michaelis, Carolin Müller-Spitzer /Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (дата обращения 21.08.2021: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#>)
6. "cOWIDplus Analyse: Wie sehr schränkt die Corona-Krise das Vokabular deutschsprachiger Online-Presse ein?" Beitrag von Carolin Müller-Spitzer, Sascha Wolfer, Alexander Koplenig und Frank Michaelis vom 06.05.2020 (дата обращения 21.08.2021: <https://www.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/>)

References

1. Nefedova L.A. O diskursivnoj markirovannosti "koronnoj" leksiki v sovremennom nemeckom yazyke. Lingvokul'turnye aspekty globalizacionnyh processov: sociokul'turnyj kontekst i dinamika rechevyh praktik: Tezisy dokladov II Mezhdunarodnoj konferencii. Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, M. 2021. S. 95 – 96.
2. Pavlova A.S. Naimenovaniya koronavirusnoj infekcii COVID-19 v russkom, anglijskom i nemeckom yazykah: kul'turno-nacional'naya specifika. Novye slova i slovare novyh slov. 2020: Sbornik nauchnyh statej. Otv. red. N.V. Kozlovskaya. Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN. SPb.: ILI RAN, 2020. 220 s. DOI 10.30842/9785604483862
3. Neologismenwoerterbuch Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie (дата обращения: 21.08.2021: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#>)
4. Stellungnahmen zur Sprache in der Coronakrise /Sprachglossen und wissenschaftliche Beiträge (дата обращения 21.08.2021: <https://www.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/>)
5. cOWIDplus Analyse. Programmbereich Lexik empirisch & digital. Dokument: 02.07.2021, Daten: 30.06.2021 Sascha Wolfer, Alexander Koplenig, Frank Michaelis, Carolin Müller-Spitzer /Leibniz-Institut für Deutsche Sprache (дата обращения 21.08.2021: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp#>)
6. "cOWIDplus Analyse: Wie sehr schränkt die Corona-Krise das Vokabular deutschsprachiger Online-Presse ein?" Beitrag von Carolin Müller-Spitzer, Sascha Wolfer, Alexander Koplenig und Frank Michaelis vom 06.05.2020 (дата обращения 21.08.2021: <https://www.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/>)

**SEMANTIC ASPECT OF THE NEOLOGISTS OF THE TIMES OF
THE CORONAVIRUS PANDEMIC (ON THE EXAMPLE
OF GERMAN MEDIA TEXTS 2020-2021)**

*Satkovskaya O.N., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Moscow State Institute of International Relations (university)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*

Abstract: this article is devoted to the description and study of recent neologisms on the coronavirus theme using the example of the texts of the German media. The emergence of neologisms always presents many challenges for linguists. Such a massive appearance of lexical innovations in all languages of the world, due to the spread of the coronavirus, has intensified research in the field of neologization and other related areas of linguistics. Neologisms are favorable material for linguists-researchers, because neologization in this area either proceeds according to derivational models already existing in the language, or something completely new appears, and then the process of observing innovation is interesting. The semantic features of recent innovations are interesting from the point of view of the existence of certain derivatives within a thematic group in various categorical clusters. In this article, we have limited ourselves to describing a fairly large group of composites with the participation of Corona. The results of the research can be used in the lessons of the German language in the aspects of word formation, lexicology, neology.

Keywords: neologism, derivative, neologization, coronavirus vocabulary, semantic characteristics

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗАДАНИЯ НА ОНЛАЙН-УРОКЕ ПО РКИ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ

*Никулина Н.А., кандидат филологических наук, доцент,
Мордвинцева В.С., кандидат филологических наук, доцент,
Стебунова Е.И., кандидат философских наук, доцент,
Прудченко Е.А., аспирант, старший преподаватель,
Тюменский индустриальный университет*

Аннотация: в статье представлен анализ эффективности коммуникативных заданий в практике онлайн-обучения русскому языку как иностранному. Актуальность публикации заключается в необходимости научного осмысления опыта преподавания языковых дисциплин в виртуальной среде и повышении эффективности вузовского обучения в дистанционном формате. Новизна материала определяется попыткой обобщения конкретных методов работы преподавателей Тюменского индустриального университета в период пандемии и стремлением авторов статьи концептуализировать этот опыт. Статья содержит примеры коммуникативных заданий, которые предлагаются иностранным слушателям на различных этапах освоения русского языка как иностранного.

Ключевые слова: коммуникативные задания, обучение русскому языку как иностранному (РКИ), онлайн-урок, мотивация, образовательная платформа по РКИ

Обучение в формате онлайн иностранным языкам, в том числе и русскому языку как иностранному, сегодня прочно вошло в практику вузовского образования. Причины повсеместного вывода учебного процесса в виртуальное пространство всем известны: пандемия, глобализация и естественные метаморфозы в системе образования, обусловленные технологическим развитием средств коммуникации и изменениями в современной картине мира, где Интернет становится базовым условием существования человека. При этом возрастают требования к качеству преподавания иностранных языков, к результатам обучения, поскольку язык остаётся важным инструментом коммуникации, определяющим уровень адаптации молодых людей к условиям обучения и проживания в разных странах мира (в случае с русским языком – в России). Соответственно, **актуальность** нашей статьи определяется необходимостью концептуализации методических разработок по РКИ в условиях онлайн и практических предложений, направленных на повышение эффективности обучения, качества образования.

Научное сообщество активно анализирует опыт онлайн-обучения русскому языку как иностранному. Так, Т.А. Дьякова, Л.Е. Хворова предпринимают попытку разграничить понятия «дистанционное обучение» и «онлайн-обучение», определяют их характерные признаки и предлагают выделить «онлайн-урок» как самостоятельную лингводидактическую дефиницию инновационного языкового образования [1, с. 209].

Авторами многих работ изучаются общие характеристики онлайн-обучения, формулируются достоинства и недостатки данной формы освоения чужого языка, основанные на использовании экспериментальных методов диагностики и данных

опросов о степени удовлетворенности студентов образовательным процессом [2, 7, 9, 10].

Предметом обсуждения становится вопрос о современных педагогических технологиях, востребованных в сфере онлайн-обучения, и специфике дидактических ресурсов, актуальных для данной образовательной среды. Рассматриваются как отдельные образовательные ресурсы, предлагаемые для использования в онлайн-обучении, так и самостоятельные онлайн-курсы, созданные авторскими коллективами вузов. Анализируется специфика онлайн-курсов, построенных с учётом, с одной стороны, традиционных методических принципов обучения иностранным языкам, с другой стороны, инноваций, сложившихся под влиянием практики обучения в виртуальной среде и использования новых технологий [4, 5].

Основные проблемы, препятствующие качественному обучению РКИ в режиме онлайн, по мнению исследователей, лежат в области формирования коммуникативной компетенции [9, с. 102]. Если говорить о субъективном восприятии образовательного процесса его участниками, то стоит отметить, что значительное число обучающихся осознает резкое снижение мотивации при изучении языка в режиме онлайн. Исходя из данной ситуации ученые и педагоги-практики предлагают использовать в онлайн-обучении современные технологии, позволяющие мотивировать студентов к изучению русского языка как иностранного [1]. Обращается внимание на способы презентации учебного материала, одним из эффективных дидактических ресурсов признается использования средств мультимедиа, которое вызывает более эмоциональное и заинтересованное восприятие со стороны слушателей курса и повышает их мотивацию в процессе обучения [2, с. 13].

В целом же потенциал средств в преподавании иностранных языков не ограничен и именно поэтому требует дальнейшего экспериментирования в соответствии с методикой обучения языкам на основе новых форм взаимодействия в виртуальной обучающей среде [8, с. 18].

В контексте современных исследований, посвящённых проблемам онлайн-обучения в сфере языкового образования, **новизна** наших научных поисков определяется стремлением обобщить конкретные приёмы презентации учебного материала на онлайн-занятиях по РКИ в русле решения такой проблемы, как мотивация слушателей курса к активному изучению языка.

Специфика освоения языковых курсов определяется актуальностью коммуникативной компетенции, которая предполагает «определённый уровень владения языком, речью и социокультурными знаниями, навыками и умениями, позволяющими студенту коммуникативно приемлемо и целесообразно варьировать речевое поведение в зависимости от функционального фактора иноязычного общения, создающего основу для коммуникативного бикультурного развития» [6, с. 123]. Освоение коммуникативной компетенции в условиях онлайн-обучения – методическая задача, которая решается на основе использования виртуальных платформ, мультимедийных средств и прочих элементов современной образовательной среды. Последовательное продвижение коммуникативных задач на онлайн-занятии – важный фактор, мотивирующий студентов к изучению чужого языка. Более того, опыт преподавателей-практиков подсказывает, что благоприятный уровень мотивации аудитории формируется в результате использования в учебном процессе коммуникативных заданий. Именно примеры таких коммуникативных заданий, отмеченных высоким мотивационным потенциалом, мы представим в этой статье.

Если на продвинутом уровне владения языком инструментом, работающим на поддержку и повышение мотивации к обучению, может быть беседа с преподавателем на актуальную тему в формате дискуссии, беседы или игры, то на элементарном уровне полноценная беседа на изучаемом языке невозможна, что в значительной степени определяет важность использования коммуникативных заданий.

На начальном этапе обучения (первые уроки) после знакомства с русским алфавитом иностранные обучающиеся заучивают первые вопросы и первые ответы для простой коммуникации на русском языке. Первые вопросы, которые осваивает иностранец и находит к ним личные ответы, позволяют выполнить задание составить диалог-знакомство примерно следующего вида:

- Привет! Как тебя зовут?
- Меня зовут Белла. А тебя?
- Меня зовут Луан. Из какой ты страны?
- Я из Индонезии. А ты?
- Я из Вьетнама.
- Приятно познакомиться.

Кроме первых реплик для диалога-знакомства, студенты виртуальной эпохи осваивают коммуникативный потенциал следующих фраз: «Извините, у меня нет связи», «Мой Интернет не работает» и других. В соответствии с принципом последовательности, по мере изучения глаголов, падежных форм существительных усложняются и коммуникативные задания: например, каждый обучающийся получает задание рассказать о том, что он любит и не любит, одновременно закрепляя грамматику изученного падежа (В.п.) и модели с глаголом «любить». Первые возможности рассказать о себе почти незнакомой аудитории, с которой предстоит учиться в течение учебного года, – фактор мотивации, поскольку здесь срабатывают важные психологические механизмы: стремление человека говорить о себе, поиск соответствий в личной информации между участниками учебной группы и т.д. Подобные механизмы работают и при освоении коммуникативных тем «Описание внешности» (описание внешности друг друга) и «Моя группа» (слушатели рассказывают о своей группе, т.е. называют друг друга, выражают свои симпатии и антипатии).

Подобные коммуникативные задания работают и в ситуации реального обучения, но в онлайн-условиях преподаватель может предложить и другие варианты учебных тренировок, учитывающих специфику виртуальной среды. Например, одно из заданий связано с описанием вида из окна, которое позволяет студентам рассказать о себе, о погоде и даже о своём городе или деревне. На подготовительном этапе в формате презентации (с использованием ярких картинок) предлагаются небольшие тексты, которые помогают обучающимся понять модель текста:

Текст 1.

Это моё окно. Там улица. Сейчас я вижу дома, машины, улицу и синее небо. А ещё я вижу, что сегодня хорошая погода.

Текст 2.

Это моё окно. Сейчас я вижу поле и горы. Здесь я живу. Здесь мой дом. Сегодня солнечный день. Я люблю солнечную погоду. Я люблю наш дом.

Текст 3.

Это моё окно. Сейчас урок. Я преподаватель. Мои студенты не видят моё окно. А там снег. Там идёт снег. Я вижу деревья, машины и снег.

Последний текст – это реальная история преподавателя, которая иллюстрируется фотографией из

окна, а все тексты вместе готовят аудиторию к заданию написать небольшие тексты и сделать фотографии. Это и подобные задания вызывают у иностранцев положительные эмоции (дополнительный фактор мотивации) и позволяют в коммуникативной ситуации закрепить знания из грамматики. В подобной логике разрабатываются такие темы, как «Мой город», «Моя страна» и другие.

Коммуникативные задания в онлайн-обучении РКИ могут стать элементом каждого занятия и выполнять, помимо мотивирующей, и другие сопутствующие функции. В частности, позволяют закрепить учебный материал и создают ситуацию успеха, необходимую для поддержки интереса к процессу изучения русского языка как иностранного.

В последние месяцы обучения коммуникативные задания обеспечивают подготовку к итоговому экзамену и выполняют функцию закрепления навыков говорения в различных ситуациях на общественно-значимые темы. В условиях онлайн-обучения одной из таких тем, способной заинтересовать слушателей является Интернет и проблемы получения образования в виртуальной среде. Среди прочих тем, востребованных у будущих абитуриентов, является «Прогулка по Тюмени», так как для иностранцев знакомство с условиями проживания в городе и с университетом, где им предстоит учиться, необходимо и полезно.

На образовательной платформе Тюменского индустриального университета для иностранцев, изучающих русский язык как иностранный на уровне выше элементарного, представлен дистанционный курс, содержащий видеоуроки по основным тематическим разделам, необходимым для закрепления коммуникативных навыков [7]. Коммуникативные задания, представленные в этом ресурсе, могут являться значительной методической поддержкой для онлайн-преподавания РКИ. В частности, раздел, посвящённый глаголам движения, содержит видео с виртуальной экскурсией по городу, где в качестве коммуникативных заданий предлагается виртуальная карта по Тюмени, работая с которой иностранные слушатели включаются в ситуацию, приближённую к условиям реальной коммуникации. Следует отметить, что у курса, разработанного преподавателями кафедры межкультурной коммуникации ТИУ, есть недостатки, работа над которыми продолжается в настоящее время (анализ достоинств и недостатков представлен в наших статьях, опубликованных ранее [4, 5], но уже сегодня мы можем говорить о значительном мотивационном эффекте проекта. Важно отметить, что будущие студенты из разных стран находят в этом курсе не только информацию о городе проживания, о вузе, о возможностях по-

лучения разных инженерных профессий, но и первый опыт коммуникации на русском языке в ходе выполнения коммуникативных заданий.

Коммуникативные задания на онлайн-уроке по РКИ – это инструмент, эффективность которого подтверждается на практике, уже в процессе кураторства иностранцев, поступивших на первый курс университета. Диагностические беседы с выпускниками подготовительного отделения свидетельствуют о том, что коммуникативные барьеры виртуальной среды в процессе обучения иностранным языкам могут быть частично сняты за счёт концептуального и последовательного включения в учебные занятия коммуникативных заданий.

Литература

1. Амлинская Ю.Р. Способы повышения мотивации студентов в рамках онлайн-обучения РКИ // Русский язык за рубежом. 2020. № 5 (282). С. 19 – 23.
2. Берарди С. Моделирование онлайн-курса по русскому языку как иностранному в период эпидемии COVID-19 // Русистика. 2021. Т. 19. № 1. С. 7 – 20. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-1-7-20> (дата обращения: 20.07.2021)
3. Дьякова Т.А., Хворова Л.Е. Онлайн-урок русского языка как иностранного в условиях цифровой трансформации педагогической деятельности // Русистика. 2020. Т. 18. № 2. С. 209 – 219. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-2-209-219> (дата обращения: 20.07.2021)
4. Мордвинцева В.С. Принципы организации материала в МООК по русскому языку как иностранному: от коммуникативной ситуации к грамматическим моделям // Современный ученый. 2021 № 3. С. 190 – 194.
5. Мордвинцева В.С., Никулина Н.А. Электронное учебное пособие по РКИ как образовательный ресурс и фактор языковой адаптации иностранцев в условиях российского города и вуза // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 171 – 176.
6. Писаренко В. И. Коммуникативные задания в реализации обучения иностранным языкам на основе аудиовизуальных технологий // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2005. № 5 (49). С. 121 – 127.
7. Романюк Е.А., Михайлушкина О.А., Попова А.В. Дистанционное обучение иностранных студентов в новых условиях // Известия Волгоградского педагогического университета. 2021. № 5 (158). С. 54 – 60.
8. Русский язык как иностранный. URL: <https://mooc.tyuiu.ru/course/view> (дата обращения: 20.07.2021)

9. Стрельчук Е.Н. Перспективы онлайн-обучения русскому языку как иностранному в вузах РФ // Русистика. 2021. Т. 19. № 1. С. 102 – 115. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-1-102-115>

10. Чжан Вэй, Веснина Л.Е. Онлайн-обучение практической грамматике русского языка в вузе Китая в условиях эпидемии // Русистика. 2020. Т. 18. № 4. С. 383 – 408. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-383-408> (дата обращения: 20.07.2021)

References

1. Amlinskaya YU.R. Sposoby povysheniya motivatsii studentov v ramkah onlajn-obucheniya RKI. Russkij yazyk za rubezhom. 2020. № 5 (282). S. 19 – 23.

2. Berardi S. Modelirovanie onlajn-kursa po russkomu yazyku kak inostrannomu v period epidemii COVID-19. Rusistika. 2021. Т. 19. № 1. С. 7 – 20. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-1-7-20> (дата обращения: 20.07.2021)

3. D'yakova T.A., Hvorova L.E. Onlajn-urok russkogo yazyka kak inostrannogo v usloviyah cifrovoy transformatsii pedagogicheskoy deyatelnosti. Rusistika. 2020. Т. 18. № 2. С. 209 – 219. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-2-209-219> (дата обращения: 20.07.2021)

4. Mordvinceva V.S. Principy organizatsii materiala v MOOK po russkomu yazyku kak inostrannomu: ot kommunikativnoj situatsii k grammaticheskim

modelyam. Sovremennyyj uchenyj. 2021 № 3. S. 190 – 194.

5. Mordvinceva V.S., Nikulina N.A. Elektronnoe uchebnoe posobie po RKI kak obrazovatel'nyj resurs i faktor yazykovoj adaptatsii inostrancev v usloviyah rossijskogo goroda i vuza. Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2021. Т. 10. № 1 (34). S. 171 – 176.

6. Pisarenko V. I. Kommunikativnye zadaniya v realizatsii obucheniya inostrannym yazykam na osnove audiovizual'nyh tekhnologij. Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki. 2005. № 5 (49). S. 121 – 127.

7. Romanyuk E.A., Mihajlushkina O.A., Popova A.V. Distantsionnoe obuchenie inostrannykh studentov v novykh usloviyah. Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 5 (158). S. 54 – 60.

8. Russkij yazyk kak inostrannyj. URL: <https://mooc.tyuiu.ru/course/view> (дата обращения: 20.07.2021)

9. Strel'chuk E.N. Perspektivy onlajn-obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v vuzah RF. Rusistika. 2021. Т. 19. № 1. С. 102 – 115. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-1-102-115>

10. CHzhan Vej, Vesnina L.E. Onlajn-obuchenie prakticheskoy grammatike russkogo yazyka v vuzе Kitaya v usloviyah epidemii. Rusistika. 2020. Т. 18. № 4. С. 383 – 408. URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-383-408> (дата обращения: 20.07.2021)

COMMUNICATIVE TASKS IN RFL ONLINE LESSON AS A MOTIVATION FACTOR

*Nikulina N.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Mordvintseva V.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Stebunova E.I., Candidate of Philosophical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Prudchenko E.A., Postgraduate, Senior Lecturer,
Industrial University of Tyumen*

Abstract: the article presents an analysis of the effectiveness of communicative tasks in the practice of online teaching Russian as a foreign language. The relevance of the publication lies in the need for scientific understanding of the experience of teaching language disciplines in a virtual environment and improving the effectiveness of university education in a distance format. The novelty of the material is determined by an attempt to generalize specific methods of work of teachers of Industrial University of Tyumen during the pandemic and the desire of the authors of the article to conceptualize this experience. The article contains examples of communicative tasks that are offered to foreign students at various stages of mastering Russian as a foreign language.

Keywords: communicative tasks, teaching Russian as a foreign language (RFL), online lesson, motivation, RFL educational platform

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖАРГОНА В ПОДЪЯЗЫКЕ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

*Морозова О.А., кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Яхина А.М., кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Елабужский институт,
Казанский федеральный университет*

Аннотация: статья посвящена анализу историко-этимологического аспекта происхождения жаргонной лексики в сфере деловой коммуникации, на материале английского языка. Подчеркивается значимость исследования данной лексики в условиях глобализации, демократизации общества, активных деловых связей и международного сотрудничества. Профессиональные жаргонизмы подразделяются авторами на группы в зависимости от сферы жизнедеятельности человека, такие как спорт и спортивная деятельность, IT-технологии, сфера науки, медицина, животноводство, средства массовой информации, кулинария, авиация и др. Они также иллюстрируются примерами выражений с историко-этимологической интерпретацией и культурологическим комментарием. Авторы определяют значимость, достоинства и недостатки использования корпоративного жаргона в бизнес-среде и профессиональной культуре.

Ключевые слова: этимология, историко-этимологическая интерпретация, подъязык делового общения, жаргон, жаргонизмы, корпоративная лексика

Стремительные изменения в социальной, экономической, политической, деловой и других сферах, ставшие более заметными в условиях глобализации, в той или иной степени находят отражение в языке. Язык, функционирующий в различных профессиональных сферах, вызывает особый интерес. При коммуникации в сфере бизнес-сотрудничества на первый план выходит деловое общение со своими правилами и регламентами. Его основной задачей является достижение конкретной цели, например, взаимовыгодного соглашения, в процессе бизнес-взаимодействия. Коммуникативная компетентность представителей таких профессий, как менеджеры, маркетологи, предприниматели, организаторы производства, «представляет важнейшую часть их профессионального облика» [3, с. 10].

Правильно проведенные деловые переговоры являются залогом успеха в бизнесе, позволяют поддерживать репутацию и имидж компании. Деловая коммуникация позволяет эффективно презентовать себя и свой продукт, а также построить доброжелательные отношения с будущими партнерами и прийти к плодотворному сотрудничеству. Благодаря корпоративному общению в организации сотрудники имеют возможность удовлетворить свою потребность в коммуникации, обмену опытом, приобретении новой информации и навыков, развитии своих деловых качеств.

Согласно М.В. Колтуновой, деловое общение – это вид общения, цель которого лежит за пределами процесса общения и которое подчинено решению определенной задачи (производственной, научной, коммерческой и т.д.), исходя из общих интересов и целей коммуникантов. Деловое общение – это коммуникативная предметно-целевая и

по преимуществу профессиональная деятельность в сфере социально-правовых и экономических отношений [3].

Как известно, в сфере профессионального общения преимущественно используется официально-деловой стиль, характеризуемый сжатостью, компактностью изложения, стандартизованностью, широким использованием терминологии, наименований (юридических, дипломатических, военных, административных и др.), наличием языковых штампов, сложносокращенных слов, почти полным отсутствием эмоционально-экспрессивных речевых средств и устоявшихся выражений, а также слабой индивидуализацией стиля.

Профессиональная же жаргонная лексика обладает сниженной экспрессивной окраской и не приводится в специальных словарях в отличие от профессионализмов, которые даются с пояснениями и часто заключаются в кавычки для их графического отличия от терминов [1].

Как отмечает Е.П. Казакова, наряду с традиционной регламентацией и конвенциональностью общения в деловом английском языке «наблюдается устойчивый рост тенденции к «демократизации» – особенно в плане общего делового языка. В частности это относится к распространению стилистически маркированных, образных, единиц разных уровней языка» [2, с. 81].

Наиболее ярко тенденция к демократизации, на наш взгляд, проявляется на уровне подъязыка делового общения, т.е. в профессиональном жаргоне, который пополняется из различных сфер жизнедеятельности человека и зачастую обуславливает стилистическую маркированность, экспрессивность и оценочность данной лексики. В

связи с этим актуальным представляется рассмотреть историко-этимологический аспект формирования профессионального жаргона в подязыке делового общения и проследить лингвокультурные особенности, наполняемость и значения жаргонизмов.

Целесообразно вначале систематизировать анализируемые единицы в соответствии с источниками их происхождения, например, в зависимости от сферы жизнедеятельности человека.

Спорт, спортивные игры и спортивная деятельность являются одним из наиболее распространённых источников происхождения деловой жаргонной лексики, что может объясняться общностью задач и устремлений в спорте и бизнесе: стремлением к достижениям, победе, высоким результатам, целеустремленностью и жесткой конкуренцией. К примеру, профессиональный жаргонизм *to touch base* со значением «контактировать, встретиться для обсуждения деловых вопросов» происходит из бейсбола. В данной игре игрок ударяет по мячу и бежит к каждой базе; идея состоит в том, чтобы пробежать все базы и вернуться в исходное положение, чтобы набрать очки. Итак, выражение *touch base* в деловой сфере получает значение «проверить и убедиться, что все в порядке и идет в соответствии с планом»:

Let's touch base about the IT project, so we have visibility over what has been done and what still needs to be done. – Давайте встретимся для обсуждения IT-проекта, чтобы у нас было представление о том, что было сделано, и что еще нужно сделать.

Активно используются субстантивные языковые единицы. Выражение *game changer*, обладающее положительной коннотацией, относится к какому-либо новому элементу, который полностью изменит то, что существует в настоящее время, революционизирует или реформирует что-либо. Возникновение жаргонизма связано с бриджером или бейсболом и указывает на то, что во время игры происходит что-то важное, что существенно влияет на результат.

When the Kindle was developed it was a game changer in the way books were being consumed. – Приложение Kindle (для чтения книг под Windows) стало поворотным моментом в чтении электронных книг.

Creating a software that tracks our inventory and sales was a real game changer. – Создание программного обеспечения, отслеживающего наши запасы и продажи, по-настоящему изменило правила игры.

Многопрофильная профессиональная подготовка сотрудника, способного выполнять несколько видов деятельности, представлена в английском

языке с помощью языковой единицы *cross-training* (*спорт*. спортивная подготовка спортсмена в других видах спорта, наряду с основным с целью повышения общей спортивной подготовки). Эта практика обучения была введена для выполнения нескольких функций с целью облегчить замену сотрудников, находящихся в отпусках или получивших назначения на другие должности.

The retreat will focus on continuing team building, enhancing cross-training, building competency and ensuring consistency in practices and operational efficiency. – В ходе этой сессии основное внимание будет уделяться дальнейшему укреплению команды, усилению перекрестного обучения, укреплению компетентности и обеспечению последовательности в применении практик и операционной эффективности.

Интересным представляется жаргонное выражение *my bad*, введенное Ману́те Болом (англ. Manute Bol) – суданским и американским профессиональным баскетболистом, самым высоким игроком в истории НБА, мастером блок-шотов. После неудачных бросков спортсмен вместо *my fault* произносил *my bad* в значении «моя оплошность, мой косяк»; впоследствии и остальные игроки начали употреблять эту фразу.

Богатым источником профессиональных жаргонизмов является сфера информатики, IT-технологий, программирования и радиовещания. К примеру, жаргонизм *bandwidth* (комп. диапазон частот; полоса пропускания, прогр. пропускная способность) используется для обозначения возможности человека выполнять дополнительную работу / проекты. Выражение «полоса пропускания» появилось на заре вещания, когда в старых радиотюнерах использовалась вертикальная стрелка, которая двигалась вбок вдоль «полосы», отмеченной цифрами, а также популяризировалось благодаря использованию Интернета, имея в виду максимальный объем данных, который может быть передан через интернет-провайдер.

We need to work on the copy for the latest campaign, have you got the bandwidth for it? – Нам необходимо поработать над текстом нашей последней рекламной кампании, есть ли у Вас возможность сделать это?

To take a discussion offline значит обсудить что-либо, не имеющее отношения к делу, после текущей встречи. Может случиться так, что возник какой-то дополнительный вопрос, его либо нельзя решить сразу, либо он актуален лишь для небольшого процента людей в комнате. Поэтому, чтобы обсуждение продолжалось, лучше вынести эту тему в автономный режим и обсудить ее позже с соответствующими людьми. Предполагается, что «offline» берет свое начало в информатике, т.к. от-

носится к любой операции, которая не относится непосредственно к обработке информации. Следовательно, какой-то вопрос можно рассматривать отдельно, а не одновременно или в рамках одного обсуждения: *This meeting is about the new product development, however let's take the discussion about branding offline.* – *Эта встреча посвящена разработке нового продукта, однако давайте поговорим о брендинге в автономном режиме.*

Активно используется жаргонизм *killer app* (*application*) в следующих значениях: 1) "захватчик рынка", новаторский продукт, революционная новинка товар или услуга, с появлением которых устанавливаются новые стандарты требований в конкретной области рынка, вытесняются традиционные продукты или услуги. *The new killer apps are interactive, transaction intensive, and let people do business in more meaningful ways.* – *Новые приложения класса "захватчик рынка" являются интерактивными, ориентированы на обработку транзакций и позволяют более эффективными способами вести бизнес;* 2) приложение – "приманка" (для расширения круга потенциальных заказчиков).

Одним из первых признанных примеров такого приложения, по общему мнению, является электронная таблица VisiCalc для серии Apple II. Поскольку в течение 12 месяцев оно не было доступно на других компьютерах, люди сначала потратили 100 долларов на программное обеспечение, а затем от 2 000 до 10 000 долларов на компьютер Apple, необходимый для его запуска. Еще одно приложение-убийца – WordStar, самый популярный текстовый процессор на протяжении большей части 1980-х годов, а также UNIX, первая операционная система, предложенная в форме лицензии на исходный код, что позволяло ей работать на неограниченном количестве машин и позволяло машинам взаимодействовать с любым типом оборудования.

Первое зарегистрированное использование этого термина в печати было в 1988 году, в издании *PC Week* от 24 мая: *"Everybody has only one killer application. The secretary has a word processor. The manager has a spreadsheet.* – *У каждого есть только одно убийственное приложение. У секретаря есть текстовый процессор. У менеджера есть электронная таблица».*

Уточнение определения «приложение-убийца» имело место во время допроса Билла Гейтса в антимонопольном деле США против Microsoft Corp. Билл Гейтс написал электронное письмо, в котором описал Internet Explorer как «*killer app*». Он отметил, что этот термин означает «популярное приложение» и не означает приложение, которое

будет стимулировать продажи более крупного продукта или приложение, которое вытеснит его конкурентов, как это определено в компьютерном словаре Microsoft.

Представляя iPhone в 2007 году, Стив Джобс сказал следующее: *"the killer app is making calls."* (New York Times) – «убийственное приложение осуществляет звонки». Рассматривая первое десятилетие iPhone, Дэвид Пирс из журнала Wired написал, что, хотя Джобс действительно уделял первоочередное внимание качественным звонкам при разработке телефона, другие его функции вскоре оказались более важными, например, возможность подключения к данным и возможность установки стороннего программного обеспечения. Таким образом, прослеживая историю употребления этого выражения, можно увидеть, как наполнилось смыслом и конкретизировалось данное понятие.

Сферы науки, образования, физики и медицины также послужили источником возникновения деловой жаргонной лексики. Например, заимствованное из немецкого языка выражение *magic bullet* (волшебная пуля/пилюля, чудодейственное средство) в сфере бизнеса подразумевает эффективное или оригинальное решение проблемы. «Волшебная пуля» – это научная концепция, разработанная немецким нобелевским лауреатом Полем Эрлихом в 1900 году. Работая в Институте экспериментальной терапии (Institut für Experimentelle Therapie), Эрлих пришел к выводу, что можно убивать определенные микробы (например, бактерии), которые вызывают заболевания в организме, не причиняя вреда самому организму. Он назвал гипотетического агента *Zauberkegel*, волшебной пулей. Он предполагал, что точно так же, как пуля, выпущенная из пистолета для поражения определенной цели, существует способ целенаправленно нацеливаться на вторгшиеся микробы. Его непрерывные исследования по открытию волшебной пули привели к дальнейшим познаниям функций иммунной системы организма и к разработке в 1909 году сальварсана, первого эффективного лекарства от сифилиса, которое называют первой волшебной пулей.

Распространенным жаргонизмом является *moving the needle*. Он используется для описания получения эффективных результатов от проекта или задания, значимых для общих целей компании или бизнеса. Это отсылка к старому аналоговому Vu-метру, который использовался при записи звука. Vu (*volume unit*) – единица измерения уровня громкости. Во время записи некоторые источники звука были недостаточно громкими, чтобы стрелка индикатора на измерительном приборе сдвинулась; другими словами, звук был слишком слабым,

чтобы его можно было использовать для записи. Соответственно, данное выражение в деловом дискурсе приобрело значение продвижения вперед настолько, чтобы заметно изменить ситуацию или положение дел: *Given Apple's huge success and its sheer magnitude, it needs a monstrous new product or enhancement of an existing product to **move the needle** on growth.* – *Учитывая огромный успех Apple и ее огромные масштабы, ей нужен новый умопомрачительный продукт или улучшение существующего продукта, чтобы **сдвинуться с мертвой точки**.*

Knowledge transfer представляет собой процесс, когда ученые занимаются различными видами деятельности, чтобы передать свои знания разным аудиториям. Это также требует своевременной и активной поддержки со стороны учебного заведения, которое должно обеспечивать лучший открытый доступ и открытые инновационные решения для своих студентов, чтобы сделать ресурсы более доступными и доступными. Передача знаний требует двустороннего обмена для успешного и устойчивого сотрудничества и работает лучше всего, когда люди активно ищут возможности для сотрудничества или спонтанно встречаются для обмена мыслями. Неудивительно, что данное выражение получило широкое употребление в менеджменте и маркетинге:

*Ensure that there is **knowledge transfer** to enable the customers and users to optimize their use of the service to support their business activities.* – *Убедитесь, что **передача знаний** позволяет клиентам и пользователям оптимизировать использование сервиса для поддержки их бизнес-деятельности.*

*While there is a need to recruit outsiders with appropriate expertise, during the duration of the project there should be extensive **knowledge transfer**.* – *Невзирая на необходимость найма внешних специалистов соответствующей квалификации, в ходе осуществления проекта должна происходить активная **передача знаний**.*

*This requires financial and technical assistance, including **knowledge transfer**.* – *Это требует финансовых средств и технической помощи, в том числе **передачи знаний**.*

В рамках данной статьи не представляется возможным проиллюстрировать все основные источники происхождения жаргонизмов. Ограничимся их перечислением: кулинария (*baking in, not just a cherry on top, peel the onion*) литература (*low-hanging fruit*), исторические факты, события, лица (*luddite, ninja*), политическая сфера (*action item, to table something*), средства массовой информации (*content is king, jump the shark*), авиация (*leading edge*), вооруженные силы (*ASAP, to champion, S.W.A.T. team*), строительство (*brick and mortar*),

фермерство и животноводство (*best of breed*), сфера развлечений (*balls in the air*), а также группа жаргонизмов с неопределенным источником возникновения, в основе которых часто лежит народная метафора. Отдельные, наиболее яркие и эффективные авторские метафорические выражения входят в употребление в деловой среде и становятся частью корпоративной культуры.

Представленный иллюстративный материал позволяет сделать вывод о том, что деловой вокабуляр имеет разнообразные источники происхождения, отражающие широкий спектр видов деятельности человека. Самыми многочисленными являются группы, так или иначе сопряженные с теми качествами и характеристиками, которые находят отражение в сфере деловых отношений и бизнеса: например, «следование правилам игры», целеустремленность и ориентированность на успех в спорте; использование новейших технологий и достижений, оптимальное использование ресурсов в области информационных технологий; получение и качественное применение знаний и опыта в сфере науки и образования; поиск нового решения и «исцеления» ситуации в медицине; дисциплинированность, защита, командная работа в вооруженных силах и др. Бизнес-жаргон также богат профессионализмами, основанными на метафоре, не утратившими внутренней формы, что нередко является характерной особенностью современного делового дискурса.

Таким образом, анализ профессионального жаргона в историко-этимологическом аспекте позволяет облегчить восприятие, установить причинно-следственные связи между исходным значением единицы и приобретенным или реализующимся в сфере делового общения, а также получить цельное представление о его образности, эмоционально-оценочном характере и стилистической направленности.

В заключение отметим, что существует мнение о том, что использование делового жаргона носит уничижительный характер и предполагает использование вычурных, модных, рассчитанных на создание эффекта, сложных или неясных слов, а также акронимов, сокращений и эвфемизмов. Употребление подобной лексики критикуется за ее расплывчатость, затрудненное восприятие и понимание, ошибочную интерпретацию сообщения. Чрезмерное использование жаргона затрудняет общение и утомляет собеседника, что можно привести к дистанцированию или чувству исключенности из ситуации общения. В связи с этим многие англоязычные работодатели призывают сотрудников воздержаться от ее использования.

В то же время наблюдается диаметрально противоположная тенденция к осознанному предпо-

чтению офисных модных словечек вместо обычных однозначных английских терминов. Во-первых, они помогают работникам почувствовать свою принадлежность к той или иной группе людей, связанными деловыми и/или корпоративными отношениями, что способствует созданию благоприятного климата и настроения на выполнение функциональных обязанностей. Во-вторых, жаргон может служить более простым и эффективным инструментом деловой коммуникации, предлагая клише и готовые выражения с целью экономии языковых средств без необходимости использовать сложные термины или полные формулировки понятий. Благодаря ему речь становится образной, точной и выразительной.

Литература

1. Данцева А.В., Цариненко Т.А., Ростова М.Л. Особенности англоязычной профессиональной лексики // *Фундаментальные и прикладные исследования*, 2015. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-angloyazychnoy-professionalnoy-leksiki/viewer> (дата обращения: 17.08.2021)
2. Казакова Е.П. Об употреблении профессионализмов и жаргонизмов с прозрачной

внутренней формой в современном английском деловом дискурсе // *Вестник СамГУ*. 2011. № 7 (88). С. 81 – 86.

3. Колтунова М.В. *Деловое общение. Нормы. Риторика. Этикет: учеб. пособие для вузов.* Рекомендовано Министерством образования РФ. М.: Логос, 2005.

References

1. Danceva A.V., Carinenko T.A., Rostova M.L. *Osobnosti angloyazychnoj professional'noj leksiki. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*, 2015. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-angloyazychnoy-professionalnoy-leksiki/viewer> (data obrashcheniya: 17.08.2021)
2. Kazakova E.P. *Ob upotreblenii professionalizmov i zhargonizmov s prozrachnoj vnutrennej formoj v sovremennom anglijskom delovom diskurse.* *Vestnik SamGu*. 2011. № 7 (88). S. 81 – 86.
3. Koltunova M.V. *Delovoe obshchenie. Normy. Ritorika. Etiket: ucheb. posobie dlya vuzov.* *Rekomendovano Ministerstvom obrazovaniya RF.* M.: Logos, 2005.

HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECT OF PROFESSIONAL JARGON IN THE SUB-LANGUAGE OF BUSINESS COMMUNICATION

*Morozova O.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior lecturer,
Yakhina A.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Senior lecturer,
Elabuga Institute,
Kazan Federal University*

Abstract: the article is devoted to the analysis of the historical and etymological aspect of the origin of jargon vocabulary in the field of business communication, based on the material of the English language. The importance of studying this vocabulary in the context of globalization, democratization of society, active business ties and international cooperation is emphasized. Professional jargon is divided by the authors into groups depending on the sphere of human activity, such as sports and sports activities, IT technologies, science, medicine, animal husbandry, mass media, cooking, aviation, etc. They are also illustrated by examples of expressions with historical and etymological interpretation and cultural commentary. The authors define the importance, advantages and disadvantages of using corporate jargon in the business environment and professional culture.

Keywords: etymology, historical and etymological interpretation, business communication sublanguage, jargon, jargon, corporate vocabulary

О НЕКОТОРЫХ ОРИЕНТАЛИЗМАХ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.

*Мугумова А.Л., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный педагогический университет*

Аннотация: статья посвящена системному сравнительно-историческому изучению ориентализмов в истории русского языка конца XVIII – начала XIX вв. Ее цель ввиду недостаточной совокупной изученности проблематики данного исследования – отдельные публикации, включая вклад автора данной работы, – заключается в том, чтобы проанализировать и обобщить, содержащиеся в них данные. К числу задач статьи относятся выявление ориентализмов и их историко-этимологическая характеристика наряду с установлением путей их проникновения в русский язык конца XVIII – начала XIX вв. Практическим материалом работы послужили данные толковых и академических словарей рассматриваемой эпохи. При отсутствии псевдотюркизмов арабского и персидского происхождения в академических словарях были установлены, наряду с ногаизмом *кизил/ кизиль*, целый ряд татаризмов, а также усвоения из крымско-татарского, кумыкского и турецкого языков. В толковых словарях были выявлены экзотические тюркизмы арабского и персидского происхождения, проникшие через посредство кумыкского, азербайджанского и турецкого языков. Полученные результаты могут получить практическое применение в вузовских курсах истории русского языка, а также в специальных дисциплинах, посвященных историко-этимологическому изучению русской лексики.

Ключевые слова: ориентализм, русский, конец XVIII – начало XIX вв., псевдотюркизм, экзотизм

Заемствования, к числу которых могут относиться слова, морфемы, синтаксической конструкции и т.д., являются атрибутом истории любого языка. При этом чаще заимствуются слова (для их усвоения достаточен минимальный контакт). И, как отмечал Ю.С. Сорокин [17, с. 174, 59], «это не только простая передача готовых элементов одним языком во владение иного языка, а процесс их органического освоения системой данного языка».

Известно и то, что наряду с собственно заимствованиями среди иноязычных слов выделяются экзотизмы и иноязычные вкрапления, характер взаимоотношений между которыми был обобщен в свое время Л.П. Крысиным [3, с. 43-44]. При этом вкрапления могут сохранять свой иноязычный облик, но если они «получают более или менее регулярное употребление, то их называют варваризмами» [1, с. 158]. Сам процесс усвоения и освоения иноязычных слов осуществляется как следствие по схеме: вкрапление > варваризм > экзотизм > заимствование.

Известно, что одним из главных свойств литературных языков является их нормированность, в т.ч. лексическая, которая отражается в толковых, прежде всего, нормативных словарях, которые выполняют в данном случае не только констатирующую, но и верифицирующую функцию. Свидетельством же окончательного усвоения того или иного иноязычного слова в литературном языке является его отражение в академических нормативных словарях русского языка. Это позволяет полагать, что вкрапления, варваризмы и экзотизмы являются разновидностью иноязычных слов, находящихся за пределами русского литературного языка, его академических словарей в тот или иной период его развития до того, как они с заимствованием самого понятия или реалии оконча-

тельно войдут в литературный язык, отразившись в его академических словарях [см. 4, с. 12-13].

Обращаясь же непосредственно к проблематике нашего исследования, следует отметить, что с начала XVIII века «поток заимствований с Востока сталкивается со встречным и все усиливающимся потоком заимствований с Запада» [20, с. 4, с. 75], который, как известно, приходится на XVIII-XIX вв. [9, с. 12]. Уже во второй половине этого века, когда в 1789-1794гг. издается первый нормативно-толковый «Словарь Академии Российской», «активизируется восточная тема и вместе с нею «восточная» лексика». Становятся известными наряду с собственными именами, включая, например, названия городов (*Хотин, Стамбул, Дамаск, Каир*), многочисленные экзотические наименования других восточных этносов, а также реалий, связанных с восточной природой и восточным бытом (*буза, исьэху* «кумыс», сераль), названия монет (*пагод, пессар, рупия, факам, фанон*), средств передвижения по воде (*фелюга*) [2, с. 169].

Отсутствие всей этой лексики в академических словарях конца XVIII-начала XIX вв. – «Словаре Академии Российской» и «Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенный» (1806-1822 гг.), являющимся фактическим переизданием первого – указывает на экзотический и иной (вкрапления) статус вышеозначенных слов вплоть до времени их отражения в последующих академических словарях, включая более близкий к нашему времени «Словарь современного русского литературного языка» (1950-1965 гг.) (см. в последующем изложении).

Так, может квалифицироваться в качестве экзотизма, окончательно освоенного в советское время, при ближайшем рассмотрении слово *буза*

«освежающий или хмельной напиток из гречневой, овсяной или иной муки, особенно употребляемый на Кавказе, в Крыму». Оно было известно в языке русской литературы XVIIв., упомянуто в юридических источниках 1744-1748 гг. и географической литературе 1791г. [10], будучи усвоенным из татарского языка [18, с. 214-215] и отразившись в неакадемических словарях Целлариуса 1771 и Нордстета 1780 г., академических – лишь в советское время [11, с. 672; 16, с.803]. Аналогичным следует полагать статус лексем: *сераль* «в странах Востока – дворец и его внутренние покои», впервые упомянутой словарях Нордстета 1782 г. и В.И. Даля, а также в советское время в академическом словаре, в котором она квалифицируется как усвоение из франц. *serial* <тур.

sarau «дворец» [14, с. 666]; *фелюга/фелука/фелук* «небольшое беспалубное парусное судно на Средиземном, Черном и Каспийском морях», получившие отражение в «Новом словотолкователе» Яновского 1806 г., Словаре Соколова 1834 г. и Словаре В.И. Даля (*фелюга*) – из итал. *Feluka* < араб. *Fulk* «лодка» [15, с. 1298, 1304]; *рупия* «денежная единица Индии и ряда других азиатских стран; монета соответствующего достоинства», ее название отразилось в «Новом словотолкователе» Яновского 1806 г. и Словаре Толля 1864 г. [13, с. 1573]; *пагод* 1.«скульптурное изображение Будды; кумир, идол»: 2.«индийская золотая и серебряная монета», (1783 г.)/*пагода* (1764 г.), этимологией которой считается порт. *pagoda*, усвоенное через франц. *pagode*, нем. *Pagode*, при том, что первый вариант *пагод* был впервые упомянут в газетном тексте 1783-1784 гг., второй – книжном 1790 г., а также лексиконе западноевропейских и латинского языков 1764 г. при том, что ныне стандартный вариант *пагода* «буддийский храм» упоминается в журнале русского путешественника, изданном в 1772 г., в газетном тексте 1783-1784 гг., а также в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина [10], а также в «Новом словотолкователе» Яновского 1806 г., считаясь усвоением из искаженного санскритского *бхагават* «божественный, святой», но остается для рассматриваемого времени экзотизмом, закрепившимся в литературном стандарте благодаря своему отражению в «Словаре современного русского литературного языка» [12, с. 10].

Все прочие вышеупомянутые лексические формы могут квалифицироваться как *вкрапления*: *пессар* (ср. исп. *El pesar* «печаль, тревога, тоска»); по данным Национального корпуса русского языка, *факам* «обозначение денежной единицы», упомянутой Н.М. Карамзиным в рассказе «Ловля жемчужных раковин на острове Цейлане» (журнал «Вестник Европы» за 1802) при неясности отно-

шения к *фанон* – названия жителей Антильских островов, упомянутого в одном из современных очерков [см. 8].

Известно, что, помимо прямых усвоений из тюркских ориентальных языков, которые, в принципе, не присущи русскому языку, особенно в предшествующий (XVI-XVII вв.) рассматриваемому период, когда наблюдался приток полонизмов и латинизмов [9, с. 12]. Среди них обычно выделяются заимствованные главным образом книжным путем псевдотюркизмы («нетюркизмы, пришедшие через тюркскую среду») и псевдоевропеизмы («тюркизмы (в нашем случае – ориентализмы), пришедшие через европейскую среду») [19, с. 6].

Однако анализ иного словарного практического материала, произведенный предварительно автором, показал, что в вышеупомянутых академических словарях рассматриваемого времени обнаруживается лишь один тюркизм (ногаизм) *кизил/кизиль*, псевдотюркизмы арабского и персидского происхождения не получили. Они носят экзотический характер, будучи обнаруженными лишь в «Новом словотолкователе» Н.М. Яновского 1803-1806 г. Было установлено, что через кумыкское и азербайджанское посредство были усвоены такие арабские по происхождению слова, как *рамазан* «сорокадневный пост у магометан», *наиб* «в некоторых странах Ближнего Востока – заместитель или помощник какого-либо начальника или духовного лица; иногда – начальник местной полиции, старшина сельской общины». В не меньшем сравнительно числе оказались и другие арабизмы-псевдотюркизмы, заимствованные через посредство иных тюркских (*медресе* «мусульманская духовная школа; ее помещение», *шериф* «почетное звание мусульманина, якобы ведущего свое происхождение от Мухамеда») и через турецкий (*шейх-уль-ислам* букв. – «старейшина ислама», *муэдзин* «служитель при мечети, возглашающий с высоты минарета часы установленных молитв»), языков. Наряду с этим псевдотюркизмы персидского происхождения, усвоенные в XVIII – начале XIX в., восходят к турецкому (*сераскир* «в старой Турции – главнокомандующий; позднее (в султанской Турции) – военный министр», *чауш* «судейский служитель в Турции», *фирман* «указ правителя, обращенный к его подданным в некоторых мусульманских странах») и кумыкскому (*туман* «иранская золотая монета, имевшая хождение до 1932 г») языкам [см.: 6, с. 198; 7, с. 41-42].

Что касается псевдоевропеизмов («тюркизмов (в нашем случае – ориентализмов, пришедшие через европейскую среду»), то в подвергнутых автором анализу материалах вышеупомянутого нормативно-толкового «Словаря Академии Российской»

1789-1794 гг. соответствующие формы не были обнаружены [см. 5] ввиду отмеченных его пуристических установок, как, в принципе, и «Словаре Академии Российской по азбучному порядку расположенном» (1806-1822), являющимся фактическим переизданием первого.

Вместе с тем непосредственное лексическое влияние тюркских языков на русский, которое носит зачастую областной характер, в рассматриваемую эпоху оказалось гораздо интенсивнее опосредованного. Так, в частности, было установлено преобладание среди тюркских усвоений, получивших отражение в «Словаре Академии Российской», татаризмов (*байбак*, *бурундук*, первое из которых может носить фразеологически связанный характер), а также форм, связанных с рыболовством (*кармак/кормак*, *чебак*), бытом (*баклага*, *бухтарма*) и одеждой (*ергак*), жилищем (*юрта*) и ландшафтом (*буруны*). Также имеет место и лексическое влияние иных тюркских-крымско-татарского и кумыкского (*балык* «провесные осетровые и белужьи спинки», *тарпан* «дикая лошадь», *курега/курага* «то же, что абрикос», *тузлук* «разсол, соль в воде разведенная, в которую распластанная рыба кладется для соления») языков – наряду с турецким (*сусак* «трава, ежегодно возрождающаяся от корня», *чумак* «в питейных домах прислужник целовальнику, который разносит напитки, наблюдает чистоту, обирает пустую посуду и проч.») [5, с. 26-29].

Таким образом, в рассматриваемую эпоху в русский литературный язык, в отличие от предшествующей эпохи, несмотря на интенсификацию западного лексического влияния, продолжали поступать восточные (ориентальные) лексические заимствования, представленные тюркизмами, при практическом отсутствии псевдоевропеизмов – тюркизмов, пришедших через европейскую среду, что было характерно для предшествующего времени – XVI-XVII вв. В анализируемое время сохраняется ведущая роль татарского языка как основного источника тюркских заимствований, о чем свидетельствуют такие татаризмы, как *байбак*, *бурундук*, *кармак/кормак*, *чебак*, *баклага*, *бухтарма*, *ергак*, *юрта*, *буруны*. Имеет место и не менее интенсивное лексическое влияние иных тюркских – юго-западных крымско-татарского и кумыкского – языков, как на то указывают такие усвоения, как *балык*, *тарпан*, *курега/курага*, *тузлу*, наряду с турецкими *сусак* и *чумак*, а также ногайским *кизил/кизиль*.

Во многом аналогичный последним характер в отношении непосредственных источников заимствования в русский язык обнаруживают экзотические тюркизмы арабского и персидского происхождения. К первым относятся слова *рамазан* и

наиб, усвоенные через кумыкское и азербайджанское посредство. Выявлены и другие арабизмы-псевдотюркизмы, заимствованные через посредство иных тюркских (*медресе* и *шериф*), включая турецкий (*шейх-уль-ислам* и *муэдзин*), языков. Установлены также усвоенные в рассматриваемое время генетически персидские псевдотюркизмы, которые восходят к турецкому (*сераскир*, *чауш*, *фирман*) и кумыкскому (*туман*) языкам. Все это говорит о том, большая часть генетически арабских и персидских экзотизмов, еще не ставших принадлежностью русского литературного языка, восходит к турецкому и тюркским языкам Кавказа – кумыкскому и азербайджанскому.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 683 с.
2. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М.: Наука, 1981. 374 с.
3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
4. Мугумова А.Л. К проблеме ориентального лексического влияния на язык русской художественной литературы 20-30-х годов XIX в. (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1999. 218 с.
5. Мугумова А.Л. Тюркизмы, усвоенные русским национальным языком в начальный (конец XVII – начало XVIII вв.) период его формирования, в «Словаре Академии Российской» // Вестник МГОУ. Серия: «Русская филология». 2011. № 6. С. 25 – 30.
6. Мугумова А.Л. Псевдотюркизмы арабского происхождения, усвоенные в предпушкинскую эпоху формирования нового русского литературного языка XVIII – нач. XIX в., в лингвографическом и историко-этимологическом аспектах // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2 (18). С. 195 – 198.
7. Мугумова А.Л. Тюркизмы и персизмы, усвоенные в предпушкинскую эпоху формирования нового русского литературного языка (XVIII – начало XIX вв.), в историко-этимологическом и лингвографическом аспектах // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2015. № 4. С. 38 – 43.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgpora.ru/corgpora-structure...2021> (дата обращения: 15.08.2021)
9. Программа дисциплины «История русского языка» для государственных университетов. М.: Изд. МГУ, 1986. 41 с.

10. Словарь русского языка XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>. (дата обращения: 15.08.2021)

11. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., М.: Изд. АН СССР, 1948. Т. 1. 768 с.

12. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., М.: Изд. АН СССР, 1959. Т. 9. 1584 с.

13. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., М.: Изд. АН СССР, 1961. Т. 12. 1676 с.

14. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., М.: Изд. АН СССР, 1962. Т. 13. 1516 с.

15. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., М.: Изд. АН СССР, 1964. Т. 16. 1610 с.

16. Словарь современного русского литературного языка. М.: Русский язык, 1991. Т. 1. 864 с.

17. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е гг. XIX в. М.-Л.: Наука, 1965. 565 с.

18. Этимологический словарь русского языка. М.: Изд. МГУ, 1965. Т. I. Вып. 2. 270 с.

19. Эфендиева А.Д. Заимствования из восточных языков в русском языке позднего средневековья (XVI-XVII вв.): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1975. 16 с.

20. Эфендиева А.Д. Языковые контакты: восточные заимствования в русском языке (К постановке проблемы) // Очерки по исторической лексикологии русского языка. СПб.: Наука, 1999. С. 75 – 81.

References

1. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. YAzykoznanie. M.: Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 1998. 683 s.

2. Istoriya leksiki russkogo literaturnogo yazyka konca XVII – nachala XIX veka. M.: Nauka, 1981. 374 s.

3. Krysin L.P. Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke. M.: Nauka, 1968. 208 s.

4. Mugumova A.L. K probleme oriental'nogo leksicheskogo vliyaniya na yazyk russkoj hudozhestvennoj literatury 20-30-h godov XIX v. (na materiale proizvedenij M.YU. Lermontova): dis. ...kand. filol. nauk. Mahachkala, 1999. 218 s.

5. Mugumova A.L. Tyurkizmy, usvoennye russkim nacional'nym yazykom v nachal'nyj (konec XVII – nachalo XVIII vv.) period ego formirovaniya, v

«Slovarе Akademii Rossijskoj». Vestnik MGOU. Seriya: «Russkaya filologiya». 2011. № 6. S. 25 – 30.

6. Mugumova A.L. Psevdotyurkizmy arabskogo proiskhozhdeniya, usvoennye v predpushkinskuyu epohu formirovaniya novogo russkogo literaturnogo yazyka XVIII – nach. XIX v., v lingvograficheskom i istoriko-etimologicheskom aspektah. Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2013. № 2 (18). S. 195 – 198.

7. Mugumova A.L. Tyurkizmy i persizmy, usvoennye v predpushkinskuyu epohu formirovaniya novogo russkogo literaturnogo yazyka (XVIII – nachalo XIX vv.), v istoriko-etimologicheskom i lingvograficheskom aspektah. Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya». 2015. № 4. S. 38 – 43.

8. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure...2021> (data obrashcheniya: 15.08.2021)

9. Programma discipliny «Istoriya russkogo yazyka» dlya gosudarstvennyh universitetov. M.: Izd. MGU, 1986. 41 s.

10. Slovar' russkogo yazyka HVIII v. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc>. (data obrashcheniya: 15.08.2021)

11. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.-L., M.: Izd. AN SSSR, 1948. Т. 1. 768 с.

12. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.-L., M.: Izd. AN SSSR, 1959. Т. 9. 1584 с.

13. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.-L., M.: Izd. AN SSSR, 1961. Т. 12. 1676 с.

14. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.-L., M.: Izd. AN SSSR, 1962. Т. 13. 1516 с.

15. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.-L., M.: Izd. AN SSSR, 1964. Т. 16. 1610 с.

16. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1991. Т. 1. 864 с.

17. Sorokin YU.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-90-e gg. XIX v. M.-L.: Nauka, 1965. 565 с.

18. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.: Izd. MGU, 1965. Т. I. Vyp. 2. 270 с.

19. Efendieva A.D. Zaimstvovaniya iz vostochnyh yazykov v russkom yazyke pozdnego srednevekov'ya (XVI-XVII vv.): avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. L., 1975. 16 с.

20. Efendieva A.D. YAzykovye kontakty: vostochnye zaimstvovaniya v russkom yazyke (K postanovke problemy). Oчерки по исторической лексикологии русского языка. СПб.: Наука, 1999. С. 75 – 81.

**ABOUT SOME ORIENTALISMS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN
LANGUAGE OF THE LATE XVIII-EARLY XIX CENTURIES**

*Mugumova A.L., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State Pedagogical University*

Abstract: the article is devoted to the systematic comparative and historical study of Orientalisms in the history of the Russian language of the late XVIII – early XIX centuries. Its goal, due to the insufficient combined study of the problems of this study – individual publications, including the contribution of the author of this work, is to analyze and summarize the data contained in them. Among the tasks of the article are the identification of orientalisms and their historical and etymological characterization, along with the establishment of ways of their penetration into the Russian language of the late XVIII – early XIX centuries. The practical material of the work was the data of interpretative and academic dictionaries of the era in question. In the absence of pseudo-Turkisms of Arabic and Persian origin, in academic dictionaries, along with the nogaism *kizil*, a number of Tatarisms were established, as well as assimilations from the Crimean Tatar, Kumyk and Turkish languages. Exotic Turkisms of Arabic and Persian origin that penetrated through the Kumyk, Azerbaijani and Turkish languages were revealed in explanatory dictionaries. The results can be practically applied in university courses in the history of the Russian language, as well as in special disciplines devoted to the historical and etymological study of Russian vocabulary.

Keywords: orientalism, Russian, late XVIII – early XIX centuries, pseudo-Turkism, exotism

ОХОТА И РЫБАЛКА КАК БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТЫ АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Захарова А.С., доцент,

Штарк Ю.А., доцент,

Волгоградский государственный аграрный университет

Аннотация: процессы семиотизации бытия и формирования лингвокультуры инициируются регулярным расширением и фильтрацией набора номинаций, пополнением словарного состава национального (английского) языка, внесением изменений в семиотическую картину мира его носителей вследствие исторических формаций, смены поколений, глобализации образного мышления, научной и религиозной картин мира нации, ее экономического развития и другими причинами. Лингвосемиотическая картина мира возникает в динамическом процессе семиозиса, в котором участвуют знаки, фиксируемые в общенациональном менталитете и отраженные в дискурсах и текстах изучаемого исторического промежутка как периода становления лингвокультуры англоязычного этноса. Когнитивное освоение человеком окружающего мира, в частности таких дающих ему жизнь сфер, как охота и рыбалка, неразрывно связано с семиозисом, который, в свою очередь, трактуется учеными как «означивание», процесс «знакового представления информации и использования знаков во всех сферах природной и социальной жизни, где имеют место информационные процессы». Изучение базовых концептов охоты и рыбалки в англоязычной культуре, некоторые наблюдения которого представлены в данной статье, позволяет приблизиться к семиотическим основаниям становления и нынешнего состояния англосаксонской ментальности и продемонстрировать, как номинации и декларируемые ценности приобретают статус лингвистических маркеров той или иной типичной социальной/коммуникативной ситуации, а их лингвосемиотический и семантический анализ дает возможность спрогнозировать и объяснить причинно-следственные связи социолингвистического характера.

Ключевые слова: концепт, охота, рыбалка, семиозис, лингвосемиотическая картина мира, англоязычная культура

По словам А.В. Олянич, чья научная школа много лет занималась изучением данного семиозиса, охота и рыбалка с древних времен представляют собой способ выживания человека как вида. Невозможно представить эти немаловажные области без знаков, которые обеспечивают их существование, способствуют получению информации о дикой природе как источнике пропитания человека, и, соответственно, формированию особого типа коммуникации [4]. Цель и задача охотничьего и рыболовного дискурсов заключаются в поиске, обнаружении и добыче трофея, умерщвлении живого существа ради человеческого потребления при обязательной интенсивной и кропотливой информационной и материальной «подготовке». Вся совокупность коммуникативных действий, договоренностей и контактов охотника или рыбака веками протекала в условиях непрекращающегося гуманитарного конфликта с природой, требовала от человека определенного поведенческого опыта, глубинных знаний как об обитателях местных лесов и водоемов, составляющих объекты охоты, так и о том семиотическом пространстве, в котором разворачивалось такое противостояние. Своеобразный знаковый диалог складывался между охотником и лесом, рыбаком и морем/рекой веками, и особенно значимым он остался до сегодняшнего момента в островном государстве Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Итогом этого семиотического конгломерата явилось формирование в англоязычном сознании и культурном опыте мощной когнитивной системы

взаимоотношений человека и природы в целом. Лингвосемиотическое пространство охоты и рыбалки исторически репрезентировано в культуре англосаксов средой обитания объектов охоты – диких животных, птиц и рыб – и стало основой дискурса субъектов и объектов охоты – промысловиков, охотников, птицеловов и рыбаков.

Охота и рыбалка входили в число базовых культурных концептов Британии с доисторических времен: доказательства того, что неандертальцы охотились на мамонтов и шерстистых носорогов, перегоняя их через скалы были найдены на территории Ла-Кот-де-Сент-Бреладе на острове Джерси, Англия. Эти ключевые виды промыслов, которые определили профессиональную принадлежность современных охотников, собирателей и рыбаков были зафиксированы в исторических хрониках еще до одомашнивания животных и зарождения сельского хозяйства. Еще до прихода на остров римлян, которые согласно хроникам привезли в Англию свои породы кастирианских и фульпинских гончих, в кельтской Британии активно процветала охота с гончими породы *Agassaei* [3]. Римляне также импортировали на территорию современной Великобритании бурого зайца (местным считается только заяц горный породы), ланьидикого кабана. В 1534 году, в Норфолке на востоке Англии была предпринята самая ранняя исторически зафиксированная попытка целенаправленно поохотиться на лису с собаками, после чего попытки периодически преследовать лис с участием собак регулярно предпринимались

фермерами, которые считали лис животными-вредителями. В конце 17 века англичане впервые начали специально тренировать стаи гончих для охоты на лис, при этом самым древним зафиксированным в хрониках мероприятием такого рода можно назвать Билсдейл в Йоркшире [2]. В этих же годах многие организованные стаи гончих охотились на зайца, лису и других диких животных, при этом король забирал подстреленную дичь только у охотников, находящихся в подчинении. Рыбаки же могли продавать улов таким же простым беднякам, каким являлись они сами. Эта тенденция находит свое отражение в английском фольклоре.

В 18 и 19 веках стала более популярной игровая/спортивная стрельба, что случилось в частности благодаря усовершенствованию дробовиков. Ради сохранения популяции фазанов егеря избавлялись от лис, хищных птиц, сорок и других конкурирующих видов животных, практически истребив их в популярных среди охотников областях, при этом землевладельцы улучшали и разрабатывали принадлежащие им территории с целью разведения дичи, которая пользовалась популярностью среди охотников. В 1831 году смягчили законы об охоте настолько, чтобы любой желающий смог получить разрешение на отстрел охотничьих птиц, кроликов, зайцев, при том, что отстрел любых птиц или животных на чужой территории без разрешения владельца тогда и сейчас считается браконьерством.

Охота на оленей и кабанов в традиционном понимании этого сложного и во многом условного ритуала считалась прерогативой высших классов английского общества, иногда даже ограничивалась членами королевской семьи. Традиционно охота читалась элитным видом спорта для представителей знати: многие английские короли и королевы регулярно принимают участие в охоте и стрельбе, например, 18 декабря 1913 года король Георг V застрелил более тысячи фазанов, большими ценителями этого вида спорта/развлечения являлись король Эдуард VII, король Георг VI и принц Филипп, хотя правящая королева Елизавета II не охотится [5]. В Шотландии стрельба также всегда была модным видом спорта среди владельцев больших поместий. Именно викторианцев вдохновляли романтические образы Шотландского нагорья. Неудивительно, что концепты охоты и рыбалки также отражены в английском искусстве: художники Heywood Hardy, John Sanderson, George Goodwin Kilburne обращаются к греческой мифологии, историям о божествах-охотниках Диане и Актеоне, о Венере и ее любви к Адонису, который был убит кабаном во время охоты. Начиная с "Охоты в лесу" Уччелло (Uccello's The Hunt

in the Forest of c.1470), "Охоты на кабана" (Boar Hunt, середина 17 века, студия Франса Снайдерса, и заканчивая ужасной картиной Ландсеира "Пронзенная копьём выдра..." (The Otter Speared, Landseer, 1844), охота была одним из проявлений нематериального культурного наследия в живописи, источником культурной идентичности британцев [2]. Чрезвычайно важны взаимосвязь и взаимовлияние материального и нематериального наследия, и эти отношения следует понимать как динамические, а не статические. Художники противопоставляют характеристику материального наследия музеоцентризма или объектоцентризма, фокусирующегося на прошлом, с нынешней и даже будущей жизнеспособностью культуры и важностью ее носителей, охотников и рыболовов, что является ключом к пониманию нематериального культурного наследия [3, с. 27-28]; [1]. Процесс гуманизации права культурного наследия, участие в нем здесь и сейчас гораздо более полным образом возможен в области нематериального культурного наследия.

В Соединенном Королевстве термин "охота без квалификации/hunting without a license" обычно используется для обозначения охоты с гончими, как правило на лис, на оленя, на норок (stag (deer) hunting, deerstalking, beagling, minkhunting), тогда как термин shooting обозначает отстрел охотничьих птиц. По данным Британской ассоциации охоты и охраны природы (BASC), в подобном роде деятельности, включая преследование животного, стрельбу, охоту, поражение мишеней, ежегодно участвуют более миллиона человек в год [1]. Для проведения таких мероприятий промыслового, любительского или спортивного характера в Великобритании требуется действующая лицензия на огнестрельное оружие и определенного вида страховка.

С 2020 года в Великобритании и Северной Ирландии охота на дичь и оленей проводятся в качестве полевых видов спорта, также официально зарегистрирована спортивная рыбалка. Охота с гончими традиционным способом стала незаконной в Шотландии в 2002 году и в Англии и Уэльсе в 2005 году, но продолжается в определенных приемлемых формах. В Северной Ирландии продолжается традиционная охота на лис. Следование по следу (аналогично охоте на раненых/больных животных), а не отстрел живой добычи, впоследствии приобрело большое значение в Великобритании, как и охота на лис с помощью хищных птиц. В 2005 году в Англии и Уэльсе стало незаконным стрелять в охотничьи птицы, когда они не находятся в полете, – действие, которое долгое время просто считалось неспортивным.

В Великобритании для описания охоты в ее европейском значении обычно используется термин "полевые виды спорта". Новичку важно знать, что слово "hunting" обычно используется для обозначения охоты с собаками на млекопитающих и вредителей. Использование огнестрельного оружия для стрельбы по рукотворным мишеням или для стрельбы по видам птиц и млекопитающих в совокупности называется "shooting". Примерами других видов спорта в Великобритании, являются рыбная ловля (fishing or angling) и соколиная охота (falconry). В Великобритании существует множество членских организаций, которые предоставляют услуги тем, кто интересуется полевыми видами спорта. Официальным документом, регулирующим практику охоты (стрельбы) в Соединенном Королевстве с законодательной точки зрения, является Закон о дикой природе и сельской местности 1981 года (Wildlife and Countryside Act 1981). Охота с гончими регулируется Законом об охоте 2004 года (Hunting Act 2004). Проведение загородных видов спорта в Соединенном Королевстве регулируется рядом ассоциаций, и эти виды спорта подлежат различной степени правового регулирования.

Выслеживание, преследование, убийство, погоня, разделывание мяса, поедание и совместное использование мяса (tracking, stalking, killing, giving chase, butchering, eating, and sharing meat) – это основные виды деятельности из набора базовых навыков, которыми должны овладеть успешные охотники и рыбаки. Tracking как таковой предполагает более глубокую интернализацию "сознания", поскольку выражает различные привычки – идущий по следу должен понять менталитет животного. Отслеживание (или "считывание знаков/reading signs"), присущее как охоте, так и рыбалке, может трактоваться как вербальный, так и визуальный семиозис – интерпретирующий "знак". Возможно, что, когда наши первобытные предки, наделенные невероятно острыми зрительными системами, начали ходить по саванне, они также с возвышенной перспективы поняли, как читать, понимать и следовать по следам. Это предположение распространяется на возможность того, что гоминиды интерпретировали свои собственные следы, применили сознание и создали другую знаковую систему, человеческий язык, с помощью которой они смогли передавать свои идеи. Построение живого "ландшафта", Umwelt, из которого люди веками получали средства к существованию, требует эквивалента значения, который связывает фактическое поведение животных с их следами и с элементарным ансамблем географии места. Таким образом, выслеживание и охота становятся «логосами». Традиционно и ис-

торически сформулированные акты убийства животного/рыбы и их смерти, охоты и еды представлены и в современном языке экосемиотически, ежедневно и неизбежно, в сознании и на практике. В этих неразрывных экзистенциальных коммуникативных действиях выслеживание и охота становятся логосами, формами языка, которые существуют для интерпретации и пригодны для общения. Таким образом, в только что описанном интерактивном сложном контексте логос является естественным феноменом.

Каким бы ни был мотив охоты и рыбалки (светский, религиозный, личный вызов, сафари, приятное развлечение, необходимость и пр.) – дискурс предполагает убийство, смерть. В дополнение к чувству победы, собственного превосходства, ради которых, по их же признанию, охотники и рыболовы занимаются этим, концепт имплицитно и другие эмоции: срочность/поспешность, отчаяние и разочарование, и гораздо больше прочих, все в равной мере, если в коммуникативном событии участвуют деньги, употребление алкоголя, соревнование и удача. Однако нет сомнений в том, что за ту же сумму денег (включая деньги, потраченные на огнестрельное оружие, оптические прицелы, камуфляжные костюмы, очки ночного видения и прочую экипировку) можно было бы приобрести эквивалент (или большее количество) питательных продуктов питания. В этом и кроется любопытное наблюдение: спортивность, традиционность, социальный престиж, стремление доказать что-то о себе единомышленникам и непричастным обывателям лежит в основе англоязычного менталитета, является частью их культуры, как впрочем, наверняка, и частью многих других культур. То, что могло бы быть (и остается) сложной кодой действий, изобилующей интерпретативными возможностями (партнерство с другими охотниками/рыбаками, желание добычи, выезд/дальние путешествия, сравнение себя с властью, предержащими/знатью, легализация убийства, эмоциональный выплеск, удовлетворение от добычи, похвальба результатом) в наши дни часто сводится к негуманному и потребительскому отношению к природе, неэкологичному истреблению, отдалению от естества, отказ от гармоничного сосуществования с природой, что также декларируется в англоязычном обществе как непреложная ценность.

Ввиду универсальности ратификации Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (ICH) 2003 года [3], нет сомнений в том, что нематериальное культурное наследие является не только неотъемлемой частью культурного наследия, но, что более важно, элементом, который, с одной стороны, является

наиболее обширным, а с другой стороны, вызывает наибольшее количество вопросов и сомнений.

Примером такой критики может служить деятельность некоторых активистов, которые отрицают любое вмешательство в природную среду, в том числе деятельность охотников и рыболовов, сокращающих чрезмерную численность отдельных видов животных и рыб. Нарратив таких критиков часто основан на пробуждении общественных эмоций через олицетворение, путем очеловечивания животных—придания им человеческих черт, их изображения на умильных фотографиях или текстовые ссылки на молодых животных (baby scheme), что всегда усиливает имплицитную идею, как в следующем примере: “Охотники убивают детенышей благородного оленя и лани, косули, муфлона, дикого кабана. Они убивают детей. Они способны на убийство малышей одного дня от роду” [5]. Кроме того, киберзапугивание, направленное на охотников, развивается все больше и больше, и со временем оно часто перерастает в экотерроризм [4].

Негативной стигматизации необходимой деятельности охотников, осуществляемой – даже добросовестно – во имя политической корректности можно противопоставить факт их признания заслуживающими защиты в рамках нематериального наследия. Признавая пределы применения этой конвенции, основанной на правах человека, исследователи заявляют, что в список могут быть включены только индивидуальные, национальные примеры охотничьих обычаев, связанных с ними ритуалов и размышлений об их культурном измерении [5, с. 394]. В рамках такого подхода решение 2016 года о соколиной охоте, живом человеческом наследии [5] можно считать примером включения в этот репрезентативный список. Охота считается формой нематериального наследия, проявляющегося в знании природы и Вселенной, а также в соответствующей практической деятельности. Именно с этой позиции можно было бы оценить английскую охоту на лис, но этот метод охоты с участием собак был запрещен Законом 2004 года [4]. Что касается соколиной охоты, признанной наследием, охраняемым конвенцией, то подчеркивается, что это все больше связано с сохранением природной среды. Можно утверждать, что такая техника охоты основана на содержании в неволе охраняемых видов хищных птиц [5]. Однако преобладает положительная оценка соколиной охоты, охватывающая не только историческую и культурную сферы [2], но и современную роль, заключающуюся, например, в повышении безопасности аэропортов. Работа сокольников в аэропортах заключается в том, чтобы отпугивать птиц, чтобы не было столкновений со взлетающими

ми или садящимися самолетами, которые могли бы представлять угрозу для жизни и здоровья пассажиров и экипажа.

Охота и рыбалка как национальные традиции подразумевают эстетичные и многозначные ритуалы, специфическую одежду и оборудование, участие лошадей и гончих, а не только диких животных, которых сегодня заменяют на «искусственный след». Это старинные разновидности развлечений, а англичане, как известно, большие любители старых добрых традиций. Охота и рыбалка – особые философии сознания, мировосприятия, постижения человеком окружающего мира и осмысления, реализации в нём определенной личности. Как смысловая сущность рыбалка и охота открывается не всем, не все в неё могут проникнуть, но нет и никаких запретов и ограничений для кого-то на её постижение. Просто в современном прагматично-рационально-меркантильном мире не у всех есть внутренняя потенция и нужная модальность для перехода в неприземлённую реальность, туда, где время жизни не идёт вперёд. В своём философско-смысловом раскрытии охота и рыбалка – это множество соприкасающихся, налагающихся друг на друга и взаимопроникающих мыслей, планов, фокусов, картин, действий, эмоций, реалий, денотатов и фантазий человека, сливающихся воедино и создающих особые человеческие состояния, образующих душу рыболова и охотника. С формирования этих представлений и пониманий, наполнений и связей начинается собственный путь человека к рыбалке или охоте, к той жизненной параллели, которой у лингвистов есть название концепт и элемент национального языкового сознания.

Литература

1. Lyapina A.V. The Experience of Man and Nature Interaction in the Specialized Print Publications of the Late 19th Century (A Case Study of Magazines “Nature and Hunting” and “Russian Hunter”) // Vestnik NSU. Series: History and Philology. 2019. Vol. 18. № 6: Journalism. P. 49 – 61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-49-61
2. Milcu A.I., Hanspach J., Abson D., Fischer J., 2013. Cultural ecosystem services: a literature review and prospects for future research. Ecol. Soc. 18, 44.
3. Williams R. (2008) Changing constructions of identity: fisher households and industry restructuring. Unpublished PhD thesis. Newcastle University.
4. Васильченко Ю.А., Олянич А.В. Лингвосомиотика охотничьей коммуникации: Монография. Волгоград, 2014, 140 с.
5. Guidelines for the Preparation of Serial Nominations to the World Heritage List. 2016. Whc.unesco.org. Retrieved 15 April 2016, from <http://whc.unesco.org/archive/serial-noms.htm>

References

1. Lyapina A.V. The Experience of Man and Nature Interaction in the Specialized Print Publications of the Late 19th Century (A Case Study of Magazines "Nature and Hunting" and "Russian Hunter"). Vestnik NSU. Series: History and Philology. 2019. Vol. 18. № 6: Journalism. P. 49 – 61. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-6-49-61
2. Milcu A.I., Hanspach J., Abson D., Fischer J., 2013. Cultural ecosystem services: a literature review and prospects for future research. Ecol. Soc. 18, 44.
3. Williams R. (2008) Changing constructions of identity: fisher households and industry restructuring. Unpublished PhD thesis. Newcastle University.
4. Vasil'chenko YU.A., Olyanich A.V. Lingvosemiotika ohotnich'ej kommunikacii: Monografiya. Volgograd, 2014, 140 s.
5. Guidelines for the Preparation of Serial Nominations to the World Heritage List. 2016. Whc.unesco.org. Retrieved 15 April 2016, from <http://whc.unesco.org/archive/serial-noms.htm>

HUNTING AND FISHING AS BASIC CONCEPTS OF ENGLISH CULTURE (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

*Zakharova A.S., Associate Professor,
Shtark Yu.A., Associate Professor,
Volgograd State Agrarian University*

Abstract: the processes of semiotization of being and the formation of linguistic culture are initiated by regular expansion and filtering of the set of nominations, replenishment of the vocabulary of the national (English) language, changes in the semiotic picture of the world of its speakers due to historical formations, generational change, globalization of imaginative thinking, scientific and religious worldview of the nation, its economic development and other reasons. The linguosemiotic picture of the world arises in the dynamic process of semiosis, which involves signs fixed in the national mentality and reflected in the discourses and texts of the studied historical period as the period of the formation of the English-speaking ethnic group-linguoculture. The cognitive development of the surrounding world by a person, in particular such spheres that give him life as hunting and fishing, is inextricably linked with semiosis, which, in turn, is interpreted by scientists as "signification", the process of "symbolic representation of information and the use of signs in all spheres of natural and social life, where information processes take place". The study of the basic concepts of hunting and fishing in the English-speaking culture, some observations of which are presented in this article, allows us to approach the semiotic foundations of the formation and current state of the Anglo-Saxon mentality and demonstrate how nominations and declared values acquire the status of linguistic markers of a typical social/communicative situation, and their linguosemiotic and semantic analysis makes it possible to predict and explain the cause-and-effect relationships of a sociolinguistic nature.

Keywords: concept, hunting, fishing, semiosis, linguosemiotic picture of the world, English-speaking culture

ПРОБЛЕМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ

*Гальченко С.И., кандидат исторических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет*

Аннотация: статья посвящена важному социолингвистическому явлению – развитию и взаимодействию иностранных языков, обусловленных мировой интеграцией и англо-американской экспансией. Отмечается нарастающее мощное и интенсивное влияние английского языка, а именно его американского варианта, на европейскую культуру в целом и ее языковую составляющую в частности. Автор объясняет сложившуюся ситуацию непростыми политическими и социально-экономическими проявлениями, наблюдающимися в последнее время в странах европейского континента. По мнению автора, причина этого вопроса детерминирована интенсивностью продвижения иноязычной лексики, в данном случае англицизмов, и скоростью их распространения и укрепления в родственных европейских языках. Автор полагает, что в данном контексте уместна тема возможного целенаправленного прессинга в отношении немецкого языка, что неизбежно приведет к масштабной лингвистической атаке. В статье отмечается, что процесс языковой манипуляции тесным образом связан с положением немецкого языка на данном этапе развития общества и направления его важнейших преобразований. С целью конкретизации основного движения эволюции современного немецкого языка целесообразно исследовать основные компоненты этой так называемой «языковой манипуляции». Прежде всего, сюда следует отнести общественно-государственные преобразования мирового пространства, в том числе охватившую в последнее время всю Европу интеграцию и отметить особо важную роль в развитии любого языка, в том числе и немецкого, современных цифровых средств массовой информации и коммуникации. В предложенных обстоятельствах автор подчеркивает важность также индустриальной и информационно-когнитивной составляющей глобализационных мероприятий. Автором акцентируется особая роль современных возможностей рекламной индустрии в процессе англиканизации немецкого языка и американизации всей европейской культуры. В данном исследовании говорится о влиянии экономических факторов, таких как возникновение транснациональных полилингвальных бизнес-корпораций и образование новой структуры – суперэкономического «трансатлантического» континента. В рамках анализируемого предмета автор поднимает проблему интерференции немецкого языка не только на вокабулярном и идиоматическом уровне, но также на синтаксическом и грамматическом, что может угрожать самобытности национальных европейских языков.

Ключевые слова: немецкий язык, процесс глобализации, языковая манипуляция, межнациональные контакты, международная политика, англицизмы, американизмы, средства массовой информации, аккультурация, национальный язык, сотрудничество, рекламный бизнес, общественные отношения

Введение

Наблюдающаяся в последнее экспансия английского языка на европейскую часть света становится столь мощной по своему напору и выраженности, что перед учеными германистами-лингвистами возникает насущная проблема закономерности и необходимости данного процесса в определенных условиях языкового развития и конкретно-исторической обстановки. Является ли данная ситуация следствием непростых политических и социально-экономических проявлений актуальных для современной Европе? Не вызывает сомнений взаимовлияние и взаимопроникновение языков, особенно, если они имеют общее родство, то есть принадлежат к одной языковой семье [4]. Суть вопроса заключается в интенсивности продвижения иноязычной лексики, в данном случае англицизмов, и темпе их внедрения и закрепления в языке-реципиенте. Другими словами пристального внимания филологов-германоведов заслуживает тема потенциального намеченного, прицельного давления на немецкий язык, что ведет к массовому лингвистическому контролю. Для рассмотрения этого вопроса требуется, по крайней мере, в целом проанализировать положение

немецкого языка на текущий момент и обозначить главный вектор его изменений [1]. С целью конкретизации основного направления эволюции современного немецкого языка целесообразно исследовать основные компоненты этой так называемой «языковой манипуляции» [2]. Прежде всего, сюда следует отнести общественно-государственные преобразования мирового пространства по окончании Второй мировой войны, которые стали особенно заметно проявляться спустя двадцатилетие после свержения нацистского режима. Кроме того, особо значимую роль в развитии любого языка, в том числе и немецкого, играют средства массовой информации, в том числе электронные массмедиа и всемирная Сеть. Не следует забывать также и об индустриальной и информационно-когнитивной составляющей глобализационных мероприятий. Нельзя сбрасывать со счетов и охватившее всю Европу объединение.

Результаты и обсуждение

Метаморфозы в нынешнем обществе в целом, затрагивающие и непосредственно государства Европы, позволяют наблюдать следующие тенденции, которые сводятся к трем основным понятиям: *Egalisierung* «выравнивание в правах»,

Engagement «социальный подъем» и Emanzipation «эмансипация» [2]. Под этим подразумевается стремление к усиливающейся взаимной доступности всех общественных групп и, кроме того, все социально активней и значимей становятся представители различных слоев, активно проявляющие себя в разнообразных общественных акциях: молодежных, феминистских, в мероприятиях по сохранению окружающей среды, за равноправие граждан и т.д. Перечисленные нами преобразования в общественно-государственной сфере естественным образом отразились на немецком языке: на сегодняшний день не осталось ни одного социального класса или уровня людей, который бы претендовал на образцовое и общественно правомочное и статусное осуществление языкового поведения в устной и письменной речи [6]. Соответствующая литературным требованиям модель как одна из вариаций существования немецкого языка является средством коммуникации в одинаковой мере для разных социальных категорий граждан, однако применение тех или иных образцов и фигур речи, тем не менее, варьируется в зависимости от конкретных локальных, оперативных и денотативных ситуаций. Примечательно, что эти ситуации больше не находятся в имевшем ранее место быть так называемом субординационном рейтинге, а рассматриваются участниками коммуникационного процесса, для которых немецкий язык является родным языком, совершенно адекватными и паритетными [6]. Решающую роль в этом процессе играют средства массовой информации, прежде всего электронные. Впервые слово «массмедиа» (средства массовой информации, СМИ) как языковая единица появилось в немецкоговорящей аудитории в 1963 на страницах культурной газеты «Die Welt» и сразу же оно легко ассимилировалось, получив форму только множественного числа die Massmedien [2]. Электронные средства массовой информации оказывают на язык наибольшее влияние, выработав уже свой специфический тезаурус, понятный их пользователям и где, безусловно, ярко выражено воздействие на него английского языка. Победное шествие английского языка по миру в противоположность остальным языкам, таким как испанский, французский, русский или китайский, не лимитировано только применением его в определенной плоскости и каким-нибудь одним социальным контингентом [5]. Английский язык в современном мире служит средством передачи информации, пусть и с разной интенсивностью и частотой, между людьми независимо от их происхождения, социальной принадлежности и уровня образования. В то же время, подчеркивается особый статус английского языка, который выступает как

способ социокультурной тождественности коммуникантов, а не как lingua franca [2]. Реформация затрагивает не только словарный состав и фразеологические единицы немецкого языка. Видоизменениям подвергается также и синтаксический строй, и грамматические структуры, что является свидетельством значительной интерференции и, в свою очередь, является поводом для обеспокоенности многих профессиональных филологов [6]. Наряду с этим существует и несколько другие точки зрения, когда английский язык рассматривается как некая целостная субстанция, как функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков. Эта ситуация, в свое время, была характерна для латинского языка [3]. В эпоху раннего Средневековья вплоть до XVIII в. латынь исполняла роль так называемого межнационального койне благодаря процессу взаимовлияния культур (обмен культурными особенностями), что подразумевает восприятие одним народом полностью или частично культуры другого народа. При этом оригинальные культурные модели одной или обеих групп могут быть изменены, но и группы по-прежнему различны. Следует различать аккультурацию и ассимиляцию, при которой происходит полная утрата одним народом своего языка и культуры в контакте с другим, более доминантным [3]. Нечто подобное происходило и с французским языком. Так, долгое время на французском языке говорило все образованное европейское дворянство, в том числе и российское. Ни римляне, ни французы не стремились насильственно насаждать свою культуру, частью которой является язык, не ставили перед собой задачу экспортировать свой лексикон в другие языки. Как раз напротив, представители этих языков совершенно на добровольных началах старались в общении использовать латынь и французский язык, придавая им статус второго языка, так как это считалось правилом хорошего тона и характеризовало говорящего, как человека образованного, прогрессивного и идущего в ногу со временем. Процесс аккультурации, при этом, происходил абсолютно без ущерба для родного языка, привнося в него разнообразие и обогащая его [7]. Следует признать, что отнюдь не всякий акт лингвистического взаимодействия влечет за собой положительное влияние на принимающий язык, то есть пополняет его новыми лингвистическими моделями и единицами. Впрочем, необходимо согласиться с тем фактом, что желание заинтересовать публику, выделиться каким-нибудь свойством или качеством, заставить поверить себе достаточно широко

практикуется во всем мире [9]. В случае, когда все эти усилия венчаются успехом только за счет вовлечения в этот процесс иноязычных заимствований, то критика в данном случае не совсем уместна. В качестве примера можно обратиться в рекламной индустрии. Так, рекламный слоган, который содержит в себе англоязычное обозначение, и в самом деле воздействует на целевую аудиторию в большей мере и в нужном объеме [2]. Совсем другая картина наблюдается в случае излишнего, необоснованного использования американизмов в немецко-говорящей языковой коммуникативной ситуации. Современный немецкий язык – это комплексная суперструктура, включающая в себя несколько самостоятельных подструктур, объединенные под названием – варианты (Varietäten). К ним можно отнести: 1) локальные, состоящие из региональных наречий и местного говора; 2) общественные, объединяющие в себе жаргонизмы и лексику определенных групп людей; 3) личностные, состоящие в основном из индивидуальных речевых и языковых экзерцизов отдельных людей и т.д. [2]. Все эти позиции должны быть учтены, когда речь идет о лексических и грамматических трансформациях в немецком языке. Засилье англицизмов в рекламной индустрии, а также стремление перейти от сочетания слов (словоформ), представляющее собой синтаксическую единицу – словосочетание, предложение, или вообще любое относительно законченное высказывание к инкорпорирующему словообразованию, – к единому морфологически сложному слову, то есть инкорпорации, не доказывает присутствие масштабных преобразований немецкого языка в целом, а только наличие модификации лишь определенных его уровней. Инкорпорация характерна для синтетических и полисинтетических языков, при этом существуют и аналитические языки, в которых встречаются подобные явления [9]. Инкорпорирование как лексико-синтаксический инструмент создания новых лексем приобретает в настоящее время всё большую актуальность и привлекательность, так как оно позволяет компактно, сжато и ёмко выразить мысль, которая иначе бы выражалась более длинной фразой. В германских языках возможно инкорпорирование преимущественно с подчинительной связью конститuentов [9]. Особо следует обратить внимание на изменение пропорций этих вариантов суперструктуры немецкого языка, вследствие поступательного стирания граней между отдельными вариантами языка и его литературным стандартом. Подобные моменты проявляются, в первую очередь, в результате тесного соприкосновения диалектной и литературной лексики, при динамичном участии современных масс-медиа. В конечном счете, выразители диа-

лектных разновидностей в отдельных регионах Федеративной Республики Германии, например, в северных ее областях, методично и незаметно приходят к территориальному подэталону. Южные Федеральные Земли вырабатывают свою специфическую просторечную литературно-стандартную языковую среду [11]. Как результат, мы имеем целенаправленное уравнение вербальной и книжной/печатной формы языка. Таким образом, мы сделали краткий анализ состояния немецкого языка на современном витке его эволюции, при котором складываются благоприятные условия, по мнению ведущих лингвистов-германистов, для форсированной крупной лингвистической атаки – прицельному, подготовленному воздействию англоязычной экспансии в отношении немецкого языка. Большинство компетентных ученых-филологов, занимающихся проблемами немецкого языка, сходятся во мнении, что немецкий язык подвергается англиканизации и значительно в большей мере, чем любой другой европейский язык, им довольно успешно манипулируют и американизируют [6]. Происходит это не при участии рядовых граждан. Этот «социальный заказ» выполняют небольшая команда государственных чиновников и олигархов, причастных к рекламному бизнесу, стоящих во главе крупных международных экономических корпораций, банковских систем, спортивных федераций и политических альянсов. Процесс англиканизации немецкого языка осуществляется при активной поддержке современных средств массовой информации, располагающие внушительным арсеналом методов, способов и каналов, через которые они управляют своей обширной аудиторией. Далеко не последнюю роль играют при этом музыкальные хиты, рок- и рэп-композиции, распеваемые и читаемые, главным образом, по-английски в его американской версии [10]. Американская культурная традиция проникла во все сферы общественной жизни. Ее влияние можно наблюдать в телеиндустрии, что проявляется в засилье огромного количества развлекательных каналов и низкосортных шоу. Телевизионный товар США в мгновение ока расплодится по всему миру. Достаточно упомянуть здесь о безумной популярности Микки Мауса, Терминатора и огромного количества, открытых во всех странах «Макдональдов», щедро снабжающие немцев гамбургерами, сэндвичами, наггетсами и неизменной Coca Cola. Ярчайшим примером американской гегемонии служит засилье американских промышленных гигантов, потенциал которых возрастает в прямой пропорции с появлением цифровых устройств коммуникации, вследствие чего, доля совместных американских экономических компаний по всему

миру выросло в 10 раз [7]. Кроме того, распространению американской культуры способствуют широкое внедрение и дальнейшее совершенствование английского языка, который постепенно утрачивает статус иностранного и приобретает статус международного языка, то есть мы уже не отождествляем его с Объединенным Королевством Великобритании, а считаем его языком мировой экономической и политической элиты [5].

Считается, что Соединенные Штаты Америки возглавляют процесс интеграции. Современные коммуникационные системы и средства массовой информации являются мощным и действенным средством лоббирования английского и американских культурных домов в мировом масштабе. Однако ведущие языковеды сходятся во мнении об искусственности процесса распространения английского языка, его возвеличивании по отношению к другим национальным языкам, управляемый политическим истеблишментом США, имеющим своей конечной целью внедрение своих культурных ценностей и установок [8]. Для того, чтобы гарантировать успешную реализацию взаимодействия международных ассоциаций, занимающие лидирующие позиции на мировой арене, английский язык был включен в обязательный протокол ведения переговоров и заключения договоров как минимум при оформлении особо крупных финансовых и коммуникационных каналов. Вместе с тем пиар-индустрия, бизнес управления, воздействие на клиентскую базу шаг за шагом перемещается в плоскость владения английским языком, потому что транснациональные монолингвальные акции в рекламных целях по себестоимости гораздо менее затратны в плане вложения в них финансовых усилий [4]. Большинство значительных германских компаний и бизнес-групп после восстановления территориальной и государственной целостности в 1989 году осуществляют свою деятельность под непосредственным покровительством и контролем их американских кураторов. Это приводит ко все большей ориентации на американскую деловую культуру; так, например, пропагандируются американские названия профессий (*american job titles*) – даже вне ситуации межкультурной коммуникации. Энергичный и напористый американский подход в рекламе является более эффективным. В случае если пиар-менеджеры ментально соответствуют английскому стилю, это позволяет достигнуть максимальный долгосрочный коэффициент полезного действия, так как отсутствует багаж (*Geräsk*) этнической принадлежности [11]. Английский язык доминирует в немецких рекламных лозунгах, несмотря на то, что для некоторых реципиентов рекламной продукции он остается непонятным. Со-

гласно опросу кельнской фирмы Endmark, занимающейся маркетинговыми исследованиями, большая часть аудитории, на которую рассчитана та или иная рекламная продукция в возрастном диапазоне от 16 до 50 лет, могут адекватно воспринимать информацию только частично. Так, например, призывный клич парфюмерной фирмы Douglas «Come in and find out!» был воспринят педантичными немцами как «Komm rein und finde wieder raus!» «Зайди и уходи обратно!», а не «Заходите, и Вы найдете все, что нужно!». Рекламный лозунг Powered by emotions, олицетворяющий собой «На крыльях эмоций», получил трактовку, как Kraft durch Freude, что означает «Сила через радость» [8]. Приведенные нами примеры наглядно демонстрируют, что рекламные тексты истолковываться буквально. Цель любого пиар-проекта – ангажировать соответствующую публику специально ориентированной на нее продукцией. В этом отношении особенно продуктивно проявляет себя английский язык среди молодежи. Молодые пользователи мировой сети с легкостью адаптируются к требованиям и предложениям времени. Поэтому для авторов рекламных продуктов английский язык представляется чрезвычайно притягательным и эффективным. Наряду с все более упрочняющими свои позиции Интернетом стоит также упомянуть о возникновении принципиально новой глобализационной системы, трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства – «Трансатлантика» [9]. Его конкретным проявлением служит, прежде всего, возникновение аптечного сетевого бизнеса, например, шведскоамериканской компании Pharmacia & Upjohn, немецкоамериканского концерна DaimlerChrysler AG) – транснациональной корпорации, ведущего мирового производителя легковых автомобилей и внедорожников, а также крупнейшего производителя коммерческих автомобилей, включая автобусы, с штаб-квартирами в Штутгарте (Германия) и в Оберн-Хилсе (США), и совместного немецкоамериканского банковского конгломерата Deutsche Bank / Bankers Trust. Даже недавно открытые предприятия, абсолютные новички «большого бизнеса» ощущают на себе эффект «трансатлантизации» [8]. Фирмы, занимающие в равной степени прочные позиции и в Европе, и в США, обладают явными преимуществами перед теми фирмами, которые развивают свою деятельность только по одну сторону океана. Итак, возникают фирмы без определенной национальной идентичности. Это – новая ситуация, и к ней надо систематически готовить руководящие кадры, студентов и даже школьников, поскольку Трансатлантика будет говорить по-английски и на нем происходит общение в Интернете. Итак, экономическая деятель-

ность международных корпораций, в которые входят и крупные немецкие компании, позволяет говорить об их скоординированных манипулятивных действиях, идущих часто вразрез с национальными культурными ценностями.

Выводы

Таким образом, мы можем прийти к следующему выводу: ситуация, которая складывается сегодня в отношении немецкого языка в Европе, вызывает обоснованные опасения у филологов-германистов. Авторитет англо-американской культуры и англо-американского образа жизни в странах Евросоюза и в Федеративной Республике Германии, как одной из лидирующих стран-участниц, неуклонно возрастает. При имеющихся обстоятельствах Институт немецкого языка находится под угрозой. Сохранение самобытности немецкого языка, его естественное движение и функционирование в ориентированной на будущее проекции не гарантировано. Все это в той или степени относится и к другим европейским языкам.

Политически и экономически детерминированная глобализация Европы в Европейском Союзе, равно как и набирающая обороты интернационализация европейского общества в экономике, политике и научной сфере в комплексе с упразднением разнообразий в будничной среде и в среде повседневного этнокультурного поведения в разных государствах мира могут спровоцировать неблагоприятную обстановку, при которой немецкий язык (и другие национальные языки) будет сводиться к некоторой усредненной международной модификации английского языка. В недалекой перспективе мы сможем наблюдать произвольную редукцию оборота немецкого языка до уровня личных контактов и узких этнических групп. В связи с такой серьезной опасностью имеется насущная потребность в обучении литературному варианту немецкого языка в школах как обязательному предмету во всех классах, а также принятия стратегического решения и внедрения соответствующего комплекса мер по использованию немецкого языка в высших школах и университетах Германии.

Литература

1. Барлыбаев Х.А. Глобализация: вопросы теории и практики // Век глобализации. 2008. Вып. 2. [Электронный ресурс].
2. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. 304 с.
3. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2004. 336 с.
4. Гальченко С.И. Проблема «язык-общество-глобализация» в условиях мультиполярного мира // Актуальные проблемы международных

отношений в условиях формирования мультиполярного мира: сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции (Курск, 14 декабря 2019 год). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 113 – 117.

5. Гальченко С.И. Роль иностранного языка в развитии международных отношений // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 4 (52). С. 119 – 122.

6. Гальченко С.И. Сохранение самобытности родного языка как один из важнейших факторов национальной государственной политики (на примере внутренних и внешних заимствований в современном русском языке) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 4(33). С. 18 – 27.

7. Киселева Т.Г. Глобализация общества и культура мира. М., 2002. 27 с.

8. Кшиштофек К. Глобальная культура, мультикультурализм и глобальное правление // Вестник мирового общественного форума «Диалог цивилизаций». М., 2005. № 1. С. 72 – 86.

9. Култыгин В.П., Клементьев Д.С. Глобализация социальных процессов в Европе. М., 2002. 180 с.

10. Майоров Г. Глобализация: хорошо это или плохо? // Вестник мирового общественного форума «Диалог цивилизаций». М., 2005. С. 131 – 134.

11. Петров Д.Ю. Языки мира – факторы престижа и популярности // Язык как экономический и политический фактор международных отношений: Международный симпозиум (26-27 мая 2014 г.). Сборник докладов. М.: ИЛА РАН, 2014. 280 с.

References

1. Barlybaev H.A. Globalizaciya: voprosy teorii i praktiki. Vek globalizacii. 2008. Vyp. 2. [Elektronnyj resurs].
2. Bek U. CHto takoe globalizaciya? M., 2001. 304 s.
3. Vahtin N.B., Golovko E.V. Sociolingvistika i sociologiya yazyka. SPb., 2004. 336 s.
4. Gal'chenko S.I. Problema «yazyk-obshchestvo-globalizaciya» v usloviyah mul'tipolyarnogo mira. Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij v usloviyah formirovaniya mul'tipolyarnogo mira: sbornik nauchnyh statej 8-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Kursk, 14 dekabrya 2019 god). Kursk: YUgo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 113 – 117.

5. Gal'chenko S.I. Rol' inostrannogo yazyka v razvitii mezhdunarodnyh otnoshenij. Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 4 (52). S. 119 – 122.

6. Gal'chenko S.I. Sohranenie samobytnosti rod-nogo yazyka kak odin iz vazhnejshih faktorov nacion-al'noj gosudarstvennoj politiki (na primere vnutrennih i vneshnih zaimstvovanij v sovremennom ruskom yazyke). Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2019. T. 9. № 4(33). S. 18 – 27.

7. Kiseleva T.G. Globalizaciya obshchestva i kul'tura mira. M., 2002. 27 s.

8. Kshishtofek K. Global'naya kul'tura, mul'tikul'turalizm i global'noe pravlenie. Vestnik mirovogo obshchestvennogo foruma «Dialog civilizacij». M., 2005. № 1. S. 72 – 86.

9. Kulygin V.P., Klement'ev D.S. Globalizaciya social'nyh processov v Evrope. M., 2002. 180 s.

10. Majorov G. Globalizaciya: horosho eto ili ploho? Vestnik mirovogo obshchestvennogo foruma «Dialog civilizacij». M., 2005. S. 131 – 134.

11. Petrov D.YU. YAzyki mira – faktory prestizha i populyarnosti. YAzyk kak ekonomicheskij i politicheskij faktor mezhdunarodnyh otnoshenij: Mezhdunarodnyj simpozium (26-27 maya 2014 g.). Sbornik dokladov. M.: ILA RAN, 2014. 280 s.

PROBLEMS OF THE GERMAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND LANGUAGE MANIPULATION

Galchenko S.I., Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor, South-West State University

Abstract: the article is devoted to an important sociolinguistic phenomenon, the development and interaction of foreign languages, due to world integration and Anglo-American expansion. There is a growing powerful and intense influence of the English language, namely its American version, on European culture in general and its linguistic component in particular. The author explains the current situation by the difficult political and socio-economic manifestations observed recently in the countries of the European continent. According to the author, the reason for this issue is determined by the intensity of the promotion of foreign language vocabulary, in this case Anglicisms, and the speed of their spread and strengthening in related European languages. The author believes that in this context, the topic of possible targeted pressure on the German language is appropriate, which will inevitably lead to a large-scale linguistic attack. The article notes that the process of language manipulation is closely related to the position of the German language at this stage of the development of society and the direction of its most important transformations. In order to concretize the main direction of the evolution of the modern German language, it is advisable to study the main components of this so-called "language manipulation". First of all, this should include the socio-state transformations of the world space, including the integration that has recently covered the whole of Europe and the particularly important role in the development of any language, including German, modern digital media and communication. In this context, the author also emphasizes the importance of the industrial and information-cognitive component of globalization events. The author emphasizes the special role of modern advertising industry capabilities in the process of Anglonization of the German language and Americanization of the entire European culture. This study is about the influence of economic factors, such as the emergence of transnational multilingual business corporations and the formation of a new structure—a super – economic "transatlantic" continent. In this study, the author raises the problem of interference of the German language not only at the vocabulary and idiomatic level, but also at the syntactic and grammatical level, which can threaten the identity of national European languages.

Keywords: German language, the process of globalization, language manipulation, interethnic contacts, international politics, Anglicisms, Americanisms, mass media, acculturation, national language, cooperation, advertising business, public relations

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОНИМОВ\АНТРОПОНИМОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОТАНТРОПОНИМНОЕ САМОИМЕНОВАНИЕ» В ГУМАНИТАРНОЙ ПАРАДИГМЕ ЗНАНИЯ

*Подгорнова А.В.,
Дальневосточный федеральный университет*

Аннотация: при изучении онимов существуют некоторые проблемные вопросы и споры в данной области, т.к. нет единой сформулированной классификации аспектов изучения онимов, поскольку каждый автор выделяет некоторые общие и отличные друг от друга классификации, термины и аспекты изучения данного вопроса. Изучив множество работ по антропонимике, можно сказать, что границы выявленных категорий довольно размыты и мы, в итоге, видим лишь традиционный подход и современный. Остальные подходы или субподходы являются внедренными различными авторами, расшифровка которых часто также варьируется, в зависимости от понимания предмета исследования автором научной работы. Та же самая проблема существует и относительно самого определения понятий оним\антропоним; многие авторы смешивают их в один термин, не вдаваясь в детали расшифровки. Кроме того, современной антропонимике совершенно необходим новый термин, дающий определение самоназванию человека в современной среде (в том числе виртуальной).

Цель исследования – дать определение новому понятию «отантропонимное самоименование» и определить сферу его использования в современной гуманитарной парадигме.

Научная **новизна** заключается в введении нового термина в современную антропонимику, его расшифровка и пути применения.

Полученные в ходе работы **результаты** показали, что современной антропонимике необходим новый термин «отантропонимное самоименование», отражающий современные тенденции самоназвания в обществе, в том числе в виртуальном пространстве.

Ключевые слова и фразы: оним, антропоним, отантропонимное самоименование, антропонимикон, именьник

Поскольку вопрос отличия онимов и антропонимов недостаточно четко определен в современной антропонимике, было решено дать более четкое определение этих понятий и внести новое понятие, **актуальное** для современной гуманитарной парадигмы.

Для решения проблемы различения онимов и антропонимов были поставлены следующие **задачи:**

- 1) проанализировать работы по классической и современной антропонимике;
- 2) выделить четкие определения понятий оним\антропоним;
- 3) ввести новое понятие «отантропонимное самоименование».

Основными **методами** в нашем исследовании являются: метод семантического анализа, а также описательный метод.

Практическая значимость данного исследования заключается в введении нового термина в современную антропонимику.

Проблеме изучения имен собственных, их истории и функционированию посвящены работы, входящие в **теоретическую базу** нашего исследования, а именно: А.В. Суперанской [15], Д.И. Ермоловича [5], Е.С. Кубряковой [9], А.В. Сусловой [16], которые можно считать традиционными. Значительный интерес представляют также работы лингвистов, трудящихся в сфере романских языков, например работы Ю.А. Рылова [14], В.С. Виноградова [2]. Глубокое теоретическое осмыс-

ление местоположения онимов в современной науке можно проследить в диссертационных работах А.А. Живоглядова [6], В.Н. Михайлова [10], Т.В. Аникиной [1]. Отношение к имени собственному в современном аспекте рассматривается у М. В. Голомидовой [3], В.В. Дьяченко [4], Л.И. Зубковой [7], И.В. Крюковой [8], Е.С. Плешкова [11], А.А. Тычинского [17], Якуниной М.Л. [19], Н.В. Фроловой [18], а также терминологический словарь под редакцией Н.В. Подольской [12] и лингвистический словарь под редакцией В.Н. Ярцевой [20].

Основная часть

В настоящее время огромный и не спадающий интерес к проблемам имён собственных проявляется в различных областях лингвистики, как в теоретической и прикладной, так и в практической, где реально проводятся лингвистические эксперименты. Имена собственные входят в класс имён, как составная и существенная их часть и давно и успешно исследуются различными учеными. В связи с этим, специфика имён собственных давно осмыслена, но особенности употребления имен в различных контекстах до сих пор остаются не до конца изученными. В речи онимы выполняют многочисленные функции, основными из которых являются функция выделения\отличия (отличие объекта от однородных ему внутри одного класса) и идентификации (выделение конкретного предмета из множества), помимо этих функций также выделяются и другие:

- номинативная – присваивание имен предметам либо явлениям;
- экспрессивно-чувственная функция – выражение позитивного либо отрицательного отношения к объекту номинации;
- коммуникативная – номинация лица, предмета либо явления во время общения;
- дейктическая – указание на предмет, в момент произнесения его названия [9].

При изучении имён собственных ранее исследователи принимали во внимание в основном лингвистический аспект, т.е. выявляли и описывали словообразовательные модели, изучали производящие основы. Но, все исследователи сходятся на том, что, присутствуя в лексической системе любого языка, имена собственные (онимы) выступают «связующими звеньями языковой картины мира конкретного народа, его пространственными и временными ориентирами, стереотипными и поведенческими характеристиками» [11].

Например, Плешков Е.С. в своей работе [11, с. 914-917] определяет, что наряду с лингвистическим (или традиционным) подходом к изучению проблемы имен собственных, существуют и другие, а именно: современный когнитивный подход, в котором образ человека трактуется как частица языковой картины мира; социолингвистический подход, где имя собственное понимается как социальный знак; психолингвистический подход, когда изучение имён собственных предполагает взаимодействие языка и индивида и выявляет характер восприятия онимов как части языковой картины мира.

Многообразие подходов к изучению имени собственного подчеркивает неоднозначность и важность такого понятия, как «оним», а выбор соответствующего подхода определяется целью, которую ставит сам исследователь [11, с. 914-917].

Наш исследовательский интерес направлен на изучение персонального именованного человеком самого себя в условиях современного общества, в том числе виртуального компонента. Для более детального понимания сути проблемы онимов и антропонимов в современной науке решено было обратиться к первоисточникам, а именно к толкованию терминов антропонимика, антропоним, оним, имя собственное.

Среди учёных, занимающихся проблемой антропонимов, нет единой концепции того, что мы можем назвать «идеальным определением», т.е. нет четкого деления между терминами оним и антропоним.

Материалом исследования послужили работы, в ходе изучения которых было выявлено, что многие авторы в своих научных работах смешивают

понятия «оним» и «антропоним», в связи с этим появляется некоторая сложность в разделении данных понятий.

Например, М.Э. Рут [13, с. 24-26] говорит, что семантика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным членом социума; личное имя, в отличие от антропонима, являющегося принадлежностью языка, существует в социуме, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования онима [13, с. 24-26].

Суперанская А.В. конкретизирует, что только полное имя выполняет официальную функцию, отраженную в документации, которая не имеет в себе оттенка экспрессии. Краткое, домашнее имя употребляется в близком кругу людей и выполняет экспрессивную функцию. Уменьшительно-ласкательные имена распространены в очень близком, семейном кругу и часто несут в себе оценочную информацию о внутрисемейных отношениях. Например, банальное Иван Иванович Иванов как раз и является тем самым полным именем, которое отражается в официальной документации, а производное от него Ваня, Ванюша, Ванька, Ивашка, Ваню, Ванюха являются краткими и экспрессивными, используемыми в домашнем кругу, в редких случаях на работе [15].

Значение имени собственные приобретают только при определенных обстоятельствах. А.В. Суперанская упоминает о том, что онимы могут иметь дополнительные коннотации при условии, что именуемый объект достаточно хорошо известен. Если какая-либо из дополнительных коннотаций перерастает в главную, то у имени собственного появляется значение [15].

Частое обращение лингвистов к проблеме имен собственных, в частности антропонимов, свидетельствует о том, что антропонимы заслуживают особого внимания исследователей.

Интересная и доступная для понимания расшифровка понятий оним/антропоним приводится в исследовании А.А. Тычинского [17, с. 176-180], где автор приводит такую трактовку данных терминов: по его мнению онимы есть имена собственные вообще, а антропонимы – имена личные, неразрывно связаны с историей страны, где они употребляются. Далее он пишет, что антропонимы не имеют самостоятельного значения, и их главное назначение – называть, а не значить. Происходит это, по мнению автора, потому, что для окружающих антропонимы указывают на чёткую традицию именованного, принятую в данном обществе и в данное время, учитывающую существующие религиозные, социальные традиции и культурные корни [17, с. 176-180].

Из этого следует, что Иван – оним, а Иванов Иван Иванович – антропоним, поскольку он озна-

чает именно частное, т.е. лично называет конкретного индивидуума.

Объектом нашего исследовательского внимания является рассмотрение вышеупомянутых понятий, всецело относящихся к нашей теме, а именно:

Имя собственное либо оним – это слово, словосочетание либо предложение, созданное для выделения определенного объекта из ряда тождественных, то есть оно создано с целью персонализировать его [20].

Личное имя или антропоним – единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека [12].

Такие определения общеизвестных понятий предлагают лингво-словари и терминологические словари, но, поскольку данные наименования были даны относительно давно, в словарях отсутствует определение такого понятия как виртуальная самоидентификация. Речь в данном случае идет не только о никнейме, скорее, это некое обобщенное понятие, включающее самоименование в виртуальной среде в условиях современного общества. В качестве примеров можно привести: наименование адреса электронной почты (личного и корпоративного характера), логин в онлайн-среде (компьютерных играх и т.д.), инста-ник (т.е. набирающий обороты никнейм в Инстаграм-среде), а также различные прозвища и никнеймы (их может быть огромное количество у одного человека), которыми современные пользователи социальных сетей именуют себя при знакомстве и т.д.

Наш исследовательский интерес направлен на поиск подходящего термина для определения персонального именования человеком самого себя в условиях современного общества, в том числе его виртуальный компонент.

В связи с этим, решено было позаимствовать термин, упоминаемый в работе Н.В. Фроловой [18] – именование, далее трансформировавшееся в отантропонимное самоименование.

Следовательно, отантропонимное самоименование – есть совокупность имен одного человека, его «самопостановка» в реальной или виртуальной жизни, в процессе общения, его самолицетворение и самоопределение, иногда включающее имя собственное, либо исключаящее его. Если рассматривать данный термин с точки зрения его семантики, то четко видно его отантропонимичность (т.е. он образован от антропонима) и самоименование как логически вытекающее понятие от процесса образования данного терминологического элемента. Бесспорным является и тот момент, что в современном обществе человек сам вправе решать, каким именем он хочет быть назван. Это

относится и к все чаще встречающейся в настоящее время смене имени, фамилии и даже отчества (при желании или в силу ряда причин), и к самоименованию себя в обществе (сокращение имени, никнеймы) и онлайн-среде (инста-ники, адреса электронной почты, ники в онлайн-играх).

Помимо всего прочего, спорной является и трактовка терминов антропонимика, антропонимия, антропонимикон.

Лингвистический словарь под редакцией В.Н. Ярцевой даёт следующее определение понятию антропонимика: «...это есть раздел ономастики, изучающий антропонимы, т.е. имена людей и их отдельные составляющие, а также происхождение, эволюцию, закономерности функционирования и т.д.» [20].

Словарь лингвистических терминов под редакцией Н.В. Подольской описывает понятие антропонимика как раздел ономастиологии, который изучает антропонимы, термин антропонимия как совокупность антропонимов, зафиксированных в котором-либо языке либо в произведении, а понятие антропонимикон есть ни что другое, как синоним слова [12].

Антропонимикон любого языка содержит в себе все существующие либо бывшие в употреблении имена людей; как его противоположность выделяется понятие имённика – другими словами те имена, которые интенсивно использовались в какой-нибудь исторический период, в точности...Антропонимикон любого языка включает в себя все имеющиеся или бывшие в употреблении имена людей; как его противоположность выделяется понятие имённика – то есть те имена, которые активно использовались в какой-либо исторический период, в определенной социальной группе, на какой-нибудь ограниченной территории. Именник, в отличие от антропонимикона, подразумевает учёт настоящей частотности имён [12].

Сложно не согласиться, что наличие, либо отсутствие в именнике определенного народа какого-нибудь набора антропонимов всецело соединено и с финансовым развитием государства, потому любая эра развития населения земли непременно оставляет собственный след в антропонимиконе.

Имена собственные очень разнообразны по своей семантике, структуре, времени существования и функциональной специфике, они представляют интерес и как объект научных исследований в различных областях знаний, и как объект обучения русскому языку иностранных учащихся и, наоборот, как проблема выбора имени для каждого конкретного человека.

Почти все исследователи подчеркивают, что антропонимы не имеют самостоятельного значения, основное их назначение – называть, но не зна-

чить, но все же они являются очень важными. Прежде всего это происходит потому, что для окружающих они явно указывают на четкую традицию именования, принятую в данном обществе и в данное время и имеющую явные религиозные, социальные и культурные корни. Таким образом, имя собственное может характеризовать человека, семью, в которой он живет, в религиозно-культурном и социальном плане.

В условиях современной повседневности мы пользуемся своим формальным именем на работе и неформальным в других сферах нашей деятельности, а именно в популярной сейчас Интернет-среде.

Заключение

Оним является сложным понятием, рассматриваемым с разных сторон различными исследователями, но до сих пор не раскрытым в полной мере. Разнообразные подходы к рассмотрению имен собственных также позволяют сделать вывод о том, что данная тема является актуальной, несмотря на огромное количество работ, посвященной имянаречению и онимизации. В своей работе мы попытались дать более четкие определения для каждого понятия, а также ввести новое понятие **отантропонимное самоименование**.

В заключение также стоит отметить, что далеко неслучайно современный этап антропонимических исследований характеризуется появлением значительного числа работ, ставящих и решающих проблему семантики имен собственных как в рамках сложившихся, так и активно разрабатываемых новых направлений лингвистики: социолингвистического, коммуникативно-прагматического, этнопсихолингвистического, лингвокультурологического, когнитивного. Пояснительный потенциал современной теории языка позволяет заново подойти к осмыслению трудности семантики имен своих и раскрыть многоаспектную суть этого объекта анализа.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**: в данной статье были проанализированы работы по классической и современной антропонимике; были обозначены четкие определения понятий оним\антропоним, в целях предотвращения «путаницы» между ними; нами было предложено ввести новое понятие отантропонимное самоименование, с целью отражения современных потребностей человека найти новый термина для определения себянаречения в различных сферах деятельности, в том числе виртуальной среде.

Дальнейшими **перспективами** можно считать развитие данного исследования и введение новой терминологии, относящейся к виртуальному имянаречению, формул имянаречения в корпоративной онлайн среде и т.д.

Литература

1. Аникина Т.В. Факторы, влияющие на выбор имени в виртуальном пространстве // Система и среда: язык, человек и общество: материалы всероссийской научной конференции. Нижний Тагил: 2007. С. 56 – 61.
2. Виноградов В.С. О некоторых особенностях языковой ситуации и языковой политики в современной Испании // Филологические науки. Тамбов: Грамота, 1986. № 2. С. 41 – 47.
3. Голомидова М.В. Русская антропонимическая система на рубеже // Вопросы ономастики. Екатеринбург: 2005. № 2. С. 11 – 22.
4. Дьяченко В.В. Основные способы образований субстандартных антропонимов в английском и русском языках [Электронный ресурс]: филологические науки // Вестн. РФФИ. 2007. № 48. URL: <http://vestnik.stavsu.ru/48-2007/09.pdf> (дата обращения: 02.11.20)
5. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Валент, 2006. 200 с.
6. Живоглядов А.А. Семантико-стилистический потенциал английской ономастики: дис. ... канд. филол. н.: Москва, 1987. 197 с.
7. Зубкова Л.И. Русское имя половины XX века лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина) [Электронный ресурс]: лингвистика и межкультурная коммуникация // Вестн. РФФИ 2009. № 1. URL: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/filolog/2009/25-05/ZubkovaLI.pdf> (дата обращения: 3.11.20)
8. Крюкова И.В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа // Филологические науки. Известия ВГПУ. Волгоград, 2011. С. 47.
9. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование: монография. 3-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
10. Михайлов В.Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. Луцк, 1965.
11. Плешков Е.С. Современные подходы к изучению имён собственных // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 914 – 917. URL: <https://moluch.ru/archive/108/25922/> (дата обращения: 04.02.2019)
12. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв.ред. А.В. Суперанская; Институт языкознания АН СССР. М.: Наука, 1978. 200 с.
13. Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. М.: 2008. С. 24 – 26.

14. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 311 с.

15. Суперанская А.В. Имя через века и страны. М.: Наука, 1990. 180 с.

16. Сулова А.В. О русских именах. Л.: Лениздат, 1991. 220 с.

17. Тychинский А.А. Анализ современного состояния антропонимикона в Великобритании и США // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 5. С. 176 – 180.

18. Фролова Н.В. Русская антропонимическая система именования [Электронный ресурс]: научная статья URL: <http://kk.convdocs.org/docs/index-66280.html> (дата обращения: 21.03.2020)

19. Якунина М.Л. Особенность интернет-дискурса: никнейм // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. II. 221 с.

20. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой; М.: Советская энциклопедия, 1989. 688 с.

References

1. Anikina T.V. Faktory, vliyayushchie na vybor imeni v virtual'nom prostranstve. Sistema i sreda: yazyk, chelovek i obshchestvo: materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii. Nizhnij Tagil: 2007. S. 56 – 61.

2. Vinogradov B.C. O nekotoryh osobennostyah yazykovoj situacii i yazykovoj politiki v sovremennoj Ispanii. Filologicheskie nauki. Tambov: Gramota, 1986. № 2. S. 41 – 47.

3. Golomidova M.V. Russkaya antroponimicheskaya sistema na rubezhe. Voprosy onomastiki. Ekaterinburg: 2005. № 2. S. 11 – 22.

4. D'yachenko V.V. Osnovnye sposoby obrazovaniy substandartnyh antroponimov v anglijskom i russkom yazykah [Elektronnyj resurs]: filologicheskie nauki. Vestn. RFFI. 2007. № 48. URL: <http://vestnik.stavsu.ru/48-2007/09.pdf> (data obrashcheniya: 02.11.20)

5. Ermolovich D.I. Imena sobstvennye na styke yazykov i kul'tur. M.: Valent, 2006. 200 s.

6. Zhivoglyadov A.A. Semantiko-stilisticheskij potencial anglijskoj onomastiki: dis. ... kand. filol. n.: Moskva, 1987. 197 s.

7. Zubkova L.I. Russkoe imya poloviny HKH veka lingvokul'turologicheskom aspekte (po proizvedeniyam F. Abramova, V. Astaf'eva, V. Rasputina, V. SHukshina) [Elektronnyj resurs]: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Vestn. RFFI 2009. № 1. URL: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/filolog/2009/25-05/ZubkovaLI.pdf> (data obrashcheniya: 3.11.20)

8. Kryukova I.V. Pragmatika onima: napravleniya issledovaniy i metodika analiza. Filologicheskie nauki. Izvestiya VGPU. Volgograd, 2011. S. 47.

9. Kubryakova E.S. Teoriya nominacii i slovoobrazovanie: monografiya. 3-e izd. M.: LIBROKOM, 2009.

10. Mihajlov V.N. Sobstvennye imena kak stilisticheskaya kategoriya v russkoj literature. Luck, 1965.

11. Pleshkov E.S. Sovremennye podhody k izucheniyu imyon sobstvennyh. Molodoj uchenyj. 2016. № 4. S. 914 – 917. URL: <https://moluch.ru/archive/108/25922/> (data obrashcheniya: 04.02.2019)

12. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii. otv.red. A.V. Superanskaya; Institut yazykoznanija AN SSSR. M.: Nauka, 1978. 200 s.

13. Rut M.E. Obraznaya nominaciya v russkoj onomastike. M.: 2008. S. 24 – 26.

14. Rylov YU.A. Imena sobstvennye v evropejskih yazykah. Romanskaya i russkaya antroponimika. M.: AST: Vostok-Zapad, 2006. 311 s.

15. Superanskaya A.V. Imya cherez veka i strany. M.: Nauka, 1990. 180 s.

16. Suslova A.V. O russkih imenah. L.: Lenizdat, 1991. 220 s.

17. Tychinskij A.A. Analiz sovremennogo sostoyaniya antroponimikona v Velikobritanii i SSHA. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. № 5. S. 176 – 180.

18. Frolova N.V. Russkaya antroponimicheskaya sistema imenovaniya [Elektronnyj resurs]: nauchnaya stat'ya URL: <http://kk.convdocs.org/docs/index-66280.html> (data obrashcheniya: 21.03.2020)

19. YAkunina M.L. Osobennost' internet-diskursa: niknejm. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 3 (21). CH. II. 221 с.

20. YArceva V.N. Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'. pod red. V.N. YArcevoj; M.: Sovetskaya enciklopediya, 1989. 688 s.

**APPROACHES TO THE STUDY OF ONYMS\ANTHROPONYMS AND THE
DEFINITION OF THE CONCEPT OF “ANTHROPONYMOUS
SELF-NAMING” IN THE HUMANITARIAN PARADIGM
OF KNOWLEDGE**

*Podgornova A. V.,
Far Eastern Federal University*

Abstract: when studying onyms, there are some problematic issues and disputes in this area, because there is no single formulated classification of aspects of the study of onyms, as each author identifies some common and different classifications, terms and aspects of the study of this issue. Having studied a lot of works on anthroponymy, we can say that the boundaries of the identified categories are quite blurred and, as a result, we see only a traditional approach and a modern one. The remaining approaches or sub-approaches are implemented by various authors, the interpretation of which often also varies, depending on the understanding of the subject of research by the author of the scientific work. The same problem exists with regard to the very definition of the concepts of onym \ anthroponym; many authors mix them into one term, without going into the details of decoding. In addition, modern anthroponymy absolutely needs a new term that defines the self-designation of a person in a modern environment (including virtual).

The **purpose** of the study is to define the new concept of “anthroponymous self-naming” and to determine the scope of its use in the modern humanitarian paradigm.

The scientific **novelty** lies in the introduction of a new term into modern anthroponymy, its interpretation and ways of application.

The **results** obtained in the course of the work showed that modern anthroponymy needs a new term “anthroponymic self-naming”, reflecting the current trends of self-naming in society, including in the virtual space.

Keywords: onym, anthroponym, anthroponymous self-naming, anthroponymicon, namesake

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА СРЕДСТВАМИ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»

*Моторина А.Е., генеральный директор, аспирант,
ООО «Центр развития Анастасии Моториной»,
Мичуринский государственный аграрный университет*

Аннотация: интенсификация социокультурных связей в результате расширения интеграционных процессов характеризует современное состояние общества. Эти явления охватывают все области жизнедеятельности – от культуры и экономики до политики и бытовой сферы. Как свидетельствуют исследования различных ученых, эффективность взаимодействия между представителями различных культур во многом обусловлена уровнем развития речевой и языковой компетенции, знаниями о других культурах, а также опытом практической коммуникации межкультурного характера. В настоящей статье автором предпринята попытка научного анализа и критического осмысления проблемы формирования социокультурной компетенции студентов языкового ВУЗа, средствами дисциплины «иностранному языку». Так же необходимо отметить, что развитие любой культуры осуществляется во взаимодействии с другими культурами. Это взаимодействие может принимать разные формы. Так, например, культура с более слабым потенциалом может быть поглощена более сильной или агрессивной культурой, может стать «жертвой» глобализационных процессов, в результате которых формируется некая усредненная культура, в основе которой лежат ценности общества потребления и т.д. Межкультурное общение лежит в основе успешных межнациональных отношений, предполагающих толерантное, уважительное отношение к представителям других народов, культур, понимание уникальности и ценности культурного разнообразия. Изолированное существование культуры невозможно: именно во взаимодействии с другой культурой, культура глубже осознает себя, постигает свою глубину, раскрывает свои смыслы после взаимодействия с другими культурами. Такие процессы во взаимодействии культур отнюдь не приводят к их слиянию, а взаимно обогащают их, сохраняя при этом их целостность и самобытность.

Ключевые слова: диалог культур, социокультурная компетенция, языковой ВУЗ, обучение студентов, дисциплина «иностранному языку», развитие языковой компетенции

Понятие «социокультурная компетенция» является предметом междисциплинарного исследования.

В психолого-педагогической науке до сих пор отсутствует единый подход к определению данного явления, что обусловлено, по нашему мнению универсальностью, многогранностью, многозначностью понятия «социокультурная компетенция» [8, с. 29].

Понятие «социокультурная компетенция» разработано специалистами в сфере межкультурного общения. В современной литературе межкультурный диалог понимается как коммуникация между представителями различных культур.

Свое теоретическое обоснование «социокультурная компетенция» получила в связи с расширением культурного, политического и экономического влияния в мире. Появилась необходимость выяснить, каковы причины, вызывающие межнациональные конфликты, как решать проблемы, которые неизбежно возникают при контактах с представителями других культур? В процессе поиска ответов на эти вопросы, неизбежно возникло понимание необходимости изучения не только других языков, но также культурных особенностей народов, их норм поведения и национальных традиций [2, с. 32].

Уже в 60-х годах прошлого столетия в американских университетах стали изучать «социокуль-

турную компетенцию», спустя двадцать лет этот предмет стали преподавать в Европе. В российском образовательном пространстве «социокультурная компетенция» изучается с конца XX века – в российских высших учебных заведениях. Цель заключается в подготовке обучающихся профессии «иностранному языку» к продуктивному межкультурному общению в условиях повседневных контактов с представителями иных культур. Как отечественные, так и зарубежные исследователи едины во мнении, что студенты, обучающиеся иностранному языку как средству межнационального общения, должны обязательно изучать особенности соответствующей культуры, ее традиции и обычаи.

Развитием тезиса, приведенного выше, стало понимание необходимости формулировки и теоретического обоснования такого понятия, как социокультурная компетенция. Необходимо при этом отметить, что основным источником определений этого понятия являются преимущественно культурологические и психологические исследования. Приведем несколько вариантов определения социокультурной компетенции [4, с. 52]:

- комплекс, состоящий из личностных качеств, ценностных ориентиров, позволяющих в своей совокупности приводить к результатам поведенческого, волевого, когнитивного и ценностного характера;

- умение оценивать конкретную ситуацию и ориентироваться в ней, взаимодействовать с представителями иной культуры с учетом традиций и системы ценностей этой культуры, основываясь на собственном опыте и навыках такой социокультурной коммуникации, выработанных в ходе межкультурного общения;

- готовность учащегося на психологическом уровне к общению с представителем иной культуры, наличие необходимых речевых, языковых навыков, а также знаний о культуре и традициях страны, язык которой изучается студентом;

- знакомство с ценностными установками, обычаями и нравами конкретного общества, поведенческими нормами, невербальными элементами общения, национальными традициями;

- совокупность умений и навыков социального характера, позволяющих индивиду осуществлять эффективную коммуникацию с представителями иных культур не только в повседневной жизни, но и на профессиональном уровне.

Представляется очевидным, что приведенные выше формулировки не учитывают особенности иноязычного общения. Между тем, в специальной литературе мы можем встретить трактовку этого понятия, согласно которой социокультурная компетенция есть способность общаться на иностранном языке, учитывая стереотипы мышления и культурные особенности собеседника. В контексте нашего исследования эта формулировка наиболее уместна.

Социокультурная компетенция характеризуется следующими особенностями:

- поведенческо-коммуникативный (способность к конкретным действиям в условиях конкретной ситуации межкультурного характера);

- эмоциональный (способность принять точку зрения собеседника в рамках межкультурного диалога, предупредить возможность возникновения конфликтных ситуаций на почве недопонимания культурных особенностей и норм поведения представителя другой культуры);

- когнитивный (способность выявлять различия и общие черты различных культур, понимание иных взглядов, традиций и ценностных ориентиров).

Рассмотрим содержательный аспект рассматриваемой нами «социокультурной компетенции»:

- когнитивный аспект (осознание понятия культуры, общие культурные знания, культурно-специфические знания, взаимодействие указанных видов знания);

- поведенческий (способность к коллективной работе, поиску необходимой информации, умение слушать собеседника и сочувствовать ему);

- эмоциональный (стремление к познанию, открытость пред новой информацией, пред другими людьми с их культурными особенностями, гибкость при познавательной деятельности);

- когнитивный (понимание того, что такое культура, осознание межкультурных различий, важности культурного разнообразия и культурной уникальности каждого народа и т.д.).

Названные выше аспекты с методической точки зрения имеют важное значение, включая этапы, через которые формируется социокультурная компетенция – от знания к действию через понимание. Отсутствие знаний не позволяет человеку проявлять эмоции и эффективно общаться, а общение без эмоций не может осуществиться [11, с. 10].

Чтобы развить социокультурную компетенцию следует быть знакомыми с ее ключевыми составляющими и в целом структурой. Приведем примеры, взятые из анализа обучения русскому языку английскими студентами в Английском государственном университете. Анализируя следующие работы по рассматриваемой тематике, следует в первую очередь отметить, что для английского студента, стремящегося общаться с собеседником, говорящим на русском языке, важно осознавать отличия между английской и русской культурами.

Чтобы успешно осуществить такое сравнение, необходимо знать российскую культуру и такие же реалии культуры англичан. Следует отметить самые распространенные случаи [6, с. 28]:

А). Учащийся знаком с особенностями русской культуры из произведений русской классики, однако при этом мало знает о соответствующих аналогах из культуры англичан, что может быть вызвано недостаточным уровнем образования в сфере родной культуры, что характерно как для Монголии, так и для образовательных систем других стран, включая Россию.

Б). Учащийся хорошо знаком с реалиями культуры англичан, но очень плохо ориентируется в особенностях русской культуры, что является вполне распространенным явлением, поскольку на уроках по изучению русского языка сложно, наряду с основными языковыми навыками, передать студентам глубокие знания о русской культуре.

В этой ситуации очень важно, чтобы студенты умели самостоятельно искать необходимую информацию об особенностях обеих культур. Любопытно, что во многих работах по данной тематике это умение не учитывается в качестве необходимого элемента социокультурной компетенции. Авторы таких работ вообще не упоминают об этом важном качестве, считая, видимо, его излишним при занятиях по изучению иностранным языком, и приписывая его к категории умений, общекуль-

турной направленности. Мы же твердо убеждены, что данное качество должно быть включено в социокультурную компетенцию как ее структурную составляющую.

Для современного образования, базирующегося на принципах лично ориентированного подхода, способность студентов к самостоятельному поиску необходимой информации играет большую роль.

Помимо вышесказанного, проводя практические занятия по иностранному языку, посвященные развитию навыков чтения, мы выявили, что в межкультурном диалоге можно использовать далеко не все особенности той и другой культуры, знания о которой были почерпнуты из учебных текстов. Необходимо специально подбирать тексты для обучения таким образом, чтобы они максимально способствовали повышению уровня социокультурной коммуникации обучающихся. Здесь чтение является инструментом совершенствования навыков говорения.

Несмотря на наличие во многих текстах примеров о сравнении культур, результаты такого сравнения далеко не всегда могут быть использованы в устном общении между представителями разных культур. Это является особенно важным, если студент обучается языку не в языковой среде. Примером может быть учеба в вузе на родине, где нет возможности напрямую использовать итоги такого сравнения при устном общении между представителями разных культур [1, с. 78].

В состав социокультурной компетенции должны быть включены следующие умения, которые должны формироваться в рамках обучения английскому языку для русскоговорящих студентов:

1) Способность к самостоятельному поиску информации об особенностях зарубежной англоязычной культуры.

2) Способность к интерпретации и восприятию особенностей культуры английского народа в ходе обучения английскому.

3) Способность к интерпретации сравнения культур с позиции представителей английской и русской культуры.

4) Способность к сравнению специфики английской и русской культур, которая предполагает знание этих особенностей, специфики менталитета носителей этих культур, поведенческих норм, ценностных установок. Итогом такого сравнения должно стать понимание общих черт и различий между английской и русской культурами, их объяснение.

В процессе изучения иностранного языка перечисленные выше аспекты социокультурной компетенции формируются на основе коммуникативных иноязычных навыков.

Таким образом, в современной методологии педагогической науки, нельзя представить себе без понятия социокультурная компетенция и социокультурная коммуникация. Они являются основополагающими при изучении общения и социокультурного взаимодействия. Человек, обучающийся иностранному языку неизбежно обязан формировать у себя такое качество, как социокультурная компетенция понимаемая как умение общаться на соответствующем языке, принимая во внимание общие черты и различия между культурными особенностями своего народа и народа-носителя изучаемого языка. Необходимо при этом принимать во внимание три стадии, через которые формируется социокультурная компетенция, три ее аспекта, а также совокупность умений межкультурного характера, которые должны быть сформированы в ходе учебы [9, с. 78].

Таблица 1

Структурная модель социокультурной компетенции (предложена автором)

Составляющие межкультурной компетенции	Параметры социокультурной компетенции
Объем знаний и способность к их критической оценке	Критическая оценка знаний о мире
	Способность к самопознанию и критический подход к его уровню
	Владение языковыми стилями в ходе социокультурной коммуникации
Навыки практического общения с представителями иной культуры	Открытость к общению, языковые навыки общения на иностранном языке
	Способность к адаптации
	Готовность к сопереживанию
	Умение критически мыслить и анализировать
	Наблюдательность, внимание к деталям поведения, речи собеседника

Продолжение таблицы 1

Установки поведенческого характера	Чувство своей значимости
	Проявление открытости по отношению к представителям иной культуры
	Толерантное отношение к чужим обычаям, культурным особенностям и религиозным взглядам
Ценностные установки	Понимание важности культурной уникальности и разнообразия
	Уважение прав человека и его достоинства

Модель структуры социокультурной компетенции можно смело назвать универсальной, поскольку она дает наиболее полное представление о ее составе. При этом ее универсальный характер позволяет осуществить адаптацию опыта ученого к более детальным аспектам образовательного процесса.

Как свидетельствует анализ литературы по рассматриваемой нами тематике, социокультурная компетенция включает в себя умение на практике применять полученные в вузе навыки и знания с целью осуществления эффективной деятельности профессионального характера с тем, чтобы достичь хорошего уровня взаимодействия как с учащимися, представляющими иную культуру, так и с коллегами, основываясь на принципах взаимопонимания и уважения. При этом иностранный язык выполняет роль важнейшего инструмента, обеспечивающего такое взаимодействие [3, с. 30].

Рассмотрим характеристики социокультурной компетенции учащихся высшего педагогического учебного заведения:

- 1) коммуникативная (совокупность практических навыков, позволяющих педагогу осуществлять межкультурное общение на должном уровне);
- 2) когнитивная (совокупность знаний об особенностях других культур, их традициях, ценностных ориентирах, поведенческих паттернах);
- 3) аффективная (принципы поведения, направленные на будущую работу педагога);
- 4) аксиологическая (ценностные установки будущего педагога профессионального и общекультурного характера).

Когнитивная составляющая выполняет важную функцию в ходе овладения студентами педагогических высших учебных заведений межкультурной компетенцией. Именно его развитие предполагает освоение учащимися теоретических основ и практических навыков, необходимых для будущей практической деятельности. Способность к анализу и критическому подходу, умение приходить к самостоятельным выводам в ходе решения конкретных проблем, возникающих при межкультурном диалоге, напрямую обусловлены когнитивными способностями будущего педагога и уровнем его знаний [10, с. 88].

Представляется закономерным, что коммуникативная составляющая может быть освоена только теми студентами, которые пришли к пониманию ценности успешного овладения знаниями как общеобразовательного, так и специального характера.

При обучении иностранному языку, а так же развития социокультурной компетенции обучающихся, важным элементом является ситуация социокультурного взаимодействия.

В обучении устному переводу также необходимо провести обучающихся через проживание профессиональных ситуаций социокультурного взаимодействия, причем не только типичных (ожидаемых), но и нетипичных (неожиданных). Для формирования базовой социокультурной компетенции необходим набор конкретных ситуаций.

В лингвистике, а точнее, в социолингвистике принято говорить о коммуникативной ситуации. Под коммуникативной ситуацией понимается ситуация речевого общения двух и более людей. Коммуникативная ситуация имеет определенную структуру. Она состоит из следующих компонентов (внешних и внутренних):

Внешние:

- 1) говорящий (адресант);
- 2) слушающий (адресат);
- 3) средство общения (язык или его подсистема – диалект, стиль, а также паралингвистические средства – жесты, мимика);
- 4) место общения;

Внутренние:

- 1) отношения между говорящим и слушающим;
- 2) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская и т.д.);
- 3) цель (мотивация);
- 4) способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный).

Все указанные компоненты представляют собой переменные, и изменение значения любой из них ведет к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, к изменению средств и коммуникативного поведения участников этой ситуации.

В реальном общении ситуативные переменные взаимодействуют друг с другом и каждая из них приобретает определенные значения вкупе с дру-

гими: например, если меняется место общения, то это часто означает одновременно и изменение его цели, а также отношений между коммуникантами и тональности общения; контактность взаимодействия говорящего и слушающего обычно связана с использованием устно-разговорных форм речи, а дистантность – с использованием письменной речи, и т.д. [5, с. 19].

Условия обучения иноязычному общению должны обеспечивать способность к переносу, т.е. качество ситуативности речи должно быть высоким. Это значит, что ситуация, в которой осуществляется коммуникация, должна быть функциональной, ее условия должны соотноситься с условиями реальной действительности и используемый контекст должен быть единообразным с точки зрения логики и смысла.

Ситуация, таким образом, является одним из способов формирования речевых навыков, способных к переносу, – это ее первая функция.

Вторая функция ситуации в методике преподавания иностранных языков заключается в том, что ситуация выступает способом мотивации речевой деятельности. Обучение обязательно должно быть мотивировано, иначе оно лишается психологического содержания. В условиях реальной речевой деятельности потребность в коммуникации возникает для удовлетворения иных наших потребностей в определенных ситуациях. Однако в процессе обучения эту мотивацию необходимо создавать искусственно, вызывать. Это возможно, если в ситуацию постоянно вводятся новые факторы и при этом учитываются интересы, желания, стремления, цели, убеждения, склонности обучающихся, а сама ситуация связана с их общей деятельностью.

Третья функция ситуации заключается в том, что ситуация служит условием развития речевого общения.

Четвертая функция ситуации состоит в том, что последняя становится способом преподнесения материала. Она проявляется в тех случаях, когда, семантизируя слова, человек включает их в полноценные высказывания, характер которых можно назвать ситуативным.

Пятая функция: ситуация может быть эффективной основой организации речевого материала. Весь процесс общения фактически представляет собой непрерывный, динамичный ряд ситуаций, которые следуют друг за другом. Материал должен быть подобран в соответствии со структурной и содержательной сторонами ситуации коммуникации. Ситуация становится для коммуниканта той средой, в которой ему необходимо совершать речевые действия для решения определенных задач и достижения цели, и отношение человека к

создавшейся ситуации – это его речевая функция [7, с. 47].

Таким образом, в рамках настоящего исследования можно определить ситуацию социокультурного взаимодействия при обучении иностранному языку как комплексный набор ожидаемых и неожиданных, лингвистических и экстралингвистических макро-, мини- и микропараметров (место, время, коммуниканты, степень официальности, предметная область, цель, технические средства), на основе которых осуществляется процесс устной социокультурной коммуникации.

Литература

1. Шилаева Н.К., Шимичев А.С., Совершенствование лингвострановедческого компонента социокультурной компетенции на основе аутентичных текстов // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-2. С. 72.
2. Смольянинов М.В., Попова С.В., Модель формирования социокультурной компетенции обучающихся направления подготовки «педагогическое образование» в процессе обучения лингвострановедческому чтению на английском языке // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2021. № 2 (111). С. 32.
3. Асмоловская М.В., Валеев А.А., Методологические аспекты использования интерактивных технологий при обучении иностранному языку студентов вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. № 2. С. 30.
4. Архипова И.В., Кудрявцева В.В., Социокультурное иноязычное образование на современном этапе // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020. № 1. С. 52.
5. Филиппова А.А., Огарышева М.Д., Формирование социокультурной компетенции на основе проектов «слово года» // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020. № 3. С. 19.
6. Тележко И.В., Яхно М.Д., Чернова О.Е., Литвинов А.В. Творческо-исследовательский метод при формировании социокультурной компетенции иностранных студентов // Современное педагогическое образование. 2021. № 5. С. 28.
7. Коннова З.И., Семенова Г.В., Формирование социокультурной компетенции студентов на занятиях по иностранному языку // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 47.
8. Сафина Д.Р., Устойчивые сравнения как один из способов формирования социокультурной компетенции при обучении иностранным языкам в вузе // Проблемы Науки. 2016. № 7 (49). С. 29.
9. Грамма Д.В., Филистова Н.Ю. Формирование социокультурной компетенции студентов ВУЗа при обучении иностранному языку // Современное педагогическое образование. 2019. № 2. С. 78.

10. Роговская Н.И., Социокультурная компетенция как эффективное средство формирования познавательного интереса к иностранному языку у студентов ВУЗа // Известия ВГПУ. 2021. № 3 (156). С. 88.

11. Насырова А.Р. Формирование социокультурной компетенции с использованием средств наглядности // Символ науки. 2021. № 5. С. 10.

References

1. SHilaeva N.K., SHimichev A.S., Sovershenstvovanie lingvostranovedcheskogo komponenta sociokul'turnoj kompetencii na osnove autentichnykh tekstov. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2021. № 70-2. S. 72.

2. Smol'yaninov M.V., Popova S.V., Model' formirovaniya sociokul'turnoj kompetencii obuchayushchihnya napravleniya podgotovki «pedagogicheskoe obrazovanie» v processe obucheniya lingvostranovedcheskomu chteniyu na anglijskom yazyke. Vestnik CHGPU im. I.YA. YAKovleva. 2021. № 2 (111). S. 32.

3. Asmolovskaya M.V., Valeev A.A., Metodologicheskie aspekty ispol'zovaniya interaktivnykh tekhnologij pri obuchenii inostrannomu yazyku studentov vuza. Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. 2020. № 2. S. 30.

4. Arhipova I.V., Kudryavceva V.V., Sociokul'turnoe inoyazychnoe obrazovanie na sovremennom etape. Gumanitarnye issledovaniya.

Pedagogika i psihologiya. 2020. № 1. S. 52.

5. Filippova A.A., Ogarysheva M.D., Formirovanie sociokul'turnoj kompetencii na osnove proektov «slovo goda». Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki. 2020. № 3. S. 19.

6. Telezhko I.V., YAhno M.D., Chernova O.E., Litvinov A.V. Tvorchesko-issledovatel'skij metod pri formirovanii sociokul'turnoj kompetencii inostrannykh studentov. Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2021. № 5. S. 28.

7. Konnova Z.I., Semenova G.V., Formirovanie sociokul'turnoj kompetencii studentov na zanyatiyah po inostrannomu yazyku. Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. 2018. № 4. S. 47.

8. Safina D.R., Ustojchivye sravneniya kak odin iz sposobov formirovaniya sociokul'turnoj kompetencii pri obuchenii inostrannym yazykam v vuze. Problemy Nauki. 2016. № 7 (49). S. 29.

9. Gramma D.V., Filistova N.YU. Formirovanie sociokul'turnoj kompetencii studentov VUZa pri obuchenii inostrannomu yazyku. Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2019. № 2. S. 78.

10. Rogovskaya N.I., Sociokul'turnaya kompetenciya kak effektivnoe sredstvo formirovaniya poznatel'nogo interesa k inostrannomu yazyku u studentov VUZa. Izvestiya VGPU. 2021. № 3 (156). S. 88.

11. Nasyrova A.R. Formirovanie sociokul'turnoj kompetencii s ispol'zovaniem sredstv naglyadnosti. Simvol nauki. 2021. № 5. S. 10.

FORMATION OF SOCIOCULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS OF A LANGUAGE UNIVERSITY BY MEANS OF THE DISCIPLINE "FOREIGN LANGUAGE"

*Motorina A.E., General Director, Postgraduate,
Anastasia Motorina Development Center LLC,
Michurinsk State Agrarian University*

Abstract: the intensification of socio-cultural ties as a result of the expansion of integration processes characterizes the current state of society. These phenomena cover all areas of life – from culture and economics to politics and everyday life. As evidenced by studies by various scientists, the effectiveness of interaction between representatives of different cultures is largely due to the level of development of speech and language competence, knowledge of other cultures, as well as the experience of practical communication of an intercultural nature. In this article, the author has made an attempt at scientific analysis and critical understanding of the problem of the formation of socio-cultural competence of students of a language university, by means of the "foreign language" discipline. It should also be noted that the development of any culture is carried out in interaction with other cultures. This interaction can take many forms. So, for example, a culture with weaker potentials can be absorbed by a stronger or more aggressive culture, it can become a "victim" of globalization processes, as a result of which a kind of averaged culture is formed, which is based on the values of a consumer society, and so on. Intercultural communication forms the basis of successful interethnic relations, which presuppose a tolerant, respectful attitude towards representatives of other peoples, cultures, an understanding of the uniqueness and value of cultural diversity. The isolated existence of culture is impossible: it is in interaction with another culture that culture realizes itself deeper, comprehends its depth, reveals its meanings after interacting with other cultures. Such processes in the interaction of cultures by no means lead to their fusion, but mutually enrich them, while preserving their integrity and originality.

Keywords: dialogue of cultures, socio-cultural competence, language university, teaching students, discipline "foreign language", development of language competence